

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ

ВЫПУСК 3

**Новосибирск
2000**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ ТЫВА
ТЫВИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 3

Ответственный редактор
доктор философских наук
Ю.В.Попков

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
2000

*Работа выполнена в рамках проектов Российского гуманитарного научного фонда
№ 98-03-14021; 00-03-00290, издается по решению ученого совета
Института философии и права СО РАН при финансовой поддержке
Правительства Республики Тыва*

Редакционная коллегия

канд. филос. наук *А.М.Аблажей, В.С.Золототрубов*, канд. филос. наук
В.Г.Костюк, д-р филос. наук *Ю.В.Попков* (отв. редактор), *Д.В.Ушаков*

Рецензенты

доктор философских наук *Т.О.Бажутина*
кандидат философских наук *С.Н.Еремин*

Э 91

Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / Под ред.
Ю.В.Попкова. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2000. – Вып. 3. – 267 с.
ISBN 5-7692-0238-6

В сборнике представлены материалы ежегодного международного семинара “Этносоциальные процессы в Сибири”, организуемого Институтом философии и права СО РАН. В пяти разделах книги рассматриваются три основные группы проблем: вопросы теории, методологии, методики и организации этносоциальных исследований; проблемы экологии, социального, экономического, демографического и духовного развития народов Сибири; вопросы политико-правового регулирования этносоциальных процессов.

Сборник адресован специалистам в области этносоциологии, социальной философии, этнологии, этнографии, демографии, истории, работникам управления.

Ethno-social processes in Siberia: Subject anthology / Edited by Yu. V. Popkov. - Novosibirsk: SD RAS Press, 2000. - Issue 3. - 267 p.

In the anthology there are represented the materials of the annual international seminar “Ethno-social processes in Siberia” The seminar is organised by the Institute of Philosophy and Law SD RAS. Three main problematic groups are considered in five parts of the book: theory, methodology, techniques and organisation of ethno-social investigations; problems of ecology, socio-economical, demographical and spiritual development of peoples in Siberia; political and legal regulations of ethno-social processes.

The anthology is addressed to ethnosociologists, social philosophers, ethnologists, ethnographers, demographers, historians, supervisors of administrative departments.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В третьем выпуске тематического сборника “Этносоциальные процессы в Сибири” представлены материалы очередной, четвертой по счету, сессии ежегодного регионального семинара с одноименным названием. Семинар проводится с 1995 г. Институтом философии и права Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН. В 1998 г. он был организован совместно с Тувинским государственным университетом и проходил в сентябре в г. Кызыле при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 98-03-14021).

Одна из задач ежегодного семинара состоит в том, чтобы привлечь к обсуждению актуальных проблем современного развития народов Сибири не только ученых, но и практиков управления, а также лидеров национальных общественных объединений. Именно поэтому семинар проводится в национально-территориальных образованиях Сибири.

Выбор Республики Тыва для проведения семинара обусловлен также тем, что этносоциальные процессы здесь имеют ряд особенностей, связанных, в частности, с преобладанием в общей структуре населения представителей титульного для республики этноса, с доминированием сельских жителей, что определяет высокую степень сохранения и устойчивости традиционной культуры. В то же время Тува принадлежит к числу самых неблагополучных в России районов по показателям уровня жизни населения. Таким образом, проблемы социального развития здесь стоят очень остро и требуют квалифицированного осмысления и безотлагательного решения.

Настоящий выпуск сборника по сравнению с двумя предшествующими более представительен как по количеству авторов, так и по широте обсуждаемых проблем. В нем больше статей по вопросам экологии и формирования экологической культуры населения, по проблемам здоровья и выживания этносов в современных условиях, по семейнобрачным отношениям, по проблемам этнического природопользования. Специально выделен раздел “Демографические и экологические процессы”. Расширено число работ по актуальным теоретическим проблемам – диалектике этносоциального развития, национальному вопросу, взаимообусловленности процессов интернационализации и национального развития, этническому сознанию, национальной самоидентификации, конституционализма, регионализму, межцивилизационным и межкультурным взаимодействиям и др. Важно обратить внимание на проблемы права, политики и управления этносоциальными процессами, которые также нашли достаточно широкое отражение в настоящем выпуске.

Как отрадный факт следует отметить увеличение числа работ, основанных на обобщении данных конкретных социологических исследований. Они дают возможность выявить не только определенные тенденции в развитии объективных процессов, но и доминирующие среди населения представления по существу наиболее актуальных проблем. Тем самым повышается уровень обоснованности результатов научных разработок, что позволяет надеяться на расширение сферы их применения в практике социального управления. Ведь управленческие решения лишь тогда могут быть в достаточной мере эффективными, когда они учитывают интересы, потребности, конкретные желания и устремления широких масс населения.

Важным представляется увеличение количества заявок на семинар из национальных автономий Сибири. Кроме работ исследователей из Тувы в сборнике широко представлены работы ученых из Республики Бурятия, Ханты-Мансийского автономного округа, Республики Хакасия.

Хотелось бы поблагодарить президента Республики Тыва Ш.Д.Ооржака за поддержку семинара, личное участие в его работе, а также финансирование издания настоящего выпуска тематического сборника.

Особой признательности заслуживают проректор Тувинского государственного университета профессор З.Ю.Доржу и ее помощники, взявшие на себя хлопотную работу по организации семинара, проявившие искреннее гостеприимство и сделавшие пребывание всех гостей в Республике Тыва полезным и приятным.

Организаторы семинара будут рады получить заявки на участие в последующих его сессиях от всех заинтересовавшихся его работой и публикацией материалов по этносоциальной проблематике. Наш адрес: 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17, Институт философии и права. Попкову Юрию Владимировичу; тел. (383-2)-30-27-86; e-mail: popkov@philosophy.nsc.ru; факс (383-2)-30-11-91.

Ю.В.Попков,
руководитель семинара
“Этносоциальные процессы в Сибири”

Уважаемые участники семинара! Я рад приветствовать вас на древней и гостеприимной тувинской земле. Уверен, что эта встреча даст мощный толчок развитию тувинской нации и других тувинских народов. Думаю, что более чем в 100 заявленных докладах будут представлены все стороны жизни нашего небольшого по численности, но духовно богатого тувинского народа и других народов Сибири. Правительство и парламент Республики Тыва поддержат вас в вашей полезной работе и постараются помочь в издании трудов семинара. Эта книга, в которой будут очерчены главные направления научного решения сегодняшних этносоциальных проблем, станет одновременно и учебником для нашей молодежи. На семинаре речь пойдет, безусловно, о человеке. О нас, о нашей истории, о нашем сегодняшнем пути, о сознании, о духовном развитии. Об ориентирах на XXI век, о том, как мы будем дальше развиваться.

Ученые, видимо, не случайно выбрали в этот раз местом проведения ежегодного семинара Республику Тыва: нынешнее десятилетие ООН объявила десятилетием коренных малочисленных народов, к которым принадлежат и тувинцы. Тува представляет определенный интерес для российской и мировой науки потому, что это многоцветье культур, многоцветье истории, многоликость природы. Тува – это Европа и Азия, это Север и Юг. Это переплетение времен, встреча цивилизаций. Это стык нашей центрально-азиатской культуры с великой русской культурой, с древними монгольской и китайской культурами. Поэтому история Тувы очень богата. Мы не можем отрывать современную историю Тувы от истории Тюркского каганата, Уйгурского каганата, Кыргызского каганата. Все они – не что иное, как одно государство, один народ. Если чуть-чуть отвлечься от государственных границ, мысленно убрать их, то на этой обширной по меркам Европы, но небольшой по меркам Азии и нашей Российской державы территории Саянского нагорья и Верховий Енисея можно увидеть очень древнюю мощную цивилизацию, имеющую свою древнюю письменность и впитавшую в себя многие культуры, входящую в число 18 известных цивилизаций мира. Вот почему Тува интересна для ученых Сибирского отделения Академии наук, Москвы, других научных центров России, да и для зарубежных ученых.

Конечно, каждый этнос интересен сам по себе, и надо изучать обряды, обычаи, духовность каждого народа, его народную педагогику и медицину, его историю и современность, а на этой основе возрождать этносы, чтобы культура каждого вошла в сокровищницу всей мировой цивилизации. В то же время сегодня народы мира становятся все более взаимозависимыми, открытыми друг для друга, и теперь надо говорить не про отдельные этносы, а про степень их интеграции.

Еще один важный момент, который будет обсуждаться на семинаре, – занятость населения. По статистике в Туве много незанятых и безработных. В современной, единообразной для всех народов и территорий России трактовке этого понятия отражается наше старое мышление, характерное для того времени, когда все было огосударствлено, когда считалось, что государство обязано где-то построить фабрики и заводы и привлечь туда людей, чтобы они трудились. Но сегодня человеку дано конституционное право на многообразие форм собственности, как и право выбора любых профессий и занятий.

В чем заключается проблема занятости для тувинцев? Если взять нашу историю, то это история аратского хозяйствования. Тувинцы-араты пораньше женят и выдают замуж своих детей, ставят для новых семей новую юрту и предлагают им хозяйствовать самостоятельно. Детей с малых лет учат животноводству. Это – вечная отрасль, это – мудрое занятие, давшее возможность древнему народу сохранить себя и экономически, и культурно, и духовно, в пространстве и во времени. И что же – теперь, чтобы облегчить нынешней молодежи занятость, мы должны создавать в сельских районах какие-то производства, фабрики, заводы? Разве нет условий для занятости в животноводстве?

Так что проблема занятости и безработицы населения должна исследоваться с учетом этнической специфики. Общие подходы здесь могут привести к ошибочным для конкретного народа выводам. Возьмем староверов, проживающих в Туве. Это люди, органично связанные с природой. Они сами обеспечивают себя, не получают никаких пособий, пенсий. У них нет безработицы, и они богаты – и материально, и духовно. Они могут служить для тувинцев примером инициативности в условиях рынка.

В заключение обещаю внимательно отнестись к вашим выводам и рекомендациям, ведь Президенту и Правительству приходится сталкиваться с проблемами, которые вы исследуете. Это и семейные проблемы, и проблемы экономики, культуры, образования, физического и духовного развития человека. Нынешнее время – время размышлений, время познания, поиска путей преодоления трудностей. Если мы хотим создать мощную Российскую державу, в которой люди будут жить так же достойно, как и в других цивилизованных странах, нам нужны всесторонние знания. Поэтому еще раз приветствую участников этого интересного семинара и желаю всем успешной работы.

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

В.В.Бобров
(г. Новосибирск)

ВСЕОБЩЕЕ, ЕДИНИЧНОЕ И ОСОБЕННОЕ В ЭТНОСОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

В ранее опубликованных статьях¹ по проблемам этносоциального развития автор пришел к следующим выводам. Во-первых, условия общественного разделения труда и тенденции межкультурного взаимодействия между народами достигли в настоящее время такой стадии своего развития, что постановка вопросов о недопустимости межрасовых и межнациональных браков не имеет какой-либо серьезной перспективы. Следовательно, самый важный фактор, обеспечивающий “чистоту” этнического материала, давно потерял свое значение. Во-вторых, углубляющаяся интернационализация общественных отношений оказывает настолько сильное влияние на процессы нивелировки материальной, социальной и духовной культуры этнических групп, что всякие разговоры о сохранении этнической самобытности не могут выходить за пределы бытовой тематик. В-третьих, процессы ассимиляции, инициируемые межкультурным взаимодействием, в своей основе имеют пять переходных этапов. Последний, самый длительный из них, связан с утратой системы этнических воззрений, обусловленных особенностями овладения этносом физическим и социальным пространством. Однако если при этом его представители сохраняют историческую память о своем происхождении, то этнос, даже потеряв многие из генетических корней, продолжает жить.

В настоящей статье предполагается рассмотреть некоторые актуальные вопросы современного этносоциального развития. К ним автор в первую очередь относит право наций на самоопределение и равенство наций. Необходимость постановки проблемы в этом ракурсе целесообразна в силу следующих обстоятельств:

во-первых, существующая аргументация по обоснованию права наций на самоопределение не отражает совокупных интересов всего населения территорий и диктуется на каждом этапе социального развития количественной и качественной расстановкой политических сил в стране или регионе;

во-вторых, требование равенства наций изначально предполагает изменение их положения в общественном производстве и способах получения доходов. При этом совершенно игнорируются вопросы вклада этих этнических групп в совокупный общественный продукт.

Любая этническая группа живет на определенной территории, четко обозначенной государственными или административными границами. При выдвижении требований о национальном самоопределении или равенстве наций изначально предполагаются взаимно исключающие цели. В первом случае преследуется цель изменения границ и тем самым разрушения существующей системы организации общественного устройства, а во втором – обеспечения равенства всех этносов данной территории. Этим самым подвергаются пересмотру представления о существующей системе общественных отношений.

В философских работах, посвященных исследованиям природы и общества, обязательно указывается такая характеристика системы, как целостность. То, что система состоит из комплекса взаимосвязанных элементов, никто не подвергает сомнению. Дискуссия разворачивается вокруг применения соответствующего понятия к конкретным объектам, процессам и явлениям объективной действительности с использованием таких определений, как открытая или закрытая система. Поэтому поставим перед собой первый вопрос: можем ли мы рассматривать понятия “страна” и “общество” как систему и всеобщее? Если да, то в каких границах? Если нет, то почему?

В русском языке понятие “страна” употребляется в двух смыслах. С одной стороны, это местность, выделяемая по географическому положению и природным условиям. С другой стороны, “страна” рассматривается как синоним понятия “государство”. То и другое содержание не могут быть абсолютизированы. В каждом случае использования данных понятий в их контексте подразумевается второй смысл. По этой причине в научном исследовании понятия “страна” целесообразно видеть его интегральное содержание, основными признаками которого являются: а) наличие территории, населенной людьми или используемой ими; б) наличие органов управления данной территорией; в) наличие единых законов, согласно которым происходит это управление; г) наличие учреждений, обеспечивающих реализацию

властных полномочий органов управления на основе единых законов. Эти компоненты образуют систему, которая имеет несколько уровней общности, распределяемых преимущественно по первому (территориальному) признаку как элементы системы или единичные всеобщего.

Иначе обстоит дело с понятием “общество”. Смысловое содержание зависит от уровня и целей его использования. Для формального обозначения любого общества достаточно такого определения, как “совокупность сложившихся форм совместной деятельности людей”. Чтобы подчеркнуть принадлежность общества некоей эпохе, территориальной организации населения или этнических групп, говорят, что это – исторически конкретный тип социальной системы. Его признаками считаются: а) наличие политических, экономических, образовательных, воспитательных и других социальных институтов; б) наличие согласованных процедур в общественных отношениях (нравах, обычаях, традициях и правовых нормах) по разрешению актуальных межличностных и социально-групповых противоречий; в) наличие общественных санкций, обеспечивающих выполнение индивидами и социальными группами единых правил поведения. Таким образом, общество как система складывается из вышеуказанных элементов. Его всеобщность обеспечивается пониманием людьми необходимости совместного достижения некоторых единых и общезначимых целей.

Как видно из сказанного, признаки понятий “страна” и “общество” в употреблении имеют три принципиальных сходства и одно расхождение. Когда говорят о стране, то сразу же подразумевают определенную территорию и организованную на ней жизнь всего населения. Все разговоры об обществе ведутся, как правило, без рассмотрения вопросов о территориальной принадлежности его структурных элементов. Содержательно оба эти понятия отражают систему сложного динамизма, характеризующую в качестве универсального объекта единством трех объективных начал: вещественного субстрата, структуры внутренних отношений и функциональных связей с внешней средой². В обоих случаях в качестве вещественного субстрата выступают люди, только в обществе они оторваны от территории.

Если же подойти к этой проблеме с позиции форм движения материи, то ясно видно, что в понятии “общество” абсолютизируется социальная форма движения материи, а понятие “страна” включает в себя все формы движения материи с присущими им источниками саморазвития. С одной стороны, социальная форма движения представляет собой более высокую ступень развития материи. С другой стороны, она основывается на всех остальных формах движения материи (физической, химической и биологической). В связи с этим необходимо признать, что понятие “страна” как система имеет более целостный комплекс и более высокий уровень взаимосвязанных элементов, чем понятие “общество”. Следовательно, статус всеобщего принадлежит понятию “страна”, отражающему относительно общества более полный фрагмент объективной действительности, а общество представляет собой лишь социальную реальность данной страны. Поэтому употребление понятия “общество” как самостоятельного явления возможно только в рамках движущих сил его развития, диктуемых потребностями людей в ресурсах жизнедеятельности и проявляющихся в следующих уровнях противоречий: индивид – индивид; индивид – социальная группа; социальная группа – социальная группа; социальная группа – общество; общество – общество. Поскольку ресурсы жизнедеятельности расположены на определенной территории, постольку и социальные проблемы необходимо связывать с ней. В противном случае абстрактная постановка вопросов общественного развития позволяет ориентировать людей на разрешение противоречий в социальной форме движения материи с позиций “общечеловеческих” интересов, т.е. игнорируя объективно существующие границы раздела территории.

Вторая группа вопросов связана с определением места этноса в стране и обществе. Требуется выяснить статус национального в социальном развитии страны и общества. Автор считает, что для этнического вполне естественным является статус особенного, но, вполне вероятно, найдутся люди, которые не согласятся с данным положением. По этой причине требуется провести некоторый анализ проблемы. Для начала необходимо ответить на вопрос: в чем заключаются основные признаки единичного и особенного?

Общая характеристика единичного достаточно полно представлена В.И. Свидерским: “Под элементами нужно понимать любые явления, процессы, образующие в совокупности данное явление, процесс, а также любые свойства явлений, образующие в совокупности некое новое свойство, и, наконец, любые отношения, образующие в совокупности некое новое отношение... Говоря об элементах, мы должны подразумевать под ними не просто любые дробные части, а лишь те из них, которые, вступая в определенную систему отношений, непосредственно создают данное целое”³

Зафиксируем положение о том, что единичное представляет собой индивидуальность объекта, процесса или явления, его качественную, пространственную и временную определенность. Совокупность единичных элементов существует во всеобщем и составляет его. С другой стороны, единичное выступает

как необходимая форма существования всеобщего в действительности. Можем ли мы рассматривать национальное как единичное во всеобщем или его целесообразно возвести в статус всеобщего?

Если страна является мононациональной, то подобный вопрос отпадает сам по себе, так как национальный признак совпадает с границами применения понятий “общество” и “страна”. Иначе обстоят дела там, где на одной территории совместно проживают представители различных этнических групп. Это означает, что общественное разделение труда по производству совокупного общественного продукта и деятельность основных социальных институтов осуществляются по интернациональному принципу. В этих условиях требование национального самоопределения наций и народностей внутри страны предполагает установление контроля над производством, распределением, обменом и потреблением совокупного общественного продукта со стороны одной этнической группы. Реализация национального самоопределения в многонациональной стране неизбежно влечет за собой вытеснение представителей других национальностей из сферы общественного производства, территории проживания, лишает подрастающие поколения будущего и т.д. История социального развития человечества показывает, что лозунг “право наций на самоопределение” постоянно сопровождался и сопровождается этническими чистками, межнациональными конфликтами и кровопролитными войнами. Механизмы национального “самоопределения” достаточно просты: от физического отстранения представителей других этнических групп от источников существования до косвенных ограничений через установление “государственных языков”. Однако, как показывает исторический опыт, такие страны имели и имеют незначительные сроки своего существования, неизбежно попадали и попадают в зависимость от других стран. Следовательно, доступ к ресурсам жизнедеятельности, если оперировать понятием “страна”, логически требует учета интересов всех этнических групп, что отвечает потребностям развития всей территории. Национальное в данном случае выступает как особенное.

В особенном одновременно присутствуют признаки единичного и всеобщего, что дает основание при анализе объектов, процессов и явлений в ряде случаев относить их к тому или другому уровням объективной действительности. Если в понятии “страна” четко фиксируются территориальная принадлежность единичного и его место в общественном разделении труда, то в “обществе”, прикрываясь национально-культурным своеобразием, религиозными особенностями и другими социализирующими признаками, эта связь социальной структуры с ресурсами жизнедеятельности тщательно маскируется. На практике любая общественная организация функционирует в целях изменения или сохранения сложившегося баланса сил в общественном разделении труда и в способах получения части совокупного общественного продукта в пользу той социальной группы, которая ее создала. Здесь мы непосредственно подходим к проблемам открытых и закрытых систем и возможностей обеспечения равенства наций.

На наш взгляд, данная проблема имеет чисто субъективный характер и несет на себе печать индивидуальных или социально-групповых пристрастий. У исследователя, который признает единство материального мира и придерживается диалектико-материалистических методов познания природы, общества и мышления, такой проблемы не существует, ибо объективная действительность находится в постоянном движении. Нет начала вообще, а есть начало существования конкретных объектов, процессов и явлений. Начало и конец их существования не означают небытия, а суть переход от одной формы движения материи к другой. В силу этого представления о закрытых и открытых системах уместны в пределах одной формы движения материи и обусловлены субъективной потребностью исследователя зафиксировать процессы развития в желательном для себя направлении. Что касается социальной формы движения материи, то проблема открытости и закрытости систем всегда рассматривается с позиций интересов конкретных стран. Именно интересы социального развития населения конкретной страны определяют пределы ее открытости и закрытости перед внешним окружением и диктуются необходимостью разрешения противоречия общество – общество в свою пользу.

В настоящее время по инициативе и при мощной финансовой поддержке Дж. Сороса на территории России получили широкое распространение идеи К. Поппера об открытом обществе⁴. В свете сказанного выше хорошо видна несостоятельность разговоров на данную тему. Однако настойчивое насаждение этой системы взглядов (идеологии) вынуждает нас рассмотреть ее социальную подоплеку.

В интересах теоретического анализа отвлечемся от понятия “страна” и представим себе общество как систему и всеобщее. В этом случае его структурными и единичными элементами будут социальные институты. В отличие от государственных институтов все они имеют статус общественных, и в их руководящих документах (уставах, программах, декларациях и т.д.), как правило, формально не предусматривается активное вмешательство в дела страны, связанные с производством, распределением, обменом и потреблением совокупного общественного продукта. Исключение составляют политические партии, которые непосредственно ориентированы на завоевание политической власти. Однако косвенно деятель-

ность любой общественной организации направлена на представление во властных структурах интересов конкретных социальных групп, и тем самым она обеспечивает реальное вмешательство в дела страны, т.е. в ее внутреннюю и внешнюю политику.

По степени распространения своего организационного и идейного влияния социальные институты любого общества делятся на международные и внутригосударственные. Первые действуют на территориях многих стран, а вторые – в пределах одного государства. Это обстоятельство весьма убедительно доказывает, что идея “открытого общества” является жизненно необходимой для международных социальных институтов, которые непосредственно ориентированы на международные связи. При этом возникают вопросы о целях и назначении международных социальных институтов, о возможностях достижения этих целей в интересах всех участвующих сторон и т.д.

Исторический опыт человечества на примерах многочисленных международных социальных институтов свидетельствует о том, что все они без исключения находятся в финансово-экономической зависимости от определенных политических организаций или государств. Поэтому многие международные вопросы решаются в их интересах. Идея “открытого общества” в настоящее время служит тем же целям США, каким служила идея “открытых дверей и равных возможностей” в конце XIX – начале XX в. Опираясь проблемами образования и науки, подчеркивая их интернациональный характер, она позволяет легально внедряться в социальную структуру любой страны и реализовывать интересы ее вдохновителей.

Успехи обеспечиваются двойственной природой подобного международного “сотрудничества”. Во-первых, технологические проблемы в любой сфере жизнедеятельности человечества имеют в целом сходное содержание, что дает основание говорить об их интернациональном характере, “общечеловеческой значимости” и т.п. Но, во-вторых, результаты труда должны служить преимущественно населению своей страны. Таким образом, идея “открытого общества” дезориентирует население стран, находящихся под ее влиянием, в области защиты своих национально-государственных интересов и создает благоприятные условия для иностранного вмешательства в их внутренние дела.

В решении указанных проблем имеется еще один аспект. Любая международная организация создается в интересах удовлетворения общезначимой для группы стран потребности, связанной с общей безопасностью, согласованными процедурами разрешения конфликтных ситуаций и т.п. Однако и в момент создания ее участники на первом плане имеют свои национально-государственные или корпоративные интересы. Любые совместные решения международной организации – результат компромисса. В этом смысле деятельность таких социальных институтов на территории конкретной страны должна быть строго ограничена, они не должны допускаться в те сферы жизнедеятельности, которые обеспечивают территориальную целостность, политическую, экономическую и духовную независимость государства. Другими словами, несмотря на высокий уровень международных социально-экономических связей, человечество на данном этапе социального развития пока не составляет единого целого и не способно стать таковым в обозримом будущем. Государственные границы являются объективной реальностью раздела территории планеты. Они жестко фиксируют принадлежность ресурсов биосферы населению конкретных стран. Любое их изменение военным путем сопряжено с опасностью для агрессора, поэтому в настоящее время на первое место выступили финансово-экономические, социально-психологические и другие средства, позволяющие международным державам устанавливать в зависимых от них государствах контроль за производством, распределением и потреблением ресурсов. Вполне возможно, что когда-нибудь, в отдаленном будущем идея “мирового правительства” станет реальностью и все человечество можно будет рассматривать как всеобщее. Процессы социального развития в этом направлении идут и будут идти путем поглощения слабых народов сильными. Идея “открытого общества” работает на пользу сильнейшей стороны. Россия в настоящее время не может претендовать на такую роль, но у нее имеется достаточно средств и возможностей для сопротивления иностранному вмешательству во внутренние дела и самостоятельного распоряжения имеющимися у нее ресурсами жизнедеятельности.

Другая сторона проблемы открытости и закрытости систем применительно к понятию “общество” связана с функционированием отечественных общественных организаций. В интересах обеспечения безопасности страны деятельность политических партий формально ограничивается рамками своей территории, но история человечества наглядно свидетельствует о постоянных фактах их создания, поддержки и даже управления извне. В этом смысле идея “открытого общества” носит откровенно агрессивный характер. Политические партии зависимых стран, исповедующие эти взгляды, объективно способствуют распространению иностранного влияния на территории своих государств. Сложнее разобраться с другими общественными организациями, берущими на вооружение подобные теории, особенно если они создаются по каким-либо профессиональным, этническим, религиозным и другим

социализирующим признакам. Сам факт создания общественной организации означает заявку определенной социальной группы на предъявление претензий ко всему обществу по части производства, распределения и потребления совокупного общественного продукта.

Ключевым положением, раскрывающим источники социального саморазвития, является представление о потребностях людей в ресурсах жизнедеятельности. Именно потребности определяют цели любой общественной деятельности. Хорошо видно, что общество как система ориентировано на решение проблем производства, распределения, обмена и потребления ресурсов, обеспечивающих продолжение жизни. Неважно, по какому социализирующему признаку (половому, возрастному, расовому, семейному, национальному, имущественному, профессиональному и т.д.) объединяются индивиды в общественную организацию. Главное в исследовании выяснить: а) каковы причины и подлинные цели этого объединения; б) каково содержание противоречий, инициировавших данное объединение; в) в чем заключается общегосударственный интерес; г) каковы возможности эволюционного разрешения возникающих противоречий и т.д. Нас в данном случае интересует статус социально-группового в обществе. Можно ли его интерпретировать как единичное во всеобщем или общественная организация, выражающая социально-групповые интересы, должна классифицироваться как особенное?

Допустим, что общественная организация, отражающая социально-групповые интересы, получает статус единичного. В таком случае на первый план выступают вопросы согласования потребностей социальных групп в порядке и условиях доступа к ресурсам жизнедеятельности. Но мы уже отметили, что общественные организации делятся на два класса: международные и отечественные. Если продолжать логически рассуждать в этом направлении, то международные организации, руководствуясь идеей “открытого общества”, получают доступ к потреблению ресурсов страны пребывания. С другой стороны, отечественные общественные организации, добившись режима наибольшего благоприятствования в доступе к ресурсам, начинают закреплять достигнутое в стране общественное положение своей социальной группы. Однако единичное во всеобщем предполагает некое равенство с другими единичными и объединение в целом за счет неполноты. Другими словами, единичное во всеобщем характеризуется как нечто структурно и функционально самостоятельное лишь в рамках целого. Выделившись из всеобщего, оно теряет все свои качества.

В обществе действуют политические, экономические, образовательные, воспитательные, семейно-родственные и другие социальные институты. Все они могут рассматриваться как единичные элементы целого. Общественные организации, представляющие социально-групповые интересы людей, ориентированы на использование всех или части социальных институтов в своих интересах. Следовательно, все они должны рассматриваться как особенное во всеобщем.

Наконец, тезис о “равенстве наций” Его абстрактное применение сводится к декларированию формального правового равенства, которое нередко называют “равенством возможностей”. За последним определением скрываются сокровенные желания любой этнической группы занять доминирующее положение в обществе и контролировать производство, распределение, обмен и потребление совокупного общественного продукта. На каждом этапе социального развития ее представители занимают вполне конкретное положение в общественном разделении труда, которое зависит от их количественных и качественных характеристик. В первую очередь это уровень образованности, содержание и структура профессиональной подготовки и другие данные, определяющие место этноса в обществе, вклад данного этноса в создание совокупного общественного продукта, способы и объемы его потребления. Вполне естественно, что для обеспечения реального равенства наций и народностей в стране необходимо добиваться представительства этнических групп во всех сферах жизнедеятельности общества, что отвечает удовлетворению их потребностей в физическом пространстве.

Для обеспечения фактического равенства наций и народностей в социальном пространстве общества, т.е. наличия авторитета и признания заслуг, требуются реальные достижения каждой из них во всех сферах жизнедеятельности страны. Аналогично можно рассуждать относительно других потребностей людей, и ответ будет один: фактическое равенство наций и народностей базируется на равенстве их количественных и качественных характеристик. Поэтому призывы к реализации данного тезиса в каждом случае должны наполняться конкретным содержанием, направленным не на превращение особенного во всеобщее, а на укрепление всеобщего, т.е. на первом месте должен стоять совокупный интерес.

Итак, можно сделать следующие выводы. Во-первых, требование права наций на самоопределение уместно в условиях иностранного вмешательства во внутренние дела страны. Аналогичные требования в многонациональной стране целесообразно заменять тезисом равенства наций. Во-вторых, призывы к равенству наций и народностей должны иметь конкретное содержание, отражающее общественную необходимость ликвидации дисбаланса социально-групповых интересов по этническому признаку.

Примечания

¹ См.: Бобров В.В. К проблеме устойчивости этносоциального развития // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск: ЦЭРИС, 1997. – Вып. 1. – С. 12–21; *Он же*. Этнокультурный аспект в социальном развитии // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск: ИФиГр СО РАН, 1998. – Вып. 2. – С. 49–59.

² См.: Новик И.Б. Структура и формы материи. – М., 1967. – С.155.

³ Свидерский В.И. Актуальные проблемы философии науки. – Л., 1968. – С. 4.

⁴ См.: Поннер К.Р. Открытое общество и его враги. В 2 т.: Пер. с англ. – М.: Феникс; Междунар. фонд “Культурная инициатива”, 1992.

Ю.В.Попков
(г. Новосибирск)

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Проблема интернационализации в отечественной литературе обсуждается в последние десятилетия крайне неравномерно: для 70–80-х годов характерен огромный массив публикаций на эту тему, с начала 90-х годов наблюдается резкое уменьшение их количества, а в настоящее время по данной проблеме появляются лишь отдельные статьи. Очевидное объяснение этого факта кроется в практической ситуации, в кардинальном изменении характера социально-экономических и идейно-политических условий, вызвавших существенную трансформацию содержания национальных отношений.

В советский период интернационализация рассматривалась большинством авторов как ведущая тенденция в развитии национальных отношений. Главным ее содержанием считалась постепенная ликвидация национальных различий. Это соответствовало провозглашенным идеалам и целям общества, в целом дружескому характеру межэтнических взаимодействий, положительно воспринималось массовым сознанием, а потому обосновывало актуальность и значимость исследования различных аспектов проблемы интернационализации.

Несмотря на известные издержки национальной политики советского периода, она имела несомненные позитивные результаты: “бесконфликтное и неантагонистическое сосуществование множества наций само по себе представляло уникальный исторический феномен, вызывающий повышенный интерес во всем мире (особенно в странах с полиэтническим составом населения). Не случайно этому была посвящена и значительная научная литература, издаваемая как в нашей стране, так и за рубежом”¹. В свое время дружба народов была не только политическим лозунгом, но и вполне реальной повседневной практикой на территории всей страны.

В конце 80-х годов на первый план и в практической политике, и в научных изысканиях выходят проблемы национального сознания и самосознания, национальных интересов, развития национальных культур, языков и т.д. В начале 90-х годов происходит дальнейший тематический дрейф – на этот раз в сторону вопросов национального самоопределения и национальной государственности. Нарастание национализма и сепаратизма превращается в доминирующую тенденцию развития национальных отношений. Как отмечает С.А.Арутюнов, после распада СССР предметом практических дискуссий для представителей различных народов России и объектом научных поисков становятся по преимуществу “дальнейшая судьба этноса, территория его расселения, его права и привилегии, его отношение к ресурсам и собственности и в гораздо меньшей мере – реализация его языкового и культурного развития”².

Можно сделать вывод, что современная российская действительность не создает необходимых объективных предпосылок для активного исследования процесса интернационализации, так как массовый характер приобрели явления, прямо противоположные данному процессу в общепринятом его понимании. Если под ним иметь в виду “процесс растущего единения всех наций”³ или “процесс преодоления национальной изолированности”⁴, то необходимо признать: доминирующие ныне тенденции социальной трансформации имеют мало общего с исследуемым феноменом. Судя по характеру обсуждаемых в обществе вопросов, проблема интернационализации перестала быть актуальной практической и теоретической проблемой. Она уступила место проблемам межнациональной напряженности и конфликтов, национальной идентификации, национального самоопределения. Национальный вопрос встал со всей остротой. Правда, некоторые теоретики и политики пытаются разрешить его по принципу “нет человека – нет проблемы”, стремясь отказать в праве на существование понятиям “нация”, “национализм”⁵ и графе “национальность” в российском паспорте.

Такой в настоящее время выглядит ситуация в области теории и практики национальных отношений. Однако действительное положение дел в этой области гораздо сложнее, чем кажется на первый, поверхностный, взгляд, и требует к себе пристального внимания.

Национальный вопрос был поставлен на повестку дня во время Великой французской революции в виде принципа национальности – права каждого народа на государственное самоопределение. Впоследствии он был дополнен другими социальными вопросами: рабочим, крестьянским, женским, школьным и др., – и в XIX в. “серия социальных вопросов стала специфическим способом проблематизации общественного развития”⁶.

В.И. Ленин, наследие которого долгое время лежало в основе всех отечественных разработок по национальной проблематике, национальный вопрос применительно к капитализму трактовал гораздо шире, непосредственно увязывая его с проблемой интернационализации. Как известно, в рамках национального вопроса он обсуждал две исторические тенденции. Первая – пробуждение национальной жизни и образование национальных государств, что характерно для стадии первоначального накопления капитала в странах Западной Европы. Вторая тенденция – интернационализация капитала, экономической жизни, ломка национальных перегородок, отчетливо проявляющиеся в условиях развивающегося капитализма⁷. Таким образом, проблема интернационализации рассматривалась Лениным как составная часть национального вопроса. Две тенденции, являясь в известном смысле противоположными, анализируются как действующие в рамках одного и того же процесса, отражающего содержание национального вопроса.

В начальный период советской истории национальный вопрос был сведен, по сути, к проблеме “отсталых” народов, не прошедших капиталистическую стадию развития, что предполагало ликвидацию их “исторической отсталости”, национального гнета и установление равноправия, в том числе путем создания разнообразных условий, включая политико-правовые, для их самоопределения. Впоследствии данная проблема потеряла свою значимость, поскольку, согласно официальной точке зрения, национальный вопрос в стране был успешно решен. С позиции прогрессистской теории, которая долгие годы являлась доминирующей идейной парадигмой, причем не только в нашей стране, такая оценка была логичной, поскольку успешное решение национального вопроса связывалось с “подтягиванием отсталых народов” до современного уровня. Так как считалось, что в нашей стране данная задача в основе своей была выполнена, национальный вопрос был снят с повестки дня практической политики и научных разработок. Одновременно возросла значимость проблемы интернационализации, которая получила большой стимул для исследования, но при этом без какой бы то ни было увязки с национальным вопросом. В настоящее время, как уже отмечалось, ситуация стала прямо противоположной: проблема интернационализации ушла из поля зрения отечественных политиков и ученых, а национальный вопрос превратился в один из наиболее актуальных.

Пик обострения национального вопроса, а отсюда и всплеск проявлений национализма и национальных движений приходится на рубеж 80–90-х годов. Исследователи связывают это с началом “капитализации” страны и действием соответствующих исторических закономерностей в национальных отношениях. В.И. Козлов по этому поводу пишет: «...Как только реформы времен перестройки создали условия для формирования “рыночной” (капиталистической) экономики и национальной буржуазии, исторические закономерности развития национализма, отмеченные еще Лениным, стали проявляться все более четко»⁸. Роль национальной буржуазии при этом выполняла прежде всего национальная “номенклатура”, проявлявшая стремление к независимой этнократии. Руководство страны не пошло на специальные меры по сохранению ее целостности. В конечном итоге “централизм фактически капитулировал перед сепаратизмом, исторически, казалось бы, закономерная интеграция – перед дезинтеграцией”⁹. Общая тенденция, характеризующая процесс образования самостоятельных национальных государств в условиях первоначального накопления капитала, нашла подтверждение и в нашей стране.

В трактовке сущности и содержания национального вопроса можно выделить две существенно различающиеся точки зрения. Первая, проповедуемая, как правило, представителями различных национальных движений, не выходит за рамки национализма. Например, в новой программе Ассамблеи тюркских народов, принятой ее Третьим конгрессом, национальный вопрос определяется следующим образом: “Решить национальный вопрос – значит предоставить всем народам возможность развивать свою экономику и политику, культуру в тех формах и теми средствами, которые избирает сам народ, принцип самоопределения наций не предполагает априорных форм государственного устройства”¹⁰.

Вторая, общепринятая, точка зрения представляет собой трактовку данного вопроса в русле сложившихся ранее традиций, в русле интернационализма. Так, в “Социологическом энциклопедическом словаре”, вышедшем в 1998 г., под национальным вопросом понимаются, во-первых, “комплекс специфических проблем, связанных с национальным гнетом и неравенством и их ликвидацией”, и, во-

вторых, “проблемы политических, экономических, территориальных, правовых, идеологических и культурных отношений между нациями, народностями, национальными и этническими группами в различных государствах”¹¹. То есть здесь акцент делается на межнациональных взаимодействиях, и, строго говоря, речь идет об интернациональном вопросе, в то время как в приведенных выше положениях программы Ассамблеи тюркских народов рассматриваются проблемы исключительно внутринационального характера.

Таким образом, существует две разные интерпретации национального вопроса, одна из которых фиксирует внимание на межнациональных отношениях, по сути дела, на интернационализации, другая – на национальном развитии и национализме. Каждая отражает, абсолютизируя, лишь одну из исторически взаимообусловленных закономерных тенденций. Поэтому, на наш взгляд, реально должна существовать их взаимная рефлексия. В этой связи можно говорить о росте актуальности для современных исследований положения В.И.Ленина о двух тенденциях в национальном вопросе, а сам национальный вопрос следует трактовать как вопрос не только о развитии языка или культуры, но и об экономическом и политическом устройстве той или иной национальной общности, о системе ее внутренних и внешних взаимодействий. Уже по этой причине нельзя предавать забвению и проблему интернационализации.

В действительности интернационализация как закономерный, а следовательно, и объективный процесс, продолжает существовать и развиваться независимо от того, что о ней думают исследователи и лидеры национальных движений. Например, сам факт существования Ассамблеи тюркских народов, выступающей за националистический вариант решения национального вопроса, отражает некоторое единство, интернационализм многих тюркских народов. Выделившиеся из состава СССР самостоятельные государства в настоящее время под влиянием объективных условий вынуждены прилагать большие усилия для налаживания взаимовыгодного сотрудничества в различных сферах жизни. В самой России в условиях широкого распространения национализма и сепаратизма ощущается острая потребность в консолидации и интеграции.

Но, пожалуй, наиболее отчетливо процесс интернационализации проявляется в масштабах мирового развития, где он распространяется ускоренными темпами во всех сферах жизни как на локальном, так и на глобальном уровне. Интернационализация остается весьма актуальной проблемой и практического, и теоретического характера. Не случайно этому феномену посвящен огромный массив зарубежной литературы, в которой анализируются различные аспекты его проявления.

В сфере экономических отношений можно отметить в этой связи усиление активности транснациональных корпораций, региональных и общих торговых и финансовых рынков, расширение зон свободной торговли, трансформацию мировой экономики под влиянием достижений современной технологии. Новые средства коммуникации, от средств транспорта и до масс-медиа, существенно влияют на интенсивность и масштабы миграционных потоков, обуславливают расширение сферы действия схожих стандартов и стилей жизни, усиление массивификации культур, создавая невиданные до сих пор возможности для развития взаимодействия различных государств и народов. Особая роль принадлежит современным информационным сетям, связывающим в единое целое все уголки земного шара. Глобальный характер многих факторов, угрожающих безопасности (от применения оружия массового уничтожения и крупных военных конфликтов до повсеместного распространения терроризма и наркотиков), вынуждает народы мира объединяться и действовать сообща для их предотвращения. Влияние отмеченных факторов стимулирует формирование все новых и новых международных институтов, развитие международного права, укрепление регулярных межгосударственных контактов, образование новых субъектов мировой политики¹².

В этих условиях происходит расширение сферы действия общих моментов существования различных народов, одновременно усиливается регулирующее воздействие наднациональных организаций на их политическое, военное, экономическое, культурное развитие. Внутренняя жизнь отдельных государств и этносов оказывается все в большей степени зависимой от внешних обстоятельств, сужается возможность автономии и свободы их действий. Но при этом национальные общности не ассимилируются, а государства продолжают сохранять свою самостоятельность и суверенитет. Действительность показала, что, хотя в современных условиях происходит дальнейшее развитие всесторонних взаимных связей между национальными общностями, национальные особенности не исчезают. Иначе говоря, и интернационализация развивается, и различия сохраняются¹³. Наиболее яркой иллюстрацией действия процессов интернационализации и интеграции может служить Европейский союз.

Между тем в отечественной литературе проблема интернационализации продолжает обсуждаться в русле сложившихся стереотипов. Проиллюстрируем сказанное на нескольких примерах.

С.В.Чешко, исследуя национальные отношения, вводит особое понятие – “интернационалистический детерминизм”, которым он обозначает практику забвения национальных интересов и национального сознания, абсолютизации интернационального в ущерб национальному¹⁴. Логично предположить, что продуктом политики, основанной на данном принципе, является не что иное, как процесс интернационализации. Иначе говоря, под интернационализацией понимается процесс, ведущий к национальному регрессу.

Анализируя противоречия в области национальных отношений, Э.Баграмов выделяет, в частности, такие: в сфере политики – противоречие между интернационализацией, сближением народов и их привязанностью к этнической территории; в экономике – противоречие между тенденцией к интернационализации, развитию интеграционных связей, обобществлению производства и тенденцией к относительной хозяйственной самостоятельности; в области духовной жизни – противоречие между ростом национального самосознания и углублением интернационализации¹⁵.

А.И.Доронченков среди основных противоречий межнациональных взаимодействий выделяет противоречие между “интернационализацией общественных отношений и элементами автаркии, национальной обособленности”¹⁶.

Таким образом, сама интернационализация рассматривается как существующая наряду с национальным развитием, наряду с ростом национального самосознания и национальным обособлением. Эти тенденции выступают у упомянутых авторов как рядоположенные.

Приведенные примеры свидетельствуют о недиалектическом подходе к исследованию процесса интернационализации. В гносеологии данного феномена превалирующим методом познания долгие годы являлась метафизика. Это проявилось уже в том, что рассматривались лишь некоторые, а именно, позитивные моменты движения. Например, много говорилось о расцвете и сближении национальных общностей, а о процессах, противоположных им, речи не было вообще, для их обозначения не существовало даже соответствующих терминов. Постепенно в общественном сознании распространился стереотип, характеризующий подмену представлений о реальном процессе интернационализации представлениями о централизации и унификации. В период перестройки, когда произошло качественное изменение идеологических и политических условий, это и на практике вызвало негативное отношение к данному процессу. Стремление отдельных народов к изоляции, неприятие представителей других национальностей, нарастание национализма и центробежных тенденций – конкретные проявления такого отношения. Негативное отношение к интернационализации нашло отражение и в области специализированного сознания. Предельное уменьшение количества публикаций на эту тему – яркое тому свидетельство.

Обозначенные выше точки зрения на соотношение интернационализации и национального развития свидетельствуют о том, что метафизический подход сохраняется до сих пор. Снятие существовавших в свое время ограничений на исследование национальной проблематики вызвало отказ от прежней идейной и методологической основы, но не привело пока к созданию новых концептуально стройных и целостных конструкций. Понимание интернационализации в большинстве случаев не меняется. Хотя и раньше со стороны отдельных исследователей существовало критическое отношение к провозглашаемому большинством теоретиков тезису о слиянии национальных общностей как о перспективе процесса интернационализации (этот тезис, по выражению В.В.Мархннина, приобрел вид “бесспорной истины и идеологического постулата”¹⁷), до сих пор данный процесс в своей сути рассматривается по преимуществу как процесс, ведущий к слиянию национальных общностей, как проявление тенденции к безнациональной однородности, что не соответствует реальной практике развития национальных отношений.

Таким образом, можно констатировать наличие актуальной потребности в разработке иной теоретической модели, иной онтологии интернационализации. Как представляется, ее основой может служить предложенная нами в свое время концепция, составными компонентами которой являются следующие положения:

- *сущность* процесса интернационализации состоит во взаимопроникновении национальных общностей, реализуемом в ходе их взаимодействия;

- *содержание* интернационализации составляет двуединый процесс превращения национально-особенного в интернациональное (интернационализация в узком смысле) и усвоения национальной общностью интернационального и инонационального (национализация);

- *продуктом* интернационализации является развитие национальных общностей, т.е. в отличие от других типов взаимодействия (например, ассимиляции) она представляет собой некий позитивный для национальных общностей процесс;

– *мерой* интернационализации является полнота проявления позитивных общих моментов при сохранении элементов национально-особенного и целостности национальных общностей как относительно самостоятельных образований;

– *основное противоречие* целостного процесса интернационализации – это противоречие между национальными общностями (оно является внешним для каждой из взаимодействующих общностей); *основное внутреннее противоречие* интернационализации общественной жизни отдельной общности – противоречие между национально-особенным и интернациональным. Разрешение противоречий происходит во взаимной адаптации и взаимопроникновении национальных общностей¹⁸.

В соответствии с этими положениями национальное развитие невозможно вне процесса интернационализации. Она является законом развития национальных общностей. Становление их в качестве собственно субъектов происходит лишь в процессе взаимодействия. В то же время интернационализация предполагает не только сближение, но также и обособление взаимодействующих сторон. Нарастание общих черт в жизни разных народов вовсе не ведет к вытеснению национального (этнического) начала. Напротив, это начало в различных своих проявлениях (рост национального сознания и самоидентификации, стремление к самостоятельности и др.) укрепляется именно в результате взаимодействия. Некорректным является рассмотрение противоречия между интернационализацией, с одной стороны, и развитием национального самосознания, самостоятельности и относительной обособленности отдельных общностей – с другой, как внешнего. На самом деле оно существует как внутреннее противоречие самого процесса интернационализации.

Примечания

¹ Иванов В. Н. Межнациональные отношения в России // Социол. исслед. – 1994. – № 6. – С. 32.

² Арутюнов С. А. Этничность – объективная реальность // Этногр. обозр. – 1995. – № 5. – С. 7.

³ Интернационализация: сущность, тенденции, перспективы. – Минск, 1977. – С. 32.

⁴ Гиниятов Ф. М. О законе интернационализации общественной жизни // Теоретико-методологические исследования развитого социалистического общества. – Казань, 1984. – Ч. 2. – С. 38.

⁵ См.: Тишков В. А. Забыть о нации: Постнационалистическое понимание национализма // Вopr. философии. – 1998. – № 9.

⁶ Тюгашев Е. А. Национальный вопрос в эпоху глобальных проблем: дискурс современности // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 1998. – Вып. 2. – С. 6.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 4. – С. 428; Т. 24. – С. 124, 125, 131; Т. 41. – С. 164.

⁸ Козлов В. Национализм и этнический нигилизм // Свобод. мысль. – 1996. – № 6. – С. 107.

⁹ Там же.

¹⁰ Тафеев Г. И. Политические партии и национальные движения республик Поволжья и Приуралья: методологическая основа исследования. – Чебоксары, 1993. – С. 53.

¹¹ Социологический энциклопедический словарь. – М., 1998. – С. 197.

¹² См.: Нарочицкая Е. А. Интеграция и национализм: две стороны одной реальности // Актуальные проблемы Европы: Развитие интеграционных процессов в Европе и Россия. – 1997. – № 3. – С. 143–146.

¹³ См. об этом подробнее: Попков Ю. В. Современные тенденции развития национальных отношений и международное право // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 1998. – Вып. 2. – С. 10–16.

¹⁴ См.: Чешко С. В. Национальный вопрос в СССР: состояние и перспективы изучения // Сов. этнография. – 1988. – № 4. – С. 64.

¹⁵ См.: Баграмов Э. Национальная политика и современность // Народ. депутат. – 1990. – № 1. – С. 40–49.

¹⁶ Доронченков А. И. Межнациональные отношения и национальная политика в России: актуальные проблемы теории, истории и современной практики. – СПб., 1995. – С. 54.

¹⁷ Мархинин В. В. Основные закономерности процесса интернационализации общественной жизни: Социально-философский анализ. – Новосибирск, 1989. – С. 11.

¹⁸ См.: Попков Ю. В. Процесс интернационализации у народностей Севера: Теоретико-методологический анализ. – Новосибирск, 1990; Он же. О методологии исследования процесса интернационализации. – Новосибирск, 1991. (Препринт).

Е.А.Тюгашев
(г. Новосибирск)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ: ДИСКУРС ДЕКОНСТРУКЦИИ

Деструкция онтологии

Известные трудности в определении понятия нации были подмечены еще К.Леонтьевым. В открытом письме к Вл.Соловьеву он рассуждает: “Современные русские, современные чехи, болгары, поляки – все принадлежат к одному славянскому племени. Но стремления и задачи у них всех вовсе разные. Они теперь еще не составляют одной нации. Но ведь с другой стороны, вспомним о баварцах, пруссаках, австрийских немцах прошлого века. У них у всех задачи и стремления были разные, но все-таки они, взятые во всецелости, составляли нацию, *государственно* лишь разделенную на особые группы. А голландцы и датчане, принадлежа тоже к *племени* германскому, к нации немецкой не относились и не относятся никем. И еще вопрос о том же: швейцарцев все привыкли называть тоже нацией; а у них три языка, три крови и две религии. Национальность их только *общегосударственная*, с теми оттенками в понятиях и привычках, которые должны были развиться под долгим давлением республиканских учреждений. Вообще нацию определить в точности очень трудно. Племя легче. Язык и кровь (признаки более *физиологические*). Культуру тоже легче. Совокупность признаков более идеальных, чем кровь и язык (*уже сформированный*), т.е. религия, *род* государственных учреждений, вкусы (обычай, моды, нравы домашние и общественные), характер экономической жизни. Нация же выходит, мне кажется, из совокупности обеих этих совокупностей *идеальных и физиологических*. Признаки особой нации сливаются из признаков племенных и культурных”¹.

Приведенное рассуждение настолько репрезентативно для оценки теоретического потенциала современной этнофилософии, что его анализ позволяет выявить принципы и подходы, используемые при определении понятия нации. Они сводятся к следующему.

1. Понятие нации определяется в гнезде понятий. Леонтьев понятие нации непосредственно сопоставляет с понятием племени. Данная семья концептов включает также понятия “народ”, “раса”, “этнос”, “языковая общность” и т.д.

2. Эти понятия фиксируют взаимовключающие объекты: нация определяется как фракция племени или как конгломерат племен; нация определяется как конгломерат народов, а народ – как интернациональная общность (советский народ); нация определяется как расовая фракция или как межрасовая общность.

3. Племена, народы, нации либо разбрасываются по разным стадиям исторического процесса, либо рассматриваются как разные способы актуализации (экзистенциалы) эмпирически данного объекта.

4. Эмпирическая операциональность признается главным критерием достоверности вводимого гнезда понятий.

5. Для определения специфики антропологических общностей применяются общие категории социальной философии, фиксирующие отдельные моменты социальной деятельности и отдельные структуры общественно-экономической формации.

6. Индикатором принадлежности понятия к этому гнезду является описание некоторой общности людей.

7. Совокупность объективных социальных условий: территория, государство, рынок и др. – не может фиксироваться в качестве существенных признаков племени, нации и т.д. Когда говорят о нации-государстве, необходимо различать интерпретацию нации как государства и интерпретацию нации как политически организованной антропологической общности (не обязательно в форме государства).

Эти принципы и подходы, отчасти хорошо известные, составляют аксиологическое пространство, трудности ориентации в котором и определяют бесплодность современных дискуссий. Поэтому экспликация и методологический анализ скрытых исследовательских установок необходимы для прогресса теории.

Философия среднего уровня

Демаркация отдельных понятий связана с демаркацией соответствующего гнезда понятий. Дисциплинарно организованные понятия этнофилософии необходимо соотнести с конкретной региональной онтологией, с позиций которой и возможна этнофилософия.

В методологически корректной форме эта процедура оговаривалась Гегелем: “Расовые различия... суть существенные, самим понятием определенные различия всеобщего определенного духа. Но на этом общем различии своем природный дух не останавливается; природный характер духа не обладает силой утверждать себя как чистый отпечаток определений понятия; он переходит к дальнейшему обособлению упомянутых общих различий и таким образом распадается на многообразие местных или национальных духов. Подробная характеристика этих духов относится частью к естественной истории человека, частью к философии всемирной истории. Первая наука описывает обусловленное самой природой предрасположение национального характера: телесное развитие, образ жизни, занятия, равно как и особые направления ума и воли наций. Философия истории, напротив, имеет своим предметом всемирно-историческое значение народов, т.е. – если всемирную историю мы поймем в самом широком смысле этого слова – ту высшую ступень развития, которой достигает первоначальное предрасположение национального характера, – ту духовную форму, до которой поднимается живущий в нациях природный дух. Здесь, в философской антропологии, мы не можем входить в детали, рассмотрение которых лежит на обязанности двух только что упомянутых наук. Нам предстоит здесь рассмотреть национальный характер лишь постольку, поскольку последний содержит в себе зародыш, из которого развивается история наций”²

В приведенном фрагменте из “Энциклопедии философских наук” указывается несколько дисциплин, изучающих различия в “планетарной жизни природного духа”: философия истории, философская антропология, естественная история человека. Этнофилософия, следовательно, возможна в качестве раздела философии истории или философской антропологии.

В социальной философии вопрос о гносеологическом статусе этнофилософии специально не обсуждался. В истории философии этносоциальные процессы рассматривались и в рамках предмета философии истории (Вико, Гердер), и в рамках предмета философской антропологии (Кант, Гегель). Систематизация социально-философских наук на основе метода восхождения от абстрактного к конкретному позволяет снять указанную предметную неопределенность. В одной из дисциплин категориальный аппарат этнофилософии определяется, а в другой – используется как методологическое средство.

Понятия этнофилософии в социальной философии вводились, как правило, с позиций философии истории. Например, в историческом материализме исторические общности людей выделяются стадийно, в приблизительном соответствии с типами общественно-экономических формаций. Систематически этот подход был реализован Вл. Соловьевым: “По существенному своему значению общество не есть внешний предел личности, а ее внутреннее восполнение, и относительно множественности единичных лиц общество не есть их арифметическая сумма или механический агрегат, а нераздельная целость общей жизни, отчасти уже осуществленной в прошедшем и сохраняемой чрез пребывающее общественное *предание*, отчасти осуществляемой в настоящем посредством общественных *служений* и, наконец, предвещающей в лучшем сознании общественного *идеала* свое будущее совершенное осуществление. Этим трем основным и пребывающим моментам лично-общественной жизни – религиозному, политическому и пророческому – соответствуют в целом ходе исторического развития три последовательно выступающие, главные конкретные ступени человеческого сознания и жизненного строя, а именно: 1) *родовая*, принадлежащая прошедшему, хотя и сохраняемая в видоизмененной форме семьи, затем 2) *национально-государственный* строй, господствующий в настоящем, и, наконец, 3) *всемирное* общение жизни как идеал будущего”³.

Обратим внимание, что в модели Соловьева применение исторического принципа выступает как дополнительный способ выявления ступеней развития личности. Совмещение антропологической и исторической точек зрения опосредуется реализацией общесоциологического подхода. Различение ступеней прошлого, настоящего и будущего уточняется указанием на преобладание отдельных элементов общественной жизни – религии, политики, идеала.

Частично исторический принцип пытался реализовать Х. Ортега-и-Гассет в “Этюдах об Испании” Предлагая понимать нацию как динамическую реальность, он определяет ее в категориях конструирования будущего: “...Нация живет не традицией и не прошлым. Ошибочно полагать, что государство имеет семейные, родовые корни. Все иначе: нации формируются и живут лишь постольку, поскольку воплощают в себе некое стремление осуществить общую программу грядущего”⁴. Любопытно, что возникновение нации у Ортеги-и-Гассета трактуется как объединение разных наций. “Живым и созидательным началом, направляющим весь ход сплочения, – пишет он, – выступает национальная догма, *проект совместной жизни*”⁵ Нация, таким образом, рассматривается как интернациональная общность. При этом “объединение наций всегда связано с каким-то важным предприятием, с замыслом, требующим всестороннего участия и способным воодушевить людей”⁶.

Итак, сумма множества наций составляет одну нацию. Реализация (или провал) интернационального проекта ведет к разделению объединенных наций. Так, “к 1900 году в Испании впервые зазвучал набатный гул разного рода сепаратизмов и национализмов”⁷.

Концепции Соловьева и Ортеги-и-Гассета сближает отрицательное отношение их авторов к применению генетического подхода к определению нации. Ортега-и-Гассет рассматривает этот подход как фундаментальное препятствие на пути к научной теории. “Есть мнение, что развитие наций – результат роста некой исходной клетки. Это в корне неправильно, – утверждает он. – Любопытно, что в основе столь ошибочного и весьма распространенного подхода лежит еще одно, столь же ложное и еще более элементарное заблуждение. Имею в виду обычай усматривать происхождение политического сообщества в связи с развитием семьи. Сама идея, что семья – ячейка общества, непоправимо препятствует выработке подлинно научной социологической и исторической теории”⁸. Призывая реализовать не просто динамический, но и системный подход к описанию отдельной нации, Ортега-и-Гассет на примере Римской империи показывает, что реальный рост происходил путем комбинирования, редупликации социальных организмов.

Соловьев также настаивает на том, что семья есть поздний продукт редукции в рамках нации родоплеменной общности. Зарождение нации он рассматривает не как результат родоплеменной дифференциации, а как продукт союзного объединения разнородных племен. “Во многих, если не в большинстве случаев, – пишет философ, – несколько племен, родоначальники которых разошлись в незапамятные времена и которые выросли затем и развились самостоятельно, вне всякой связи между собою, сойдясь при новых условиях, вступают в союз посредством *договоров* ради взаимной защиты и общих предприятий”⁹.

Таким образом, формирование нации связывается не с прогрессирующей дифференциацией и индивидуализацией, а с интеграцией и расширением общения на новом социальном основании. Специфика исторических общностей неявно определяется через то социальное основание, которое объединяет людей на конкретном отрезке исторической жизни. Это основание трактуется в общесоциальных категориях и конкретно-исторической специфики не выражает. Поэтому нацию необходимо определять не в предмете философии истории – как историческую общность, а в предмете философской антропологии – как антропологическую общность.

К социально-философской антропологии

Предметное переопределение нации позволяет включить в соответствующий категориальный ряд понятия расы и подрасы, развитые в антропологии как науке. Значимость расового вопроса при исследовании этносоциальных процессов очевидна. Важно учесть, что выделение и самоопределение рас суть социально обусловленные, а не собственно природный процесс, как полагал Гегель, утверждавший что “всеобщая планетарная жизнь природного духа... дифференцируется в конкретные различия земли и распадается на *особых природных духов*, которые в целом выражают природу географических частей света и образуют *различия рас*”¹⁰.

Любопытно, что формирование расовых движений связывается с конкретным видом духовной деятельности – искусством. Как пишет Т.В.Гончарова, индеанизм зарождался в среде художественной интеллигенции: “Как это часто бывает в истории идей, индейская проблема нашла отражение сначала в художественной литературе, чтобы потом уже стать объектом философии, социологии и политики... Впервые в истории андских стран индеанистски настроенная интеллигенция увидела в миллионных индейских массах социальный, этнический и культурный фундамент формирующихся наций. Отсюда – повышенный интерес к древней истории, археологии, к изучению индейских культурных традиций, языков, фольклора”¹¹. Сходным образом формировались идеология негритюда и “желтый” расизм.

С таким видом духовной деятельности, как религия, обычно связываются генезис движений народнического типа и выделение народов как движущей силы истории. В трактате И.Канта “Религия в пределах только разума” эта мысль излагается в главах “Понятие этической общности есть понятие о народе божьем под этическими законами” и “Идея народа божьего (при воплощении в людях) может быть осуществлена не иначе, как в форме церкви” Факт интеграции религии и мирской практики в форме различных национальных церквей концептуализируется в понятии народа как этической общности. В теоретическом плане народ как антропологическая общность определяется в соотношении с религиозной и нравственной деятельностью.

Интерпретация народа как церкви действительна только для протестантских конфессий, реализовавших в реформационных движениях специфические моральные кодексы как этические основоположения отдельных нравственных общностей людей. Мировые религии первой волны выполняют

космополитическую миссию. “Универсальный, космополитический характер католицизма не позволяет церкви ставить своей целью самоутверждение нации, – пишут авторы монографии “Национализм в Латинской Америке”. – Поэтому требования признания и защиты национального развития, национальной независимости и единства сопровождаются постоянными призывами к союзу и равенству наций, предупреждениями против национального изоляционизма”¹².

Религиозный фактор в формировании антропологических общностей действует не только в пределах христианского мира, реформационные движения в исламе стимулируют пробуждение народов Востока. Об этом говорит, в частности, О.И. Жигалина: “Пользуясь глубоким доверием основной массы курдов, духовенство в курдских районах издавна отличалось большой политической активностью. Оно принимало и принимает активное участие в курдских национальных движениях. В курдской истории немало примеров, когда шейхи выступали в роли руководителей и идейных наставников курдских народных восстаний; и теперь они стоят во главе национального движения”¹³.

У истоков антропологической общности может быть военно-политическая деятельность. Как известно, племенные союзы заключались в оборонительных целях, а предметом защиты вместо Родины становилось Отечество. Обсуждая понятие *отечества*, Соловьев затрагивает как раз военный фактор. “В действительности государства произошли из войн и договоров, – пишет он, – но это не мешает тому, что цель или смысл их образования состоит в том, чтобы установить в широком кругу народных и даже международных отношений такую же солидарность или же мирное сожитие людей, какое существует искони в пределах рода”¹⁴.

В настоящее время армия играет исключительную роль в национальном развитии. “Само положение армии в системе общественных отношений как особого социального надстроечного института, в рядах которого состоят представители самых различных классов, слоев общества, бесспорно создает благоприятные условия для влияния на нее национализма, – говорится в монографии “Национализм в Латинской Америке” – В головах немалого числа военных это обстоятельство создает почву для иллюзорных представлений об армии как особом институте, который как бы аккумулирует и синтезирует все национальные, духовные ценности, представляет интересы всех слоев населения, выступая, таким образом, как гарант существования нации, ее монолитности. Именно национализм – своего рода исходный фактор, своеобразная точка отсчета для осознания большинством военных своего места в обществе”¹⁵.

Если Кант идентифицировал народ как этическую общность с церковью, то Ортега-и-Гассет идентифицирует нацию с армией. “...Мера армейской мощи и совершенства есть мера, которая точно определяет моральную и жизненную крепость нации”¹⁶, – утверждает он. В данном примере терминологическая точность не существенна. Но если попробовать ее добиться, то следует вспомнить, что одной из форм организации общественной жизни была военная демократия. Для обозначения соответствующего типа антропологической общности возможно использовать термин “демос”

Этот и другие примеры показывают, что с позиций социальной философии открывается перспектива интеграции социальной антропологии, традиционно изучающей этносоциальные процессы, и философской антропологии, пока занятой изучением индивида. Концептуальное поле социально-философской антропологии позволит избежать центрирования на этнографии, предметом которой является частный тип антропологической общности.

Примечания

¹ Леонтьев К.Н. Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву // Леонтьев К.Н. Избранное. – М., 1993. – С. 365.

² Гегель. Энциклопедия философских наук // Гегель. Соч. – М., 1956. – Т. III, ч. 3: Философия духа. – С. 76.

³ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. – М., 1990. – Т. 1. – С. 284.

⁴ Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. – Киев, 1994. – С. 32.

⁵ Там же. – С. 31.

⁶ Там же. – С. 48.

⁷ Там же. – С. 42.

⁸ Там же. – С. 26, 27.

⁹ Соловьев В.С. Оправдание добра... – С. 290, 291.

¹⁰ Гегель. Энциклопедия философских наук. – С. 69.

¹¹ Гончарова Т.В. Индеанизм: идеология и политика (Боливия, Перу, Эквадор. 50–60-е годы XX века). – М. 1979. – С. 180, 181.

¹² Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. – М., 1976. – С. 181.

¹³ Жигалина О. И. Роль ислама в развитии идеологии курдского национального движения в Иране // Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. – М., 1982. – С. 120.

¹⁴ Соловьев В.С. Оправдание добра... – С. 291.

¹⁵ Национализм в Латинской Америке... – С. 181.

¹⁶ Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. – С. 34.

С.Г.Ларченко
(г. Новосибирск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КУЛЬТУР

В развитии отдельных конкретно-исторических социальных организмов (культур) можно выделить региональные социально-пространственные образования, обладающие относительной обособленностью в детерминации собственной процессуальности развития и воспроизводства. Формулируя теоретический концепт проблемы социально-культурного региона, необходимо исходить из его понимания как некоторой качественно определенной пространственной локальности социальных отношений. Это пространство формируется на основе социальных отношений двух типов: взаимоотношений социальных субъектов и отношений социальных субъектов с объектами. Соответственно в типологии социально-пространственных регионов можно выделить объекты, локализованные в пространстве межкультурных взаимодействий и в пространстве, образуемом взаимодействием внутрикультурных социальных субъектов.

Структуры социальных взаимодействий, образующих регион, оформлены пространственно, при этом само региональное пространство содержит как элементы живой социальной активности, так и социально-вещественные элементы, являющиеся опредмеченными результатами и совместной, и собственной, самодостаточной активности субъектов – отдельных социальных организмов и локальных субкультурных образований, имеющих достаточно развитые субъектные свойства. Объекты естественно-геологической среды, становясь объектами совместной активности взаимодействующих культур, приобретают качество ее опредмеченных результатов, фиксируясь на различных уровнях социально-вещественной структуры: на уровне природно-географической среды (в том числе ее ландшафтных характеристик), транспортно-коммуникационной структуры, архитектурной среды жизнедеятельности и др. – и образуя тем самым структурные основания регионального пространства межкультурных взаимодействий.

Регионы, формирующиеся в контексте межкультурных взаимодействий, по мере своего исторического развития все более наполняются “живой тканью” социальной активности взаимодействующих социальных организмов-культур, “достраивая” становящуюся систему общей активности до целостности нового социального организма, в котором прежде отдельные конкретно-исторические общества приобретают статус подсистем, относительно обособленных элементов новой системной целостности. Различные степени и формы развития этого процесса реализуются в различных сферах общественной жизни взаимодействующих в регионе социальных организмов – в сферах производства человека, производства материальных благ, производства форм общения. В реальной истории региональные структуры формируются как целенаправленно, в конкретной деятельности различных органов социального управления и (или) корпоративных структурах управления, действующих в сфере экономики, так и спонтанно, через активность институционально не оформленных социальных групп.

Социальное пространство регионов организуется в различного рода социально-вещественных структурах (транспортная инфраструктура, информационные коммуникации, связи производственной кооперации и др.), образуемых как опредмечивание живой активности взаимодействующих социальных субъектов – целостных и частичных. Тем самым полагаются два типа отношений, существующих в жизни социального организма: отношения между целостными социальными субъектами (пространство межкультурных взаимодействий) и отношения между частичными субъектами (пространство внутрикультурных взаимодействий). В этом плане типология регионов включает в себя два основных типа: регионы межкультурных взаимодействий и регионы, фиксированные во внутрикультурной среде.

Онтологически в процессе социального развития существует два основных типа региональных структур. Если первый тип регионов формируется на уровне взаимодействия множества культур в пространстве всемирной истории, то второй образуется взаимодействием частичных субъектов, реализующих свою активность во внутреннем пространстве отдельного социального организма. И наконец, можно выделить третий тип регионов, у которых принципиально иной источник возникновения и

развития. Если первые два типа характеризуются гомогенностью своих оснований, то третий принципиально гетерогенен и в силу этого выступает в качестве переходного типа в системе теоретического обоснования типологии регионального социального развития.

Примером третьего типа может служить регион Карибского моря в XVII–XVIII вв. В указанное время в данном регионе действовали как отдельные социальные организмы (Англия, Франция, Испания, Голландия), так и частичные субъекты (различные каперские компании, корсары, буханьеры, флибустьеры и просто пираты), имевшие различную связь с государственными структурами. Регион был зоной пересечения интересов и противоречий субъектов, образующих эти структуры. Каждый субъект – частичный или целостный – преследовал собственную цель. Однако частичных субъектов, порой являвших собой квазигосударственные образования, не замечали или терпели лишь до определенного времени. Как только исчезло относительное равновесие вилл противостоящих в этом регионе государств, данные субъекты за короткий промежуток времени были ликвидированы. Зоны их базирования складывались как автономные территории, во многом номинально признающие юрисдикцию метрополии, но они никогда не развивали возможностей независимого от метрополии воспроизводства своей целостности. Сходным с регионом Карибского моря по своему генезису и исторической судьбе был регион противостояния ряда европейских государств и Османской империи – Запорожская Сечь.

Самым общим основанием для того, чтобы теоретически фиксировать существование внутрикультурных регионов, является то, что социальный организм рассматривается как единство многообразия. И именно в силу того, что это различенное, а не безразличное единство, каждый момент такого внутреннего различия может быть фиксирован как некоторая обособленная отдельность, локальный элемент, отличный от других локальных элементов, существующих в социальном мире данного общества. И в этом смысле ни одно общество не может развиваться вне регионального развития.

Процесс внутренней пространственной дифференциации социального организма генетически основывается на изоморфизме базовых системных структур воспроизводства общественной жизни. Однако системные изоморфы культурного бытия (производство человека, производство материальных благ и производство форм общения), различаясь в пространстве живых внутренних социальных взаимодействий, проецируют свое историческое бытие на общую социально-вещественную структуру, лишь включая ее вещественные объекты в различные интерпретационные отношения. Таким образом, существуя в различных измерениях пространства живой активности, они “сходятся” в общем “физическом” пространстве.

Развитие целостности культуры немыслимо без того, чтобы эта целостность не реализовывала себя по-разному в различных моментах локальности своего внутреннего пространства. В этой связи важно выявить различия между структурами органической системы культуры, которые не локализованы пространственно в теле социального организма, но проецируются на всю его целостность. Иначе говоря, сама целостность культуры есть некоторая совокупность, множество взаимно рефлексивных систем, совпадающих по набору входящих в них элементов и в этом смысле являющихся изоморфами. Не будучи локализованными в социальном пространстве, но локализованные каузальностью изменений (различаясь между собой структурообразующим фактором), они отличаются от регионов, локализованных пространственно, но существующих одновременно и в общей системе причинно-следственных отношений. Каждая из структур изоморфа может рассматриваться как органическая структура, поскольку она имеет все необходимые и достаточные элементы для воспроизводства всей целостности своей социальной жизни.

Структура региона характеризуется тем, что она не есть сама по себе органическая целостность. Это означает, что регион не обладает способностью воспроизводить свою социальность вне воспроизводства других регионов – элементов социального организма. Однако в какой бы ситуации ни осуществлялась пространственно-временная локализация региональной социальной структуры, в ней обязательно будут присутствовать инвариантные универсальные изоморфы, хотя характер организации может быть различным. Регионы не имеют важного элемента, присущего рефлексивным структурам, и поэтому они не являются целостными органическими структурами. Один из основных признаков органической системы, состоящий в том, что элемент такой системы воспроизводит свое существование лишь через воспроизводство других элементов системы, к которой он принадлежит, и определяет условия вхождения региона в культуру. При сохранении инвариантных структур культуры теми или иными регионами организация данных регионов такова, что эти культуры все же не являются законченными системными феноменами.

Вместе с тем наличие региональной структуры – это постоянно фиксированная в любом отдельном социальном организме возможность “размножения через деление”. В случае отсутствия у развивающейся культуры контрсубъекта она производит его из себя, и производит на основе одного из собственных

регионов за счет его обособления в отдельный социальный организм. Механизм такого становления реализуется в межкультурных взаимодействиях, которые необходимо достраивают отношения отдельных конкретно-исторических обществ до органической системы более высокого уровня.

Регионы внутреннего социального пространства конкретно-исторической культуры снимают в формах своего бытия содержание предшествующего культурного развития. В них сохраняются “следы” прежней отдельности социальных организмов, подвергшихся полной структурной интеграции во вновь возникшей в контексте межкультурных взаимодействий культурной целостности. Прежде независимые социальные организмы сохраняют не только особенности своей структурной организации и нормативно-регулятивного содержания, обусловленные историей их отдельного развития, но также и особенности, связанные с природно-географической средой, территориальной, пространственной, временной и другими формами локализации. Когда образуется новая системная целостность, они не растворяются в безразличном единстве, а становятся ее элементами в двух отношениях. Во-первых, они становятся элементами этой целостности на уровне общих инвариантных структур изоморфов; во-вторых, они создают новую природно-географическую среду, новое социальное пространство и время. В новом пространстве и времени эти элементы перестают быть отдельными и становятся особенными.

Особое место во вновь возникшей системной целостности занимают этнические образования. Этническая общность, определяемая как социальный организм, взятый в отношении к производству человека, приобретает в синтетическом культурном единстве статус субэтнической группы, сближаясь по своему значению с субэтническими группами, возникающими в процессе территориальной экспансии культуры и дивергенции этнических признаков в результате адаптации к различным условиям формирующейся региональной природно-географической среды. В дальнейшем развитии культуры региональные субэтны могут в равной мере подвергнуться глубокой ассимиляции или эволюционировать в направлении усиления особенного содержания, вплоть до нарастания тенденций к выделению из базовой культурной общности. В полиэтнических территориально-государственных культурных общностях в едином социальном пространстве его региональная структура может быть представлена как региональными субэтнами, так и региональными этническими группами, сохраняющими свою этническую обособленность в рамках единого политико-правового и экономического пространства.

В структуре полиэтнического культурного пространства особое место занимают полиэтнические группы, не образующие региональные территориальные общности, но имеющие дисперсный характер расселения. Не обладая относительно обособленными структурами воспроизводства социально-вещественной структуры живой активности, они, по выражению Маркса, “живут в порах общества”, “осаждаясь” на компактно проживающих группах региональных субэтнов и региональных этнических группах. Однако дисперсность расселения сама по себе еще не является достаточным условием ассимиляции. Дисперсно расселенные этнические группы в социальном пространстве полиэтнических государств могут быть закреплены на исторически длительное время в кастовой или сословной структуре доиндустриальных обществ. Если конкретно-исторические обстоятельства создают возможности локализации дисперсно расселенных этнических групп в территориальных границах компактного проживания, где они становятся этническим большинством, то такие этнические группы могут реализовываться в культурную отдельность, оформленную государственно (таково, например, образование государства Израиль).

Регионализация общественной жизни может быть детерминирована как распадом общества, так и синтезом участников межкультурных взаимодействий. Региональная структура – это структура, которая формируется в данном отдельном социальном организме не только как снятие предшествующей истории, но и как предпосылка последующей истории развития. В этом аспекте любое развитие оказывается связанным с возрастанием многообразия, а развитие внутреннего многообразия предполагает и развитие региональных структур. Здесь логичен вывод о том, что развитие целостности социального организма вне регионального развития фактически невозможно.

Региональное развитие присуще не только федеративным государствам, – это необходимая форма развития и унитарных государств. Существует потребность в развитии центров самоорганизации и самоуправления на уровне локальных элементов. В ином случае резко снижается устойчивость системы социального организма в целом по отношению как к внутренним, так и к внешним возмущающим факторам. Определенная автономность оказывается необходимой для выживания социального организма вообще. Вопрос заключается лишь в ее мере, поскольку автономность может вызвать эффект сепаратизма и отделения. В этом контексте здоровое развитие социального организма можно определить как баланс между унификацией и усилением особенного до отдельности.

Таким образом, структура региона не изоморфна структуре социального организма. Если изоморфная структура содержит все элементы, необходимые и достаточные для воспроизводства органической целостности и отличается от других своими структурообразующими факторами, то региональные структуры характеризуются именно тем, что они либо еще не приобрели, либо уже утратили системную достаточность независимого воспроизводства. Для того чтобы региональное развитие не переросло в сепаратизм, формирование многообразия должно осуществляться в регионах так, чтобы они не приобретали способности к независимому воспроизводству.

Подобного результата можно достигнуть путем недопущения формирования их достаточности, а в случае появления такой достаточности следует "разбавлять" ее новыми структурами, которые порождают определенную зависимость данного социального организма от других регионов, способствуя одновременно углубленному развитию данного региона. В случае усиления сепаратистских тенденций такой регион встает перед выбором: либо самостоятельное существование в качестве независимого государства с последующей неизбежной примитивизацией сфер и структур социальных отношений, что несомненно снижает качество жизни населения, либо сохранение существующего положения.

Однако при этом необходимо помнить о том, что отдельный социальный организм-государство также необходимо связан с ситуацией мирового развития в условиях возрастания взаимозависимости. До сих пор при анализе мировых связей основной акцент делался на сугубо экономических контактах, влияние других сфер (так называемой духовной культуры и др.) практически не учитывалось. Нельзя не принимать во внимание и то обстоятельство, что интернационализация экономических отношений не упраздняет автономность существования отдельных социальных организмов в структуре международных отношений. Поэтому необходимо иметь в виду, что помимо воспроизводства экономической жизни и обеспечения достаточности внутренних ресурсов у регионов существуют и другие потребности.

Обратимся вновь к анализу социального организма с его государственно-территориальной организацией. Требуется уточнить, как здесь воспроизводятся другие основания социальности.

В дотеоретическом описательном знании используются такие понятия, как "провинция" и "периферия", которые имеет смысл перенести в настоящий анализ с необходимыми уточнениями, а именно, определив, как эти понятия соотносятся с понятием "регион". Известно, что регионы могут быть провинциальными и периферийными, столичными и центральными. Однако такие определения существуют на уровне практики, когда нормы употребления соответствующих терминов формируются вне теоретического знания. Но не следует чрезмерно принижать значение дотеоретического знания, а потому, при известной доле скептицизма, можно и нужно использовать материал, наработанный в этой форме знания, поскольку обыденное сознание в конечном счете имеет дело с той же объектностью, что и знание предметно-теоретическое. Соответственно некоторые моменты его идеального отражения бывают весьма полезными практике. Другое дело, что их надо рационализировать, вычленив и соотнести с определенной теоретической модельной конструкцией.

Учитывая сказанное, необходимо уточнить, что понимается под центром, периферией и провинцией.

Периферийные районы могут быть одновременно и столичными. Например, Санкт-Петербург в эпоху Российской Империи в территориальном отношении, с точки зрения региональной картографии был периферийным, но с точки зрения организации системы управления государством он был центральным. То есть существуют понятия географического центра и центра как места, где генерируются и реализуются функции социального управления и социальной организации. Как известно, важным фактором консолидации форм активности социального организма является ценностно-ориентационное единство оснований рефлексии различных социальных субъектов. В этом смысле территориально организованным ядром, генерирующим ценности, принимаемые данным социальным организмом, может быть то, что с точки зрения политического районирования рассматривается как провинция.

Однако помимо ценностного нормирования существуют целевое нормирование и нормирование по средствам деятельности. Если говорить об общезначимых для данного социального организма ценностях, то центром их генерирования не обязательно будет политический или административный центр. Существует также возможность миграции центров внутри социального организма, обычно связанная с политическими изменениями. При этом характерно, что проявляет себя инерция сохранения центром, утратившим свое политическое значение, ряда прежних функций. Например, после переноса столицы из Москвы в Санкт-Петербург многие структуры генерирования ценностей остались в Москве. В этом плане центры формирования субъектности социального организма не всегда совпадают, а потому, когда говорится об отношениях центр – периферия, центр – провинция, необходимо уточнять структурно-функциональные и нормативные моменты указанных отношений. Это необходимо, поскольку в реальности возникает и существует многомерная и многоуровневая структура.

В каждом регионе присутствуют все сферы социальной активности, но эти сферы сегментированы, хотя они и могут, при определенных условиях, быть достроены до необходимой достаточности, после чего регион может приобрести свойство отдельного социального организма. Достройка сегментов является одним из процессов, воспроизводящих деление социального организма и формирование из него нового социального организма как своего социального иного. Подобное выделение на языке политики означает сепаратизм, и, как таковой, оно является объектом целенаправленной государственной активности, тем более что в современных исторических условиях почти невозможно найти социальный организм, не имеющий контрсубъекта социальных взаимодействий. Для предотвращения сепаратизма в развитии регионов обязательным является недопущение достраивания структуры социальной активности до целостного состояния. Однако здесь неоправданной и практически невыполнимой будет изоляция региона от внешнего мира, поскольку одновременно это и изоляция собственно социального организма, что чревато застоєм в развитии, последующим отставанием и, возможно, деградацией.

Подобная агорафобия, связанная со стремлением не допустить чуждых влияний, на самом деле может способствовать накоплению потенциала сепаратизма, который реализуется в последующем, поскольку общество, лишенное полноценных взаимодействий с контрсубъектами, встает на путь углубления внутренних дифференциаций, причем столь значительных, что сегментированные целостности начинают достраиваться до полноты. Вспомним последние годы существования СССР, когда в условиях товарных дефицитов регионы, стараясь предотвратить вывоз со своей территории той или иной продукции, организовывали некое подобие таможенных барьеров. Напротив, реальная политика управления регионами должна приводить к тому, чтобы углубление дифференциации между регионами сопровождалось их специализацией с одновременным ростом взаимозависимости. Развитие специализации регионов приводит к вполне закономерному вопросу об отличии специализации региона внутри данного социального организма от специализации на уровне международного разделения труда, где действуют отдельные социальные организмы. Очевидно, что здесь существует некая опасность сепаратизма, которая должна учитываться политическим руководством. Оптимальным решением, предотвращающим сепаратизм регионов, является, несомненно, их включение в структуру международного разделения труда как подсистем отдельного социального организма.

Действительная социализация регионов реализует себя прежде всего в плане адаптации социального организма к естественно-геологическим и природно-географическим условиям и условиям позиционирования территориально-пространственной организации социального организма в системе взаимодействующих социальных организмов. Внутри социального организма межрегиональные контакты обеспечивают условия для универсализации регионов в их связанности друг с другом, поскольку в своем взаимодействии регионы неминуемо должны развивать некоторую целостность, основанную на единстве ценностного мира, целей развития, на использовании определяемых общей культурной традицией единых форм организации, на общении и управлении. Развитие такой целостности, или духовной культуры, позволит обеспечить необходимую универсализацию и, возможно, будет способствовать недопущению развития сепаратистских тенденций. Регион может воспроизводить себя только через контакты с другими регионами, составляющими единое целое. Мир субъектных идентификаций региона должен быть тождественным миру субъектных идентификаций всего социального организма, как и других составляющих его регионов. Тождественность этих идентификаций и дает необходимую совместимость взаимодействий регионов, направленных на их воспроизводство.

Сказанное позволяет рассматривать регион в рамках процесса снятия межкультурных взаимодействий во внутрикультурные. Соответственно если проблема региона зафиксирована как проблема взаимодействия регионов в социальном организме, ее можно описать средствами теории межкультурных и внутрикультурных взаимодействий. Обосновав возможность и необходимость рассмотрения проблемы регионального развития в контексте внутрикультурных связей и отношений, можно выявить те ее аспекты, которые требуют анализа. Первая из возникших проблем – это необходимость рассмотрения групп – трансляторов культуры во внутрикультурных взаимодействиях, обслуживающих связи между регионами и регионом и некоторым центром.

Следует сразу же отметить, что если в собственно межкультурных взаимодействиях роль групп – трансляторов культуры заключается в обеспечении проецирования нормативного содержания чуждой культуры, то роль таких групп во внутрикультурных взаимодействиях иная, поскольку все элементы отдельного социального организма принадлежат к одной и той же культуре. Кроме того, всегда существуют некоторые возмущающие воздействия извне, которые внедряют новое для данного общества социальное содержание в различные сферы социальных отношений различных регионов неоднородно и неравномерно. Это порождает, в свою очередь, неравномерность развития регионов. Роль групп –

трансляторов культуры во внутрикультурных взаимодействиях оказывается фиксированной именно на обменах социальным новым, генерированным в структуре регионов, т.е. на сборе, изучении и внедрении произведенного в других регионах социального нового.

В этом плане структуры управления инновационными процессами, складывающиеся, к примеру, в рамках “Сибирского соглашения”, показывают, как региональные структуры формируют механизмы обмена социальным новым и воспроизводства социальной целостности Сибирского субрегиона. Подобные субрегионы, которые могут быть основаны как на территориальном, так и на функциональном признаке, образуют новый, промежуточный между общим и особенным, уровень социальной структуры общества.

Деятельность групп – трансляторов культуры, обслуживающих межрегиональные взаимодействия, представляет собой определенный аспект деятельности групп – трансляторов культуры, обслуживающих внутрикультурные взаимодействия. В действительности в любом социальном организме наряду с хорошо агрегированными, институционализированными и положительно идентифицирующими себя с социальной действительностью субъектами действуют субъекты, достаточно слабо связанные с целостностью социальной структуры вообще. Последние могут быть крайне активными с точки зрения готовности к вступлению в самые различные отношения в рамках взаимодействующих культур, причем во взаимодействия, слабо нормативированные и институционализированные как для данного социального организма, так и для его составляющих, что обуславливает, в частности, их развитую миграционную активность.

Данное утверждение относится прежде всего к субъектам-индивидам, но сохраняет свое значение и для формируемых ими малых групп. Таким образом, эти субъекты обслуживают в первую очередь межрегиональные обмены. Например, в США представители среднего класса отличаются более высокой, по сравнению с другими группами населения, миграционной активностью, меняя место жительства, при этом избирая города и штаты, как правило, отдаленные от прежних. Как следствие, региональные элиты состоят не только из представителей данного региона, – в них входят и представители других регионов, образующих общество, что практически исключает замыкание элиты региона в себе и последующее нарастание сепаратистских настроений. Напротив, существование такого института контроля миграции населения, как прописка, явилось одним из моментов, обуславливающих культурную замкнутость ряда региональных элит, подготовившую сепаратизм постсоветского периода. В этом плане огромное значение приобретают возможность выдвижения региональных лидеров на общенациональный, общекультурный уровень и, что весьма важно, их периодическая смена в рамках соответствующих избирательных процедур.

*В.А.Кузьмин
(г. Красноярск)*

ПРОБЛЕМЫ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Любое взаимодействие культур, цивилизаций связано главным образом со свойствами взаимодействующих сил, влияющих одна на другую. Качество, степень этого взаимодействия, взаимовлияния зависят от сходства и своеобразия культурно-цивилизационных моделей, предполагающих некоторое типологическое подобие. Сходство и своеобразие являются непреложными условиями всякого взаимодействия, ибо они выражают во всеобщем общечеловеческом содержании культуры ее уникальность, неповторимость, полифоничность.

Цивилизация как форма организации всеобщей социокультурной связи индивидов в целостный организм имеет качественно определенные типы ценностных ориентаций, социального устройства и прогресса. В рамках этих типов воспроизводится все материальное и духовное богатство общества.

При анализе современных взаимодействий Россия–Запад–Восток следует исходить из системообразующих принципов цивилизаций, определяющих характер межцивилизационных отношений. Так, современная западная цивилизация по своей социально-экономической природе является буржуазной, и ее цивилизующая миссия основывается на экономическом интересе и направлена на спонтанные и контролируемые преобразования в способах организации экономической жизни, качестве жизни в целом. Культурно-цивилизационная модель Запада базируется на аналитико-дифференцирующем, волеизъявляющем, концептуально-сциентистском, генерализующем, воленавязывающем и эгоцентрическом сознании. Эта культура, сформированная на товарно-денежных отношениях, отчуждает человека от основ

его существования, разрывает связь между глубинным прошлым и настоящим, приводит к дистанцированию рас и этносов. Такая разобщенность находит свое выражение в культуре общения, в которой общение заменяется коммуникацией. “Коммуникация” – термин, несущий в себе техническое значение и отражающий представление о механизме связи разобщенных индивидов.

Российская цивилизация в настоящее время является, по существу, переходной от социалистической к буржуазной. Как и во всяком переходном обществе, здесь происходят смещение, оттеснение, трансформация прежних норм, ценностей, при этом не затрагиваются базовые культурные доминанты. Как известно, российская культура в целом складывалась в результате проникновения в автохтонную культурную константу русских евровизантийской и восточно-азиатской культур. При этом огромное, неизгладимое влияние на глубинные основы культуры русских оказало православие. Сакрализация всей духовной жизни облекла прошлый патриархальный коллективизм в соборный – в коллективное житие. Способ видения мира, качественное своеобразие интеллектуальной и эмоциональной жизни, жертвенная сентиментальность, святость стыда и вины через покаяние – все это результат православного коллективизма, экзистенциально-интуитивного, восточно-романтического постижения мира, опыта становления и развития самого русского человека как субъекта культуротворчества. Именно эти черты продолжали составлять фундамент социалистической культуры и функционировали в новой социально-идеологической окраске.

В рамках российской субкультуры можно выделить и *третью* модель культуры – мультикультуру народов, входящих в состав России, имеющих в рамках общей культуры специфические особенности. Так, например, мультикультура народов Сибири несет на себе отпечаток влияния Азиатско-Тихоокеанского региона. Характерные для этого региона целостное восприятие мира, органическое единство человека и природы, этического и природного, морального и естественного, группоцентрическое сознание, обусловленное суровостью края, – особенная черта культуры сибирских народов. Это относится не только к аборигенам, но и ко всем некоренным народам, пришедшим в Сибирь в прошлые столетия. Диффузия культур коренных и некоренных народов, естественная ассимиляция и группоцентрическое сознание породили не только уникальную культуру, но и особенный сибирский менталитет – метисированное сознание.

Как видно из сказанного, *налицо разные, многомерные культурно-цивилизационные модели, не во всем совместимые, а подчас и противоположные, приводящие к конфликтному взаимодействию*. Возникает вопрос: имеется ли общее в культурах двух цивилизаций? Да, несмотря на различия, в них имеется общее. Таким общим является технокультура, внесшая в культуру функциональное содержание и направленность. Техническая цивилизация и технокогнитивная культура составляют значительный слой как в российской, так и в евроамериканской культуре. И этот слой будет расти, знаменуя собой робототехническое начало человеческой истории. Именно в этой сфере культуры идет интенсивный взаимообмен, что плодотворно сказывается на развитии отношений двух культур.

Однако последствия техноквилизации далеко не однозначны. Уже сегодня технокультура ведет к возрастанию энтропии духа. В книге К.Ясперса “Современная техника” последствия этого феномена характеризуются так: “...Предельная рационализация... бытия человека, вытесняющая прежние нормы, создала как бы огромный духовный вакуум, ничем не заполненную пустоту внутреннего мира человека” Действительно, западный человек, найдя чисто технические средства воздействия на природу, отрекся от нее, покинул природу как одухотворенную значимую реальность, вступив в мир мертвых технических форм. Это особенно опасно для народов Сибири, ибо мы имеем горький опыт освоения природных богатств этого края.

Восточная Сибирь исторически считалась сырьевым придатком России. Исходя из этого и строилась геополитика царского правительства. Формирование новой структуры хозяйства, ускоренный промышленный рост Восточной Сибири при Советской власти практически не изменили геополитику Центра. Создание крупных территориально-производственных комплексов с разносторонней структурой производства резко расширило фронт освоения природных ресурсов и увеличило масштаб их вывоза. Расширение географии производительных сил Сибири дало ряд положительных результатов: устаревшая локальная форма развития сменилась на ареальную, изменилась профессиональная структура населения, повысилась его социальная мобильность, испытали определенное воздействие все стороны материальной и духовной жизни народов. Получая поддержку от государства, производство могло безболезненно менять свой профиль, структурные подразделения, обеспечивать занятость людей и их благополучие. В целом все эти положительные моменты смягчали возникавшие противоречия.

Вместе с тем геополитика Центра приводила народы Сибири к различным формам отчуждения, и если какие-то из этих форм исчезали, то им на смену приходили другие. Одной из самых первых форм отчуждения при Советской власти явилось *отчуждение народов от природных основ своего бытия*.

Как известно, создание крупных производственных комплексов требует глубокой научной проработки, научно обоснованной методики, в которой люди должны предстать в качестве центрального компонента моделирования. Однако в спешке освоения природных богатств Сибири само население было отодвинуто на задний план, и в результате веками складывавшиеся уклад жизни и формы хозяйствования вмиг были уничтожены. Отчуждение от природы, *отчуждение от уклада жизни* привело человека к *самоотчуждению – утрате им своей самости, своей функции носителя культуры этноса*. Пример тому – судьбы народов Чукотки, Хатанги и других северных районов.

Особую форму отчуждения породила миграция. Отсутствие специалистов и грамотных рабочих, как известно, восполнялось за счет переселенцев. Усиление притока переселенцев, маятниковые перемещения населения привели к созданию серии спутниковых поселений и урбанизированной среды. И это естественный, положительный процесс. Но вследствие неправильной геополитики Центра хозяйственный комплекс становился абсолютным хозяином региона, а люди, работающие в этом комплексе, в глазах местных жителей превращались в “оккупантов”. Так возникало *межэтническое отчуждение*.

В современной обстановке диалог между народами Сибири, Запада, Востока осуществляется преимущественно в экономической области. Приватизированные иностранным капиталом предприятия постепенно приходят в негодность. Закрываются предприятия, комбинаты, бывшие переселенцы из-за отсутствия работы вынуждены выезжать, оставляя бесхозными поселки. Результатом стали два драматических обстоятельства. Первое – это обилие заброшенных технических устройств, антропогенные изменения, приведшие в негодность освоенное аборигенами пространство в самой его первооснове. Второе – проблематичность существования этноса в подобной экосистеме. У людей отняли их жизненный мир. И не случайно, что в этих северных регионах алкоголизм, наркомания, суицид становятся привычными явлениями. Одновременно сокращается воспроизводство населения. *Отчуждение от жизни* – таков трагический финал. Совершенно очевидно, что причина этого кроется в “столкновении”, “наложении” двух диаметрально противоположных цивилизационных хозяйственных концепций, в непродуманной геополитике правительства современной России.

Сегодня новые месторождения золота, нефти, газа вызывают интерес у иностранных компаний. Правительство уже продает эти месторождения. Значит, регион опять будет выполнять роль сырьевого придатка, только в ином варианте, с более тяжкими последствиями. Что необходимо сделать? Прежде всего, следует исходить из того, что *территория региона является собственностью проживающего на ней народа и этот народ обладает абсолютным правом владения, распоряжения собственностью*. Далее, важно признать, что *природа есть необходимая и главная составляющая культуры народа*. Ведь отношение человека к природе всегда было проекцией отношения человека к самому себе и к другим людям. Следовательно, это отношение носит морально-нравственный, а в целом культурный характер. А поскольку отношение сибиряков к природе носит этический характер, то *сибирский народ надо рассматривать как народ с особенной географией поведения*. При научной проработке многофакторных влияний хозяйственной деятельности на экосистему предметом научного анализа, на наш взгляд, должны стать: а) человек как биосоциальное существо, адаптированное к данной природной среде; б) население как носитель определенных социальных устоев и способов организации хозяйства; в) будущее качество окружающей среды.

Подобный подход должен опираться прежде всего на общеэкологический принцип, в котором главным является *учет адаптационных механизмов биосферы в установлении равновесия, нарушенного хозяйственной деятельностью человека, и внутренних механизмов адаптации человека к нарушению экосистемы*. Особенно это касается северных районов Сибири. Подчинение экономической рациональности интересам благополучия человека и учет того, что антропоэкосистема представляет собой сложно устроенную систему, в которой не всегда возможно проследить причинно-следственные связи, резко изменяющие качество окружающей среды, – такой в целом должна быть концепция взаимоотношения человека и природы как внутри цивилизации, так и в междоцивилизационных взаимодействиях. Но данном этапе мы имеем лишь печальные итоги первых шагов взаимодействия цивилизаций. Естественно, любой паводок несет в себе разрушительную силу, но мудрость народа в том и состоит, что он вопреки всему умеет охранять и сохранять *свою самость, т.е. культуру*.

Е.А.Ерохина
(г. Новосибирск)

К ИЗУЧЕНИЮ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

Проблема изучения межэтнических взаимодействий вызывает сегодня живой интерес в связи с развитием процессов внутриэтнической консолидации и вызванной этим обострением межэтнической напряженности в регионах России. Принципиально важное значение для оценки ситуации, сложившейся в сфере межэтнических взаимоотношений, имеет анализ существующих исследовательских подходов к ее изучению.

Сегодня в изучении взаимодействий между этносами определилось два направления: исследование межкультурных взаимодействий и исследование национальных отношений.

Количество работ, выполненных в рамках *исследования межкультурных взаимодействий*, невелико, а полученные в их результате выводы не позволяют говорить об этом направлении как о едином в методологическом отношении. К проблеме взаимодействия культур чаще, чем философы, обращаются историки, этнографы, литературоведы. Среди авторов можно выделить М.В.Петрова, Ю.М.Лотмана, С.А.Арутюнова. Из философских работ, обращенных к этой проблеме, нам известны лишь монография С.Г.Ларченко и С.Н.Еремина “Межкультурные взаимодействия в историческом процессе” и несколько диссертационных исследований.

В изучении межкультурных взаимодействий категория “культура” в большей степени приспособлена к освещению различных аспектов взаимоотношений между этническими группами в сравнении, например, с исследованием национальных отношений, несмотря на то обстоятельство, что, за редким исключением, межэтнические взаимодействия не являются предметом специального анализа в рамках данного направления; наблюдения, которые сделали исследователи, разрабатывающие проблемы межкультурных взаимодействий, имеют определенную значимость для оценки направленности и содержания процессов взаимодействия между этносами.

Исследователи, работающие в русле данной традиции, придерживаются позиций, соответствующих нескольким конкурирующим научно-исследовательским программам, различающимся между собой пониманием того, что такое культура. В основу ценностной концепции заложено понимание культуры как совокупности материальных и духовных ценностей, в различных науках рассматриваемых в разных аспектах. В рамках деятельностного подхода культура трактуется как внебиологически выработанный и передаваемый способ человеческой деятельности. Знаковый (семиотический) подход предполагает изучение культуры как совокупности знаков и знаковых систем, таких как мифология, язык, религия, искусство и др. В зависимости от используемого тем или иным автором подхода к пониманию культуры формируется его оценка направленности и содержания процесса межкультурного взаимодействия.

Сторонники деятельностного подхода, в частности С.А.Арутюнов, С.Н.Еремин, С.Г.Ларченко, характеризуют межкультурные взаимодействия как преимущественно однонаправленный процесс воздействия более развитой культуры на менее развитую.

С.А.Арутюнов, автор монографии “Народы и культуры: развитие и взаимодействие”, выделяет две модели межкультурного взаимодействия: взаимодействие локальных культур с общемировой индустриально-городской культурой и взаимодействие локальных культур друг с другом, частным случаем которого является взаимодействие между этническими культурами¹. Определяя культуру как систему способов деятельности, С.А.Арутюнов характеризует взаимодействие как асимметричный процесс, в котором одна из культур выступает донором, а другая – реципиентом².

С.Г.Ларченко и С.Н.Еремин рассматривают межэтническое взаимодействие как одну из сторон целостного процесса межкультурного взаимодействия³. Содержанием межэтнического взаимодействия как стороны межкультурного, по их мнению, является взаимодействие систем производства человека, а результатом – формирование новых этнических общностей⁴. Эти исследователи понимают культуру как конкретно-историческое единство системы социальной деятельности⁵. Разделяя точку зрения сторонников деятельностного подхода, они приходят к выводу об односторонней направленности межкультурных, а значит, и межэтнических взаимодействий. Тем самым заранее предопределяется результат этих взаимодействий – передача накопленных культурных богатств из высокоразвитой культуры в слабо развитую.

Сторонники семиотического подхода воздерживаются от такой однозначной оценки направленности межкультурного взаимодействия. В диссертационном исследовании А.М.Аблажея, посвященном методологическому анализу проблемы взаимодействия культур, взаимодействие между этническими культурами рассматривается как один из типов межкультурного взаимодействия. Автор предпринимает

попытку построить типологию взаимодействия с точки зрения его субъектов, в качестве каковых он выделяет: а) локальные (этнические) культуры; б) субкультуры, существующие в рамках единой культуры; в) представителей разных культур, вступающих в индивидуальное взаимодействие. А.М.Аблажей определяет культуру как локально ограниченное, в структурном отношении целостное образование, главную роль в котором играют такие структурные элементы, как мифология, язык, религия, искусство, обычное право. Он полагает, что межкультурные (в том числе межэтнические) взаимодействия возможны, но они не носят закономерного характера, следовательно, нельзя заранее говорить о направленности этого процесса⁶.

Ю.М.Лотман в статьях, посвященных семиотике культуры, в качестве существенного в процессе взаимодействия между культурами выделил следующий признак: поток информации, направленный от передающей культуры к принимающей, в определенный момент меняет свое направление. В то время как один из участников взаимодействия осуществляет передачу информации, другой соблюдает паузу и находится на приеме. Доминирующая сторона взаимодействия приписывает себе центральное положение в культурной ойкумене, навязывая принимающей положение периферии. Существенной чертой взаимодействия, по мнению Ю.М.Лотмана, является неприязнь принимающего к тому, кто над ним доминирует⁷. В момент изменения направленности потока взаимодействия «новая» культура начинает утверждать свою «древность» и расширять пространство своего воздействия⁸.

Это наблюдение представляется чрезвычайно важным в плане оценки современной ситуации в сфере межэтнических отношений в регионах России вообще и Сибири в частности. Возрождение этнической самобытности идет параллельно возрастанию напряженности во взаимоотношениях между этносами.

Различия в характеристике направленности межкультурного взаимодействия объясняются, на наш взгляд, тем обстоятельством, что у сторонников деятельностного подхода, в отличие от исследователей, придерживающихся знаковой концепции, есть критерий, облегчающий оценку уровня развитости той или иной культуры. Этот критерий – уровень развития технологий и степень независимости человеческого сообщества от воздействий природной среды.

Истоки деятельностного подхода лежат в появившейся в эпоху Просвещения концепции общественного прогресса, с позиций которой господство человека над природой рассматривалось как несомненное благо, а растущие потребности человека – как причина общественного развития. Претендующая на универсальность концепция прогресса породила представление об иерархии культур. Под этим углом зрения в рамках деятельностного подхода сформировалась оценка содержания процесса межкультурного взаимодействия как безусловно положительного явления для всех его участников: более развитая культура оказывает менее развитой помощь, что способствует ее ускоренному развитию.

Сторонники семиотического подхода более сдержанны в проявлении оптимизма по поводу содержания межкультурных взаимодействий. Некоторые исследователи высказывают сомнения по поводу того, что позиция взаимодействия подразумевает приятельные отношения народов в процессе межкультурного взаимодействия, из реальное сближение⁹. Другие обращают внимание на то, что в ряде случаев результатом взаимодействия может быть уничтожение (ассимиляция) одной из участвующих в нем сторон¹⁰.

В рамках исследования национальных отношений тоже освещаются различные аспекты межэтнических взаимодействий. В теоретической этнографии и этносоциологии понятие «национальные (межнациональные) отношения» служит для обозначения складывающихся в процессе жизнедеятельности и взаимодействия национальных общностей социальных отношений между народами, нациями, национальными группами, а также отдельными людьми разных национальностей¹¹. Число выполненных по этой проблематике работ столь велико, что целесообразно выделить два этапа ее разработки в отечественной литературе.

Для первого этапа (конец 60-х – середина 80-х годов) характерно методологическое единство в исследовании национальных отношений, основанное на использовании формационного подхода. Категория «культура» не имела существенного значения в рамках традиции исследования национальных отношений. Однако в формационной теории в качестве ключевой выступала все та же идея общественного прогресса (реализующегося в смене общественно-экономических формаций), что и в деятельностном подходе к изучению культуры. Поэтому, оценивая тенденции развития национальных отношений в социалистическом обществе, исследователи сосредоточивались на фиксации положительных аспектов взаимодействия между этническими (национальными) группами. Они охарактеризовали эти взаимодействия как безусловно положительное явление, способствующее расцвету и сближению наций¹².

Следует отметить, что при оценке содержания процесса взаимодействия в условиях общественно-экономических формаций, предшествующих социалистической, авторы обращали внимание в том числе и на отрицательные результаты межэтнических взаимодействий, такие, например, как подавление более

развитым в экономическом отношении народом менее развитого, навязывание ему своих культурных ценностей. Однако при оценке тенденций развития национальных отношений в социалистическом обществе преобладало иллюзорное представление об их бесппроблемности, продиктованное негласными требованиями социального заказа¹³.

Национальные отношения изучались в ряде научных дисциплин. Потребность в систематизации теоретического и прикладного материала определяла необходимость разработки теории национальных отношений. Однако разобщенность между специалистами, изучающими различные аспекты проблемы национальных (межнациональных) отношений, привела к тому, что представители разных научных направлений зачастую не осведомлены о достижениях в смежных дисциплинах¹⁴.

В этнографии различные стороны национальных отношений анализировались, как правило, в аналитических исследованиях, например в работах Ю.В.Бромлея. Неудовлетворенность идеологизированной методологией ощущалась в эмпирических исследованиях этнографов. Изолированность в развитии теоретической и эмпирической этнографии проявилась, в частности, в том, что многие категории теоретической этнографии, в том числе понятие “национальные отношения”, оказались невостребованными со стороны подавляющего большинства этнографов.

В этнографических работах эмпирического характера для обозначения процесса взаимодействия этнических групп наиболее часто используется понятие “межэтнические контакты”, которое не имеет понятийного статуса (по крайней мере, как таковой он не зафиксирован в “Своде этнографических понятий и терминов”). Анализ статей, посвященных проблеме межэтнических контактов, позволяет сделать вывод, что термин “межэтнический контакт”, близкий по содержанию к понятию “аккультурация”, заимствованному из зарубежной этнологии, отражает процесс межкультурного взаимодействия.

Введенное Ю.М.Бромлеем в начале 70-х годов представление об этническом сознании как об операционально изучаемом источнике массовых представлений активизировало интерес этносоциологов к изучению национальных отношений. Развернутые в 70-х годах полевые исследования в РСФСР, Узбекистане, Грузии, Молдавии, Эстонии, проводимые отделом этносоциологии Института этнографии АН СССР под руководством Л.М.Дробизевой, вскоре принесли результаты. Ключевым направлением этносоциологических исследований, проводимых этим научным подразделением, было изучение межэтнических установок и стереотипов, методологической основой которого послужила теория диспозиционной регуляции социального поведения личности¹⁵.

Этносоциология развивалась под мощным воздействием социальной психологии. Усиление интереса к зарубежным исследованиям по этнопсихологии способствовало второму рождению отечественной этнической психологии.

Национальные (межнациональные) отношения изучались зарубежными этносоциологами как продукт межгруппового общения. К результатам деятельности в этом направлении можно отнести разработку гипотезы контакта, изучение этнических стереотипов и установок межэтнического общения, механизмов межэтнической перцепции. Среди факторов, определяющих благожелательность и стабильность межнациональных отношений, исследователи называли в качестве главного характер межэтнического общения, на который влияют длительность общения, история взаимоотношений, генетическая близость и родство контактирующих культур, степень сходства и различия в социальной структуре контактирующих этнических групп, а также факторы среды – условия конкретного города или поселка.

Опираясь на гипотезу контакта, заимствованную из американской социальной психологии и базирующуюся на положении о том, что позитивный характер отношений зависит не столько от интенсивности контактов, сколько от их природы, отечественные исследователи пришли к убеждению, что не всякое межэтническое общение разрушает негативные стереотипы. Регулярный контакт является необходимым, но недостаточным условием для изменения характера общения. Кроме этого нужны равный статус этнических групп и поддержка его властями.

Однако факторы социально-экономического порядка (разница в уровне жизни, образования и профессиональной подготовки, конкуренция за рабочие места между представителями разных этнических групп и т.п.) могут серьезно повлиять как на реальный статус представителей контактирующих этнических групп, так и на степень их заинтересованности в контакте. Эти факторы, по мнению исследователей, способны вызвать социальную напряженность в полиэтническом сообществе. Важным условием снятия напряженности является то, что контакт должен носить не случайный характер. В непроблемных этноконтактных ситуациях межэтническое общение детерминировано культурным фактором, а основу межэтнического восприятия составляют те характеристики, которые отражают культурные различия, причем не обязательно негативного характера¹⁶.

Несмотря на отдельные достижения в исследовании национальных отношений на первом этапе, до середины 80-х годов оставались незамеченными тревожные тенденции: ограниченное введение в оборот новых научных материалов, недостаточная методологическая база для теоретических обобщений, распространенность абстрактно-теоретических рассуждений в ущерб конкретно-теоретическому анализу. Факты проявления национализма рассматривались как рецидивы, искажения марксистско-ленинской национальной политики. Сформировалась упрощенная схема развития межнациональных отношений¹⁷.

Для второго этапа исследования национальных отношений (вторая половина 80-х – 90-е годы) характерен отказ от этого представления. В настоящее время исследователи, работающие в русле данного научного направления, придерживаются различных методологических позиций, среди которых можно выделить формационный и цивилизационный подходы, а также теорию модернизации. В рамках каждого из этих подходов сегодня наблюдается активизация методологической роли категории “культура” при изучении межэтнических взаимодействий. Изменилась и проблематика исследований: большинство авторов сосредоточились на анализе противоречий и конфликтов, возникающих в национальных отношениях.

Сторонники формационного подхода полагают, что источником противоречий в сфере национальных отношений служат факторы социальной нестабильности, такие, например, как конкуренция за рабочие места между представителями различных национальностей в условиях безработицы. Эти исследователи считают, что культурные различия сами по себе не способны вызвать напряженность. По их мнению, она является следствием вытеснения социальных проблем в сферу межнационального общения¹⁸.

Исследователи, придерживающиеся цивилизационного подхода, у которых не сформировалось единого понимания природы цивилизаций, выделяют несколько причин этнических конфликтов. Так, А.С.Ахиезер видит эти причины в противопоставлении этнических (традиционных, племенных, архаических) и национальных (надэтнических, либеральных, гражданских) ценностей. Он предлагает различать конфликт и раскол. По его мнению, раскол – это конфликт особого рода, когда в обществе ценность племенных (этнических) границ существенно выше ценности человеческой жизни. Отсюда следует, что раскол является состоянием общества, в котором ощущается нехватка культурных программ, способных преодолеть конфликт сторон на общенациональной почве путем корректирования целей, отношений, переосмысления культурных смыслов, включенных в процесс раскола. Такое состояние общества чревато этническими конфликтами. Среди причин неспособности преодолеть раскол А.С.Ахиезер выделяет две основные: отсутствие общего культурно-смыслового поля и ограниченность возможностей, которыми обладает культура на данном этапе своего исторического развития¹⁹.

Наиболее обоснованной, на наш взгляд, является аргументация сторонников теории модернизации, которые полагают, что обострение противоречий на этнической или национальной почве вызвано стремлением народов к сохранению собственной культурной уникальности, оказавшейся под угрозой вследствие развития НТР и порожденной ею культурной унификации. Под воздействием модернизационных процессов во многих регионах планеты происходит замена традиционного образа жизни на индустриальный (урбанизированный), сопряженный с утратой этнических традиций. Поиск новых культурных смыслов и символов взамен утраченных и попытки сгладить воздействие дезинтеграционных тенденций, которыми обычно сопровождается процесс модернизации, осуществляются в условиях социальной нестабильности. Стремление к сохранению культурного своеобразия, подчас выражающееся в крайних формах, является своеобразной реакцией на глобальные изменения в современном мире²⁰.

Примечания

¹ См.: Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М., 1989. – С. 157.

² Там же. – С. 114, 130.

³ См.: Ларченко С.Г., Еремин С.Н. Межкультурные взаимодействия в историческом процессе. – Новосибирск, 1991. – С. 100.

⁴ Там же. – С. 163.

⁵ Там же. – С. 161.

⁶ См.: Аблажей А.М. Методологический анализ проблемы взаимодействия культур Автореф. дис. канд. филос. наук. – Новосибирск, 1994. – С. 13.

⁷ См.: Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. – Т. 1. – С. 121, 122.

⁸ Там же. – С. 123.

⁹ Там же. – С. 125.

¹⁰ См.: *Аблажей А.М.* Методологический анализ проблемы взаимодействия культур. – С. 14.

¹¹ См.: *Нации и национальные отношения в современном мире: Словарь-справочник.* – Л., 1990. – С. 106, 107.

¹² См., например: *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. – М., 1983; *Он же.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М., 1987; *Куличенко М.И.* Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. – М., 1972; *Нахушев В.Ш.* Некоторые теоретические и методологические аспекты интернационализации жизни народов // Вестн. МГУ. Сер. 12. Теория научного коммунизма. – 1982. – № 6.

¹³ См.: *Попков Ю.В.* Процесс интернационализации у народностей Севера. – Новосибирск, 1990.

¹⁴ См.: *Байбаков С.* Выступление на “круглом столе” “Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы” // История СССР. – 1987. – № 6. – С. 57–59.

¹⁵ См.: *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975.

¹⁶ См.: *Дробижева Л.М.* Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений: некоторые вопросы методологии // Сов. этнография. – 1974. – № 4. – С. 15–25.

¹⁷ См.: *Климова С.Г., Чаликова В.А.* Национальные отношения: процесс осмысления в науке и общественном сознании: Обзор // Межнациональные отношения в СССР: история и современность. – М. 1991. – С. 36, 37.

¹⁸ См.: *Мархинин В.В., Удалова И.В.* Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур. – Новосибирск, 1996. – С. 183.

¹⁹ См.: *Ахиезер А.С.* Архаичные ценности в современном этническом конфликте // Анализ и прогноз межнациональных конфликтов в России и СНГ: Ежегодник. – М., 1994. – С. 36–38.

²⁰ См.: *Библер В.С.* Бытие на грани // Век XX и мир. – 1989. – № 7. – С. 16–21; *Старовойтова Г.С.* “Этнический парадокс” и стереотип мышления // Родина. – 1989. – № 7. – С. 8–11.

Е.В.Захарова
(г. Новосибирск)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В последние десятилетия этническая проблематика активно изучается в рамках самых разных научных дисциплин: социальной антропологии, социологии, политологии, психологии и др. Повышенный интерес к различным ее аспектам в контексте современности обусловлен совокупностью не только познавательных (гносеологических), но и практических факторов. Особенно важное значение имеет актуализация этнических проблем на уровнях коллективного (группового) и индивидуального (личностного) самосознания, самоопределения. Следует отметить, что эта тенденция проявляется как в условиях дезинтеграционных процессов на территории бывшего СССР, так и на фоне экономической и политической интеграции Европы. В связи с этим вопросы этнической идентичности приобретают также и международное значение.

Потребность в практическом решении многочисленных этнических и межэтнических проблем предопределила актуальность разработки и реализации этносоциальных программ регионального, межрегионального и международного масштабов. Наряду с этим расширяется опыт формирования и реализации “монопрограмм” конкретных этнических групп. Соответственно региональные структуры управления все чаще осознают важность “этнизации” программ комплексного развития тех или иных регионов. Практически ориентированные программы с необходимостью должны соотноситься с реальной этнической жизнедеятельностью людей, включая их самосознание, самооценки, этническое поведение, межэтнические взаимодействия, перспективные установки, тенденции развития и т.д. Решение этой задачи тесно связано с научно-информационным обеспечением всех этапов формирования и реализации этносоциальных программ.

В силу различных причин эмпирические исследования этнических проблем ограничиваются изучением этнической идентичности, выявлением оценок, самооценок, мнений представителей той или иной этнической группы. Преодоление подобной ограниченности возможно, на мой взгляд, на основе конкретизации методологических подходов, развиваемых в рамках современных концепций этнической идентичности, а не абсолютизации одного из них. Это является самостоятельной задачей методологического фундирования любого конкретного этносоциального исследования.

Проблема этничности

Методологические подходы к осмыслению феномена этничности, представленные в отечественной и зарубежной литературе, можно подразделить на три основные группы. Это примордиалистские воззрения на этнос, получившие развитие, в частности, в работах Ю.В.Бромлея¹, инструменталистские, представленные у Н.Глазера, Д.П.Мойнихана², и конструктивистские, представленные, например, в работах Э.Геллнера и В.А.Тишкова³. В последнее время становится все очевиднее необходимость интеграции указанных подходов при анализе и интерпретации этничности.

В каждом из отмеченных методологических подходов можно выделить, на мой взгляд, ряд идей, наиболее плодотворных для понимания этнического. Примордиалистская концепция этничности исходит из априорных оснований изначальной включенности индивида в ту или иную этническую группу, его этнической предопределенности, эмоциональной значимости для него “этнических привязанностей”, их устойчивости и сохранности во времени. При этом признается роль этнической идентичности для самовыделения индивида или группы и признания их другими, что, впрочем, характерно и для других концептуальных подходов. Сторонники инструменталистского подхода рассматривают этнические группы как общности, объединяемые совместными интересами, а этничность – как средство достижения групповых интересов, в том числе в экономической, политической, образовательной, профессиональной и других сферах. Здесь этничность имеет определенную мотивацию и проявляется в специфических ситуациях с целью реализации самых разных интересов и потребностей. В конструктивистском подходе важным моментом является обоснование этничности как конструируемого феномена. Основное внимание уделяется средствам конструирования, в качестве которых выступают идеология, политическая деятельность, национальные, этнокультурные движения и т.д. Обоснованию их служат национальные (этнические) идеологии, ориентированные на формирование того или иного варианта этничности.

Следует отметить, что каждый из рассмотренных подходов четко фиксирует преимущественно одну из сторон этничности. Примордиализм, например, может объяснить сохранение и поддержание этничности во времени, особую силу чувств и эмоций, устойчивость и долговременность этнической мотивации и этнических проявлений. Однако он не позволяет решить проблему изменения этничности во времени, поскольку в данной концепции она присутствует в виде “изначальной данности”, имеющей “принудительный характер”, не зависящей от социальной реальности и не подлежащий эмпирическому анализу⁴. Что касается инструменталистского подхода, то некоторые из его сторонников в изучении этничности ограничиваются в основном анализом функционирования политической сферы⁵. Особое внимание в рамках данного подхода уделяется использованию этничности в качестве средства достижения социальных, политических, эгоистических групповых целей, что находит отражение в проблеме этнической мобилизации и соответствующем термине. Для изучения и понимания этнических процессов современности особое значение имеет оценка роли лидеров, зачастую преследующих свои собственные цели, и далеко не всегда выражающие интересы и волю составляющих этническую группу индивидов. Данный феномен в силу своей сложности и актуальности требует отдельного исследования.

Проблема идентичности

Широкое распространение термина “идентичность” в самых разных областях гуманитарного знания свидетельствует о его многозначности, однако в каждой дисциплине рассматривается преимущественно одна из сторон характеризующего им феномена. Можно рассмотреть основные методологические подходы в зависимости от области знания, где используется термин “идентичность”: он может обозначать категорию философскую, социальную, психологическую⁶. Это объясняется как различием “предметов”, обозначаемых одним термином, так и конкретизацией или абсолютизацией одной из сторон рассматриваемого явления.

В широком смысле идентичность означает самоопределение, самоотождествление; она может быть социальной, культурной, религиозной и т.д. Идентичность как “состоявшееся состояние” есть продукт идентификации, раскрывающейся как процессуальность. В этом плане вряд ли корректно говорить о жестко фиксированной, “застывшей” идентичности, поскольку идентичность находится под влиянием различных социальных, культурных и иных факторов. Таким образом, идентичность все время “вырабатывается”, ее содержание, смысл являются подвижными.

Обращаясь к истории философии, будет вполне корректным утверждать, что осмысление идентичности является здесь одной из сквозных тем, поскольку вопрос об идентичности есть вопрос тождества. Решался он как на онтологическом, так и на гносеологическом уровне. В последнее время

проблема идентичности приобретает все большее звучание в области социальной философии и антропологии. В европейской философской мысли начиная с античности традиционно принималось, что все идентично самому себе – “нет ничего в другом, чего не было бы во мне самом”, и идентичность, таким образом, исключает дифференцию, поскольку исключается иное бытие, а вместе с ним и то, что выступает причиной инаковости, т.е. изменение⁷. В качестве категории современного социального знания “идентичность” определяется чаще всего в контексте взаимодействия социальных групп и индивидов. Соответственно формирование индивида рассматривается в самоотнесенности с коллективом, являющимся значимым для него.

Как психологический термин “идентичность” используется сравнительно недавно. В психологии внимание исследователей акцентируется на формировании индивидуальности как возможного целого, т.е. индивидуальной идентичности. Однако это целое может по ряду причин не состояться, что свидетельствует о проблематичности целостности (идентичности) личности.

В контексте обсуждения проблемы, поставленной в настоящей статье, особый интерес представляет позиция Э.Эриксона, повлиявшая на введение понятия идентичности в междисциплинарный оборот. По его мнению, развитие идентичности является долговременным процессом, на который оказывают влияние как внешние социальные, так и внутренние, в том числе психологические, факторы. “Идентичность, – утверждает он, – содержит взаимодополнительность прошлого и будущего: как в индивиде, так и в обществе она связывает актуальность уходящего прошлого с актуальностью открывающегося будущего”⁸.

Особого внимания требует проблема идентичности по отношению к индивидууму и к группе. Это обусловлено тем, что при переходе в исследовании от индивида к группе необходимо корректно развести два уровня анализа – индивидуальный и социокультурный. Дело в том, что «общество, в отличие от личности, не имеет качества субъективности. “Субъективность” – атрибут индивида, не коллектива... Ибо ни “сознанием”, ни “желанием” коллектив не обладает»⁹.

Концепции, в рамках которых совершается подобный перенос саморефлексивной способности личности как субъекта на объект (как один из возможных вариантов – общество), игнорируют, например, феномен социальной структуры. При этом сложная совокупность социальных связей фактически сводится к психологическим, межиндивидуальным связям. Примером подобного подхода отчасти могут служить работы Н.А.Бердяева¹⁰; аналогичную методологию использует в своих исследованиях и К.Касьянова¹¹.

Междисциплинарный подход является основным условием комплексного исследования как феномена идентичности, так и феномена этнической идентичности. Именно такой подход позволяет рассматривать любой вид идентичности на индивидуальном и групповом уровнях в историческом и социальном времени и пространстве.

Понимание этнической группы

Важное значение имеет вопрос об этнической группе, что обусловлено своеобразной “трехмерностью” понимания этнической идентичности – как отождествления с определенной этнической группой, отличия от других групп и взаимодействия с другими группами.

Этнические группы можно охарактеризовать как группы, имеющие нечто общее, специфическое и особенное, которое составляет их и отличает от других. Достаточно сложно привести перечень подобных особенностей, поскольку и спецификация, и различение могут осуществляться по различным основаниям и критериям. Так, например, следует учитывать исторические изменения, различный социальный контекст, в которых ведутся исследования, а также происходящие во времени изменения общества, внеэтнических факторов и внутренних установок данной этнической группы.

Уже сам термин “этническая группа” предопределяет актуальность проблемы ее маркировки, т.е. наличия границ, которые отделяют ее от другой группы. Так, например, Ф.Барт считает, что главной задачей антропологического исследования этничности является изучение того, каким образом сохраняются этнические границы и каковы результаты этого процесса¹². В рамках данного подхода этничность представляет собой аспект взаимоотношения групп, при этом члены одной группы осознают себя таковыми и отличными от других по качественным признакам, в которые входят и культурные отличия.

Очевидно, что этнические группы находятся под социальным, культурным и политическим влиянием иноэтнической среды. Поэтому неизменно актуальной остается проблема оснований “самости” этнической группы в контексте взаимодействия с другими группами. К “самости” такой группы большинство исследователей относят общий язык, культуру, проявляемую как на обыденном уровне – в укладе жизни, традициях в проведении праздников, торжественных событий, так и в мировоззренческих установках,

религии и т.д. Культура выступает как характеристика человеческого общества, которая не наследуется биологическим путем, а предполагает сохранение, обучение и трансляцию последующим поколениям. Отсюда культура рассматривается преимущественно в связи с идеями, существующими и передающимися в символической форме¹³.

Распространенное утверждение о связи культуры с идеями, передаваемыми в символической форме, приводит к заключению о первостепенной значимости языка. Можно ли, используя такой подход, говорить о том, что язык является определяющим фактором степени этнической идентичности конкретной группы? Современные исследования позволяют утверждать, что подобную однозначность нельзя признать абсолютной. Язык является важной, но не единственной системообразующей характеристикой этничности. Примером может служить существование большого числа этнических групп, имеющих общий язык, но тем не менее идентифицирующих себя как разные этнические общности¹⁴. Поэтому при анализе “самости” этнической группы необходимо принимать во внимание совокупность качественных этнических признаков группы, взаимодействие которых и составляет конкретный тип этничности в его изменчивости.

Выделяя ряд признаков, характеризующих этническую группу, необходимо отметить следующие. Наряду с важностью культурных атрибутов, в которые входят общие институты, обычаи, поведенческие особенности, традиционная культура питания, музыка и т.д., ряд авторов справедливо подчеркивают значимость общего происхождения или веры в реальное существование источника общего происхождения, отраженной в исторической памяти. Наличие такого источника не обязательно является документально подтвержденным. Память может существовать, например, в виде преданий, легенд и т.д., быть достаточно выборочной и “предвзятой” в трактовке тех или иных исторических событий, что является одним из подтверждений плодотворности конструктивистского подхода, позволяющего объяснить актуализацию интереса к собственной истории и ее мифологизацию, достаточно “взрывной” характер возникновения стремления к образованию, например, “своего” этнического субъекта (автономии, республики, государства).

Проблема интерпретации

Проблема интерпретации результатов эмпирических этносоциологических исследований в качестве самостоятельной ставится довольно редко. Следует отметить, что интерпретация полученных результатов будет соотноситься с используемым в исследовании методологическим подходом, а потому не может быть принята как самодостаточная для комплексного понимания этнических проблем. На актуальность проблемы методологической предзаданности эмпирических результатов неоднократно указывал В.А.Тишков. “Многие из тех, в том числе попадающих в социологические выборки, кто категоризуется как представители титульных наций, – пишет он, – на самом деле живут и участвуют как минимум в двух культурах, если они даже не ближе к русской культуре... Вопрос с подобной категоризацией заключается в том, что культурные дистанции внутри групп меньшинств в обществах с высоким уровнем ассимиляции в пользу доминирующей этнической... или общегражданской культуры... гораздо более значимы, чем межгрупповые, но этот аспект этнической ситуации остается как бы вне внимания исследователей *в силу методологической установки* (выделено мною. – Е.З.) на установление различий”¹⁵.

При проведении эмпирических этносоциальных исследований необходимо включать в проблемное поле помимо самооценок и мнений респондентов – представителей изучаемой этнической группы также и социокультурный контекст, учитывать ее взаимодействие с другими этническими группами. Это означает важность выявления оценок и мнений представителей “внешних” групп. В противном случае информация будет отличаться односторонностью, “этнической субъективностью”

Таким образом, предпосылками для интерпретации результатов эмпирических этносоциальных исследований выступает как применение принципов комплексного методологического подхода, так и включение в проблемное поле эмпирических исследований всего круга вопросов, обусловленных комплексной методологией. Интерпретация результатов исследования этнической идентичности требует анализа не только выявленных мнений, самооценок и суждений, но и условий их формирования и их взаимообусловленности.

Примечания

¹ См.: Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М., 1987.

² См.: Glaser N., Moynihan D.P. Beyond the Melting Pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians and Irish of New York City. – Cambridge, 1963.

- ³ См.: Геллнер Э. Нации и национализм. – М., 1991; Тишков В.А. О феномене этничности // Этногр. обозр. – 1997. – № 3.
- ⁴ См.: Eller J.D., Coughlan R.M. The Poverty of Primordialism: The Demystification of Ethnic Attachments // Ethnic and Racial Studies. – 1993. – V. 16, № 2.
- ⁵ См.: Cohen A. Introduction: The Lesson of Ethnicity // Urban Ethnicity / Ed. by A. Cohen. – L., 1974. – P. IX–XXII.
- ⁶ См.: Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопр. философии. – 1998 – № 8.
- ⁷ Там же. – С. 44.
- ⁸ Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996.
- ⁹ Малахов В.С. Неудобства с идентичностью. – С. 47.
- ¹⁰ См.: Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. – М., 1990.
- ¹¹ См.: Касьянова К. О русском национальном характере. – М., 1996.
- ¹² См.: Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference / Ed. by F. Barth. – Bergen: London, 1969.
- ¹³ См.: Ионин Л.Г. Социология культуры. – М., 1996
- ¹⁴ См.: Moerman M. Who Are the Lue: Ethnic Identification in a Complex Civilization // American Anthropologist. – 1965. – V. 67, № 67; Barth F. Pathan Identity and Its Maintenance // Ethnic Groups and Boundaries...
- ¹⁵ См.: Тишков В.А. О феномене этничности.

Ю.К.Хурума
(г. Кызыл)

ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ТУВЕ

Кардинальные политические и экономические преобразования в России отражаются на этнокультурных процессах, происходящих в жизни всех ее национально-территориальных субъектов. Ученые говорят о своеобразном “взрыве этничности” у народов, долгие годы живших в условиях политики слияния всех наций и народностей в новую историческую общность – советский народ. Тува не избежала негативных явлений и ошибок, попав в этот вихрь свободы, пронесшийся над территорией бывшего Советского Союза в начале 90-х годов и оставивший за собой разрушения экономического, социального и духовного плана. Теперь, когда “бум национализма” прошел, необходимо трезво и всесторонне исследовать механизмы и закономерности протекания этнических процессов.

В Туве большое поле для этносоциальных исследований, и здесь усиленно работают и историки, и социологи, и культурологи, и этнологи. В данной статье речь пойдет об информационном подходе к изучению этнических процессов и о перспективах этносоциологических исследований этих процессов в Туве.

Информационный подход в теории этноса одними из первых начали разрабатывать С.А.Арутюнов и Н.Н.Чебоксаров, которые так сформулировали основной принцип своей концепции: “Нам представляется, что механизм существования этнических общностей всех типов, их пространственная стабильность, временная преемственность... основываются, главным образом, на связях, которые могут быть описаны в рамках понятия информации”¹. Затем эта концепция была более детально и последовательно изложена в работе С.А.Арутюнова “Народы и культуры: развитие и взаимодействие”². Автор рассматривает этнические процессы с точки зрения информационных связей и взаимодействий как внутри этноса, так и между этносами. При этом передача информации от поколения к поколению между членами одного этноса характеризуется как одно из главных условий сохранения и воспроизводства этноса в качестве единого целого. Именно благодаря непрерывности диахронного (вертикального во времени) информационного потока обеспечиваются выживаемость и стабильное существование этноса.

Информационный аспект изучения этнических процессов в Туве представляется одним из перспективных и актуальных, так как он позволяет высветить малоизученные стороны в тувинском этносе, показать специфические и общие черты в его развитии. Интерес к такому исследованию вызван не только слабой изученностью информационного подхода, но и уникальностью самого объекта исследования – тувинского этноса, у которого была своя государственность, который позднее всех вошел в состав СССР и, кроме этого, имеет специфическую и самобытную культуру.

Информационный подход к изучению этнических процессов носит междисциплинарный характер: выявляются такие стороны объекта этносоциальных исследований, которые могут быть интересны с точки зрения и этнологии, и социологии, и информологии. Такой подход делает возможным

многостороннее изучение этноса как единого целостного образования, позволяет выявить на примере одного этноса общие закономерности и механизмы существования других этносов. Междисциплинарный характер информационного подхода способствует получению объективного знания, свободного от идеологических и политических оценок.

Как было сказано, исследуемая проблематика находится на стыке трех наук: этнологии, социологии и информологии. Этнология дает возможность понять сущность этноса как общественного феномена, она выявляет особенности истории и культуры разных народов. Основной теоретической базой для исследования служат труды Ю.В.Бромлея, Л.Н.Гумилева, С.А.Арутюнова и других этнологов. Социология дает первичную фактическую информацию об этносе в данный промежуток времени. Конкретные социологические исследования позволяют проанализировать этнические процессы в их динамике, а также выявить тенденции их развития. Здесь большую методологическую ценность представляют работы Л.М.Дробижевой, В.И.Бойко, З.В.Анайбан. Что касается информологии, то это относительно новая наука, находящаяся на стадии оформления категориального аппарата и утверждения самостоятельного статуса. Большой вклад в становление информологии внес В.З.Коган.

Хотя каждая из перечисленных дисциплин имеет свою специфику, общей методологической базой в изучении этнических процессов является социальная философия. Этнические общности, как и человечество в целом, развиваются не стихийно, а под влиянием общественно-экономических условий. Этнос как явление человеческое, социальное, необходимо изучать в конкретно-историческом плане. Динамика этнических процессов связана в конечном счете с развитием способа производства материальных благ и переходом от одной общественно-экономической формации к другой. Такой подход обосновывается в работе С.Г.Ларченко и С.Н.Еремина “Межкультурные взаимодействия в историческом процессе”, в которой авторы характеризуют этнос как социальный организм, а также пишут, что “исторически обусловленная смена общественно-экономических формаций определяет в конечном счете и изменение исторических форм общности людей, развитие этнической общности как таковой”³.

Информационный подход дает возможность проследить развитие этнических процессов в зависимости от развития средств коммуникации начиная с первобытно-общинного строя и до настоящего времени. Опираясь на эту методологию, в истории тувинского этноса можно выделить два главных этапа: *дописьменный*, когда этническая информация передавалась в основном из уст в уста от старшего поколения к младшему, и *письменный*, когда с созданием письменности появились новые способы хранения и передачи этнической информации.

Информационный подход позволяет также по-новому взглянуть на две основные концепции этноса и этнических процессов, сложившиеся в отечественной этнологии. Первая концепция разрабатывается в трудах Л.Н.Гумилева, для которого этнос – явление природное, форма адаптации к природной среде, ландшафту. Вторая концепция, связанная с классической школой советской этнологии, обосновывается в работах Ю.В.Бромлея, у которого этнос – это прежде всего социальное образование. Главными факторами существования этноса сторонники данной концепции считают уровень материального производства, науки, культуры, государственности и т.д.

Изучение этноса с точки зрения информационных связей и взаимодействий основывается, на наш взгляд, именно на второй концепции. Этнос существует как единая целостность благодаря наличию диахронных информационных связей и взаимодействий между поколениями, а эти связи и взаимодействия зависят от социальных факторов – от степени развития материальной и духовной культуры, языка, письменности и других средств коммуникации. Исходя из этого представляется приемлемым определение этноса как исторически сложившейся устойчивой общности людей, обладающих культурным, в том числе языковым, и территориальным единством, осознающих это единство и отличающих себя на этой основе от других людей.

Первое, что выделяется в определении этноса, – это то, что он представляет собой общность людей. Поскольку это общность людей, постольку между ними необходимо возникают информационные связи и взаимодействия. Специфика человека, его отличие от других животных состоит в том, что он является носителем не только биологической и генетической, но и социальной информации, которая хранится и воспроизводится посредством языка, обычаев, традиций и т.д. Кроме этого, человек обладает информационной активностью, т.е. стремится добывать знание – информацию о мире и обмениваться этой информацией с другими людьми. Таким образом, в определении этноса как общности людей уже заложен информационный аспект.

Поскольку этнос является уникальной, специфической общностью людей, связанных единой культурой, территорией, национальным самосознанием, можно говорить о наличии специфической этнической информации. Этническая информация – это весь спектр сведений об истории этноса, его обычаях, особенностях быта, труда, верований. В нее также входят названия рек, лесов, гор (информация

о ландшафте) и т.д. Этническая информация может быть синхронной, – в этом случае она распространяется среди людей по горизонтальной инфоцепи в данном временном интервале. Более важное значение для существования и воспроизводства этноса имеет диахронная этническая информация, которая передается по вертикальной инфоцепи от поколения к поколению и представляет собой своеобразный “сгусток” всего социального опыта этноса.

Диахронная этническая информация передается по многочисленным и разнообразным по своей структуре и влиянию каналам, в целом формирующим особое “этническое поле”, внутри которого осуществляется механизм преемственности. Понятие “этническое поле” является малоразработанным в этнологии и, это отдельная тема для философских, информологических и этносоциальных исследований. Однако первым шагом к раскрытию данной темы, имеющим самостоятельное актуальное значение, являются выяснение структуры, качественных и количественных параметров внутриэтнического информационного потока и изучение влияния на него межэтнических связей и взаимодействий.

Главная задача исследований в указанном направлении заключается в выяснении реальных фактических составляющих внутриэтнического диахронного информационного потока, в отслеживании динамики и тенденции его развития. Необходимо выяснить также, как влияют на этот поток общекультурные, миграционные, языковые, урбанистические факторы. Очевидно, что внутриэтнические информационные связи под влиянием всех этих факторов перекрываются межэтническими информационными взаимодействиями. Получение полной картины влияния этих процессов на языковые, культурные и другие явления в разные промежутки времени – конечная цель программы долгосрочных исследований.

Явления, названные выше, характеризуются многократно передаваемыми единицами информации, т.е. мы имеем дело с массовыми явлениями и с соответствующими формами стабильных статистических признаков. По отношению к тувинскому этносу допустимо изучение достоверных статистических признаков с 20-х годов и по настоящее время. Выявление статистических закономерностей, и прежде всего корреляционных зависимостей между признаками, предполагает использование соответствующих математических методов. Информационной базой исследований могут быть как уже существующие источники (материалы переписей населения, статистические данные, архивные материалы и др.), так и данные, полученные в ходе анкетирования, интервью и т.д.

В качестве примера из всего спектра внутриэтнической диахронной информации (язык, литература, традиции, обычаи, религия, топонимические названия, одежда и т.д.) возьмем имя человека. Имя, не говоря уже о фамилии, является одним из каналов передачи этнической информации от поколения к поколению. По имени человека можно прямо или косвенно судить о том, какие социальные и культурные факторы влияют на процесс имяназвания, о тенденциях в развитии национального самосознания. В той или иной мере имя может быть и этноконсолидирующим, и этноразграничительным признаком, так как по имени и особенно по фамилии можно судить об этнической принадлежности человека. Кроме того, что имя обладает смысловой нагрузкой, это еще и единица информации, которую можно измерить, для которой можно вычислить количественные закономерности и случайные зависимости. В этом плане можно вести речь о “банке имен”, в котором могут быть выделены имена этнические, передаваемые из поколения в поколение внутри данного этноса, имена русские, “советские”, европейские и т.д. Содержание этого информационного банка данных будет разным в зависимости от социально-экономических, культурных, идеологических условий того промежутка времени, который исследуется.

В Туве можно заметить уникальные тенденции, развивающиеся на протяжении относительно короткого времени: с 20–30-х до 80–90-х годов нашего столетия. До 20-х годов, т.е. до начала интеграции с Россией, у тувинцев были распространены преимущественно тувинские имена и фамилии при незначительной доле русских, китайских и монгольских имен. Можно сказать, что плотность внутриэтнических информационных связей в тувинском этносе в то время была достаточно высокой с незначительными “помехами”, связанными с китайским господством и с естественными межэтническими связями тувинского и монгольского этносов, которые были не только соседями, но и исповедовали одну религию – ламаизм. Кроме того, существовали межэтнические информационные связи с русским этносом, обусловленные соседством жителей Минусинской котловины и жителей Пий-Хема. Таким образом, до усиления интеграции с Россией, окончательно оформленной в 1944 г., тувинский этнос пребывал в своем собственном информационном поле. На это влияли и объективные факторы, а именно, территориальная изолированность Тувы, окруженной Саянскими хребтами, и, если можно так выразиться, субъективные – слабое развитие средств коммуникации (транспорта, связи, газет и т.д.).

Начиная с 30–40-х годов, резко усиливаются межэтнические информационные связи тувинского этноса с русским, что специфически отражается на внутриэтнических языковых и культурных процессах. Например, в области двуязычия развивается тенденция перехода от сочетания тувинский – монгольский к сочетанию тувинский – русский. Вместо тувинских имен начинают использовать русские и “советские”,

появляются такие имена, как Партизан, Совет, Трактор и др. Сначала это было распространено среди “информированной” части общества – интеллигенции, партийных и советских руководителей, а затем стало характерно для всего населения. Очевидно, это связано с тем, что на внутринатное информационное поле воздействовало более мощное информационное поле Советского государства.

Исследование этих процессов в информационном аспекте представляется не только интересным, но также трудным и многоплановым. Необходимы не только количественный анализ динамики изменения имени как единицы этнической информации, но и выявление качественных зависимостей, в частности изучение влияния миграционных процессов, распространения билингвизма и бикультурализма, урбанизации, развития средств коммуникации, уровня грамотности и т.д. Отсюда следует важность совместной работы не только этнологов, социологов, историков и философов, но и математиков, и такая работа уже ведется в Тувинском государственном университете.

Примечания

¹ Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. – М., 1972. – Вып. 2. – С. 16.

² См.: Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М., 1985.

³ Ларченко С.Г. Еремин С.Н. Межкультурное взаимодействие в историческом процессе. – Новосибирск, 1991. – С. 98.

Л.Б. Четырова
(г. Самара)

ТРУД И КУЛЬТУРА¹

Фундаментальные различия между культурами связаны с длительностью непрерывной культурной традиции, которая зависит от целого ряда факторов – географических, этических, технологических и в особенности экономических и политических. Регион Сибири и Дальнего Востока представляет собой область древнейшего расселения человечества и медленного эволюционного развития хозяйства, основанного на производящих технологиях, не вычленившихся из общего культурного контекста. Тип хозяйства, изначально свойственный этнокультурным общностям, населяющим эту часть Евразии, был традиционным. Традиции, вновь и вновь воспроизводившие культуру, во многом обеспечивали существование данных этнических общностей.

Годы социалистического строительства, целью которого было преобразование традиционного хозяйства кочевников Сибири и Дальнего Востока в индустриально-развитое хозяйство, закончились для этносов Сибири трагично: традиционное хозяйство было практически уничтожено, а сами этносы оказались на грани физического и культурного вымирания. Как показывают эмпирические исследования российских ученых, проводившиеся в течение ряда лет среди канадских эскимосов, аналогичные тенденции обнаруживаются, хотя и в гораздо более мягкой форме, в культуре коренных народов Севера Канады. Дело, по-видимому, не столько в политическом и экономическом строе, сколько в самом индустриальном типе культуры, экспансии со стороны которой подверглись народы Севера Азии и Америки.

Различия между североатлантической культурой, являющей собой триумф и одновременно поражение индустриализма, и культурой коренных народов Северной Азии, обусловлены способами хозяйствования и соответственно труда как отношения человека к природе. Главным же фактором, определяющим своеобразие культур коренных народов, являются традиции, представляющие собой механизм воспроизводства культуры. Традиции выступают как устойчивые формы деятельности, реализуемые как запрет или одобрение. Традиция сама по себе уже была запретом, так как санкционировала лишь определенные неизменные формы деятельности, тем самым запрещая другие. Традиционная культура была системой запретов, обеспечивающей свое собственное функционирование.

Культура возникает и существует благодаря табу, культура есть ограничение некультурного, биологического начала, представленного в виде потребностей и желаний. Основу же культуры составляет труд. Само латинское слово *cultura* означает возделывание, заботу и уход за чем-либо. З.Фрейд, объясняя происхождение культуры, утверждал, что труд является процессом, причиной которого в конечном итоге выступает потребность в обеспечении человека необходимыми средствами к жизни. Культура представляет собой сложную систему деятельности и ее результатов, в основании которой лежит подсистема

труда. Культура, таким образом, запрещает одни потребности (те, которые относятся к производству человека) и санкционирует другие (в том числе те, которые относятся к производству материальных благ). Но в случае санкционирования потребностей в материальных благах традиционная культура ограничивает их развитие, вводя строго определенную квоту, обусловленную количеством едоков в общине. В традиционном обществе потребности человека воспроизводились, не выходя за рамки, определяемые одними и теми же условиями, жестко фиксируемые традициями.

Новоевропейская индустриальная культура, отказавшись от традиций как основного механизма воспроизводства культуры, создав иные механизмы функционирования культуры, вместе с тем в значительной степени элиминировала запрет как ориентир поведения человека. Традиция как форма жизни не отделялась и не отчуждалась от самого человека, человек жил традициями. В Новое время механизмы, обеспечивающие культурное состояние общества, выступают как отчуждаемые внешние силы, в первую очередь, конечно, в виде государства, как это обосновали теоретики естественного права и общественного договора Дж.Локк, Т.Гоббс, Ж.-Ж. Руссо. Человек получил статус свободного существа, ограничиваемого лишь внешними институтами, внутренне же он стал свободен, прежде всего в своих отношениях с Богом, а затем в своих желаниях и потребностях. Культура, таким образом, вступила на путь противоречия со своим исходным пунктом – запретом на удовлетворение некоторых потребностей, ограничением потребностей.

Культура консюмеризма, общества потребления, стала результатом раскрепощения и эксплуатации потребностей, изощренных запросов потребителей, раскрытия детерминации снизу, со стороны потребностей. Новая европейская культура сформировала новую парадигму трудового поведения и в целом новую форму труда, отличного от труда традиционного.

История труда, история преобразования природы, среды обитания человека составляет фундамент истории культуры. Если взглянуть с противоположной точки зрения, то исторические формы труда можно описать, вычленив те представления о труде, которые сохранились в духовной культуре того или иного общества. Понятие исторической формы труда характеризует труд не сам по себе как процесс взаимодействия с природой, а труд для общества и включает те представления о труде, которые являются базовыми для трудовой и духовной культур. Эти представления различаются по своей ценностной значимости, по тому, насколько они отрефлексированы в идеологических конструкциях.

Для всех культур характерно наличие натуралистических представлений о труде как средстве удовлетворения потребностей в пище, одежде и т.д., но не они определяют своеобразие тех или иных форм труда. Свообразие форм труда обусловлено тем, насколько и каким образом трудовое поведение человека связано с его мировоззрением – отношением к жизни и смерти, образами мира, природы и человека. Картина мира человека труда, работника зависит от того, насколько ценностно значимы представления о труде, насколько они концептуализированы. Концептуализация данных представлений осуществлялась в мифологии, философских конструкциях античности, религиях, теоретических конструкциях нового и новейшего времени – этических, этико-экономических и социально-политических (к которым следует отнести и философию труда К.Маркса).

Различия между культурами определяются теми фундаментальными механизмами, которые обеспечивают воспроизводство культуры, – традициями или отчужденными институционализированными структурами. Культура как возделывание существует прежде всего как возделывание природы, будь то природа человека или внешняя географическая среда, ландшафт. Различия между культурами определяются различиями в отношении к природе. Для североатлантической культуры природа – это враг, которого следует покорить, для традиционной культуры природа – это мать (“мать сыра земля”, к примеру, у славян). Кульминация расхождения культур наступила в XX в., когда созданная американцами заокеанская культура, стремясь к “великой мечте”, к вземному развитию, оторвалась от земли и вступила в противоречие с традиционной культурой.

Новоевропейская концепция природы, основанная на идее экспериментирования, моделирования, сведения сложного к простому, сформировала в сознании новоевропейского человека установку на доминирующую по отношению к природе активность со стороны homo faber – человека производящего. Христианская концепция природы, сотворенной и управляемой Великим планом Господа, в ходе Реформации и в процессе десакрализации мира была трансформирована в механическую модель природы, принятую в индустриальной культуре. Эта стратегия была в полной мере реализована в протестантизме, но не получила безусловного отражения в русском православии. Отношение к миру и природе в русской культуре было скорее традиционным, чем индустриальным.

Октябрьская революция и социалистическое строительство имели целью создать новоевропейскую индустриальную культуру на субстрате традиционной православной культуры, традиционных мусульманских, буддийских и языческих культур, в том числе культур народов Севера Азии. При этом нужно помнить о результатах “мягкой” колонизации русскими этнокультурных общностей Сибири и Дальнего Востока.

Колонизация проходила в форме христианизации аборигенных сибирских культур и привела к достаточно поверхностному усвоению христианства – на уровне крещения, обретения христианских имен и соответственно фамилий², а также отправления некоторых христианских культов и соблюдения праздников.

Мировоззрение колонизируемых народов стало двухслойным: в его основе находился коренной языческий субстрат, сверху – православный слой, представленный в виде православных стереотипов и культов. В свою очередь, пришедшее русское население не избежало обратного влияния аборигенных культур и ассимилировало местные религиозные представления и культы. Русские Прибайкалья, где традиционная шаманская культура сохранилась не только на ментальном уровне, но и материально в виде многочисленных обо, сергэ, обозначающих местопребывание духов данной местности, участвуют в санкционированных шаманизмом способах общения с духами. По-видимому, свою роль в признании и усвоении русскими шаманских верований сыграло то важное обстоятельство, что русское православие в ходе своего развития инкорпорировало языческий компонент славянского менталитета.

Дальнейшее изменение мировоззрения этнокультурных общностей Сибири и Дальнего Востока связано с социалистическим строительством. Идеалы социализма, ставшего логическим следствием развития индустриального типа культуры, внедрялись в ходе пропаганды в пеструю мировоззренческую картину этнокультурных общностей Сибири. В результате их мировоззрение стало трехслойным: языческое ядро, православные компоненты и социалистическая внешняя оболочка, сформировавшаяся в ходе коммунистической пропаганды.

Отдельно следует сказать о роли религии в концептуализации трудового сознания. Иерархизация и способы связи элементов трудового сознания определялись религиями, в зависимости от типа которых менялись формы трудового компонента массового сознания. По характеру влияния религий на сферу труда их можно подразделить на трудовые и автохтонные. Автохтонные, или естественные, религии, основанные на идее самопроизводства природы, санкционируют естественное производство, или самопроизводство. Назовем это *гонией*, воспользовавшись терминологией Г. Гачева. Трудовые же религии освящают процессы *ургий* – процессы, характеризующие становление искусственным путем, трудом, т.е. усилиями человека³. Трудовые религии формируют стиль мышления у работников в рамках тех культур, в которых работник действует как активный производящий субъект. Идеологическое обоснование активности работника осуществлялось в тех религиях, которые признавали личную волю человека – неважно, положительно или отрицательно ее характеризую. Речь идет об иудаизме, христианстве, исламе – религиях, происходящих от одного корня. Трудовые религии развивались путем преобразования гонийности в ургийность и способствовали изменению трудового сознания, определив его содержание и направленность, что в конечном итоге привело к появлению индустриально-капиталистической формы труда.

Именно ургийная религия – религия протестантизма, уравнивавшая человека и Бога в праве на созидание мира, сделавшая человека творцом его собственного мира, способствовала появлению утилитарной этики труда. Кроме того, ургийные религии эксплуатируют не только материальные потребности, на стремлении удовлетворить которые основан материальный труд. Помимо потребности в трудовой деятельности человеку свойственна потребность в деятельности не всегда материальной, связанной с осознанием своей смертности. Христианство развивало и направляло эту потребность в сферу не осязаемо производительной, а чисто духовной деятельности, эксплуатируя желание человека оставить что-нибудь на Земле после себя. В этом отношении христианство явилось врагом античного рабовладения и могильщиком античной культуры. Дело в том, что ургийные религии концептуализировали процесс выделения труда как самостоятельной сферы общественной жизни, рассматривали труд как подсистему общества. Выделение труда как достаточно автономной части общества требовало особых механизмов включения работника в процесс труда. В античном рабовладении таким механизмом было внеэкономическое принуждение, осуществляемое по отношению к рабу, который не имел статуса человека. При этом возникала несколько парадоксальная ситуация, когда труд – фундамент человеческого общества идеологически оформляется как не человеческая сфера общественной жизни и фактически выводится за пределы общества как системы. Христианство обосновывало новую этику труда и концептуализировало новый экономический механизм включения работника в процесс труда, подрывая тем самым античный рабовладельческий тип хозяйства.

Переход на денежные отношения, развитие промышленности и транспорта открывали широкие возможности для нового типа принуждения – экономического, сочетаемого с внеэкономическим, например в случае использования труда рабов на плантациях (в основном технических монокультур), что стало возможным только в результате сложного разделения труда и развития транспорта. Однако даже теперь аксиомой оставалось то, что процесс труда сам по себе вовсе не доставляет радости. Это породило такой любопытный феномен духовной культуры, как социальные утопии. Новоевропейская культура развивалась как рефлексивная система, включающая в себя критический компонент, широко представленный в социальных утопиях, которые появились в эпоху Возрождения.

Социальные реформаторы новой эпохи видели зло, т.е. социальную несправедливость, именно в отсутствии “справедливой” платы за труд, а улучшение условий труда мыслилось как сокращение рабочего времени до шести-восьми часов. Тем самым была поднята проблема производительности труда, в первую очередь в сельском хозяйстве. Социальные реформаторы все же делали упор на результаты труда, а не на труд сам по себе как средство христианской аскезы и способ подтвердить собственную избранность, что вело к десакрализации труда. Труд рассматривался ими как постоянные усилия, в любой форме ведущие к максимальным результатам по стандартизированной шкале оценок, связанных с денежным богатством.

В традиционной культуре, в которой труд еще не выделен в качестве самостоятельной сферы жизнедеятельности, а жизнь человека проходит в труде, он выступает как образ жизни человека. В новоевропейской, пуританской концепции жизни труд становится целью жизни человека, человек живет для того, чтобы трудиться. В традиционной же концепции жизнь человека не подчинена труду, но самоценна и свободна.

В экономике допромышленного периода развития, в культурах народов Севера Азии доля принудительного труда никогда не была высокой, так как охота, рыболовство, собирательство, характеризующиеся отсутствием специализации и разделения труда, не поддавались жесткому контролю извне. Здесь не было ни внеэкономических, ни экономических механизмов принуждения к труду. Соответственно, не было трудовой этики как самостоятельной отрасли этического знания. Зато в шаманизме как естественной, гонимой религии народов Севера Азии широко представлен эколого-этический компонент мировоззрения. Причиной этого является сакрализация природы, в которой, с точки зрения шаманизма, все освящено и находится под покровительством различных сверхъестественных сил – духов. Информаторы, с которыми автор общалась в 1991 г. в Прибайкалье, сообщали, что еще в довоенное время бурятами строго соблюдались правила – не играть на берегу Байкала, не бросать ничего в воду, не кричать на берегу и т.д., так как это может потревожить и разгневать “хозяина озера”

Труд в традиционном хозяйстве сакрализован, сопряжен с религиозными, часто эзотерическими ритуалами, участвовать в которых может только носитель местной культуры. Хтонические культуры могут быть реализованы людьми, имеющими связь с землей, жителями данной экосферы. Это объясняет, почему в традиционных отраслях хозяйства в регионе Сибири и Дальнего Востока работают в основном представители коренных народов. Хотя нельзя отрицать естественно сложившееся разделение труда и закрепление за его видами отдельных социальных групп, тем не менее человек некоренной национальности, ставший охотником, в той или иной мере усваивал нормы традиционной духовной культуры, соблюдал соответствующие ритуалы и отправлял обряды (разумеется, в христианизированной форме).

Для форм труда, в связи с которыми не выработана трудовая этика как самостоятельная область знаний, в рамках которых этика экологизирована, проблемой являются не экологические последствия, а отсутствие импульсов для прогрессивного развития техники и технологии. Живое сотрудничество с природой, сопряженные с этим запреты в трудовой деятельности препятствовали развитию системы труда. Иначе говоря, традиционное хозяйство изначально имеет застойный характер.

Социалистическое строительство принесло с собой принуждение к труду в двух аспектах: во-первых, как принудительное приобщение к социализму и индустриализму, во-вторых, как экономическое принуждение. Это в конечном итоге привело к разрушению естественных связей между объектами и субъектами труда, что постепенно, но неизбежно вело к деградации не только сельского хозяйства, но и всего общества, что мы наблюдали около 70 лет в нашей стране. Это при том, что сельские труженики оставались лично свободными: труд заключенных государство в сельском хозяйстве почти не использовало. Социалистические принципы организации труда вели к снижению его производительности, а экстенсивное развитие, связанное с государственной и колхозной бесхозяйственностью, – к деградации природной среды.

Такое положение может существовать лишь в очень немногих обществах, где экономика зиждется на криминальной основе, а сельское хозяйство играет лишь символическую роль. Ждет ли постиндустриальное человечество реванш язычества – религиозная гармония свободного труда как альтернатива экологическому и духовному кризису?

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 97-03-04257.

² У современных якутов имена часто архаические – Степанида, Прасковья, фамилии же образованы от распространенных христианских имен – Михайлов, Петров, Иванов.

³ См.: Гачев Г. Национальный космос // Современная драматургия. – 1990. – № 5. – С. 379.

В.М.Куриков

(г. Ханты-Мансийск)

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА**

В ряду общих для Севера проблем, резко обострившихся в период проведения экономических реформ, особое место занимают проблемы коренных малочисленных народов Севера. Коренными малочисленными народами Севера в соответствии с федеральным законодательством признаются народы, проживающие на территориях традиционного обитания своих предков, сохраняющие самобытный уклад жизни, насчитывающие в России менее 50 тыс. чел. и осознающие себя самостоятельными этническими общностями (п. 6 ст. 1 Федерального закона от 19 июня 1996 г. № 78-ФЗ “Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации”).

Коренные малочисленные народы Севера в течение многовековой истории внесли величайший вклад в развитие общечеловеческой цивилизации, показали всему миру образец бережного отношения к окружающей среде. Они не только выжили в суровых природно-климатических условиях, но и успешно развивали хозяйство, сохранили свой язык, самобытную культуру.

Ханты-Мансийский автономный округ является исконным местом проживания коренных малочисленных народов ханты и манси. Кроме того, здесь проживают такие коренные народы, как ненцы и селькупы, а также северные субэтнические группы лесных ненцев. Все эти народы имеют уникальную, генетически приспособленную к северным условиям традиционную культуру. Всего представителей малочисленных народов Севера, проживающих в округе, на настоящий момент насчитывается 28 133 чел. Из них детей до 18 лет – 11 605, пенсионеров – 2 081, учащихся и студентов – 4 300.

Территория Ханты-Мансийского автономного округа начиная с 60-х годов является регионом интенсивного промышленно-транспортного освоения, что обусловлено разработкой углеводородного сырья и лесных ресурсов. Появление городов и рабочих поселков, транспортных коммуникаций, быстрый рост населения в основном за счет прибывших из других регионов страны повлияли на социально-экономическое развитие малочисленных народов Севера. Это влияние негативно сказалось на всех сторонах их жизнедеятельности.

Государственное регулирование процессов социально-экономического развития северных районов должно осуществляться с обязательным учетом интересов коренного населения. Если не будет разработана научно обоснованная программа государственной поддержки коренных малочисленных народов, то процессы их деградации и вымирания резко ускорятся.

Специфика социально-экономического развития Российского Севера и неадекватная государственная национальная политика, особенно в предвоенный и послевоенный периоды, породили у малочисленных народов Севера ряд проблем, которые заметно обострились в последние годы. Из них одна из наиболее острых – *общая деградация природной среды на Севере*, обусловленная нерациональными промышленной деятельностью, строительством, природоиспользованием. Ухудшается состояние атмосферного воздуха, воды, растительного и животного мира и в целом экосистем, компоненты которых имеют экономическое и этносоциальное значение для народов Севера.

Государственная политика освоения природных ресурсов в Ханты-Мансийском автономном округе в предыдущие десятилетия сводилась к реализации принципа минимума затрат на добычу сырья и максимальной экономии средств на природоохранных мероприятиях. В результате народное хозяйство страны получило необходимые топливно-энергетические ресурсы и валютные доходы от их экспорта, но коренные жители региона оказались в стороне и не только не улучшили свое положение, но, наоборот, их жизненный уровень понизился и продолжает снижаться.

Ухудшение окружающей среды, сокращение ареалов традиционного землепользования вкупе с ранее проводимой политикой перевода на оседлый образ жизни подорвали систему жизнеобеспечения коренного населения – фундамент его самостоятельного существования. В связи с этим необходимо ужесточить нормативно-правовые требования к предприятиям нефтедобычи и переработки относительно обеспечения надежности эксплуатации оборудования, агрегатов, инженерных коммуникаций и объектов. С целью снижения уровня загрязнения окружающей среды нефтедобывающими предприятиями надо стимулировать с помощью экономических методов внедрение новых природосберегающих технологий.

Следует разработать и начать осуществлять качественно новую природоохранную стратегию, новую концепцию устойчивого развития (эколого-экономического равновесия), рационального природопользования, в рамках которых экономические проблемы все в большей степени рассматриваются сквозь призму экологии.

Кроме проблем цивилизованного освоения природных ресурсов Севера, существуют проблемы резервирования этих ресурсов для будущих поколений и проблемы жизнеобеспечения коренных северных народов в целом. Поэтому стоит вопрос о выработке такой концепции хозяйственной деятельности северных территорий, которая отвечала бы трем условиям: развитию народного хозяйства страны, развитию местных коренных национальных сообществ и резервированию ресурсов на будущее.

Серьезной проблемой является *упадок традиционных отраслей хозяйства народов Севера*. Главным условием воспроизводства малочисленных сообществ является сама природа Севера, его климат, флора и фауна. Эти обстоятельства привязывают коренное население Севера к территории их обитания самым непосредственным образом. Традиционное природопользование остается на обозримую перспективу материальной основой сохранения северными народами традиционного образа жизни.

Интенсивное промышленное освоение территории Ханты-Мансийского автономного округа не могло не оказать негативного влияния на функционирование традиционных отраслей хозяйства, удельный вес и абсолютные объемы которых с каждым годом снижались. Причинами этого явились сокращение зон действия традиционного промысла и загрязнение окружающей среды. За последние годы изъято и выведено из строя 30% охотничьих угодий, выведено из рыбооборота большое количество рек и рек, ликвидировано и заброшено более 70 населенных пунктов. Рыбаки, охотники и оленеводы вынуждены покидать обжитые места, осваивать новые угодья или селиться в городах и поселках городского типа.

Товарное оленеводство в Ханты-Мансийском автономном округе получило развитие в его северной части, в приграничных районах с Ямало-Ненецким автономным округом – Березовском и Белоярском. На долю этих районов приходится почти все поголовье оленей в общественном секторе. Накануне коллективизации в 1930 г. в округе было учтено 71,7 тыс. голов оленей. Максимального уровня оленопоголовья в Ханты-Мансийском автономном округе достигло в 1953 г. – 87,9 тыс. голов. К середине 60-х годов оно снизилось до 58,2 тыс. голов. Снижение поголовья как в хозяйствах этих районов, так и в целом по округу продолжалось и в последующие годы. За 30 лет поголовье оленей сократилось в 2,2 раза.

Основной причиной уменьшения общественного стада явилась деградация оленьих пастбищ в связи с промышленным освоением территории округа. Особенно значительный ущерб был нанесен в зоне действия Казымского совхоза (Белоярский район), где вследствие строительства двух газопроводов с Ямала оленопоголовье с 1980 по 1994 г. сократилось вдвое.

Оленеводство является самой рентабельной отраслью промыслового хозяйства северян. Сохранение и развитие этой отрасли – одно из важнейших условий сохранения северных народов, так как в ней занято преимущественно национальное население. Поэтому, несмотря на незначительный удельный вес оленеводства в традиционном секторе хозяйства, оно имеет гораздо большее значение, чем, например, звероводство.

Важное место в традиционном секторе хозяйства занимает также *охотничий промысел*, однако, как и во всех традиционных отраслях, здесь сегодня много трудностей. Речь идет о сокращении ареалов охотничьих ресурсов в результате промышленного освоения территории округа, реорганизации хозяйств, занимающихся промыслами, сложностях со сбытом продукции.

Государственные закупки промысловой пушнины в округе максимального уровня достигли в 1989 г. и составили 821 тыс. руб. В последующие годы они постоянно снижались. В начале 90-х годов закупки уменьшились в 5–15 раз, а в настоящее время они практически прекратились. Основная причина – низкие закупочные цены на продукцию отрасли.

Если в предыдущие годы на величину добычи влияли преимущественно естественные условия обитания животных, то сегодня добавился экономический фактор. Реорганизация отрасли, появление экономически свободных хозяев охотничьей продукции ставят на повестку дня создание предприятий по переработке пушнины, мяса диких животных и прочего сырья с целью получения полуфабрикатов и конечной продукции для извлечения дополнительной прибыли, которую до сих пор получали другие районы за счет незначительной промышленной переработки продукции охотничьей отрасли округа.

Переработка и реализация продукции – важнейшая экономическая проблема всех традиционных отраслей, а не только охотничьего промысла. Ее решение позволит повысить эффективность их функционирования.

В связи с отводом земель под родовые угодья появилось больше возможностей для сохранения их продуктивности. Коренные жители, получившие промысловые угодья в свое распоряжение, больше заботятся о восстановлении ресурсов, чем пришлое население, прежде составлявшее значительную часть работников предприятий, занимающихся охотничьим промыслом. Для этих предприятий главным было выполнение и перевыполнение плана, а не сохранение продуктивности угодий.

Развитие охотничьего промысла, как и других традиционных отраслей, имеет не только экономическое, но и социальное значение, так как способствует сохранению северных этносов. В экономическом плане для ведения этого промысла и создания для занятых в нем надлежащего уровня жизни необходима государственная финансовая поддержка. Это обусловлено как сокращением зоны действия промысловых отраслей, так и спецификой отрасли, которая в переходный период не может развиваться самостоятельно.

Не меньшего внимания требует и такая отрасль традиционного хозяйства коренных народов Севера, как *рыболовство*. За годы промышленного освоения территории Ханты-Мансийского автономного округа снизился не только удельный вес рыбной отрасли, но и абсолютный объем ее продукции, что связано с загрязнением водоемов отходами промышленного производства, а в последнее время – также с экономическими условиями.

Если за оптимальные взять средние уловы 50–60-х годов, то в 80-е годы снижение уловов составило 30%, а в первой половине 90-х – 70%. Причем по таким районам, как Нижневартовский и Сургутский, в 80-е годы уловы сократились почти в два раза. Объясняется это негативным воздействием нефтегазового комплекса. К середине 90-х годов вылов рыбы составил 12,7% от среднегодового вылова в первой половине 60-х годов.

Предприятия, для того чтобы выжить, пошли на снижение выпуска продукции, сокращение числа отдаленных рыбоучастков, на которых были заняты преимущественно представители малочисленных народов Севера. Так, прекратили свое существование Сосьвинский рыбоучасток Березовского рыбокомбината, Пимский рыбоучасток Сургутского рыбокомбината и др. Снизили, а местами прекратили закуп и прием рыбы коопзверпромпхозы и рыболовецкие колхозы. Преобразование предприятий в различные акционерные общества и компании не дало положительных результатов, – наоборот, это усугубило и без того тяжелое положение отрасли.

Повышение продуктивности водоемов и сохранение рыбодобывающего производства необходимы для решения социальных проблем коренного населения и обеспечения ценным продовольствием. Это требует строительства рыбопитомников, рыбоводомелиоративных станций и ряда других подобных объектов, для чего нужны огромные капиталовложения.

Новой, но близко смыкающейся с традиционными отраслью хозяйствования на Севере является *клеточное звероводство*. Однако из-за слабой технической оснащенности этой отрасли, отсталой технологии выделки шкур, а также из-за отсутствия соответствующей инфраструктуры (современных предприятий по пошиву меховой одежды, бюро по ее моделированию и дизайну на основе национальных традиций и с учетом современной мировой моды и т.д.) конкурентоспособность ее продукции пока достаточно низкая.

Сдерживающим фактором развития пушного звероводства является большой падеж молодняка. Это связано с плохими условиями содержания зверей, болезнями и неполноценным кормлением.

С 1993 г. предприятия, занимающиеся звероводством, перестали сдавать клеточную пушнину государству. Она реализуется по рыночным ценам населению, индивидуальным и частным предприятиям, используется для нужд самих предприятий с целью дальнейшей переработки и для бартерного обмена на необходимые товары и материалы.

Анализ состояния клеточного звероводства в Ханты-Мансийском автономном округе показал, что доля этой отрасли в традиционном секторе хозяйства малочисленных народов Севера невелика. Очевидно, что дальнейшее развитие звероводства и сопутствующих ему производств может стать существенным резервом в плане создания дополнительных рабочих мест для аборигенного населения Севера.

Традиционные промыслы до сих пор убыточны. Это связано с примитивной технологией производства, неотлаженными системами обеспечения сырьем и сбыта продукции. У вновь образуемых хозяйств пока нет средств для возрождения традиционных промыслов. Между тем, по предварительным оценкам, например, только в Ханты-Мансийском автономном округе развитие традиционных промыслов позволило бы создать до 5 тыс. рабочих мест, что особенно важно для занятости женского населения. Кроме того, в традиционных отраслях появляется возможность организации комплексной переработки сырья.

Анализ ресурсного потенциала Северного региона свидетельствует о наличии достаточных возможностей для увеличения производства в традиционном секторе с ориентацией на рынок. Большинство видов продукции в условиях северного климата может подвергаться длительному хранению, причем с

небольшими затратами. Это позволяет накапливать значительную товарную массу и предлагать для реализации крупные партии традиционной продукции – мяса, рыбы, орехов, ягод, пушного сырья и другой продукции промыслового хозяйства как в свежем (замороженном), так и в уже переработанном виде.

Решение социально-экономических проблем малочисленных народов Севера должно базироваться на сохранении и развитии на новой технической основе их исторически сложившегося производственного и бытового уклада жизни, на обеспечении устойчивого функционирования традиционных видов хозяйствования как фундамента развития. Так считает и само аборигенное население. Многочисленные опросы показывают, что более 90% респондентов считают занятость в традиционных отраслях основой своей жизнедеятельности.

Социально-экономическими последствиями положения, сложившегося в традиционных отраслях, являются рост заболеваемости и смертности среди коренных жителей северных районов, увеличение безработицы и снижение денежных доходов населения в связи с сокращением рабочих мест в этих отраслях.

Одной из острейших проблем для коренных малочисленных народов Севера является *рост безработицы как устойчивого социального явления*. В занятости народов Севера происходят структурные изменения: при сокращении числа работающих в традиционных отраслях (охота, рыболовство, оленеводство) растет доля занятых неквалифицированным физическим трудом на низкооплачиваемых должностях (уборщицы, грузчики, подсобные рабочие, разнорабочие, занятые “на общих работах”). Это порождает много других социальных проблем.

Безработные среди коренных малочисленных народов Севера составляют 31%. Численность состоящих на учете в службе занятости и зарегистрированных безработных при этом не отражает реальный уровень безработицы. Ведь в статотчетность районных центров занятости не включаются данные о так называемой скрытой безработице. Нельзя также не принимать во внимание удаленность центров занятости от мест проживания населения и довольно низкий уровень информированности коренных народов о своих правах.

В Ханты-Мансийском АО наиболее остро стоит проблема безработицы среди женского населения, включая женщин из числа коренных малочисленных народов округа. Ухудшающееся положение женщин из числа коренного населения на региональном рынке труда связано с тем, что у большинства из них нет достаточного образования и профессиональных навыков, чтобы быть конкурентоспособными среди других категорий населения. И это при том, что, по оценке экспертов, рынок труда в ближайшие два-три года пополнится женщинами со средне-специальным и высшим образованием, не имеющими возможности найти работу, соответствующую их профессиональной подготовке.

Проблема занятости коренного населения Ханты-Мансийского АО может быть решена через формирование системы организационно-экономических, правовых и финансовых механизмов обеспечения занятости коренных малочисленных народов округа путем сохранения и создания рабочих мест в традиционных для них отраслях хозяйствования в условиях интенсивного промышленного освоения региона и развития рыночных отношений. В первую очередь необходимо

- создать условия для деятельности национальных предприятий, родовых общин, что позволит организовать дополнительные рабочие места для представителей коренных малочисленных народов Севера;

- сформировать рыночные механизмы обеспечения занятости коренного населения автономного округа, единую систему национальных хозяйствующих субъектов (национальные предприятия, родовые общины, корпорации регионального развития и др.);

- разработать меры государственной поддержки традиционных отраслей хозяйства и повышения их удельного веса в структуре экономики автономного округа.

В Ханты-Мансийском АО решение многих из указанных проблем предусматривает действующая в округе программа “Обеспечение занятости населения из числа коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа”

В настоящее время наблюдаются *рост пьянства и алкоголизации народов Севера* и связанные с этим *обострение проблем отклоняющегося поведения, высокая смертность от несчастных случаев, рост числа самоубийств и убийств*. Уровень самоубийств и убийств у коренных северян в три-четыре раза выше, чем в среднем по России.

Работа по социальной профилактике насильственной смертности, и в частности самоубийств, должна вестись учреждениями здравоохранения, районными отделами среднего общего и специального образования в контакте с местными органами власти и правоохранительными органами. Программы сбора информации, анализа и наблюдения за ситуацией на местах, а также социально-психологические

превентивные программы должны быть разработаны учеными. Важно, чтобы в этой деятельности принимало активное участие само коренное население. Можно использовать опыт, имеющийся в США и Канаде, в отношении программ профилактики насильственной смертности в резервациях и северных поселках.

В Ханты-Мансийском автономном округе, так же как и в целом в Российской Федерации, отмечаются негативные явления в демографических процессах: *снижение рождаемости, увеличение общей и младенческой смертности*. За последние годы на фоне значительного снижения рождаемости среди малочисленных народов Севера (с 30,4 чел. на тысячу населения в 1990 г. до 18,9 чел. в 1997 г.) отмечается рост общей смертности. Естественный прирост среди малочисленных народов Севера пока превышает среднеокружной показатель, но уменьшился с 19,7 чел. на тысячу населения в 1990 г. до 4,1 чел. в 1997 г.

У коренных малочисленных народов Севера ухудшается здоровье. В Ханты-Мансийском АО 2718 чел. из числа малочисленных народов Севера занимаются рыболовством, оленеводством и охотой, проживают в лесу, тундре и ведут кочевой образ жизни; 84% представителей малочисленных народов Севера проживают в сельской местности, в основном в малых отдаленных поселках, не имеющих связи, электроснабжения, транспортных средств. По этой причине возникает много трудностей в оказании населению медицинской помощи. Материально-техническая база медицинских учреждений в отдаленных поселках оставляет желать лучшего. Медицинские учреждения, как правило, расположены в непригодных, ветхих зданиях. В девяти национальных поселках, насчитывающих от 11 до 96 жителей, медицинских учреждений нет.

В структуре заболеваний на первый план вышли “социальные болезни” – алкоголизм, туберкулез. Отмечается рост кишечных инфекций у представителей малочисленных народов Севера, обусловленный отсутствием в отдельных поселках и стойбищах централизованного водоснабжения и канализации, использованием для питья воды из открытых водоемов. Заболеваемость туберкулезом держится на высоком уровне и превышает среднеокружной показатель в 4,3 раза.

Заработная плата у представителей коренных малочисленных народов Севера в несколько раз ниже средней по округу, около 70% коренного населения имеют доходы ниже минимального прожиточного минимума, т.е. находятся за чертой бедности. В связи с этим резко (в 1,5–2 раза) сократилось потребление коренным населением мяса, рыбопродуктов, молочных продуктов, овощей, а это, в свою очередь, отражается на здоровье.

В развитии здравоохранения в районе проживания народов Севера остро необходима новая концепция. Решение многих проблем сохранения здоровья коренных малочисленных народов Севера предусматривает проект окружной целевой программы “Здоровье малочисленных народов Севера на 1998-2005 годы”

Вызывает беспокойство *жилищная проблема*. Среди коренных народов Севера в Ханты-Мансийском АО 2807 семей нуждаются в улучшении жилищных условий. Дома и квартиры, в которых проживает коренное население, в основном деревянные и неблагоустроенные. Большинство коренного населения, особенно в малых населенных пунктах, проживает в ветхом и аварийном жилье. В среднем по округу на одного жителя коренной национальности приходится чуть более трех квадратных метров.

Половина жалоб, поступающих в окружной комитет Севера, администрацию округа, представительство Президента РФ в Ханты-Мансийском автономном округе, касается жилищного вопроса. В 1991 г. на федеральном уровне была принята Государственная программа развития экономики и культуры малочисленных народов Севера, приоритетным направлением которой было строительство жилья и объектов социальной сферы. Но эта программа не была профинансирована в полном объеме. В 1996 г. принята федеральная целевая программа “Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года” Но, к сожалению, на данный момент она тоже практически не финансируется.

В округе в 1989 г. был учрежден Северный фонд, финансируемый из окружного и федерального бюджетов. Задачей этого фонда является улучшение условий жизнедеятельности и жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Севера. За 1997 г. Северный фонд был профинансирован из окружного бюджета на 58%. Из федерального бюджета планировалось выделить 26 млрд руб., но не было выделено ни копейки.

В 1997 г. на строительство и приобретение жилья из окружного бюджета было запланировано выделить 24 млрд руб., фактически же вместе с кредитами выделено 12 млрд. Постановлением Думы Ханты-Мансийского автономного округа №15-II от 16 декабря 1996 г. утверждена окружная программа “Жилье – аборигенам” на 1996–2000 гг., но эта программа финансировалась в пределах 50%. Между тем при 100-процентном ее финансировании многие проблемы были бы решены. Социальные проблемы взаимосвязаны, и, реализуя одну программу, можно решать сразу несколько проблем. Например, с

помощью программы “Жилье – аборигенам” можно также в какой-то мере решить проблему занятости. В роли подрядчиков и субподрядчиков в строительстве жилья зачастую выступают не местные строительные организации или бригады строителей, что в определенной степени осложняет положение на региональных рынках труда. В этой связи целесообразней провести открытый конкурс на участие в программе “Жилье – аборигенам”, одним из условий которого должно быть создание рабочих мест для коренных жителей. На правах субподрядных организаций можно привлекать к жилищному строительству родовые общины и владельцев угодий в межсезонье, когда они не заняты рыболовством и охотничьим промыслом.

Конечно, для строительства нужны грамотные специалисты. Поэтому было бы целесообразно на перспективу организовать на базе местных учебно-производственных комбинатов при крупных предприятиях и учебных заведениях обучение строительным специальностям лиц коренной национальности. Кроме того, необходимо шире использовать возможности производства стройматериалов из местного сырья.

Все социальные проблемы вместе взятые приводят к *утрате северными народами своих традиций, языков* и в сочетании с другими негативными процессами (в частности, с усиливающейся метисацией) могут привести к распаду духовной культуры и этнического самосознания. Необходимость возрождения и развития самобытной культуры народов Севера не означает стремления вернуться к ее состоянию на начало века. Традиционное хозяйство и культура всегда находятся в движении и развитии, они изменяются под влиянием времени и окружающей обстановки. Однако попытка поднять образовательный уровень коренного населения за счет обучения в школах-интернатах за длительное время их существования имела в целом негативные последствия для малочисленных северных народов. В числе приоритетов социального характера следует отметить реорганизацию системы воспитания и образования подрастающего поколения, исключаящую длительный отрыв детей от родителей. Это устранил препятствия для восприятия детьми опыта старшего поколения в отношении жизни в суровых условиях тундры и тайги.

Языковую проблему нужно решать в комплексе с другими социальными и культурными проблемами народов Севера. В этой сфере неуместна самостоятельность ни отдельных, даже высокопрофессиональных, лингвистов, ни местных властей и руководителей школьного образования, – необходимы серьезный государственный контроль и активная заинтересованная позиция самих северных народов.

В настоящее время *отсутствует комплексный подход к подготовке национальных кадров в области природопользования, социально-культурных отношений, права, современных методов местного самоуправления*. Между тем только высококвалифицированные специалисты смогут решать сложнейшие проблемы возрождения малочисленных народов Севера,

Необходимо совершенствовать все уровни образования начиная со школьного и заканчивая высшим. Образование для коренного населения должно быть качественным, соответствующим государственным стандартам. Речь идет, с одной стороны, о подготовке педагогических кадров из числа коренного населения, а с другой – о подготовке организаторов образования.

Возрождение промыслов сопрягается с вхождением коренного населения в новые условия жизни. Эти условия требуют подготовки специалистов национальной экономики из числа представителей коренного населения. Экономист, получивший диплом специалиста национальной экономики и работающий в сфере традиционного природопользования, например, в Нижневартовске, должен отличаться от экономиста, работающего в Ставрополе. Специалист в сфере традиционного природопользования должен знать местные условия, а также новую экономическую и политическую обстановку и новые социально-экономические отношения.

Речь идет и о том, что вопросы образования не могут рассматриваться в отрыве от вопросов, касающихся всей социальной инфраструктуры. Соответствующий уровень образования предполагает обеспечение самодостаточности и преодоление иждивенческих настроений. Пробуждающееся самосознание должно быть направлено в созидательное русло, и это созидательное начало должно стать основой всей образовательной политики.

Решение указанных проблем непосредственно связано с организацией системы материально-технического обеспечения, прежде всего финансирования. Очевидно, следует подумать о создании территориального фонда образования, который содействовал бы передаче средств, поступающих от использования недр нефтедобывающими предприятиями, на целевую подготовку специалистов в различных областях жизнеобеспечения коренных народов.

Было бы целесообразным проработать долгосрочную программу подготовки кадров в соответствии с планом социально-экономического развития региона, чтобы заранее определять потребности территорий с учетом демографического движения населения. К сожалению, такой концепции в Ханты-Мансийском АО пока нет.

Конечно, чтобы осуществить все эти намерения, необходимо усовершенствовать нормативно-правовую базу на государственном уровне. В законодательстве должны быть отражены особенности бюджетной системы северных регионов, приватизации, налогообложения, предпринимательской деятельности, участия иностранных инвесторов в освоении природных ресурсов, традиционного использования промысловых угодий и пастбищ, охраны окружающей среды. Необходимо также включить нормы, гарантирующие восстановление разрушенных экосистем, ограничение деятельности хозяйственных структур, наносящих непоправимый ущерб среде обитания коренных народов.

Обеспечение права аборигенов на земли их традиционного проживания и хозяйственной деятельности должно быть ключевым в системе государственных мер. Это возможно, но едва ли будет осуществлено скоро и просто. Вероятно, потребуются дополнительные исследования, в том числе юридического плана – в части определения специфики права собственности аборигенов на земли, апробация выводов в рамках государственно-правового эксперимента, а также издание специальных законов, в том числе (как вариант) санкционирующих договорную практику в отношениях коренных народов с государством. Пока же, несмотря на большую работу, проведенную администрацией и законодательной властью Ханты-Мансийского автономного округа по восстановлению родовых угодий, многие вопросы не были своевременно продуманы и решены. Это привело к обострению отношений между коренными малочисленными народами, старожильческим и пришлым населением по поводу субъекта права на природные ресурсы.

Необходимы совершенствование процедуры и корректирование содержания договорных отношений недропользователей и малочисленных народов. Размеры компенсационных платежей и возмещенного ущерба владельцам родовых угодий требуют научного обоснования в зависимости от размера изымаемых угодий и их потенциальной продуктивности. Часть этих платежей должна идти на нужды всех малочисленных народов через фонды или другие структуры. Исходя из логики возможных социально-экономических последствий, было бы очевидным предположить, что компенсационные выплаты должны быть направлены прежде всего на финансирование мероприятий, поддерживающих тех, кто более других теряет от промышленного воздействия: оленеводов (потеря пастбищ), охотников, рыбаков. При этом необходимо наладить контроль со стороны коренных малочисленных народов Севера через их представителей за заключением и выполнением договоров между коренными народами и недропользователями.

Чтобы стало возможным цивилизованным путем решать социально-экономические проблемы, стоящие перед малочисленными народами Севера, в Ханты-Мансийском автономном округе начата работа по созданию соответствующей нормативно-правовой основы. Принята целая серия законов Ханты-Мансийского АО, позволяющих регулировать вопросы, касающиеся недропользователей, с участием аборигенов.

В округе действуют программы “Фактория” “Обеспечение занятости населения из числа коренных малочисленных этносов Ханты-Мансийского автономного округа на 1997–2000 гг.”, “Жилье – аборигенам”, “Дети Севера”, “Сохранение и возрождение культуры малочисленных этносов Ханты-Мансийского автономного округа”. В программе “Охрана окружающей природной среды округа на 1996–2000 годы” предусмотрены мероприятия по сохранению среды обитания аборигенов, восстановлению природного комплекса, численности диких животных, рыб. В целях сохранения здоровья малочисленных народов Севера составлен проект окружной целевой программы “Здоровье малочисленных народов Севера на 1998–2005 годы”

Для комплексного изучения проблем малочисленных народов Ханты-Мансийского АО создан и функционирует Институт возрождения обско-угорских народов. Для подготовки кадров в г. Ханты-Мансийске открыт Институт экономики традиционных промыслов, начал функционировать Центр культуры и искусств для одаренных детей. Формирование органов региональной и муниципальной власти осуществляется с учетом интересов аборигенного населения. При окружной Думе создана Ассамблея коренных малочисленных народов Севера. Все это в будущем создаст совершенно новую ситуацию. Но, конечно, сделанного еще недостаточно. Кроме того, принятые программы не финансируются полностью.

Обеспечение финансовыми ресурсами социально-экономического развития малочисленных народов Севера – вопрос очень важный. Необходимо, чтобы эти ресурсы получали именно нуждающиеся в них, причем это должно решаться гласно и должен осуществляться не только административный, но и общественный контроль за использованием финансовых средств. Разумеется, надо разработать четкие критерии, кому следует направлять средства.

В округе работает ассоциация “Спасение Югры” Главной целью этой общественной организации является консолидация этноса, обеспечение его устойчивого развития. Деятельность ассоциации определяется программными и уставными документами, принимаемыми съездом коренных народов

Севера. Последний такой съезд состоялся в 1995 г. На мой взгляд, в работе съезда существуют определенные недостатки. В частности, недостаточно разработана процедура делегирования. Нужно подходить к этому вопросу более серьезно.

Для устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера необходимо выработать такую концепцию развития, которая учитывала бы следующие аспекты.

Во-первых, охрана природы в местах проживания малочисленных народов – это залог сохранения этноса. Актуальнейшей задачей экономического развития региона является шадящий режим природопользования, максимальное сохранение существующих природных комплексов. Для этого необходимы создание сети заповедных зон и резерватов, разработка и внедрение экологически чистых технологий добычи и использования природных ресурсов. С целью снижения загрязнения окружающей среды нефтегазодобывающими предприятиями следует внедрять экологичные способы бурения, добычи и транспортировки нефти и газа, технологии, предусматривающие очистку грунтов. Техническая безопасность и охрана окружающей среды являются взаимосвязанными. Геологоразведочные работы, строительство, добыча полезных ископаемых, организация туризма, археологические работы и другие виды деятельности, оказывающие воздействие на среду обитания коренных малочисленных народов Севера, проживающих на данной территории, не должны производиться без предварительного согласия аборигенов.

Во-вторых, восстановление традиционного природопользования и соответствующих форм организации труда северных народов при современном организационно-техническом и технологическом обеспечении – вот путь, на котором возможно развитие этих народов. Это поможет решить и проблему занятости коренного населения.

Традиционные отрасли в настоящее время являются убыточными. Они могут и должны стать рентабельными и даже высокоприбыльными на всех уровнях производственного процесса – начиная с добычи рыбы и пушнины, сбора дикоросов и заканчивая их переработкой и реализацией. Для этого необходимо, чтобы продукция имела высокую конкурентоспособность. Но, конечно, требуется инвестирование в традиционные отрасли хозяйствования, предоставление налоговых льгот.

Наиболее рентабельным можно считать оленеводство. Сохранение оленеводства – это, как уже говорилось, одно из важнейших условий сохранения северных народов, их материальной и духовной культуры, так как в данной отрасли занято преимущественно коренное население.

В-третьих, для создания более благоприятных условий жизнедеятельности коренных народов, поддержания у них оптимальных режимов демографического воспроизводства и этнических процессов, необходима государственная национальная и социально-демографическая политика, скоординированная с планами развития северных регионов. Конкретное содержание и направленность мер государственной политики будут определяться также и приоритетами, которые выберут для себя сами народы Севера. Следует создать особые финансовые, материальные, организационные и иные условия для сохранения и развития языка, культуры, традиций, обычаев малочисленных народов Севера.

В-четвертых, в развитии здравоохранения в районе проживания народов Севера остро необходима новая концепция. Нужно организационно приспособить службы здравоохранения, действующие в этих районах, к существующим реальностям образа жизни северных народов. Здравоохранение для малочисленных народов Севера должно иметь отдельное финансирование, автономное управление, особую статистическую и аналитическую службу, свои приоритеты, цели, задачи и программы.

В-пятых, по-новому должен быть поставлен вопрос о подготовке национальных кадров. Сами малочисленные народы в лице представителей национальной интеллигенции должны создавать учебные программы и соответствующую расселению северян разветвленную систему учебных классов (групп), исключая длительный отрыв детей от родителей, а по существу – от природы. Решением данной проблемы могло бы стать использование на стойбищах современных средств связи, видео- и компьютерной техники.

В профессиональном плане из числа представителей северных народов необходимо готовить не только специалистов для традиционных областей хозяйствования, но также и бухгалтеров, экономистов, юристов.

В-шестых, все отношения между аборигенным населением, промышленными предприятиями и органами государственной власти и местного самоуправления должны регулироваться исключительно на основе правовых механизмов, оформленных в виде законов, иных нормативных актов, договоров и соглашений. Действующие на текущий момент нормативные акты, имеющие косвенное или прямое отношение к жизнедеятельности коренных северных народов, носят слишком общий характер и не позволяют разрешать проблемы малочисленных народов непосредственно в местах их обитания. В

настоящее время в Российской Федерации не принят закон, который бы определил правовой статус национальных меньшинств, в том числе коренных народов Севера, защитил территории традиционного природопользования, обеспечил создание системы самоуправления коренных народов.

Однако сегодня, кроме принятия новых законодательных документов, необходимо вести целенаправленную работу в рамках действующего законодательства для достижения решений в области конфликтного природопользования. Отдельные статьи уже принятых федеральных законов, например ст. 42 Закона «О недрах», оговаривают специальные права коренных малочисленных народов в отношении использования возобновляемых природных ресурсов. Но, к сожалению, практика применения этих законов для защиты прав коренного населения очень незначительна. Было бы целесообразным создать согласительные комиссии по разработке долгосрочных договоров для разрешения противоречий между федеральными, окружными органами власти и абorigенами.

В-седьмых, в настоящее время коренные народы не располагают долгосрочным механизмом обеспечения своей финансово-экономической самостоятельности и независимости, которых можно достичь за счет нормативных отчислений организациям народов Севера за недропользование, аренду земли, выдачу лицензий предприятиям нефтегазового комплекса под разработку месторождений, от прибыли за реализованные нефть, газ и другие сырьевые ресурсы. Необходимо использовать зарубежный опыт, а также опыт создания национальных нефтяных компаний, когда коренные жители территорий являются акционерами созданных компаний, что им сулит в перспективе получение дивидендов за реализованную нефть.

Малочисленные народы Севера способны поддерживать свое жизнеобеспечение и вносить вклад в развитие народного хозяйства страны с учетом достижений науки и техники, соответствующих специфике традиционного природопользования. Но надо иметь в виду, что корректирование социально-экономической и культурной политики – сложный и длительный процесс, зависящий от конкретной ситуации в регионе и в стране в целом. В данный, переходный, период социально-экономического развития России наиболее продуктивен поэтапный программно-целевой метод, при котором разрабатываемые целевые программы на федеральном и окружном уровне обеспечиваются реальным адресным финансированием.

Н.М.Арсентьева, С.В.Соболева
(г. Новосибирск)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП*

Территория Крапивинского района Кемеровской области для большинства из проживающих на ней национальных групп не является территорией исконного этнического заселения. Эти национальные группы появились здесь в процессе ее освоения и в результате целенаправленной миграционной политики, проводимой по отношению к ним государством в разные исторические периоды. Первые семьи мордвы, чувашей и удмуртов появились в сельских поселениях Кемеровской области в начале 30-х годов в результате плановых переселений крестьян из европейской части страны. Что касается этнических немцев, то их депортация в Сибирь осуществлялась в 1941–1942 гг. Это были уже обрусевшие немцы, долгое время жившие в разных регионах страны и имевшие интенсивные контакты с представителями других национальностей.

В статье рассматриваются особенности формирования в Крапивинском районе малочисленных национальных групп населения Кемеровской области, в частности этнически однородных и этнически смешанных семей немцев, удмуртов, чувашей, мордвы в результате миграции – вынужденной (репрессивной) и добровольной (экономической и семейной), анализируются качественные характеристики их трудового потенциала, такие как уровень образования, социально-должностной статус и профессионально-квалификационный уровень, исследуются возможности выбора основной профессии в условиях внедрения нового механизма хозяйствования.

Ретроспективный анализ основных качественных характеристик трудоустройства этнических групп

Одним из основных факторов, определяющих поведение малочисленных этнических групп в сфере занятости, является государственная политика в отношении данных групп. Последствия этой политики характеризует индикатор “территориальная мобильность”, показывающий не только масштаб, но и причины

территориальной подвижности представителей разных национальностей. Особенно отчетливо видны эти последствия в старшем, родительском, поколении. Практически во всех образованных немецких семьях родители респондентов приехали в Сибирь в ходе переселения их из районов Поволжья.

В результате этого, несмотря на одинаковый в разных этнических группах уровень образования у представителей этого поколения, немцы вынуждены были занимать самые низкие позиции в социально-должностной структуре – места разнорабочих и младшего обслуживающего персонала. Причем для этнически однородных немецких семей доля представителей старшего поколения, занятых на таких рабочих местах, составляла 100%. При принудительном перемещении не было и возможности выбирать тип населенного пункта, поэтому зачастую сельских жителей размещали в городских поселениях, выбор же места работы по отраслевому признаку диктовался условиями и нуждами военного времени.

Что касается других этнических групп, то в структуре мотивов миграции у них преобладает семейная и трудовая миграция, как, например, у чувашей и мордвы. Здесь наблюдается более сложная социально-должностная структура, в том числе представители этих этнических групп занимают должности руководителей и специалистов. Фактор этнической однородности в этих группах населения практически не влияет на выбор рабочего места, – скорее всего, выбор занятия определялся имеющимися в данной местности вакансиями.

Свобода выбора профессионального занятия, предлагаемые сферы приложения труда прямым образом влияют на формирование трудового потенциала этнических групп, поэтому можно полагать, что в случае ограничения этой свободы качественные характеристики трудового потенциала существенно ухудшаются, что мы и наблюдаем на примере немцев, переселенных в Сибирь. И наоборот, представители других национальностей имели в этом плане существенное преимущество.

Таким образом, индикатор “территориальная мобильность” в ретроспективе характеризует в отношении отдельных этнических групп не только трудовую мобильность и трудовое поведение, обусловленные внутренними для исследуемых групп мотивами выбора занятия, но также и адаптивное поведение в условиях ограниченности профессионального выбора. Только у представителей второго и третьего поколения исследуемых этнических образований мы можем наблюдать расширение свободы выбора занятия и территориальной подвижности.

После реабилитации немцев оставшиеся представители старшего поколения выбирают местом жительства сельскую местность и в качестве основного занятия – сельское хозяйство, т.е. возвращаются к привычным условиям жизни. Из структуры мотивов миграции в этот период исчезают такие мотивы, как репрессии и вынужденное переселение.

Государственная политика в отношении отдельных этнических групп, существенно повлиявшая на их территориальную подвижность, сказалась и на такой важной качественной характеристике, как уровень образования. Самыми распространенными видами образования для всех рассматриваемых национальных групп являются начальное, неполное среднее и среднее (табл. 1.). При этом среди мужчин у немцев, удмуртов и мордвы преобладают те, кто имеет начальное образование (соответственно 31, 60 и 40%), а у мужчин-чувашей – среднее (38%). Среди женщин-немок преобладают имеющие среднее образование (30%), но значительны также группы с неполным средним и начальным (соответственно 27 и 28%). У женщин – представительниц удмуртов и мордвы преобладающим типом образования является начальное (соответственно 60 и 50%) и среднее (40 и 50%). Незаконченное высшее и высшее не имеет практически никто, кроме женщин-чувашей.

Т а б л и ц а 1

Уровень образования у представителей национальных групп, %

Уровень образования	Немцы		Чуваши		Удмурты		Мордва	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Не учился	9	3	3	–	–	–	25	–
Начальное	31	28	29	24	60	60	40	50
Неполное среднее	28	27	15	26	–	–	10	–
Среднее	22	30	38	21	40	40	25	50
Среднее специальное	10	10	15	21	–	–	–	–
Неполное высшее	–	–	–	3	–	–	–	–
Высшее	–	2	–	5	–	–	–	–

Таким образом, уровень образования у представителей малочисленных этнических групп очень низок, намного ниже, чем, например, у русского населения, проживающего на этой же территории. У русских значительно выше доля имеющих среднее специальное, незаконченное высшее и высшее образование.

Значительно ниже уровень образования у представителей национальных групп, проживающих в Крапивинском районе Кемеровской области, и по сравнению с этими же национальностями, проживающими на территории сельских поселений других регионов России. Так, по данным микропереписи российского населения 1994 г., например, доли лиц со средним образованием среди немцев-мужчин и мордвы-мужчин, проживающих в сельских поселениях России, соответственно, на 11,6 и 7,7 п.п. выше, чем в обследованном нами регионе. Такая же картина наблюдается и в отношении среднего специального и высшего образования. Доли имеющих высшее и незаконченное высшее образование среди мужчин и среди женщин у немцев по России в целом составляют соответственно 4,7 и 4,2%, у чувашей – 6,1 и 4,6, у удмуртов – 4,2 и 5,0, у мордвы – 5,2 и 3,3 %.

Поскольку в этнически однородных и этнически смешанных семьях существенно различается возрастной состав их членов, рассмотрим уровень образования по этим типам семей отдельно (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Уровень образования в этнически однородных и этнически смешанных семьях, %

Уровень образования	Этнически однородные семьи				Этнически смешанные семьи			
	Немцы		Чуваши		Немцы		Чуваши	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Не учился	7	4	3	–	–	–	–	–
Начальное	36	30	34	28	5	16	40	8
Неполное среднее	29	21	18	28	14	16	20	8
Среднее	21	30	34	14	59	37	–	42
Среднее специальное	7	11	11	17	22	31	40	42
Неполное высшее	–	–	–	3	–	–	–	–
Высшее	–	4	–	10	–	–	–	–

В этнически смешанных семьях уровень образования и у мужчин, и у женщин значительно выше, чем в этнически однородных. У немцев в этнически смешанных семьях доля имеющих среднее образование среди мужчин составляет 59%, а среди женщин – 37%. В то же время в этнически однородных семьях значение этого показателя соответственно на 38 и 7 п.п. ниже. Что касается среднего специального образования, то в этнически смешанных семьях немцев его уровень у мужчин и женщин соответственно на 15 и 20 п.п. выше, чем в этнически однородных. У чувашей в этнически смешанных семьях 40% мужчин и 42% женщин имеют среднее специальное образование. Здесь различия по сравнению с этнически однородными семьями составляют 29 и 25 п.п. соответственно у мужчин и женщин.

Необходимо отметить, что уровень образования у немцев и чувашей в этнически смешанных семьях Крапивинского района Кемеровской области значительно выше, чем у немцев и чувашей, проживающих на территории сельских поселений других регионов России (по данным микропереписи населения 1994 г.). Так, у немцев в крапивинских этнически смешанных семьях доля имеющих среднее образование на 25,4 и 12,6 п.п. соответственно у мужчин и женщин выше, чем среди немцев по России в целом. Различия в уровне этого показателя у немцев, проживающих на разных территориях, составляют 10,5 и 15,0, а у чувашей – 30,2 и 28,3 п.п. соответственно для мужчин и женщин в пользу этнически смешанных семей.

Более высокий уровень образования в этнически смешанных семьях объясняется более молодым возрастом супругов в таких семьях, а также их сравнительно высокой социальной мобильностью. Гипотеза же о том, что высокая территориальная мобильность обусловлена необходимостью получения образования, не подтвердилась. И в этнически смешанных, и в этнически однородных семьях супруги в основном получали образование в населенном пункте, где они проживали (77%).

Различия в уровне образования в обследованных этнических группах наблюдаются и у представителей разных поколений. Следует отметить, что уровень образования у ныне живущих поколений – у самих респондентов и их взрослых детей – не ниже, чем у сельского населения в целом, а по некоторым видам (среднее общее и среднее специальное) даже несколько превышает его. Более высокий уровень

образования позволяет занимать достаточно высокие позиции в социально-должностной структуре работающего населения. Особенно это относится ко второму поколению и третьему – поколению взрослых детей респондентов.

Третье поколение, т.е. дети опрошенных, имеют еще более высокий социально-должностной статус, чем их родители. Это преимущество особенно заметно по доле служащих и специалистов: у представителей третьего поколения она превышает 40% от общего числа работающих, тогда как доля младшего обслуживающего персонала и рабочих составляет здесь, следовательно, менее 60%. Закономерно поэтому, что у третьего поколения и более разнообразная отраслевая структура занимаемых рабочих мест. В то время как почти 80% опрошенных (т.е. второе поколение) работают в сельском хозяйстве, 16 – в сфере обслуживания и лишь 4% – в других отраслях (включая промышленность, строительство, транспорт и т.д.), доля занятых в сельском хозяйстве среди их детей не превышает 60%, 30% из них работают в сфере обслуживания, а 10% – в других отраслях.

Подытоживая ретроспективный анализ основных качественных характеристик трудового потенциала малых этнических групп, можно сказать, что, во-первых, к числу наиболее значимых факторов, оказывающих существенное влияние на процесс формирования их трудового потенциала, относится государственная политика в отношении отдельных этнических групп; во-вторых, их адаптивное поведение в условиях социально-экономических ограничений (последствий такой политики) не носит устойчивого характера: при снятии этих ограничений формирование и развитие трудового потенциала этнических групп находится под воздействием общих для всего населения социально-экономических процессов.

Сфера занятости и качество трудового потенциала этнических групп сельского населения: современное состояние

Сегодня характерными явлениями в сфере занятости сельского населения стали резкие структурные изменения в сфере приложения труда, снижение уровня занятости сельского населения, появление на селе значительного числа безработных. Сложившаяся ситуация является прямым следствием проводимых в стране социально-экономических преобразований, под влиянием которых резко меняются факторы и условия формирования и использования трудового потенциала села, его количественные и качественные характеристики, профессионально-квалификационный и личностный потенциал работника.

Процессы социально-экономической трансформации затронули сложившуюся сферу занятости и в этнических группах населения. Уровень занятости, который в этнических группах был традиционно высоким, понизился, и особенно это заметно у представителей немецкой национальности. В опрошенных семьях, как этнически однородных, так и этнически смешанных, каждый восьмой трудоспособный член семьи не имеет работы. Хотя в настоящее время среди не имеющих работы 80% составляют женщины, которые находят себе занятие в личном подсобном и домашнем хозяйстве, в перспективе эта проблема может встать и перед мужским населением, в том числе перед молодежью. Между тем наличие работы для трудоспособного населения является важнейшим условием сохранения и поддержания основных качественных характеристик совокупного трудового потенциала, длительное ее отсутствие приводит к профессионально-квалификационной деградации.

Сложившиеся к середине 60-х годов социально-экономические условия, изменение в эти же годы государственной политики в отношении отдельных этнических групп способствовали тому, что существовавшие в 40–50-х годах социальные деформации процесса формирования трудового потенциала этнических групп населения были исправлены. Постепенно ликвидировалось отставание в уровне образования, расширялась сфера приложения труда. Это можно проследить, анализируя наличие и уровень профессиональной подготовки у членов обследованных семей и число трудовых профессий, которыми они владеют.

Профессиональные знания, умения и навыки, обуславливающие профессиональную компетентность, составляют квалификационный потенциал работника, который, в свою очередь, является основным элементом личностного потенциала и соответственно трудового потенциала социальной группы. Эти элементы в нашем исследовании отражены в индикаторе “профессионально-квалификационный статус работника”. Наличие “сквозных” профессий в квалификационном потенциале работника определяет устойчивость его профессионального статуса, владение несколькими профессиями одной отраслевой группы обеспечивает более благоприятные адаптационные возможности работника в сфере занятости, возможность сохранения статуса работающего члена семьи.

Среди опрошенных группу владеющих одной-двумя профессиями составляют специалисты со средним специальным и высшим образованием. Доля этой группы в общей численности работников – 21%. Положение таких работников на рынке труда в сельской местности наиболее проблематично. Гораздо

стабильнее положение у лиц, имеющих более двух профессий. Среди них высока доля работников, владеющих тремя-четырьмя профессиями, – она равна 63% от всех опрошенных работников. Основную группу в этой категории составляют рабочие, главным образом мужчины. В числе имеющихся профессий наряду с сельскохозяйственными практически всегда встречаются промышленные, строительные и транспортные. Правда, в основном все эти профессии относятся к одной социально-должностной группе – рабочих, а разнообразие обеспечивается за счет отраслевой принадлежности. Переход из одного социально-должностного статуса в другой наблюдается редко. Тем не менее, на наш взгляд, такого набора профессий достаточно для того, чтобы занимать устойчивое положение на рынке труда.

Основная часть опрошенных работников получила профессиональную подготовку по уже имевшимся у них профессиям, и профобучение в течение трудовой жизни происходило неоднократно. Среди видов профессионального обучения преобладают одно базовое и несколько видов курсов и других форм переподготовки для приобретения смежных профессий. Лица, не имеющие вообще никакой профессиональной подготовки, составляют меньшинство (25%), и это главным образом представители старшего поколения.

Можно сделать вывод, что профессионально-квалификационный потенциал опрошенных достаточно высок, но далеко не всегда реализован. Нередко работники трудятся не по своей основной профессии, в частности не по той, по которой получили базовое профессиональное образование. Это несоответствие выполняемой работы профессиональной подготовке работника – сегодня достаточно распространенное явление. Чаще всего имеющаяся работа требует более низкой квалификации, чем та, которой обладает работник. Так, многие квалифицированные рабочие занимают места разнорабочих, чаще всего в сельском хозяйстве. Очень мало в настоящее время используются на селе промышленные и строительные профессии, на должностях разнорабочих уже сейчас можно встретить лиц со средним специальным образованием.

Такая ситуация свидетельствует о резком снижении спроса на квалифицированный труд со стороны современной рыночной экономики, о сокращении и упрощении сферы приложения труда для сельского населения. Несоответствие же выполняемой работы квалификации работника не может не сказаться на качестве совокупного трудового потенциала, причем в худшую сторону, поскольку неизбежно приводит к потере основной квалификации и утрате трудовых навыков.

Сужение сферы занятости, сокращение рабочих мест на селе относятся не только к квалифицированному труду, но и к любым другим видам работ. Только 11% опрошенных ответили, что регулярно имеют дополнительную работу с целью приработка, 3,3% – что имеют такой приработок нерегулярно, остальные же не имеют его вообще. Менее всех приработком занимаются мордва и удмурты (9,1%), более всех – чуваша (15,4%).

Труд предпочтительнее безделья, и поэтому большинство (56,5%) респондентов не согласились бы не работать, даже имея пособие, достаточное для безбедной жизни. Трудовая деятельность, работа как ценность занимает достаточно устойчивое положение в сознании представителей этнических групп сельского населения. Из всех обследованных национальных групп наиболее ориентированы на работу чуваша (59,2%), из них 48% безусловно не согласны не работать, получая пособие. В большей степени согласны на то, чтобы получать пособие и не работать, немцы: 43% против 30% в двух других группах.

Высокая ценность наличия профессии, специальности характерна для представителей всех этнических групп населения, попавших в наше обследование, поэтому практически все респонденты отметили, что их основная профессия в условиях современной рыночной экономики тоже может обеспечить достаточный доход им и их семьям. Но 33% опрошенных моложе 40 лет согласны пройти переобучение с целью получения новой профессии при условии, если им будет гарантирована работа по новой профессии. Это еще раз свидетельствует о высокой ценности профессионального статуса для всех этнических групп.

Говоря о переобучении, следует отметить, что готовность к нему гораздо выше у русского населения: 61,3% против 23,1% у представителей малых этнических групп. Среди этнических меньшинств весьма значительна доля не желающих менять профессию и учиться. Даже при условии получения стипендии и гарантии работы эта доля у нерусских оказалась вдвое больше, чем у русских – 67,8 против 33,3%. Среди этнических меньшинств большую готовность к переобучению проявили представители удмуртов и мордвы – 37,5%, а при условии предоставления места работы доля таковых составила 62,5%. Группы немцев и чувашей показали примерно одинаковое нежелание учиться по разным причинам. Распределение их ответов на вопрос: “Что Вы предпримете, если останетесь без работы?” – оказалось таким (% к числу ответов):

Буду искать работу по специальности	16,8
Буду искать любую подходящую работу	55,7
Открою свое дело	5,9
Займусь коммерческой деятельностью	4,9
Займусь фермерством	5,9
Не буду искать работу вообще	0,5
Пройду переобучение с целью получения новой профессии	4,9
Уйду из этого поселения	1,6
Другие ответы, затруднились с ответом	16,3

Практически для всех социально-профессиональных групп опрошенных работников характерна низкая потенциальная трудовая и территориальная мобильность. Лишь 4,3% респондентов твердо намерены сменить работу, еще 3,2 – сменят ее, 1,6% будут вынуждены уйти по инициативе администрации. Достаточно высока доля тех, кто хотел бы сменить работу, но им некуда пойти. Они составляют 12,4% всех опрошенных работников. Очевидно, что это является косвенным подтверждением тому, что часть респондентов не удовлетворены своей нынешней работой. В немалой степени это обусловлено профессионально-квалификационным несоответствием, о котором говорилось выше, а также падением престижа сельскохозяйственного труда. Но отсутствие более привлекательных рабочих мест как по месту проживания, так и за его пределами достаточно четко осознается самим населением, поэтому процессы поиска новой работы, переезд, практически не присутствуют в элементах трудового поведения представителей этнических групп. Следует заметить, что затухание этих процессов характерно для всего сельского населения в целом.

Закономерно поэтому, что на смену традиционным способам поиска более привлекательных рабочих мест приходят альтернативные. Так, среди опрошенных относительно высока доля тех, кто согласен работать по найму у частного предпринимателя, фермера, – они составляют 34,3%; еще 13,1% согласны работать по такому найму только в случае крайней необходимости. Это говорит о том, что для частных предпринимателей существует достаточно широкая трудовая социальная база наемного труда.

Для остальных опрошенных работа у частного предпринимателя неприемлема по мотивам “социальной несправедливости”, 70% из них не хотят, чтобы кто-то богател за их счет, не хотят работать “на кого-то”. Они предпочитают традиционные формы коллективного труда, причем 67% из них выбирают в качестве наиболее привлекательных для себя государственное предприятие или колхоз и лишь 7,6% выбирают работу в кооперативах и частных фирмах.

В меньшей степени хотели бы работать на предприятиях с коллективными формами собственности представители удмуртов и мордвы – 36,6%, и среди них 13,6% желающих открыть собственное дело. Среди чувашей таких 7,7%, а менее всего склонны к этому немцы (2,9%), предпочитая колхозы и совхозы (52,2%) и работу в частной фирме (8,7%). На работу в личном подсобном хозяйстве ориентированы 22,7% из группы мордвы и удмуртов.

По мнению тех, кто выбрал государственное предприятие или колхоз, именно там существуют гарантии постоянной работы и социальной стабильности. Немалое влияние на выбор оказала и привычка к сельскохозяйственному труду.

Особенности стратегии трудового поведения этнических групп в новых условиях хозяйствования

В ходе проведенного нами обследования этнические группы в целом продемонстрировали более высокую степень консервативности, предпочтения коллективных форм хозяйствования, ориентации на занятость в сельском хозяйстве и меньшую степень реальной адаптации, чем русское население. Но при выборе стратегий поведения в случае потери работы они обнаружили более четкие представления о том, что они будут делать, у них более высокие показатели адаптируемости в изменяющихся социально-экономических условиях.

При этом *немцы* проявили самую низкую степень реальной адаптации, будучи самой консервативной из рассматриваемых групп. В то же время у них самый маленький стаж работы на одном предприятии, но они не имеют намерения сменить ни работу, ни специальность, высказывая готовность в случае потери работы искать работу именно по своей нынешней специальности. Среди немцев больше, чем в других группах, тех, кто согласен не работать при получении пособия по безработице, а также работать по найму только в случае крайней необходимости, и то в частной фирме. У них также наблюдаются ориентация на

коллективные формы занятости и меньшая готовность к принятию на себя ответственности, чем это требуется для самостоятельного ведения хозяйства: собственное дело пожелали открыть только в случае потери работы 6,7% немцев.

Чуваши продемонстрировали самую высокую степень реальной адаптации среди рассматриваемых этнических групп. В этой группе наибольший процент занимающихся приработками, приближающийся к соответствующему показателю у русского населения. По сравнению с представителями других малых этнических групп чуваша в наибольшей мере ориентированы на работу, а не на получение пособия. В случае потери работы они выразили готовность на любую работу и в равной степени – готовность к открытию собственного дела и занятию фермерством. Предпочитая коллективные формы хозяйствования, имея самый большой по малым этническим группам стаж работы на предприятии, они высказывают желание сменить работу в ближайшее время. В то же время они не хотят работать по найму у частного лица, в частной фирме, не готовы к переобучению и не склонны к тому, чтобы заниматься только личным подсобным хозяйством. Для представителей данной группы характерна наименьшая склонность к принятию на себя ответственности, работа же в коллективах могла бы быть наилучшим вариантом для них.

Анализ прожективного трудового поведения показывает, что *мордва* и *удмурты* в наименьшей степени предпочитают коллективные формы работы, у них самая высокая ориентация на организацию собственного дела (13,6%), работу только в личном подсобном хозяйстве (22,7%), занятие коммерцией (5%) и фермерством (10%), т.е. самая высокая степень выбора индивидуальных форм хозяйствования. В то же время в реальном трудовом поведении эти закономерности прослеживаются не вполне четко: в этой группе занимающихся приработками вдвое меньше, чем у русских. При этом среди всех рассматриваемых групп данная группа наименее консервативна: ее представители имеют небольшой стаж работы на одном предприятии. Респонденты из этой группы не намерены в ближайшее время менять работу. Но они выразили высокую готовность к переобучению, особенно при условии предоставления работы и гарантированной стипендии. Очень высока также готовность работать по найму у частного лица или в частной фирме. Представители данной группы наиболее нацелены на индивидуализм, имея большой адаптационный потенциал, который может быть реализован при создании условий для развития способностей. Эта группа является как бы резервом для становления предпринимательства на селе.

Таким образом, социально-экономические преобразования села, развитие фермерства, частного предпринимательства еще не оказали заметного влияния на ценностно-нормативное сознание в сфере трудовой деятельности у представителей обследованных этнических групп, его основу составляют устойчивые традиционные ценности.

В отличие от этих малочисленных национальных групп *русское* население отличается более высокой адаптированностью к новым условиям. Русские больше занимаются приработками. Хотя у них и преобладает доля тех, кто имеет большой стаж работы на одном предприятии и низкую готовность сменить работу, они выражают очень высокую готовность к переобучению. Русские в меньшей степени предпочитают коллективные формы занятости и при этом ориентированы на работу в промышленности. Высока у них готовность к организации собственного дела – вдвое выше, чем в среднем по этническим группам. Процент русских, готовых к работе в частной фирме, также больше, чем в других этнических группах. В то же время русские продемонстрировали большую растерянность в отношении ситуации, если они потеряют работу, высказав желание сидеть в этом случае дома, заниматься личным подсобным хозяйством или затруднившись с ответом. Сочетая индивидуализм и коллективизм, русские больше, чем представители других национальностей, тяготеют к индивидуальному хозяйствованию или самостоятельности, демонстрируя реальную включенность в рыночную экономику (занимаясь приработками и уже участвуя в предприятиях частного сектора), а также высокую социально-трудовую мобильность в случае создания соответствующих условий (обеспечения возможности для переобучения, поддержки в организации собственного дела, предложения работы по найму).

Подводя итоги анализу современного состояния сферы занятости у этнических групп сельского населения, использования их трудового потенциала, можно сказать, что происходящие на селе социально-экономические процессы посредством сужения сферы приложения труда, снижения спроса на квалифицированный труд оказывают самое негативное влияние на формирование и особенно на использование имеющегося трудового потенциала, существенно ухудшая его основные качественные характеристики.

Примечание

* Эмпирической базой исследования являются материалы проведенного летом 1996 г. социально-демографического обследования, репрезентирующего проживающие на территории Крапивинского района Кемеровской области малочисленные этнические группы.

З.И.Калугина, А.В.Клапцова
(г. Новосибирск)

АДАПТАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП К ИЗМЕНЯЮЩИМСЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ

Исследование проблем адаптации этнических групп к новым социально-экономическим условиям актуально в связи с тем, что изменения, происходящие в России в экономической и социальной сферах, не влекут за собой адекватных изменений в социальных ориентациях и экономическом поведении большинства населения. Несоответствие вектора реформ предпочтениям и поведению населения приводит, в свою очередь, к резкому замедлению социально-экономических преобразований и снижению их эффективности.

В современной России адаптивная нагрузка на социум как бы удваивается: происходит адаптация к новым рыночным ценностям и реалиям и одновременно к новым информационным технологиям и стандартам жизни. Активный потенциал населения в этих условиях подвергается серьезному испытанию. В настоящее время, с одной стороны, у людей возрастают шансы реализовать свой жизненный потенциал, а с другой – увеличивается риск “не успеть” за ходом общественных преобразований¹. К тому же теперь населению приходится решать более сложные задачи в процессе приспособления к изменяющимся социально-экономическим условиям: если в прежние годы следовало лишь выполнять определенные предписания вышестоящих инстанций, то сегодня надо самим принимать решения. В связи с этим изменения, происходящие в экономике, “всколыхнули глубинные пласты психики на личностном и групповых уровнях”².

Особенностью трансформационных процессов в современной России являются их непредсказуемость, непрогнозируемость траекторий развития общества. В кризисных системах с непредсказуемым вектором развития (по определению Л.В.Корель, “бифуркационных средах”) многие средства адаптации, прежде всего институционализированные и нормативно-регулятивные, разрушаются, и на первый план выходят личностные и статусные характеристики субъектов³.

Изменения в среде побуждают субъектов искать способы приспособления к ним. При этом происходит мобилизация их адаптивных ресурсов, составляющих адаптивный потенциал, от которого напрямую зависит возможность овладеть ситуацией, освоиться в новых условиях. Адаптивный потенциал определяет скорость процесса адаптации, его конечные результаты, степень адаптированности субъекта. Одним из элементов адаптивного потенциала является этнический статус субъекта. “Этническое самосознание индивида выступает не просто как определитель этничности, но и своего рода ценностно-ориентационным маятником, помогающим адаптироваться в сложном мире общественных отношений”⁴. В этом плане встает вопрос о том, каким адаптационным потенциалом обладают различные этносы и как это сказывается на процессе их адаптации.

Согласно классификационной системе адаптаций, построенной Л.В.Корель по 30 основаниям, одним из видов адаптации является экономическая адаптация. Как и другие виды, она определяется активным потенциалом субъектов, один из компонентов которого – это этнический статус, принадлежность к той или иной этнической группе. Предметом анализа в данной статье будет экономическая адаптация, а эмпирическим объектом – проживающие в сельской местности малые этнические группы, выделенные по критерию самоидентификации респондентов с той или иной этнической группой.

В своем анализе мы исходим из следующих гипотетических предположений:

- 1) различные этнические группы обладают разным адаптивным потенциалом, что проявляется в различной степени адаптированности к новым социально-экономическим условиям;
- 2) этнические группы различаются не только по степени адаптированности к новым социально-экономическим условиям, но и по формам и способам адаптации, определяемым выдвигаемыми целями и средствами их достижения.

Характеристика информационной базы

Информационной базой анализа послужили материалы социологического обследования, проведенного в 1997 г. в Новосибирской области сотрудниками отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (руководитель З.И.Калугина). Были опрошены жители двух сельских районов области: Кочковского и Чановского, выборочная совокупность – 552 чел. Данные репрезентируют население Новосибирской области по полу, возрасту, образованию. Распределение выборочной совокупности по национальному признаку было следующим: русские составили 81,7%,

немцы – 6,2, татары – 3,8, украинцы – 3,7, остальные национальности – 4,6%. Различия же в составе этнических групп по полу, возрасту и уровню образования отражают реальные особенности социально-демографического состава этих групп, поскольку выборочная совокупность по указанным признакам репрезентировала все сельское население области. Для сравнения полученных данных использовались результаты обследования, проведенного сотрудниками этого же отдела в 1995 г. в Крапивинском районе Кемеровской области (руководитель С.В.Соболева). Исследование носило пробный характер, поэтому результаты анализа использованы для обоснования гипотез или для описания формирующихся тенденций.

Методы анализа

Особенности информационной базы, характерной чертой которой является малая представительность национальных групп, потребовали применения адекватных методов анализа. Для получения обоснованных выводов применялись специальные методы работы с малыми группами. Так, для описания связи между номинальными переменными использовалось отношение правдоподобия⁵. Значимость этого критерия характеризует вероятность случайно получить большее значение, чем выборочное. При существенной связи значимость критерия близка к нулю. Как правило, гипотеза о независимости переменных отвергается при значимости критерия правдоподобия, равном 0,05 и меньше. Данный критерий демонстрирует ошутимую чувствительность к смещениям распределений, полученных на малых выборках.

Помимо этого для описания связи использовались Z-статистики, которые представляют собой отклонения расчетной частоты N_{ij} от ожидаемой E_{ij} , измеряемые в числе стандартных отклонений. При большом числе объектов значение стандартизированного смещения в предположении независимости переменных Z-статистика распределена нормально с параметрами $N(0,1)$. Это позволяет оценить двустороннюю или одностороннюю значимость. Двусторонняя значимость – это вероятность случайно получить большее по абсолютной величине, чем выборочное, значение Z. Начиная с Z-отклонения, равного 1,96, можно высказывать гипотезу о существовании такой связи.

Упомянутые методы использовались в сочетании с “черно-белым” (дихотомическим) анализом – методом обнаружения основных тенденций связи пары переменных⁶. Этот метод состоит в поиске такого дихотомического (“черно-белого”) разбиения значений переменных, чтобы полученная четырехклеточная таблица была максимально контрастной. Степень устойчивости полученных дихотомий выявляется при помощи многократной имитации повторного сбора данных и повторения поиска дихотомии. На основании полученных разбиений появилась возможность, объединив группы, проанализировать степень связи между переменными. Результаты, полученные при использовании данных методов, позволяют описать формирующиеся тенденции, подтвердить или опровергнуть гипотезу о существовании связи между этнической принадлежностью респондентов и их адаптированностью к новым социально-экономическим условиям.

Адаптированность этнических групп к новым социально-экономическим условиям

Для анализа адаптированности этнических групп к новым социально-экономическим условиям были использованы индикаторы, характеризующие отношение респондентов к экономическим новациям, рыночным институтам и ценностям, готовность работать в новых условиях хозяйствования, а также степень и результативность адаптации к изменившимся условиям (по самооценкам).

Отношение этнических групп к частной собственности на землю. Наиболее острым вопросом нынешних общественных преобразований, расколовшим российское общество, по существу, на два противоборствующих лагеря, является возрождение института частной собственности на землю. Несмотря на то, что право частной собственности на землю закреплено в российской Конституции, дебаты по этому поводу продолжаются. До сих пор не принят Земельный кодекс страны, регулирующий земельные отношения. В связи с этим знать позиции разных социальных групп, в том числе и национальных, относительно частной собственности на землю весьма актуально для разработки и принятия мер, регулирующих как экономические, так и социальные отношения в обществе.

Анализ полученной информации выявил достаточно четкие различия между национальными группами в их отношении к частной собственности на землю и к свободной купле-продаже земли. Наиболее кардинальную “рыночную” позицию занимают немцы. Среди них более половины опрошенных считают, что земля должна находиться в частной собственности, в то время как среди русских таких одна треть, а среди украинцев – менее одной пятой (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Распределение ответов на вопрос: “Согласны ли вы с тем, что земля должна находиться в частной собственности?”, % к итогу

Вариант ответа	Русские	Немцы	Татары	Украинцы	В среднем
Полностью согласен	32,2	56,5	46,7	18,3	34,7
Частично согласен	14,2	26,1	6,7	9,1	14,8
Не согласен	39,7	17,4	26,7	54,5	37,6
Затрудняюсь ответить	13,9	0	20,0	18,2	13,0

Расчет Z-отклонений в данном случае подтверждает наличие связи между рассматриваемыми двумя признаками. Доля русских, считающих, что земля должна находиться в частной собственности, меньше ожидаемой в условиях независимости переменных на 2,2 стандартных отклонения, а доля немцев – больше на 2,3 стандартных отклонения. В то же время Z-отклонение давших отрицательный ответ среди немцев составило 2,1, а среди русских – 1,9. Таким образом, математический анализ позволяет предположить, что немцы в большей степени ориентированы на частное владение землей, а среди русских, наоборот, больше доля тех, кто против введения частной собственности на землю. Проведенный “черно-белый” анализ выявил четкие устойчивые группы. С одной стороны, это группа русских и украинцев, т.е. славянская группа, в основном негативно относящаяся к частной собственности на землю, а с другой – немцы и татары, поддерживающие возрождение института частной собственности на землю. Достаточно устойчивой оказалась и группа неопределившихся, т.е. тех, кто затруднился ответить. Значимость отношения правдоподобия, составляющая 0,02, говорит о возможном наличии связи между этнической принадлежностью и отношением к частной собственности на землю.

Отношение к купле-продаже земли. Этот показатель также различается по этническим группам. Доля одобряющих рыночные операции с землей среди немцев оказалась вдвое выше, чем среди русских, и втрое выше, чем среди татар. Среди украинцев полностью или частично поддерживающих свободную куплю-продажу земли практически не оказалось (табл. 2). Отчасти это можно объяснить возрастным составом опрошенных: в выборочной совокупности группа украинцев самая “старшая”, что также сказалось на характере полученных ответов.

Т а б л и ц а 2

Распределение ответов на вопрос: “Согласны ли вы с тем, что земля должна быть предметом купли-продажи?”, % к итогу

Вариант ответа	Русские	Немцы	Татары	Украинцы	В среднем
Полностью согласен	18,1	43,5	12,5	0	19,2
Частично согласен	8,6	13,0	6,3	0	8,3
Не согласен	60,0	30,4	62,5	83,3	58,5
Затрудняюсь ответить	13,3	13,0	18,8	16,7	14,0

Z-отклонение частоты от ожидаемой в группе немцев, полностью согласных с тем, что земля должна быть предметом купли-продажи, составило 3,1, а среди немцев, не согласных с таким мнением, – 2,8. Это свидетельствует о существовании связи между этнической принадлежностью и отношением к купле-продаже земли. Проведенный “черно-белый” анализ выявил группу русских как наиболее устойчивую в своем негативном отношении к купле-продаже земли. Эта группа в 100% экспериментов имитации выборки оказывалась не согласной с тем, что земля должна быть предметом купли-продажи. После разделения всех объектов на четыре класса по указанному признаку значимость отношения правдоподобия составила 0,007.

Таким образом, можно утверждать, что между этнической принадлежностью и отношением к купле-продаже земли существует связь.

Ориентация этнических групп на новые формы хозяйствования. Одним из индикаторов, характеризующих процесс адаптации этнических групп к новым условиям хозяйствования, может быть их готовность открыть собственное дело, стать фермером или превратить свое личное подсобное хозяйство в фермерское, т.е. использовать новые возможности, появившиеся в процессе аграрных преоб-

разований. В ходе анализа были обнаружены следующие различия. Немцы и татары на ментальном уровне оказались более готовыми к самостоятельному хозяйствованию по сравнению с другими этническими группами. Готовность *открыть собственное дело* выразили 66% немцев и 67% татар. Среди русских доля обнаруживших такую готовность составила 54%, а среди украинцев – 40%. Подобные тенденции были выявлены и в ходе исследования 1995 г. Анализ поведения сельского населения на рынке труда показал, что в случае потери работы немцы чаще, чем представители других этнических групп, были готовы к самостоятельной хозяйственной деятельности. Среди немцев были готовы открыть собственное дело в случае потери работы 6%, а среди русских – 3%. Следует отметить, что в конкретной ситуации желающих заняться самостоятельным делом оказывается намного меньше, чем в прожективной.

Однако “черно-белый” анализ не выявил устойчивых групп по данному критерию, а значимость отношения правдоподобия (0,30) не позволяет говорить о наличии связи между этнической принадлежностью респондента и его готовностью открыть собственное дело. Полученные результаты свидетельствуют, что выявленные ориентации носят скорее ситуативный, нежели глубинный характер, а следовательно, при определенных условиях велика вероятность перехода респондентов из одной группы в другую. Значит, правильнее говорить о формирующихся тенденциях, а не об устойчивых различиях.

Примерно те же тенденции наблюдаются и при анализе планов относительно возможного *превращения подсобного хозяйства в фермерское*. Абсолютное большинство сельских респондентов не ориентируется на ведение фермерских хозяйств. Не согласились бы превратить свое подсобное хозяйство в фермерское 94% татар, 90 – украинцев, 82 – русских и 74% немцев. Результаты, полученные в “черно-белом” анализе, не подтверждают существования связи между принадлежностью к этнической группе и возможностью трансформации личного подсобного хозяйства в фермерское.

Работа в частном секторе экономики наиболее предпочтительна для украинцев. Согласились бы работать на частном предприятии более 90% украинцев, что значительно превышает долю обнаруживших такую готовность в других этнических группах (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Распределение ответов на вопрос: “Согласились бы вы работать на частном предприятии?”, % к итогу

Вариант ответа	Русские	Немцы	Татары	Украинцы	В среднем
Да	67,1	77,4	58,9	92,8	67,3
Нет	23,2	22,6	37,4	7,2	23,7
Не знаю	9,7	–	3,7	–	9,0

Z-отклонение частоты от ожидаемой равняется 1,97 и позволяет предположить наличие связи между рассматриваемыми признаками. Наиболее “устойчивой” относительно готовности работать в частном секторе оказалась группа украинцев. После объединения групп в блоки значимость отношения правдоподобия составила 0,039, что позволяет отвергнуть гипотезу о независимости переменных и предположить, что принадлежность к этнической группе влияет на готовность работать на частном предприятии. К этому следует добавить, что, по результатам опроса 1995 г., именно для немцев занятость на частном предприятии в случае потери работы оказалась более предпочтительной.

В целом наблюдаются определенные различия в ориентациях этнических групп на новые формы хозяйствования, хотя математический анализ не во всех случаях подтверждает наличие устойчивой связи между этими признаками. Для окончательных выводов необходимы дополнительные исследования.

Ориентации на материальный успех и способы его достижения. Важными показателями успешной адаптации к новым социально-экономическим условиям являются ориентация на материальный успех, а также готовность работать в условиях экономического риска. Эти показатели, с одной стороны, отражают отношение респондентов к рыночным ценностям, а с другой – характеризуют те способы, которые они выбирают для повышения материального благосостояния. Анализ показал, что ориентация на получение высоких доходов, но *с риском для себя* слабо выражена для всей выборочной совокупности этнических групп (8,3%), а среди татар готовых к экономическому риску вообще не оказалось. В группе татар самая высокая доля тех, кто для повышения своих доходов экономическому риску предпочитает переработки, – 65,5%. Среди немцев такой путь повышения доходов выбирают 58,5% опрошенных, среди русских – 53,5, а среди украинцев – 41%. К тому же среди украинцев наибольшая доля предпочитающих

стабильный, не очень высокий заработок, но без переработок (40%). Иными словами, для всех этнических групп характерно стремление улучшить свое материальное положение за счет дополнительной оплачиваемой работы, в меньшей степени они склонны работать в условиях экономического риска.

Разбиение выборочной совокупности на дихотомические группы по признаку ориентации на материальный успех с учетом способов его достижения выявило следующие закономерности. Наиболее устойчивой оказалась группа этнических русских, ориентированных на получение высоких доходов, хотя и с риском для себя, а также группа не определившихся с ответом. Все остальные склонны не рисковать, а получать сравнительно небольшой, но гарантированный заработок, или повышать свои доходы, прибегая к переработкам. После разбиения объектов на описанные выше группы значимость отношения правдоподобия составила 0,02. Этот факт позволяет предположить наличие связи между готовностью к экономическому риску и этнической принадлежностью респондента.

Освоенность в новых условиях. В качестве интегрального показателя, характеризующего степень адаптированности рассматриваемых групп в новых социально-экономических условиях, нами была выбрана оценка респондентами их освоенности в этих новых условиях. Анализ показал, что для всех этнических групп характерна слабая освоенность. В целом по массиву доля вполне адаптированных, освоившихся в новых условиях была чуть выше 10%, хотя наблюдается некоторая дифференциация ответов по этническим группам. Наибольшая доля лиц, которым удалось полностью освоиться в новых экономических условиях, оказалась среди татар, – в этой группе она составила пятую часть всех опрошенных. Наименьшая доля вполне освоившихся в новых условиях выявлена среди немцев – 8,6%. Среди татар также оказалась наибольшей доля тех, кто считает, что пока освоился лишь частично, но в будущем освоится полностью, – пятая часть опрошенных (табл. 4). Очевидно, этой этнической группе удалось в новых условиях найти адекватную их потребностям и возможностям социальную нишу.

Т а б л и ц а 4

Распределение ответов на вопрос: “Удалось ли вам полностью освоиться в новых экономических условиях?”, % к итогу

Вариант ответа	Русские	Немцы	Татары	Украинцы	В среднем
Да, вполне	11,5	8,6	19,0	15,0	11,5
Пока освоился лишь частично, но освоюсь	15,7	17,1	19,0	5,0	15,5
Освоился частично и вряд ли освоюсь полностью	8,8	2,9	4,8	15,0	8,3
Еще не освоился, но со временем освоюсь	11,9	8,6	4,8	15,0	12,1
Совсем не освоился, и вряд ли освоюсь	38,9	25,7	38,1	45,0	37,8
Затрудняюсь ответить	7,1	28,6	4,8	5,0	9,0
Другое	5,9	8,6	9,5	–	5,8

Дихотомический анализ сгруппировал выборочную совокупность следующим образом. В одну группу вошли русские, украинцы, татары, а во вторую – немцы и представители других национальностей. При этом Z-отклонение частот от ожидаемых составило 3,79, что говорит о возможной связи между переменными. С целью более подробного представления данных объекты были разбиты по национальности не на два, а на три блока: 1) русские и украинцы; 2) татары; 3) немцы и другие. Ответы на вопрос: “Удалось ли вам полностью освоиться в новых экономических условиях?” – были объединены в укрупненные группы. В первую отнесены ответы типа “да, освоился”, “освоился частично, но освоюсь”; во вторую – ответы типа “не освоился и не освоюсь когда-либо”, “освоился лишь частично и вряд ли освоюсь полностью”; третью образуют ответы типа “еще не освоился, но со временем освоюсь”; в четвертую группу отнесены ответы тех, кто затруднился определить свое состояние, и другие ответы. При таком разбиении наблюдаемая частота в группе не освоившихся русских и украинцев отличалась от ожидаемой на 2,3 стандартных отклонения, а в группе немцев и представителей других национальностей, затруднившихся ответить – 3,8. Таким образом, дихотомический анализ данных с определенной долей вероятности позволяет сделать вывод о наличии связи между национальностью респондента и степенью его освоенности в новых социально-экономических условиях. Значимость отношения правдоподобия (в данном случае она равна 0,015) также подтверждает правомерность такого вывода.

Материальное положение семей. В качестве индикатора результативности адаптации была выбрана оценка респондентами материального положения их семей. Математический анализ не выявил наличия связи между материальным положением семьи и национальностью респондента. Значимость отношения правдоподобия составила 0,64. Это свидетельствует о том, что материальный статус семьи в современных условиях обусловлен множеством факторов, среди которых этнический статус не играет решающей роли. Можно лишь отметить следующие особенности. Доля оценивших свое материальное положение выше среднего очень мала: по всем этническим группам она составляет 0,9%. Большинство опрошенных отнесли себя к среднеобеспеченным и обеспеченным ниже среднего уровня. Среди немцев доля таких респондентов составила 80%, среди татар и украинцев – по 67%.

Выводы

В результате проведенного анализа удалось выявить некоторые особенности экономической адаптации этнических групп. В частности, русские менее адаптированы к произошедшим социально-экономическим изменениям. Это выражается в неприятии большинством из них частной собственности на землю, а также возможности рыночных операций с землей, в более слабой ориентированности на труд на частном предприятии. Выявленные смещения в сторону готовности к экономическому риску в сочетании с меньшей значимостью труда могут говорить о склонности к поиску легких заработков. В качестве показателя низкой результативности экономической адаптации у русских выступает более выраженное, чем у представителей других этнических групп, ощущение неосвоенности в новых социально-экономических условиях.

Среди украинцев также большой процент тех, кто негативно относится к частной собственности на землю, к ее купле-продаже. У них отмечена меньшая готовность работать в условиях экономического риска и меньшая ориентация на материальный успех. В то же время у украинцев зафиксированы смещения в сторону готовности работать на частном предприятии. Можно предположить, что произошла вынужденная адаптация к формирующимся рыночным отношениям, когда приходится корректировать свои жизненные ориентиры и находить адекватную социальную нишу в новом экономическом пространстве. Но и здесь отмечается относительно низкий уровень адаптированности. Украинцы более негативно оценивают свои возможности в плане освоения в новых экономических условиях. Не исключено, что в данном случае сказывается влияние демографической структуры группы.

Группа татар разнородна по степени, формам и способам адаптации к новым условиям. По отношению к собственности на землю и ее возможной купле-продаже заметны сдвиги в сторону их одобрения. Отноительно работы на частном предприятии и готовности идти на риск с целью получения высоких доходов ответы скорее отрицательные, чем положительные. Но смещения не являются достаточно значимыми, чтобы иметь основания говорить об устойчивой тенденции. Для получения более четких результатов необходимы дополнительные специализированные исследования. Как тенденцию стоит отметить более позитивные оценки относительно освоения в новых экономических условиях. Возможно, этой этнической группе удалось успешнее адаптироваться к существующим социально-экономическим условиям.

Группа немцев предстала как наиболее ориентированная на рыночные отношения. По ответам на вопросы о частной собственности на землю, о купле-продаже земли, о готовности работать на частном предприятии вырисовывается картина относительно высокой степени адаптации к экономическим новациям в аграрном секторе. Но, судя по неопределенности в оценке степени освоения в новых экономических условиях, налицо расхождение адаптированности на ментальном и поведенческом уровнях. Можно предположить, что адаптация на ментальном уровне является необходимым, но недостаточным условием для успешной адаптации групп к реальным изменениям в экономической сфере.

Математический анализ полученных данных позволяет утверждать, что существует значимая связь между этнической принадлежностью респондентов и их адаптированностью (по отдельным критериям) к изменяющимся социально-экономическим условиям. Однако эти результаты нуждаются в дополнительной проверке, так как малая наполненность этнических групп в выборочной совокупности не позволяет сделать окончательные выводы. Для получения более определенных результатов, на основании которых можно будет говорить об особенностях экономической адаптации этнических групп, необходимо, чтобы этнические группы в выборочной совокупности были однородными по социально-демографическому составу. Это позволит при анализе нивелировать влияние социально-демографических характеристик и других факторов, не относящихся к этническому статусу групп.

Особенности адаптации этнических групп могут служить основанием для проведения дифференцированной социально-экономической политики в многонациональных районах, в местах компактного проживания национальных общностей. Внедряемые формы хозяйствования должны быть адекватны

ориентациям и предпочтениям проживающих в данной местности этнических групп. Там, где преобладает ориентация на фермерство, на новые хозяйственные отношения, необходимо проводить соответствующую экономическую политику. Если для данной этнической группы предпочтительными являются коллективные формы хозяйствования, следует направить усилия на поддержание и развитие этих форм экономической деятельности. В противном случае процесс модернизации аграрного сектора замедляется, а социальная напряженность растет.

Примечания

¹ См.: Корель Л. В. Социология адаптаций: этюды апологии. – Новосибирск, 1997. – С. 12, 13.

² Гасанова Н. М. К этнопсихологической адаптации // Социс. – 1995. – № 11. – С. 63.

³ См.: Корель Л. В. Социология адаптаций... – С. 124.

⁴ Радаев В. В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. – 1993. – № 5. – С. 41.

⁵ См.: SPSS for Windows: Crosstabs. – Chicago, 1997.

⁶ См.: Ростовцев П. С., Костин В. С. Автоматизация типологического группирования. – Новосибирск, 1995. (Препринт).

Ю. М. Плюснин
(г. Новосибирск)

МНОГООБРАЗИЕ ПРОСТОТЫ: СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПЕРИОД КРИЗИСА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ¹

Начиная с 1994 г. я провожу комплексные исследования социальных и психологических механизмов адаптации локальных сельских сообществ к новым экономическим, социальным и политическим реалиям кризисного, а точнее, трансформируемого российского общества. За это время исследования приобрели характер мониторинга. Являясь сравнительными, они охватывают два далеко отстоящих друг от друга региона России – юг Западной Сибири (Горный Алтай, Алтайский край и Новосибирскую область) и европейский Русский Север (побережье Белого моря, Республику Карелия, Мурманскую и Архангельскую области), сельские сообщества которых различны и по условиям хозяйственной деятельности (как природным, так и социальным), и по характеру бытовой жизни людей. Здесь традиционно сложились разные, во многом даже полярные, системы жизнеобеспечения населения, при этом в советское время они сохраняли немало основных черт традиционного хозяйственного и бытового уклада.

Целью данной работы явилось изучение текущих изменений в уровне жизни, благосостоянии и социально-экономическом поведении как отдельных домохозяйств, так и локальных сообществ в этих двух сельских районах России. Исследование носило пилотный социально-психологический характер.

Наблюдения в Алтайском крае рассматриваются мною как продолжение (хотя и не прямое) социологического исследования, проводившегося в 1994 г. в северных районах Горного Алтая, которое позволило выявить и описать специфические процессы срочного приспособления сельских общин к последствиям экономической реформы 1992 г.² В этом исследовании внимание было обращено на результаты адаптивных социальных процессов. Анализ способов выживания сообществ осуществлялся в зонально-географическом контексте: наблюдения проводились в переходной зоне от казахстанских степей через лесостепные предгорные районы к лесному низкогорью Алтая. Естественно, что характер хозяйствования и соответствующие системы жизнеобеспечения в значительной степени зависят от климато-географических факторов. Таким образом, был получен “пространственно-хозяйственный” срез, позволяющий зафиксировать различные, в том числе и новые, модели жизнеобеспечения сельских сообществ. Это исследование осуществлялось параллельно с аналогичным изучением состояния сельских сообществ на Русском Севере, которое продолжается с 1995 г., что дает возможность проводить сопоставительный анализ социальных процессов, происходящих сейчас в сельских районах России³.

В трех южных районах Алтайского края (Змеиногорском, Курьинском, Краснощековском), протянувшихся от казахстанских степей до предгорий Алтая (Колыванский хребет), было обследовано шесть сельских населенных пунктов (составлен “Паспорт села”) и проведено интервью (включавшее “Анкету эксперта села”) с 57 чел. (24 мужчинами и 33 женщинами в среднем возрасте $38,9 \pm 1,6$ года),

преимущественно специалистами, которые выступили в качестве экспертов. Эти данные сопоставлены с аналогичными интервью, проведенными примерно с 400 чел. ($44,5 \pm 1,5$ года) в 30 населенных пунктах Мурманской, Архангельской областей и Республики Карелия, расположенных по северному, западному и южному побережью Белого моря (в 1998 г. проинтервьюировано 52 чел. в девяти населенных пунктах).

Переход к простым системам жизнеобеспечения села и условия их становления

В целом неблагоприятные для села современные социально-экономические преобразования ведут к разрушению сложившегося в сообществах хозяйственного уклада и формированию у них новых моделей жизнеобеспечения. Важнейшими особенностями стратегии поведения сельского сообщества в таких кризисных социальных условиях оказываются, во-первых, тенденция к возврату к традиционным неэкономическим формам хозяйствования и, во-вторых, хаотический процесс формирования ситуативных (и в силу этого неадаптивных) механизмов жизнеобеспечения⁴. В разных регионах – на севере европейской части России и юге Сибири – эти процессы имеют как универсальные, так и специфические черты, выявление и описание которых позволяет дать картину развития социально-экономических и социально-психологических процессов в обществе в период его радикальной трансформации.

Одной из существеннейших черт таких процессов является их спонтанный, внезапный и непредсказуемый характер. Новые способы жизнеобеспечения сейчас могут складываться буквально в течение года. Ясно, что они не являются совершенно новыми, а представляют собой актуализированные в данной ситуации старые традиционные способы. Поэтому они по сути элементарны, просты, являются теми самыми пресловутыми “соломинками”. Тем не менее даже они выступают некоторого рода “островками стабильности”, на непродолжительное время возникающими то тут, то там в кипящей лаве социального катаклизма. Кто знает, может быть, какие-то из этих форм в будущем послужат основой для более развитых систем жизнеобеспечения сельских сообществ. Поэтому представляется полезным посмотреть на внутренние условия становления подобных элементарных систем жизнеобеспечения. Такими условиями являются, в частности, состояние домохозяйств, источники дохода семей, социально-производственная инфраструктура села.

Благосостояние домохозяйств

Уровень благосостояния семей в алтайских селах, по экспертным оценкам, очень низок. В среднем он даже ниже, чем в поморских селах (рис. 1), хотя подсобное хозяйство на Алтае развито гораздо значительно, чем в европейском Заполярье, зато уровень денежных доходов здесь стал много ниже. Полученные мною некоторые оценки уровня благосостояния в денежном выражении касаются только алтайских сел, поскольку получить подобные оценки на Севере не представилось возможным. С точки зрения жителей алтайских сел, предельный уровень (черта бедности) в августе 1998 г. составил в среднем 42 руб. в месяц на человека (поразительное совпадение: эта цифра соответствует среднему уровню “денежного вспомоществования”, которое колхозники получают обычно в течение месяца). Нормальному уровню жизни, по оценкам тех же людей, соответствует доход в 865 руб. на человека в месяц. Как видим, соотношение составляет не менее чем 1 : 20. Для сравнения укажу, что оценки горожан со сравнительно низким уровнем жизни, выявленные мною при обследовании безработных г. Новосибирска весной 1998 г., существенно отличаются от оценок сельских жителей: черту бедности они оценивают в 563 руб., а нормальный уровень жизни – в 1280 руб. в месяц на человека (соотношение 1 : 2,3). Понятно, что в селе человек может прожить и без денег, поэтому черта бедности здесь соответствует столь скромной сумме, а оценки горожан при всем их разбросе в среднем совпадают с прожиточным минимумом (на тот момент – 500–600 руб.). Важнее, мне кажется, другое: крайняя умеренность ожиданий людей как в селе, так и в городе, основанная на реалистичных оценках экономического положения своего региона и страны.

Уровень жизни населения крайне низок (рис. 2). Даже с учетом того, что люди, особенно в селе, склонны занижать, скрывать свои доходы, когда 60–80% респондентов отмечают, что уровень жизни у них ниже среднего и что они близки к черте бедности, – это все равно показатель значительного неблагополучия. Практически у всех (исключение составляют сравнительно крупные коммерсанты, но их не бывает больше одного на среднее село) материальная жизнь в последние полгода-год ухудшилась, причем у трех четвертей населения жизнь стала значительно хуже. Пессимистичные оценки на Севере были тем более низкими, что мое обследование совпало с острым кризисом, разразившимся после 17 августа 1988 г.

Рис. 1. Распределение оценок уровня благосостояния жителей алтайских и поморских сел (1 – очень низкий; 2 – низкий; 3 – средний; 4 – высокий; 5 – очень высокий). Средний уровень благосостояния на Севере – 2,0, SD = 0,79; на Алтае – 1,6; SD = 0,70.

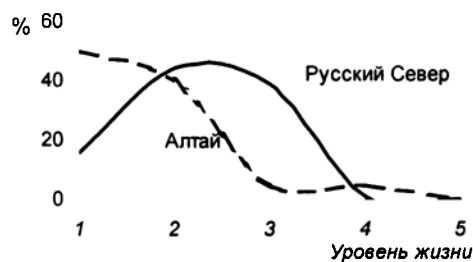

Рис. 2. Распределение оценок уровня жизни жителей алтайских и поморских сел (1 – очень низкий; 2 – низкий; 3 – средний; 4 – высокий; 5 – очень высокий).

Источники дохода семей

Основные источники средств существования у жителей алтайских сел – это в первую очередь личное подсобное хозяйство, доход от продажи собственной сельхозпродукции, во вторую – пенсия и различные пособия и только в третью – зарплата на основном или дополнительном месте работы. На Русском Севере иное соотношение: в первую очередь и в равных долях источниками средств существования являются зарплата и пенсия (в сумме более половины всех доходов), во вторую – личное подсобное хозяйство и рыбная ловля и в третью – случайные приработки (заготовка и сдача водорослей, продажа ягод). Продажа собственной сельхозпродукции на Севере практикуется мало, поскольку производится только необходимое в расчете на семью.

Новые экономические отношения не сложились в селе настолько, чтобы играть хоть какую-то роль в жизнеобеспечении сельской семьи (предпринимательство, коммерция и операции с ценными бумагами дают менее 1% всех средств к существованию). Однако в отношении коммерческой активности людей налицо занижение экспертных оценок: торговля спиртным на селе развита хорошо и, по нашим данным, примерно 5% семей ею занимаются, продавая вино и водку на дому. Другие же виды коммерческой активности вообще не развиты.

Занятость населения и состояние экономики села

Уровень реальной безработицы в селе, как известно, высок. Работа, приносящая какой-то доход, с точки зрения экспертов, сейчас есть лишь для 15–20% трудоспособного населения. Реальная же безработица на Алтае оценивается в 42%, на Русском Севере – в 32%, т.е. уровень практически одинаковый. Лишь от двух третей до половины трудоспособного населения сел имеют работу. С одной стороны, это свидетельствует о крайне неблагоприятной социально-экономической ситуации, но с другой стороны, те же респонденты отмечают, что для экономики села достаточно только 10% нынешнего трудоспособного населения, остальные же 90% – лишние люди, которым все равно не найти работы ни сейчас, ни в будущем.

Этот момент весьма существенный, поскольку он тесно связан с перспективами развития села. Как свидетельствуют ответы респондентов, наиболее высокий уровень безработицы наблюдается как раз в тех отраслях, которые не являются профильными для села (строительство, коммунально-бытовое хозяйство, образование, культура), или в тех, которые раньше были связаны с крупным товарным производством (полеводство, растениеводство, животноводство, промысел морского зверя).

Отвечая на вопрос, какие отрасли в селе являются доходными или убыточными, респонденты проявляют показательное единодушие. В качестве убыточных они отмечают практически все те отрасли производства, которые в советское время были основными для данного колхоза или совхоза. В качестве же перспективных высокодоходных отраслей часто называются такие, которые ранее не были здесь развиты или являлись второстепенными.

В поморских селах основной, если не единственной, доходной отраслью считается рыбное хозяйство, куда включается главным образом рыбодобыча, в редких случаях – рыбопереработка. Значимость других отраслей хозяйства, которые рассматриваются экспертами как доходные: сельского хозяйства (в особенности животноводства), лесного хозяйства (это преимущественно заготовка леса и

торговля кругляком), туризма (в преобладающей степени на Соловках) и частной торговли (прежде всего торговля спиртным), – оценивается ниже значимости рыбного хозяйства в 3–4 раза. В среднем же, хотя в северных селах имелось и до сих пор существует немало сфер хозяйственной деятельности, никакие из них, кроме рыбного промысла, не привлекают внимания экспертов-респондентов в качестве перспективных. Напротив, почти каждый восьмой полагает, что сейчас в селе нет ни одной доходной отрасли хозяйства, а каждый шестой считает все отрасли убыточными. Между тем если суммировать отдельные оценки, то все виды сельскохозяйственного производства на Севере рассматриваются как почти в 3 раза менее доходные по сравнению с различного рода промыслами (33% ответов). В то же время не менее четверти экспертов (24%) считают сферу обслуживания возможной доходной отраслью сельской экономики (и менее 8% – убыточной). В целом сами жители видят немного возможностей экономического процветания сельской общины.

В алтайских селах чаще всего (и почти исключительно) высокодоходным производством считается пчеловодство. Переработка сельхозпродукции в качестве такового называется реже, хотя при этом респонденты обращают внимание на необходимость развития перерабатывающих производств: опыт деятельности таких небольших предприятий во многих селах показывает их успешность даже в нынешних условиях. Не менее трети респондентов полагают, что доходных отраслей в их селах нет.

С чем же связывают руководители и сельские специалисты развитие указанных ими отраслей хозяйства? К сожалению, здесь нет ничего оригинального. Два условия представляются им важнейшими: финансирование и появление умелого, дельного руководителя, “хозяина”. Кроме того, естественно, что для развития экономики села необходимы создание соответствующих служб по закупке, вывозу или переработке продукции, а также упрочение транспортных коммуникаций, развитие транспорта. Важным моментом является и обеспечение топливными ресурсами и электроэнергией. Высказываются также предложения стратегического характера, касающиеся изменения налоговой системы в отношении сельскохозяйственного производства, создания системы профессионального обучения, государственной помощи в организации рабочих мест. Но все это остается благим пожеланием, в реальность осуществления таких предложений никто не верит. Потому люди видят перспективы развития экономики села – экономики того уровня, какой был достигнут при социализме, – далеко не радужными.

Перспективы сельской экономики

Обсуждая вопрос о том, какое время понадобится сельской экономике для преодоления последствий экономического кризиса и создания новых стабильных организационных форм, сельские эксперты разделились на три-четыре группы. Первая – это неадекватные оптимисты, полагающие, что для такого перехода достаточно всего от одного года до пяти лет (таких оказалось немало на Севере – 36% и не более 10% на Алтае). Вторая группа – реалисты, видящие обозримые перспективы стабилизации экономики в интервале от 10 до 20 лет (на Севере их 31%, на Алтае – более 70%). Третья группа – пессимисты (таких 15–20%), полагающие, что процесс стабилизации растянется на многие годы – от 25 до 70 и более лет. Наконец, четвертая группа – это релятивисты, считающие, что все будет зависеть от условий, в которых придется развиваться сельской экономике (на Севере их 10–20%). Таким образом, единого или хотя бы доминирующего мнения о перспективах сельской экономики у людей нет. Можно только отметить, что ставящих более или менее реальные цели насчитывается от двух третей до четырех пятых от всех опрошенных. Распределение мнений экспертов показано на рис. 3. Действительно, большинство надеются через 5–10 лет вновь увидеть экономику села стабильной.

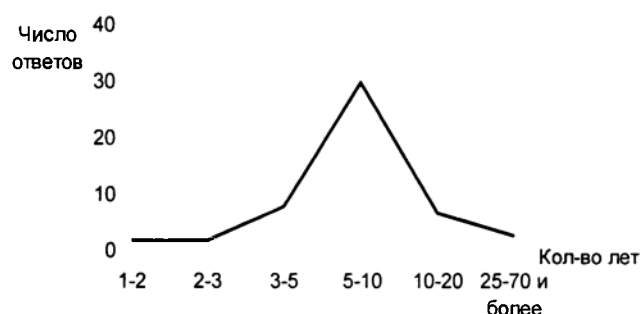

Рис. 3. Оценки экспертами сроков стабилизации сельской экономики.

Социально-профессиональный потенциал села

Состояние и уровень развития социально-профессионального потенциала села по оценкам большинства экспертов в алтайских и северных селах невысокий: по всем показателям эксперты дают оценки “ниже среднего” или “очень низкие” (рис. 4). Только оценка профессионального уровня работников приближается к средним значениям (3,4–3,6 балла по семибалльной шкале). Очень плохое материально-техническое обеспечение хозяйств и организаций (1,7–2,0 балла). Но еще ниже уровень развития производственной базы хозяйств (1,1–1,9 балла).

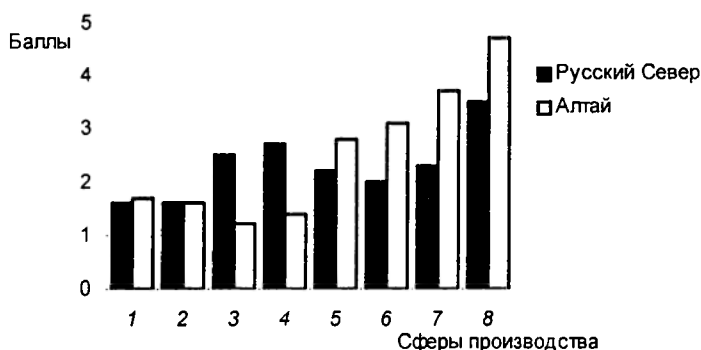

Рис. 4. Оценки уровня индивидуальной деловой активности жителей сел в разных сферах общественного производства: в строительстве (1), на транспорте (2), в заготовках и сбыте дикоросов (3), в рыбном промысле (4), в сфере сельскохозяйственного производства (5), в торговле продукцией сельского хозяйства (6), в торговле ширпотребом, в перепродажах (7), в торговле спиртными напитками (8).

Интенсивность труда в селе очень низкая (2,1–2,6 балла), хотя эта оценка относится именно к труду в колхозе и учреждениях, а не к интенсивности труда в частном хозяйстве. Развитие частного сектора на Севере недостаточное (2,8 балла), и это вполне понятно – исходя из уровня развития здесь подсобного хозяйства. Напротив, на Алтае развитость частного сектора высокая (3,9 балла).

Уровень развития предпринимательской и коммерческой деятельности по отношению к отдельным жителям совершенно незначителен в поморских селах (1,9 балла) и сравнительно высок на Алтае (2,7 балла). Какова же деловая активность в различных сферах общественного производства? Как видно из рис. 4, наиболее высокая предпринимательская активность у жителей сел отмечается в торговле ширпотребом, спиртными напитками, в перепродаже вещей (по пятибалльной шкале это выше среднего уровня). Все остальные виды активности значительно уступают активности в этой сфере. В то же время практически все респонденты считают, что село сейчас нуждается в деловых людях, в своих коммерсантах и этому необходимо учить. Обучение сельских жителей бизнесу считают необходимым 62% респондентов, и только 16% полагают, что в этом нет нужды. С учетом специфики предпринимательства на селе такое соотношение мнений кажется совершенно обоснованным⁵.

Новые модели жизнеобеспечения сельской общины

Полная атрофия натурального хозяйства на Русском Севере и сохранение у поморов ориентации на такие виды промыслов, которые традиционно требуют коллективной деятельности, не в последнюю очередь заставили их повсеместно сохранить колхозы. Необходимость в этом продиктована также и тем важным обстоятельством, что социально-психологические механизмы жизнеобеспечения поморских сообществ традиционно формировались как механизмы коллективной жизнедеятельности.

Там, где сохранились базовые элементы колхозного хозяйства, психология материальной жизни прежде всего стала подстраиваться именно под эту проверенную временем организационную форму. На Русском Севере такие формы экономического поведения наблюдаются повсеместно. В стратегическом отношении оно неадаптивно, но основывается на рациональных мотивах и является приспособительным поведением по отношению к ситуативным, кратковременным условиям экономической и социальной жизни. Среди многочисленных прежде элементов структуры хозяйственной деятельности поморских рыболовецких колхозов реальную жизнеспособность сохранили очень немногие, а чаще всего только один – атлантический лов рыбы и ее продажа заграничным партнерам. Благодаря этому колхоз имеет

некоторый минимум средств, которые распределяет в виде зарплаты и пенсий своим членам. Выплаты эти регулярны, они хотя и невелики, но стабильны. Такие выплаты выступают в виде вспомоществования, благодаря которому люди имеют еще достаточно времени и на то, чтобы заниматься своим хозяйством, охотой и промыслом.

Сохранение подобной системы жизнеобеспечения привело к формированию любопытных, если не сказать парадоксальных, психологических механизмов жизнеобеспечения. В ситуации, когда крестьянин не имеет возможности автономного жизнеобеспечения и лишен работы, которая приносила бы ему заработок, но в то же время может получать регулярное вспомоществование в виде колхозной зарплаты, это выглядит как рента от доходов, получаемых в результате эксплуатации труда наемных работников-рыбаков и сдачи в аренду судов. О всего лишь ситуативной адаптивности такого социально-психологического механизма жизнеобеспечения на Русском Севере свидетельствует тот факт, что в случаях, когда колхоз начинает разваливаться, люди вынуждены переходить к совершенно иным способам жизнеобеспечения и начинают действовать механизмы, аналогичные тем, какие мы наблюдаем в селах Алтая.

В сельских районах юга Западной Сибири ситуация сложилась не менее любопытная. Здесь практически каждое село ориентируется на свой собственный, как правило, единственный, способ жизнеобеспечения. В одном случае это заготовка сена, в другом – производство меда, в третьем – заготовка леса. Выбраны самые простые и наименее трудоемкие виды деятельности, которые могут осуществляться отдельными семьями. Акцент сделан на использовании природных ресурсов и их первичной переработке. Если смотреть поочередно на разные села, это создает впечатление многообразия способов жизнеобеспечения. Но по сути, это чрезвычайное упрощение всей системы хозяйствования по сравнению с советским периодом, сведение былого разнообразия к одному-двум производствам. В этом отношении алтайские села выбрали ту же стратегию, что и северные, что и большинство сельских сообществ Центральной России. По большому счету, это не стратегия развития, а вынужденная адаптация.

Процессу экономической деградации, который мы наблюдаем сейчас повсеместно в сельских районах России, есть историческая аналогия. К 1923 г., к моменту закрытия монастыря на Соловках и организации здесь комсомольского хозяйства, на островах существовало 28 различных видов сельскохозяйственного и промышленного производства. Ко всему прочему, здесь были свой телеграф, электростанция, сухой док, типография. К 1929 г., когда на Соловках несколько лет вел свою деятельность УСЛОИ и численность населения возросла не менее чем в 20–30 раз, на островах остались только два вида производств: лесоповал и лесопереработка.

Примечания

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Президиума СО РАН и Российского гуманитарного научного фонда (грант № 98-06-18011).

² См.: Плюснин Ю. М. Политика деколлективизации села и ее первые итоги: Социальные проблемы сельского населения северных районов Республики Алтай (по материалам социологического исследования осенью 1994 г.). – Новосибирск, 1995. (Препринт Ин-та философии и права СО РАН).

³ См.: Плюснин Ю. М. Социально-психологические механизмы жизнеобеспечения населения в условиях экономического кризиса: сравнительный анализ сельских сообществ на Русском Севере и в Горном Алтае // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 1997. – С. 117–128; Он же. Психология выживания: мировоззрение и социальные диспозиции поморского населения Русского Севера // Гуманитар. науки в Сибири. – 1997. – № 1. – С. 81–86; Он же. Воля к жизни в социологическом измерении: Демографическое и социально-психологическое состояние поморского сельского населения Русского Севера // Гуманитар. науки в Сибири. – 1998. – № 1. – С. 113–119.

⁴ См.: Плюснин Ю. М. Модели жизнеобеспечения поморского населения Русского Севера в современных условиях // Вестн. РГНФ. – 1997. – № 3; Он же. Психология материальной жизни: парадоксы сельской “экономики выживания” // Экономика и организация промышленного производства. – 1997. – № 7. – С. 169–176.

⁵ См.: Плюснин Ю. М. Парадокс экологически ориентированного предпринимательства в сельской России: Мировоззренческие основания развития цивилизованного бизнеса // Материалы Круглого стола конференции “Цивилизованный бизнес как фактор устойчивого развития России” (Москва, 18–19 ноября 1998 г.) – М., 1999.

В.Н.Тугужекова
(г. Абакан)

ХАКАССКИЙ ЭТНОС НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА

Республика Хакасия, как и большинство субъектов Российской Федерации, сегодня переживает очень трудный период. И все же в результате проводимых реформ в экономике республики начались отдельные позитивные изменения. С издержками, но проведен первый этап приватизации. Достаточно активно развиваются торговля, банковский сектор, финансовые институты. В настоящее время в республике действует 1272 предприятия малого бизнеса, их удельный вес в валовом внутреннем продукте составляет около 15%. Работают более 7000 предпринимателей, функционирует 1210 крестьянских (фермерских) хозяйств¹.

Вместе с тем социально-экономическое положение в Республике Хакасия, как в 1997 г., так и в 1998 г. оставалось сложным. Углубление экономического кризиса привело к увеличению взаимозадолженностей, резкому сокращению бюджетных инвестиций, недостатку средств у предприятий не только на развитие, но и на простое воспроизводство. Безоглядная либерализация экономики повлекла за собой регрессивные структурные изменения, свертывание производства товаров конечного потребления. В результате недальновидной приватизации утрачен контроль над основными капиталоемкими предприятиями.

Продолжается сокращение объемов капитальных вложений. В сельском хозяйстве не удается преодолеть тенденцию снижения поголовья скота. За 1997 г. поголовье крупного рогатого скота сократилось на 7,2%, свиней – на 13,6, овец – на 40%. По сравнению же с 1990 г. поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на 56%, а овец – более чем в 6 раз². Снижается продуктивность молочного стада, сокращается производство мяса говядины и свинины.

Из-за отсутствия должного финансирования в критическом положении находятся учреждения народного образования, здравоохранения и культуры.

Бюджет прожиточного минимума в Республике Хакасия в конце 1997 г. в среднем на душу населения составил 458,5 руб.³, в июне 1998 г. – 553,5 руб.⁴ Среднемесячная зарплата по республике в это время равнялась 1239,9 руб., что соответствовало 28-му месту в Российской Федерации⁵. По итогам 1997 г. численность населения Хакасии, имеющего среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума, составила 313,7 тыс. чел., или 53,6% всего населения⁶. В конце 1998 г. социально-экономическая обстановка в республике еще более обострилась из-за августовского “обвала” рубля. За чертой бедности, по нашим оценкам, оказалось до 80% населения.

В этих кризисных условиях трудно регулировать межэтнические процессы. Из-за отсутствия средств не финансируются программы, направленные на сохранение и возрождение народов России, в том числе принятая в декабре 1995 г. Советом Министров Республики Хакасия Программа возрождения и духовного развития хакасского этноса на 1996–2000 гг. Между тем на исходе XX в. в мире усилилась тенденция возникновения внутригосударственных этнических конфликтов, в среднем каждое десятилетие со времен окончания второй мировой войны в таких конфликтах погибало от 1,6 до 3,9 млн чел.⁷ Разрешение этнических конфликтов – одна из первостепенных и сложнейших задач, стоящих сегодня перед мировым сообществом. Не является здесь исключением и Россия.

Для Российской Федерации и ее субъектов национальный вопрос сегодня чрезвычайно актуален. Чтобы избежать дальнейшего распада страны, при разработке и реализации национальной политики необходимо учитывать социальные, демографические, этнографические процессы, происходящие в разных этносах и этнических группах, их экономическое и политическое положение. Это позволит не только ослаблять этническую напряженность в тех или иных регионах, но и содействовать развитию народов России, из которых для многих, особенно для народов Сибири и Крайнего Севера в настоящее время, в условиях затяжного кризиса, встал вопрос: быть им или не быть в XXI веке? Сказанное в полной мере относится и к хакасскому этносу.

В Республике Хакасия сегодня проживает 584,7 тыс. чел., из них 71,7% составляют городское население. Общая численность населения имеет тенденцию к уменьшению из-за высокой смертности и низкой рождаемости. В 1996 г. впервые за все столетие численность населения Хакасии сократилась на 900 чел., даже механический прирост населения за счет миграции не компенсировал естественную убыль. Процессы депопуляции стали характерными для республики. Прирост населения за 1993–1997 гг. составил – 4,1 на 1000 чел. По данным Центра аналитической конъюнктуры при Правительстве РФ, тенденция снижения численности населения Хакасии сохранится до 2005 г. и сокращение составит 4,8% (по Сибирскому региону в целом – 6,6%).

В структуре населения Хакасии дети до 14 лет составляют 23,8%, пенсионеры – 22,4, лица в трудоспособном возрасте – 50%. В целом в республике отмечается тенденция старения населения.

Анализ переписей населения Хакасии за 50 лет с 1939 по 1989 г. показывает, что прирост ее населения за эти годы от переписи к переписи составлял 40–42% при приросте численности хакасов около 10%. В 1989 г. в республике проживало 62,3 тыс. хакасов, в 1998 г. – 65 тыс., или 11,1% от общей численности населения, но это увеличение произошло не за счет естественного прироста, а за счет миграции хакасов в республику из других регионов России и стран СНГ.

Одним из главных показателей воспроизводства населения является рождаемость. В Хакасии наблюдается тенденция снижения рождаемости. Так, за период с 1990 по 1996 г. рождаемость в республике сократилась на 52%. В 1997 г. родилось на 384 ребенка меньше, чем в 1996 г. Ситуация не изменилась и в 1998 г.

Воспроизводство населения характеризует также показатель смертности. В Хакасии смертность имеет тенденцию к росту. Главная причина – ухудшение социально-экономических условий. В 1996 г. смертность в республике составила 9,7 на 1000 чел. Стабильно высоким является показатель смертности в национальных районах: Бейском (16,4), Таштыпском (15,5), Аскизском (14,1). Среди причин смертности в целом по республике первое место занимают болезни системы кровообращения (41% случаев), второе – травмы, несчастные случаи, отравления (17%), третье – злокачественные новообразования (12,5%). Обследования ряда хакасских сел в Аскизском и Ширинском районах показали, что здесь среди причин смертности на первом месте несчастные случаи, отравления, травмы, суицид, – часто эти показатели достигают 70–80%. Эта тенденция отмечается с начала 90-х годов. Исследованиями, проведенными в 1990 г. группой ученых из новокузнецкого Института комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО РАМН в девяти хакасских селах Аскизского района, установлено, что показатель смертности несколько выше у хакасов, особенно у мужчин, причем 30,1% хакасов-мужчин умирают от несчастных случаев и травм.

В последние годы тенденция демографической деградации хакасского этноса усиливается. Поэтому в декабре 1997 г. Президиум республиканского Совета старейшин родов хакасского народа (председатель А.Ф.Трошкин) передал руководству Республики Хакасия А.И.Лебедю, В.Н.Штыгашеву и депутату Государственной Думы РФ Г.Г.Майтакову обращение, в котором призывал их обратить внимание на проблемы хакасского народа. В обращении подчеркивалось, что правительство республики должно принять меры для предотвращения исчезновения национальных улусов, где безработица, нищета, пьянство, наркомания давно стали реальностью, смертность превышает рождаемость, широко распространились венерические и другие инфекционные заболевания, особенно среди молодежи⁸.

Следует отметить, что Совет старейшин родов хакасского народа – одна из самых активных общественно-политических национальных организаций. Он был создан позднее, чем другие национальные организации, – 16 июля 1997 г., но сегодня это практически единственная организация, которая поднимает проблемы хакасского этноса перед правительством. Совет старейшин ставит задачу создания в каждом населенном пункте подобного совета, который совместно с местными органами власти будет заниматься вопросами сохранения традиционного образа жизни, воспитания, укрепления семьи, проводить встречи родов, где “нужно похвалить хорошие семьи, ориентировать сородичей на примерных людей”⁹. С помощью республиканского Совета старейшин в октябре-ноябре 1998 г. были проведены конференции и съезды родов во всех районах республики.

С появлением в Хакасии Совета старейшин родов хакасского народа в республике активизировалось национальное движение, которое к тому времени стало несколько затухать. Пик национального движения за сохранение и развитие этноса пришелся на начало 90-х годов и был связан с I съездом хакасского народа, состоявшимся в августе 1990 г. На этом съезде были приняты две важные для народа резолюции: “О государственно-правовом статусе Хакасской автономной области (о ее преобразовании в Хакасскую Автономную Советскую Социалистическую Республику)” и “О современных проблемах хакасского народа и о путях их решения”. На основании первой Верховный Совет Хакасии принял решение о ее статусе, для реализации второй резолюции Совет Министров Республики Хакасия 1 декабря 1995 г. принял постановление “О программе возрождения и духовного развития хакасского этноса (1996–2000 гг.)” К сожалению, как уже отмечалось, из-за отсутствия средств данная программа не выполняется.

Всего с 1990 г. по 1998 г. прошло семь съездов хакасского народа, последний состоялся в апреле 1997 г. На основании решений IV съезда хакасского народа (28 марта 1992 г.) был создан “Чон Чобі” – исполнительный орган съезда. Возглавил его В.И.Ивандаев – кандидат философских наук. “Чон Чобі” нацелен на то, чтобы лоббировать и защищать интересы хакасского народа в органах законодательной и исполнительной власти Республики Хакасия.

К сожалению, в последнее время “Чон Чобі” теряет связь с массами. Несколько ослабила работу руководимая А.А.Костяковым общественно-политическая организация “Тун”, но активизировала свою деятельность женская национальная организация “Алтын-ай”, возглавляемая Г.А.Трошкиной. Женских общественных организации в Хакасии несколько: помимо “Алтын-Ай” это “Союз деловых женщин” и “Клуб деловых женщин”. Кроме того, в Верховном Совете республики работает депутатская фракция “Союз женщин”. В июле 1997 г. по инициативе женских организаций в г. Саяногорске прошла республиканская конференция “Экология и здоровье женщин”, в сентябре 1998 г. – конференция “Женщины и политика в изменяющихся условиях”. Одна из главных задач, которую ставят перед собой женские организации, – это оказание посильной помощи семье, матери, ребенку.

Для координации деятельности национальных организаций в июле 1998 г. при Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) был создан координационный совет по изучению состояния хакасского этноса. В этот совет вошли представители общественно-политических организаций, заинтересованных в судьбе хакасов. Ведь на современном этапе можно выжить только совместными усилиями, поддерживая друг друга. От активности общественных организаций зависит многое, в том числе возрождение этноса. Именно они сегодня выступают инициаторами хороших начинаний. Так, в республике стали традиционными Дни тюркской культуры (в 1998 г. их открытие состоялось 18 сентября в г. Саяногорске), Дни славянской культуры (в ноябре 1998 г. Православная церковь совместно с Хакасским госуниверситетом им. Н. Ф. Катанова и ХакНИИЯЛИ провела межрегиональную научную конференцию “Исторические и культурные судьбы Православия в Хакасии и России”), национальные праздники “Тун пайрам”, “Чыл пазы” и др. Вновь стали проводиться родовые праздники, созданы новые историко-археологические музеи и ландшафтные заповедники, действует общество шаманов, открываются национальные классы в школах, группы в детских садах.

Все это позволяет сделать вывод, что, несмотря на происходящие в Хакасии сложные социально-экономические и демографические процессы, наблюдается определенное движение в направлении духовного возрождения и развития хакасского народа. Это дает надежду на то, что в XXI в. Хакасия не будет зоной этнических конфликтов, а сам хакасский этнос не исчезнет.

Примечания

¹ См.: *Прогноз социально-экономического развития Республики Хакасия на 1998 год*. – Абакан, 1998. – С. 2, 3.

² Там же. – С. 18.

³ См.: *Республика Хакасия в цифрах в 1997 году: Краткий статистический сборник*. – Абакан, 1998. – С. 115.

⁴ Там же. – С. 5.

⁵ См.: *Республика Хакасия: Паспорт*. – Абакан, 1998. – С. 12.

⁶ Там же.

⁷ См.: *Прогноз социально-экономического развития Республики Хакасия на 1998 год*. – С. 5.

⁸ *Постановление Президиума республиканского Совета старейшин родов хакасского народа от 1 декабря 1997 г. “О просьбах к членам Совета Федерации и депутатам Государственной Думы РФ”*

⁹ *Емельянова И.* Чтобы сохранить этнос: Материалы собрания совета старейшин Аскизского района // *Хакас. труженик*. – 1998. – 16 июля.

Б.Д.Цыдыпова
(г. Улан-Удэ)

ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ И БЕЗРАБОТИЦЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ БУРЯТИИ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

В переходный период в Бурятии быстрыми темпами увеличивается численность трудоспособного населения, не занятого в экономике, нарастают масштабы скрытой безработицы. В 1996 г. уровень общей безработицы в республике был выше соответствующего среднефедерального показателя. Нарастает напряженность на аграрном рынке труда в сельской местности, где в основном и проживает бурятское население. В настоящее время в селах республики численность лиц в трудоспособном возрасте, официально не занятых ни на одном предприятии любых форм собственности и не стремящихся регистрироваться в службе занятости, увеличилась вдвое. По темпам роста этого показателя Бурятия намного опередила другие регионы Сибири и в целом Российскую Федерацию.

В связи с глубоким кризисом сельского хозяйства Бурятии проблема занятости и безработицы бурятского сельского населения приобретает все большую остроту. В течение всех лет реформ темпы спада сельскохозяйственного производства здесь были намного выше, чем в среднем по России. В результате тотального ускоренного реформирования колхозов и совхозов во многих районах республики около половины работников сельского хозяйства оказались безработными. Особенно катастрофическое положение сложилось в хозяйствах животноводческого направления, где в основном занято коренное население. За последние годы усилилась миграция сельского бурятского населения в г. Улан-Удэ и пригородную зону, образовались целые кварталы частных домов, построенных без разрешения городских властей. Уезжает из села в основном молодежь, в надежде устроиться на работу в городе, не видя перспектив найти ее на селе.

В настоящее время в условиях несостоятельности хозяйств промышленного животноводства остро встал вопрос о выживании их работников и о дальнейшей судьбе бурятского населения, занятого в этой отрасли. В переходный период сельский труженик находится в сложном положении: старые формы хозяйствования, основанные на общественной собственности, разрушены, а новые, при коллективной и частной собственности, убыточны в связи с прекращением государственных субсидий и кредитов. Тем не менее из-за консервативного сознания многие все еще надеются на помощь со стороны государства. На современном этапе развитие фермерства в Бурятии идет сложно, особенно в животноводстве. Эффективность фермерских хозяйств низкая, значительная часть произведенной продукции остается в самих хозяйствах, является лишь основой самообеспечения.

Состояние занятости и безработицы коренного населения Бурятии рассмотрено на примере типичного бурятского села аграрного района республики, где мы проводили комплексное социологостатистическое обследование. Кижингинский район является аграрным и ориентирован в основном на развитие животноводства. За годы реформ все совхозы были преобразованы в крестьянские (фермерские) хозяйства. За 1991–1997 гг. их количество увеличилось с 19 до 325. В с. Улзыто в ходе реформирования совхоза “Кодунский” образовалась ассоциация крестьянских хозяйств.

В настоящее время население села составляет 449 чел., из них в трудоспособном возрасте находятся 239. Значительная часть трудоспособного населения – 76 чел., или 31,8%, – работает в 24 крестьянских хозяйствах. Распределение остальных работающих села выглядит следующим образом: в средней школе – 30 чел., детском саду – 4, магазине – 1, клубе – 2, фельдшерском пункте – 1, сельской администрации – 5 чел. Таким образом, 119 чел. (т.е. 49,8% трудоспособного населения) работают. Остальные, в основном бывшие работники реформированного совхоза, сидят дома, трудятся в личном подсобном хозяйстве. Только трое состоят на учете в районном центре занятости как безработные. В селе имеется 124 двора, в среднем на один двор приходится 3,6 чел. Поскольку сегодня не надо платить налог на скот, население держит его помногу, в некоторых дворах насчитывается до 10–12 голов крупного рогатого скота.

Жители села были опрошены по четырем видам анкет: по анкетам работающего, безработного, эксперта и по анкете, посвященной возрождению традиционных форм хозяйствования. В группу экспертов вошли работники сельской администрации, главы крестьянских хозяйств, старожилы села. В ходе комплексного обследования населения с. Улзыто, во время формальных и неформальных бесед с представителями различных социальных групп населения и экспертами была возможность фиксировать изменения, произошедшие за годы реформ в социальном положении бурят. Анализ собранной информации позволил охарактеризовать общее социально-психологическое состояние сельского бурятского населения, в том числе безработных и работающих.

Более половины экспертов (54,9%) отметили, что ситуация на сельском рынке труда сегодня кризисная. Основными причинами появления безработицы эксперты считают неправильное реформирование сельского хозяйства (72,9% ответов), глубокий кризис в животноводстве из-за диспаритета цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию (63,3%), неэффективное управление экономикой как на федеральном, так и на республиканском уровне (54,9%), высокие налоги (49,3%).

По мнению опрошенных, информация о состоянии личных подсобных хозяйств, отражаемая в статистике сельской администрации, необъективная, – по старой привычке население зачастую скрывает реальное состояние подворья, сообщает заниженные цифры. Так, сообщаемые данные о поголовье скота ниже реальных в 2–3 раза. Дело в том, что вот уже несколько лет работники крестьянских хозяйств не видят “живых денег”, оплата производится продуктами питания. Чтобы купить необходимые вещи, иметь возможность отправить детей в школу, студентов на учебу люди реализуют на рынке скот со своих дворов.

В ходе опроса выявилось, что вследствие утраты привычного образа жизни, социальных гарантий, работы, из-за длительных задержек зарплаты и потери надежды на улучшение экономического положения

многие находятся в хроническом депрессивном состоянии. Причем значительная часть опрошенных смирились со своим нынешним положением. Никаких вакантных рабочих мест в селе нет, молодые специалисты с высшим образованием нигде не могут трудоустроиться. Социальное самочувствие большинства безработных можно охарактеризовать как депрессивно-пассивное. Находясь в тяжелом материальном положении, 63,9% незанятого населения готовы устроиться на любую работу, хотя бы с частичной занятостью. Но при этом 63,9% респондентов желают работать на государственном предприятии и всего лишь 9,3% – на частном.

Большинство опрошенных не знают, как дальше жить, испытывают чувство бессилия и растерянности, многие проявляют недовольство по отношению к нынешней ситуации. К рыночной экономике отрицательно относятся 76,6% безработных и 64,2% работающих.

Жители села недостаточно мобильны, лишь 18,3% сельских безработных согласны пройти переподготовку, поменять профессию. Подавляющее большинство опрошенных психологически не готовы к переменам, не до конца преодолели стереотипы иждивенчества, безынициативны, вместо того чтобы активно искать выход из сложившегося положения, ждут, когда им предложат работу. Так, на вопрос: “Что вы предпримете, чтобы выжить в переходный период?” – почти треть респондентов ответили, что “придется мириться со сложившейся ситуацией, уменьшая расходы”, хотя у 69% опрошенных доход в семье на одного человека составлял в то время до 200 тыс. руб. в месяц, при том что в 1996 г. величина прожиточного минимума в Бурятии была равна 395 тыс. руб.

По оценке экспертов, лишь 2–3% населения готовы к предпринимательству. Из числа самих опрошенных примерно 27,3% выразили желание заняться собственным делом, и не только в сфере торговли, коммерции, но и на базе личного подсобного хозяйства и надомного труда, однако большинство не могут реализовать это желание из-за отсутствия первоначального капитала. Такой низкий процент населения, готового заняться предпринимательской деятельностью, свидетельствует о слабом вхождении людей в рынок. Это объясняется, с одной стороны, отсутствием навыков предпринимательства, а с другой – низким уровнем материальной обеспеченности, отсутствием стартового капитала. На вопрос: “Как вы относитесь к возрождению традиционных форм хозяйствования?” – многие жители ответили, что об этом не задумывались, лишь 18,3% респондентов выразили положительное мнение. Возрождение национальных ремесел и промыслов поддерживают 21,3% опрошенных, подавляющее же большинство (73,9%) высказались за восстановление колхозно-совхозной системы, за сохранение совместных форм ведения хозяйства, считая, что выжить можно только коллективно, а в одиночку трудно. Но среди молодежи, специалистов с высшим образованием сторонников коллективных форм хозяйствования гораздо меньше. К возрождению традиционных форм ведения хозяйства готовы примерно 8–9% населения.

Переход к рыночной экономике – долгий процесс. Прежде всего необходимо изменить менталитет населения, научить людей рассчитывать только на самих себя, не надеяться на помощь государства, выживать самостоятельно. В настоящее время дальнейшее развитие сельского хозяйства Бурятии на старых принципах ведения промышленного животноводства нерентабельно, неэффективно, не имеет перспектив в условиях рынка, так как раньше животноводческие хозяйства существовали только за счет государственных дотаций.

На наш взгляд, для обеспечения занятости коренного населения Бурятии и адаптации его к рынку необходимо возродить традиционные формы хозяйствования, и в частности кочевое животноводство, существовавшее в Байкальском регионе до 30-х годов (до начала коллективизации), но на более высоком и качественном уровне, с учетом условий рыночной экономики. При ведении кочевого животноводства отсутствовало такое социальное явление, как безработица, все были заняты трудовой деятельностью. Традиционные формы хозяйствования наиболее адекватно соответствуют условиям рынка, а значит, реально могут обеспечить занятость и повысить уровень жизни коренного населения. Кроме того, они способствуют сохранению экосистемы Байкальского региона как участка мирового природного наследия. Основой ведения кочевого животноводства должна быть аборигенная порода скота, ранее почти уничтоженная и замененная привозными породами. Для восстановления генофонда аборигенных животных необходимо привезти их из мест компактного проживания бурятского населения во Внутренней Монголии (Китай) и Монголии.

В период развития промышленного животноводства традиционные формы ведения скотоводства и народные промыслы лишь частично сохранились на отдаленных окраинах Бурятии, но на сегодняшний день крестьянские хозяйства этих сел имеют самые лучшие экономические показатели по республике. Необходимо организовать всемерную пропаганду традиционных видов трудовой деятельности как способа получения коренным населением средств к жизни. Для этого надо обучить людей, открыть при сельских ПТУ курсы по подготовке фермеров и специалистов по ведению кочевого животноводства.

Для возрождения и развития традиционных форм хозяйствования следует также разработать местный закон о традиционных видах трудовой деятельности, целевую программу содействия занятости коренного населения, принимать меры, направленные на изменение менталитета коренного населения, усилить трудовое воспитание подрастающего поколения, формировать у работающих мотивацию к труду в духе рыночных отношений.

З.В.Анайбан

(г. Кызыл)

МОЛОДЕЖЬ ТУВЫ И ПРОБЛЕМА БЕЗРАБОТИЦЫ

Сегодня положение на рынке труда практически во всех регионах Российской Федерации, в том числе и в Туве, продолжает оставаться очень сложным и, более того, имеет тенденцию к ухудшению. Растут масштабы безработицы, в особенности скрытой и частичной, сокращается спрос на рабочую силу на действующих предприятиях, а ввод новых рабочих мест зачастую не компенсирует их выбытие. Рост безработицы, безусловно, усиливает социальную напряженность, как прямо, так и косвенно – через снижение жизненного уровня безработных и всего населения, усиление социального расслоения в обществе и обострение межэтнических отношений.

Данная проблема, характерная и для Российской Федерации в целом, и для ее национальных регионов, на наш взгляд, наиболее остро стоит в Туве. Не случайно, в Концепции государственной национальной политики Республики Тыва, опубликованной в мае 1998 г., особо подчеркивалось, что “усиливающаяся неудовлетворенность сегодняшним экономическим положением, возрастающим социальным неравенством, неуверенность в завтрашнем дне могут стать причиной межнациональных противоречий, этнической конкуренции и противостояния”¹.

Статистические данные свидетельствуют, что в республике отряд безработных с каждым годом все более увеличивается. Так, по сравнению с предыдущим годом в 1993 г. безработица выросла в 3,2 раза, в 1994 г. – в 2,1, в 1995 г. – почти в 2 раза. В целом за период с 1992 по 1995 г. численность безработных в республике увеличилась в 12,5 раза. Исключение составили 1996 – 1997 гг., когда отмечалось некоторое снижение уровня безработицы. К примеру, к осени 1997 г. численность официально зарегистрированных безработных по сравнению с тем же периодом предыдущего года уменьшилась на 1,7 тыс. чел., или на 32,9%. Это явление, на наш взгляд, носит временный характер, и его не стоит абсолютизировать. Кроме того, следует добавить, что показатель уровня безработицы в Туве на самом деле был бы значительно выше, если бы в 1995 г. не были внесены изменения и дополнения в Закон РФ “О занятости населения в Российской Федерации” в части регистрации и учета безработных. Согласно внесенному изменению, граждане, направленные на выполнение общественных работ, не являются безработными и снимаются с учета².

На территории Российской Федерации выделяется несколько регионов, где в течение продолжительного периода самое большое по стране число безработных на одну вакансию увеличивается на фоне невысокого (до 3%) уровня безработицы. К таким регионам относятся прежде всего национальные образования, в том числе Республика Тыва, – здесь 19,3 чел. на одну вакансию при среднероссийском показателе, равном 6,6³. Кроме того, к особенностям безработицы в Туве относятся доминирование сельской безработицы, а также существенная доля безработных среди тувинского населения. Последнее обстоятельство объясняется прежде всего численным превосходством титульной национальности в республике.

В настоящей работе представлены некоторые результаты этносоциологических исследований в рамках научного проекта “Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации”⁴, выполненных в 1993 – 1995 гг. под руководством Л.М.Дробижевой. Главной целью проекта было изучение динамики этнического самосознания и межэтнических отношений в республиках Российской Федерации в условиях глобальной социально-политической трансформации общества. Среди основных задач – установление факторов, влияющих на характер контактов, выявление этнического самочувствия социальных групп, определение бытующих представлений о взаимоотношениях между различными этносами в республике, изучение оценок и ориентаций населения, касающихся межэтнической ситуации и национальных отношений.

Исследование проводилось в четырех республиках Российской Федерации: Северной Осетии, Татарстане, Республике Саха (Якутия) и Туве. Для эмпирического изучения выбирались два основных этноса республики (в Туве – тувинцы и русские). Объем основной выборки, определявшийся аналитическими требованиями, составил 1000 чел. в каждой из названных республик.

В данной работе использованы также результаты экспертного опроса, проведенного нами в Туве осенью 1997 г. Среди множества существующих в республике социальных проблем особой остротой отличаются проблемы безработицы и миграций. Чтобы получить возможность судить об этих проблемах более объективно, мы решили обратиться к мнению тех, кто, на наш взгляд, знает их лучше других, – политикам, журналистам, ученым, лидерам различных общественных движений. Всего в качестве экспертов было опрошено 50 чел.

Формирование трудовых ресурсов Тувы происходит в условиях, которые характеризуются высоким уровнем рождаемости, низким общим коэффициентом смертности, высоким удельным весом детей и подростков в общей численности населения. К примеру, на сегодняшний день удельный вес детей и подростков до 15 лет в общей численности населения достигает 35,8%. Коэффициент использования трудовых ресурсов Тувы (отношение численности занятого населения в трудоспособном возрасте ко всему трудоспособному населению) достаточно невысок, и причин тому несколько. В числе объективных причин в первую очередь следует назвать безработицу. Кроме того, определенная часть молодежи трудоспособного возраста либо обучается в разного рода учебных заведениях, либо проходит службу в армии.

Социально-экономический кризис, переживаемый сегодня российским обществом, влечет за собой проблемы молодежи, среди которых особенно острой является проблема безработицы. И дело не только в том, что среди зарегистрированных по Российской Федерации безработных доля молодежи уступает только доле женщин. В значительно большей степени острота этой проблемы связана с тем, что молодежь представляет собой наиболее взрывоопасную с социальной точки зрения группу.

Молодое поколение по своему правовому, экономическому и политическому статусу оказалось наименее защищенным от отрицательных последствий проводимых преобразований. Более пяти лет прошло с тех пор, как в июне 1993 г. Верховный Совет РФ принял Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации⁵, где государственная молодежная политика определялась как деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развитие молодежных движений, объединений и инициатив. Однако до сих пор не видно положительных результатов, особенно в части создания условий и гарантий для самореализации, – наоборот, имеется тенденция к ухудшению ситуации в этой области.

В Туве из всех зарегистрированных в республиканской службе занятости безработных почти половину (47,6%) составляет молодежь в возрасте 16–29 лет. Среди них доля 18–24-летних – 43,4%. Безработная молодежь – это преимущественно тувинцы (90%)⁶. Ситуация осложняется тем, что большинство из них (69,0%) – жители села, которые активно пополняют ряды городских безработных. Вынужденные уезжать в поисках жизненной перспективы, порывающие связь со своими корнями, молодые селяне зачастую не находят себя в городе и становятся люмпенами. Не случайно главным действующим лицом в межэтнических столкновениях, происходивших в республике в 1991–1992 гг., была именно тувинская молодежь.

Следует отметить еще два последствия проблемы молодежной безработицы в Туве. Это, во-первых, высокая, как нигде в России, криминогенность молодежной среды; во-вторых, утрата навыков к традиционным видам занятий, в том числе к скотоводству, восстановление которых могло бы смягчить последствия трудовой незанятости населения. Кроме того, межэтническая напряженность в Туве более заметно выражена в тех сферах деятельности, где существует конкуренция между тувинской и русской молодежью.

В республике все ускоряющимися темпами происходит криминализация молодежи. Если посмотреть на последние несколько десятилетий, не будет преувеличением сказать, что каждое последующее поколение “преступнее” предыдущего. Этому способствовали прежде всего ухудшение социально-экономических условий, обнищание молодежи, обстановка психологической неустойчивости. По прогнозам специалистов, преступность будет расти. Сокращаться она будет лишь при заметном улучшении социально-экономической ситуации, повышении нравственности в обществе, появлении эффективной социальной, в том числе государственной молодежной, политики, одним из направлений которой должно быть сокращение молодежной безработицы. А пока что, по признанию самого Президента Тувы, в республике слабо реализуется закон “О государственной молодежной политике”⁷.

В этой связи стоит особо сказать и о такой группе населения, которая, с одной стороны, существенно пополняет число безработных и именно не зарегистрированных в службе занятости, а с другой стороны, представители этой группы совершают больше всего правонарушений. Речь идет о маргиналах. В Туве значителен процент ничем не занятого и не желающего работать трудоспособного населения. Регистрация таких людей из-за их регулярных переездов внутри республики затруднена, но можно утверждать, что прежде всего к этой категории относится сельская молодежь. Следует отметить, что данное явление было характерно для Тувы еще в доперестроечные времена, однако, когда “рапортовали” о достигнутом благополучии во всех сферах жизнедеятельности, в “высоких кабинетах” закрывали глаза на эту проблему.

Говоря о проблемах молодежной безработицы, следует остановиться на таком важном аспекте социальной стратификации, как социально-профессиональная преемственность поколений. Материалы наших исследований подтверждают, что город предоставляет более широкие возможности для профессионального продвижения, которые зачастую не связаны с занятием родителей. Так, среди опрошенных горожан-тувинцев, отцы которых занимали руководящие должности, 51,8% являются специалистами и служащими, 22,2 – работниками квалифицированного физического труда, 7,4 – неквалифицированными работниками физического труда и 18,5% – руководителями. У русских из этой же категории показатели отличаются: 63,5% стали специалистами и служащими, 31,8 – работниками квалифицированного физического труда, 4,5% – неквалифицированными работниками физического труда, а руководителями среди них не стал никто.

В числе тех, кто указал, что их родители по роду деятельности относились к рабочим, занимавшимся квалифицированным физическим трудом, чуть более половины (54,3% у респондентов-тувинцев и 52,0% у респондентов-русских) составили специалисты и служащие. Примерно треть опрошенных (соответственно 27,1 и 29%) входят в ту же социально-профессиональную группу, что и их отцы. Среди горожан-тувинцев, чьи отцы были работниками неквалифицированного физического труда, почти половина (45,6%) являются специалистами или служащими, но унаследовали профессию отца только пятая часть опрошенных (20,6%). Примерно такой же расклад и в аналогичной группе русских – соответственно 42,1 и 23,4%.

Среди опрошенных нами тувинцев – сельских жителей, являющихся работниками квалифицированного физического труда, 18,7% пошли по стопам отцов, у 2,1% опрошенных отцы были руководителями, у 10,4% – специалистами и служащими, и 68,8% респондентов из данной социально-профессиональной группы ответили, что их отцы занимались неквалифицированным физическим трудом. Среди жителей села – русских, относящихся к этой же социально-профессиональной группе, у 60% отцы также были работниками квалифицированного физического труда, у 10,0% – служащими и примерно у трети (30%) отцы занимались неквалифицированным физическим трудом.

Похожая ситуация наблюдается и по другим социальным группам. Таким образом, в настоящее время при определении сферы трудовой деятельности, выборе той или иной профессии, по-видимому, имеют значение не только семейно-трудовые традиции. Приведенные данные свидетельствуют скорее об обратном – по меньшей мере, об утрате социальной межпоколенной преемственности в сфере приложения труда.

Одной из причин тому явилась дезадаптация по отношению к социально-этнической среде, обусловленная тем, что начиная с 50-х годов в Туве дети представителей титульной национальности в массовом порядке стали воспитываться в школах-интернатах в условиях изоляции от родителей и, по существу, в отрыве от этнокультурной среды. Таким образом, в последних двух-трех поколениях мы наблюдаем фактически полный разрыв преемственности между ними, который проявляется не только на уровне традиционных трудовых склонностей и занятий, но и на уровне духовных ценностей. Совершенно справедливы, на наш взгляд, выводы Г.Ф.Балакиной, сделанные ею на основе анализа данных опросов, посвященных изучению трудовых склонностей и мотиваций жителей Тувы. По мнению исследовательницы, наблюдаемый в последние годы несколько повысившийся интерес населения к традиционным занятиям представляет собой способ самовывживания, обусловленный снижением уровня жизни вследствие экономического кризиса, ростом цен на продукты питания и т.д. При этом Г.Ф.Балакина отмечает, что данная тенденция все же более характерна для русских. Так, отвечая на вопрос: “Каким из ремесел, которыми владели предки (ваши бабушка, дед, мать, отец), вы хотели бы заниматься?”, – в числе наиболее желательных респонденты-русские назвали земледелие, садоводство, огородничество (62%), а также разведение скота на личном подворье (22%)⁸.

Остановимся на таком аспекте, который, на наш взгляд, можно условно отнести к этнопсихологическим. После отмеченного в 1990–1991 гг. массового отъезда из республики русскоязычных жителей рабочие места на большинстве промышленных предприятий оказались вакантными. Однако, вопреки

ожиданиям, не имевшая работы тувинская молодежь не пожелала занять освободившиеся места, а те немногие, кто устроился на предприятия, в итоге проработали там короткое время. По признанию бывшего директора комбината “Тувакобальт”, “молодые тувинцы не проявили интереса к такого рода работе – к монотонному труду и нормированному рабочему дню” В результате одной из причин закрытия этого комбината, наряду с прочими, явились нехватка кадров и невостребованность имевшихся вакантных рабочих мест. Кстати сказать, среди населения республики, как русского, так и тувинского, бытует мнение, что тувинцы по своим психическим особенностям, связанным с традиционным укладом жизни и сохранившимся у них до наших дней, особенно в быту, в семье, все же более предрасположены к нечетко нормированному труду, требующему при небольших физических затратах кропотливости, выносливости и терпения. Представления той и другой этнической общности о психологической предрасположенности к тому или иному виду труда нередко жестко стереотипизированы и являются значимым межэтническим разграничителем. Так или иначе, изучение роли и особенностей этнопсихологических факторов, участвующих в формировании социальной стратификации и ориентации на труд, на наш взгляд, сегодня весьма важно и предполагает проведение специальных исследований.

Сравнительно низкая конкурентоспособность молодежи на рынке труда в Туве обусловлена, как и в других регионах, следующими факторами:

- недостатком у молодежи профессиональных знаний, квалификации, навыков;
- инфантилизмом значительной части молодежи, сравнительно невысокой деловой активностью, недостаточной предприимчивостью в поисках работы;
- необходимостью предоставления ряда льгот, предусмотренных КЗОТом в отношении охраны труда подростка, а также в отношении молодежи, совмещающей учебу с работой, что создает дополнительные трудности для предприятий;
- трудовой нестабильностью молодежи по объективным причинам (увольнение в связи с призывом в армию, длительные отпуска у молодых женщин в связи с рождением и воспитанием детей).

Молодежь в силу своего возрастного статуса, переходного социального состояния тяготеет к маргинальности. Показателем маргинальности тувинской молодежи является нарастание обеспокоенности, тревоги, вызванных острыми социальными проблемами. Среди наиболее болезненных из них респонденты называют безработицу (41,5%), снижение уровня жизни (37,2%), инфляцию (36,3%), рост преступности (32,7%).

Анализ материалов наших исследований позволяет говорить, что из всей молодежи республики условно к социально активной части можно отнести лишь 10–12%. Остальные инертны, тяготеют к иждивенчеству и даже к паразитизму. Они легко воспринимают и воспроизводят присущие маргинальным группам стремление к разрушению, социальное отчуждение, конфликтность, в том числе и в межэтническом общении.

В плане решения проблем занятости молодежи Тувы можно сделать следующие рекомендации.

Во-первых, необходимо разработать меры по предупреждению роста безработицы в условиях массового высвобождения, по поддержке безработной молодежи с осуществлением контроля за их выполнением.

Во-вторых, требуются особая методология, специальные методы, процедуры анализа специфических молодежных проблем. В методологическом плане перспективной может стать интеграционная модель, комплексно сочетающая в себе специфику антропологического, этнопсихологического и социокультурного подходов.

В-третьих, необходимо тесное взаимодействие службы занятости и других государственных структур в решении вопросов квотирования рабочих мест для молодежи, предоставления льгот по налогообложению и кредитованию предприятий, создающих рабочие места для молодежи.

В-четвертых, для активизации работы по организации общественных работ в столице республики г. Кызыле целесообразно создать муниципальную биржу труда, через которую могут расходоваться средства, выделяемые по этой статье.

В-пятых, необходимо обеспечить поддержку со стороны службы занятости различных негосударственных структур (социальных служб для молодежи, молодежных общественных организаций и фондов) и более тесное взаимодействие с ними.

В создавшихся условиях особую важность приобретают междисциплинарные исследования проблем трудовой занятости, изучение комплекса явлений и процессов в сознании и поведении молодых людей в городе и на селе, связанных с безработицей. При этом следует помнить, что по мере роста числа нетрудоустроенных людей возрастает влияние этого фактора на социальные и национальные отношения, на морально-психологический климат в обществе. Сегодня действительно необходимы системные

этносоциальные исследования молодежного аспекта безработицы. Основным инструментом здесь должен стать регулярный мониторинг, позволяющий своевременно прогнозировать возможное негативное развитие ситуации.

Примечания

¹ Тувинск. правда. – 1998. – 21 мая.

² См.: Основные показатели социально-экономического развития и хода экономической реформы в Республике Тыва. – Кызыл, 1996. – С. 30; Социально-экономическое положение Республики Тыва за январь-сентябрь 1997 г. – Кызыл, 1997. – С. 51.

³ См.: Гарсия-Исер М.Х. Критические явления на региональных рынках труда. – М., 1996. – С.8.

⁴ Проект реализован при финансовой поддержке Фонда Д.Д. и К.Т. Макаруров.

⁵ См.: Молодежь провинциальной России. – Белгород, 1994. – С. 3.

⁶ См.: Основные показатели социально-экономического развития и хода экономической реформы в Республике Тыва. – С.30.

⁷ Тувинск. правда. – 1998. – 12 марта.

⁸ См.: Балакина Г.Ф. Экономика региона в период реформ: Республика Тыва. – Новосибирск, 1996. – С. 69.

Г.В. Колмаков

(г. Кызыл)

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА В ПЕРИОД РЕФОРМИРОВАНИЯ

В Республике Тыва продолжается процесс глубоких социально-экономических преобразований. Сделаны первые шаги в создании рыночной инфраструктуры, реформировании отраслей материального производства, утвердилось многообразие форм собственности, активно развивается частный сектор торговли, транспортных услуг, сложилась многоукладность в сельском хозяйстве. Создаются условия для привлечения иностранных кредитов с целью развития экономики республики. Население постепенно адаптируется к условиям рынка, преодолеваются социальное иждивенчество и потребительская психология. Вместе с тем экономическая ситуация в республике остается достаточно сложной. Тува в значительно большей мере, чем другие регионы России, испытывает трудности, связанные с общим экономическим и социальным кризисом в стране. Это обусловлено низким стартовым уровнем экономики республики при вхождении в рыночные отношения, экстремальными природно-климатическими условиями, дотационностью финансовой системы. В регионе действуют дополнительные объективные факторы, затрудняющие адаптацию к рыночным отношениям. Это – территориальная удаленность, слабая транспортная освоенность территории. По большинству показателей социально-экономического развития Тува находится на 62–79-м месте среди регионов Российской Федерации.

Несмотря на трудности, в Республике Тыва за последнее время достигнуты определенные позитивные результаты в развитии социальной сферы. Так, в 1997 г. сданы в эксплуатацию овчинно-шубная фабрика, профилакторий на оз. Чедер, спортзал в с. Бажин-Алаак, введено жилья общей площадью 14,5 тыс. кв. м (это на 23% больше, чем в 1996 г.). Внутренний рынок насыщен различными видами продовольственных и промышленных товаров, хотя все еще мало товаров собственного производства.

Демографическая ситуация в республике сохраняется на уровне предыдущих лет, однако наблюдается некоторое снижение рождаемости. Удалось стабилизировать младенческую и материнскую смертность, но смертность по-прежнему остается высокой, особенно у мужчин трудоспособного возраста, что неблагоприятно влияет на состав трудовых ресурсов. Несмотря на снижение уровня заболеваемости населения по отдельным видам инфекционных заболеваний, сохраняется тяжелая эпидемическая ситуация с туберкулезом, угрозу представляют венерические болезни. Средняя продолжительность жизни сократилась на 11,7%, и теперь в Туве она на 10 лет меньше, чем в среднем по России.

Денежные доходы на душу населения за 1997 г. составили 548,1 тыс. руб. и увеличились по сравнению с 1996 г. на 36,2%. Тем не менее кризисное состояние экономики привело к снижению реальных денежных доходов населения за период с начала реформ. Причинами снижения уровня доходов являются не только инфляция, но и кризис неплатежей, задержки выдачи заработной платы. Анализ среднедушевых доходов

населения Тувы позволяет говорить о бедности значительной его части. В 1997 г. у половины (50,2%) жителей республики среднедушевые денежные доходы были ниже прожиточного минимума. Усиливаются имущественное расслоение и дифференциация населения по доходам. В 1997 г. доходы 10% наиболее обеспеченных жителей республики превышали доходы 10% наименее обеспеченных в 18,2 раза.

По-прежнему основным источником денежных доходов населения является заработная плата: в декабре 1997 г. в структуре денежных доходов она занимала 52,2%. Но покупательная способность заработной платы по сравнению с дореформенным периодом уменьшилась почти вдвое. Средняя заработная плата в январе 1994 г. обеспечивала 2,2 прожиточных минимума, в январе 1995 г. – 1,8, в январе 1998 г. – лишь 1,2.

В результате реформирования экономики возникла новая социальная проблема – безработица. Продолжает сокращаться численность работающих на крупных и средних предприятиях сферы материального производства. Растет неполная занятость, проявляющаяся в таких формах, как сокращенный рабочий день, неполная рабочая неделя, вынужденные отпуска. Темп роста безработицы на селе в 2 раза выше, чем в городе. В общей численности безработных в республике в 1997 г. 71,6% составляли женщины. Большую тревогу и озабоченность вызывает высокий уровень безработицы среди молодежи.

Дальнейшее развитие социальной сферы Республики Тыва и повышение уровня жизни населения будут зависеть от хода экономических преобразований. В настоящее время правительством республики разрабатывается Концепция устойчивого развития Тувы, предусматривающая переход от экстенсивных методов хозяйствования к интенсивным при последовательном сокращении доли субвенций в республиканском бюджете. Для этого необходимо осуществить структурные изменения в народнохозяйственном комплексе Тувы, заключающиеся во внедрении глубокой переработки местного сырья на базе новых технологий, более полном использовании природных ресурсов, ориентации структуры хозяйственного комплекса республики на навыки, трудовые традиции, профессиональный опыт населения.

О.Х.Зотова

(г. Кызыл)

НЕОРГАНИЗОВАННЫЙ РЫНОК РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Рыночные отношения предполагают постоянно развивающийся спрос и широкое товарное предложение, которое не только полностью обеспечивает покрытие этого спроса, но и превосходит его и таким образом в определенной мере “подпирает” спрос, повышает его, поднимает на более высокую ступень. Но так бывает на нормальном рынке. На нашем же рынке выступают в основном покупатели с низкой покупательной способностью: среднемесячный денежный доход жителя Тувы в 1997 г. составил 548,1 тыс. руб., что позволяло только сводить концы с концами. Следует отметить, что присутствующие в розничной торговой сети и на рынках продовольственные товары отечественного производства в большинстве своем завезены из-за пределов республики. Это в некоторой степени отражает вялость тувинских товаропроизводителей. Чрезмерная же доля товаров неместного производства снижает уровень экономической независимости Тувы.

Существует мнение, что можно наполнить рынок китайскими, турецкими и другими товарами и тем самым удовлетворить платежеспособный спрос. Однако такой подход неверен. Он означает сознательный отказ от полного и эффективного использования экономики Тувы и влечет за собой сужение рынка труда, обогащение слоев так называемых “челночников” параллельно со снижением жизненного уровня населения со средними доходами.

Переход от административного распределения ресурсов к свободной реализации товаров характеризуется тем, что продолжает снижаться роль государственного сектора в торговле и появляются иные разнообразные организационные формы торговли. На долю негосударственного сектора торговли в 1997 г. приходилось 87% розничного товарооборота. То есть государственная монополия на торговлю в республике практически разрушена. Возник так называемый неорганизованный рынок, который вследствие большей заинтересованности и инициативности действующих на нем лиц очень быстро расширяется, в том числе за счет резкого увеличения завоза импортных товаров. Доля реализации товаров на этом рынке в общем объеме продаж составила в 1997 г. 32,3%. Необходимо отметить, что реализация товаров населению через рынки развивается динамично, предложение быстро реагирует на уменьшение покупательского

спроса, гибко варьируют цены, что усиливает конкурентоспособность. Рынки стали не только дополнительным источником товарных ресурсов, но и чутким индикатором спроса населения. Статистика свидетельствует, что сегодня большинство населения Тувы отоваривается на неорганизованных рынках. На них, по данным статуправления республики, населением в 1997 г. было приобретено около 513 т мяса, 112 т масла животного, 120 т масла растительного, 263 т сахара. Но продают на рынках преимущественно продовольственные и непродовольственные товары неместного производства. У привозных промышленных товаров качество и оформление, как правило, лучше, чем у местных. Тувинские изделия проигрывают из-за отсутствия добротных красителей, текстильных и вспомогательных материалов, фурнитуры, необходимого оборудования, на котором производится отделка, а также из-за отсутствия у работников соответствующих навыков, из-за их психологической неготовности к конкуренции (раньше в ней не было необходимости: все, что выпускалось, распределялось и реализовывалось), из-за элементарного незнания рыночных механизмов и т.д.

Учет товарооборота рынка статуправлением республики ведется методом выборочного наблюдения. В налоговой инспекции осуществляется контроль за достоверной информацией о доходах каждого предпринимателя. Не секрет, что среди предпринимателей многие скрывают некоторую часть своего дохода, чтобы выплачивать меньше налогов. А раз в бюджет поступает меньше средств, республика не может вовремя производить нужных расходов, часть наличных денег “уплывает” за ее пределы. Конечно, рассчитанный таким образом товароборот отражается и на показателях госстатистики – хаотичных, путаных, противоречивых, искажающих реальную ситуацию и затрудняющих прогноз.

Сегодня, когда решена проблема насыщения рынка продовольственными и промышленными товарами, торговые предприятия должны уделить серьезное внимание качеству обслуживания покупателей в соответствии с законом “О защите прав потребителей”. С открытием большого количества коммерческих киосков, магазинов, вещевых рынков за прилавками оказалось множество новичков, которые никогда в торговле не работали. Поэтому назрела необходимость заняться их обучением, организовать краткосрочные курсы.

В.В. Уварова

(г. Кызыл)

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

В экономическом и социальном развитии Республики Тыва значительную роль играет капитальное строительство. Однако развитие этой отрасли в период реформ можно назвать критическим: резко уменьшились объемы ввода в эксплуатацию основных фондов и жилья, сократились объемы выполненных строительно-монтажных работ, выпуск продукции предприятиями промышленности строительных материалов. В то же время вполне очевидно, что после выхода хозяйства региона из кризиса недостаточные мощности стройиндустрии станут одним из основных факторов, сдерживающих социально-экономическое развитие Тувы.

В настоящее время разработаны и осуществляются республиканские программы развития экспорта, привлечения отечественных и иностранных инвестиций в экономику Тувы. Правительством республики решаются вопросы предоставления ей инвестиционного кредита, который будет направлен на завершение строительства автовокзала с международным сектором в г. Кызыле, обустройство водного пути Кызыл – Саяногорск и реализацию проектов по производству экологически чистой питьевой воды, переработке мяса и молока, выпуску спирта.

Расширяется сотрудничество с зарубежными фирмами, привлекаются иностранные инвестиции в экономику республики. Так, совместно со специалистами фирмы “Лигнаком” (Германия) подготовлены и подписаны контракты на поставку технологических линий по выпуску 25 тыс. куб. м клееных щитов, при этом 80% продукции планируется отправлять на экспорт. Республиканским предприятием “Росвязьинформ” заключен контракт с германской фирмой “Сименс” о поставке и сдаче “под ключ” в г. Кызыле комбинированной станции АТС-АМТС на 12 тыс. номеров за счет кредитов немецких банков. Ведутся переговоры о привлечении на конкурсной основе инвесторов для освоения Тарданского рудного месторождения золота. Комбинатом “Туваасбест” разработан бизнес-план реконструкции производства и освоения выпуска новой продукции, расчетный объем которой в ценах 1997 г. составит 24 млрд руб. Заключены контракты на поставку асбеста за рубеж.

Ситуация в инвестиционном комплексе Тувы может измениться лишь после стабилизации экономики, снижения темпов инфляции, накопления свободных средств у предприятий и населения. Следует учесть, что повышение инвестиционной активности в регионе не может быть достигнуто посредством усиления прямого вмешательства государства. Основное внимание целесообразно уделить формированию благоприятного климата для частных инвесторов, что будет способствовать росту реальных сбережений и ускорению эффективной трансформации накоплений в инвестиции.

Для подъема инвестиционной активности в Республике Тыва необходимы различные меры в рамках централизованной экономической политики, стимулирующие накопление капитала у потенциальных инвесторов, создание республиканского финансового рынка, привлечение из других регионов России, из стран СНГ, ближнего и дальнего зарубежья инвесторов, заинтересованных в том, чтобы участвовать в разработке природных богатств республики и получении продукции.

Другим направлением совершенствования инвестиционного комплекса может стать преобразование экономики предприятий с целью повышения восприимчивости к инвестициям. Первое, что для этого требуется, – реформирование предприятий, предусматривающее переход к принятым в мировой практике стандартам бухгалтерского учета, оценку основных фондов в соответствии с их реальной рыночной стоимостью. Так как основным источником инвестиций являются амортизационные средства, а оценка основных производственных фондов осуществляется с большим опозданием, это ведет к потере амортизационных средств как одного из источников финансирования инвестиций. Второе, что необходимо, – это страхование имущества предприятиями, еще не получившее должного развития в республике. Третье – это развитие инфраструктуры, форм и методов привлечения в инвестиционную сферу сбережений населения. Инструментом здесь могут служить частные пенсионные фонды, потребительские союзы, паевые инвестиционные фонды. Четвертое, на что следует направить усилия, – это развитие ипотеки. Необходимо активно содействовать становлению системы жилищного ипотечного кредитования, формированию вторичного рынка ипотечных кредитов. В результате собственные средства предприятий смогут обеспечить 60–65% объема капиталовложений.

Г.В.Манзанова

(г. Улан-Удэ)

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НОВЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ С ПОЗИЦИЙ ИНТЕРЕСОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

У различных этносов, компактно проживающих в восточных регионах Российской Федерации, есть свои особые интересы в сфере труда и занятости. Так, для малочисленных коренных народов Сибири первостепенное значение имеют решительные меры по сохранению и восстановлению природной среды, традиционных форм хозяйствования и культуры, вплоть до создания специальных резерваций. Для более крупных этносоциальных групп с давними традициями производящего хозяйства, напротив, желательными представляются интенсивное промышленное освоение занимаемых ими территорий, развитие отраслей, базирующихся на достижениях научно-технического прогресса. В условиях перехода к рыночным отношениям это означает, что должна значительно повыситься эффективность использования трудового потенциала таких групп и что в них должны широко распространиться новые формы хозяйствования – новые относительно унаследованного от советского периода экономического строя. Речь идет прежде всего о самостоятельном крестьянском (фермерском) хозяйстве. Но тут сразу же вырисовываются две серьезные проблемы: проблема предпосылок и проблема последствий.

Проблема предпосылок состоит в том, что готовность к высокоэффективному труду и освоению новых хозяйственных форм возникает не на пустом месте. Степень такой готовности существенно зависит от векового опыта взаимодействия того или иного этноса с окружающей средой, его трудовых навыков, устоявшихся способов землепользования. Примером устойчивости традиций, до сих пор определяющих хозяйственную дифференциацию народов-соседей, может служить Забайкалье. Несмотря на значительные изменения, произошедшие за годы Советской власти, здесь сохранилась этническая специализация жителей сельских районов – русских, бурят, эвенков. У русских главной отраслью по-прежнему является земледелие. У бурят (под влиянием русских) оно также получило заметное распространение, однако ведущее положение, как и в прошлом, занимает скотоводство. Что касается эвенков, то для структуры их занятости характерно традиционное сочетание охоты, рыболовства и оленеводства. Естественно

возникает вопрос: какие стереотипы хозяйственного поведения и трудовые навыки, закрепленные специализацией этих этносов, будут способствовать успеху новых форм хозяйствования, повышению эффективности труда, а какие, наоборот, мешать? Очевидно, что ответить на этот вопрос невозможно без проведения регионально сфокусированных исследований традиционных хозяйственных культур, в данном случае культур Забайкалья.

Проблема последствий связана с тем, что в ходе освоения новых форм организации и стимулирования труда преобразуются традиционные образцы хозяйственной деятельности и мотивации труда, а также социальные качества работника. Это влечет за собой формирование иного, чем прежде, образа жизни, ощутимо сказывается на среде обитания этносов, втянувшихся в процесс перемен. Какими же будут последствия этого процесса с точки зрения самих этносов, как он повлияет на их воспроизводство, сохранение этнической идентичности, национально-политическое самоопределение? И снова при поиске ответов необходим тщательный учет природных, национальных, социальных и других особенностей региона, т.е. целостный региональный подход к проблеме.

Между тем такой подход разработан и применяется явно недостаточно. Стремлением до некоторой степени восполнить существующий пробел и руководствовался автор данной статьи. В основу ее лег фактический материал двух видов: во-первых, богатые статистические сведения об историческом опыте хозяйствования населения Забайкалья, собранные в конце XIX в. и опубликованные в известной 16-томной серии трудов Забайкальской (Куломзинской) экспедиции¹; во-вторых – результаты работы Отдела социально-экономических исследований Бурятского научного центра и Института экономики и организации промышленного производства СО РАН. К последним относятся данные комплексного социолого-статистического обследования сел Бурятской АССР и Новосибирской области, проведенного в 1982 г. (оно охватило семь районов и 1300 сельских жителей Бурятии и 17 районов и 2835 жителей Новосибирской области и базировалось на выборках, построенных на единых методологических принципах и методических приемах²), социологического обследования, проведенного Бурятским научным центром в 1990 г. (опрошено 150 работников сельского хозяйства, в том числе 50 представителей управленческого звена), и социологического обследования, осуществленного Бурятским научным центром в 1997 г. (опрошено 150 рядовых работников сельского хозяйства Бурятии и 50 экспертов).

Особенности развития традиционного хозяйства в дореволюционный период

До революции и даже позже, до коллективизации, сельское хозяйство Забайкалья занимало совершенно особое место в природно-хозяйственном комплексе Сибири. В 1898 г. в Забайкальской губернии³ при населении в 672 тыс. чел. насчитывалось 628 тыс. лошадей, 1305 тыс. голов крупного рогатого скота, 1201 тыс. овец, 9,7 тыс. верблюдов. Непосредственно в Бурятии, где тогда проживало немногим более 300 тыс. чел., имелось 257 тыс. лошадей, 641 тыс. голов крупного рогатого скота, 572 тыс. овец. Уступая большинству сибирских губерний по площади, числу жителей и абсолютной численности поголовья скота, Забайкалье превосходило их по степени его концентрации, что свидетельствует о животноводческой специализации региона. При этом объемы производившейся тогда животноводческой продукции вполне сопоставимы с современными. Особенно высокой была продуктивность овцеводства. В конце XIX в. средний убойный вес овцы был равен 28 кг (из них 2–4 кг сала и 4 кг курдюка). Удельный вес двоен среди ягнят колебался в пределах 40–70% приплода, а яловость не превышала 10–15%. Для сравнения можно отметить, что в последние годы средний живой вес овец, поставляемых на убой, равняется 34–37 кг, а валовой выход ягнят на каждые 100 овцематок составляет всего 69%.

Относительно высокий уровень эффективности животноводства позволял обеспечивать население продуктами этой отрасли в достаточном для нормального питания количестве. По данным Центрального статистического управления, душевое потребление пищи у бурят было равно 4,035 фунта в день, из них 2,38 фунта приходилось на пищу животного происхождения, у русских – 5,254 и 1,083 фунта соответственно. Население, составлявшее тогда 389 тыс. чел., производило и потребляло около 100 тыс. т таких продуктов, включая и масло.

Возникает вопрос, каким образом при той примитивной по нынешним меркам технологии, которая была характерна для аратских хозяйств в последней четверти XIX – первой четверти XX в., они могли вырабатывать такое количество продукции. Материалы экспедиции свидетельствуют о том, что структура доколхозного сельскохозяйственного производства в Забайкалье, стихийно складывавшаяся в индивидуальных аратских хозяйствах, была хорошо приспособлена к природно-климатическим особенностям региона. Благодаря этому поддерживался высокий уровень продуктивности животноводства, несмотря на его сильнейшую зависимость от неблагоприятных природных воздействий

и почти полное отсутствие средств механизации производственных процессов. Кроме того, высокой продуктивности сельского хозяйства способствовала традиционная культура населения: в ней не только был накоплен богатый и своеобразный опыт природопользования и хозяйствования, но и сформировались конкретные трудовые навыки, деятельностные мотивации, этнические предпочтения по отношению к отдельным видам труда. Удачно сочетались два фактора здоровья забайкальского сельского хозяйства: с одной стороны, относительно гармоничное соединение природных, трудовых ресурсов и форм организации производства и с другой – наличие в культуре каждого этноса прочного ядра ценностей и мотиваций, которые придавали высокий авторитет традиционному установившимся видам хозяйственной деятельности и тем самым способствовали их эффективности.

Особенности развития традиционных отраслей Забайкалья в современный период и отношение к ним национальных групп

За годы Советской власти в аграрном секторе Бурятии были проведены значительные преобразования. Их общая направленность может быть обозначена несколькими взаимосвязанными ключевыми понятиями: коллективизация – освоение целины – концентрация производства и населения – механизация и мелиорация – унификация образа жизни разных национальностей, сельского и городского населения в целом. Социальная защищенность, уровень образования и уровень охраны здоровья сельских жителей значительно повысились. Однако непосредственно в производстве аграрная политика государства дала вовсе не предполагавшиеся результаты либо ее преобразующий эффект оказался намного слабее, чем ожидалось.

Развитие животноводства шло по экстенсивному пути. До последнего времени продолжалось наращивание поголовья скота: к началу 80-х годов оно достигло 2,5 млн голов. По сравнению с концом XIX в. стадо увеличилось примерно на 1 млн единиц. Совершенно противоположным образом менялась площадь выгона: в 1898 г. она составляла около 4 млн десятин, а к 1980 г. вследствие распашки земель, передачи их под несельскохозяйственные объекты и эрозии сократилась до 1,3 млн га. Таким образом, менее чем за 100 лет произошло почти двукратное возрастание поголовья скота и почти трехкратное сокращение пастбищ. В результате удельная нагрузка на оставшиеся пастбища усилилась в 6 раз, что повлекло за собой прогрессирующую утрату ими первоначального биоресурсного потенциала.

Непомерное давление на природную среду не замедлило сказаться на экономических показателях отрасли. По имеющимся оценкам, в конце XIX в. в Бурятии производилось более 40 тыс. т мяса. Сегодня же, после радикальной перестройки отношений собственности и смены хозяйственных форм, после всех связанных с этим человеческих жертв, материальных, этно- и социокультурных потерь, ценой резкого нарушения природно-хозяйственного баланса достигнуто весьма скромное увеличение годового производства мяса – на 10–15 тыс. т. Вот уже длительное время объемы производства животноводческой отрасли республики составляют лишь 50–60 тыс. т, а производство баранины вообще сокращается. В 1970 г. ее было получено 7,9 тыс. т, в 1982 – 5,5 тыс. т. И это при том, что по сравнению с дореволюционным периодом изменения в видовом составе стада оказались как раз в пользу овцеводства: в 1898 г. овец в Бурятии насчитывалось менее 600 тыс., в 1980 г. – почти 2 млн. Гипертрофированный рост поголовья овец и непомерное увеличение пахотного клина в корне и в худшую сторону изменили традиционную структуру и животноводства, и сельского хозяйства в целом.

По-прежнему сохраняются существенные различия в отраслевой специализации и расселении разных этносов. Русские в основном концентрируются в земледельческих и промышленно развитых районах республики, буряты – в лесостепных и степных, где преобладает животноводство. При этом большинство бурят, занятых на животноводческих объектах, объединены в небольшие производственные коллективы и ведут хуторской образ жизни. Естественно предположить, что в их среде воспроизводятся традиционные отношения и связи и что это, в свою очередь, не может не сказываться на ценностных ориентациях, трудовой мотивации, образцах хозяйственного поведения данной этносоциальной группы.

Для установления традиционного ядра деятельностной мотивации у разных этносов важно определить, какую значимость они придают отдельным видам сельскохозяйственного труда. Воспользуемся схемой, предложенной Р.В.Рывкиной, совместив ее с известной методикой Центрального статистического управления России. По схеме Р.В.Рывкиной, в составе сельского образа жизни выделяются и последовательно анализируются такие характеристики трудовой деятельности, как ее содержательность, продолжительность, режим, условия и ценность для субъекта⁴. Согласно же методике ЦСУ, по критерию собственно содержательности труда трудящиеся разбиваются на следующие группы: выполняющие работы вручную, с использованием механизмов, с использованием машин.

Заметное отставание Бурятии (как, впрочем, и Тувы) по масштабам и темпам механизации сельского труда во многом объясняется тем, что здесь, сравнительно с другими регионами Сибири, отраслевая структура сельского хозяйства отличается высоким удельным весом отраслей, занятия в которых фактически тождественны традиционным для бурят (и тувинцев) видам хозяйственной деятельности. Для традиционных отраслей характерны ненормируемый режим труда, почти полная зависимость от природных условий, тяжелые условия труда. Повышение уровня механизации и соответственно улучшение условий труда возможны лишь за счет вспомогательных производств по углубленной переработке продукции, а в дальнейшем – целых отраслевых цепочек с замкнутым технологическим циклом. В настоящее время для этого нет ни необходимых финансовых средств, ни достаточного количества кадров соответствующей квалификации. Можно, однако, надеяться, что развитие фермерских хозяйств, кооперативной связи и оптовой торговли создаст предпосылки для постепенного внедрения достижений научно-технического прогресса во все без исключения отрасли сельского хозяйства республики, а это приведет к улучшению условий труда в них. Тогда традиционная хозяйственная деятельность, и прежде всего овцеводство, сможет хотя бы частично удовлетворить возрастающие потребности бурят в новых содержательных видах труда. В свою очередь, усложнение содержания труда в традиционных отраслях, усиление его творческих аспектов будут способствовать повышению интереса к этим отраслям нынешних и будущих поколений сельских трудящихся.

Общую оценку содержательности, продолжительности, режима и условий труда в сельском хозяйстве Бурятии, основанную на ответах самих трудящихся и подкрепленную статистическими данными о механизации, можно проанализировать сквозь призму этнокультурных мотиваций трудовой деятельности, по данным комплексного социолого-статистического обследования 1982 г. Они показывают, что, несмотря на, казалось бы, одинаковые для всех национальных групп неблагоприятные условия и низкую содержательность труда в животноводстве, удовлетворенность таким трудом у бурят была все же выше, чем у русских. Это объясняется культурно-исторической спецификой животноводческого труда. Для русских данный вид труда просто один из многих возможных видов, и потому их отношение к нему определяется в основном его отдачей и условиями, среди которых важное место занимает его организация. Для бурят все это также имеет значение, но для них труд в животноводстве – это еще и символ национального образа жизни, знак этнической идентичности. Тем самым у бурят уменьшается степень личностной отчужденности в процессе труда, что препятствует осознанию в полном объеме всех его объективных тягот, в том числе и несовершенной организации.

Ориентация национальных групп Забайкалья на развитие фермерских хозяйств

Как отмечал Ю.В.Бромлей, “человеческий фактор не является пассивным элементом экологической адаптации”⁵. Будучи носителями культур, каждая из которых накопила оригинальный опыт организации производства и социальной жизни, разные этносы используют определенные, различающиеся между собой способы трудовой деятельности, приемы и навыки труда. Этносы, находящиеся в сходных природно-климатических условиях Бурятии, использовали и используют разные формы экологической адаптации, а эти последние по-своему отражаются в особенностях трудовой мотивации работников разных национальностей, занятых в сельском хозяйстве. Указанные различия, по-видимому, обусловлены “своеобразием социально-экономической и политической истории народов, повлиявшей во многом на приверженность определенным отраслям народного хозяйства, на особенности организации и управления в процессе труда, на личностные отношения работников, систему оценки трудовой деятельности, представление о нравственных ценностях”⁶. Особенности национальной культуры и психологии должны учитываться при оценке как настоящих, так и предполагаемых изменений. Это справедливо и в отношении новых форм хозяйствования в аграрном секторе Бурятии. Ведь от того, насколько гибко та или иная форма может сочетаться с историческим трудовым опытом проживающих в данном регионе национальных групп, в сильнейшей степени зависит их способность к выбору и освоению конкретной формы, а значит, и эффективность их труда.

В этой связи весьма показательны результаты социологического обследования 1990 г., в ходе которого выяснились ориентации рядовых работников сельского хозяйства разных национальностей на развитие в республике крестьянских хозяйств фермерского типа и мнения экспертов из числа хозяйственных руководителей и работников органов управления относительно необходимых социально-экономических и правовых условий перехода к таким формам хозяйствования. Обращает на себя внимание, что среди рядовых работников коренной национальности желали вести самостоятельное крестьянское хозяйство более трети опрошенных, в то время как среди русских – одна пятая.

Что касается русских, то малая доля выбравших фермерство объясняется тем, что значительная их часть проживает в пригородных зонах или вблизи крупных промышленных предприятий и леспромхозов. Вторые и третьи члены семей русских заняты в основном на государственных предприятиях несельскохозяйственного профиля, имеют относительно высокую для сельской местности заработную плату и успели отвыкнуть от сельскохозяйственного труда.

Относительно высокая доля бурят, отдавших предпочтение фермерству, обусловлена рядом обстоятельств. Большинство сделавших этот выбор проживают в малых поселениях, имеют личные подсобные хозяйства, семьи их многочисленны. По данным обследования, средний размер бурятской семьи здесь составляет 4,1 чел., тогда как средний размер русской семьи – лишь 2,1 чел. В то же время эти малые поселения значительно удалены от центральных усадеб колхозов, выбор рабочих мест для вторых и третьих членов семьи в них крайне ограничен. Поэтому молодым работникам здесь зачастую приходится довольствоваться случайной работой, они вынуждены уезжать на заработки.

Ведение самостоятельного крестьянского (фермерского) хозяйства связано, как отмечали респонденты, с коммерческим риском и высокими трудовыми нагрузками. Так, более трети работающих на арендном подряде отмечают общее увеличение продолжительности рабочего периода, удлинение рабочего дня, нервные перегрузки при решении производственных вопросов и рост конфликтов во взаимоотношениях с вышестоящими органами и внутри коллектива. И все же, несмотря на такой негативный опыт, более трети опрошенных бурят считают, что члены их семей согласились бы работать на собственных фермах. Предпочтение фермерского хозяйства работники трудоспособного возраста коренной национальности обосновывают возможностью стать настоящими хозяевами, ни от кого не зависеть, самостоятельно принимать решения (66% ответов), возможностью больше заработать (42%), возможностью полнее проявить свои способности и использовать профессиональные знания (33%).

Большинство изъявивших желание работать в собственном фермерском хозяйстве собираются выращивать скот мясных и мясомолочных пород, сдавать государству продукцию животноводства по существующим закупочным ценам. В среднем, по мнению респондентов, одна сельская семья смогла бы держать 30–40 голов крупного рогатого скота (и нуждается для этого примерно в 100 га земли) и 50–100 овец (при наличии пастбищ).

Чтобы добиться успеха, фермер должен обладать хорошими профессиональными знаниями и навыками, быть готовым к дополнительному обучению, экономическому риску, принятию на себя ответственности. Отсутствие этих социальных качеств, осознаваемое респондентами, может, по их мнению, вызвать значительные трудности в развитии крестьянских хозяйств. Тем не менее перестройка экономических и социальных отношений, происходящая в обществе, безусловно влияет на ориентации работников, и это влияние перевешивает их сомнения и колебания. Значительная часть опрошенных рядовых работников – бурят полагают, что при наличии благоприятных условий число желающих взяться за ведение самостоятельного хозяйства значительно возросло бы, одновременно улучшилось бы отношение к труду и повысилась ответственность работников. В этом их убедил опыт других новых форм хозяйствования. Например, 70% опрошенных участников подрядных коллективов отметили, что в этих коллективах многие начинают работать активнее и лучше. Особенно заметны положительные сдвиги в тех хозяйствах, где внедрение подряда или аренды подкрепляется углублением хозяйственного расчета, строгим соблюдением договорных соглашений, прогрессивной системой оплаты труда.

Работникам-бурятам, занятым в сельском хозяйстве, был задан вопрос, есть ли что-либо общее между старым аратским и нынешним фермерским хозяйством. Примечательно, что около половины опрошенных признали, что общего много. В первую очередь это экономическая самостоятельность и ответственность субъектов хозяйственной деятельности, возможность полнее проявить свой талант и способности. В качестве общих признаков двух типов хозяйства отмечались также их самостоятельные снабжение и реализация получаемой в них продукции. Таким образом, большинство положительных характеристик крестьянского (фермерского) хозяйства, отмеченных в ходе социологического обследования 1990 г., совпали с удержанным исторической памятью бурят образцом индивидуального трудового аратского хозяйства, и именно этим совпадением, этим переносом идеализированного этносоциального опыта предков на вновь создаваемую хозяйственную форму (которая сама, таким образом, идеализируется и как бы этнизируется) может в значительной мере объясняться большая, сравнительно с русскими, нацеленность сельских жителей – бурят на фермерское хозяйство.

По прошествии нескольких лет реформ в сельском хозяйстве уже можно оценить их последствия в регионах России с точки зрения закрепления образцов поведения, особенностей мотиваций и ценностных ориентаций этносов в сфере труда, а также сдвигов в их образе жизни и условиях жизнедеятельности, важных для последующих этапов преобразований. С этой целью были проанализированы данные

социологического обследования, проведенного в 1997 г. Для оценки степени инновационности трудовых отношений в этносоциальной среде нами были разработаны следующие индикаторы: распространенность в национальной общности новых форм организации и стимулирования труда (фермерских хозяйств, крестьянских кооперативов), ориентация активных трудоспособных субъектов на труд в коллективах различных форм собственности, мотивации удовлетворенности и неудовлетворенности трудом занятых в этих коллективах работников, а также изменения ценностных ориентаций и жизненных установок этносов в процессе преобразований.

По данным Госкомстата Бурятии, на момент обследования в республике было зарегистрировано 2760 фермерских хозяйств, в которых было занято примерно 9834 чел. активного возраста, или 12,6% от численности занятых в сельском хозяйстве. В их пользовании находилось 162 тыс. га земли (3,6% от общей площади сельхозугодий), 22 374 голов крупного рогатого скота, 5412 свиней, 3714 лошадей (6, 4 и 6% от общей численности поголовья соответственно).

Для анализа тенденций развития новых форм хозяйствования в период реформирования экономики села использованы данные, характеризующие динамику развития фермерства в Бурятии. По данным Госкомстата республики, число зарегистрированных фермерских хозяйств возросло с 230 в 1992 г. до 3352 в 1996 г., площадь предоставленных им земельных участков – соответственно с 10,1 до 201,1 тыс. га, средний размер земли, находящейся во владении, – с 44 до 60 га. Однако производство продукции в них увеличивалось значительно меньшими темпами. Так, производство зерна выросло лишь с 6000 до 9761 кг, картофеля – с 1000 до 5081 т, овощей – с 200 до 1106 т, молока – с 1765 до 5503 т, а производство мяса сократилось с 2300 до 870 т. То есть значительное число хозяйств зарегистрированы и владеют земельными участками лишь формально, а производственная деятельность ими не ведется и принадлежащая им земля по назначению не используется.

Низкая эффективность преобразований в аграрной сфере – результат того, что они проводились по традиции директивно, тотально, форсированно и формально, декларируемых результатов стремились достичь любой ценой, зачастую ценой развала колхозно-совхозного и вообще сельскохозяйственного производства. За годы реформ объем производства сельскохозяйственной продукции в Бурятии сократился на 40%, площадь посевных культур – на 35%, техническая оснащенность предприятий – в 1,5 раза, поголовье скота – почти в 2 раза.

Такие результаты преобразований аграрной сферы стали причиной того, что в бурятском селе уменьшилось число сторонников новых форм хозяйствования. Так, если в 1992 г., по данным обследования ряда районов республики, доля крестьян, желающих вести фермерское хозяйство и активно выступающих за реформы, составляла 15–20%, что свидетельствовало о наличии здесь социальной базы реформ, то после трех лет преобразований эта доля сократилась до 5%, и в основном из-за отсутствия институтов, поддерживающих становление новых форм хозяйствования и гарантирующих их работникам социальную защиту, а также из-за их негативных социально-экономических последствий для жителей бурятского села.

В ходе социологического опроса 90% респондентов из числа трудоспособных крестьян указали на значительные трудности в организации фермерского хозяйства. По оценкам населения бурятского села Торы, за годы реформ эффективно развивались лишь те хозяйства, владельцы которых в период официальной фермерской кампании 1992 г., воспользовавшись своими должностными привилегиями, сумели при выделении из колхоза получить необходимые земельные, технические, финансовые ресурсы. Рядовые же фермеры, организовавшие свои хозяйства также в период фермерской кампании, но не получившие никакой государственной поддержки в виде льготных кредитов, страхования на случай неурожая и стихийных бедствий, при отсутствии к тому же необходимой для фермеров отлаженной системы снабжения и сбыта продукции, так и не смогли за счет своих неимоверных усилий наладить сельскохозяйственное производство. Поэтому большинство зарегистрированных фермерских хозяйств в бурятском селе существует лишь на бумаге, а значительная часть выделенных им земель не обрабатывается и постепенно приходит в запустение.

Как считают большинство опрошенных рядовых колхозников, если бы у представителей отдельных социальных групп бурятского села не было указанных выше преимуществ для развития хозяйства, то не было бы и фермеров. В настоящее время, по мнению крестьян, “фермеры живут в окружении бедных, которым попасть в фермеры еще труднее, чем в начале реформ”. В результате усиливаются отчуждение, негативное отношение большинства к процессу реформ на селе. Это еще раз подтверждает отсутствие механизма внедрения и распространения новых форм хозяйствования, вследствие отсутствия генеральной стратегии развития рыночных отношений в аграрной сфере в регионах России, что влечет за собой дискредитацию фермерства в глазах населения и подрыв социальной базы реформ.

Чтобы оценить степень адаптации различных этносоциальных групп к рынку, рассмотрим показатели удовлетворенности трудом у работников, занятых в различных формах хозяйствования, а также ценностные ориентации этносов, втянувшихся в процесс перемен.

Как показали результаты опроса, у респондентов – владельцев высокоэффективных хозяйств, в основном выходящих из властных структур села, совмещающих труд фермера с коммерческой деятельностью, наблюдается более высокий уровень удовлетворенности своей работой. По их мнению, труд в новых формах хозяйствования позволяет лучше проявить свои способности, склонности, трудовые навыки и получить более высокие трудовые доходы.

В то же время у другой группы фермеров – представителей так называемой “второй волны”, не получивших для организации хозяйства никакой поддержки со стороны государства и властных структур села, и в силу этого ведущих хозяйство на свой страх и риск, лишь за счет физических усилий своей семьи, удовлетворенность трудом низкая. Они считают, что при отсутствии необходимых материалов и технических средств труд крестьянина малоэффективен, ведение хозяйства сопряжено с большими сложностями, и это не позволяет проявить свою квалификацию и навыки. Эффективность хозяйств, по словам этих фермеров, столь низка, что доходы обеспечивают лишь содержание семьи, на дальнейшее развитие средств уже не остается. Такие хозяйства считаются фермерскими лишь формально, на самом же деле они осуществляют простое воспроизводство продукции, развиваясь как личные подсобные хозяйства и не имея никаких перспектив, если не изменятся социально-экономические условия, перейти к расширенному воспроизводству.

Характерно, что у представителей третьей группы фермеров – специалистов сельского хозяйства, которые, по их словам, вынуждены заниматься коммерческой деятельностью из-за низкой эффективности крестьянского труда, удовлетворенность работой также невысокая. Свою деятельность в области коммерции они считают временной, пока не стабилизируется финансово-экономическая ситуация и не появятся условия для развития сельского хозяйства. Возможно, здесь сказывается влияние национального фактора, так как этнические предпочтения в сфере труда, связанные с традиционной культурой хозяйствования и ориентациями, остаются для работников-бурят высокозначимыми даже при наличии более благоприятных условий для других видов деятельности.

С целью анализа основных жизненных установок работникам колхоза был задан вопрос “Что вы считаете для себя главным в жизни?”. Наибольшую сумму баллов набрали следующие жизненные ценности: здоровье, крепкая семья, счастье детей. Интересно, что такие противоположные по значению ценности, как богатство и социальная защищенность, набрали одинаковое количество баллов и оказались на втором месте, на третьем месте – интересная работа и спокойная жизнь, на четвертом – образование, на пятом – интересный досуг. Как видим, у работников колхоза в структуре ценностей одними из наиболее значимых являются как бы взаимоисключающие ценности: богатство и социальная защита, интересная работа и спокойная жизнь. То есть после всех лет реформ сельское население в основной массе так и не смогло воспринять новую систему социальных отношений, ценностей и норм поведения и адаптироваться к ней.

Примечания

¹ См.: *Материалы* комиссии Куломзина для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. – СПб., 1997. – Т. 1–16.

² Принципы построения этих выборок описаны в книге “Социальное развитие села Бурятской АССР” (Улан-Удэ, 1989, с. 13–19).

³ Тогда в Забайкальскую губернию входили территории современных Бурятии и Читинской области.

⁴ См.: *Рывкина Р.В.* Образ жизни сельского населения. – Новосибирск, 1981.

⁵ *Бромлей Ю.В.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М., 1989. – С. 18.

⁶ Там же. – С. 24.

Л.В.Логинова, А.М.Матвеев
(г. Красноярск)

СОЗДАНИЕ ФОНДА БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ – ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ СЕВЕРА¹

В конце 80-х годов широкое распространение получила концепция так называемого сбалансированного (устойчивого) развития (sustainable development). Согласно этой концепции, невозобновимые ресурсы можно использовать лишь в той степени, чтобы это не угрожало будущим поколениям людей, не разрушало природу и не противоречило интересам местного населения. При этом должно быть обеспечено равновесие между традиционными для данной территории отраслями хозяйства и развиваемой здесь промышленностью.

В Российской Федерации до настоящего времени не создано целостной законодательной базы по вопросам устойчивого социально-экономического и экологического развития, хотя частично эти вопросы затронуты в федеральном Законе “Об охране окружающей природной среды” (декабрь 1991 г.) и в Указе Президента РФ “О государственной стратегии РФ по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития” (февраль 1994 г.). В них, в частности, говорится о правах “будущих поколений на пользование природно-ресурсным потенциалом в целях поддержания устойчивого развития” Применительно к региональным системам в отечественной научной литературе различают рост, если система воспроизводит себя на расширенной основе, и развитие, если рост сопровождается прогрессивными изменениями производственной структуры².

Как известно, один из принципов подписанной на Конференции в Рио-де-Жанейро Декларации об окружающей среде и развитии гласит: “Государства должны признавать и поддерживать самобытность, культуру и интересы коренного населения”³. Более того, одна из глав программного документа Конференции “Повестка дня на XXI век” посвящена роли коренных народов и местных общин в обеспечении устойчивого развития. Правительствам рекомендовано обратить внимание на необходимость защиты земель коренных народов от видов деятельности, являющихся экологически небезопасными в социальном и культурном плане.

Влияние промышленного освоения Севера на жизнь коренного населения неоднозначно. С одной стороны, появляются условия для использования благ цивилизации: улучшаются транспортное сообщение и коммунальное обслуживание, повышается уровень здравоохранения, расширяется сеть общеобразовательных учреждений и т.д. С другой стороны, снижается потенциал биологических ресурсов региона – растительных и животных ресурсов тундры, тайги и прибрежных вод, являющихся основой жизнедеятельности населения. Сколько бы ни говорили о создании и использовании безвредных технологий освоения природных ресурсов, на практике не обходится без нанесения ущерба природной среде, тем более когда это касается очень ранимой природы Севера.

В результате вовлечения в оборот сырьевых богатств северных территорий происходит длительное, а порой и безвозвратное изъятие из среды жизнедеятельности коренных малочисленных народов значительных ареалов биологических ресурсов, что ведет к разрушению основы их хозяйствования. Более того, разрушение природной среды обитания народов Севера по сути своей является разрушением исторически сложившегося природно-культурного комплекса, необходимого человеку для его “духовной оседлости”, нравственной самодисциплины и социальности⁴. Разрушение культурно-экологических традиций народов Севера, утрата их адаптационной функции и роли в сохранении этнической целостности могут привести к необратимым изменениям в культурной памяти народа, к снижению уровня его физического и культурного здоровья, к нарушению преемственности поколений⁵. Разрешение противоречий между потребностями промышленного освоения северных территорий и социально-экономическим развитием приживающихся на них коренных народностей требует постоянного целенаправленного управления изменениями, происходящими в сфере социальной жизнедеятельности этих этнических групп⁶.

Рассмотрим ситуацию, сложившуюся на Красноярском Севере. Перед этим регионом стоят проблемы, характерные для всей зоны Севера. Это – относительно менее надежный механизм социального обеспечения и защиты населения, деградирующее состояние среды жизнеобеспечения и выживания малочисленных коренных народов, продолжающееся разрушение экосистемы в промышленных ареалах.

В большинстве районов Красноярского Севера значительно снизилась рождаемость. Если в 1990 г. число родившихся на 1000 чел. населения в районах Крайнего Севера составило 13,9, то в 1996 г. – только 10,4. При этом увеличилась смертность. Число умерших в расчете на 1000 чел. населения выросло в 1996 г. по сравнению с 1990 г. в 1,4 раза. Увеличилась заболеваемость так называемыми социальными

болезнями, в частности туберкулезом (см. таблицу). В северных районах туберкулезом болеют в 2–3,5 раза чаще, чем в целом по Красноярскому краю. Уровень смертности от туберкулеза составляет от 17,9 до 27,8 на 1000 чел. населения при краевом показателе, равном 15. Что касается малочисленных народов Севера, то для них все эти показатели еще более удручающие. Во многих районах отсутствует централизованное водоснабжение, поэтому среди инфекционных заболеваний преобладают кишечные инфекции (56–62%). Наиболее поражаемой группой населения ежегодно остаются дети в возрасте до 14 лет (63–71%).

Показатели состояния здоровья населения ряда территорий Красноярского Севера, на 1000 чел.

Административное образование	Год	Смертность		Заболеваемость алкоголизмом		Заболеваемость туберкулезом	
		Все население	В т.ч. коренное	Все население	В т.ч. коренное	Все население	В т.ч. коренное
Таймырский АО	1990	6,7	12,9	388	391	41,4	130,3
	1993	9,0	20,5	120,2	185,8	78,2	196,7
Эвенкийский АО	1990	7,6	12,4	48,0	75,9	58,3	194,1
	1993	11,7	17,9	57,1	103,5	59,9	147,9
Туруханский район	1990	8,0	14,3	210,4	301,0	36,8	81,1
	1993	11,2	14,8	285,7	272,2	47,6	87,0

За 1990–1997 гг. на Красноярском Севере резко усилилась дифференциация граждан по уровню доходов. Расширилась “зона бедности”, возросла зависимость подавляющей части населения от социальной помощи, предоставляемой государством, снизился общий уровень социальной защищенности населения. При этом падение уровня жизни происходит неравномерно по территории региона. Так, если в Норильске ситуацию в социальной сфере можно считать относительно благополучной, то в Эвенкийском автономном округе, Игарке, ряде населенных пунктов Таймырского автономного округа показатели социального развития свидетельствуют о кризисе. Значительна дифференциация районов по доле населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума.

На Красноярском Севере растет число населенных пунктов, где уровень жизни чрезвычайно низок, многие товары и услуги недоступны для населения. Например, в Эвенкийском АО заработная плата с учетом всех надбавок и коэффициентов на протяжении последних лет значительно ниже средней заработной платы в Таймырском АО. В 1997 г. она составляла только 76,4% от заработной платы, которую получают работники в Таймырском АО.

Абсолютное большинство аборигенного населения Красноярского Севера живет за чертой бедности. В целом уровень жизни аборигенов ниже, чем в среднем по краю. Около половины трудоспособного населения не имеет постоянного места работы. Заработная плата у представителей коренных народов является одной из самых низких среди других категорий работников. Большинство имеют душевой доход, составляющий 25–30% от прожиточного минимума. Более чем у половины представителей малочисленных народностей регулярно наблюдается витаминная, белковая и жировая недостаточность в питании. В последние два-три года в местах проживания аборигенов почти разрушена и без того слабо развитая социальная инфраструктура, остро не хватает жилья и при этом значительное количество зданий являются ветхими, во многих местах не созданы даже элементарные бытовые условия.

Существенно уменьшилось за 1991–1997 гг. потребление жителями региона молока и молочных продуктов, яиц, рыбы, овощей и фруктов. Здесь тоже наблюдается неравномерность. Так, пищевой рацион, например, семей Эвенкийского АО по своим питательным свойствам по-прежнему отстает от рациона семей Таймырского АО: белков потребляется меньше в 2 раза, жиров – в 1,7 и углеводов – в 1,2 раза.

Цены на основные продукты питания в Туре и Байките в 1,5–2 раза выше, чем в Красноярске, и в 1,3–1,6 раза выше, чем в Дудинке и Норильске, находящихся примерно в тех же географических широтах (в удаленных поселках это соотношение еще больше), а заработная плата ниже.

Таким образом, социальные издержки проводимых в 1991–1997 гг. реформ оказались недопустимо высокими, особенно для районов проживания малочисленных народностей Севера. Либерализация цен и тарифов привела к снижению реальных доходов и уровня жизни практически всех социальных слоев, но прежде всего коренного национального населения.

Для исправления сложившейся ситуации необходимо подготовить и принять концепцию социально-экономического развития Севера России и его отдельных ареалов (с выделением ареалов проживания народностей Севера), что позволит проводить социальную политику в Северном регионе более целенаправленно и дифференцированно. Эта концепция должна учитывать интересы будущих поколений. Ее целью должно стать повышение качества жизни населения, осуществляемое преимущественно за счет внутренних ресурсов при межрегиональном выравнивании уровней социально-экономического развития и обеспечиваемое сбалансированным (устойчивым) состоянием эколого-экономической системы.

Необходимо скорректировать решения правительства в сфере социальных гарантий и льгот для проживающих на Севере и механизмы их реализации. Целесообразно перейти к адресной поддержке наименее защищенных слоев населения, особенно малочисленных народов Севера.

Ряд шагов в указанном направлении уже сделан. В частности, в Постановлении Правительства РФ от 31 декабря 1997 г. "О реформировании системы государственной поддержки районов Севера" предусматривается

- разработать проект закона, регулирующего вопросы, касающиеся статуса и прав коренных малочисленных народов Севера в сфере природопользования, не урегулированные действующим законодательством;

- создать эффективную систему социальной защиты коренных малочисленных народов;

- разработать механизм привлечения средств хозяйствующих субъектов, действующих в районах Севера, для решения социальных проблем этих территорий.

Одним из путей решения перечисленных выше проблем может стать создание Фонда будущих поколений и социальных гарантий. Этот фонд предназначен для компенсации потерь той или иной территории, вызванных истощением ее природных ресурсов, и для обеспечения средств, направляемых на социальную защиту населения, проживающего на данной территории.

Северные национальные образования имеют, как правило, слабо развитую промышленность, но обладают огромным природно-ресурсным потенциалом. Рента, получаемая при освоении ресурсов, служит основным источником финансового обеспечения социально-экономического развития этих территорий. В зависимости от законодательной базы она выступает как различные формы доходов и определенным образом распределяется между субъектами, являющимися собственниками ресурсов и участниками процесса их освоения.

Целесообразно провести предварительные исследования для определения величины общих налоговых поступлений в бюджет административно-территориальных образований в ходе добычи сырья на их территориях, с тем чтобы выяснить возможности решения за счет этих поступлений текущих проблем и вопросов развития будущих поколений. Важно представить социально-экономическую ситуацию, которая может сложиться после отработки месторождений, и проблемы, которые могут возникнуть, соотнести значимость текущих и перспективных проблем, рассмотреть вероятность появления новых источников бюджетных поступлений и т.д. Только максимальный учет всех этих факторов позволит принять решение о формировании специальных финансовых фондов. Опыт ряда регионов нашей страны (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов) и некоторых других стран показывает, что финансовые ресурсы, поступающие в бюджет во время интенсивной добычи на их территории невозобновляемых природных ресурсов, бывают недостаточными, чтобы в полной мере решить даже текущие проблемы.

Создание Фонда будущих поколений сопряжено с решением большого количества правовых и экономических вопросов. Речь идет об уточнении механизмов недропользования, законодательном закреплении принципов создания и функционирования фонда, уточнении источников формирования фонда, методов управления им и принципов распределения средств, согласовании принципов и целей участников освоения месторождений и потребностей развития региона и т.д.

Рассмотрим возможности создания подобного фонда в Эвенкийском АО. Предстоящее экономическое развитие Эвенкии связывается прежде всего с освоением ее нефтегазовых ресурсов, запасы которых на юге округа являются крупнейшими после запасов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Величина доходов, получаемых территорией, а следовательно, и возможность формирования Фонда будущих поколений зависят от ряда факторов, и прежде всего от объемов добываемых ресурсов, размера ренты, законодательной базы.

По данным Роскомнедра, значительная часть углеводородных ресурсов Эвенкийского АО находится в его южной части – Юрубчено-Тохомской и Собино-Джелиндуконской зонах нефтегазоаккумуляции. Объемы добычи нефти по годам определены из предположения, что около 60% нефти на Юрубчено-Тохомском и Курумбинском месторождениях будет извлечено на стадиях наращивания и стабильной добычи, а период снижения добычи наступит через 13–14 лет после начала разработки и продлится 10–12 лет с оборотом нефти в конце периода в объеме 12–14% от стабильной добычи.

Цена нефти принята из предположения, что ее реализация на первом этапе будет осуществляться на внутреннем рынке и составит по Юрубченскому блоку 60 дол. за 1 т., по Терско-Камовскому блоку и Куюмбинскому месторождению – по 74 дол.⁷ Исходя из перспективных объемов добычи нефти и принятых цен определена стоимость добычи нефти по годам. Общая стоимость добытой нефти составит более 42 млрд дол., при этом в консолидированный бюджет округа поступит около 7,5 млрд дол. Основными статьями, формирующими данные поступления, являются налоги на прибыль, имущество, добавленную стоимость, платежи за право пользования недрами, отчисления от заработной платы.

Отметим, что в мировой практике имеется опыт формирования специальных финансовых фондов за счет лицензионных доходов (штат Аляска) и за счет отчислений от стоимости добытого сырья (Кувейт, Оман). Для создания специальных финансовых фондов нужно соответствующее правовое обеспечение. Необходимо принять законодательные акты, регламентирующие создание подобных фондов. И очень важно, чтобы они логично вписывались в уже имеющееся правовое поле. Например, в качестве источника средств для Постоянного фонда Аляски выбраны именно лицензионные доходы, поскольку в США налог на эксплуатацию недр полностью поступает в бюджет штата. Очевидно, это обстоятельство облегчило принятие решения о том, что 25% доходов, поступающих от добычи нефти, направляются в Постоянный фонд.

На наш взгляд, наиболее приемлемым видом дохода, который может служить источником образования Фонда будущих поколений Эвенкии, являются платежи за право пользования недрами (лицензионные доходы). Платежи за право на добычу углеводородного сырья (нефти, газового конденсата и природного газа) в соответствии с действующим законодательством распределяются в следующем порядке: в бюджет района (города) направляется 30%, в бюджет республики в составе Российской Федерации, края, области, автономного образования – 30, в федеральный бюджет – 40%. То есть имеются платежи, значительная часть которых (60%) поступает в бюджет округа и может быть использована на его нужды. Именно эта часть отчислений может быть законодательно определена в качестве основного источника для формирования Фонда будущих поколений.

В Российской Федерации платежи за право пользования недрами оговариваются в выдаваемой инвестору лицензии и осуществляются в форме начального, а также последующих регулярных платежей (роялти) в течение срока реализации предоставленного права. Уровни ставки регулярных платежей дифференцированы по видам полезных ископаемых, осваиваемым месторождениям, являются, как правило, стабильными на весь период эксплуатации месторождений и составляют, согласно действующему Закону РФ “О недрах”, от 1 до 16%.

Прогнозная плата за пользование недрами в Эвенкии определена исходя из стоимости нефти, которую предполагается добыть, без учета НДС, акцизов и принятых ставок роялти, составляющих в наших расчетах 8% по Юрубченскому блоку и 6% по Терско-Камовскому блоку и Куюмбинскому месторождению. Предполагая, что в перспективе будут приняты правовые акты (в том числе и на уровне Эвенкийского АО как субъекта Федерации), согласно которым, например, четверть этой суммы будет направляться в специальный финансовый фонд Эвенкии, определим величину ежегодных поступлений. Суммарная величина поступлений в Фонд будущих поколений и социальных гарантий Эвенкии за весь период эксплуатации месторождений Юрубчено-Тохомской зоны составит 383 млн дол. Фонд Эвенкии намечается создать для сбережения доходов, получаемых округом в период добычи углеводородного сырья. Исходя из сберегательной ориентации данного фонда основным критерием его успешной деятельности следует считать долговременное сохранение капитала.

Сберегательная суть Фонда будущих поколений предполагает капитализацию его доходов, т.е. направление их на увеличение основного капитала и его защиту от инфляционного обесценивания. При этом должна быть обеспечена широкая диверсификация вложений фонда. Следовательно, по конкретным вложениям фонд будет иметь различную доходность. Для прогнозных расчетов примем усредненную доходность, в качестве ориентировочной величины которой используем годовые депозитные ставки международных банков. Расчет роста средств специального финансового фонда при капитализации его доходов проведем по двум вариантам. В первом варианте годовую норму прибыли примем равной 3%, что соответствует приемлемому показателю риска вложений и реалистичности достижения цели, во втором – 7%, что также вполне реально, но риск вложений при этом, безусловно, несколько увеличивается. В результате к концу периода эксплуатации месторождений доход от капитализации ежегодных отчислений в специальный финансовый фонд Эвенкии составит по первому варианту около 10 млрд дол., а по второму – более 15 млрд дол.

Таким образом, решившись “пожертвовать” в Фонд будущих поколений 6% от объема поступлений в бюджет округа, связанных с добычей нефти на месторождениях Юрубчено-Тохомской зоны, к моменту выработки месторождений население округа может иметь фонд, располагающий финансовыми ресурсами,

которые превысят поступления в бюджет от добычи нефти по первому варианту в 1,3 раза, а по второму – в 2 раза. Ежегодный доход фонда к концу периода достигнет по первому варианту 0,65 млрд дол., а по второму – 1,37 млрд дол. То есть произойдет своеобразная замена природного ресурса финансовым, который и станет важным источником решения социально-экономических и экологических проблем.

Стратегическое назначение фонда, заключающееся в накоплении средств для решения проблем будущих поколений, обуславливает строгую регламентацию его использования. Но это отнюдь не означает, что средствами фонда можно воспользоваться только после отработки месторождений. Устав Фонда будущих поколений может предусматривать использование определенной части этих средств на нужды населения, в первую очередь коренного, и в период разработки месторождений. В этом случае целесообразнее использовать доход, который превышает доход фонда, получаемый при 3%-й годовой депозитной ставке. Очень важно воздержаться от использования средств фонда в первые годы его формирования, когда депозитный доход еще незначителен.

Создание Фонда будущих поколений и социальных гарантий позволит сохранить аборигенные этносы, учесть интересы будущих поколений, решить стратегические проблемы устойчивого развития, создать систему социальных гарантий, сделать развитие территории менее зависимым от внешних условий и обстоятельств и, следовательно, будет способствовать устойчивому эколого-экономическому развитию региона после окончания разработки нефтегазовых месторождений.

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 98-02-02026).

² См.: *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М., 1983.

³ *Программа действий: Повестка дня на XXI век и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро* в популярном изложении. – Женева, 1993.

⁴ См.: *Лихачев Д.С.* Экология культуры // *Земля родная*. – М., 1983. – С. 83.

⁵ См.: *Казначеев В.П., Борисова Л.Г., Зверева Л.П., Маточкин Е.П.* Экология культуры и народная экология // *Культура народностей Севера: традиции и современность*. – Новосибирск, 1986. – С. 26–31.

⁶ См.: *Бурьков С.М., Пахомов В.П.* Проблемы социальной адаптации коренного населения Севера в районах интенсивного промышленного освоения. – Свердловск, 1988. (Препринт УрО АН СССР).

⁷ Существуют различные оценки как запасов углеводородного сырья Эвенкии, так и эффективности его добычи. Используемые в расчетах оценки вероятных объемов и экономических показателей добычи нефти базируются на обобщении данных различных проработок и представляют собой “усредненную” версию авторов.

А.М.Аблажей

(г. Новосибирск)

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ НЕФТЕ- И ГАЗОДОБЫЧИ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Задача настоящей статьи – осветить отдельные, но весьма существенные моменты зарубежного опыта в сфере регулирования принципов нефте- и газодобычи в Арктике. Вопрос о применении этого опыта в условиях Российского Севера должен решаться исходя из особенностей той или иной территории, а также с учетом интересов страны в целом. Не следует забывать, что наш Север во многом другой. На севере Канады или США сравнительно небольшая численность некоренного населения, и вообще зарубежные циркумполярные территории существенно меньше освоены в промышленном отношении. По подсчетам А.М.Позднякова, на нашем Севере живет 11 млн чел., тогда как население всего зарубежного Севера составляет 500 тыс. чел., или в 22 раза меньше¹. Особенности освоения северных территорий в СССР (оргнаборы, использование труда заключенных, комсомольские стройки и т.д.) обусловили как численность, так и состав живущего там населения, что, в частности, не позволяет полностью руководствоваться положениями Конвенции МОТ № 169 “О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах”

Важность темы, обозначенной в заголовке статьи, продиктована прежде всего чрезвычайным обострением проблем, связанных с освоением минеральных ресурсов Арктики как в России, так и за рубежом. Решая свои проблемы, мы не должны забывать о том, что Арктика – достояние всего чело-

вещества, и речь здесь идет не только об уникальном культурном потенциале населяющих ее народов, но и об экологических аспектах, ибо эту часть планеты все чаще признают “легкими Земли”. Что касается России, то нам необходимо *найти способы сохранения уникальности коренных народов Севера, пути совмещения их интересов и потребностей в ходе промышленного освоения заселенной ими территории с интересами страны в целом.*

Еще одна, более частная, но, наверное, не менее важная проблема – отсутствие в российской практике опыта детальной проработки экологических и гуманитарных аспектов при подготовке к освоению того или иного месторождения или целого региона. Приведу только один пример: при объявлении тендера на право разработки нефтяных богатств Эвенкии (1995 г.) в условиях было записано, что одним из основных принципов недропользования должна быть “максимальная экологическая безопасность человека, природы, восстановление экологического равновесия, сохранение традиционного уклада жизни малочисленного народа автономного округа”². Уже здесь виден целый ряд недоработок. Прежде всего, не прописаны правила поведения, способствующие “сохранению” и “восстановлению”, что, кстати, дает возможность компаниям в своих заявках также ограничиться только декларациями. Кроме того, нет четкого определения малочисленного народа. По моему мнению, проблемы русского старожильского населения также должны быть каким-то образом зафиксированы, иначе есть опасность ущемления его прав, последующей маргинализации и, как следствие, обострения межнациональной напряженности в борьбе за ресурсы.

Рассмотрение проблемы возможно в двух аспектах – узком и широком. В узком плане подразумевается анализ взаимоотношений представителей коренного и пришлого населения, которые складываются на уровне личностных контактов; в широком – исследование взаимодействия арктической и индустриальной цивилизаций, что означает изучение целого комплекса вопросов, начиная с экологии и заканчивая проблемой сохранения археологических памятников. В данной статье я буду говорить о практических аспектах проблемы взаимоотношений, что предполагает как узкий, так и широкий взгляд на предмет. При подготовке статьи в качестве основных источников использовались документы Международного форума нефтяной промышленности по разведке и добыче, ряд юридических документов, в частности Принципиальное соглашение правительства Канады и нанавутских территорий и Окончательный договор с инуиалутами, работы зарубежных и отечественных исследователей, материалы прессы.

Общие принципы и предмет регулирования

Многолетний опыт борьбы коренных народов зарубежной Арктики за свои права привел к впечатляющим результатам. Те договоры, о которых я упомянул, детально прописывают всю процедуру подготовки соглашений по поводу индустриального освоения территории и опираются на следующий главный принцип: “признание за коренным населением и реализация им права на сохранение традиционного жизненного уклада, культуры, ценностей и использование ресурсов, включая землю, прочие природные ресурсы и их продукты, а также обеспечение неприкосновенности святынь и археологических памятников, с одновременным удовлетворением запросов в сфере здравоохранения, образования и социально-экономического развития” Предметом регулирования являются проблемы отвода земель под освоение и их рекультивации, весь комплекс проблем, встающих перед коренным населением с началом промышленной разработки месторождений, в том числе занятость, развитие образования и здравоохранения, состояние традиционной духовной и материальной культуры и т.д. При этом все вопросы регулирования самым тщательным образом прописываются, чтобы избежать каких-либо спекуляций.

Не менее важен вопрос о субъектах, которые непосредственно вовлечены в процессы регулирования. За рубежом, как правило, в качестве субъекта со стороны коренного населения выступает корпорация, как, например, Инуиалутская земельная администрация (ИЗА). Это позволяет избежать дробления сил, сделать требования к компаниям более весомыми и, что весьма существенно, использовать впоследствии получаемую прибыль в интересах всего населения данной территории.

Поскольку работы, связанные с разведкой на наличие нефти и газа и их добычей, могут иметь отрицательное воздействие на природу территории, населенной коренными жителями, нефтяными компаниями разработаны четкие компенсационные механизмы. Так, на Аляске помимо того, что ведется серьезная работа по защите окружающей среды, нефтяники создали совместно с корпорациями коренного населения специальный фонд, формируемый за счет 30% доходов от нефтедобычи, который только пополняется, но не тратится³. Дивиденды, полученные от вложения капитала фонда, распределяются в виде компенсаций между коренными жителями (в год около 1 тыс. дол. на человека). Правда, необходимо отметить, что основные средства фонда не инвестируются в экономику Аляски, а используются главным образом на финансовых рынках.

Очень важно, что корпорации коренного населения имеют реальное право вето при переговорах с нефтяными компаниями. Приведу один весьма показательный пример, касающийся процедуры получения компанией LASMO права на разработку одного из месторождений в Канаде. PR-компания, отвечавшая за рекламные и пропагандистские мероприятия, с самого начала отдавала себе отчет в том, что от отношения местного населения к проекту зависит победа или поражение, и исходя из этого была построена стратегия проведения переговоров с полномочными представителями местного населения. Как и следовало ожидать, только всесторонний учет интересов местного населения, связанных прежде всего с экологией и традиционными занятиями, позволил компании начать разработку месторождения⁴. Если же мы обратимся к российскому опыту, то в той же Эвенкии в конкурсной комиссии по проведению тендера не было облаченных доверием представителей коренного населения. Мало спасало положение и то, что глава комиссии, заместитель главы окружной администрации, был эвенком по национальности.

Еще один, не менее важный аспект: за рубежом существуют четкие правила проведения тендеров и выдачи лицензий на право освоения нефтяных и газовых месторождений. Что касается России, то, по мнению отечественных экспертов, в сознании местного руководства устоялось представление о том, что конкурс (тендер) на право разведки и последующего освоения месторождений – это одновременно и панацея для решения всех социальных вопросов. Но сколь губительной может оказаться практика чрезмерных требований в адрес фирмы-инвестора, показывает пример с консорциумом “МММ” (не путать с финансовой пирамидой). В свое время он чуть было не отказался от проекта освоения нефтяных богатств сахалинского шельфа, после того как администрация области определила ему произвести непрофильных работ почти на 10 млрд дол.

Российским властям скорее всего придется выработать единую схему, которая обозначит пределы “попутных” требований при тендере. Предполагается включать сумму, выплачиваемую на основании таких требований, в бонус (предварительные выплаты перед конкурсом, обязательные для каждого участника). Это позволит ограничить запросы: если они будут чрезмерными, под угрозой окажется и сам конкурс. Кроме того, логично было бы сделать решение социальных вопросов не условием, а критерием в тендере. Местная администрация может представить потенциальным инвесторам проблемы региона, а инвесторы, в свою очередь, – предложить конкретные решения. Лучшее решение будет дополнительным плюсом соискателю, но не фактором, заранее определяющим мнение тендерного комитета.

Вопросы непосредственного регулирования

Прежде всего, есть четкое понимание того, что приезжие рабочие никак не заинтересованы в развитии северной территории. Этот вопрос еще обозначается как местный вариант глобальной проблемы “Север–Юг”. Зарубежные исследователи, например, указывают: власти осознали, что рабочие, приехавшие в арктические регионы на время, не имеют по отношению к ним никаких социально-экономических обязательств, заработанные деньги они обычно кладут в банк или помещают в инвестиции на предприятиях южных районов.

В качестве примера того, насколько детально прописаны проблемы, возникающие в ходе освоения, приведем основные принципы действия компаний при заключении договоров о разведке и добыче, зафиксированные в документах Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП) и Международного форума нефтяной промышленности по разведке и добыче. Значимость этих документов обусловлена прежде всего тем, что они подготовлены на основе Соглашения о сотрудничестве в рамках стратегии по защите окружающей среды в Арктике, достигнутом восемью арктическими государствами на совещании в Рованими (Финляндия) в 1991 г., а также тем, что следование данным правилам и нормам является критерием для Всемирного банка при выдаче кредитов нефтегазодобывающим компаниям.

Четко очерчивается круг проблем, встающих перед коренным населением и местными властями при начале нефте- и газодобычи на данной территории и обозначаемых как “формы воздействия в социальной сфере после начала освоения”. Это, во-первых, состояние системы землепользования, включая сельское хозяйство, рыболовство, лесное хозяйство и охоту, непосредственно (в результате отвода земель) или косвенно (в результате строительства новых подъездных дорог) испытывающие на себе последствия начала нефте- или газодобычи; во-вторых, рост численности населения (в результате иммиграции или местных миграций); в-третьих, изменение социально-экономических показателей (занятость населения, разница в оплате труда, доходы на душу населения, инфляция, налоги, плата за жилье, доход в форме роялти); в-четвертых, социально-культурные институты (социальная структура, обычаи и верования); в-пятых, наличие и доступность услуг в социальной сфере (жилье, здравоохранение, образование).

Очевидно, что воздействия в социальной сфере могут быть отрицательными или положительными в зависимости от длительности проводимых в регионе работ, связанных с нефте- и газодобычей, структуры местного населения, характера и объема работ. Например, освоение может привести к увеличению занятости населения или способствовать субсидированию программ в области образования или регионального развития. Однако могут возникнуть и трудности, если цели, связанные с разработкой месторождения и добычей ресурсов, вступают в конфликт с существующими планами по защите природы или развитию региона. Аналогичным образом рекреационное значение или ценность арктических и субарктических регионов с точки зрения туризма могут уменьшиться в результате разработки нефтяных и газовых месторождений и строительства промысловых объектов, а с другой стороны, они могут повыситься благодаря наличию дорог и спасательных служб.

Исходя из этого в социальной и культурной сферах признается необходимым

- избегать несоблюдения существующих форм земле- и ресурсопользования, а также нарушения прав доступа к ресурсам;
- осуществлять научно обоснованные программы рекультивации использованных земель, что позволит снова ввести их в традиционный хозяйственный оборот;
- поставить под контроль доступ к местным ресурсам и их эксплуатацию со стороны приезжих рабочих всех категорий;
- поставить под контроль иммиграцию и внутренние миграции;
- помочь местному населению освоиться с последствиями разработки месторождений;
- избегать противоречий программам местного или регионального развития, а также планам охраны окружающей среды⁴;
- по мере возможности и необходимости разрешить присутствие приезжих рабочих только в установленных границах, включая подъездные пути.

Вообще, вопросы использования приезжих работников и их нахождения на территории также специально оговариваются и детально прорабатываются. В частности, в документах МСОП настоятельно рекомендуется, чтобы на всех стадиях разработки начиная с сейсморазведки и вплоть до ликвидации месторождения рабочие нефте- и газодобывающих предприятий и подрядчики строго придерживались запрета на охоту, не причиняли беспокойства диким животным и не кормили их. В этой связи необходимо держать под контролем как рабочее время, так и время отдыха. Приезжие работники должны находиться в четко определенных границах месторождения и подъездных дорог, а также, при необходимости, быть изолированы от местного населения.

Не менее красноречивым примером того, насколько детально прорабатываются вопросы регулирования неизбежного при индустриальном освоении Севера техногенного воздействия на природную среду и социальную сферу жизни коренного населения, является Принципиальное соглашение правительства Канады и нанавутских территорий. В частности, информация, которая должна содержаться в проекте разработки месторождения, представляемого на экспертизу в комиссию по экологии, обязательно включает в себя

- описание проекта, в том числе обозначение целей и обоснование необходимости разработки;
- оценку предполагаемого при реализации проекта воздействия на экологическую и социально-экономическую среду;
- оценку предполагаемых последствий воздействия на окружающую среду;
- описание мер, которые будет предпринимать компания, ведущая разработку, с тем чтобы избежать неблагоприятного воздействия или смягчить его, включая меры на случай непредвиденных обстоятельств;
- описание мер, направленных на получение оптимальной прибыли от реализации проекта;
- описание мер по возмещению неблагоприятных воздействий, связанных с осуществлением проекта;
- программу мониторинга, который предполагается проводить для определения воздействия на экосистему и социально-экономическую среду;
- указание доли земельных и водных территорий, которые получила или предполагает получить компания, собирающаяся вести разработку;
- описание альтернативных способов реализации проекта и т.д.

Факторы, которые комиссия принимает во внимание, следующие:

- а) будет ли проект повышать и поддерживать благосостояние жителей и общин и при этом учитывать интересы других граждан страны;
- б) будет ли проект наносить чрезмерный ущерб целостности территорий поселений нанавутов;
- в) отражает ли план приоритеты и ценности жителей территории независимых поселений;

- г) каковы меры, которые должна предпринять компания, собирающаяся вести разработку, чтобы устранить вредные воздействия;
- д) каковы меры по возмещению ущерба от реализации проекта;
- е) как будет осуществляться оповещение об исполнении обязательств;
- ж) предлагается ли программа мониторинга для определения воздействия на экосистему и социально-экономическую среду;
- з) каковы меры по восстановлению целостности экосистемы за счет последующего отказа от проекта.

Кроме того, сформулирован ряд вопросов, выносимых на консультацию с органами нанавутов при обсуждении проектов по разработке недр. Эти вопросы касаются

- обучения коренного населения и привлечения его в качестве рабочей силы;
- жилищного строительства, получения жилья и отдыха;
- возможности для нанавутов заниматься бизнесом;
- безопасности, здоровья и гигиены;
- охраны и консервации археологических раскопок и найденных экспонатов, а также сохранения традиционной культуры, в том числе языка;
- доступа нанавутов к спроектированному оборудованию (например, аэродромы и дороги);
- особо важных природоохранных мероприятий;
- судьбы отдаленных поселений;
- связи и коммуникаций.

Сегодня активно обсуждается проблема передачи накопленных населением Арктики ресурсосберегающих технологий представителям индустриальной цивилизации. Очевидно, что не надо понимать эту схему упрощенно – как передачу в ходе непосредственных личных контактов. Речь должна идти о таком взаимодействии, конкретные примеры которого приводились в настоящей статье. Основные принципы подобного взаимодействия должны заключаться в выработке юридических документов, налаживании экологических и социально-экономических процедур проверки того или иного проекта, максимальном учете интересов местного населения, выраженных в виде мнения его компетентных представителей. Согласованное и устраивающее всех компромиссное решение спорных вопросов как раз и позволит совместить интересы коренного населения Севера и потребности развития современной экономики.

Экологическая безопасность освоения нефтегазовых ресурсов является необходимым условием жизнедеятельности арктических регионов – среды обитания коренного населения, крайне уязвимой к антропогенному воздействию. Очень важно проводить согласованную кодификацию нормативно-правовой и законодательной базы, устанавливающей *единые для всех стран Арктического региона принципы индустриального освоения территорий* с точки зрения сохранения природной среды и защиты прав и интересов аборигенных народов.

Примечания

¹ См.: *Иванова Е.* Но вреден Север для меня: Интервью с первым заместителем министра по делам национальностей А.М.Поздняковым // Рос. Федерация. – 1994. – № 22–24. – С.32.

² Окружные ведомости: Приложение к газете “Эвенкийская жизнь”. – 1994. – № 4.

³ См.: *Етылен В.* Указ Президента бойкотируется. А у них? // Северн. просторы. – 1994. – № 4.

⁴ Сегодня. – 1995. – 22 июля.

⁵ В этой связи уместно привести один весьма красноречивый пример: при возведении трансалаяскинского трубопровода строители получили около 2 тыс. различных разрешений, что говорит как о мощи американского бюрократического аппарата, так и о действенной заботе о нуждах территории, поскольку, по наблюдению А.М.Якимова, бывшего главы администрации Эвенкийского АО, построенный трубопровод максимально соответствует экологическим требованиям и нуждам коренного населения (см.: *Якимов А.М.* Аляска делится опытом // Эвенкийск. жизнь. – 1995. – № 22.).

Н.Г.Хайруллина
(г. Тюмень)

ДИНАМИКА ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЮМЕНСКОМ СЕВЕРЕ

От политических и социально-экономических экспериментов, выпавших на долю россиян, больше всего страдают коренные народы Севера. Ханты и манси в начале века вели традиционный образ жизни в гармонии с окружающей их суровой природой. В 20-х годах Советская власть проводила по отношению к аборигенам Севера, которые в то время находились на иных исторических ступенях развития, политику их “встраивания” в систему социалистических преобразований. При этом подчеркивалось, что внедрять новые производственные отношения в традиционный уклад жизни северных народов надо весьма осторожно. Но уже в 30-х годах экономическая политика меняется: вместо постепенных экономических преобразований началось искусственное установление новых социалистических форм хозяйствования, пропагандировались “успехи” приобщения к социализму народностей, стоящих “на исторически низких ступенях” общественно-экономического развития.

Серия политико-экономических кампаний Советской власти явилась жестким фактором эколого-хозяйственных перемен на Западно-Сибирском Севере. В связи с национализацией земли аборигены лишились собственности на хозяйственные угодья, а затем, в годы коллективизации, – собственности на основные средства производства и продукцию. Представители коренных народов Севера стали пополнять ряды беднейшей части населения. В многоотраслевых совхозах в самых плохих бытовых условиях стали жить те, кто был занят в традиционных отраслях хозяйства.

Переломным событием в жизни значительной части аборигенного населения стало принятие в 1957 г. Постановления Правительства “О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера”, в котором наряду с укрупнением колхозов предусматривалось сселение жителей из мелких поселков в крупные, перевод кочевников на оседлость. Реализация этого постановления привела к разрушению еще сохранявшихся внутриобщинных связей и порядка землепользования, массовому отрыву коренных народов от традиционного хозяйства, появлению в поселках слоя люмпенов, росту числа неквалифицированных и малоквалифицированных работников (сторожа, грузчики, уборщицы, разнорабочие) среди представителей народов Севера и т.д.

С конца 60-х годов в связи с освоением нефтяных и газовых месторождений региона резко усилилась ведомственная экспансия, сопровождавшаяся бесконтрольным отчуждением традиционных хозяйственных угодий, нерегулируемой миграцией населения, вытеснением аборигенного населения с традиционных мест проживания. Ликвидация пастбищ, охотничьих угодий, засорение рек и озер привели к изменению привычного образа жизни значительной части хантов и манси, многие из которых оставили традиционную среду обитания.

В период промышленного освоения в городскую местность переехала четвертая часть аборигенного населения. Попав в новую социальную среду, эти люди в большинстве своем одновременно теряли корпоративную поддержку, уходили из-под контроля со стороны общины, но еще не обретали внутренней независимости в мотивации своих поступков, в выборе личной цели. Утратив этнические ценности и ориентиры, они представляли собой промежуточный маргинальный тип: жить в соответствии с усвоенными с детства стереотипами не хотели, но к новой социальной среде не адаптировались. Отвергая негативные стороны жизни в городе, эти переселенцы вместе с тем завидовали его жителям. У них была ностальгия по старой жизни, но возвращаться к ней они не желали. Вот одна из существенных причин широкого распространения алкоголизма и суицида среди северных аборигенов.

В ходе социологического наблюдения, проведенного в марте – июле 1997 г. учеными Тюменского государственного нефтегазового университета совместно с сотрудниками Научно-исследовательского института возрождения обско-угорских народов (г. Ханты-Мансийск) в четырех районах Ханты-Мансийского автономного округа (Березовском, Белоярском, Кондинском, Октябрьском), опрашиваемые аборигенные жители не называли ни одной стороны своей жизни, где бы позитивные перемены преобладали над негативными. Более того, степень неудовлетворенности условиями жизни за последние годы у них значительно повысилась.

Индустриальная модель освоения Севера, действовавшая на протяжении последних трех десятилетий, обеспечила бурный рост экономики этого региона, но в то же время обусловила постепенное падение уровня жизни как пришлого, так и аборигенного населения. Приоритет отдавался перспективным и текущим нуждам промышленности, инвестиции же в “человеческий фактор” делались по остаточному

принципу. Это привело к значительному отставанию показателей развития социальной сферы в местах компактного проживания аборигенов не только от средних показателей по России, но и в большой степени от принятых нормативов.

Начавшийся в России переход к рыночным отношениям обнажил и резко обострил проблемы, годами накапливавшиеся на Севере. Среди них – резкое падение жизненного уровня населения, появление и стремительный рост безработицы, необходимость переоснащения традиционных промыслов, трудности сбыта традиционной продукции, маргинализация аборигенного и пришлого населения, увеличение числа смешанных браков, ускорение процессов этнической ассимиляции и многие другие.

Частным случаем этнической ассимиляции является языковая ассимиляция – полная или частичная утрата родного языка. Родным языком владеют, как правило, люди старшего возраста. Существует прямая зависимость: чем больше в составе аборигенного населения лиц старшего возраста, тем больше в нем и людей, владеющих родным языком. Между тем родной язык – это непереносимое условие существования и развития этноса, признак его самобытности. Именно знание языка является препятствием для быстрой ассимиляции другими культурами, поэтому его необходимо охранять как одно из самых важных достояний этноса.

В результате анкетного опроса, проведенного с участием автора в середине 1997 г. в четырех упомянутых выше районах Ханты-Мансийского АО, выяснилось, что четверть респондентов – представителей аборигенного населения владеют языком своей национальности свободно, каждый десятый опрошенный может разговаривать и читать, 15,6% только разговаривают, а около половины респондентов (48,4%) языком не владеют. Характер выборки позволяет признать долю респондентов, хорошо знающих язык своей национальности, близкой к показателю, справедливому в отношении всего аборигенного населения Ханты-Мансийского автономного округа. Можно также предположить, что представители аборигенных народов, свободно владеющие языком своей национальности, считают его родным.

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в Остяко-Вогульском округе 88,1% хантов, 81,3% манси и 65,1% ненцев считали родным языком язык своей национальности, а по статистическим данным за 1989 г., только 55% хантов, 36,6% манси и 56,6% ненцев, проживающих в округе, назвали родным язык своей национальности. За 50 лет языковой ассимиляции в наибольшей степени подверглись манси (44,7%) и ханты (33,1%), в наименьшей – ненцы (лишь 8,5%).

На основании полученных нами данных следует признать, что ситуация с национальным языком в Белярском и Березовском районах, сравнительно с ситуацией в Ханты-Мансийском автономном округе, в целом в период с 1989 по 1997 г. улучшилась. Иначе обстоят дела в Кондинском и Октябрьском районах: здесь доля аборигенов, считающих язык своей национальности родным, ниже, чем в среднем по округу (соответственно 10 и 26%). Это вызывает серьезные опасения относительно будущего аборигенного населения данных районов.

Анализ степени владения языком в зависимости от уровня образования показал, что чем выше у респондентов уровень образования, тем больше среди них доля лиц, не владеющих родным языком. Им не владеют треть опрошенных (30,2%) с начальным образованием и более чем каждый второй (54,8%) среди имеющих высшее образование. Видимо, это связано с тем, что обучение в вузах велось на русском языке и студенты были отчуждены от духовной культуры своего народа.

Следует отметить и такой факт: родным языком свободнее владеют лица, занятые в традиционных отраслях. Так, им владеют свободно треть опрошенных, занятых охотничьим промыслом и звероводством, более трети (36,4%) занятых рыболовством, 80% – оленеводством, каждый второй, занятый в традиционных промыслах. Среди респондентов, занятых в сфере обслуживания, свободно владеют языком только десятая часть, среди занятых на транспорте – 14%. Соответственно доля респондентов, работающих в традиционных отраслях хозяйства, не владеющих языком, незначительна.

Приведем распределение ответов на вопрос о владении родным языком в зависимости от того, какой вариант дальнейшего развития аборигенного населения предпочитает респондент. Наиболее свободно владеют родным языком те, кто выбирает автономный вариант развития. Соответственно среди них меньше лиц, не владеющих языком. И наоборот, среди тех, кто выбирает европейский путь развития, большинство (60,9%) не владеет языком. Между тем знание родного языка, являющего собой главный компонент этнической культуры, способствующий хранению и ретрансляции духовных ценностей, отражающий менталитет и характер народа, национальные чувства, углубляет у его носителей ощущение принадлежности к своему народу, формирует национальное самосознание, без которого нет самой этносоциальной целостности.

Неоднозначными оказались последствия введения всеобщего среднего образования и обучения детей в школах-интернатах. Дети, выросшие в отрыве от семей, потеряли навыки и интерес к работе в

традиционных отраслях промыслового хозяйства. Не случайно в начале 30-х годов туземное кулачество и шаманы проводили агитацию против учебы детей хантов и манси в школах и открыто выступали против мероприятий тузоветов и культбаз. Основным мотивом было то, что “после учебы молодежь не будет заниматься оленеводством, охотой, ловлей рыбы и даже не будет жить в юртах” Среди опрошенных в ходе нашего исследования 60% респондентов не теряют надежду, что молодежь сможет вернуться к традиционным промыслам, жить, как предки. В то же время каждый десятый опасается, что в пореформенный период молодежь окончательно утратит национальные корни, отвернется от обычаев и жизни своего народа.

Получив полное среднее образование, молодежь коренных национальностей не находит ему никакого применения в традиционных отраслях, где при существующем технико-технологическом уровне нужны в основном традиционные навыки. Количество рабочих мест, требующих среднего образования, в Северном регионе крайне ограничено, при этом нередко они уже заняты приезжими. Кроме того, для прошедших через интернаты, получивших среднее и высшее образование традиционные занятия оказались непрестижными. В поселках подходящей работы для молодых людей со средним и высшим образованием нет, в итоге они пополняют ряды разнорабочих и безработных, превращаясь по сознанию и образу жизни в типичных люмпенов. Те же, кто выбирает работу в традиционных отраслях, часто не могут создать полноценную семью, ибо девушки коренных национальностей, воспитанные в относительно урбанизированной среде стационарных поселений, не хотят выходить замуж за кочевых оленеводов тундры.

В последние десятилетия увеличилось число смешанных браков. Это обусловлено несколькими причинами, среди которых переход на оседлость, трансформация бытового кочевания в чисто производственное. Эти мероприятия нарушили половозрастную структуру кочевых домохозяйств, территориально разобщили потенциальных женихов и невест. Положение усугубилось формированием различий в образовательном и культурном уровнях юношей, ориентированных на оленеводство, и девушек из стационарных поселений.

В условиях, затрудняющих заключение брачных союзов, растет число холостых мужчин и одиноких женщин. Причем уровень брачности у мужчин ниже, чем у женщин, и имеет тенденцию к понижению. По данным З.П.Соколовой, в 50–60-е годы доля смешанных браков в районах компактного расселения хантов и манси составляла 13%, в 1984 г. – 18%, а в местах контактов с другими народами в те же периоды – соответственно 28 и 43%. Согласно нашим данным, в середине 1997 г. доля смешанных браков составила 34,6%, т.е. не превысила уровня 50–60-х годов. Но при составлении таблиц, отражающих взаимное распределение однонациональных и смешанных браков в зависимости от национальности, пола, образования и места проживания респондентов, были получены показатели, которые превышают данные, представленные З.П.Соколовой, до 25%. У ненцев наблюдается наибольшее число однонациональных браков, а у коми – наибольшее число смешанных.

Приток в места традиционного расселения аборигенных народов Севера в период освоения региона инонационального населения, особенно холостых мужчин, существенно повлиял на этническую структуру браков. Многие девушки, получившие воспитание в интернате, оказавшись оторванными от традиционных занятий, быта, жизненного уклада своего народа, боятся или чаще всего не хотят вести прежний, очень трудный образ жизни. Зачастую девушки коренной национальности предпочитают незарегистрированный брак с приезжими мужчинами, работающими в данном регионе. Повсеместно остро стоит проблема невест, уменьшается число заключаемых браков, снижается рождаемость. При этом уровень внебрачной рождаемости у народов Севера очень велик и имеет тенденцию к росту. Многие местные юноши остаются холостяками, в их среде растет алкоголизм, усиливается напряжение в межэтнических отношениях. Удельный вес мужчин, состоящих в браке с женщиной своей национальности, превышает аналогичный показатель у женщин.

В настоящее время аборигены вступают в смешанные браки с представителями различных национальностей, прибывшими на Север, но чаще всего с русскими. Доля браков, заключаемых с русскими, в 5 раз выше, чем доля браков с представителями других национальностей. В межнациональные браки чаще вступают представители аборигенных народов, живущие в инонациональном окружении. Так, доля смешанных браков в Кондинском и Октябрьском районах невелика – соответственно 27,8 и 23,5%, а в Белоярском и Березовском районах она выше почти в 3 раза – соответственно 59,6 и 66,7%.

В смешанные браки чаще всего вступают те, кто имеет более высокий уровень образования. Так, если у лиц без образования доля смешанных браков составляет 40%, с начальным образованием – 47,4%, то у имеющих среднее специальное образование – 68,3%, высшее – 71,4%. В смешанных браках состоят чаще работники непроемственной сферы – учителя, медики, работники учреждений культуры, органов

власти, сферы обслуживания, воспитатели детских учреждений и др. Удельный вес смешанных браков среди работников дошкольных учреждений составляет 62,5%, среди работников сферы образования, культуры, органов власти он достигает 75%, среди работников производственной сферы – 57,1%. У лиц, не занятых в настоящее время в общественном производстве, доля смешанных браков составляет 58,9%. Занятые в традиционных промыслах вступают в смешанные браки реже. Доля таких браков в этой группе наименьшая: 55,6% – среди занятых в звероводстве, 50% – в традиционных промыслах, а среди занятых в оленеводстве смешанных браков не зафиксировано совсем.

Уровень брачности ниже у лиц, не имеющих образования (52,9%) и имеющих начальное образование (37,7%). С повышением уровня образования респондентов повышается и уровень брачности. Так, у имеющих среднее специальное образование, уровень брачности составил 66,3%, а высшее – 71,4%. Относительно места жительства уровень брачности ниже в Белоярском, Кондинском и Октябрьском районах (соответственно 27,9, 30,9 и 28%), а самый высокий уровень брачности у респондентов Березовского района – 80%. В отношении же национальности самый низкий уровень брачности наблюдается у манси (29,4%) и коми (29,4%), а самый высокий – у ненцев (86,7%). Уровень брачности у женщин – 28,3%, у мужчин он составил 27,2%. Среди женщин несколько больше разведенных, чем замужних. При этом, по нашим данным, разводы отсутствуют у лиц без образования, а также у представителей коми и ненцев.

Для культуры аборигенных народов Севера сопоставимым по значимости фактором является сохранение национальных обычаев, обрядов. В ходе проведенного автором в марте – мае 1998 г. опроса экспертов выяснялась оценка степени реальной опасности для аборигенных народов Севера утратить свою национальную самобытность. Четверть экспертов считают, что такая опасность существует, но не стоит ее преувеличивать, а среди самих аборигенов – участников анкетного опроса этого же мнения придерживается каждый пятый. Тех, кто полагает, что такая опасность вполне реальна, втрое больше как среди экспертов (70%), так и среди аборигенного населения (60%). Как видим, практически все эксперты солидарны в том, что все-таки определенная опасность для будущего аборигенных народов существует. Только один эксперт заявил, что такой опасности нет. В то же время каждый десятый участник анкетного опроса затруднился дать какую-либо оценку и столько же респондентов никогда об этом не задумывались (среди экспертов таких нет).

Для выяснения факторов, заключающих в себе опасность для будущего существования аборигенных народов Севера, экспертам было предложено выбрать из нескольких вариантов ответов три, соответствующих основным из этих факторов. Наиболее значимым фактором, по мнению большинства экспертов (71,8% ответов), является “разрушение природной среды обитания под воздействием промышленного освоения”, далее были названы “утрата национального языка” и “утрата национальных традиций, обычаев” (соответственно 55 и 61,8%). Кроме того, треть экспертов считают, что весьма опасны для аборигенных народов рост пьянства и алкоголизма. В то же время “широкое распространение межнациональных браков” и “снижение интереса к труду в традиционном хозяйстве”, по мнению экспертов, такой опасности в себе не заключают. Однако, на наш взгляд, эти факторы наряду с вышеперечисленными неизбежно приводят к маргинализации как этнического, так и иноэтнического населения Севера.

Между тем за последние два года условия для сохранения национальных обычаев и обрядов ухудшились, – это отметили от 13,5 до 19,2% опрошенных в зависимости от района проживания. Игнорирование же этнокультурных особенностей на фоне происходящих изменений в образе жизни привело к тому, что самобытная культура аборигенных народов Севера в настоящее время продолжает ассимилироваться промышленной культурой.

Важнейшим индикатором, отражающим национальное самоопределение аборигенов, является оценка путей их дальнейшего развития. В ходе анкетного опроса, проведенного в середине 1993 г., треть респондентов ответили, что хотели бы, чтобы их дети жили на своей земле, соблюдая обычаи предков, но при этом пользовались всеми благами цивилизации. Половина опрошенных высказали мнение, что аборигены должны жить так же, как представители других национальностей (сторонники “европейской” модели). Лишь 14% аборигенов полностью отвергают чуждую им цивилизацию и выбирают образ жизни предков без всякого вмешательства и изменений (сторонники автономного развития). Аналогичные данные были получены и в ходе анкетного опроса, проведенного в середине 1995 г. А в 1997 г. мнения респондентов уже существенно отличались. Теперь приверженность традиционному образу жизни выразили только 8% респондентов, тогда как в 1993–1995 гг. их доля составляла 14%. Почти в 2,5 раза увеличилась доля тех, кто отрицает приоритетность национального самосознания (в 1993–1995 гг. их было 50%, а в 1997 г. – 21%). В национально-культурном отношении они могут представлять собой группу этнических маргиналов.

В отношении будущего развития аборигенных народов Ханты-Мансийского автономного округа в условиях происходящих перемен следует помимо задачи простого выживания аборигенов ставить более широкие задачи. Это прежде всего разработка механизмов адаптации к социальным переменам, ограничение неблагоприятного воздействия на северную природу, эффективное использование духовных ценностей традиционных этнических культур.

Примечание

* См.: Судьбы народов Обь-Иртышского Севера // Из истории национального государственного строительства. 1822–1941 гг.: Сб. документов. – Тюмень, 1994. – С. 206.

Е.Г.Корнильцева, В.В.Лысенко
(г. Сургут)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ОБСКОГО СЕВЕРА

Для изучения социально-экономической ситуации и межэтнических отношений в Ханты-Мансийском автономном округе социологами Сургутского госуниверситета совместно с сотрудниками сектора этнокультурных исследований Института философии и права СО РАН в июле-августе 1997 г. проводился социологический опрос на территории трех районов – Березовского, Октябрьского и Ханты-Мансийского. Затрагивался достаточно широкий круг вопросов. В данной статье мы остановимся прежде всего на проблемах занятости и безработицы, коснувшихся практически всех социальных слоев, и проблемах семьи и брака, а также состоянии и динамике институтов этнической идентичности.

Результаты исследования выявили следующую картину занятости. Среди работающих в промышленной сфере доля русских (31,4%) значительно превышает долю представителей народов Севера (17,2%), что объясняется большим количеством дипломированных специалистов производства у русских и низким образовательным уровнем у аборигенных народов. К тому же кочевой образ жизни некоторых семей делает практически невозможным постоянное трудоустройство. По понятным причинам в промысловом хозяйстве доля русских меньше, чем доля хантов и манси – соответственно 8,3 и 12,4%. Из опрошенных русских ни один не оказался связанным с оленеводством, изготовлением сувениров, звероводством и переработкой пушнины. Только 5% из них занимались охотой и рыболовством.

Среди занятых в системе транспорта и связи доля русских (6,3%) незначительно превышает долю лиц из числа народов Севера (4,4%). Занятость последних в сфере торговли и бытового обслуживания почти такая же, как у русского населения. Однако у лиц коренной национальности больше доля работающих в области здравоохранения, социального обеспечения, просвещения и культуры (43,2% против 32% у русских). В органах управления задействовано русских в 1,5 раза больше, чем хантов и манси, что, в свою очередь, опять связано с уровнем образования. Ориентация на сельскохозяйственный труд у представителей северных этносов почти в 3 раза выше по сравнению с русскими.

Таким образом, у аборигенных народов Обского Севера выше процент занятых в промысловой и сельскохозяйственной отраслях, в просвещении, здравоохранении, культуре, а русские отдают предпочтение работе в промышленности и управленческих структурах.

Проанализировать динамику в профессиональной деятельности у коренных жителей Севера и русского населения можно путем сопоставления структуры занятости респондентов и их родителей. Традиционными видами труда – оленеводством, охотой, рыболовством, звероводством – были заняты 61,6% родителей опрошенных хантов и манси. За последние десятилетия число лиц, задействованных в традиционных для народов Севера отраслях, снизилось почти в 3 раза (по указанным трем районам). При этом несколько возросла доля русских, занятых в этих отраслях. Если в поколении родителей она составляла 6,6%, то на период проведения опроса произошло увеличение до 8,3%. Достаточно ярко прослеживаются различия между аборигенным и русским населением, занимающимся рыболовством и охотой. В группе родителей хантов и манси охотников и рыболовов было в 7 раз больше по сравнению с русскими – соответственно 43,9 и 6,1%. В настоящее время этот разрыв сократился и составил 12,4% у аборигенов против 8,3% у русских.

Необходимо отметить, что в условиях экономической и финансовой нестабильности промышленное хозяйство для северных этносов и русских имеет одинаковую значимость, поскольку, как отмечают респонденты, дает больше возможностей прокормить себя и свои семьи.

Что касается уровня образования, то 50% родителей аборигенов Севера имели начальное образование или вообще были неграмотными. У родителей русских респондентов положение в этой области было лучше.

Включение Севера в рыночные отношения, приватизация предприятий, распад хозяйственных связей привели к резким изменениям в структуре занятости его населения. Падение производительности труда, сокращение штатов, выпуск неконкурентоспособной продукции обусловили рост безработицы. В промышленности доля безработных русских оказалась в 2 раза выше по сравнению с долей безработных из числа коренных жителей (23,6 против 11,3%). Подобная ситуация наблюдается также в сферах транспорта, связи и управления. Это неудивительно, поскольку, как отмечалось выше, русских в производстве и управлении занято больше. Особенно сильный разрыв выявился среди занятых в сельском хозяйстве, где лишились работы 13,4% хантов и манси, и только 1,8% русских.

С одной стороны, теряют работу лица трудоспособного возраста. С другой – они могут найти себе место, связанное с неквалифицированным трудом. Но попытки избежать снижения статуса ведут к увеличению срока безработицы и преобладанию депрессивного настроения. Спрос на рабочую силу практически не регулируется, профессиональная переподготовка кадров не ведется. Некоторые из уволенных начали заниматься челночным бизнесом, но удельный вес их в общей массе невелик. Опрошенные отмечали, что в основном им помогает выжить собственное подсобное хозяйство, которое в селах имеется почти у каждого.

Более половины респондентов отнесли безработицу к самым острым проблемам, стоящим перед жителями их поселков. Вопросы трудоустройства волнуют как представителей северных этносов (61,3% ответов), так и русских (52,3%).

Проблема безработицы тесно связана с другой, не менее разрушительной по своим социальным последствиям, – проблемой пьянства. Ее выделили 57,5% опрошенных из числа аборигенов и 65,5% русских. Респонденты отмечают моральное разложение, особенно среди молодежи, рост смертности, что обусловлено снижением уровня жизни и падением значимости нравственных норм. Многие аборигены Обского Севера страдают алкогольной зависимостью. Это плачевное положение усугубляется еще и тем, что за товары или услуги с ними предпочитают расплачиваться спиртным.

Серьезной проблемой для жителей северных поселков являются задержки в выплатах заработной платы. На это указали 41,5% опрошенных из числа представителей аборигенного населения и 46,7% русских.

На следующем по значимости месте стоит проблема загрязненности окружающей среды (соответственно 34,5 и 30,1% ответов). На Севере она приобретает особенно острый характер, поскольку добыча нефти в этом регионе сопряжена с экологической опасностью, а восстановление северных экосистем требует длительного времени.

Напряженность в межнациональных отношениях как одну из проблем, актуальных для северных поселений, отметили 1,8% респондентов из числа северных народов и 3,2% русских. Во время проведения опроса люди высказывали мнение, что конфликты провоцируются в основном введением льгот для лиц коренных национальностей. Русские, несколько поколений предков которых проживали в этих же местах и которые сами родились здесь, не обладают правами ни на охотничий и рыбный промысел, ни на родовые угодья. Подобная дискриминация обуславливает межэтническую напряженность. Тем не менее далеко не везде она принимает выраженный антагонистический характер.

Изменить ситуацию в округе можно, лишь решив перечисленные проблемы в общероссийском масштабе.

Осознание собственной включенности в этническую общность существенно влияет на жизненный путь человека, его установки и идеалы. Кризис этнического самосознания сказывается подчас на его судьбе самым роковым образом. Поэтому в области межэтнических отношений первоочередной интерес представляет оценка человеком факта своей принадлежности к определенной этнической группе.

Из 1003 опрошенных в ходе нашего обследования одна половина записаны в паспорте как представители северных этносов, а другая – как русские. Однако распределение ответов на вопрос: “Как вы сами для себя, а не просто по паспорту, определили бы свою национальную принадлежность?” – явило картину, весьма отличную от документальных данных. Среди опрошенных аборигенов 94,9% считают себя хантами и манси, 2,6% – русскими. Среди русских же респондентов 52,9% ощущают свою принадлежность и к народностям Севера, что говорит о менее остром переживании русскими своей национально-этнической идентичности.

Свободная транскulturация сама по себе может свидетельствовать как о глубоком разочаровании в перспективах собственного этноса, так и, наоборот, о не менее глубокой уверенности в его деятельных силах и жизнеспособности. Конечно, следует учитывать тот факт, что самооценка детерминирована воспитанием, образованием, профессией, актуальной социокультурной средой – иными словами, всеми элементами социализации. Причем эта самооценка не является величиной постоянной, она весьма подвижна. Проживая в национально-смешанных поселениях, человек соотносит себя с этнически разнородными соседями. После переезда на другое место жительства его мировоззрение (мироощущение) может существенно трансформироваться.

Между социальным положением респондентов, с одной стороны, и их этническим самочувствием – с другой, устойчивой корреляции не прослеживается, что еще раз свидетельствует об универсальном характере рассматриваемой проблемы.

Важным фактором идентификации является тип семьи. Среди опрошенных из числа представителей народов Севера свыше 80% имеют родителей, принадлежащих к одной и той же этнической группе. У 10,9% аборигенов один из родителей русский. Среди русских респондентов 14,6% имеют мать или отца хантов (манси). Отсюда видно, что “слухи” о генетическом “взаимопроникновении” двух основных северных этносов, мягко говоря, сильно преувеличены.

Однако исходя из распределения ответов на вопрос о возможном вступлении в брак с лицом другой национальности можно с уверенностью утверждать, что процесс идет в вышеуказанном направлении, во всяком случае для этого нет видимых препятствий. Одобрительно (“ибо различие национальностей в данном случае не имеет значения”) отнеслись к перспективе межэтнического брака подавляющее большинство опрошенных (76,9%). Еще более очевидным и неслучайным такое отношение делает почти полное равенство этнических долей (в парном распределении): поощряют смешанные браки 79% представителей народов Севера и 76% русских. Всего 3,6% респондентов считают подобные браки нежелательными (русских и аборигенов в этой группе тоже поровну). Затруднившиеся ответить (4,4% от всех опрошенных, из них представителей северных народов чуть больше) могут быть отнесены, по крайней мере, к тем, кто “не стал бы возражать” (13,2%, среди них русских – 14,3%, представителей коренных этносов – 12,2%). Если к тому же учесть, что “другие ответы” (1,1% и у русских, и у аборигенов), по сути, являются непрямым выражением положительного отношения (“лишь бы человек был хороший” и т.п.), общая картина окажется более чем однозначной: межэтнические браки фактически являются нормой жизни в национально-смешанных поселениях¹, выраженной тенденции к этнической изоляции не просматривается (что, помимо прочего, говорит об отсутствии острых межнациональных противоречий).

Семья как институт идентичности утрачивает традиционный консерватизм, подчиняясь драматической социально-экономической и общекультурной динамике. Если еще несколько лет назад детей от смешанных браков предпочитали записывать как русских (принадлежность к “суперэтносу” в глазах большинства давала, как минимум, стартовые преимущества), то сегодня мы наблюдаем усиление обратной тенденции – преобладание перехода в группу северных народностей (в смешанных семьях данный показатель составил более 70%), что искусственно увеличивает численность данных народностей. Главной причиной этого является проводимая достаточно последовательно (хотя и не без издержек) протекционистская политика. Можно предположить, впрочем, что уже в ближайшее время маятник предпочтений вновь качнется в противоположную сторону (вследствие сворачивания и снижения эффективности целевых социальных программ).

Сегодня, когда политическая и экономическая жизнь государства являет собой лавинообразно нарастающий хаос, семья оказалась едва ли не последним и единственным островком стабильности и гарантированности человеческого существования. Потрясения эпохи, проходя через призму традиционных семейных ценностей и смыслов, утрачивают свою разрушительную для личности силу и даже зачастую принимают конструктивные, жизнеутверждающие очертания. Однако нельзя не заметить, что этот защитный слой в последнее время местами истончился до опасного предела, за которым – необратимость дезинтеграционных процессов.

По отношению к северным национально-смешанным поселениям сказанное выше верно вдвойне. Практически все негативные последствия социально-экономических реформ принимают здесь, в силу человеческой и природной специфики, наиболее болезненный и затяжной характер. Всеобъемлющий кризис не обошел стороной и область семейных отношений.

Как “очень хорошие” или “в целом хорошие” оценили отношения, сложившиеся в собственной семье, 73,9% респондентов, причем представителей народов Севера и русских в этой группе оказалось примерно поровну. “Не очень хорошими”, “трудными” или откровенно “плохими” назвали отношения в семье 21,1%

опрошенных. Распределение ответов и здесь не выявило этнической специфики, что объясняется прежде всего всепроникающим характером актуальных проблем, а также широким распространением смешанных браков. Затруднились ответить 5% респондентов. Подобное “затруднение” недвусмысленно указывает на имеющиеся внутрисемейные противоречия. Несмотря на последнее обстоятельство, общая ситуация представляется более или менее благополучной. Но это лишь на первый взгляд.

Распределение ответов на вопрос об “актуальных проблемах семейной жизни”, “причинах разногласий, ссор и разводов” (непосредственно следующий за предыдущим и во многом контрольный по отношению к нему) дает малоутешительную картину. В качестве главной причины всевозможных семейных неурядиц, перевесившей все прочие вместе взятые, 71,4% от числа всех опрошенных выделили пьянство и алкоголизм, 2,5% респондентов под “другими причинами” подразумевают, как правило, проблемы, прямо или косвенно связанные со злоупотреблением спиртными напитками. Таким образом, первоначальная оценка состояния семейных отношений оказалась на поверку существенно завышенной: семьи, в которых живут пьяницы, не говоря уже о хронических алкоголиках, не могут считаться благополучными.

Как фактор, определяющий семейный микроклимат, 33,6% опрошенных указали нехватку денег. Доля аборигенов в общем составе давших такой ответ несколько ниже, что обусловлено их меньшей зависимостью от денежных доходов и традиционно аскетическим образом жизни.

Собственно психологические проблемы отступают на второй, если не на третий, план (“слишком разные характеры” – 17,9%, “недостаток внимания со стороны супруга (супруги)” – 10,2, “ревность” – 8,5%), “проваливаясь” в социально-экономические и общекультурные разломы и разрывы.

Этническая специфика также претерпевает эрозию, обусловленную обострением и интернационализацией проблем выживания. “Незнание национальных обычаев друг друга у супругов разной национальности” в качестве одной из возможных причин разводов назвали лишь 2,8% участвовавших в опросе. Распределение по данной и вышеуказанным позициям этнически не акцентировано.

И этнические, и морально-психологические особенности проявляются более отчетливо в ответах на вопрос: “Чем стала для вас ваша семья?” По сути, это тот же вопрос об отношениях в семье, но с преимущественной направленностью на субъект оценки. Если в первом случае семейные отношения рассматривались и характеризовались определенным образом как бы со стороны, а критерием выступал некий довольно абстрактный идеал, то теперь главным и чуть ли не единственным мерилom оценки становятся самоочевидное (как непосредственно данное) для индивида чувство и соответствующее ему ощущение комфорта (или дискомфорта) во внутрисемейном пространстве.

Отсюда вытекает более реалистичная (и потому менее благостная) картина распределения ответов. Такие ответы, как “мой дом – это моя опора и поддержка в жизни”, “весь смысл моей жизни – в семье, в детях, заботе о них”, дали 56,1% от числа всех опрошенных (61,9% русских и 50,3% аборигенов, что указывает на относительно меньшую удовлетворенность последних своей семейной жизнью); “это просто крыша над головой, надо где-то жить” – 13,2% (соответственно 8,1 и 18,3% – здесь неудовлетворенность представителей народов Севера становится еще более очевидной, и объясняется она отнюдь не завышенными требованиями к партнеру по браку или самому себе)²; “другое” (в основном – вариации на негативную тему) – 1,1% (этнические доли примерно равны); затруднились ответить 29,6% (аборигенов среди них чуть больше половины).

Неспособность почти трети респондентов ответить на элементарный, казалось бы, вопрос не случайна и может быть интерпретирована вполне однозначно: институт семьи и брака в значительной степени деморализован и ситуация, очевидно, продолжает ухудшаться. Некоторые причины углубляющегося кризиса в сфере семейных отношений были указаны выше. В добавление к ним можно отметить проблемы, связанные с катастрофическим падением уровня и качества жизни (имеются в виду не только абсолютные показатели, но и чуть ли не в большей степени экзистенциальная инфляция – утрата последних надежд на лучшее, а значит, и какой-либо жизненной перспективы).

Неблагоприятный в целом прогноз отчасти смягчается известной устойчивостью комплекса востребованных в семейной жизни индивидуально-психологических черт. Распределение ответов на вопрос о предпочтительных характерологических особенностях и склонностях партнера по браку демонстрирует тяготение большинства опрошенных к традиционализму и консерватизму в семейно-бытовой сфере. “Новые рыночные” городские добродетели: “умение зарабатывать деньги”, “ум, творческие способности”, “умение добиваться успеха, известности в обществе” – не выдерживают здесь конкуренции с реликтами аграрного общинно-патриархального уклада. Поэтому наиболее предпочтительными оказались такие качества души, как “верность” (31,9% ответов; русских, отметивших это качество, больше примерно на треть, что во многом объясняется менее дифференцированным характером ценностных приоритетов у

представителей северных этносов), “уступчивость, миролюбие, доброта” (29,9%; распределение ответов в этом и последующих случаях этнически не специфично), “терпение, умение сносить трудности” (28%), “забота о детях и стариках” (26%).

Среди затруднившихся ответить (11,9% от всех опрошенных) аборигенов почти вдвое больше, чем русских (15,1 и 8,7% соответственно), что вполне коррелирует с их сравнительно меньшей удовлетворенностью семейной жизнью, с одной стороны, и преобладанием нереплексивно-созерцательной позиции (установки) по отношению к миру – с другой. Последнее во многом объясняет меньшую склонность представителей северных этносов к личностному выделению и самовыражению. Как свидетельствуют результаты опроса, индивидуалистические ценности имеют второстепенное значение и в мировоззренческой системе, и в повседневной семейной жизни аборигенов Обского Севера.

Примечания

¹ Уровень брачности при этом, конечно, существенно варьирует в зависимости от демографической категории и типа поселения.

² “Молодым людям из народов Севера зачастую достаются (или остаются) в жены не лучшие представительницы своего этноса... зачастую пьющие. Будучи не в состоянии найти себе достойную подругу и продолжить род, многие представители северных этносов как бы теряют смысл жизни” (Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур. – Новосибирск, 1996. – С. 107).

С.М.Томышев
(г. Абакан)

К ПРОБЛЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

В конце XX столетия, как и в его начале, перед Россией стоит острая проблема создания новых отношений с составляющими ее субъектами, включая национальные. За десятилетия существования многонационального государства основные межнациональные противоречия так и не были разрешены.

Кардинальные изменения, начавшиеся в нашей стране, сказались и на развитии ее исторической науки. Происходят переосмысление национального вопроса, освобождение от идеологизированных трактовок национальных противоречий 20–30-х годов. Исследователи получили возможность высказывать мысли, ранее считавшиеся запретными. Настоящая статья представляет собой попытку посмотреть на проблему образования некоторых современных тюркоязычных народов Южной Сибири с позиций представителя тюркской народности, с позиции, которая и сейчас рассматривается как националистическая.

В тюркскую группу народов Южной Сибири принято объединять по языковому признаку ряд современных народов России, проживающих в Саяно-Алтайском географическом регионе. Известно, что до 1917 г. у коренных нерусских жителей Сибири отсутствовали административные единицы. Национальная политика в этом отношении привела к исключению из сознания аборигенов даже названий самих народов. Их официально именовали “туземцы”, но чаще “инородцы”. Инородцев, в свою очередь, делили просто на оседлых, кочевых и бродячих. Юридически и практически аборигены Сибири были лишены прав собственности, в том числе на земли предков, и права на родной язык. Русскоязычное население всех инородцев чаще называло монголами, татарами, турками и т.д.

Интересующие нас группы населения в литературе фиксировались, по-видимому, по территориальному признаку: инородцы урянхайские, ачинские, минусинские, алтайские, кузнецкие и др. Вероятно, в среде российской, в том числе инородческой, интеллигенции не было единого мнения о происхождении аборигенов Сибири и их принадлежности к какому-то народу. Тем не менее ряд российских ученых все-таки имели сведения об азиатских народах, об истории присоединения их к России, об их языках, жизни, быте, мировоззрении.

В академическом издании “История Сибири”, представляющем официальную советскую историографию, сообщается, что 1 июня 1921 г. ВЦИК принял постановление об образовании Ойротской автономной области, в августе 1921 г. образовалась Тувинская Народная Республика, 22 ноября 1922 г. Енисейский губисполком постановил ходатайствовать перед ВЦИК о выделении самостоятельной административной единицы – Хакасского уезда, и в 1923 г. он был образован, в августе 1925 г. был выделен Горно-Шорский национальный район¹. Считается, что именно в советское время, в период

утверждения новой власти, коренные нерусские жители Южной Сибири получили национальную автономию. События трактуются как начало формирования новых народов – тувинского, алтайского, хакасского, шорского. Однако в Сибири существовали группы аборигенов, которые не получили в те годы статуса народа. Это – кумандинцы, телеуты, тофалары, чулымские тюрки, енисейские качинцы, енисейские кызыльцы и ряд других. Позже некоторые из них были дифференцированы как этнографические группы, относящиеся к южным тюркам, но, например, чулымские тюрки и сейчас не отнесены к какому-либо народу.

Обратимся к уже упомянутой “Истории Сибири” “В 1922–1925 гг., – говорится в этом труде, – среди национальной интеллигенции Южной Сибири высказывалось мнение об объединении Хакасии, Горного Алтая, Шории и Тувы в одну Тюркскую Советскую Республику. Это было совершенно нереальным делом и только использовалось националистическими элементами. Невозможно было объединить в одну административную единицу различные народы, отличающиеся экономическими и бытовыми особенностями и изолированные друг от друга горными хребтами”². В качестве националистических элементов авторы, вероятно, рассматривают ту часть нерусского и русского населения Сибири, которая не понимала, не могла или не желала понимать предложенные реформы в области культуры, быта, образа жизни и особенно управления. Конечно, как всегда в России, такие элементы возглавлялись интеллигенцией. Что касается экономических и бытовых особенностей тюркских народов, то это, по-видимому, характеристики такого же рода, которые отличали в свое время в русском народе кривичей и древлян, псковитян и нижегородцев, вятичей и рязанцев: например, однопорядковые различия по языку³.

Авторы “Истории Сибири” и других подобных работ не исключают определенных трудностей в решении инородческого вопроса в рамках становления новой системы национальных взаимоотношений. Но в основе этой системы, как и в основе той, что была в колониальной России, лежал древний принцип “разделяй и властвуй”

Коренных тюркоязычных жителей Южной Сибири к концу XIX – началу XX в., наверное, можно было подразделить на две группы: живущих в степи и расселенных в горах. Отсюда у них и некоторые различия в хозяйственной деятельности и особенности быта, обычаев и традиций. Но и такое деление условно и, конечно, требует специального объяснения.

Известно, что источники, опубликованные до 1917 г., не фиксируют наличия на территории Сибири тувинского, алтайского, шорского и ряда других народов. Имеются упоминания только о хакасском народе, например в работах А.В.Адрианова “Очерки Минусинского края” (1904 г.) и С.С.Шашкова “Исторические этюды” (1872 г.), а позднее о хакасах как народе писали В.И.Огородникова в “Истории дорусской Сибири” – первой части “Очерка истории Сибири до начала XIX столетия” (1920 г.) и Н.В.Кюнер в работе “Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока” (1961 г.) и др. Не встречаются в исторической литературе до 1917 г. и названия Тува, Шория, Горный Алтай, Ойротия как обозначения территорий проживания одноименных народов.

Интересно, что с 1921 до 1925 г. часть кузнецких инородцев, т.е. современных шорцев, назывались ойротами, так как до образования Горно-Шорского национального района по административному делению они входили в состав Ойротской автономной области. После ликвидации указанного района в 1939 г. (конечно, “по просьбе трудящихся шорцев”, но вероятнее всего, по причинам, связанным с развитием экономики Кузбасса) часть бывших кузнецких инородцев, например Матурского, Бискалжинского, Шорского, Верх-Томского сельских Советов) вошли в состав Хакасии и стали частью хакасского народа. Таким образом, часть народа, по языку относящаяся к южным тюркам, до революции называемая “кузнецкими инородцами”, с 1921 г. в течение четырех лет входила в состав ойротов, следующие 14 лет – в состав шорского народа, а сегодня это представители современного хакасского народа.

В чем заключалась идея Тюркской Советской Республики, которую хотели построить “буржуазные националисты”, “националистические элементы”, и почему ее строительство оказалось невозможным?

Как известно, в начале XX в. провозглашались лозунги о праве наций на самоопределение, сформулированные еще в 1896 г. на II Конгрессе Интернационала. Это право стало одним из программных требований политических движений в Европе и явилось весьма актуальным для многонациональной России. В конце октября – начале ноября 1905 г. в г. Минусинске Енисейской губернии был создан Союз сибирских инородцев, насчитывавший более 50 человек. Учредителями Союза стали Н.И.Исарцев, К.Т.Спирин, И.Г.Картин, Е.А.Токанов и Н.И.Окунев, а возглавил его русский интеллигент А.А.Ярилов⁴. Характерно, что среди членов инородческой общественно-политической организации были представители разных народов России. Оформление Союза произошло после того, как в 1905 г. в Париже российские демократы, объединенные в Союз освобождения, опубликовали собственный проект Конституции России, предисловие к которому написал П.Струве. В проекте учитывалось право наций на самоопределение⁵. Была

разработана и опубликована программа Союза сибирских инородцев, и это положило начало национальному движению инородцев Южной Сибири за свое равноправие в России, которое в конечном счете должно было привести к созданию административной автономии.

После Февральской буржуазно-демократической революции в России лозунг о праве наций на самоопределение стали воплощать в жизнь. Так, в июне 1917 г. Чарковский инородческий съезд, получивший впоследствии ярлык “националистический”, предложил создать на Саяно-Алтае в составе новой России Национальную Губернию южных тюрков, которая делилась бы на четыре уезда. Первый должен был включить в себя современную территорию Республики Хакасия, населенную минусинскими и ачинскими инородцами; второй – современную территорию Республики Тыва, населенную урянхайскими инородцами; третий – современную территорию Республики Горный Алтай, населенную алтайскими инородцами; четвертый – современную территорию Горной Шории, т.е. часть Кемеровской области, населенную кузнецкими инородцами. Объединение в Национальную Губернию основывалось на факте исторически обусловленного совместного проживания и вытекающей отсюда общности “по образу жизни, языку и антропологии”, которая была зафиксирована на съезде самими инородцами и позволила им считать себя “одной народностью”. Население, которое в будущем предполагалось объединить в одну губернию, в то время насчитывало 316 тыс. чел., из которых 227 тыс. представляли южных тюрков. Центром губернии должен был стать г. Минусинск. По предложению одного из авторов так и не реализованного проекта воссоздания древнего народа, члена Союза сибирских инородцев С.Д.Майнагашева, народу необходимо было вернуть старое имя “хакасы”⁶.

Октябрьская революция также провозгласила право наций на самоопределение. В феврале 1918 г. Алтайский краевой Совет крестьянских и инородческих депутатов принял постановление “Об объединении туземцев Горно-Алтайского, Кузнецкого и Минусинского уездов в автономную республику Ойрот”. Население предполагаемой республики должно было составить 206 тыс. чел., из них 195 тыс. – это бывшие инородцы-туземцы. Центр нового образования было предложено построить в новом месте и назвать его Карокорум. Воссозданный народ предполагалось назвать “ойроты”, “хакас-ойроты” или “ойрот-хакасы”. Интересно, что и здесь, в Горном Алтае, в названии народа был элемент “хакас”. Авторами этого проекта, который также не удалось реализовать, была группа инородческой интеллигенции во главе с членом Союза сибирских инородцев Г.И.Гуркиным⁷.

В сентябре 1921 г. коллегия Наркомнаца РСФСР рассматривала вопрос об объединении Горно-Алтайского, Бийского, Кузнецкого, Минусинского и Ачинского уездов в Республику Ойрот, население которой должны были составить бывшие сибирские инородцы, расселенные в 36 волостях разного подчинения. Народ предполагалось назвать “ойроты” или “хакас-ойроты”. Представлял этот вопрос на коллегии член Союза сибирских инородцев Л.А.Сары-сеп Канзычаков⁸.

Некоторые исследователи, в частности А.М.Сагалаев, считают, что попытка образования республики с центром в Горном Алтае – это не что иное, как “мифологизация истории с целью намеренного ее удревления”⁹. С этим, наверное, следует согласиться. Но нужно говорить и о памяти народа, о его устной истории, которые в условиях колониальной имперской идеологии, естественно, переходят в фольклор.

В названии предполагаемого народа есть элемент “хакас”. В связи с этим обратимся к истории Джунгарского (Ойротского) ханства. Как известно, оно просуществовало исторически короткое время и, по-видимому, невозможно проследить все происходившие в нем этнические процессы. Что касается тюркской части Ойротии, то ее исторический путь был достаточно длинным. Речь идет о Кыргызской земле. Жизнь ее основного населения можно проследить еще до присоединения к России, в более древнее время, например в Кыргызском каганате VII–XI вв. Когда в XVII в. Кыргызская земля была присоединена к России, ее территория полностью вписалась в регион Саяно-Алтая. Владения кыргызских, т.е. хакасских, феодалов были поделены на четыре улуса-княжества. Территории княжеств в основном совпадали с территориями национальных уездов, которые в 1917 г. предложила создать инородческая интеллигенция. Существует мнение, что в Кыргызской земле использовался единый разговорный язык. Это позволило некоторым ученым, в частности М.И.Боргоякову, предположить, что в XVII–XVIII вв. в Кыргызской земле существовал единый народ, имеющий полное право называться хакасским¹⁰.

С точки зрения релятивистской теории наций образование в 1905 г. Союза сибирских инородцев, обнародование его программы говорят о наличии и проявлении национальных интересов, а их содержание и направленность свидетельствуют о достаточно сложной организации общественной жизни у инородцев и о том, что среди них были люди, которые могли брать на себя смелость выступать от имени всех инородцев, опираясь на властные полномочия. Сама по себе программа Союза означала, что у сообщества тюрков Южной Сибири было несколько путей дальнейшего развития, выбор между которыми

осуществлялся в политической борьбе внутри российского общества. Но главное заключается в том, что современная теория наций позволяет говорить о существовании в начале XX в. в Южной Сибири единого южно-сибирского народа¹¹.

Можно утверждать, что в 1917–1930 гг. в Сибири имелись редкая возможность и все условия для возрождения (формирования) единого этносоциального организма южно-сибирского народа. Однако решая узкопартийные задачи, новые власти России разделили единый этнос, вычленив из него несколько современных народов и ряд этнографических образований. Так появились тувинский, алтайский, современный хакасский, шорский и кумандинский народы, чулымские тюрки и телеуты как этнографические образования и даже какие-то группы людей, не знающих своего родства. Взгляды представителей дореволюционной интеллигенции были объявлены “буржуазно-националистическими”, а сами они репрессированы, С.Д.Майнагашев, Г.И.Гуркин и Л.А.Сары-сеп Канзычаков – расстреляны.

Последствия искусственного разделения народа на несколько частей были негативными. Отдельные группы, особенно те, которые вообще остались за пределами какого-либо национально-административного образования, оказались почти полностью оторванными от общих этнокультурных процессов, происходящих внутри своего народа.

До 90-х годов уходящего века всякая серьезная попытка поставить проблемы защиты интересов и ценностей этносов, возрождения их культуры и языка объявлялось рецидивом национализма, а в наши дни усиленно пропагандируется идея национально-культурной автономии. Но политики забывают, что даже культурно-языковая сфера нуждается в политическом покровительстве. прогресс народа может быть результатом определенной политики, разработка и реализация которой являются функцией определенным образом организованной национально-государственной власти. Что касается национально-культурной автономии, то она отвечает интересам лишь части народа, переселившейся со своей исторической родины на другую территорию.

Теперь остановимся на национализме. Его традиционно противопоставляют интернационализму, между тем это не совсем верно. В определенное время они должны сосуществовать, если интернационализм не форсируется искусственно. Национализм как явление был порожден капитализмом, возник как буржуазная идеология. На определенных исторических отрезках он имеет положительное значение. Так, В.И.Ленин писал о роли национализма в борьбе с феодальным прошлым, а Н.А.Бердяев – о его творческом, созидательном начале, стимулирующем народ идти по пути общественного прогресса¹². Существуют теории развития наций, в которых национализм рассматривается как стремление народа к полному суверенитету (т.е. классический национализм), как стремление к суверенитету с передачей ряда полномочий Центру (паритетный национализм), как стремление к самостоятельности в экономической сфере (экономический национализм), как доминирование идей защиты территории, культуры, воспроизводства этноса (защитный национализм)¹³. В нашем случае национализм инородческой интеллигенции Южной Сибири в 1917–1930 гг. по своей сути был защитным, а проявился в основном как экономический, или, скорее, паритетный, но направлен был все же на сохранение права инородцев на физическое существование.

Основная ошибка инородческой интеллигенции в решении национального вопроса заключалась, думается, в том, что она стремилась официально восстановить южно-тюркский народ в составе России, которая в течение 200 лет разделяла его. Национальная Губерния виделась в составе буржуазной России, а Тюркская Республика – в составе РСФСР. На наш взгляд, следовало проводить идею о полном суверенитете, о выходе из состава России. Именно такая идея была реализована урянхайскими инородцами, которые, как известно, вышли из состава России, оформились в народность, за короткий срок переросли в нацию, а затем вошли в состав Российской Федерации. Вначале они называли свою страну Танну-Тува, затем – Тува, а недавно принято решение именовать ее Республикой Тыва и народ называть “тыва”. Как у части выделенного народа, у бывших урянхайских инородцев бурно протекают различные этнические процессы.

Большинство интеллигенции минусинских, ачинских, алтайских, кузнецких инородцев считало, что для практического решения национального вопроса необходимо иметь союзников среди российских общественных деятелей и русского народа. Запретными были даже разговоры о выходе из состава России. По-видимому, это связано с тем, что, с одной стороны, интеллигенция выросла из прослойки зажиточной части общества, не связанной с бывшей феодальной верхушкой, а с другой стороны, будучи носителями самобытности, культуры, обычаев своего народа, эти люди в то же время были обучены русской грамоте, хорошо говорили по-русски, через русский язык познакомились с достижениями мирового сообщества. инородческая интеллигенция уже тогда стала частью российской интеллигенции. Вероятно, это и решило судьбу единого народа не в пользу его воссоздания.

Описанные события 20–30-х годов принято называть национальным движением вновь образованных народов Южной Сибири, но наряду с этим необходимо квалифицировать их как национально-освободительную борьбу южных тюрков Сибири, в результате которой образовались алтайский, шорский, современный хакасский народы, народ тыва. Эта борьба происходила на фоне борьбы русского народа за свои права. Но при других обстоятельствах было бы реальным образовать Тюркскую Республику и воссоздать единый народ. Вероятнее всего, он смог бы восстановить свое историческое имя “хакасы”. Сейчас предполагается, что живущие в Южной Сибири искусственно созданные народы, этнографические группы и просто отдельные люди, говорящие на тюркском языке, могут считать себя потомками хакасов Российской Империи, преемниками средневековых хакасов.

Видимо, образование в составе России Тюркской Республики на многие годы предотвратило бы ряд серьезных этнических проблем, существующих в наши дни. В подтверждение этого можно привести несколько примеров. Алтайские инородцы получили наименование “ойроты”, затем были переименованы в алтайцев, но алтай-кижи – это только часть современного алтайского народа. К сожалению, некоторые российские ученые поднимают вопрос об этнониме “хакасы”, ведут непонятные разговоры о «новом этапе дискуссий о термине “хакас”»¹⁴, что создает почву для переименования народа, а это чревато взрывоопасными последствиями. Кузнецкие инородцы стали частью алтайцами, частью – современными хакасами, часть из них представляет шорский народ. С незаконной ликвидацией Горно-Шорского национального района возникли нерешаемые проблемы шорцев.

В переходный период строительства новой России настораживают заявления ведущих государственных деятелей о том, что Российская Федерация остается правопреемницей Советского Союза и Российской Империи. Это рождает у народов недоверие и подозрительность, усугубляемые непоследовательностью и противоречивостью национальной политики России. Прогрессирующий распад экономики сохраняет мысль о грядущем распаде уже и Федерации. Хочется верить, что наши идеологи при решении национального вопроса учтут уроки 20–30-х годов нашего столетия. Тогда народы России, в том числе и тюрки Южной Сибири, будут жить на исторической земле своих предков по законам демократического общества.

Примечания

¹ См.: *История Сибири*. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. – Л., 1968. – С. 286, 287.

² Там же. – С. 287.

³ Основные языки современных народов Южной Сибири входят в хакасскую подгруппу уйгуро-огузской группы тюркских языков (см.: *Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. – М., 1969. – С. 328).

⁴ См.: *История Хакасии с древнейших времен до 1917 года*. – М., 1993. – С. 455–460.

⁵ См.: *Шракова Р.П.* Российское реформирование глазами Макса Вебера // *Полис*. – 1995. – № 2.

⁶ Свобода и труд. – Минусинск. 1917. – 17 окт.

⁷ См.: *Кынзычаков Сары-сен Л.А.* К вопросу об автономии туземцев юга Сибири // *Жизнь национальностей*. – 1921. – № 19.

⁸ См.: *Туземцы юга Сибири/Алтая* // *Жизнь национальностей*. – 1921. – № 29.

⁹ *Сагалаев А.М.* Алтайцы: “старая” религия и “новая” идеология // *Народы Сибири: права и возможности*. – Новосибирск, 1997. – С. 67.

¹⁰ См.: *Боргояков М.И.* Источники и история изучения хакасского языка. – Абакан, 1981. – С. 29–31.

¹¹ См.: *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М., 1997.

¹² См.: *Политология: Энциклопедический словарь*. – М., 1993. – С. 105.

¹³ См.: *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты... – С. 189–192.

¹⁴ См.: *Худяков Ю.С.* Новый этап дискуссии о термине “хакас” // *Этносы Сибири: история и современность*. – Красноярск, 1994. – С. 274–279.

Ч.Г.Андреев
(г. Улан-Удэ)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКИХ И БУРЯТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Важнейшим вопросом сибиреведения являются многовековые контакты коренных народов друг с другом, а также с русским народом. Эти контакты стали более интенсивными после включения Сибири в состав централизованного Русского государства.

До присоединения к России традиционное хозяйство сибирских народов строилось на основе натурального самообеспечения. Так, буряты, хакасы, тувинцы, якуты занимались главным образом скотоводством. Под влиянием русского населения в хозяйстве и быте народов Восточной Сибири стали происходить существенные изменения, в частности возрастала роль земледелия и сенокосения. Кочевое бурятское население уступало русским переселенцам сенокосные и пахотные земли, оказывало помощь в обузаведении хозяйством. От русских крестьян буряты восприняли земледельческую культуру (пашенное земледелие), что имело большое значение для развития их хозяйства и изменения образа жизни. Начиная с XVII в. более интенсивно занимались земледелием забайкальские буряты.

В зависимости от местных условий (плодородия почвы, обеспеченности скотом, близости к русским земледельческим селениям и т.д.) развитие земледелия по отдельным бурятским ведомствам и внутри них происходило неравномерно. Передовые позиции в области земледелия занимали идинские, балаганские, аларские буряты, жившие рядом с русскими селениями в удобных для хлебопашества и скотоводства местах по притокам Ангары – Оке, Осе, Иде, Унге. Не отставали от них кудинские и верхоленские буряты. Пионерами бурятского земледелия были буряты Балаганского ведомства. Территория их “кочевых мест” пролегла по обеим сторонам Московского тракта, по Ангаре и ее притокам Унге, Оке, Зиме и Кимильтею. Этот район был раньше других заселен русскими пашенными людьми. В конце XVIII в. заметно увеличился удельный вес хлебопашества и у бурят Идинского ведомства. Границы их кочевьев проходили по Ангаре и ее притокам Иде, Осе, Хирюзовке, Бурети, Мельке, Хайме, Киже.

В первой половине XIX в. буряты практиковали также подсечное земледелие. Расчищенная от леса пашня давала в течение семи-девяти лет устойчивый и значительно больший урожай, чем старопашотные земли. По примеру русских крестьян буряты стали производить также посевы огородных культур. Чтобы подчеркнуть сравнительно высокие темпы развития земледелия у бурят, следует отметить, что в 30-е годы XIX в. в одном только Балаганском ведомстве было уже около 200 тыс. десятин пашни¹. Аналогичная картина в первые десятилетия XIX в. наблюдалась в Верхоленском ведомстве.

Рост земледелия и образование новых типов хозяйства порождали естественные изменения в характере традиционного кочевого быта бурят. В первой половине XIX в. количество перекочевок сократилось у них в 2–3 раза. Во второй четверти XIX в., а в особенности в послереформенный период, земледелие у бурят вступило в новую фазу развития. У подавляющего большинства предбайкальских бурят оно стало играть доминирующую роль в хозяйстве.

Буряты не ограничились тем, что переняли у русских крестьян, они старались усовершенствовать орудия и приемы землепашества. Кроме того, при изучении истории бурятского земледелия не следует упускать из виду, что начиная с XVIII в. оно имело ярко выраженное товарное направление. Это касается прежде всего районов Предбайкалья. В экономической и этнографической литературе, относящейся к середине XIX в., отмечалось, что предбайкальские буряты “занимаются хлебопашеством и собираемый из урожаев хлеб по образу жизни своей употребляют в пищу мало, а таковой сбывают продажей”².

Прогрессивное значение для развития хозяйства бурят имело распространение сенокосения, также перенятого ими у русских крестьян. Развитие сенокосения, в свою очередь, способствовало подъему важной отрасли бурятского хозяйства – скотоводства. В конце XIX – начале XX в. у бурят Иркутской губернии большинство скотоводческих хозяйств относилось к полuosедлому типу. Для удобства содержания скота в теплое время года семья или часть семьи переселялась на летники, где, как и на зимниках, имелись стационарные помещения и для людей, и для скота.

По примеру русских крестьян буряты начали строить деревянные дома, амбары и другие хозяйственные постройки. По количеству таких строений на душу населения, как показала подворная перепись, проведенная в 80-е годы XIX в., они занимали первое место среди сельского населения Иркутской губернии. В связи со строительством домов и хозяйственных помещений у бурят стало развиваться, а затем и широко распространилось охотничье ремесло. Они стали делать телеги, сани, сохи, бороны и другие сельскохозяйственные орудия.

Многие дома в Иркутске и Верхнеудинске были построены руками бурятских плотников. Буряты же строили дома и в улусах. В 1862 г. четверо бурят Балаганского ведомства заключили договор с тай-шой Е.Миромановым о том, чтобы «срубить у Мироманова из готового его лесу корпус деревянного дома 2-этажного в длину 4 саж., в ширину 4 саж., покрыть тесом, прирубить к оному крыльцо с сенями»³, а бурят первого Кульмецкого рода Ш.Данчеев обязался в этом доме «в осьми комнатах срубить 12 дверей с отделкой надлежащим порядком и... 17 окон с отделкою в них косяков, наличников и ставен»⁴.

В послереформенный период у бурят начали оформляться и капиталистические отношения, о чем свидетельствуют данные о применении наемного труда и отпуске наемных работников в бурятских улусах. В 80-е годы XIX в. в бурятских улусах нанимали годовых и сроковых работников 21,4% домохозяев, в русских деревнях – 20,5%, отпускали работников в улусах – 17,6%, в деревнях – 23,6%⁵.

В начале XX в. в Иркутской губернии образовались крупные хозяйства богатых крестьян. Используя капиталы, полученные путем эксплуатации батраков и бедняков, разбогатевшие крестьяне открывали в притрактовых селах и деревнях магазины и лавки, организовывали мелкие винокуренные и лесопильные предприятия. Они играли ведущую роль в экономической жизни своих улусов, вводили новшества в хозяйстве и в быту.

Об образовании крупных богатых хозяйств у бурят неоднократно говорилось в дореволюционной литературе. Так, А.И.Термен приводил сведения о вводимых в этих хозяйствах новшествах, указывал на применение богачами кабальной формы эксплуатации крестьян⁶. Он писал, что богатые буряты «ссужают населению деньги и скот и берут за это “казенный” процент, т.е. 30%, а зачастую и 60% годовых»⁷. Богатые крестьяне, подобно нойонам и ламам, охотно прибегали к ростовщичеству. Но наиболее предприимчивые предпочитали вкладывать свой капитал в производство: организовывали мясомолочные хозяйства, создавали торговые заведения, разводили лошадей хорошей породы, приобретали усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и машины. Один из самых предприимчивых богачей из улуса Шотхой Ользоновской волости, Н.Ханхасаев, наладил мясомолочное производство. Наряду с улучшением местных пород он начал разводить коров холмогорской и симментальской пород, что дало ему возможность увеличить выход товарной животноводческой продукции.

Интересные сведения о хозяйствах богатых крестьян-бурят в Иркутской губернии приводятся в письмах, написанных М.Соколовым, производившим поземельно-устроительные работы в Балаганском уезде. В одном из них он писал, что богач И.Оширов «продает хлеба ежегодно 3–4 тыс. пудов исключительно собственного производства» «Вот, например, – говорится в другом письме, – какие сельскохозяйственные орудия показал мне г. Оширов в улусе Тоготском, в своем действительно образцовом хозяйстве: жнейка, сенокосилка, веялка, куколеотборник, молотилка, конные грабли»⁸. Оширов имел конный завод, развел лошадей орловской породы (рысистых скакунов) и тяжеловозов-битюгов⁹.

Отмеченные изменения не привели, однако, к улучшению экономического положения коренного населения Сибири. Полуфеодалная верхушка широко использовала традиционные рычаги давления на бедных соплеменников. Родоплеменная знать втянулась в обменные процессы между бурятами и российским рынком. Имущественная и социальная дифференциация стала глубже. Быт большей части коренного населения оставался патриархальным.

Русское влияние не было равномерным: оно сильнее сказывалось в тех местах, где коренные народы ближе соприкасались с русскими. Сближению же русского и коренного населения Сибири способствовала и христианизация, породившая новую группу населения. Появились целые поселения, в которых проживали так называемые ясачные, или карымы. Их описал известный дореволюционный исследователь А.П.Щапов: «Это крещеные буряты, женившиеся на русских женщинах или иногда на крещеных бурятских и живущие особыми дворами или селениями, отделенными от бурятских улусов... Таких селений, например, в Балаганском округе до 13, Верхоленском округе до 7; едва ли не больше всего их в Забайкальской области и в окрестностях Байкала. Как мужчины, так и женщины... представляют собой довольно красивый физический облик, несколько похожий на тип греческий, или иногда на цыганский, а по замечанию некоторых других наблюдательных лиц, похожий и на тип итальянский»¹⁰.

Изменения, происходившие в социально-экономической жизни народов Восточной Сибири, оказывали влияние на их культуру. Буряты стали осознавать необходимость и важность грамотности и образования. Один из учителей Нукутского бурятского училища в Балаганском уезде, Ф.П.Петелин, в своем отчете за 1893 г. писал: «У бурят сильная потребность обучать детей русской грамоте, а потому они нанимают у себя грамотеев-учителей для обучения своих детей. Такие школы имеются в каждом улусе»¹¹. В качестве частных учителей чаще всего нанимались политические ссыльные¹². Такая же картина наблюдалась и в других местах, например у алагарских бурят¹³.

Вместе с тем в процессе общения русского населения с сибирскими народами культурное влияние отнюдь не было односторонним. Как отмечает А.П.Щапов, в результате совместной жизни «казак сделался более зверопромышленником и пастухом, чем домовитым человеком и хлебопашцем. Занимаясь по примеру бурят более скотоводством, чем хлебопашеством, русские в умонастроении своем во многих отношениях более походят на бурят, чем на русских, много усвоили бурятских понятий, суеверий, примет и привычек. В домашних делах и обычаях русское забайкальское население немало усвоило изделий, обычаев, поступков и сноровок бурятских. Так, например, русские бабы, по примеру буряток, шьют по-бурятски “яргачи” – козлиные или тарбаганы шубы, у которых на груди нашиваются шелком разные узоры и передняя пола делается шире исподней, при опоясывании накладывается наверх другой полы, застегивается на боку шлеей, так что пола прикрывает грудь»¹⁴. А.П.Щапов приводит множество конкретных примеров, когда, “подобно бурятам, русские по какому-то предрассудку считают нужным, выпивая водку, не допивать ее несколько, оставлять остатки на дне чашки или рюмки”¹⁵

Что касается языкового взаимодействия, то “монголо-бурятский язык в забайкальском наречии, будучи почти всеобщим, господствующим языком казаков и крестьян... оказал большое влияние на лексический состав забайкальско-русского областного наречия”¹⁶. Так, например, в рукописном сборнике слов русского наречия Нерчинского округа “записано до 96 слов чисто монгольских или бурятских, совершенно усвоенных местным русским наречием, бессознательно произносимых как коренные славянские слова. Слова эти преимущественно относятся к туземным зоолого-экономическим условиям монголо-бурятского скотоводческого и звероловческого быта... к домашним животным и отчасти к диким зверям... диким растениям, преимущественно употребляемым туземными жителями в домашнем быту”¹⁷

До 1917 г. взаимодействие русских и бурят было более или менее взаимным, хотя и с перевесом русской культуры. После 1917 г. одностороннее влияние русской культуры становилось все более отчетливым. В значительной мере этому способствовала политика, которую проводила Советская власть. Она оказала глубокое воздействие на все сферы общественной жизни бурят – политико-административную, социально-экономическую, культурно-идеологическую. Причем воздействие это было системным, так что изменения в одной сфере влекли за собой изменения в другой.

Постепенно какие-то из процессов взаимодействия народов утратили свою значимость, другие, напротив, усилились. Среди последних следует отметить расширение сфер приложения труда у коренных сибирских народов, повышение их профессионально-квалификационного уровня. В советский период благодаря взаимодействию с русским народом народы Сибири приобщились к достижениям общемировой цивилизации. Вместе с тем как у русских, так и у коренных народов Сибири происходила и деградация традиционных норм труда и морали. Сегодня перед народами Сибири встают новые задачи. Возникает необходимость выработки новой модели взаимодействия различных этносов в регионе, учитывающей позитивные моменты из исторического прошлого.

Примечания

¹ Российский государственный исторический архив, ф. 1264, оп. 1, д. 556, л. 347.

² Национальный архив Республики Бурятия (далее НАРБ), ф. 3, оп. 1, д. 692, л. 2.

³ НАРБ, ф. 3, оп. 1, д. 915, л. 54.

⁴ Там же, л. 55.

⁵ См.: *Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний*. – Иркутск, 1892. – Т. 2, вып. 6. – С. 84, 85.

⁶ См.: *Термен А.И.* Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. – СПб., 1912. – С. 93.

⁷ Там же. – С. 113.

⁸ *К истории Бурят-Монголии*. – М., 1935. – С. 105.

⁹ Там же.

¹⁰ *Щапов А.П.* Собр. соч. – Иркутск, 1937. – Доп. т. – С. 115.

¹¹ *Андреев В.И.* История бурятской школы (1804–1962 гг.). – Улан-Удэ, 1964. – С. 121, 122.

¹² Там же. – С. 126.

¹³ НАРБ, ф. 3, оп. 1, д. 1292, л. 573.

¹⁴ *Щапов А.П.* Собр. соч. – Доп. т. – С. 119.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. – С. 121.

¹⁷ Там же.

Т.Г.Харамзин
(г. Ханты-Мансийск)

ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АО

Межнациональные отношения – одна из самых тонких, самых уязвимых сфер человеческих взаимоотношений. Неосторожное слово, а тем более неправильное поведение по отношению к членам своей семьи, друзьям, знакомым, коллегам могут больно задеть человека. Возникают взаимные обиды, сопровождаемые упреками, оскорблениями. Это может перерасти в открытую вражду и столкновения.

В условиях свободы слова и печати межнациональные отношения приобретают особую остроту. Не может не беспокоить, что на протяжении последнего времени то там, то здесь возникают нетерпимость, трения, а то и конфликты, которые выбивают людей из нормальной жизненной колеи, а в ряде случаев оборачиваются человеческими трагедиями. Разве можно остаться равнодушными и безучастными к судьбе появившихся у нас беженцев, среди которых старики, женщины, дети, к невзгодам людей, вынужденных покинуть свой дом, бросить имущество, работу!

Как отмечено в журнале “Югра” (1996, № 10), в 1995 г. из Ханты-Мансийского автономного округа выехало 56 тыс. чел., а прибыло в округ 68 тыс. Прирост, таким образом, составил 12 тыс. чел., и это в основном беженцы с Северного Кавказа и из Средней Азии. Всех их надо обустроить, обеспечить жильем, предоставить им социальную защиту. Для этого в городах и районах округа созданы специальные миграционные службы.

Мы говорим об отдельных очагах межнациональных столкновений – Чечне, Таджикистане, Латвии. Но если не осознать огромную опасность таких явлений, если они будут распространяться, то нас могут ожидать худшие времена.

Сегодня каждый регион является многонациональным образованием. Не исключение и Ханты-Мансийский автономный округ, где проживают представители около 100 народов. Оценить уровень межнациональных отношений в округе очень непросто. С одной стороны, нет явных проявлений национализма и шовинизма, открытых конфликтов на межнациональной основе. С другой стороны, слишком глубоко пустил корни так называемый бытовой шовинизм, который проявляется повсеместно – в интонациях, в усмешках, в анекдотах, и прежде всего по отношению к представителям малочисленных народов Севера.

Чтобы выявить общественное мнение по межнациональным отношениям, начиная с 1989 г. в Ханты-Мансийском автономном округе начали планомерно проводить социологические исследования. Первое такое исследование осуществил Институт проблем освоения Севера СО РАН (тогда еще – СО АН СССР) совместно с окружным комитетом КПСС. Позднее к этим исследованиям подключился Институт философии и права СО РАН. Был создан Центр социологической службы при администрации Ханты-Мансийского автономного округа, позднее переименованный в Управление социально-политических исследований. Аналогичные службы созданы в Сургуте и Нижневартовске. В штатное расписание администрации округа введена должность референта по межнациональным вопросам.

Сегодня социологическими исследованиями в области межнациональных отношений в Ханты-Мансийском АО наиболее активно занимаются Институт философии и права СО РАН, Сургутский госуниверситет, Тюменский государственный нефтегазовый университет и Научно-исследовательский институт возрождения обско-угорских народов. С округом активно сотрудничает Институт экономики Уральского отделения РАН в плане изучения проблем, связанных с адаптацией коренного населения к рынку. Этим институтом разработана концепция социально-экономического развития малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа на период международного десятилетия коренных народов мира.

Сегодня необходимо искать пути совершенствования межнациональных отношений в Ханты-Мансийском автономном округе, учитывая реально сложившуюся в нем обстановку. Что касается аборигенного населения, то задача гармонизации его отношений со всем остальным населением округа выглядит нереально. Объективные условия жизни хантов и манси в настоящее время таковы, что надо ставить вопрос не о развитии их отношений с другими народами и уж тем более не о гармонизации, а о выживании. Для остальных жителей округа должны быть обеспечены правовые, социально-экономические и духовно-культурные условия, которые позволят сделать межнациональные отношения более гармоничными.

Таким образом, разработка и реализация программы выживания хантов и манси и повышение в целом культуры межнациональных отношений в округе – вот два основных направления работы в современных условиях.

Социологические исследования, проведенные в Ханты-Мансийском АО в 1989 г., подтвердили тяжелое социально-экономическое положение народов Севера. Эти же исследования остро поставили вопрос, кого же считать коренными жителями округа. Не вызывает сомнения, что проживающим в округе русским

и представителям других национальностей этот край не менее дорог, чем хантам и манси, но речь не о том. Россия принята в Европейский Союз. Это предполагает, что страна будет строить свою политику в соответствии с Конвенцией № 169 Международной организации труда “О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах”, хотя сама Конвенция еще не ратифицирована Государственной Думой. Согласно Конвенции, к коренным народам относятся потомки тех, кто населял страну или географическую область во времена ее завоевания или колонизации, независимо от своего правового статуса, сохраняющие некоторые или все свои собственные социальные, экономические, культурные и политические институты. Из этого и следует исходить. При всем уважении к старожильческому населению, предки которого пришли в Среднее Приобье десятки, а то и сотни лет назад, нельзя не видеть, что ханты и манси, живущие в этих краях тысячи лет, имеют больше прав считаться коренным населением.

Однако особое внимание к хантам и манси вызвано не этими историческими причинами, а реально существующими резкими различиями в условиях и уровне жизни у коренного и пришлого населения округа. Какой бы показатель жизнедеятельности малочисленных народов Севера мы сегодня ни взяли, будь то обеспеченность благоустроенным жильем, занятость, уровень зарплаты и пенсий, медицинское, культурное, бытовое, торговое обслуживание, он будет во много раз ниже, чем у представителей неаборигенного населения.

В ходе анкетирования аборигенного населения, проведенного в 1995 г. в пос. Полноват Белоярского района, одна из жительниц, рассказывая о существующей дискриминации национального населения, пыталась найти выход в смене своей национальности с ханты на русскую: “Очень обидно за своих детей, что они живут в трущобах, общежитиях 40–50-х годов, которые давно пора сносить. Русские своих детей туда не вселяют, а сразу обеспечивают их хорошей квартирой. Аналогичное положение и при устройстве на работу аборигенов. Любой вопрос получения жилья, финансов и прочих услуг сельская администрация решает не в пользу аборигенов. Так обидно, просто не рада, что я и мои дети родились хантами. Как хоть стать русскими? Тогда мы, может, стали бы пользоваться всеми льготами, какими они сегодня себя обеспечивают”

Как причину тяжелого социально-экономического положения народов Севера жители округа (85% от всех опрошенных) указали прежде всего разрушение природы Крайнего Севера современной промышленностью и транспортом. Каков же выход из сложившейся ситуации? Жители округа (74%) ответили, что в первую очередь необходимо принимать во внимание пожелания самих коренных народов Севера.

С учетом этих пожеланий из представителей национальной интеллигенции была сформирована инициативная творческая группа по созданию в округе общественно-политической ассоциации “Спасение Югры”, а затем проведен первый съезд коренных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа. Были выработаны три модели будущего развития коренных народов Севера: “невмешательство”, “культурная ассимиляция” и “заповедная зона”. Абсолютное большинство жителей округа (70%) высказались за третью модель – создание зон с правом преимущественного проживания для коренных народов Севера и запретом на промышленные разработки и добычу полезных ископаемых без согласия со стороны коренного населения. На основании этого исполком окружного Совета народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа принял решение о создании зон приоритетного землепользования, в которые была включена треть территории округа, а малый Совет народных депутатов объявил всю территорию автономного округа зоной чрезвычайной экологической ситуации. Кроме того, были приняты положение о статусе родовых угодий и новые правила охоты и рыболовства, предусматривающие ряд льгот для аборигенов. Все это позволило несколько разрядить социальную напряженность между коренным и неаборигенным населением, создать некоторые условия для выживания малочисленных народов Севера.

Социологические исследования на территории Ханты-Мансийского автономного округа между тем продолжались. В 1991 г. новосибирские ученые из Института философии и права СО РАН, изучая влияние промышленного освоения на традиционный уклад и образ жизни коренных жителей Нижневартовского района, пришли к выводу, что без существенной корректировки государственной политики нынешняя драма образа жизни северных народов может иметь трагический исход¹. В 1994 г. исследователи из этого же института провели социологи-ческий опрос коренного национального населения Нижневартовского и Кондинского районов в целях выяснения современных тенденций образа жизни межэтнических сообществ в регионах традиционного природопользования народов Севера и русского старожильческого населения. В числе предложенных респондентам вопросов, отражающих наиболее острые проблемы, был и вопрос о напряженности в межнациональных отношениях.

На основании полученных ответов ученые сделали вывод, что межэтнические отношения в регионе, несмотря на всю сложность нынешней социально-экономической ситуации, сохраняют стабильный характер. Действительно, если ранее межнациональные отношения возникали в основном на фоне экологических нарушений, свертывания традиционных отраслей, то и теперь эти факторы оказались не менее значимыми. Но проводимые в России экономические преобразования выдвинули на первый план проблемы, связанные с адаптацией аборигенного населения к рыночным отношениям.

Следует отметить, что межэтнические отношения народов Севера с представителями русского старожильческого населения в национально-смешанных поселениях никогда не носили явно конфронтационного характера. Если межэтническая напряженность и возникает, то прежде всего между коренным и пришлым населением.

Результаты социологических исследований, проведенных в 1993 г. Научно-исследовательским институтом обско-угорских народов и Тюменским государственным нефтегазовым университетом, совпадают с выводом новосибирских ученых о довольно спокойном характере межнациональных отношений в регионе. Большинство опрошенных (53,7%) утверждают, что в последнее время их взаимоотношения с людьми других национальностей не изменились, 11,1% – что эти отношения даже улучшились, и только 15,1% полагают, что они ухудшились.

Для абсолютного большинства коренных жителей округа имеет значение чувство принадлежности к своему народу. Вместе с тем 19,2% затруднились сформулировать свое мнение по этому вопросу и 1,3% заявили, что для них это совершенно неважно. Очевидно, что почти пятая часть опрошенных отрицает приоритетность национального самосознания и в национально-культурном отношении может представлять из себя группу маргиналов.

Приверженность традиционному образу жизни выражает значительно меньшая часть респондентов. Только 43,4% опрошенных хотели бы жить, как их деды и отцы, а 14,8% совершенно не согласны жить так же. Столь же значительное расхождение выявилось в отношении к принадлежности к своему этносу и к традиционной жизнедеятельности. Это подтверждает вывод о необратимом влиянии промышленной культуры на самосознание коренных северян.

Озабоченность сохранением и развитием самобытности народа выражается не только в оценках “внешних” проявлений бытия национальной культуры (изменения форм хозяйственной деятельности, влияния политических и экономических реформ на жизнедеятельность народа, роли определенной части этноса – интеллигенции, управленцев из числа коренных народов), но и в оценках и самооценках современного поколения. Прежде всего это относится к молодежи – ее отношению к труду, образованию, традиционным ценностям национальной культуры.

На вопрос об отношении молодежи к труду 32,5% респондентов осветили, что молодежь будет работать в традиционных отраслях, если будут улучшены их техническое оснащение, условия жизни; 24,7 – что молодые люди хотят жить и работать, как молодежь других национальностей, живущих в районе, округе; 25,5 – что современная молодежь вообще не хочет работать; 12,0% затруднились дать ответ.

Интересно сравнить эти оценки с ответами на вопрос о будущем собственных детей респондента. Только 4% опрошенных хотят, чтобы их дети жили на своей земле, соблюдая обычаи предков, но при этом они желали бы, чтобы и в жизни, и в работе дети пользовались всеми благами цивилизации.

Улучшение качества жизни в современном сознании прочно связано с уровнем и качеством образования, профессиональной подготовки. То, что для них лично хорошее образование является ценностью, отметили 69% респондентов. Однако сам по себе этот показатель не является информативным без учета других жизненно важных для личности ценностей.

Опрос показал, что главными для респондентов являются так называемые общечеловеческие ценности. Это – здоровье детей, прочная семья, собственное здоровье, материальный достаток, добрые отношения с окружающими. Ценности же национально-культурные не носят определяющего характера у жителей Ханты-Мансийского автономного округа. Это не противоречит реальностям Тюменского региона – относительно спокойного в плане межнациональных отношений. Наоборот, данный факт может служить опровержением возможных политических спекуляций вокруг стремления коренных северян к национально-культурной автономизации, вплоть до самоизоляции от промышленной культуры.

Примечание

* См.: Мархинин В.В., Удалова И.В. Этнос в ситуации выбора будущего. – Новосибирск, 1993.

Т.А.Троицкая, Г.Б.Кухтуева
(г. Горно-Алтайск)

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

Специфика межэтнических отношений в Республике Алтай обусловлена рядом факторов. Формирование этнического состава населения региона происходило под влиянием в большей мере внешней миграции, чем естественного прироста. Среди мигрантов как в прошлом, так и в настоящее время превалировало русское население. Это привело к тому, что доля русских стала вдвое превышать долю аборигенов, составляющих ныне лишь третью часть всех жителей республики. В результате интенсивной русской колонизации территории Горного Алтая в XIX–XX вв. сложилась своеобразная система расселения. Русские расселены по всей территории республики, но большинство их проживают в республиканском центре и близлежащих северных районах. Алтайцы, являясь преимущественно сельскими жителями, населяют отдаленные горные районы, характеризующиеся более суровым климатом и более сложными условиями жизни и труда. В северных районах алтайцы немногочисленны и расселены дисперсно, в южных – проживают компактно. Длительное совместное проживание различных по этнической истории, культуре, языку народов не могло не отразиться на каждом из них, сформировав определенную субкультуру. Тем не менее каждый народ сохранил свою самобытность, этническое сознание и психологию, свое специфическое видение общественных проблем, в том числе и национальных.

В нашем исследовании современного состояния межэтнических отношений в Республике Алтай не ставилась цель получить данные, репрезентативные для региона в целом. Задачей было выявить качественные, оценочные характеристики восприятия разными этносами некоторых моментов межэтнической ситуации. Поэтому в выборке, в которую вошли 740 респондентов, пропорционально представлены две этнические группы: алтайцы и русские. Причем в каждой из групп обеспечено равное представительство половозрастного, социального, образовательного состава. Пропорционально равными взяты также группы городских и сельских жителей. Построенная таким образом выборка позволила нам провести сравнительный анализ мнений населения по ряду вопросов, касающихся межэтнических отношений. Инструментарием исследования послужила анкета “Ваше мнение”, с помощью которой выяснялись отношение респондентов к иммигрантам, их оценка значения повышения национально-политического статуса Горного Алтая для расширения возможностей осуществления национальных прав, учета национальных интересов в работе местных властей, проблемы двуязычия, национальная специфика политических ориентаций и установок населения.

Анализ полученных ответов позволяет сделать некоторые выводы. Миграция, в частности приезд в республику представителей различных национальностей, в известной мере нарушает сложившееся этническое соотношение и в целом вызывает у людей негативную реакцию. Особенно это характерно для коренных жителей республики – алтайцев. Но неправильно было бы объяснять это некими “националистическими” склонностями народа. Причина, видимо, в другом. В последнее десятилетие в Горном Алтае чрезвычайно обострилась социально-экономическая ситуация: остановлены многие промышленные предприятия, сельскохозяйственное производство нерентабельно, сельскохозяйственные угодья ограничены, отсутствуют рабочие места, слабо развита социальная и производственная инфраструктура, остро стоят бытовые проблемы и т.д. Не следует игнорировать и тот факт, что коренное население обеспокоено возможностью дисбаланса этнического состава региона, который может привести к определенной “дискомфортности”, этнической “эрозии” аборигенов.

При этом население вполне лояльно к уже сложившемуся этническому соотношению. Как русские, так и алтайцы в целом положительно оценивают многонациональные коллективы: среди русских 60,5% дали такие оценки, среди алтайцев – 42,1%. То, что доля положительных ответов у респондентов-алтайцев ниже, чем у русских, не дает основания предполагать больший “интернационализм” русского населения. Видимо, и в этом случае мы имеем дело с тем же психологическим фактором “дискомфортности”, обусловленным относительной малочисленностью алтайского этноса.

Повышение национально-государственного статуса региона, превращение его из автономной области в республику должно было расширить возможности осуществления прав этносов, особенно коренного населения. Однако объективно будучи положительным явлением, субъективно, на уровне обыденного сознания, это повышение статуса республики многими воспринимается несколько скептически: 23,9% опрошенных ответили отрицательно на вопрос о том, расширились ли их возможности в осуществлении своих национальных прав при создании республики. Объяснение этому мы видим в том, что если политически население действительно получило больше возможностей для проявления своего националь-

ного самосознания, развития духовности, самоуправления, то в его экономическом положении позитивных изменений нет: в результате современных катаклизмов оно оказалось в состоянии кризиса, полной депрессии.

Эту скептическую реакцию произвольно усиливают своими не всегда продуманными, недостаточно эффективными действиями в области национальной политики местные властные структуры. Немаловажную роль играет и слабая информированность населения о деятельности властей. Считают, что их национальные интересы достаточно полно учитываются местными органами государственного управления, лишь 11,6% респондентов.

Расширение суверенных прав коренного этноса республики воспринимается респондентами прежде всего как обеспечение более широких возможностей для развития родного языка, становления его как языка государственного. В ответах на вопрос о языке, его статусе у алтайцев и русских обнаружили наибольшие различия: если среди алтайцев почти половина (44,9%) считают, что всем живущим в республике необходимо знать и алтайский, и русский язык, то среди русских доля высказавших такое мнение в несколько раз меньше – 9,7%.

Выявлены коррелятивные связи и зависимости между этнополитическими ориентациями и установками респондентов, их возрастом, социальным положением, уровнем образования.

Выводы, полученные в результате проведенного социологического исследования, позволяют внести ряд предложений по совершенствованию политики межэтнических отношений в республике. В частности, мы полагаем, что необходимо разработать концепцию устойчивого развития аборигенных этносов и научно обоснованную программу национальной политики для всех ветвей власти – от центральных до местных, которая учитывала бы национальные потребности всех народов, проживающих в регионе. Требуется также продуманная миграционная политика, обеспечивающая сохранение сложившегося этнического соотношения в многонациональных регионах. Назрела необходимость создания законодательной основы гарантий охраны среды обитания малых народов, обеспечения развития их традиционных форм хозяйствования. Кроме того, следует разработать специальную систему мероприятий по развитию национальных языков, сохранению народных обычаев, традиций, обрядов, менталитета этноса.

А.Ю.Майничева
(г. Новосибирск)

ПРОБЛЕМЫ КОНТАКТОВ И ЭВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КУЛЬТУРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА НАСЕЛЕНИЯ ПРИОБЬЯ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ¹

Эволюция традиций в культуре строительства крестьянского населения Приобья и внедрение в нее инноваций в середине XIX – начале XX в. связаны с социальными и экономическими явлениями, а также с инициированными разного рода контактами дифференциационными и интеграционными этническими процессами. Анализ технологических, обрядовых и других характеристик культуры строительства в каждом случае позволяет зафиксировать традицию или инновацию, а следовательно, и определить эволюционную направленность. Традиция обладает свойствами стабильности и вариативности, т.е. способностью к модификации в некоторых границах. Локальные варианты традиции могут создаваться как за счет процессов, протекающих по сходным закономерностям, так и за счет сближения разных по происхождению форм и вариативности синонимического характера².

Фактов значительных изобретений в культуре строительства крестьян Приобья, оказавших большое влияние на ее структуру или ориентацию, в рассматриваемый период не удалось установить, а эволюционные инновации и заимствования были многочисленны, начиная от распространения ранее не использовавшихся видов инструментов и кончая появлением новых типов усадеб и включением в структуру поселения элементов озеленения. Заметим, что дальнейшее, более детальное, исследование, возможно, выявит некоторые местные изобретения на уровне совершенствования технологий.

Этапами внедрения инноваций в культуре строительства выступали отмеченные С.А.Арутюновым для общего случая селекция, воспроизведение, модификация, структурная интеграция³, причем разные этнические общности усваивали различные инновации на разных этапах внедрения, а, например, староверы полностью отвергали все или большинство из них.

Существовала как утилитарная, так и престижно-знаковая функция инновации. Отбор совершался в пределах локальной группы, а оптимальная модель в дальнейшем распространялась в культуре данного этноса вглубь и вширь. Первоначально она была принадлежностью главным образом того социального слоя, в котором была создана и распространялась преимущественно по линиям семейно-брачных отношений. Новый элемент культуры утилитарного назначения приобретал знаковый или престижный характер в случае утраты им части своей утилитарности и восприятия его другими социальными слоями. Пример тому – распространение определенной конструкции крыши. Зажиточные крестьяне возводили на своем обширном по площади доме, как правило крестовом, четырехскатную крышу, что было оправданным в конструктивном плане. Затем такую крышу стали устраивать и менее обеспеченные крестьяне на пятистенном доме с прирубом, хотя по площади он уступал крестовому, и на нем возможна была установка двускатной крыши. Влиянием формы каменных городских, т.е. более престижных, домов объясняется и распространившаяся рубка домов “в лапу”

В середине XIX – начале XX в. закрытая система традиционной культуры крестьянства при переходе от докапиталистического общества к современному урбанизированному превращается в открытую. Она больше не в состоянии перерабатывать или приспосабливать новации к архаической традиции, а сама подвергается размыванию и деформации, переставая существовать как система. Ее ломке содействовали социальное переустройство общества, изменение идеологических ориентиров. Процесс смены стереотипов приобрел особую интенсивность с распространением технических средств массовой коммуникации, школьного образования, а также быстрым расширением индустриального производства, охватывавшего все новые и новые участки быта – жилище, одежду, пищу, средства транспорта и т.д.

К.В.Чистов показал причины смены стереотипов, из которых для культуры строительства наибольшее значение имели изживание экономической и культурной замкнутости, потребление вещей и духовных ценностей, созданных за пределами первичной социальной группы, изменение системы ценностной ориентации, направленность ее в сторону города, смена контактного типа трансмиссии культуры надконтактным (школа, радио и т.д.), вовлечение даже наиболее замкнутых социальных групп в широкую коммуникативно-информационную сеть⁴.

Выделяются некоторые виды контактов, оказавших наибольшее влияние на эволюционные процессы в культуре строительства⁵. Это, во-первых, контакты этнокультурных групп на разных уровнях общения (индивидуальном, семейном, групповом); во-вторых, контакты представителей различных социальных слоев; в-третьих, контакты жителей города и села как носителей принципиально разных видов культуры – индустриального и доиндустриального общества. Очевидно, что указанные виды контактов служат основными проводниками трансмиссии культурных явлений и феноменов и, следовательно, создают предпосылки для эволюции в культуре.

Эволюция и смена традиций, внедрение инноваций связаны с такими этническими процессами, как консолидация, ассимиляция, сближение, культурная интеграция, аккультурация. В середине XIX – начале XX в. в Приобье шли все указанные процессы. В функционировании культуры строительства это наблюдается на примере взаимодействия различных восточно-славянских групп, татар и чувашей. Имело место противостоящее интеграционным и дифференциационным процессам явление *культурной индифферентности*, что выражалось в сохранении и развитии собственных традиций, даже при условии тесных контактов с различными группами. Следствием этого было параллельное развитие различных этнических образований.

Процессы интеграции в культуре строительства вели к установлению единых приоритетов в применении строительных материалов, конструкций и инструментов, при этом некоторые традиции, существовавшие в экологической и материальной сферах культуры определенных этнических групп, претерпевали изменения. То, что было традиционным для части населения, становилось инновационным для других. Можно говорить, например, о преобладающем использовании всеми этническими группами Приобья дерева и срубных конструкций и переходе на эту технологию тех, кто в местах своего выхода возводили саманные или каркасные мазаные постройки (некоторые группы украинцев и южнорусских).

Отметим, что на севере Украины основой построек также являлся бревенчатый сруб⁶. Рубленые деревянные хаты были распространены на значительной части Черниговщины, Киевщины и Волыни, встречались в районах Полтавщины и Харьковщины. Это означает, что для выходцев оттуда срубные приемы строительства во многом не были инновационными. Зона глинобитных хат начиналась к югу, на Днепропетровщине. В далеком прошлом ее граница проходила значительно южнее современной, так как там леса еще не были вырублены. Переселенцы с Украины пытались строить из привычных им материалов, но суровые сибирские зимы в конце концов заставляли и их применять для жилища деревянные конструкции. В большинстве районов Украины срубы обмазывались глиной, что было обусловлено

неровностью бревен из лиственного леса, и белились. В Приобье при использовании хорошего строительного материала выходцы с Украины, как и украинцы, жившие на границе с Гомельщиной и Пинским Полесьем, срубы стали оставлять без обмазки и побелки, но чаще, чем их новые земляки, окрашивали масляной краской.

Эволюция поселений по типу существующих в Европейской России и воспроизведение усадебных комплексов в районах с соответствующими природно-климатическими условиями также суть проявления интеграции традиций. Аккультурация проявлялась в принятии традиций старожильского населения в различных сферах строительной культуры малочисленными группами переселенцев, оторванными от основного этнического массива (чехи, белорусы), а также группами татар, что, видимо, произошло в более ранний период. Наиболее сильны были процессы сближения. Это выразилось в том, что многочисленные элементы экологической, материальной, художественной сфер культуры строительства получали широкое распространение у многих этнических групп, в том числе старожильских. Основой служили культурная толерантность, объективный характер знаний и навыков, которыми может овладеть представитель любого этноса, если они не противоречат его мировоззренческим и ценностным установкам. Немаловажное значение имело и то, что многие из вновь усваиваемых элементов могли бы быть результатом варьирования собственных традиций. Закономерным следствием сближения становится консолидация. Ассимиляционные же процессы неизбежно ведут к утрате традиций, существующих во всех сферах культуры строительства, поскольку связаны с исчезновением носителей традиций. Так, наряду с другими причинами это сыграло определенную роль в утрате традиции расположения в избах окон над печью.

Дифференциационные процессы в наибольшей степени проявлялись в нормативной и духовной сферах строительной культуры. Их побудительной и поддерживающей причиной было не только национальное самосознание, но и религиозные догматы той или иной группы. Стремление наиболее последовательных приверженцев старообрядчества к культурному обособлению не могло противостоять интеграционным процессам, и это вызывало у них резко негативную реакцию, они не останавливались и перед физическим самоуничтожением.

Совместное проживание различных этнических групп вело к увеличению числа контактов, а значит, и к появлению различных культурных трансформаций, как спонтанных, так и стимулированных, а также заимствований. Территориально оторванные друг от друга группы даже одного этноса неизбежно приобретали отличительные черты. Это хорошо видно на примере организации усадебного комплекса, номенклатуры и количества построек в различающихся природно-климатических условиях. Таким образом, дифференциационные процессы можно наблюдать и в экологической, и в материальной сферах строительной культуры.

Существует четыре типа воздействия социума на типологически более или менее аналогичный социум: прибавление, убавление, усложнение, обеднение⁷. Первые два ведут к количественному изменению, последние два – к перестройке структурных связей культуры. В развитии сопутствующих этим воздействиям процессов подразумевается обратная связь, которая обычно несимметрична и неэквивалентна. В зависимости от характера взаимодействия различных культур (их равноправия, уровня конфликтности) в культуре-реципиенте действуют фильтры по отношению к воздействию культуры-донора. Происходят отбор и трансформация традиций, в культуре активизируются процессы эволюции. Взаимодействие старожильского и переселенческого населения при их контактах в системе культуры строительства можно показать на примерах, используя для большей определенности классификацию архитектурно-строительных традиций, сделанную на основе модели общественной жизни И.А.Барсегяна.

Прибавление и усложнение наиболее эксплицитно выражены в сфере приложения деятельности. Переселенцы ориентировались на более сложные и удобные жилые дома старожилов, стремились перенять рациональные в сибирских условиях приемы строительства. В результате имело место как воспроизведение типов старожильских жилых домов, так и подражание им. Пятистенки с усложненной планировкой переселенцы строили наподобие крестовым домам сибиряков. С течением времени переселенцы стали уделять больше внимания выбору строительного материала, следуя правилам, принятым в Приобье. Старожилы обычно охотно пользовались услугами мастеров из переселенческой среды, владевших навыками столярного и малярного ремесел. Поэтому в домах старожилов появлялись новые типы окон – тройные, полуциркульные, новые виды декорирования. Старожилы стали пользоваться новыми видами инструментов, приобщаясь к современной индустриальной культуре.

Можно считать, что контакты с большим числом переселенцев, с одной стороны, вели к убавлению и обеднению системы традиций культуры старообрядческих групп. Это, например, утрата принципов уединенности в выборе мест для поселения и отрицания общения и взаимодействия, в том числе в культуре

строительства, на уровне способов деятельности. С другой стороны, наблюдались прибавление и усложнение, поскольку система культуры строительства старообрядцев воспринимала и адаптировала элементы культуры-донора. Следует заметить, что одновременно в результате преобразования замкнутой системы старообрядческой культуры в открытую элементы ее стали достоянием культуры других групп, а это внесло позитивный вклад в развитие региональной культуры строительства.

Время существования традиции и внедрения инновации зависит от специфики сферы культуры, в которой традиция или инновация действуют. Конечно, традиции во всех сферах культуры находятся под влиянием указанных далее факторов, поскольку они связаны в единую систему народной культуры, но в данном случае речь пойдет о наибольшей роли того или другого фактора.

В материальной сфере строительной культуры, система которой с проникновением в нее научно-технических достижений становится открытой, наблюдается значительное укоренение некоторых инноваций буквально с момента их появления. Таково распространение новых инструментов, приемов и способов строительства. Одновременно с этим изменения в условиях существования, к чему вели миграции, на определенный срок вызвали к жизни древние традиции, не только действующие, но и находящиеся в латентной форме. Так, землянки⁸ являются простыми в возведении, не требуют специальной подготовки материала. Воспроизведение конструктивных характеристик землянок при утрате концептуальных закономерностей трехэлементной оси *вход – очаг – священное место* в этом типе жилища, не позволяют осмыслить его как истинный Дом. Поэтому для многих переселенцев такое жилище служило временным пристанищем до возведения “настоящего” дома. Появление плетневых, саманных и других построек из суррогатных материалов, расширение некоторыми этнокультурными группами области применения таких технологий строительства по сравнению с тем, как это развивалось на их родине, были достаточно кратковременными. Эти технологии не получили сколько-нибудь серьезного развития в Прибые из-за их несоответствия местным природно-климатическим условиям.

Социальные факторы в материальной сфере культуры часто оказывают воздействие лишь в той мере, в какой они касаются структуры хозяйственной деятельности. Массовые миграции повлекли за собой переустройство системы хозяйства старожилов и переселенцев, что вызвало изменения и в культуре строительства. Революционные преобразования, начатые в 1917 г., в большей мере оказали влияние в 30-х годах. При существовании единоличной формы хозяйства размер усадеб рос, увеличивались количество и набор построек. С внедрением коллективных способов ведения хозяйства личные усадьбы уменьшились до минимума, – теперь это жилище и одна-две надворные постройки, так как большая часть работ была вынесена за пределы усадьбы.

В нормативной и духовной сферах строительной культуры, опосредующих отношения человек–общество, наибольшее значение приобретают социальные факторы, а время существования традиции определяется коренной перестройкой всей системы культуры, например в случае социальной переориентации общества. При этом традиции, существующие в нормативной и духовной сферах, могут лишь перейти из актуальной формы в потенциальную, а не полностью исчезнуть. В нашем случае так было, например, с обрядом перехода в новый дом и представлениями о духах дома, сокращенных количественно и приобретших оттенок социально не одобряемых. Существенно влияние в рассматриваемых сферах культуры строительства религиозного фактора, который включает в себя традиционные верования. Для трансляции в историческом времени духовных ценностей религиозная форма сознания имеет особое значение благодаря наличию специальных институционализированных механизмов такой трансляции⁹. Изменения в сознании ведут к трансформации механизмов передачи, а затем и к эволюционным процессам в системе культуры. Принятие христианства некоторыми группами обских татар спровоцировало их культурное сближение с русскими крестьянами.

Художественная подсистема духовной сферы культуры специфична тем, что взаимодействие *человек (этнос)–общество* осложнено взаимодействием *человек (этнос)–искусство*, поэтому традиции, существующие в этой среде, имеют относительную автономию и опосредованную связь с указанными выше факторами, существенными для других сфер культуры. Время существования традиций этой сферы часто зависит от моды, т.е. приверженности тем или иным элементам, формам, стилям.

Экологическая сфера культуры, охватывая взаимодействие *человек (этнос)–природа*, наибольшее влияние испытывает от изменения природных условий, например при миграции этнических общностей в другие местности. Так, существенные изменения претерпевали традиции этнокультурных групп новоселов, желавших наилучшим образом устроиться на новых местах.

Для существования и развития той или иной традиции немалое значение имеет такой фактор, как время проживания в одном месте и цикличность функционирования группы. Чем дольше этническая общность пребывает в данных условиях, тем сильнее укрепляется система традиций, тем большее число

спровоцированных внешними причинами новаций, проходя стадию инноваций, ведет к установлению традиции. С.А.Арутюнов полагает, что для этноса в целом время перехода инновации в традицию определяется жизнью поколения. Инновация не может полностью обратиться в традицию, пока живет поколение, выросшее в лоне иной традиции, или пока воспоминание о былой традиции живо в коллективной памяти этноса¹⁰. Это означает, что для установления общезначимой традиции необходим срок не менее полувека¹¹. Время распространения новой традиции зависит от плотности и интенсивности информационно-коммуникационных связей и определяется временем функционирования *деятельного поколения*, т.е. людей в трудоспособном возрасте, являющихся основными активными участниками трудового процесса.

На степень устойчивости той или иной традиции существенно влияет ритм смены поколений, приступивших к труду. Известно, что в крестьянских семьях середины XIX – начала XX в. дети с раннего возраста начинали трудиться, общая же продолжительность жизни людей была невелика. Уже в 12–14 лет подростки имели многие из необходимых знаний, чтобы успешно выполнять различные работы. При этом получаемая информация была однородно распределена между членами общности, поскольку владела ею многие. Если, например, в 12 лет подросток начинал трудовую деятельность, то его непосредственным учителем выступал отец или другой член этносоциальной общности, старше его приблизительно вдвое и более. В свою очередь, по достижении 25–30 лет он сам становился учителем своих детей. То есть период ритма начала трудовой деятельности и частичной смены деятельного поколения был невелик и составлял 12–15 лет. Понятна и одна из причин безусловного авторитета старших в традиционном обществе. Долгожителей, накопивших опыт нескольких деятельных поколений, было мало, а именно они могли уловить изменения и на основе имеющихся у них сведений прогнозировать будущее, дать дельный совет, от которого часто зависели благополучие и жизнь членов сообщества. Естественно, все это происходило зачастую на интуитивном уровне и регулировалось опять-таки традицией.

Изменение характера информации, появление иного типа и других целей образования неизбежно должны были привести к увеличению срока обучения и удлинению периода между сменой поколений, приступивших к труду, а значит, и к размыванию специфической традиционной информации.

Учитывая сказанное, можно заключить, что изменение традиций может осуществляться при смене состава деятельного поколения, т.е. через *полупоколение* – 25–30 лет. Традиции переселенцев, приехавших в Приобье в начале XX в., претерпели определенные трансформации и в измененном виде были переданы ими детям, которые стали их применять. Таким образом, это должно было произойти и произошло к 30-м годам. Время же установления этих традиций как общезначимых зависело от ряда обстоятельств. Часть из них в таком качестве была принята быстро, часть и поныне существует в локальных вариантах. Очевидно, что большое значение в этом случае имеют факторы, указанные С.А.Арутюновым¹². Среди них – соответствие новых традиций тенденциям внутреннего развития культуры, этноинтегрирующим и этнодифференцирующим функциям этнической культуры, а также контакты и отношения различных классов, слоев, сословий – носителей данной культуры этноса и этнической культуры, соотношение их внутри данного этносоциального организма.

Зависимость установления традиции от того, были ли контакты с представителями других общностей эпизодическими, периодическими или постоянными, не являлась прямой. Эпизодичность не означала малой вероятности установления новшеств в качестве традиции, а постоянство, напротив, не было гарантией этого. Склонность к восприятию неизвестных ранее традиций в первую очередь связывалась с осознанием рациональности их использования и соответствия ценностным и мировоззренческим установкам носителей культуры-реципиента, вне зависимости от того, контактируют ли между собой этнокультурные группы, члены этих групп внутри каждой общности, жители города и села, представители различных социальных слоев. В этом плане понятна значительная степень влияния культуры городского населения на культуру жителей села, поскольку первая во многом – и идейно, и технически – опережала рассматриваемую нами крестьянскую культуру. Город давал новые технологии, инструменты, материалы. Достаточно устойчиво сохранялась идея культуртрегерства: люди даже недавнего прошлого могли выступать героями, принесшими передовые элементы культуры, и поэтому их образы остались в благодарной памяти потомков.

Для сохранения и воспроизведения традиции существенна численность этнической общности. Как уже говорилось, в Приобье в изучаемый период наблюдались процессы включения некоторых этнических групп в другие, что происходило вследствие невозможности полноценно воспроизводить свою культурную систему из-за малочисленности группы.

Представим некий гипотетический случай, когда традиции в стабильных условиях нормально функционируют и воспроизводятся. При этом их угасание связывается лишь с исчезновением самой общности. Следовательно, численность ее должна быть такой, чтобы вероятность некой случайности

или комплекса случайностей, ведущих к утрате традиции, была достаточно мала. Теоретически вывести такую численность можно только при наборе большого числа эмпирических данных. Однако можно отметить, что обособленное функционирование одной семьи обеспечивает воспроизводство традиций лишь на семейном уровне с утратой большей части этнически, субэтнически специфичных и суперэтнических традиций. Так как человек является носителем лишь части традиций, умений, навыков, ставших ранее достоянием этнической общности, воспроизводство каждым членом этой общности *своей части* важно для устойчивого сохранения всего комплекса традиций. Чем более высок уровень развития общества, тем глубже происходящее разделение, тем большей должна быть численность общности, *стремящейся к сохранению традиций*, для их реального сохранения. Надеясь на взаимную поддержку и оценивая свои возможности в устройстве на новых местах, в Сибирь ехали семейные кланы, группы земляков, а иногда и целые деревни. Интуитивно они таким образом обеспечивали себе возможность успешного устройства в новых условиях при сохранении своей общности, обладающей комплексом традиций.

Одновременно с увеличением численности какой-либо общности может увеличиваться и количество ее членов, по разным причинам *стремящихся к трансформации традиций*. Поэтому изменение численного соотношения людей, следующих традиции и трансформирующих ее, приводит к сохранению традиций либо к утверждению инноваций, имеющих тенденцию перехода в новые традиции. Разумеется, при этом судьба той или иной традиции не имеет прямой зависимости от складывающегося «баланса сил»

Итак, роль и место архитектурно-строительных традиций в культуре крестьян северной части Верхнего Приобья в значительной мере были определены адаптационными процессами в различных этнических общностях, активизировавшимися в исследуемый период. Региональный вариант культуры строительства складывался как результат идущих в данном регионе этнических процессов. Архитектурно-строительные традиции имели как этнические и субэтнические компоненты, так и суперэтнические и привнесенные современной цивилизацией. Эволюция архитектурно-строительных традиций и их стабильность при известной степени варьирования связывались с процессами внедрения разного рода инноваций при трансформации закрытых систем культуры в открытые в условиях повышения плотности инфосети вследствие увеличения числа и длительности разного рода контактов.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 98-01-00364 «Проблемы изучения традиционной культуры русских крестьян Сибири методами этнографии и лингвистики»

² См.: Чистов К.В. Традиция и вариативность // Сов. этнография. – 1983. – № 2. – С. 14, 15.

³ См.: Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М., 1989. – С. 174.

⁴ См.: Чистов К.В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. – Л., 1986. – С. 17, 124, 125.

⁵ См.: Арутюнов С.А. Народы и культуры... – С. 104, 105.

⁶ См.: Бломквист Е.Э. Общие черты в крестьянском жилище русских и белорусов // Сов. этнография. – 1954. – № 4. – С. 40.

⁷ См.: Арутюнов С.А. Народы и культуры... – С. 155.

⁸ О землянках в культурах различных народов см.: Арутюнов С.А., Васильев В.И., Джарылгасинова Р.Ш. Древние уральско-восточноазиатские этнографические параллели (на материалах жилища) // Сов. этнография. – 1991. – № 2. – С. 28–37.

⁹ См.: Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтнические сообщества в регионах Сибири: на материале социологической экспедиции в национально-смешанные поселения Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа. – Новосибирск, 1996. – С. 48.

¹⁰ См.: Арутюнов С.А. Народы и культуры... – С. 165.

¹¹ Близкий к этому период времени, необходимый для смены поколений, а значит, и традиций, упомянут в притчах Ветхого Завета, в которых повествуется, как Моисей водил свой народ по пустыне 40 лет, за которые все взрослые, вышедшие из Египта, умерли и не увидели обетованной земли Ханаан (Числа. 14:29–31, 34–35; 27:18–23).

¹² См.: Арутюнов С.А. Народы и культуры... – С. 172.

С.В.Саая
(г.Абакан)

**РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ
ТУВОЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ В 1920–1930 ГГ.**

Истории зарождения и развития связей тувинского народа с Россией посвящено немало исследований. В том числе установлено много интересных фактов, относящихся к хозяйственным, культурным и политическим взаимоотношениям Советской России с тувинским народом в период существования Танды-Тывинской Аратской Республики (ТАР) в 1921–1944 гг. И хотя толкование и оценка этих фактов нередко однобокие и идеологизированные¹, все же большинство авторов справедливо подчеркивают, что именно с момента провозглашения суверенного государства – ТАР указанные взаимоотношения были поставлены на более высокий уровень и в юридическом, и в структурном плане. В данной статье мы рассмотрим основные направления внешнеэкономического сотрудничества ТАР с Советским Союзом с 1921 по 1941 г. с учетом сложившейся в тот период внутриполитической ситуации в обоих государствах.

Для признания ТАР соседними государствами и установления с ними дипломатических связей республике необходимо было достичь внутренней стабильности и в то же время для сохранения своей независимости ей нужна была политическая и экономическая поддержка Советской России. Поэтому первая Конституция ТАР, принятая 15 августа 1921 г. Республиканским Учредительным Хуралом, провозгласила, что “в международных отношениях республика выступает под покровительством РСФСР”² 14 сентября 1921 г. в своем послании тувинскому народу Советское правительство приветствовало образование ТАР и “гарантировало свою поддержку и помощь”³. Но соглашение между СССР и ТАР об установлении дружеских отношений и обмене дипломатическими представительствами было заключено в Москве лишь 22 июля 1925 г.⁴ В этом договоре ТАР фигурирует как Тувинская Народная Республика (ТНР), и далее, когда речь будет идти о периоде после заключения договора, мы будем употреблять последнее название.

Руководство ТАР осознавало, что внешнеэкономическая стратегия должна базироваться на комплексной оценке возможностей и потребностей национального хозяйства, а также учитывать геополитическую и экономическую значимость того или иного направления этой стратегии. В 1922 г. при Министерстве финансов республики был создан Отдел торговли, что явилось первым шагом в установлении внешнеэкономических связей с соседними государствами. Министерство финансов уделяло большое внимание договорным отношениям с Русской самоуправляющейся трудовой колонией (РСТК), которая сыграла немаловажную роль в установлении советско-тувинских связей. В Положении о местном самоуправлении русской колонии в Урянхае (Танды-Тыва) – учредительном документе РСТК отмечается ориентация ее граждан на организацию внешней торговли путем развития потребительской и местной кооперации. Члены РСТК занимались грузоперевозками через Саяны, различными видами кустарного производства и добычей золота⁵

Еще до революции Россия получала большую прибыль от торговли пушниной и другим сырьем, поставляемым тувинскими аратами. Советская Россия не хотела терять эту статью доходов. В 1923 г. в ТАР начала свою деятельность советская организация Сибпушнина – отделение Сибторга. В дальнейшем для развития торговых связей СССР с Монголией и Танды-Тывой было создано специальное всесоюзное экспертно-импортное объединение Совмонгтвоторг. Это способствовало увеличению объемов взаимных поставок и росту товарооборота между государствами (см. табл).

Товарооборот между ТНР и СССР*

Годы	Импорт	Экспорт	Внешнетор- говый оборот	Сальдо
1923–1928	2424,61	2323,8	4748,4	-100,8
1930–1938	16183,0	6826,6	23009,6	-9356,4
1939–1944	18529,0	24509,3	43038,3	+5980,3

* Источники ЦГА, ф. 1, оп. 14, д. 178, л.5; ф. 12, оп. 10, д. 18, л. 2. Цены текущие, официальный курс акша 1,3:1 тыс.акша.

В 20-е годы для перевозки товаров через советско-тувинскую границу использовался в основном гужевой транспорт. Это требовало больших расходов и сопровождалось многими трудностями. В 1929 г. в Кызыле была создана советская транспортная организация Союзтранс, и одновременно благодаря помощи советской стороны в республике развивалась своя транспортная сеть. В 1932 г. правительства ТНР и СССР заключили соглашение о создании совместного акционерного общества Союзтувтранс. С каждым годом объем грузоперевозок увеличивался, особенно после перестройки Усинской колесной дороги в автомобильную. Так, в 1938 г. он составил 77,3 тыс. т-км, а в 1941 г. – уже 1313,6 тыс. т-км⁶. В апреле 1941 г. Правительство СССР передало ТНР свою долю акций в Союзтувтрансе, и общество было переименовано в Тувтранс. Теперь весь автопарк находился в распоряжении республики, что позволило усилить контроль за транспортными тарифами, а это, в свою очередь, способствовало созданию режима наибольшего благоприятствования советско-тувинским торговым связям.

Задачу создания и развития в ТАР внутренней и внешней торговли призван был решать также Тувинский центральный кооператив (ТЦК), созданный 16 декабря 1924 г. ТЦК выполнял функции организации потребительской, заготовительной кооперации, а также простейшего сельскохозяйственного объединения и включал в себя финансовые, торговые и кооперативные органы.

В 20-х годах на территории ТАР помимо частных тувинских торговцев действовали торговые фирмы других стран. Самой активной была сеть китайских фирм: в 1923 г. 37 фирм и 70 их подразделений осуществляли 75% всех торговых операций в ТАР⁷. И ТЦК пришлось в конкурентной борьбе завоевывать себе место как на внутреннем, так и на внешнем рынке, но при этом он пользовался поддержкой со стороны государства.

В период формирования основ не только внешнеэкономической доктрины, но и всей экономики молодого государства эффективными средствами протекционистской политики стали нетарифные инструменты, давшие возможность использовать защитные меры исходя из национально-государственных интересов. В сфере торговли эти меры были связаны с постепенным вытеснением частного капитала. Так, доля частного сектора в торговле в 1920 г. составляла 19,27%, в 1930 г. – 1,26%, а в 1931 г. он был полностью вытеснен⁸.

Министерство финансов ввело в практику своего рода лицензирование: иностранные торговые фирмы должны были пройти регистрацию, получить разрешение вести торговлю на территории ТНР и соблюдать ряд технических норм (санитарных, ветеринарных). Надо отметить, что не все были готовы пройти контроль, легализовать свои доходы и методы ведения торговли.

По мере того как государство активизировало свою внешнеэкономическую деятельность, стали широко применяться и другие масштабные экономические, финансовые, технические меры, осуществление которых предполагало аккумулирование в руках государства финансовых, в том числе валютных, средств. При действенной помощи СССР 25 июля 1925 г. был создан Тувинский торгово-промышленный банк (Тувинбанк) как акционерное общество. Тувинбанк предоставлял кредиты, организовывал и контролировал денежный оборот, формировал государственный бюджет. Так постепенно складывалась финансово-кредитная система ТНР.

До заключения в 1925 г. договора между Тувинской Народной Республикой и Советским Союзом внешнеэкономические связи в республике осуществляли несколько организаций. Но со временем возникла необходимость в организующем центре, и Правительство ТНР выступило с инициативой создания в республике Советского торгового представительства⁹. Представительство было создано в том же 1925 г., и это способствовало расширению сфер взаимодействия двух государств, внесло в их отношения организованность и плановость.

Чтобы определить дальнейшую стратегию экономического сотрудничества, Советскому Союзу надо было изучать условия и возможности ТНР. Летом 1927 г. в Танды-Тыва отправилась экспедиция Народного Комиссариата путей сообщения под руководством профессора Р.Г.Успенского. Экспедиция исследовала состояние экономики республики, вела поиск наиболее экономически выгодного железнодорожного выхода в ТНР из пределов СССР от Минусинска, а также изучала вопрос о транзите из Монголии в СССР. Был собран обширный материал по сельскому хозяйству, торговле и добывающей промышленности края¹⁰, установлено, что недра Танды-Тыва исключительно богаты полезными ископаемыми, такими как хризотил – асбест, коксующийся уголь, кобальт, цинк, свинец, ртуть, имеются месторождения каменной соли, золота. В результате СССР начинает более активно развивать экономические связи с ТНР.

В этих условиях Тувинское государство, в свою очередь, стремилось развивать экспортные производства, которые давали возможность пополнить валютные поступления, столь необходимые для подъема всей экономики республики в начальный период ее становления. В ТНР имелись золотые прииски, которые могли бы стать источником дохода для государства. Но с 1924 по 1934 г. они на договорных началах

находились в ведении соответствующих организаций СССР, и только с 1 января 1935 г. по решению Правительства СССР все золотые прииски с оборудованием и постройками общей стоимостью в 3,8 млн руб. были переданы в собственность Правительства ТНР¹¹. К 40-м годам на территории ТНР действовали прииски в Нарыне, Харале, Эми, Чинге-Кате, Байсоте, дававшие 45,5% всей продукции государственной промышленности.

Однако главной отраслью народного хозяйства ТНР было животноводство, и необходимо было создать государственные промышленные предприятия по переработке продуктов животноводства, а для этого нужны были кредиты. Через Тувинбанк СССР предоставил республике целевые кредиты, прежде всего для укрепления государственного сектора в сельском хозяйстве. В период с 1928 по 1931 г. эти кредиты составили 665 тыс. руб., а кроме того, за тот же период республика получила долгосрочные кредиты на общую сумму 7 млн руб.¹² При технико-экономической помощи СССР в 30-х годах были построены кожевенный и лесопильный заводы, создана овчинная артель.

Для экономического развития республики Правительству ТНР необходимо было также решить проблему кадров. Молодые люди направлялись на учебу в СССР и Монгольскую Народную Республику, на местах организовывались курсы с отрывом и без отрыва от производства, приглашались специалисты из-за границы, главным образом из СССР. При этом профессиональная подготовка обязательно сопровождалась партийной¹³

Как объективный результат качественных сдвигов в экономике ТНР, с одной стороны, и как следствие внутривнутриполитических процессов в республике – с другой, в 30-е годы в структуре, характере и методах осуществления внешнеполитических связей ТНР происходят кардинальные изменения. Это нашло отражение в решениях VIII (1929 г.) и IX (1932 г.) съездов Тувинской Народной Республиканской Партии (ТНРП) и VII (1930 г.) Великого Хурала ТНР. VIII съезд ТНРП особо подчеркнул, что “только укрепление связей с СССР и реальная помощь со стороны его обеспечивает создание условий для социалистического строительства и укрепления экономической самостоятельности республики”, и поручил ЦК направить свои усилия на укрепление связей с СССР¹⁴

В это время к руководству республикой пришли левые силы, которые начали “чистку” в рядах ТНРП и во всей руководящей системе государства, настаивали на проведении сплошной коллективизации и установлении монополии государства во всех сферах народного хозяйства, а в области внешней политики взяли одностороннюю просоветскую ориентацию.

Новая Конституция ТНР 1930 г. установила государственную монополию во внешней торговле. В 1932 г. Совторг, прекратив свое существование, передал все средства ТЦК. По данным переписи 1931 г., удельный вес кооперации в общем товарообороте составил к этому времени 97,6%¹⁵. К 1937 г. товарооборот ТЦК был равен уже 13309,2 тыс. акша против 3209,2 тыс. в 1930 г.¹⁶ Число пайщиков ТЦК в 1930 г. составляло 14000, в 1938 г. – 23716, в 1941 г. – 30000, в 1944 г. – 38185¹⁷. Организация стала подотчетной общему собранию членов-пайщиков.

Таким образом, ТЦК сосредоточил в своих руках весь внутренний и внешний товарооборот, при этом правительство взяло на себя финансирование ТЦК. В импорте особое внимание стали уделять ввозу машин, оборудования, недостающих видов сырья и материалов. Благодаря помощи СССР к 40-м годам в ТНР была улучшена материально-техническая база сельского хозяйства. В эксплуатации уже находились 37 тракторов, 2 комбайна, 140 сеялок, 190 жаток, 141 сноповязалка, 100 молотилок, 1102 сенокосилки, 261 конные грабли, 280 веялок и сортировок и другой техники¹⁸. Автозаправочная база республики также полностью обеспечивалась Советским Союзом.

Учитывая внутривнутриполитические изменения в ТНР и внешнеполитический курс ее руководства, Советское правительство предприняло ряд шагов, поощряющих связи с республикой. По заключенному в Москве в 1934 г. договору между Совмонггтувторгом в лице его председателя Е.М.Гордого и Министерством торговли и промышленности ТНР в лице торгпреда ТНР в СССР Танова-Седыбола (Танов-Седип-оол) Совмонггтувторг брал на себя все обязательства по доставке в ТНР продуктов и промышленных товаров. Более того, на товары предоставлялась скидка, достигавшая 40%¹⁹. Такие скидки были необходимостью, так как правительство ТНР стремилось постепенно ограничить импорт потребительских товаров. Это относилось к основным видам продовольствия, которые могли производиться в самой республике, т.е. к сельхозпродуктам. По социально значимым товарам, таким как медикаменты, осуществлялись централизованные закупки.

Одновременно с импортом увеличивался и экспорт (см. табл.), главным образом за счет золота и пушнины. В 1932–1934 гг. удельный вес пушнины в экспорте ТНР достигал 59,2%²⁰ В 1935 г. из 17553 аратских хозяйств 10000 занимались охотой. К 40-м годам постепенно сложилась внешнеэкономическая специализация ТНР, что позволило республике наиболее эффективно использовать в международных отношениях национальные преимущества.

Обязательной предпосылкой для результативной внешнеэкономической деятельности является также создание в стране благоприятных условий для развития предпринимательства, обеспечение роста покупательной способности как необходимого фактора оживления производства и потребления. В этом направлении в рамках “нового политико-хозяйственного курса” были достигнуты определенные успехи, что было отмечено в протоколах III чрезвычайной сессии Малого Хурала ТНР (1933 г.)²¹. В результате мер, предпринятых в русле этого курса, поголовье скота у аратов увеличилось с 900 тыс. в 1931 г. до 1,5 млн в 1940 г., посевы – с 18 тыс. га в 1933 г. до 37 тыс. га в 1940 г. В руках государства находились главные экономические рычаги: финансово-кредитная система, промышленные, строительные предприятия, госхозы, тожземы. Национальный доход увеличился с 11 млн акша в 1932 г. до 222,2 млн акша в 1941 г. В 1939 г. удельный вес мелкотоварного сектора составлял 57,6%, государственно-кооперативного – 42,4%, а в 1941 г. – соответственно 48,3 и 51,7%²². К 40-м годам у ТНР была уже твердая экономическая база для дальнейшего развития в качестве политически и экономически независимого субъекта международных отношений.

Итак, внешнеэкономические связи ТНР с Советским Союзом стали складываться с момента провозглашения независимости ТНР, и развитие их проходило в несколько этапов. В 20-х годах стороны сотрудничали, создавали для этого специальные органы и юридически оформляли все договоренности. С начала 30-х годов руководство ТНР взяло просоветский курс, что отразилось на характере дальнейших взаимоотношений двух государств. В 1941 г., с началом войны Советского Союза с Германией, характер внешнеэкономических советско-тувинских связей несколько изменился. Следуя своим дружеским обязательствам, ТНР еще более активизировала свою деятельность в данном направлении. Это стало одной из предпосылок включения ТНР в состав СССР в 1944 г., но данная проблема выходит за рамки настоящей статьи.

Примечания

¹ См.: Дулов В.А. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). – М., 1956; Сейфулин Х.М. История Тувы: Краткий очерк. – Кызыл. 1956; Кабо Р.М. Очерки истории и экономики Тувы. – М.; Л., 1934. – Ч. 1.; и др.

² Уч. зап. ТНИИЯЛИ. – Кызыл. 1957 – Вып. V. – С. 295.

³ См.: Годовой отчет НКВД к IX съезду Советов. – М., 1921. – С. 147; ЦГАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 13, л. 1.

⁴ ЦГАРТ, ф. 100, оп. 1, д. 8, л. 4–8.

⁵ См.: Моллеров Н.М. Вклад русской самоуправляющейся колонии (1922–1932) в укрепление советско-тувинских отношений // Проблемы истории Тувы. – Кызыл. 1984. – С. 84–97.

⁶ ПАРТ, ф. 1, оп. 1, д. 1590, л. 5.

⁷ См.: Соврем. Тува. – Кызыл. 1929. – № 1. – С. 14. В работе Х.М.Сейфулина “История Тувы. Краткий очерк” (с. 282) приводятся другие данные – соответственно 27 и 48.

⁸ ПАРТ, ф. 1, оп. 1, д. 268, л. 28.

⁹ Там же, д. 1590, л. 5.

¹⁰ См.: Успенский Р.Г. Экспедиция НКПС в Танну-Тувинскую Республику // Жизнь Сибири. – 1927. – № 11 – 12. – С. 118, 119.

¹¹ ЦГАРТ, ф. 102, оп. 16, д. 9, л. 16.

¹² ПАРТ, ф. 1, оп. 1, д. 324, л. 18.

¹³ См.: Чамзырин В.В. О формировании тувинской интеллигенции // Проблемы истории Тувы. – Кызыл, 1972.

¹⁴ VIII съезд Тувинской Аратской Революционной Партии в резолюциях. – Кызыл, 1930. – С. 9.

¹⁵ См.: Перепись населения Тувы в 1931 г. – М., 1932. – С. 158.

¹⁶ ЦГАРТ, ф. 4, оп. 3, д. 34, л. 1; д. 18, л. 2.

¹⁷ Там же, ф. 92, оп. 13, д. 30, л. 6; ПАРТ, ф. 1, оп. 1, д. 937, л. 11; д. 1498, л. 28.

¹⁸ ЦГАРТ, ф. 101, оп. 1, д. 102, л. 125.

¹⁹ Там же, ф. 92, оп. 1, д. 411, л. 32.

²⁰ ПАРТ, ф. 1, оп. 1, д. 269, с. 33.

²¹ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 558, л. 2.

²² Статистические данные см.: Аранчын Ю.П. К вопросу о периодизации Тувы переходного периода от феодализма к социализму // Проблемы истории Тувы. – С. 38.

*Д. Маршалл
(Аляска, США)*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СЕВЕРНОЙ АЛЯСКИ

Демографические тенденции: коренное и некоренное население села и города

Аляска – самый большой штат в США, его территория занимает 1,5 тыс. кв. км, что немногим больше территории Магаданской области. Сельские районы Аляски – это в основном западные, северные и внутренние районы штата, где проживают эскимосы – юпииты и инуиаты и индейцы – атапаски. Поселки, как правило, не соединены дорогами, сообщение осуществляется по воздуху и водным путем, зимой используются снегоходы.

За последнее столетие численность коренных жителей Аляски выросла, но еще больше увеличилась численность некоренного населения. В 1930 г. аборигены Аляски составляли 50% населения, сегодня их меньшинство – 16%. Коренное население Аляски растет за счет положительного демографического сальдо и сокращения детской смертности, чему способствует реализация оздоровительных программ. Увеличение некоренного населения обусловлено миграцией во время и после второй мировой войны и притоком новых жителей в результате открытия в 1960 г. месторождений нефти на севере штата.

За период с 1980 по 1990 г. значительно увеличилось как сельское, так и городское некоренное население – почти на две трети. Рост сельского некоренного населения обусловлен миграцией в деревни его относительно хорошо образованных представителей, которым государство предоставило работу, прежде всего в сферах управления, образования и здравоохранения (это, в частности, городские руководители, учителя, наркологи, психотерапевты). В указанное десятилетие штат получал большие доходы от нефти и газа, так как мировая цена на нефть достигла пика (30 дол. за баррель), и руководство штата могло производить значительные затраты.

В то же время росло городское коренное население – частично за счет естественного прироста, а частично за счет миграции жителей деревень в города. И все же коренное население преобладает в сельских районах Аляски, – в 1980 г. оно составляло 65%, в 1990 г. – 59%.

Мы еще не знаем, что произошло в нынешнем десятилетии, кроме того, что общее население штата продолжает расти: с 550 тыс. в 1990 г. оно увеличилось до 603 тыс. в 1995 г. Не ясно также, какие тенденции будут доминировать в дальнейшем. Вероятно, сельское некоренное население в этом десятилетии не вырастет столь же значительно, как в прошлом, так как в 90-е годы штат не вкладывал в сельские районы Аляски столь же много денег. Это обусловлено тем, что его доходы уменьшились по сравнению с пиком в середине 80-х годов. Вероятно также, что коренное население продолжит постепенное перемещение в города Аляски.

На мой взгляд, почти все некоренное население, по крайней мере до 90%, будет жить в городах; в сельских районах штата будет преобладать некоренное население, не снижая своей доли, зафиксированной в 1990 г., – 70% от общей численности сельского населения; большинство коренного населения продолжит жить в сельских районах, при этом его доля составит не менее 59% от всего коренного населения.

Эти предположения я основываю на следующем. Во-первых, государство не будет продолжать вкладывать деньги в создание рабочих мест в сельских районах Аляски в прежнем объеме, и уже не делало этого в 90-х годах, поэтому в будущем приток некоренного населения в сельскую местность сократится. Во-вторых, продолжительность жизни у сельского коренного населения не изменилась сколько-нибудь значительно за нынешнее десятилетие и не изменится за следующее. В-третьих, повышение уровня базового образования у сельского коренного населения означает, что большинство его представителей будут занимать рабочие места в своих деревнях, ранее занятые представителями некоренного населения. В-четвертых, относительное сокращение государственных вложений в сельские районы Аляски повысит важность промыслового сектора по отношению к финансовому, что снизит уровень миграции сельского коренного населения из деревень в города, так как промыслами занимаются преимущественно сельские жители.

Коренное население составляет две трети и более от общей численности жителей в семи из 11 сельских районов штата. Однако этот факт недооценивается, потому что существуют районы, где преобладает некоренное население. В целом доля коренного населения почти во всех из более чем 200 деревень штата составляет не менее 80%.

Тенденции развития финансового и промыслового секторов экономики

Жители сельских районов Аляски опираются как на финансовый, так и на промысловый сектор. Деньги используются не только для ежемесячной платы за жилье и свет, для покупки в магазине продуктов, одежды, домашней утвари, платы за проезд из деревни к родственникам и друзьям в городские районы штата, – они поддерживают и промысловое дело. Деньгами расплачиваются за новые машины и оборудование, в частности за лодки и моторы к ним, снегоходы, вездеходы, за их ремонт и обслуживание. Их расходуют на горючее для техники, на рыболовные сети, ружья и патроны. С помощью этой техники и оборудования сельские жители ведут промысел. Они охотятся на земноводных и морских млекопитающих (лося, карибу, кита, тюленя) и птиц (уток и гусей), ловят рыбу ценных (лосось) и неценных пород (северная щука), ставят капканы на бобра, лису, куницу, волка, росомуху, они собирают ягоды, травы, корни, заготавливают дрова. Добытое сырье приносят домой, перерабатывают, употребляют в пищу, делают из него одежду, корзины, вазы, используют для обогрева, часть идет на подарки, часть – на продажу.

Промыслы имеют культурную и духовную значимость, а кроме того, они очень важны с экономической точки зрения, о чем говорит, в частности, количество заготавливаемой пищи. Антрополог, нанятый штатом, подсчитал, что в половине деревень сельских районов Аляски жители добывают почти столько же мяса, рыбы и птицы, сколько покупается в среднем на западе США. Жители Западной Аляски, представляющие в основном сельское коренное население, добывают намного больше пищи, чем жители юга Центральной Аляски, являющиеся преимущественно горожанами. Рыба добывается главным образом на западе штата, морские млекопитающие – в Арктике.

Экономическая важность промыслов определяется и тем, сколько бы стоила их продукция, если бы пришлось покупать ее в сельском магазине. Уровень доходов у семей некоренного населения намного выше, чем у семей коренного населения. Если бы продукт нельзя было получать за счет охоты и рыболовства, то семьи коренных жителей во внутренних и западных районах Аляски тратили бы на их приобретение не менее половины своего годового дохода, а в других сельских районах – также довольно значительные суммы. То есть, чтобы не изменить качество и структуру питания, население внутренних и западных сельских районов, где сосредоточены основные промысловые ресурсы, должно было увеличить свои доходы по меньшей мере на 50%.

Доход и бедность

Уровень дохода и бедность относительно взаимосвязаны. В районах, описанных выше, семьи имеют более низкий средний годовой доход, чем в городских районах. За исключением Барроу, расположенного на севере штата, во всех сельских районах средний доход семьи в 1979 г. составлял менее 20 тыс. дол. (Барроу имеет очень большие доходы от налогов на нефть). В других районах средний доход семьи превышает 20 тыс. дол. В районах с наименьшим средним доходом на семью самый высокий процент населения, живущего за чертой бедности. Это шесть сельских районов: Уэйд Хэмптон, Бетел, Юкон-Коюк, Северо-Западная Арктика и Диллингем. В них в 1990 г. проживало 81% коренного населения. За период с 1980 по 1990 г. доля населения, живущего за чертой бедности, сконцентрированного в этих шести самых бедных сельских районах, изменилась незначительно, хотя это десятилетие характеризуется наивысшим уровнем государственных доходов и расходов.

Роль государства в финансовом секторе экономики сельских районов Аляски

Доходы от нефти и газа: прибыль, рента, плата за разработку недр, налоги, которые нефтяные компании выплачивают государству, – составляют основную часть общих неограниченных доходов штата. За период с 1980 по 1997 г. их доля равнялась в среднем 82%. Эти статьи государственных доходов служат крупнейшим источником финансирования сельских районов Аляски, и потому прежде всего именно они определяют уровень дохода на семью и уровень бедности.

Государственные вложения весьма важны для такого района, как Бетел. В этом сельском районе наибольшее число деревень, в которых проживает в основном коренное население. Государственные выплаты составляют 69% всего дохода жителей района, равного 230,4 млн дол. Около трети – 85 млн дол. – приходится на зарплату, которую государство выплачивает своим работникам и работникам непромышленной сферы (управления, образования, строительства, здравоохранения и охраны порядка). Таким образом, государство оплачивает до 60% рабочих мест. Еще треть государственных выплат приходится на дивиденды Постоянного фонда Аляски, выплаты по социальному обеспечению, пособия

по безработице, пособия малоимущим, продуктовые талоны и др. Хотя эта доля большая, она может еще вырасти, так как зависит от местных отчислений на зарплату тысячам государственных работников. Эти выплаты правительства, как федерального, так и, особенно, правительства штата, осуществляемые через органы местного управления, будут в обозримом будущем оставаться основной экономической силой, поддерживающей финансовый сектор экономики сельских районов Аляски.

Некоторые инициативы частного сектора сельских районов Аляски

В целом частный сектор играет только дополнительную роль в финансовом секторе экономики сельских районов Аляски, создавая рабочие места в банках, страховых компаниях, риэлтерских фирмах, на предприятиях, занимающихся оптовой и розничной торговлей, грузоперевозками, строительством, и др., которые зависят от выплат местными жителями денег, получаемых ими от правительства в виде зарплат и пособий. Но есть два исключения из общего правила, когда частный сектор не создает рабочих мест в сельских районах штата. Речь идет о Программе квотного развития общин и о шахте “Ред Дог”

В 1992 г. Департамент США по коммерции из общего разрешенного вылова сайры в Беринговом море 7,5% выделил общинам Западной Аляски, расположенным на протяжении 50 миль вдоль побережья Берингова моря, при условии, что у них есть план работы, утвержденный штатом. В 1995 г. этим общинам было также разрешено вылавливать палтус и некоторые другие виды рыбы, а кроме того, выделено 7,5% разрешенного вылова крабов. Целью федерального правительства было “помочь обеспечить на длительный срок стабильную работу готовым к этому общинам, гарантируя им определенную квоту” Шесть групп общин, объединяющих 57 деревень с населением, составившим в 1990 г. 21 тыс. чел., из которых две трети – представители коренного населения, имеют утвержденные планы. Штат следит за планами, федеральное правительство регулирует вылов рыбы. Группы общин заключают договоры с крупными компаниями, занимающимися морепродуктами, из штата Вашингтон. Эти компании делают отчисления от прибыли и создают рабочие места для местных жителей как непосредственно – через подготовку и обеспечение работой рыбаков и рабочих по переработке рыбы, так и опосредованно. Компании имеют надежный источник дохода, несмотря на то, что сезон лова ограничен по времени, а конкуренция между ведущими лов в Беринговом море высока.

Действующая на северо-западе штата Арктическая ассоциация коренных народов (NANA) – региональная коммерческая организация коренных народов Аляски, акционерами которой являются 6500 эскимосов-инуитов района Коцебу, – владеет расположенным близ Коцебу месторождением цинка и олова мирового класса, известного как “Ред Дог”, и сдает его в аренду компании “Коминко”, специализирующейся на эксплуатации горнодобывающего и обрабатывающего оборудования. “Коминко” обеспечивает работой свыше 300 чел., около половины из которых – акционеры NANA. Открытые недавно новые месторождения продлили жизнь шахты по крайней мере на 30 лет. Штат оплатил часть стоимости дороги от шахты до порта, а свои затраты компенсирует общей прибылью и лицензионными налогами.

Цель штата – стимулировать частный сектор к созданию рабочих мест в сельской местности. Сегодня 88% региональной экономики поддерживается федеральными и местными инвестициями, и существующие в регионах 1200 рабочих мест с полной занятостью полностью зависят от федерального правительства, руководства штата и местного руководства, которые их оплачивают. Шахта сейчас конкурирует с Корпорацией здравоохранения коренных народов, которая до последнего времени была крупнейшим работодателем в Барроу, – в 1992 г. она обеспечивала работой 360 чел.

Эти два примера дают представление о том, что базовые рабочие места в сельских районах Аляски создаются частным сектором только при определенных условиях. Одно из них заключается в том, что ресурсы должны быть достаточно богатыми или сконцентрированными в одном месте, чтобы покрыть затраты, связанные с их добычей и транспортировкой к рынку сбыта. Вторым условием является активная роль правительства. В случае с квотой на вылов рыбы роль правительства решающая: оно контролирует доступ к ресурсам. Такова же роль правительства и в случае с шахтой “Ред Дог”: договор между NANA и “Коминко” зависел от размера доли штата в оплате стоимости дороги.

Такие условия могут время от времени появляться, и тогда возникает перспектива создания в отдаленных деревнях новых постоянных рабочих мест, однако частный сектор никогда не заменит правительство, которое играет доминирующую роль в создании рабочих мест и поддержании уровня доходов в сельских районах Аляски.

Перераспределение рабочих мест

Сельское коренное население Аляски делится рабочими местами так же, как оно делится промысловой добычей и сотрудничает в промысловой деятельности.

В 1985 г. 46 жителей деревни Чуатбалук были заняты на какой-либо работе. Из них 34 работали на город: один – в городской управленческой структуре, имея полный рабочий день, и 33 – на почасовой работе. Один человек в течение года занимал 13 различных должностей: был строителем, оператором тяжелого оборудования, дворником, сторожем и т.д. Двое занимали по 12 должностей. И наоборот, одно рабочее место в течение года занимало несколько работников. Два вида работ выполнялись поочередно 13 различными людьми. Еще два рабочих места в течение года занимали один за другим 10 работников. Сумма полученного заработка относительно мала: 33 почасовых работника в среднем заработали по 2700 дол., но важно то, что они могут определить разницу между финансовой платежеспособностью и финансовыми затруднениями.

По мнению представителя городской администрации того периода, “не существует рабочих мест с полным рабочим днем, которые были бы необходимы или экономически выгодны городу, за исключением отдельных проектов, например в строительстве. Если некоторые из рабочих мест с почасовой оплатой обеспечивают требуемый уровень жизни, то другие дают такой маленький доход и на выполнение работы нужно так мало времени, что человек может взять дополнительную работу в городе или еще где-то. Это абсолютно допустимо” Кроме того, занятие промыслами или личный образ жизни могут потребовать отсутствия работы, поэтому на многие рабочие места в городах нанимаются совместители или временные работники.

Факторы бедности сельского коренного населения Аляски

Можно выделить несколько факторов, обуславливающих бедность сельского населения Аляски:

- 1) основным источником дохода в семьях аборигенов является заработная плата;
- 2) коренное население Аляски в деревнях имеет более низкий семейный доход, чем некоренное, потому что меньше зарабатывает,
- 3) оно зарабатывает меньше, так как занято на черновой работе с менее низкой почасовой оплатой и/или в день занято на меньшее количество часов, – круглогодичная высокооплачиваемая квалифицированная работа (в городской администрации, в качестве учителя и т.д.) требует специальной подготовки и даже ученой степени;
- 4) относительно небольшая доля представителей коренного населения имеют специальную подготовку и ученую степень, поэтому в основном они получают неквалифицированную работу;
- 5) многие представители некоренного населения имеют ученую степень и на Аляске оказались потому, что им была предложена работа, по большей части соответствующая их квалификации;
- 6) многие коренные жители, занимающие менее оплачиваемые рабочие места, нередко оставляют их в промысловые сезоны.

Остановимся на ситуации, наблюдавшейся в 1990 г. в Кейке. Здесь средний годовой доход некоренного жителя почти вдвое превышал доход коренного жителя: 36,9 тыс. дол. против 20,4 тыс. дол. Мужчины – представители некоренного населения заработали более чем в 2 раза больше по сравнению с мужчинами из числа аборигенов – соответственно 28 тыс. и 12,5 тыс. дол. 70% мужчин из числа коренного населения и только половина мужского некоренного населения зарабатывали менее 20 дол. в час. Мужское некоренное население работало на рабочих местах с полным рабочим днем в среднем 46 недель в году, т.е. почти в 2 раза больше, чем мужское коренное население – 22 недели. Все мужчины из числа некоренного населения имеют диплом об общем образовании, т.е. закончили полную среднюю школу, а среди мужчин из числа аборигенов таких только 71%. Ученую степень имеют половина работающих представителей некоренного населения и только один мужчина-абориген. Почти две трети работающих из числа некоренного населения и только 7% – из числа коренного заняты в деревнях на административных должностях и должностях, требующих профессиональной подготовки. Большинство же (41%) аборигенов работают рыбаками на коммерческой основе.

Социальные выплаты

Если семья, имеющая детей, живет за чертой бедности, федеральное правительство и руководство штата выделяют ей деньги. Коренное население Аляски получает больше, чем некоренное: на аборигенов приходится 35% случаев оказания помощи при 16%, приходящихся на все население. В некоторых

сельских районах помощь оказывается трети семей. На январь 1995 г. средние выплаты составили около 10 тыс. дол. в год. Это, несомненно, значительная часть годового семейного дохода. В 1990 г. в пяти из шести наиболее бедных районов, из которых все сельские, эти выплаты равнялись 30 тыс. дол.

В 1996 г. федеральное правительство и руководство штата пересмотрели программу социальной поддержки, считая, что денежные выплаты провоцируют безделье и высокую рождаемость. Общая сумма денежных пособий была сокращена и зафиксирована: она не возрастала автоматически с увеличением числа людей, которым полагались пособия. Пособия стали выдаваться только 60 месяцев в течение жизни. Люди должны были работать, или получать профессию, или искать работу, чтобы в дальнейшем иметь право на пособие. Недавно руководство штата отказалось от идеи не выплачивать пособия по истечении 60 месяцев. В деревнях нет вакантных рабочих мест, число людей, получающих пособия, превышает здесь число доступных им рабочих мест. Всякий раз, когда открывается вакансия, ее стремятся занять несколько претендентов из тех, кто в данный момент не имеет работы и не получает пособие. В деревнях высокий уровень напряженности, что проявляется в насилии: нередки случайные смерти, убийства и самоубийства.

Неперспективные общины

Существует мнение, что сельские общины Аляски являются или становятся неперспективными. В деревнях высокий уровень безработицы и бедности, это требует от правительства больших затрат на поддержание таких общин, а потому целесообразно переселить жителей в перспективные общины – районные центры или города. Это напоминает идеи некоторых советских экономистов, которые заявляли, что ряд поселков на Дальнем Востоке России были “поселками без будущего”. Программы государственной поддержки этих поселений были свернуты, жители были вынуждены переселиться. К сожалению, в местах, куда они переселились, уже нельзя было заниматься промыслом, а общественные фонды потребления с перестройкой прекратили свое существование. В результате жители этих поселков были доведены до крайней нужды, условия их жизни значительно ухудшились.

Политика насильственного переселения людей из сельских поселений Аляски столь же порочна и по тем же самым причинам. Во-первых, на Аляске нет “перспективных” общин, куда бы могли переехать жители деревень. Во-вторых, все общины Аляски в огромной степени зависят от общественных дотаций. В-третьих, в райцентрах нет свободных рабочих мест, поэтому уровень безработицы и бедности среди жителей деревень, если они переедут туда, не снизится. В-четвертых, бедность, напротив, усилится, так как мигранты не смогут вести промысел на прежних местах, а райцентры не смогут обеспечить прежний уровень промыслового дела.

Заключение

Сельское коренное население Аляски растет, и неясно, будут ли удовлетворены его потребности в рабочих местах. Если нет, то люди станут беднее и уровень напряженности в деревнях, вероятнее всего, повысится. В создании рабочих мест надеяться следует прежде всего на правительство, частный сектор никогда не создаст достаточное их количество. Федеральное правительство и руководство штата уже на протяжении многих лет устанавливают минимальный размер дохода и выплачивают пособия тем, чьи доходы ниже этого установленного минимума.

Наилучшей для штата политикой, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, не требующей к тому же больших затрат, будет продолжение инвестирования сельских районов Аляски, что поддержит удовлетворительный уровень занятости и доходов населения посредством создания рабочих мест, реализации социальных программ и выплаты индивидуальных пособий. Можно быть уверенными в том, что сельское коренное население Аляски оптимально израсходует полученные средства на развитие промыслов и на перераспределение рабочих мест, а также в том, что аборигены, и только они, хорошо понимают, как рационально использовать окружающую природную среду.

Для Аляски это хорошая возможность в финансовом плане. По сравнению с другими западными штатами Аляска платежеспособна даже без учета налогов. Постоянный фонд Аляски – средства, сформированные из отчислений из доходов от нефти и газа, из доходов от основных заработков и из суммы капиталовложений, – составляет 22 млрд дол. Как лучше вложить средства, составляющие ежегодную прибыль Постоянного фонда Аляски, в экономику штата? Дебаты по этому вопросу скоро начнутся и, вероятно, продлятся до следующего тысячелетия, так или иначе определяя развитие городских, пригородных и сельских районов Аляски. При этом руководство штата должно играть все более существенную роль во влиянии на его экономику.

В.П.Кривоногов
(г. Красноярск)

К ПРОБЛЕМЕ ВЫЖИВАНИЯ СИБИРСКИХ ЭТНОСОВ

Для коренных малочисленных народов Средней Сибири важнейшим показателем выживания является естественный прирост населения, соотношение рождаемости и смертности. Если отвлечься от насаждаемого журналистами мнения о “вымирании инородцев”, то этот прирост в течение последних десятилетий у сибирских народов был самым различным за разные отрезки времени, есть примеры как депопуляции, так и относительно быстрого увеличения численности населения. Как показывают результаты переписей, нередко у сибирских народов естественный прирост был выше, чем у русских.

Начиная с 60-х годов прирост численности эвенков в Эвенкийском автономном округе был весьма невысоким, хотя, как правило, имел положительную динамику. Численность эвенков в округе почти не менялась, была стабильной, так как небольшой прирост поглощался миграцией за пределы округа. Но с середины 80-х годов возникла новая социально-политическая ситуация, и показатели естественного прироста у эвенков стали резко изменяться. Сразу же после начала перестройки рождаемость у эвенков стремительно поднялась вверх, а смертность столь же стремительно упала. Так, в Байkitском районе в 1984 г. родилось 24 ребенка, в 1985 г. – 41, в 1986 г. – 51, в 1987 г. – 58, в 1988 г. – 48, в 1989 г. – 59. Умерло в 1984 г. 30 эвенков, в 1985 г. – 23, в 1986 г. – 11, в 1987 г. – 11, в 1988 г. – 15, в 1989 г. – 16. Естественный прирост в 1984 г. составил 4 чел., в 1985 г. – 18, в 1986 г. – 40, в 1987 г. – 47, в 1988 г. – 33, в 1989 г. – 43 чел.

Повышенная рождаемость и относительно низкая смертность наблюдались у эвенков около пяти лет, после чего эти показатели вновь ухудшились и вернулись к прежним. Иллюстрацией этому процессу служат данные по Илимпейскому району, приведенные в табл. 1. До перестройки прирост составлял 0,5%, после 1985 г. – 2,5, после 1990 г. – снова 0,5%. То есть налицо явление, которое вполне можно назвать демографическим взрывом, продолжавшимся в течение пяти лет. В результате этого скачка естественного прироста впервые за много лет численность эвенков в округе стала расти: в 1989 г. их стало 3,4 тыс. (в 1979 г. было 3,2 тыс.), а к середине 90-х годов – 3,9 тыс.

Т а б л и ц а 1

Естественное движение эвенкийского населения Илимпейского района, чел.

	1984 г.	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.
Родилось	59	58	75	72	70	66	65	49	63
Умерло	51	48	21	22	22	19	27	38	54
Прирост	8	10	54	50	48	47	38	11	9

Оказалось, что эвенки не исключение. Такие же колебания естественного прироста в этот период обнаружены нами у долган и кетов, нганасан и тофаларов. Кстати, и у русски как в регионе, так и в целом по стране наблюдались подобные явления, но с меньшей амплитудой колебаний.

Резкие колебания демографических показателей явно не случайны и, конечно же, требуют какого-то объяснения. Нами был проверен целый ряд рабочих гипотез, из которых, применяя метод исключения, мы остановились на одной. Именно эта гипотеза после всесторонней проверки нашла подтверждение. Причина увеличения естественного прироста, как оказалось, заключается в резком сокращении завоза на Север алкоголя после принятия в мае 1985 г. антиалкогольных указов. Возникает вопрос, почему благоприятная динамика демографических показателей наблюдалась в Эвенкии до 1990 г., т.е. в течение пяти лет, тогда как действие антиалкогольных указов в стране ограничено двумя с половиной годами. Ответ оказался простым: действие антиалкогольных указов на Севере было продлено посредством местных ограничительных мер еще на два-три года.

Новый вал алкоголя дошел до Севера с опозданием, сначала он захлестнул южные районы региона, большие города, и лишь спустя некоторое время, под влиянием алкогольной политики Центра, пали и северные “бастионы”, что неизбежно привело к отрицательным результатам, в том числе и в области демографии. Обнаружена совершенно четкая и однозначная зависимость между количеством завозимого на Север спиртного и демографическими показателями.

Ухудшение демографических характеристик наступило сразу же после возобновления завоза алкоголя. Это заставляет пересмотреть расхожее мнение о неудаче “лигачевской” антиалкогольной политики. По крайней мере, благотворное влияние этой политики на Севере не может вызывать никаких сомнений, ибо в рассматриваемый период в этом регионе не произошло никаких иных изменений в хозяйстве, жизни, медицинском обслуживании, социально-экономическом положении, которые теоретически могли бы повлиять на рождаемость и смертность.

На основе полученного материала можно также утверждать, что в период действия ограничительных антиалкогольных мер отсутствие государственных поставок алкоголя не компенсировалось ни изготовлением суррогатов, самогона, браги, ни нелегальным завозом. Если бы такая компенсация имела место, то никаких положительных сдвигов в демографических показателях не произошло бы.

Обнаружена зависимость степени успеха антиалкогольных мер от географического размещения коренного населения. Чем дальше находятся национальные поселки от транспортных магистралей, чем более нерегулярна их связь с районными центрами и городами, тем заметнее влияние антиалкогольных мер на демографические показатели. Нелегальный поток алкоголя в больших объемах шел в ближайшие, а значит, удобные для доставки населенные пункты. Это хорошо видно при сравнении показателей рождаемости и смертности за период действия антиалкогольной политики у эвенков и кетов. Основной транспортной магистралью в регионе служит Енисей, протекающий по земле кетов, в то время как поселки эвенков находятся в стороне и транспортное сообщение там менее интенсивное. Улучшение демографических показателей в рассматриваемые годы у кетов проявлялось слабее, чем у эвенков, рост рождаемости у них не так заметен, снижение смертности также не столь ярко выражено, как у эвенков. Но все же и здесь, по Енисею, улучшение произошло, а значит, и здесь нелегальный алкоголь не смог полностью компенсировать сокращение продажи государственного.

Большую зависимость демографических показателей от алкоголя подтверждает анализ причин смертности. Правда, официальная статистика, построенная на материалах ЗАГСов (акты о смерти), неадекватно отражает реальное положение вещей, так как фиксирует связь с алкоголем только в тех случаях, когда человек умер от алкогольного отравления. Когда же алкоголь стал косвенной причиной смерти (пьяные драки, несчастные случаи в пьяном виде и т.д.), это выпадает из статистики. Однако по мнению экспертов, в частности врачей, алкоголь является главной причиной смерти при несчастных случаях, насильственной смерти и т.д. Все причины, которые принято называть социальными или неестественными, в действительности тесно связаны с употреблением алкоголя.

Насколько высоки показатели смертности, обусловленные этими социальными причинами? Вот данные ЗАГСа за 1996 г. по Илимпейскому району Эвенкии: умершие от социальных причин составили 55% (мужчины – 60%, женщины – 50%), от сердечно-сосудистых заболеваний – 24, от рака – 3,4, от туберкулеза – 3,4, от прочих болезней – 13,8%. Социальные, а по сути алкогольные, причины больше влияют на смертность эвенков, чем все остальные причины вместе взятые! Были опрошены врачи, хорошо знавшие умерших и подписывавшие акты о смерти, и они подтвердили, что почти все социальные причины являются именно алкогольными: напился – замерз, напился – утонул, напился – зарезал или застрелил соседа и т.д. Более того, оказалось, что туберкулез чаще всего посещает семьи алкоголиков и пьяниц, а сердечные приступы нередко случаются во время пьянок. С учетом этого истинное влияние алкоголя на смертность очень большое: он может считаться причиной смерти как минимум в 60–70% случаев. У народов Севера очень низок процент стариков, большинство мужчин умирают в средних возрастах и, как правило, от алкоголя.

Что касается рождаемости, то здесь влияние алкоголя опосредованное: высокий уровень алкоголизации ведет к разрушению семьи, появлению большого количества мужчин и женщин, находящихся вне брака, что, естественно, не стимулирует рождаемость. О плачевном состоянии семьи говорят, например, данные по кетским мужчинам средних возрастов, оказавшимся вне брака: из них в возрасте 25–29 лет не женаты 66,7%, 30–34 года – 62,2, 35–39 лет – 57,6%.

Рост алкоголизации в 90-х годах был стремительным, что связано в первую очередь с принятыми 1991–1992 гг. указами о демополизации алкогольного производства и торговли. К государственной торговле алкоголем немедленно присоединились частные коммерческие структуры, и Север мгновенно был “залит” водкой и спиртом. Бурная деятельность алкогольных предпринимателей стимулировалась

тем, что у северян “было, что взять”. Алкоголь шел в обмен на пушнину, ягоды, ценные породы рыбы и др., поэтому торговлю ничуть не тормозило то, что в результате реформ и развала хозяйства северяне остались практически без денег. К сожалению, таким “бизнесом” активно занялись и представители местных органов власти, правоохранительных органов, приходилось встречать в этой роли глав местных администраций, милиционера, учителя, врача.

В одном из поселков Эвенкии с помощью экспертов-медиков проведено детальное обследование коренного населения на предмет степени алкогольной зависимости. Все население поселка эксперты поделили на две группы: наиболее алкоголизированную часть, которых в наркологии принято относить к алкоголикам и бытовым пьяницам, и менее алкоголизированную, так называемых умеренно пьющих. Как эти группы характеризуются по полу и возрасту, показывает табл. 2. Три четверти мужчин и половину женщин эксперты отнесли к числу пьяниц и алкоголиков! И это типичное село, не хуже и не лучше любого другого села в Эвенкии, на Таймыре или в других регионах Сибирского Севера.

Т а б л и ц а 2

Доля наиболее алкоголизированной части населения в различных половозрастных группах, %

Пол	Возраст, лет						И т о г о
	60 и старше	50–59	40–49	30–39	20–29	15–19	
Мужчины	100	100	100	80	54,5	100	76,7
Женщины	33,3	60	55,5	57,2	30	50	49,1

Сами коренные народы вполне понимают нависшую над ними алкогольную угрозу. В ходе массовых опросов, проведенных в 1991–1997 гг. практически среди всех коренных народов Средней Сибири, респондентам предлагалось назвать главную угрозу существованию своего народа. В своих ответах опрашиваемые оказались удивительно единодушны: на первое место они поставили алкоголь. Количество таких ответов превысило количество всех остальных вместе взятых.

Что касается представителей национальной интеллигенции, местных органов власти, лидеров национальных общественных организаций, то среди большинства из них распространено однобокое и, по сути, ошибочное мнение, что алкоголизм – это лишь *следствие* существующего неблагополучного положения в хозяйственной, социальной, экономической сфере. Не отрицая такой зависимости, нельзя не обратить внимания и на то, что алкоголь чаще всего выступает как *причина* развала хозяйства, подрыва экономики, ухудшения здоровья, разрушения генофонда коренных народов. Нередко можно слышать, что пьянство – *следствие* безработицы, но мы постоянно наблюдаем противоположные факты, когда людей увольняют с работы именно за пьянку, т.е. когда пьянство стало *причиной* безработицы, а не наоборот.

Такое разбирательство с причиной и следствием имеет не отвлеченный теоретический характер – оно прямо связано с тем, какой должна быть конкретная политика в регионе. Ведь если признать алкоголизацию лишь *следствием* чего-либо, то бороться с ней бесполезно, поскольку борьба со следствием никогда не обещает успеха. Но если признать алкоголизацию *причиной* множества бед, то возникает необходимость принятия мер, направленных против этой самой алкоголизации. То, что верно именно второе мнение, доказано антиалкогольной политикой 80-х годов: меры против алкоголя привели к реальному снижению алкоголизации и к улучшению многих жизненно важных для народов Севера показателей.

Без проведения новой радикальной антиалкогольной политики невозможно осуществление любых социально-экономических проектов и реформ, так как алкоголизированным населением эти реформы не могут быть осуществлены в принципе. Дезалкоголизация должна *предшествовать* любым реформам в хозяйстве. Совершенно неверным является мнение, что алкогольная проблема исчезнет сама собой, как только будут налажены хозяйство, быт, экономика коренных народов. Сама собой алкоголизация не исчезнет. Начаться же дезалкоголизация должна прежде всего с изменения отношения к алкоголю как к единственному или основному средству пополнения местного бюджета. В цепочке причинно-следственных связей “пьяный” бюджет – это исходное звено, а алкоголизм коренных жителей – следствие.

Алкоголь – главный убийца северян. Необходимы скорейшие и радикальные меры, и это не просто стремление к “улучшению” жизни. Речь идет о выживании северных народов, которое без дезалкоголизации просто невозможно.

И.В.Удалова
(г. Новосибирск)

МЕТИСЫ НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ХАНТЫ-МАНСЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Исходный эмпирический материал, используемый в этой статье, был получен нами в результате проведенного в июне-июле 1997 г. социологического обследования семи поселений в трех районах Ханты-Мансийского автономного округа: п. Березово, д. Саранпауль, д. Сосьве Березовского района, п. Октябрьское, д. Нарыкары, п. Карымкары Октябрьского района и с. Кышик Ханты-Мансийского района. Выбор этих поселений был обусловлен тем, что именно в них компактно проживают, в условиях непосредственных межэтнических контактов с русскими, самые многочисленные группы представителей коренного национального населения – в основном хантов и манси, а также небольшое число эвенков и ненцев. После уточнения выборки был сформирован массив из 589 анкет, из которых 174 заполнены метисами. Выборка репрезентативна по следующим параметрам: национальность, пол, возраст, образование, структура занятости.

Проведенные опросы показали, что доля межнациональных браков в национальных поселениях Ханты-Мансийского округа постоянно увеличивается. Еще до начала промышленного освоения Севера доля таких браков в этом регионе была значительной. Чаше вступали в смешанные браки манси и южные ханты. Наиболее ассимилированными уже тогда были манси.

О том, что метисация народов Севера усиливается, свидетельствуют и данные статистики. Более чем у половины детей, родившихся в 1988 г. у хантов, отец был представителем другой национальности (у 283 из 541 новорожденного). У манси этот показатель был еще выше: из 130 новорожденных детей у 88 отец не был манси¹. Итоги наших социологических исследований убеждают в том, что темпы метисации северных этносов постоянно возрастают. Если среди пожилых людей метисов лишь четвертая часть, то среди лиц в возрасте 30–39 лет их уже 39%, а среди молодежи до 30 лет метисом является каждый второй.

К факторам, влияющим на увеличение числа межэтнических браков, можно отнести характер расселения и рост инонационального населения в местах традиционного проживания народов Севера, особенности половозрастной структуры населения национально-смешанных поселений, систему обучения детей народов Севера в школах-интернатах и повышение у них уровня общего и специального образования, изменения в характере занятости северных этносов, предоставление народам Севера ряда льгот, расширение сферы этнокультурных контактов, изменение ценностных ориентаций и др.

Жители национально-смешанных поселений вступают в этнически смешанные браки с представителями почти всех наций и народностей, живущими на Севере, но чаще всего с русскими. Среди метисов, участвовавших в нашем социологическом опросе, доля рожденных от союзов представителей народов Севера с русскими (или другими славянами) составляет 68%, от союзов между хантами и манси (или другими представителями северных этносов между собой) – 20 и от союзов с представителями других национальностей – 12%. Общая доля метисов, рожденных от союзов представителей народов Севера с русскими или другими славянами, проживающими в Ханты-Мансийском, Октябрьском и Березовском районах округа, сегодня равна 29%, т.е. почти у третьей части представителей северных этносов одним из родителей был русский, в том числе у 16,3% опрошенных – русский отец и у 11,6% – русская мать. Однако доля метисов, рожденных от союзов с представителями других народов бывшего СССР, также постоянно растет, и сейчас каждый двадцатый представитель народов Севера рожден в таком союзе.

Метисация народов Севера от поколения к поколению углубляется: увеличивается степень русификации и сокращается генетическая основа северных этносов. Социологические опросы показывают, что только четвертая часть метисов вступают в браки с представителями народов Севера, в основном они предпочитают браки с русскими. Так, почти две трети (65,3%) русифицированных метисов при выборе супруга отдали предпочтение русским, около 8% метисов взяли себе в супруги представителя другой национальности, не относящейся к северным этносам, и только 27% выбрали себе супруга из представителей народов Севера. У “чистокровных” народов Севера доля браков с представителями других, несеверных, этносов в 2,8 раза меньше. Они чаще вступают в брак с представителями своего этноса (53%), хотя браки с русскими у них также нередкое явление (23%).

Вступление в межэтнические браки стимулируется также особенностями половозрастной структуры населения: некоторой “нехваткой” женщин среди русского населения и некоторым их “избытком” среди аборигенного. Поэтому в национально-смешанные браки с представителями народов Севера русские мужчины вступают чаще, чем русские женщины.

Среди лиц, рожденных от смешанных браков с русскими, подавляющее большинство (85%) по паспорту числятся представителями северных этносов и только 15% – русскими. Это – юридически оформленная этническая идентификация. Отвечая же на вопрос: “Как вы сами для себя, а не по паспорту определили бы свою национальную принадлежность?”, – к народам Севера себя причислили 42% метисов. Столько же метисов среди хантов и манси считают себя одновременно и представителями народов Севера, и русскими. И лишь 8,4% русифицированных метисов считают себя только русскими. Таким образом, случаи, когда метисы причисляют себя к русским, наблюдаются в пять раз реже, чем когда они причисляют себя к представителям народов Севера.

Характер этнической идентификации в последние два десятилетия оказывает значительное влияние на общую численность народов Севера. Сокращение численности хантов и манси в 70-е годы отчасти было вызвано тем, что детей, родившихся от смешанных браков, реже записывали как представителей северных этносов. Этому способствовала и проводимая в то время национальная политика, направленная на сближение всех наций и народностей и трансформацию их в “единый советский народ”. Но после принятия ряда постановлений об увеличении льгот народам Севера произошла существенная переориентация. К тому же последние годы ознаменованы бурным ростом этнического самосознания. Вопрос о выборе национальности детям, родившимся от смешанных браков, теперь почти всегда решается в пользу северных этносов. Об этом свидетельствуют и данные социологического исследования. Опрос показал, что дети, рожденные от браков представителей северных этносов с русскими, чаще всего приписываются к представителям народов Севера.

Политика предоставления льгот по национальному признаку серьезно осложняет этнокультурную ситуацию: с одной стороны, она способствует закреплению иждивенческих настроений у некоторой части представителей народов Севера, тем самым ослабляя выживаемость этносов, а с другой – вносит известный разлад в межэтнические отношения в национально-смешанных поселениях.

В последние годы уровень благосостояния у половины жителей национальных поселков, судя по их ответам на вопросы анкеты, только ухудшался. Но особенно резко он ухудшался у “чистокровных” хантов и манси (32% ответов), у метисов же доля таких ответов в полтора раза меньше. Отвечая на вопрос: “Хватает ли вам (вашей семье) доходов на проживание?”, – четверть метисов ответили: “Не хватает даже на питание”, – а среди неметисированных представителей народов Севера давших такие ответы оказалось больше почти в 2 раза (соответственно 23,5 и 43%). При этом среди метисов вдвое больше лиц, чье благосостояние даже улучшалось (16 против 8%).

Низкий уровень материальной обеспеченности пагубно сказывается на здоровье населения. Оценивших свое здоровье как хорошее среди метисов больше, чем среди “чистокровных” аборигенов (соответственно 21 и 16%), а как плохое – меньше (11 и 15%). Особенно неблагоприятно со здоровьем у “чистокровных” хантов.

Степень распространения пьянства и алкоголизма и среди представителей народов Севера, и среди русских столь велика, что именно это явление и аборигены, и русские рассматривают как основную угрозу будущему своих этносов. Метисы, однако, такую тревогу высказывают реже “чистокровных” аборигенов (соответственно 45 и 52%).

Одним из главных факторов межэтнического сближения, а следовательно, роста метисации северных этносов можно считать повышение уровня образования у народов Севера: в межэтнические браки чаще вступают более образованные их представители. Так, уровень образования у родителей респондентов из числа народов Севера, вступивших в межнациональные браки, был гораздо выше, чем у лиц, вступивших в однонациональные браки (соответственно 8,6 и 5,3 года обучения у женщин и 8,8 и 5 лет – у мужчин). Более того, средний уровень образования у аборигенов, вступивших в межэтнические браки, был даже выше, чем у русских (8,8 и 8,5 года обучения у мужчин и 8,6 и 8,4 – у женщин). В основном в межэтнические браки вступали специалисты со средне-специальным или высшим образованием.

Влияние уровня образования на заключение межэтнических браков не уменьшилось и в настоящее время. Вместе с тем разрыв в уровнях образования у лиц, состоящих в межэтнических браках, и лиц, состоящих в однонациональных браках, сокращается. В поколении респондентов по сравнению с поколением их родителей этот разрыв сократился вдвое (он составлял 3 года обучения, а сейчас – 1,5).

С точки зрения межэтнических взаимодействий интересен тот факт, что метисы наиболее активно осваивают нетрадиционные виды занятий, которые для народов Севера ранее считались психологически трудными. Это – следствие не только повышения уровня образования, но и развития новых, генетически обусловленных способностей и предрасположенности к новым видам труда. Именно метисы быстрее усваивают элементы новой культуры и вносят их в традиционную культуру народов Севера.

Наиболее привлекательными метисы считают сферу просвещения, культуры и искусства (24% соответствующих ответов против 14% у “чистокровных” представителей народов Севера). Вдвое привлекательнее для них, по сравнению с “чистокровными” аборигенами, работа в торговле и в частной коммерции, втрое – в органах управления. Рыбная ловля и охота, хотя и несколько утратили свою прежнюю привлекательность (40% ответов у метисов против 54% у “неметисов”), остаются для них по-прежнему самыми любимыми (впрочем, как и для представителей всех других национальностей, включая русских).

В целом по уровню образования и по характеру занятости русифицированные метисы более близки к русским. Среди метисов в 2 раза больше занятых в сфере просвещения, искусства и культуры, чем среди “чистокровных” хантов и манси. Специалисты же производства и предприниматели из числа представителей народов Севера – это только метисы. Больше среди метисов также руководителей и служащих. Вообще, доля лиц, занятых умственным трудом, у метисов составляет 41%, в то время, как у “чистокровных” хантов и манси – 30%. Доля же не занятых в общественном производстве, у метисов ниже, чем у “чистокровных” представителей северных этносов, примерно на 12%, поэтому среди них меньше и безработных, и временно не работающих.

В настоящее время доли занятых традиционными видами труда среди русифицированных метисов и “чистокровных” представителей народов Севера примерно одинаковы (соответственно 8 и 7,5%). Иными словами, сокращения доли занятых традиционным трудом у метисов не произошло, – напротив, эта доля хотя и незначительно, но все же увеличилась.

Отношение к своей работе у метисов и у “чистокровных” хантов и манси мало чем различается и определяется в основном характером и оплатой труда. Однако метисы реже отмечают, что им нравится коллектив, в котором они работают. Что за этим стоит, предстоит выяснить. Но и метисы, и “чистокровные” аборигены одинаково (по 36% ответов) боятся потерять свою работу, поскольку не знают, как смогут прожить и прокормить семью.

Безработица, низкий уровень зарплаты и несвоевременность ее выплаты – главные причины потенциальной миграции. Хотели бы сменить место жительства около трети метисов. Это почти втрое больше, чем среди “чистокровных” хантов и манси, которые в основном (80%) не хотят никуда уезжать. У метисов и у лиц, состоящих в смешанных браках, круг родственников и друзей, живущих в других местах, шире, что облегчает возможный переезд. Поэтому не случайно, что направлений потенциальной миграции у них больше. Так, если “чистокровные” ханты и манси, желающие сменить место жительства, отдадут предпочтение селу, то метисы – городу. Среди метисов желающие выехать в европейскую часть России составляют 7%, в другие районы Сибири – 4, в другое село округа – тоже 4%.

Анализ семейного положения респондентов показал, что среди метисов больше, чем среди “чистокровных” хантов и манси, холостяков (32 против 20%) и меньше вдовых (7,6 против 10%). Особенно неблагоприятна ситуация у “чистокровных” хантов, у которых вдовцов и вдов около 14%, что в 2,2 раза больше, чем у “чистокровных” манси, и почти вдвое больше, чем у метисов. Доли же разведенных среди метисов и “чистокровных” аборигенов одинаковы (примерно по 5%).

В быту метисы многое переняли от русских: у них больше, чем у “чистокровных” представителей северных этносов, семей, держащих коров (28,6 против 18,5%), овец и коз (3,4 против 0,8%), домашнюю птицу (8,4 против 6%). Поэтому и уровень жизни (по их оценкам) у них выше.

Сейчас, когда уровень благосостояния резко упал и выжить стало труднее, представители всех этнических групп больше всего ценят в своих супругах – наряду с хорошим отношением к детям – домовитость, умение хорошо справляться с домашним хозяйством. Метисы несколько выше, чем “чистокровные” аборигены, ценят в своих супругах ум и творческие способности (15 против 12%). При этом метисы чаще, нежели представители народов Севера, рожденные от однонациональных браков, оценивают отношения, сложившиеся в их семье, как хорошие (17 против 14%).

Отношение к межэтническим бракам у метисов более одобрительное, чем у “чистокровных” аборигенов и русских (соответственно 82 и 77%). Доля считающих такие браки нежелательными среди метисов незначительна – 1,7%, а у неметисов она достигает 5%. Вместе с тем в перечне факторов, рассматриваемых в качестве угрожающих существованию северных этносов, широкое распространение межэтнических браков поставлено на последнее, восьмое, место как метисами (6% ответов), так и “чистокровными” хантами и манси (7%). Главными же факторами, способствующими сохранению северных этносов, их этнической самобытности являются, по мнению респондентов, сохранение традиционных видов труда, национальных языков и верований народов Севера.

Однако перепись 1989 г. показала, что только 36,7% манси и 60,8% хантов считают родным языком язык своего народа². Большая часть (42%) метисированного населения осознает, что утрата национального языка представляет собой угрозу для существования северных этносов. Но этот фактор они ставят

на третье место после алкоголизма (47% ответов) и разрушения среды обитания (43%), тогда как “чистокровные” ханты и манси видят в утрате национального языка главную угрозу существованию народов Севера (51%).

Дома метисы чаще всего говорят на русском языке (85%) или же на русском и на языке коренной национальности (8,4%). Доля метисов, говорящих дома только на языке народов Севера, незначительна и составляет 2,5%, что в 5 раз меньше, чем доля говорящих дома на родном языке “чистокровных” хантов и манси.

Русифицированные метисы чаще исповедуют православную веру (21,8% респондентов), чем традиционные верования народов Севера (15,1%). Часть респондентов-метисов (тоже 15,1%) исповедуют одновременно и православие, и традиционные верования аборигенов. Очевидно, что только представители северных этносов, состоящие в однонациональных браках, способны сохранить как родной язык, так и религиозные традиционные верования, а вместе с тем и самобытность своего народа.

Итак, рост числа межэтнических браков обусловлен как сближением этнических культур, так и сложившейся социально-демографической ситуацией. Межэтнические браки оказывают на этнос двоякое воздействие. К негативному воздействию можно отнести то, что в составе северных этносов возрастает доля холостых мужчин. Кроме того, уменьшается число лиц, владеющих языками народов Севера. Однако вряд ли можно категорически утверждать, что межэтнические браки представляют собой угрозу существованию северных этносов.

Дело в том, что, во-первых, численность народов Севера в результате межэтнических браков не уменьшается, а наоборот, увеличивается. Во-вторых, среди метисов доля желающих покинуть места традиционного расселения невелика. В-третьих, несмотря на то, что доли хорошо знающих свой национальный язык как среди метисов, так и среди лиц, состоящих в межэтнических браках, несколько меньше, чем среди “несмешанного” населения и среди лиц, состоящих в однонациональных браках, однако очень многие представители этнически смешанных групп хотели бы выучить родной язык своего народа. К тому же метисы имеют более высокий уровень образования. Их социально-профессиональный статус выше. Среди них меньше безработных. Их быт более крепко и надежно обустроен. Брачная ситуация у метисов более благополучная: среди них меньше разведенных и вдовствующих. Подавляющее большинство представителей народов Севера относятся к межэтническим бракам одобрительно, что обусловлено отчасти и положительным опытом предшествующих межэтнических браков.

Метисы, как и лица, состоящие в этнически смешанных браках, острее ощущают всю сложность межэтнических взаимодействий, одинаково опасаясь и за будущее северных этносов, и за будущее русского народа. Так, 57% русифицированных метисов заявили, что будущее народов Севера находится под угрозой, и 24% – что под угрозой находится и будущее русского народа. Среди “чистокровных” представителей северных этносов наблюдается большая обеспокоенность будущностью северных этносов (63% ответов) и меньшая – будущностью русского этноса (14%). Однако и у тех, и у других боль за будущее северных этносов выражена гораздо сильнее, так как в силу их малочисленности они наиболее уязвимы.

Беспокойство метисов за добрые отношения между этносами проявляется, в частности, в том, что они, как и лица, состоящие в настоящее время в смешанных браках, острее осознают тот факт, что предоставление льгот по национальному признаку отрицательно сказывается на межэтнических отношениях. Тревога за северные этносы проявляется у метисов в заботе о сохранении за народами Севера приоритетного права на занятия традиционным трудом. Поэтому одной из главных причин обострения межнациональных отношений метисы, как и лица, состоящие в этнически однородных браках, называют “вытеснение” пришлым населением коренного из традиционных промыслов.

Как видим, метисы и лица, состоящие в смешанных браках, по одним позициям более близки к русским, по другим – к народам Севера. Так, в частности, среди них в 5 раз больше тех, кто предпочитает видеть в органах власти представителей северных этносов, а не русских.

Этнически смешанные браки являются связующим звеном между двумя культурами: традиционной, аборигенной, и современной, индустриальной. Дети, рожденные от смешанных браков, в повседневной семейной жизни естественным образом усваивают ценности обеих культур. В неполных семьях, как правило, при отсутствии русского отца ребенок вырастает под наибольшим воздействием аборигенной культуры, и естественно, что впоследствии вопрос об этнической принадлежности он чаще всего решает в пользу северных этносов.

К настоящему времени межэтнические браки стали явлением такого масштаба, что метисы уже не чувствуют себя неприкаянными, чем-то “иным”, “другим”. Это уже “новые ханты и новые манси”, как назвала их одна из наших респонденток. Дриму же маргинальной личности, на наш взгляд, наиболее остро

переживают те метисы, которые, выбрав для себя русскую национальность, уехали из родных мест и тем самым лишились контактов как с представителями северных этносов, так и с привычной средой обитания.

Нужно сказать, что рост числа межэтнических браков не может быть беспредельным. Об этом говорят и данные нашего исследования. Достигнув половины, доля межэтнических браков в молодежных группах не повышается, а колеблется вокруг этой величины. Однонациональные браки не лишились для народов Севера своей привлекательности. Сокращение же их числа происходит под воздействием многих уже упомянутых факторов, и в частности потому, что образовательный уровень и профессиональная подготовка у мужчин – представителей народов Севера, гораздо ниже, чем у женщин тех же этносов. У мужчин – представителей северных этносов более низкий социально-профессиональный статус, среди них мало лиц, владеющих современными профессиями, много безработных, много пьющих. Именно эти мужчины оказываются менее приспособленными и никому не нужными.

Изменившиеся ценностные ориентации представительниц северных этносов, воспитанных в условиях интернатов в отрыве от традиционного уклада жизни, также оказывают существенное влияние на выбор супруга, и в случае, если есть возможность выбора, предпочтение зачастую отдается русским.

Отсюда ясно, что для сохранения северных этносов необходимы такие меры, которые позволили бы укрепить самостоятельность и авторитет их мужчин, и в частности развитие традиционных видов труда. Для этого требуется возродить традиционные северные промыслы на новых технологических основах. Только крепко стоящие на ногах мужчины, способные содержать семью и хорошо воспитывать детей, смогут сохранить и увеличить потенциал своего народа. Видимо, в данном случае уместно было бы возродить забытый ныне девиз “Берегите мужчин!”. Ведь многие молодые мужчины из числа северных этносов гибнут в результате пьянства, даже не успев создать семью. Но эта беда, на наш взгляд, имеет своей главной причиной социально-экономические факторы – рост безработицы и падение уровня жизни населения, которые вызывают чувство неприкаянности, одиночества и ненужности никому.

Функции одноэтнических и межэтнических браков различны, и нельзя отдавать предпочтение тому или иному типу брака. Люди сами решают, с кем им связать свою судьбу. Роль однонациональных браков заключается в *сохранении* северных этносов. Назначение же межэтнических браков состоит в том, что они являются действенным средством *развития* северных этносов, механизмом адаптации к постоянно изменяющемуся миру.

Примечания

¹ См.: Основные показатели развития экономики и культуры малочисленных народов Севера. – М., 1990. – С. 17.

² Там же. – С. 13.

Г.С.Гончарова
(г. Новосибирск)

ЭТНИЧЕСКИ СМЕШАННЫЕ СЕМЬИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ В НЕКОТОРЫХ АВТОНОМИЯХ СИБИРИ¹

Сравнительно быстрый рост числа этнически смешанных семей и межнациональных браков, так же как и территориальные различия в темпах этого роста, зафиксированы в материалах переписей населения и отмечены во многих исследованиях. Формирование этнически смешанных семей зависит от этнического состава рассматриваемых регионов, возможности межэтнических контактов, которые, в свою очередь, связаны с происходящими в этих регионах общими изменениями демографического, социального и экономического характера²

В настоящей статье приводятся некоторые характеристики, позволяющие описать этнически однородные и этнически смешанные семьи Эвенкийского, Ханты-Мансийского, Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Ямало-Ненецкого автономных округов Сибири. Анализ основан на первичных материалах микропереписи населения, проведенной Госкомстатом России в 1994 г. и охватывающей 5% населения. Кроме того, отдельно для каждой автономии в статье приводится динамика изменения этнической структуры браков по возрастным поколениям. Анализ динамики смешанной брачности, изучение приоритетов в выборе национальной принадлежности супругов позволяют дать не только количественную, но и качественную оценку.

На территории Российской Федерации за 1970–1988 гг. число этнически смешанных семей увеличилось с 3,5 до 5,9 млн, или в 1,7 раза, а доля их выросла с 10,7 до 14,7%. В 1989 г. в целом по РСФСР каждая седьмая семья была этнически смешанной³. В автономиях Сибири за весь рассматриваемый период наблюдается более быстрый рост числа этнически смешанных семей. Темпы роста превосходят средние по Российской Федерации в 1,5–2 раза. В среднем по всем автономиям в 1970 г. каждая пятая семья была этнически смешанной⁴, а в 1979 г. – каждая четвертая⁵.

В сельской местности Российской Федерации в 1989 г. смешанных семей было относительно меньше – 12,7% от всех семей против 15,4% в городских поселениях⁶. В рассматриваемых автономиях Сибири, кроме Ханты-Мансийского автономного округа, доля смешанных семей в сельской местности была также ниже, чем в городских поселениях. Так, в 1979 г. в Ямало-Ненецком автономном округе она составляла 24,7% против 27% в городской местности, в Эвенкийском – 19,8 против 22,2% и в Таймырском (Долгано-Ненецком) – 23 против 23,8%. В Ханты-Мансийском автономном округе доля этнически смешанных семей в городских поселениях равнялась 23,6%, а в сельских – 24,6%⁷.

Этническая структура семей

Рассмотрим этнически однородные и смешанные семьи, опираясь на материалы микропереписи населения 1994 г. Этнически смешанными в материалах переписи считаются семьи, в которых хотя бы два члена семьи принадлежат к разным национальностям. Под семьей понимается группа лиц, объединенная родством или свойством, общим бюджетом и совместным проживанием. Для анализа были выделены простые и сложные семьи. Из простых семей взяты два типа: один тип – это брачная пара с детьми или без них, другой – это один из родителей (мать или отец) с детьми. Среди сложных семей выделены семьи, в которых: 1) нет брачных пар; 2) есть одна брачная пара с детьми или без них; 3) есть две или больше брачных пар с детьми или без них. Условимся для краткости в дальнейшем опускать уточнение о детях и говорить просто о брачных парах. В сложной семье кроме брачных пар и их детей могут быть другие родственники.

В простых семьях, состоящих из родителя с детьми, этническая смешанность может быть результатом различий в национальной принадлежности родителей и детей. Так происходит, когда дети от смешанного брака берут национальность отсутствующего родителя или когда есть приемные дети другой национальности. В простых семьях, образованных брачными парами, этническая смешанность возникает в результате этнически смешанного брака или присутствия детей другой национальности. Наличие детей другой национальности чаще всего связано с повторными браками. В сложных семьях этническая смешанность может возникать в результате национальных различий между любыми членами семьи.

Рассмотрим соотношение этнически однородных и этнически смешанных семей в каждом из указанных типов. В качестве показателя выбрана доля этнически смешанных семей в совокупности семей данного типа. Таблицы получены на основе базы данных, составленной С.В.Поповым по первичным материалам микропереписи 1994 г.

Из таблицы 1 видно, что степень этнической неоднородности зависит от типа семьи. В сложных семьях, за исключением сельских семей Таймырского, Эвенкийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, она выше, чем в простых семьях. Среди простых и сложных семей наибольшая этническая неоднородность наблюдается в семьях, где есть брачные пары. Это соответствует тому, что этническая смешанность семей в основном определяется брачными парами, в которых супруги относятся к различным национальностям. В Таймырском автономном округе доля семей с супругами разных национальностей среди смешанных семей в городских поселениях составляла 88,8%, в сельской местности – 88,9, в Эвенкии – 88,1 и 88,9 соответственно, в Ханты-Мансийском автономном округе – 88,9 и 88 и в Ямало-Ненецком автономном округе – 89,2 и 94,7%.

Этнически смешанные семьи могут содержать в своем составе кроме этнически смешанных брачных пар и этнически однородные. Брачных пар в семье вообще может не быть, и этническая неоднородность семьи образуется за счет других ее членов. Доля этнически смешанных семей, не имеющих в своем составе брачных пар, среди всех этнически смешанных семей составляла в Таймырском автономном округе в городских поселениях 10,4%, в сельской местности – 11,1, в Эвенкии – 9,1 и 10,4 соответственно, в Ханты-Мансийском автономном округе – 9,4 и 10, в Ямало-Ненецком автономном округе – 9,1 и 5,0%. Доля смешанных семей, имеющих в своем составе этнически однородные брачные пары, невелика и колеблется от 0,3 до 3%.

Если предположить, что выборка микропереписи репрезентативна относительно рассматриваемых нами типов семей, то показатель этнической смешанности по разным автономиям можно сравнивать для каждого типа семей. Для простых семей, состоящих из родителей с детьми, он колеблется от 5 до 18%

Т а б л и ц а 1

Доля этнически смешанных семей в общем числе семей данного типа
в автономных округах Сибири в 1994 г., %

Типы семей	Автономный округ											
	Таймырский			Эвенкийский			Ханты-Мансийский			Ямало-Ненецкий		
	Город и село	Го- род	Се- ло	Город и село	Го- род	Се- ло	Город и село	Го- род	Се- ло	Город и село	Го- род	Се- ло
Все простые семьи	28,1	28,1	28,1	26,8	36,1	24,0	27,1	27,1	27,3	29,7	29,4	31,8
Простые семьи, где нет брачной пары (родитель с детьми)	10,1	13,6	5,2	18,4		16,2	15,3	15,6	12,4	15,3	16,6	7,5
Простые семьи, где есть одна брачная пара	34,1	32,2	38,6	28,3	38,3	25,4	29,1	29,0	29,4	32,0	31,4	35,1
Все сложные семьи	29,1	35,6	21,6	32,0	*	23,1	34,8	34,3	41,3	37,7	38,8	29,2
Сложные семьи, где нет брачных пар	15,4		14,3	6,3		7,1	24,5	22,7	37,3	24,2	24,1	25,0
Сложные семьи, где есть одна брачная пара	33,9	38,2	27,3			29,4	34,3	33,9	39,2	39,2	40,2	30,0
Сложные семьи, где есть две и более брачных пар	46,7	42,9					46,1	45,5	57,7	51,8	53,7	35,3
Семьи, где есть хотя бы одна брачная пара	34,5	33,2	37,3	30,1	43,5	26,1	30,2	30,2	30,5	33,1	32,7	34,9
Все семьи	28,3	29,1	26,7	27,5	39,8	23,8	28,2	28,1	28,7	30,6	30,5	31,6

Пр и м е ч а н и е. Звездочкой отмечены группы, имеющие небольшую совокупность.

(расхождение в 3,5 раза). Причем везде значение этого показателя в городских поселениях больше, чем в сельской местности. Аналогично обстоит дело и для сложных семей, не имеющих брачных пар. Для них значение показателя колеблется от 6 до 37% (расхождение в 6 раз, и оно больше, чем между значениями данного показателя для простых семей без супружеской пары). Можно предположить, что для семей, не имеющих в своем составе брачных пар, колебание этнической смешанности объясняется различиями по регионам в разводимости, связанными с национальностями супругов.

Колебание по регионам значений показателя этнической смешанности для семей, имеющих брачные пары, ниже, чем для семей, не имеющих брачных пар. В Таймырском и Ямало-Ненецком автономных округах доля этнически смешанных семей с брачными парами выше, чем в Эвенкии и Ханты-Мансийском автономном округе: соответственно 34,5 и 33,1% против 30,1 и 30,2%.

Показатель этнической смешанности семей зависит в основном от общей доли межнациональных браков в рассматриваемых регионах.

Этническая структура браков

Этническая структура браков тесно связана с национальной структурой населения. Для анализа этнической структуры браков среди всего населения автономий были взяты три национальные группы: славянская группа, народности Севера и другие народы. В славянскую группу входят русские, украинцы и белорусы, в группу народностей Севера – долганы, ненцы, эвенки, ханты и манси. Группа других народов очень разнообразна по национальному составу: на территории автономий проживают представители от 21 до 72 различных национальностей. Выделены этнически однородные браки в каждой группе, этнически смешанные внутри каждой группы и между группами. Этнически однородные браки представлены тремя типами, а этнически смешанные – шестью.

В итоге в этнической структуре браков рассматриваются следующие типы: однородные браки внутри славянской группы, однородные браки внутри группы народностей Севера, однородные браки внутри группы других народов; межнациональные браки внутри славянской группы, межнациональные браки внутри группы народностей Севера, межнациональные браки внутри группы других народов; межнациональные браки между представителями славянской группы и группы народностей Севера, межнациональные браки между представителями славянской группы и группы других народов, межнациональные браки между представителями группы народностей Севера и группы других народов.

Такая классификация обусловлена существом дела и возможностями имеющейся выборки. Она дает определенное представление о межнациональном взаимодействии. В славянскую группу входят национальности, имеющие общие культурные традиции и многовековые связи. Эта группа выделена также из-за своей многочисленности по отношению к другим народам, проживающим в рассматриваемых регионах. Народности Севера также имеют взаимные связи, выражающиеся в общности традиций, занятий, самобытной культуры. Они составляют большую долю так называемых титульных национальностей этих регионов. Другие народы представляют собой разнородную группу населения, но их объединяет то, что они, по-видимому, образуют большую долю мигрантов.

Т а б л и ц а 2

Структура всех браков по национальности супругов в автономных округах Сибири в1994 г., %

Типы браков по национальности супругов	Автономный округ											
	Таймырский			Эвенкийский			Ханты-Мансийский			Ямало-Ненецкий		
	Город и село	Город	Село	Город и село	Город	Село	Город и село	Город	Село	Город и село	Город	Село
Однородные браки, всего	66,6	68,5	62,3	70,9	59,5	74,5	71,8	71,9	71,0	68,6	69,1	66,1
В том числе:												
внутри славянской группы	48,7	65,3	9,9	64,2	48,6	69,0	61,7	61,5	63,9	59,4	61,4	48,6
внутри группы народностей Севера	15,1	0,9	48,3	4,8	8,1	3,8	0,3	0,0	2,6	1,5	0,1	9,5
внутри группы других народов	2,8	2,3	4,0	1,9	2,7	1,7	9,8	10,4	4,4	7,6	7,6	8,0
Межнациональные браки, всего	33,4	31,5	37,7	29,1	40,5	25,5	28,2	28,1	29,0	31,4	30,9	33,9
В том числе:												
внутри славянской группы	12,7	7,0	2,6	7,3	8,1	7,1	12,2	12,4	10,4	15,3	15,5	14,4
внутри группы народностей Севера	2,4	0,3	7,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,4	0,2	0,1	0,7
внутри группы других народов	0,8	0,9	0,7	0,0	0,0	0,0	2,6	2,8	1,3	2,0	2,0	2,0
Между славянской группой и народностями Севера	7,4	2,0	19,9	8,6	9,5	8,4	1,0	0,5	5,6	0,7	0,5	2,1
Между славянской группой и другими народами	9,3	10,8	6,0	10,5	20,3	7,5	12,1	12,2	10,6	12,9	12,8	13,2
Между народностями Севера и другими народами	0,8	0,6	1,3	2,6	2,7	2,5	0,2	0,1	0,8	0,3	0,1	1,5

Из таблицы 2 видно, что среди этнически однородных браков везде, за исключением сельской местности Таймырского автономного округа, преобладают браки внутри славянской группы. Среди межнациональных браков наибольшую долю составляют браки внутри славянской группы. Исключением являются только браки в селах Таймырского автономного округа: среди них однородные браки внутри славянской группы составляют 9,9% против 48–69% в других регионах, межнациональные внутри этой группы – 2,6% против 7–17% в других регионах.

Велика доля браков между представителями славянской и двух других групп: народностей Севера и других народов. В Таймырском автономном округе она составляет 16,7% от всех браков, в Эвенкии – 19,1, в Ханты-Мансийском автономном округе – 13,1 и в Ямало-Ненецком автономном округе – 13,6. В сельской местности доля межнациональных браков между представителями славянской группы и двух других больше, чем в городской, за исключением Эвенкийского автономного округа.

Во всех рассматриваемых регионах около трети браков межнациональные; от 2 до 4% составляют брачные пары с супругами неславянских национальностей. Исключением являются сельские семьи Таймырского автономного округа, в которых около 9% брачных пар без супругов из славянской группы. Это объясняется национальным составом населения в рассматриваемых автономиях. Низкая доля однородных и межнациональных браков внутри славянской группы и большая доля браков без супругов из этой группы среди межнациональных межгрупповых браков в селах Таймырского автономного округа по сравнению с другими регионами объясняются тем, что доля славянской группы здесь наименьшая – 21,7% (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Распределение населения в возрасте 16 лет и старше по национальным группам
в автономных округах Сибири в 1994 г., %

Национальная группа	Автономный округ							
	Таймырский		Эвенкийский		Ханты-Мансийский		Ямало-Ненецкий	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Славянская группа	89,3	21,7	71,9	80,4	81,7	81,7	83,6	67,2
Народности Севера	3,0	72,5	14,7	13,6	0,4	7,8	0,6	16,8
Другие народы	7,7	5,8	13,4	6,0	17,9	10,5	15,8	16,0

Т а б л и ц а 4

Доля браков по национальным группам в автономных округах Сибири в 1994 г., %

Группировка по национальности супругов в однородных и межнациональных браках	Автономный округ							
	Таймырский		Эвенкийский		Ханты-Мансийский		Ямало-Ненецкий	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Супруги-славяне или хотя бы один из супругов – славянин	95,2	38,4	86,5	92,1	86,7	90,4	90,2	78,3
Супруги – представители народностей Севера или хотя бы один из супругов – представитель народностей Севера	3,7	76,8	20,3	14,6	0,7	9,4	0,8	13,8
Супруги из группы других народов или хотя бы один из супругов из этой группы	14,5	11,9	25,7	11,7	25,5	17,1	22,4	24,6

Рассмотрим некоторые характеристики однородных и межнациональных браков, а именно, соотношение зарегистрированных и незарегистрированных браков и долю повторных браков.

Сравнивая распределение населения в возрасте 16 лет и старше по национальным группам (см. табл. 3) с распределением этнически смешанных и межнациональных браков внутри национальных групп и между ними (см. табл. 2), можно заметить естественную закономерность в выборе супругов. Чем больше национальная группа в структуре населения в возрасте 16 лет и старше (см. табл. 2), тем больше браков с участием представителей этой группы в структуре браков по национальностям супругов (табл. 4).

При этом следует отметить некоторые расхождения. Эти расхождения имеются среди браков в городах Эвенкии и в сельской местности Ямало-Ненецкого автономного округа. В городах Эвенкии и в селах Ямало-Ненецкого автономного округа доля браков с супругами из группы других народов занимает второе место, а среди населения в возрасте 16 лет и старше другие народы по численности занимают третье место. Можно предположить, что это объясняется близостью значений в структуре населения в возрасте 16 лет и старше по национальным группам у народностей Севера и других народов (расхождение меньше 1%). Статистика показывает, что при выборе супруга главную роль играет национальное окружение, из которого выбирается супруг.

Как видно из табл. 5, доля незарегистрированных браков в сельской местности везде во всех рассматриваемых регионах выше, чем в городских поселениях. Это, по-видимому, объясняется тем, что до недавнего времени в городах нельзя было получить совместное жилье без регистрации брака, в селах же, где преобладает жилье в частном секторе, жилищная проблема решалась проще. Среди межнациональных браков доля незарегистрированных браков также выше, чем среди однородных. Исключение составляют браки в городских поселениях Эвенкийского автономного округа.

Для более глубокого анализа незарегистрированных браков среди межнациональных и однородных браков необходимо знать историю всех браков у каждой супружеской пары. Рассмотрим все браки на момент проведения микропереписи 1994 г., среди которых выделим первые и повторные браки у одного из супругов или у обоих, и для каждой совокупности рассмотрим долю незарегистрированных браков среди однородных и межнациональных браков. Такой анализ позволит сравнить степень регистрируемости браков в зависимости от двух факторов: национальности супругов и того, каким по счету является для них данный брак.

Т а б л и ц а 5

Доля незарегистрированных браков среди однородных и межнациональных браков
в автономных округах Сибири в 1994 г., %

Тип брака	Автономный округ							
	Таймырский		Эвенкийский		Ханты-Мансийский		Ямало-Ненецкий	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Однородный	6,6	18,1	15,9	12,4	5,5	10,5	4,3	6,3
Межнациональный	9,0	28,1	0,0	27,9	9,3	16,5	8,2	11,1
Все браки	7,4	21,4	9,5	16,3	6,5	12,3	5,5	8,0

Т а б л и ц а 6

Доля повторных браков в зависимости от национальности супругов
в автономных округах Сибири в 1994 г., %

Тип брака	Автономный округ							
	Таймырский		Эвенкийский		Ханты-Мансийский		Ямало-Ненецкий	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Однородный	16,6	16,0	20,5	18,0	11,1	13,1	12,1	12,7
Межнациональный	21,6	28,1	16,7	23,0	16,0	15,8	17,7	15,2
Все браки	18,2	20,5	18,9	19,2	12,5	13,9	13,8	13,5

Т а б л и ц а 7

Доля незарегистрированных браков в зависимости от номера брака и национальности супругов
в автономных округах Сибири в 1994 г., %

Тип брака	Автономный округ							
	Таймырский		Эвенкийский		Ханты-Мансийский		Ямало-Ненецкий	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
<i>Первый брак</i>								
Однородный	4,0	13,9	8,6	8,2	3,7	5,8	2,4	4,4
Межнациональный	4,6	17,1	0,0	19,1	6,4	11,9	5,6	7,7
Все браки	4,2	15,0	5,0	10,9	4,4	7,5	3,3	5,5
<i>Повторный брак</i>								
Однородный	20,0	40,0	44,4	31,3	19,6	42,0	18,4	20,0
Межнациональный	25,0	56,3	0,0	57,1	24,6	41,2	20,0	30,6
Все браки	21,9	48,4	28,6	39,1	21,4	41,7	19,1	24,0

Таблица 6 показывает, что доля повторных браков среди межнациональных браков выше, чем среди однородных (исключение составляют браки в городских поселениях Эвенкии, где доля повторных браков ниже на 3,8%). В городских поселениях доля повторных браков ниже по сравнению с сельской местностью (исключение составляют браки в Ямало-Ненецком автономном округе, где различие невелико).

Из таблицы 7 видно, что повторные браки регистрируются реже по сравнению с первыми во всех рассматриваемых совокупностях. Доля незарегистрированных межнациональных браков везде выше доли однородных незарегистрированных браков (исключение составляют межнациональные повторные браки в сельской местности Ханты-Мансийского автономного округа, доля которых на 0,8% ниже). Доля незарегистрированных браков в сельской местности больше по сравнению с городской во всех рассматриваемых регионах (исключение составляют однородные браки в селах Эвенкии, доля которых меньше на 13,1%).

Т а б л и ц а 8

Доля межнациональных браков в каждом возрастном поколении
в автономных округах Сибири в 1994 г., %

Поколение	Автономный округ							
	Таймырский		Эвенкийский		Ханты-Мансийский		Ямало-Ненецкий	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Младшее	25,9	39,2	31,6	25	30,4	33,3	33,3	39,1
Среднее	32	39,6	44,4	26,5	27,5	27,9	30,1	31,7
Старшее	53,3	11,1	0,0	20,0	18,5	21,5	19,3	23,1

В заключение остановимся на изменении доли межнациональных браков по поколениям: в младшем (средний возраст супругов составляет 16–31,5 года), среднем (32–58 лет) и старшем (58,5 лет и более). Как показывает табл. 8, доля межнациональных браков в младшем поколении по сравнению со средним уменьшилась в Эвенкийском автономном округе. В Таймырском автономном округе произошло сокращение темпов роста доли межнациональных браков в младшем и среднем поколении по отношению к старшему. В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах наблюдается рост доли межнациональных браков по поколениям. Причины таких различий, видимо, связаны с экономическим развитием этих регионов. Для более подробного анализа причин этих различий необходимо специальное обследование населения.

Примечания

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта “Исследование и прогнозирование структуры семьи в Сибири” при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 96-03-04223).

² См.: Волков А.Г. Этнически смешанные семьи и межнациональные браки // Семья и семейная политика. – М., 1991.

³ См.: Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР: по данным переписи населения 1989 года. – М., 1992.

⁴ См.: Число и состав семей в РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 15 января 1970 г. – М., 1974.

⁵ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г.: Число и состав семей, число рожденных детей. – М., б.г. – Т. VI, ч. II.

⁶ См.: Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР: по данным переписи населения 1989 года.

⁷ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г.: Число и состав семей, число рожденных детей. – Т. VI, ч. II.

В.Н.Беляев, А.А.Литвинова
(г. Екатеринбург)

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ И СОХРАНЕНИЯ ЭТНОСОВ У КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА¹

Современная экологическая ситуация в Ханты-Мансийском автономном округе складывалась на протяжении последних 30 лет. Интенсивное промышленно-транспортное освоение территории с малоустойчивыми и легкоранимыми ландшафтами средней и северной тайги привело к возникновению здесь целого ряда экологических проблем, совокупность которых позволяет считать экологическую ситуацию в округе в целом неблагоприятной. По результатам комплексной оценки, проведенной в соответствии с общепринятой дифференциацией территорий, на 1–2% площади округа наблюдается катастрофическая экологическая ситуация, на 10 – кризисная, на 40–45 – критическая, на 30 – напряженная, на 5–10 – конфликтная и лишь на 5–10% – удовлетворительная.

Качественное состояние водных объектов, аккумулирующих в себе загрязняющие вещества, выступает своего рода интегральным показателем состояния окружающей среды. Спад производства на нефтегазовых промыслах, являющихся основным источником воздействия на окружающую природную среду, пока повлек за собой улучшение качества водных ресурсов Ханты-Мансийского АО. По степени загрязненности вода 70% рек округа оценивается как “грязная” и “очень грязная”

Загрязнение водоемов отходами производства привело к заметному сокращению рыбных ресурсов. В настоящее время до 30% рек округа потеряли свое промысловое значение, а удельный вес рыбной отрасли за годы промышленно-транспортного освоения региона снизился. Так, снижение уловов по сравнению с 50–60-ми годами в 80-е годы составило 30%, в 90-е – достигло 70%. Ситуация усугубляется тем, что затраты на охрану и воспроизводство рыбных запасов сегодня незначительны, – это лишь 0,1% от суммарных государственных капитальных вложений, направляемых на охрану и рациональное использование природных ресурсов.

К наиболее распространенным экологическим последствиям воздействия нефтедобычи относится изъятие земель из хозяйственного оборота, в том числе земель приоритетного пользования коренного населения. По экспертным оценкам, к каждому гектару проектного отвода добавляется 3–10 га реально отчужденных земель при ежегодной задолженности по возврату земель, достигающей 30–40% от требуемой площади. Это говорит о том, что продолжается накопление нарушенных земель, являющихся подчас источником вторичного негативного изменения других компонентов биосферы. Ориентировочные значения экономического ущерба в расчете на 1 т добычи нефти составляют от 1 до 30 руб. за загрязнение окружающей среды и от 0,5 до 15 руб. от изъятия земель. Суммарный экономический ущерб при освоении нефтегазовых месторождений может достигать значительных величин – от 10 до 60% от расчетной прибыли.

Обострение общей экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе опосредованно обуславливает изменение традиционного образа жизни коренного населения: нарушается природная среда обитания аборигенов, растет общая заболеваемость, сокращается природно-ресурсная база традиционных промыслов.

В связи с развитием нефтегазового комплекса, ухудшением экологической обстановки, рыночными преобразованиями произошел спад производства в традиционных отраслях. Начиная с 60-х годов численность поголовья оленей сократилась в 2,6 раза, объемы заготовок продукции охотничьего промысла по большинству промысловых животных уменьшались приблизительно в 1,5 раза за каждое десятилетие.

В общем вылове рыбы до 30% составляет потребительский лов местного населения. Загрязнение водоемов подрывает ресурсную базу традиционного рыбного промысла и препятствует удовлетворению непосредственных жизненных нужд коренных жителей, что недопустимо. Так, лишь часть аборигенов (от 17 до 40% в разных районах) питаются традиционной для Севера пищей постоянно, а остальные практически лишены такой возможности.

Показателем снижения жизненного уровня коренного населения является ухудшение состояния его здоровья, почти на 30% определяемого качеством окружающей природной среды. Серьезную проблему составляет заболеваемость аборигенов инфекционными болезнями, непосредственно связанная с напряженной санитарно-эпидемиологической обстановкой водоемов в местах их проживания. Заболеваемость брюшным тифом, кишечными инфекциями, кожными болезнями среди национальных меньшинств за последние 10 лет увеличилась в 1,5–3 раза и в 2–3 раза превышает среднюю величину по округу. Наиболее неблагоприятными в этом плане являются Сургутский, Нижневартовский и Березовский районы.

Сегодня необходимо признать, что промышленное освоение Севера объективно противоречит интересам сохранения коренных малочисленных народов. Пожалуй, единственной основой их сохранения и фундаментом системы, способной в будущем восстановить истощенные промышленным освоением территории, является возрождение традиционного уклада жизни при постепенном и целесообразном в практическом плане освоении современных технологий.

Сохранение привычного образа жизни коренных малочисленных народов Севера является также одной из целей экологически устойчивого экономического развития территории. Как показывает исторический опыт, традиционное природопользование было, да и сегодня остается важнейшим компонентом северных экосистем. Своеобразный симбиоз в отношениях между коренными народами Севера и окружающей их средой демонстрирует действенность экологически сбалансированных способов освоения природных богатств.

Среди основных направлений реализации программы сохранения природно-экологической базы систем жизнеобеспечения малочисленных народов Севера для условий Ханты-Мансийского АО следует выделить: 1) рациональное размещение объектов хозяйственной деятельности на базе эколого-

хозяйственного районирования; 2) экологический мониторинг этнических территорий в рамках единой государственной системы экологического мониторинга с максимальным участием в нем на контрактной основе коренных жителей округа; 3) формирование системы охраняемых территорий с включением в нее двух типов этнических территорий – общественных, семейных, индивидуальных *родовых угодий*² и такой новой организационной формы сохранения этноса и природной среды, как *этноприродный парк*; 4) усиление позиций коренного населения при разработке ОВОС и экологической экспертизе проектов в целях объективной оценки влияния хозяйственной деятельности на традиционный уклад жизни аборигенов; 5) изменение технологического базиса освоения природных ресурсов Севера, в частности внедрение комплекса экологически чистых технологий; 6) формирование адресной системы компенсационных платежей, в том числе за изъятие земель из хозяйственного оборота в местах проживания коренного населения, за снижение продуктивности природно-ресурсной базы традиционных промыслов, за проживание в зонах экологического неблагополучия; 7) использование части средств государственных экологических фондов для обеспечения экологической безопасности этнических территорий; 8) повышение экологической грамотности и информированности местного населения.

Применительно к освоению минерально-сырьевых ресурсов региона предлагаемый методологический подход к социально-экологической оценке последствий освоения предусматривает два самостоятельных, но тесно связанных между собой этапа: комплексную оценку территории и выбор вариантов освоения месторождений полезных ископаемых.

На *первом этапе* должно быть проведено районирование территории округа по степени уникальности природных объектов и экосистем и по степени остроты экологической ситуации. Специфика северных территорий предполагает выделение наряду с традиционно охраняемыми природными территориями этнических территорий – родовых угодий, территорий традиционного природопользования, этноприродных парков и др. Разработана методика комплексной оценки территории региона с точки зрения ее экологической, историко-культурной и этнической значимости с учетом дифференциации территории по степени остроты экологической ситуации.

Оценка экологической ситуации по степени ее остроты заключается в широком качественном анализе и оценке влияния хозяйственной деятельности на окружающую природную среду. Применительно к северным территориям нами предложена система количественных и качественных показателей для комплексной оценки основных экологических, эколого-экономических и социально-экологических последствий хозяйственной деятельности. Оценке подлежит также степень комфортности проживания населения на данных территориях, учитывающая ряд природных и социально-демографических факторов.

Результатом первого этапа социально-экологической оценки последствий освоения территории является ее дифференциация по степени доступности для размещения объектов недропользования и обоснование социально-экологических и экологических ограничений.

Выбор варианта освоения минеральных ресурсов на *втором этапе* предлагается осуществлять на базе многокритериальной оценки вариантов с различной степенью весомости социальных, экологических и экономических показателей, при этом при обосновании размещения объектов недропользования в зонах ограниченного хозяйственного использования, в том числе в этнически значимых зонах, большая весомость должна придаваться экологическим и социально-экологическим показателям.

Методика была опробована для условий Ханты-Мансийского АО при обосновании освоения месторождений углеводородного сырья и при разработке концепции формирования сети особо охраняемых территорий округа. В результате исследований на уровне разработки концепции формирования сети особо охраняемых территорий были выделены 34 экологически ценные территории, общая площадь которых составила 41% от общей площади территории округа. Для защиты и сохранения традиционного образа жизни малочисленных народов Севера было предложено создать около 10 этнических территорий. Одной из форм организации мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера может быть этноприродный парк. Нами предложены места организации этноприродных парков на территории Ханты-Мансийского АО и на основе балльной оценки выполнено их ранжирование по значимости. Большинство выделенных объектов – этноприродных парков – совпадали с предполагаемыми экологически ценными особо охраняемыми территориями округа.

В настоящее время особую актуальность приобретает проблема регулирования взаимоотношений предприятий добывающего и традиционного хозяйственных комплексов. Следует отойти от принципа безусловного доминирования государственных “общероссийских” интересов над региональными и этническими интересами и начать осуществлять политику разумного партнерства. Отношения между указанными предприятиями должны строиться на взаимовыгодных договоренностях с учетом интересов всех сторон и определяться в законодательном порядке. Только договор (экономическое соглашение)

как юридически выверенная форма закрепления взаимных обязательств и взаимной ответственности позволяет полностью учесть специфику природопользования и традиционного хозяйства малочисленных народов.

В Ханты-Мансийском автономном округе уже предприняты определенные шаги в плане придания этим отношениям цивилизованного партнерского характера: представители малочисленных народов участвуют в выдаче лицензий на право разведки и освоения месторождений полезных ископаемых, складывается система договорных отношений недропользователей и владельцев родовых угодий. В частности, при использовании земельных участков родовых угодий или других этнических территорий в производственных целях с их владельцами заключается договор, в котором предусматриваются обязательства предприятия. Решение об отводе земельного участка на этнической территории принимается окружной администрацией по согласованию с районной администрацией после того, как получено письменное согласие владельца угодья на его отвод.

Экономическое соглашение, заключаемое предприятием-недропользователем с владельцем угодья, должно предусматривать компенсационные выплаты, возмещающие все убытки в связи с отторжением земель, а также, в случае причинения ущерба природным ресурсам и окружающей среде, принятие необходимых мер по восстановлению нарушенной экосистемы.

Для определения ущерба, наносимого недропользователями владельцам родовых угодий и других этнических территорий, может быть использована разработанная Институтом экономики Уральского отделения РАН совместно с другими организациями при участии авторов настоящей статьи методика оценки последствий изъятия земель и других природных ресурсов в процессе освоения месторождений полезных ископаемых.

Общепринятая система оценки земельных ресурсов по уровню затрат на их восстановление и рентный подход к выявлению ценности земель, имеющий четко выраженный сельскохозяйственный характер, для северных регионов оказываются неприемлемыми в связи с тем, что большая часть земель здесь представлена лесными угодьями. Потенциальную продуктивность всех природных ресурсов той или иной территории (земельных, лесных, охотничьих, рыбных и др.), а также упущенную выгоду и потери от изъятия земель можно учесть с помощью кадастровой комплексной экономической оценки.

Кадастровая комплексная экономическая оценка одного гектара земли в O_k в тыс. руб. представляет собой усредненную сумму стоимости ресурсов земельных (O_3), лесных (O_l), земель лесного фонда ($O_{лз}$), дикорастущих (O_d) и охотничьих ($O_{ох}$), а общая сумма кадастровой комплексной экономической оценки O_y отведенного участка составляет $O_y = O_k \times S = (O_3 + O_{лз} + O_l + O_d + O_{ох}) \times S$, где S – площадь отведенного участка.

Экономическая оценка земель лесного фонда $O_{лз}$ в тыс. руб. на 1 га основывается на соответствующих оценках земельных ресурсов O_3 , умноженных на понижающий коэффициент (величина коэффициента принята равной 0,7): $O_{лз} = O_3 \times 0,7$.

Экономическая оценка древесных ресурсов O_d учитывает фактический запас древесины $З_d$ на момент изъятия и потенциальный прирост древесины $П_d$ на 1 га на период изъятия t земельного участка из хозяйственного оборота и определяется на основе такс на древесину T , отпускаемую на корню, с учетом шкалы рентных надбавок к таксам на деловую древесину (тыс. руб./га): $O_d = (З_d + П_d \times t) \times T$

Экономическая оценка дикорастущих ресурсов O_d , включая лекарственные и технические виды растений, основывается на их потенциальной продуктивности. Она определяется как разница между рыночной ценой этих ресурсов $Ц_d$ и затратами $З_d$ на их заготовку с учетом коэффициентов, отражающих размеры плодоносящей площади K_d и колебания урожайности по годам K_y , а также периода изъятия t земельного участка (тыс. руб./га): $O_d = (Ц_d - З_d) \times K_d \times K_y \times t$.

Базой расчета экономической оценки охотничьих ресурсов $O_{ох}$ служит информация по потенциальной продуктивности этих ресурсов в угодьях с различных типов растительности. Данная оценка определяется как разница между рыночной ценой охотничьих ресурсов $Ц_{ох}$ и затратами на их освоение $З_{ох}$ с учетом коэффициента, отражающего годовые колебания численности популяций животных в связи с изменением природно-климатических условий $K_{ох}$ и периода изъятия t земельного участка. Величина экономической оценки охотничьих ресурсов возрастает за счет коэффициента фактора беспокойства K_ϕ (тыс. руб./га): $O_{ох} = (Ц_{ох} - З_{ох}) \times K_{ох} \times t \times K_\phi$.

Основой для экономической оценки рыбных ресурсов O_p служат показатели продуктивности рыбопромысловых угодий, определенные величиной потенциального запаса (в тыс. руб./га) с учетом времени периода изъятия угодий t . Учет стоимости 1 га земель водного фонда как мест обитания водных форм флоры и фауны осуществляется с помощью коэффициента K_p к экономической оценке рыбных ресурсов (тыс. руб./га): $O_p = (Ц_p - З_p) \times K_p \times t$ тыс. руб./га, где $Ц_p$ – рыночная цена рыбных ресурсов; $З_p$ – затраты на их освоение.

Основные положения предлагаемой методики использованы для определения кадастровой комплексной оценки земель на территории Ханты-Мансийского автономного округа. Введение платежей за природные ресурсы, определенных на базе такой оценки, позволило упорядочить отвод участков землепользователям и способствовало сокращению территорий, изымаемых для производственных нужд.

Формирование новых отношений малочисленных народов Севера и недропользователей по поводу использования природных ресурсов – длительный процесс. Здесь необходимы научное обоснование границ и размеров этнических территорий, разработка методических рекомендаций по расчету компенсационных выплат малочисленным народам, определение механизма накопления и распределения средств на их нужды.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках исследований, выполняемых при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 97-02-02213).

² Подробнее об этноприродном парке см. статью В.Г.Логинова и С.В.Логинова в настоящем сборнике.

М.Ф.Андрейчик

(г. Кызыл)

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Экологическая культура

Экологическая культура является частью общей культуры этноса. Она не может быть “завезена” извне, она рождается в конкретном регионе как результат взаимодействия общества и природы. В процессе развития этноса у него формируется совокупность духовных ценностей, принципов, правовых норм и потребностей, связанных с использованием природных ресурсов. Со временем экологическая культура становится социокультурой, опирающейся на науку, искусство, религию.

В формировании экологической культуры у населения Республики Тыва можно выделить три периода: доиндустриальный, социалистический и период ноосферного развития общества.

Доиндустриальный период. В давние времена в Туве не было законов об охране окружающей среды. Что же помогало тувинцам сохранять и поддерживать богатство и разнообразие природы своего края? Ведя кочевой образ жизни, они постоянно ощущали органическую связь с окружающей природой, понимали, что, причинив ей ущерб, лишат себя пастбищ, водоемов, даров леса. Традиции бережного, почтительного отношения к природе передавались из поколения в поколение.

Веками тувинцам удавалось поддерживать полноводность и чистоту рек, потому что издревле запрещалось сорить у истоков рек, обходить источник выше его начала, даже умываться над проточной водой. Во многих местах родники и сейчас считают святыми, особенно если они вытекают прямо из-под дерева.

Важную роль в общении с природой играли религиозные убеждения. Так, например, тувинцы верили, что если возникнет лесной пожар, хозяин леса рассердится и накажет семью. Не случайно в некоторых районах республики лесные пожары не наблюдались почти до 70-х годов нашего столетия. Запрещалось бросать пустую посуду в лесу и в поле, – считалось, что из-за этого в юрте не будет еды. Этот запрет тоже способствовал предотвращению пожаров: ведь в жаркий день осколки стекла в лесу и степи преломляют и фокусируют солнечные лучи и в результате возникает огонь, а в Туве более 90% лесных насаждений относятся к первому классу горимости.

В народе существует особое отношение к деревьям, в частности почитают “фамильное дерево”, которое растет там, где проживали предки племени. И это не случайно: опыты, проведенные посредством биолокации, показывают, что каждый человек по-разному реагирует на биополе того или иного дерева. Видимо, “фамильное дерево” – резонатор волновых излучений, оказывающих исцеляющее воздействие на представителей данного племени.

Был у тувинцев и неписанный закон, касающийся сбора облепихи. Ее собирали в ноябре, когда можно было очищать ягоды от мусора на льду, так как ледостав на реках был в это время уже надежным. Сегодня же облепиху начинают заготавливать сразу после первых осенних заморозков. С биологической точки зрения кустарники еще не приготовились к зиме, их ветви еще не промерзли, ягоды очень крепко держатся на своих черешках. Сборщики сильными ударами сбивают почки, повреждают ветви и кору, а это снижает урожай будущего года.

Велика мудрость народа и в охране травянистой растительности: у национальной обуви загнутые носы и нет каблучков.

Рационально использовались пастбища. Чтобы не вытаптывались сопредельные участки, скот пасли кучно. Сначала стравливали зимние пастбища, затем – расположенные возле стойбища. Мелкий рогатый скот пасли в мелкосопочниках с неровным рельефом, коров – на высокотравных пастбищах, лошадей – в нижнем шлейфе гор или в открытой степи. Здесь просматриваются зачатки современной организации пастбищеоборотов, что очень важно для Тувы. Сегодня в республике на 1 га пашни приходится 7,5 га прочих сельхозугодий. Это обуславливает диспропорцию между поголовьем скота и его обеспеченностью кормами. Между тем наукой доказано, что при сменяемости пастбищ в Туве можно получать без каких-либо затрат дополнительно 20–25 тыс. т мяса.

Особое отношение было у тувинцев к диким животным. Во время охоты, как правило, отстреливали слабых, хромых, самок не трогали, убивали не более одного животного. Такого же принципа придерживались и при ловле рыбы: ловили в меру – только на еду. Вообще, тувинцы избегали употреблять ненужное, лишнее, избыточное.

Социалистический период. В состав СССР Тува вошла в 1944 г. В то время отношение к экологии в стране было отрицательным. После того как в 1920 г. К.Т.Тимирязев признал термин “экология”, введенный в научный оборот немецким ученым Геккелем, в стране стала развиваться экологическая наука, однако в 1930 г. IV конгресс морфологов и анатомов счел эту науку ненужной и началась травля экологов. В 1948 г. она продолжалась под лозунгом борьбы с менделистами, но самый сокрушительный удар советской экологии нанес в 1963 г. Н.С.Хрущев после посещения одного из заповедников, заявив, что экологией занимаются бездельники.

Отношение к экологии в нашей стране изменилось с 1968 г., когда Римский клуб под руководством А.Печчи начал исследование глобальных проблем человечества, в том числе экологических. В 1970 г. нашим правительством было официально признано, что социалистический строй не предохраняет от экологических невзгод и охрана природы – дело государственной важности. Тревожные выводы Римского клуба, опубликованные в 1970–1972 гг., послужили основанием для проведения в 1972 г. в Стокгольме Конференции ООН по окружающей среде. Однако СССР отказался от участия в конференции из-за солидарности с ГДР, делегацию которой не приняла Швеция.

Почти до 90-х годов экология в нашей стране не была полностью самостоятельной, ее всегда увязывали с идеологией и политикой. Было распространено мнение, что при социализме экологические проблемы вполне разрешимы. Это внушалось и подрастающему поколению. В учебниках для школ и вузов подчеркивалось, что социалистический строй с плановым ведением народного хозяйства создает необходимые условия для бережного и разумного использования и приумножения природных ресурсов¹. Авторы некоторых учебных пособий допускали, что в процессе хозяйственной деятельности нежелательные изменения природных условий иногда происходят и в социалистических странах, но при этом утверждали, что такие изменения носят лишь случайный, а не закономерный характер².

Кроме того, повсеместно считалось, что природные ресурсы нашей страны безграничны. На территории СССР было сосредоточено 57% мировых запасов угля, 60 – торфа, более 50 – сланцев, 33% древесины, страна занимала первое место в мире по площади сельхозугодий. Все это приучило население к расточительству. В сознании людей закрепилось представление об экологическом благополучии. Этому способствовал и запрет на публикацию сведений о загрязнении окружающей среды. Замалчивание истинного положения в деле охраны природы привело к тому, что через 20–25 лет мы столкнулись с серьезными экологическими проблемами.

Период ноосферного развития общества. Современное состояние экономики и науки Республики Тыва не позволяет предотвратить деградацию природной среды. Более того, стало очевидным, что решить экологические проблемы посредством чисто технических нововведений и вложения капитала в очистные сооружения невозможно. Необходимо формирование у людей новых ценностей, ориентированных на органическое единство человека и природы, повышение ответственности населения за сохранение окружающей среды, а для этого требуется создать эффективную систему непрерывного экологического образования.

В 1997 г. при участии автора этой статьи была разработана Программа экологического образования населения Республики Тыва на 1998–2000 гг. Главной целью программы является создание условий для формирования у населения экологического мировоззрения, обеспечивающего его активное участие в сохранении окружающей среды для нынешнего и будущих поколений. Программа предусматривает комплекс взаимосвязанных и взаимодополняющих мер, направленных на создание и развитие законодательно-нормативных, организационных, научно-методических и информационных компонентов системы всеобщего непрерывного экологического образования населения.

Программа экологического образования населения Республики Тыва на 1998–2000 гг.

Программа экологического образования населения Республики Тыва включает в себя характеристику проблем экологического образования населения, обоснование соответствующих целей и задач, перечень программных мероприятий, описание объемов и источников финансирования, ожидаемых результатов, системы контроля за исполнением программы.

Проблемы экологического образования населения и необходимость их решения. Наличие экологических проблем обусловлено прежде всего экономическими факторами, но решаться эти проблемы должны, как уже отмечалось, не только посредством введения технических новшеств и строительства очистных сооружений. Сегодня очень важно обеспечить гласность при возведении крупных промышленных объектов и размещении производительных сил на территории республики, а также сформировать у населения новое отношение к природе, дать людям необходимые экологические знания, которые помогут им решать практические задачи в деле охраны и улучшения состояния окружающей среды. Необходимо добиться того, чтобы экологическое сознание как средство социального воздействия обеспечивало нормальное функционирование всех механизмов общественного контроля за поддержанием благоприятного качества окружающей среды.

Приоритетность экологического воспитания и образования населения среди других подходов к решению экологических проблем была отражена в документах Международной конференции по образованию в области окружающей среды, состоявшейся в Тбилиси (1997 г.), конференций в Иванове (1984 г.), Казани (1990 г.), подтверждена решениями Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.), а также резолюциями других международных и общероссийских форумов. Законами Российской Федерации и Республики Тыва об охране окружающей среды устанавливается система всеобщего непрерывного экологического образования населения, и в частности предписывается обязательное получение необходимой экологической подготовки всеми должностными лицами и специалистами, чья деятельность прямо или косвенно связана с воздействием на окружающую природную среду. В ноябре 1994 г. Правительством Республики Тыва было принято специальное постановление “О мерах по улучшению экологического образования населения”, в соответствии с которым в Туве создана Межведомственная комиссия по экологическому образованию населения.

Экологическое образование должно представлять собой непрерывный процесс приобретения людьми соответствующих знаний, на основе которых происходит осмысление проблем окружающей среды, повышается компетентность, вырабатываются система ценностей, мотиваций, а также готовность действовать в интересах сохранения благоприятной окружающей среды. До сих пор в республике отсутствовала программа формирования экологического мировоззрения. Достигнутые результаты в области экологии малочисленны, не имеют системного характера. Используемые формы и методы экологического образования не всегда опираются на стандартные методы и остаются, по существу, необязательными. В школах нет нужного оборудования, не хватает учебников. Развитие экологического образования осуществляется слишком медленно, оставаясь в целом на уровне экспериментальных разработок. Отсутствуют средства на проведение мероприятий по повышению квалификации преподавателей всех уровней. Поэтому необходима национальная программа, в рамках которой обеспечивается возможность объединения и координации действий государственных и общественных организаций по созданию и реализации многоуровневой системы экологического образования и воспитания населения.

Цели и задачи, сроки и этапы реализации программы. Как уже отмечалось, главной целью программы является создание условий для формирования у населения экологического мировоззрения, обеспечивающего активное участие в сохранении окружающей среды для нынешнего и будущих поколений. Законом Российской Федерации и Республики Тыва “Об охране окружающей природной среды” и Указом Президента РФ от 4 февраля 1994 г. № 236 “О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития” экологическое образование и

воспитание определены в качестве одного из приоритетных направлений государственной политики. В соответствии с законом “Об охране окружающей среды” в Туве должна быть сформирована система всеобщего непрерывного экологического образования. Решение этих вопросов входит в компетенцию правительства Республики Тыва и органов управления в области охраны окружающей среды. Между правительством Тувы и Министерством охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ было заключено соглашение о совместной деятельности по реализации Постановления Правительства РФ от 3 ноября 1994 г. № 1203 “О мерах по улучшению экологического образования населения”

Создание системы всеобщего экологического образования населения включает в себя

- привлечение, объединение и эффективное использование интеллектуальных и финансовых ресурсов для создания инфраструктуры системы всеобщего непрерывного экологического образования и поддержки экологической инициативы граждан;
- формирование и совершенствование нормативно-правовой базы всеобщего экологического образования и защиты экологических прав граждан;
- создание и развитие инфраструктуры всеобщего непрерывного экологического образования населения;
- создание и развитие системы информационно-просветительской поддержки экологического образования населения;
- формирование и развитие системы подготовки и переподготовки педагогических кадров в области экологического образования населения;
- формирование и развитие системы обязательной экологической подготовки кадров управления и производства;
- публикацию материалов по охране окружающей среды и рациональному природопользованию.

При проведении намеченных мероприятий, отборе лучших учебных пособий, авторских программ, методических разработок, образовательных теле- и радиопередач следует применять конкурсный подход, что позволит решать поставленные задачи на более высоком качественном уровне.

Система программных мероприятий. Система программных мероприятий в области экологического образования охватывает все уровни формального образования, а также сферу неформального воспитания и обучения населения, учитывает отраслевую специфику, национальные и культурные особенности. Эти мероприятия предполагается осуществлять на уровне республики, что позволит обеспечить эффективное использование ее интеллектуальных и финансовых ресурсов. Предусматривается создание Центра экологического образования, в задачи которого будет входить оказание информационно-методической помощи образовательным учреждениям, в том числе помощи в проведении основных программных мероприятий и взаимодействии с различными природоохранными органами.

Программа предусматривает мероприятия по следующим направлениям:

- 1) научно-методическое обеспечение экологического образования дифференцированно по этапам обучения (дошкольное, школьное, средне-специальное, высшее, включая подготовку преподавателей); введение экологического компонента в существующие учебные дисциплины; отбор лучших авторских программ по экологическому образованию; изучение и использование отечественного и зарубежного опыта экологического образования; поощрение наиболее талантливых преподавателей, внедряющих активные формы и методы экологического образования;
- 2) разработка и внедрение нормативной документации, определяющей необходимый уровень общих экологических знаний для кадров управления и производства;
- 3) подготовка кадров для экологического образования, в том числе повышение квалификации учителей, учреждение стипендий студентам, обучающимся по экологическим специальностям;
- 4) подготовка научных кадров для системы экологического образования.

Программа предполагает создание как системы экологического образования, так и системы экологического просвещения. Для системы экологического образования предусматриваются организация Центра экологического образования и системы подготовки кадров, разработка учебных программ для дошкольного, школьного, высшего образования, финансовая поддержка экологических научно-поисковых школьных и студенческих лагерей, регулярное проведение конференций. Экологическое просвещение населения в формировании экологического мировоззрения играет не меньшую роль, чем планомерное экологическое образование. Просветительскую деятельность должны вести средства массовой информации, учреждения культуры, общественные экологические организации, для которых предусматривается определенная финансовая поддержка.

Ресурсное обеспечение. Программные мероприятия предусмотрено финансировать как из федерального, так и из республиканского бюджета, а также из республиканского экологического фонда и внебюджетного фонда, учредителями которого являются Госкомитет Республики Тыва по охране окружающей среды и Министерство образования Республики Тыва. Кроме того, предполагается использовать средства, получаемые по линии международной финансовой и гуманитарной помощи, частные инвестиции, средства, выделяемые спонсорами, и т.д.

Механизм реализации программы. Программа базируется на следующих принципах:

- ориентация на максимальный охват населения;
- доступность и достоверность экологической информации;
- массовость предоставления услуг в области защиты экологических прав граждан;
- прикладной характер проектов;
- четкость и демократизм в управлении реализацией программы;
- взаимодействие с другими федеральными программами.

Исполнителями мероприятий программы могут быть организации и учреждения независимо от форм собственности, в том числе из зарубежных стран. Государственный заказчик на конкурсной основе отбирает договоры, заключенные со всеми исполнителями, и определяет формы и методы осуществления программных мероприятий. Функции государственного заказчика возложены на Госкомитет по охране окружающей среды и Министерство образования Республики Тыва, которые несут ответственность за выполнение программы и отчитываются перед правительством республики. Функции наблюдательного совета за реализацией программы осуществляет республиканская Межведомственная комиссия по экологическому образованию населения. Оперативное руководство реализацией программы осуществляет исполнительная дирекция, функции которой возложены на Центр экологического образования. Контролировать осуществление программы должны Госкомитет по охране окружающей среды и Министерство образования Республики Тыва.

Социально-экономический эффект программы. Программа позволит объединить усилия министерств, ведомств и заинтересованных организаций для решения приоритетных проблем экологического образования населения, привлечь необходимые дополнительные финансовые ресурсы и повысить отдачу от средств, инвестируемых в экологическое образование.

В результате реализации мероприятий программы предусматривается к 2000 г. в рамках организационно обеспеченной управляемой системы всеобщего непрерывного экологического образования создать условия для максимального воздействия на общественное сознание и постоянного повышения уровня экологической культуры населения республики в процессе перехода на модель устойчивого развития. Ожидается ощутимый социально-эколого-экономический эффект, выражаемый как в сокращении прямых и косвенных затрат на восстановление экологического равновесия, так и в улучшении состояния окружающей среды и здоровья населения. У людей будут сформированы новые нравственные принципы, которые помогут ограничить потребление природных ресурсов. Общество глубже осознает, что научно-технический прогресс ведет не только к перегрузкам для природы, но и позволяет предотвращать негативные воздействия на нее. Это даст возможность изменить суть технической цивилизации, придать ей природоохранный характер. Станет меньше лесных пожаров, будут предотвращены непродуманная вырубка лесов вдоль рек, чрезмерная распашка земель, безграмотная разработка карьеров и неоправданное внесение химических удобрений, нерациональное размещение промышленных предприятий и других хозяйственных объектов.

Примечания

¹ См.: Горошенко В.П. Хрестоматия по природоведению: Пособие для учителей. – М., 1979; *Общая биология: Учеб. для 8–10 классов* / Под ред. Ю.И.Полянского – М., 1987.

² См.: *Охрана природы* / Михеев А.В., Галушин В.И., Гладков Н.А. и др. – М., 1987.

А.Г.Базарова

(г. Улан-Удэ)

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ЭВЕНКИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИИ

В ряду параметров, характеризующих качество жизни населения, наиболее постоянными являются его экономический статус, здоровье, образовательно-культурный потенциал, а также ряд субъективных характеристик, отражающих степень удовлетворенности этими параметрами. Всемирная организация здравоохранения определила качество жизни через состояние здоровья человека, подразумевая под здоровьем “не только отсутствие болезни или немощи, но состояние полного физического, психологического и социального благосостояния”¹ Здоровье населения все чаще рассматривается как главный критерий согласованности территориальных, хозяйственных и природных систем и адаптированности к ним населения и трактуется как “состояние биогенетического, психофизиологического, физического и социального благополучия, при котором системы организма человека взаимно уравновешены, а также адаптированы к социальной и природной среде при отсутствии болезни и физических недугов”² Таким образом, важнейшими факторами, формирующими здоровье населения, наряду с биологическими и генетическими являются экономические, социальные и физические факторы внешней среды.

Состояние здоровья населения выступает одним из интегральных показателей уровня и качества жизни. В свою очередь, оно оценивается с помощью различных показателей медицинской статистики, отражающих влияние конкретных факторов внешней среды на состояние здоровья качественно однородных групп населения (по полу, возрасту, постоянному месту жительства, условиям труда, жизни, быта и т.д.).

Кризисная социально-экономическая ситуация, сложившаяся сегодня в Бурятии, повлияла на изменение уровня и качества жизни всего населения республики, в том числе эвенкийского. Эвенкийское население Бурятии испытывает в настоящее время колоссальные трудности в своей жизнедеятельности в силу ряда причин, среди которых главными являются нарушение среды обитания, почти полная трансформация системы природопользования и жизненного уклада, традиционных типов хозяйствования, реформирование сельскохозяйственного производства, представляющего собой основную сферу приложения труда. Все это привело к значительному снижению жизненного уровня эвенков, развитию у них негативных тенденций в воспроизводственных процессах³

Анализ данных медицинской статистики и результатов анкетного опроса, проведенного в районах традиционного проживания эвенков, свидетельствует об устойчивых изменениях в демографических процессах, проявляющихся в снижении уровня рождаемости при повышении уровня смертности, а следовательно, в сокращении средней продолжительности жизни. В период с 1995 по 1997 г. численность эвенкийского населения Бурятии уменьшилась на 7%. Естественный прирост с 1994 по 1996 г. сократился в 2 раза и составил 2,2 чел. на 1000 чел. населения. Если еще в 1995 г. наблюдалось некоторое повышение уровней рождаемости и естественного прироста (до 5,9 чел. на 1000 чел. населения), то в последующие годы вновь началось их снижение. Уровень смертности у эвенков в 1996 г. возрос на 3% по сравнению с 1994 г., когда он был ниже уровня смертности в целом по республике (11,4 и 13 чел. на 1000 чел. населения соответственно), и составил уже 13,9 чел. против 12 чел. в расчете на 1000 чел. населения по республике в целом.⁴

Динамика общей смертности определяется прежде всего ослаблением здоровья населения, но в меньшей мере и общей социальной ситуацией, о чем свидетельствует рост уровня смертности в наиболее трудоспособном возрасте (29–39 лет), на который приходится 57% случаев гибели от неестественных причин (несчастные случаи, отравления, травмы, убийства и др.). Статистика свидетельствует, что 50% случаев смерти у эвенков связаны с алкогольным опьянением. Одновременно наблюдается увеличение уровня заболеваемости: в 1997 г. обращаемость эвенков за медицинской помощью превысила соответствующий показатель за предыдущий год в 2 раза. Число зарегистрированных заболеваний возросло почти в 1,5 раза по сравнению с 1994 г., в том числе заболеваемость детей-эвенков увеличилась более чем в 2 раза.

Анализ структуры заболеваемости у эвенков показывает, что преобладают болезни органов дыхания (их удельный вес составляет 30%), инфекционные и паразитарные заболевания (11%), а также травмы, отравления и несчастные случаи. Подобная структура характерна для всего периода, когда проводилось исследование (1992–1997 гг.). Преобладание болезней органов дыхания связано главным образом с неблагоприятными климатическими условиями на территории проживания эвенков (северные районы Бурятии, приравненные к районам Крайнего Севера). Следует отметить, что увеличение числа заболеваний

органов дыхания часто связывают с неблагоприятной экологической ситуацией, а именно, с воздействием содержащихся в атмосферном воздухе вредных для человека веществ, если их концентрация превышает санитарно-гигиенические нормы. Однако в нашем исследовании не прослеживается четкой коррелятивной связи между числом заболеваний органов дыхания и экологическим состоянием среды, очевидно, в силу того, что ареал расселения эвенков является относительно благополучным с точки зрения промышленного загрязнения среды. Что касается инфекционных и паразитарных заболеваний, а также травм, отравлений и несчастных случаев, то значительное их число свидетельствует прежде всего о неудовлетворительных социально-бытовых и общегигиенических условиях жизнедеятельности эвенкийского населения, а также о высоком уровне социальной напряженности.

Особую тревогу вызывают данные по онкологической заболеваемости. По этому показателю первое место в республике занимает Баунтовский район – территория традиционного проживания эвенков. В указанном районе ведется интенсивная добыча золота. Следует отметить, что онкозаболеваемость у представителей коренного эвенкийского населения превышает аналогичный показатель по республике в целом в 1,8 раза. Среди факторов, вызывающих возникновение злокачественных опухолей, на долю нарушения диеты и питания приходится до 35%, курения – до 30, инфекционных и хронических паразитарных заболеваний – до 10, производственных факторов – до 4, географических – до 3, злоупотребления алкоголем – до 3%⁴. Как видим, основными являются факторы социального характера.

О крайне низком уровне и качестве жизни свидетельствует устойчивый рост заболеваемости так называемыми социальными болезнями – туберкулезом, венерическими заболеваниями, алкоголизмом, наркоманией. Показатели заболеваемости эвенков туберкулезом превысили в 1996 г. соответствующие показатели за предыдущий год более чем в 2 раза. В Северобайкальском районе заболеваемость эвенкийского населения туберкулезом превышает показатели по населению района в целом в 4 раза, в 1997 г. были зарегистрированы случаи смерти от туберкулеза. Остается напряженной эпидемиологическая ситуация с венерическими заболеваниями, уровень заболеваемости которыми в 1997 г. в 3 раза превысил уровень 1996 г. Число лиц, состоящих на профилактическом учете в связи с употреблением алкоголя и наркотическими средствами, за период с 1995 по 1997 г. увеличилось более чем в 6 раз. Растет число психических расстройств у представителей коренного населения, – данный показатель в 2,1 раза превышает соответствующий показатель в целом по республике.

Материалы анкетного опроса показали, что состояние своего здоровья считают хорошим лишь 10% респондентов, подавляющая же часть (более 60%) считают свое здоровье удовлетворительным, около 17% – плохим. Затруднились определить свое здоровье 13% опрошенных. Низкая удовлетворенность эвенков своим здоровьем связана, согласно результатам нашего исследования, в первую очередь с резким ухудшением условий труда, быта, отдыха. Так, среди главных причин ухудшения своего здоровья респонденты выделяют плохое качество питания (27% ответов), отсутствие возможности полноценно отдыхать (25%), плохие жилищные условия (17,5%), врожденные причины (15%). Кроме того, среди причин, обуславливающих ухудшение здоровья, отмечается также отсутствие возможности получать квалифицированную медицинскую помощь и покупать лекарства и медицинские препараты. Все названные причины, несомненно, обусловлены низким уровнем доходов населения, несвоевременной выплатой заработной платы, низкими размерами пенсий и социальных пособий. Размер пенсий и пособий, как правило, ниже прожиточного минимума и не позволяет удовлетворять первостепенные нужды человека. Так, на август 1998 г. средний размер пенсий составлял около 340 руб. при средней величине прожиточного минимума по республике, равному приблизительно 400 руб.

Существенно, что деятельность медицинских учреждений большинство опрошенных оценили как удовлетворительную, подчеркнув при этом невозможность пользования медицинскими услугами, покупки лекарственных препаратов, поездок в районные центры на обследование и лечение из-за отсутствия денег. Между тем объективно кризис в сфере здравоохранения усугубляется. Повсеместно в районах проживания эвенкийского населения с сокращением общего финансирования здравоохранения отмечается ухудшение медикаментозного обеспечения; лечебные учреждения располагаются в старых непригодных, неблагоустроенных, требующих капитального ремонта зданиях.

Кризисное положение в здравоохранении является прямым следствием и отражением кардинального изменения условий социально-экономического развития Севера, и прежде всего значительного сокращения централизованного финансирования и снабжения северных регионов. Ситуация усугубляется высоким уровнем безработицы. Рост безработицы среди эвенков катастрофичен: в 1996 г. ее уровень составил 4,8%, в то время как по Бурятии в целом – 2,2%. Следует отметить, что эти цифры отражают уровень зарегистрированной безработицы, в действительности наблюдается высокий уровень скрытой безработицы, являющейся результатом повсеместной реорганизации хозяйств и предприятий. Например,

в Северобайкальском районе в селах Ст.Уоян и Холодное реальный уровень безработицы среди трудоспособного населения превышает 50%. Анализ структуры занятости показывает, что представители эвенкийского населения из-за низкого уровня образования, как правило, заняты низкоквалифицированным и низкооплачиваемым трудом. При этом сегодня лишь немногие семьи способны оплатить обучение своих детей в средне-специальных и высших учебных заведениях, их проезд к месту учебы и проживание.

Таким образом, снижение рождаемости, повышение уровня смертности, сокращение ожидаемой продолжительности жизни, рост заболеваемости, увеличение числа психических расстройств и другие негативные явления, развивающиеся у коренного эвенкийского населения Республики Бурятия, суть следствие и показатель усиливающихся процессов снижения уровня и ухудшения качества жизни и связанных с этим ростом безработицы, снижением доходов населения, ростом алкоголизма, наркомании, преступности, которые влекут за собой усиление общей нестабильности и напряженности в обществе. Снижается качественный состав эвенкийского населения, что обусловлено общим ослаблением здоровья, ростом числа хронических заболеваний, психосоциальной неустойчивостью. Вследствие критического снижения уровня жизни целая этническая общность находится в состоянии безысходности, утрачивает социальные ориентиры, не способна адаптироваться ко все более стремительно изменяющимся условиям жизни.

Для стабилизации и улучшения условий жизнедеятельности эвенкийского населения Республики Бурятия необходимо разработать и реализовать социальные программы, направленные на повышение уровня жизни эвенков. Нужен комплексный демографический и медицинский мониторинг, который позволит отслеживать изменения в демографических процессах у эвенков, качество их здоровья, с тем чтобы можно было оценить эффективность проводимых мероприятий.

Примечания

¹ Цит. по: *Леви Л., Андерсон Л.* Народонаселение. окружающая среда и качество жизни. – М., 1979.

² *Попов А.* Влияние качества окружающей среды на здоровье населения // *Окружающая среда и народонаселение.* – М., 1985.

³ См.: *Мангатаева Д.Д.* Коренные народы Севера Бурятии: пути возрождения. – Улан-Удэ, 1997.

⁴ См.: *Чаклин А.В.* Проблемы онкогеографии // *Медицинская география и здоровье.* – Л., 1989.

Д.Д.Мангатаева

(г. Улан-Удэ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ БУРЯТИИ

В республике Бурятия, являющейся основным ареалом расселения бурятского народа, происходят кардинальные изменения этнодемографической ситуации, что характерно для полиэтнического сообщества и обусловлено воздействием постоянно меняющихся геополитических, социально-экономических и экологических факторов.

Буряты – самый многочисленный из коренных народов Сибири (422 тыс. чел. по переписи населения 1989 г.). До последнего времени этот народ динамически развивался как в социально-экономическом и культурном, так и в демографическом отношении. Однако в настоящее время происходят глубокая трансформация репродуктивного поведения бурятского народа, постепенный демографический спад, что характерно в первую очередь для городского населения, но распространяется и на сельское. Это проявляется в сокращении средней продолжительности жизни, нуклеаризации семей и уменьшении в них количества детей. Но о подобных изменениях мало информировано само население из-за ограниченности статистических материалов, касающихся демографической ситуации, а также из-за отсутствия крупномасштабных комплексных исследований, которые позволили бы выявить основополагающие тенденции трансформации демографического развития, и регулярного мониторинга происходящих изменений.

В обществе назрела настоятельная потребность в исследовании проблем воспроизводства населения, становится необходимым изучение изменений в его численности, миграции населения, изменений в его семейной и возрастной структуре, здоровье и продолжительности жизни. Проведенные исследования

демографического развития бурятского народа показывают наметившиеся нарушения традиционного воспроизводства и кардинальную трансформацию репродуктивного поведения, обусловленные воздействием следующих факторов:

- изменением традиционного хозяйственного уклада и образа жизни народа;
- восприятием семейного поведения и культуры народа, доминирующего в регионе;
- все более масштабными ассимиляционными процессами;
- изменением ценностных ориентаций в плане детности семей.

Вследствие воздействия данных факторов формируются и развиваются новый менталитет, новая система ценностей в семейно-бытовых отношениях. Однако следует отметить, что существовавшие в течение длительного исторического периода структура многодетных и многопоколенных бурятских семей, традиционная культура воспитания и народная педагогика представляли несомненную этническую и духовную ценность.

Многодетные бурятские семьи были проявлением мудрости народа, заботящегося о продолжении своих родов, об их устойчивости к различным социально-экономическим и экологическим катаклизмам. Только та семья, где было много детей, особенно мальчиков, считалась богатой, даже несмотря на низкий социальный статус, так как в ней сохранялись преемственность поколений и четкие иерархические отношения. В таких семьях постоянно поддерживались духовно-нравственные и культурные связи, родовые традиции и обычаи в отношениях между членами семьи, в отношении к окружающей среде, в хозяйственном природопользовании, от поколения к поколению передавались национальные нормы поведения, вероисповедания, а также нормы деторождения. При этом родовые традиции и родословные семей передавались не только устно, но и оформлялись на бумаге (раньше – на бересте и коже). Полученные таким путем знания прочно усваивались молодыми поколениями и укрепляли семейно-культурную устойчивость народа.

Все это позволяло бурятам избегать депопуляции и иметь достаточно весомый естественный прирост. Поэтому социально-экономические и политические кризисы и потрясения народ сумел пережить без крупных потерь (кроме Великой Отечественной войны), максимально сохраняя положительную динамику своих демографических параметров.

На современном этапе развития бурятского этноса воздействия внешних и внутренних факторов усиливаются. Наши исследования показывают, что сегодня для бурят характерны

- резкое снижение уровня рождаемости;
- изменение структуры смертности – рост смертности от несчастных случаев, травм, убийств и самоубийств;
- трансформация традиционного репродуктивного поведения;
- снижение семейно-культурной устойчивости;
- переход на семейное планирование числа детей и интервалов между их рождением.

Указанные тенденции усугубляются нестабильностью в обществе, социально-экономическим кризисом, ростом безработицы, особенно среди молодого трудоспособного населения, снижением уровня и качества жизни населения. Все это в совокупности приводит к резкому снижению естественного прироста бурятского населения. Так, если в 1988 г. у бурят на 1000 чел. населения рождалось 27 чел. при 21,8 чел. в целом по республике, то за последние годы число родившихся у бурят снизилось почти в 2 раза по всем районам их компактного проживания. Это благоприятные в демографическом отношении районы исторического расселения бурят, такие как Еравнинский, Кижингинский, Курумканский, Тункинский и Окинский, где доля бурятского населения составляет от 60 до 90%. Если в 1987 г. в этих районах число родившихся на 1000 чел. составляло от 29 до 37 чел., то в настоящий период – только 13–18 чел. При этом постоянно растет уровень смертности населения в трудоспособном возрасте от несчастных случаев, травм, убийств и самоубийств: за последние пять лет он увеличился на 50%. В целом по республике это составило 360,6 случаев на 100 тыс. чел. населения в 1996 г. при 241,9 случаев в 1991 г. Число умерших на 1000 чел. населения увеличилось с 7–8 чел. до 11–14 чел., и естественный прирост теперь не превышает 2–4 чел.

Тенденция снижения рождаемости, особенно отказ от рождения третьих и последующих детей, начала проявляться с середины 80-х годов. По материалам переписи населения 1989 г. среди бурят количество семей, имеющих более четырех детей, в сельской местности сократилось по сравнению с 1970 г. со 112 до 103 на 1000 семей, а в городской – с 85 до 58. Доля детей, рожденных пятыми, за 1985–1995 гг. снизилась с 10,4% до 3,9%, или более чем вдвое.

Такая ситуация была выявлена нами во время социологических опросов сельских жителей в 1988–1990 гг., когда женщины-бурятки уже начали планировать число детей в семьях и у них достаточно

ошутимо проявлялось несоответствие между желаемыми и фактически рожденными детьми. В качестве причин нежелания рожать много детей респонденты называли отсутствие мест в дошкольных учреждениях, низкую заработную плату, недостаточно хорошие жилищные условия, неудовлетворительное состояние здоровья и стремление дать хорошее образование имеющимся детям.

В настоящее время ситуация еще более обострилась, особенно в сельской местности, что обусловлено ростом уровня бедности населения, расширяющейся безработицей, все более масштабным переселением молодых сельских жителей детородного возраста в города, особенно в Улан-Удэ (в поисках работы, для получения дополнительного образования и переквалификации, ибо в селах фактически нет мест приложения труда и специалисты сельскохозяйственного производства оказались без работы). Кроме того, идет отток квалифицированных работников образования, медицинского обслуживания, а в результате закрываются малокомплектные школы, фельдшерские пункты. Между тем основная часть бурятского населения проживает в сельской местности, и негативные явления в социально-экономическом развитии села еще долго будут оказывать отрицательное влияние на воспроизводство коренного населения Бурятии.

Проведенные нами исследования выявили тенденцию сокращения средней продолжительности жизни всего населения республики, в том числе бурятского. Если в 1990 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни у мужчин составляла 62,4 года, а у женщин – 72,8 года, то в 1996 г. она сократилась соответственно до 57,2 и 70,5 года. Такое значительное понижение данного показателя при отсутствии войн и катастроф указывает на наличие в демографических процессах, происходящих в республике, деструктивных тенденций. Органы власти на местах должны проводить социально-демографическую политику, направленную на поддержку семей, но этого не делается из-за ограниченности финансовых средств.

Острый характер данных проблем обусловлен малочисленностью бурятского этноса: по переписи населения 1989 г., бурят в республике насчитывалось 250 тыс. чел., а по микропереписи 1994 г. – 285,8 тыс. чел. Надо направить усилия на предотвращение ухудшения качества и структуры демографического потенциала бурятского народа. Проблемы демографического развития необходимо исследовать в режиме мониторинга.

Необходимы социологические обследования, позволяющие выявить мотивы поведения населения в семейной сфере, определить степень трансформированности ценностных ориентаций в области семейно-брачных отношений. Такие обследования были проведены в селах административных районов республики и в г. Улан-Удэ. Выборка районов была сформирована с учетом территориальной дифференциации расселения бурят, социально-экономических условий их жизнедеятельности и демографического развития. Были выбраны районы сельскохозяйственного направления с небольшой долей промышленного производства, но с высокой долей бурятского населения – Кижингинский и Закаменский, пригородный промышленно-сельскохозяйственный – Заиграевский, а также район с высоким уровнем промышленного производства – Селенгинский.

В Кижингинском и Закаменском районах еще сохранились сравнительно многодетные семьи, хотя доля их снижается. Из всех опрошенных 15,6% имели трех детей; 10,2 – четырех; 9,4 – пятерых; 12,6% – шестерых и больше, тогда как у 31% их родителей было трое детей, у 18,2 – четверо, у 12,8 – пятеро, у 23,6% – шестеро и больше детей. Как видим, каждое последующее поколение имеет меньшее число детей. Прослеживается явная тенденция перехода к трехдетным, реже – к четырехдетным семьям в сельской местности, и двух-трехдетным в городской. Выявленное несоответствие между числом планируемых и рожденных детей показывает, что число детей в семье зависит от множества факторов, в частности от возраста родителей и структуры семьи (полная, неполная), а также от уровня образования родителей. Среди причин нежелания иметь много детей респонденты называли в первую очередь недостаток доходов, занятость на работе, неудовлетворительные жилищные условия, семейные неурядицы (алкоголизм одного из членов семьи) и то, что в наше время не принято иметь много детей. Кроме того, указывались такие причины, как слабое здоровье матери и имеющих детей, наследственные заболевания, трудности в воспитании и необходимость хорошего образования для детей. При этом в аграрных районах неудовлетворенность жилищными условиями почти не отмечалась, тогда как в пригородных и в г. Улан-Удэ этот фактор весьма значим.

Недостаток доходов и отсюда трудности в воспитании детей, а в настоящее время и в их обучении отметили большинство опрошенных по всем районам и городу. Так, у 44,7% двухдетных семей в Улан-Удэ, 27,7 – в Закаменском, 22,8 – в Селенгинском, 25 – в Кижингинском и 42,2% – в Заиграевском районах указали, что вследствие этих причин они вынуждены отказаться от рождения последующих детей. Как видно, наибольшую долю среди респондентов, давших такой ответ, составляют жители промышленного пригородного района и г. Улан-Удэ. Можно считать, что они закончили детородный цикл.

А в сельской местности еще имеются резервы дальнейшего увеличения числа детей, если произойдут кардинальные изменения в социально-экономической ситуации в стране и республике и улучшатся условия жизнедеятельности населения.

Если такие резервы не будут реализованы, то очень быстро нарушится нормальное замещение родительского поколения детьми. Это подтверждается исследованиями молодежи на предмет перспектив деторождения. Оказалось, что почти 99% молодых людей ориентированы на двухдетную семью и лишь единицы хотели бы иметь трех и более детей, если будут располагать соответствующими материальными и жилищными условиями, возможностью воспитывать детей дома при помощи родителей или воспитателей. Как и в предыдущие годы, предпочтение отдается домашнему воспитанию, а не в детских учреждениях, и это связано со многими негативными последствиями, в том числе для здоровья детей, что особенно неприемлемо для малых и малочисленных народов.

В отношении воспроизводства бурят не менее актуальной проблемой становится все расширяющаяся ассимиляция, так как в смешанных семьях, как правило, утрачиваются национальные традиции, обычаи, язык, культурные ценности. В таких семьях также воспринимается демографическое поведение другого народа, в частности русского, который уже давно переходит на тип простого воспроизводства с низкой рождаемостью и низким уровнем смертности. Если ассимиляционные процессы будут усиливаться, то ожидается ощутимая трансформация воспроизводственных процессов у бурятского народа, поэтому обо всех происходящих кардинальных изменениях в своем развитии население должно быть информировано с целью предотвращения необратимых процессов.

А.Н.Бешенцев, А.В.Вахрунова
(г. Улан-Удэ)

СИСТЕМА ГЕОИНФОРМАЦИОННОЙ ОЦЕНКИ ЭТНИЧЕСКОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ¹

Характер природопользования как основного процесса взаимодействия в системе общество – природа обусловлен физико-географической и ландшафтной структурой территории. Суть природно-антропогенных образований этого процесса определяют этнические особенности хозяйствования. Изучение и оценка этих особенностей имеют большое практическое значение, так как позволяют выявить негативные и позитивные стороны природопользования, осуществить хозяйственную оценку различных местностей, сформулировать рекомендации по оптимизации природопользования для органов управления и планирования, разработать возможные сценарии дальнейшего развития природопользования и освоения территории.

Этническое природопользование представляет собой многокомпонентную систему, опирающуюся на тесную взаимосвязь общественного производства, воспроизводства и культуры, и рассматривается нами как основной этносохраняющий и этновоспроизводящий фактор, что подтверждается материалами истории этносов и характером проблем, стоящих перед ними в наше время.

Множество составленных в разное время топографических и тематических карт служит ценнейшим пространственно-временным материалом для исследования этнического природопользования. Географическая карта является первым инструментом мониторинговых наблюдений и позволяет изучать медленно текущие процессы в географической среде, что необходимо для решения стратегических задач природопользования и разработки долгосрочных прогнозов.

Главная цель картографического метода изучения этнического природопользования заключается в анализе, оценке и прогнозировании развития и изменения его объектов в едином пространстве-времени для определения законов физико-географического и антропогенного изменения территории. Основная задача здесь – выявление тех или иных повторяющихся форм и состояний однородных объектов природопользования, тех или иных особенностей переходных стадий их развития, анализ их пространственно-временной структуры и инвариантов динамики. Применение этого метода на основе геоинформационной технологии дает возможность строить модели этнического природопользования, включающие такие блоки, как ареалы расселения и освоенная территория, хозяйственный коллектив в качестве субъекта природопользования и виды природопользования у того или иного этноса.

В этом случае возникает необходимость не только визуально оценивать динамику и взаимодействие отдельных объектов, но и получать математически точную форму измерения этих процессов. Карта обеспечивает многоплановую оценку динамики объектов природопользования, а с помощью ЭВМ и соответствующих математических операций оценочная информация дополняется и уточняется.

Создание на основе геоинформационной технологии надежного методического аппарата, позволяющего исследовать процессы этнического природопользования во времени и пространстве, выявлять, исследовать и оценивать их динамику, является, на наш взгляд, весьма актуальной и достаточно интересной задачей. Для ее решения нами создана система геоинформационной оценки процессов этнического природопользования (см. схему).

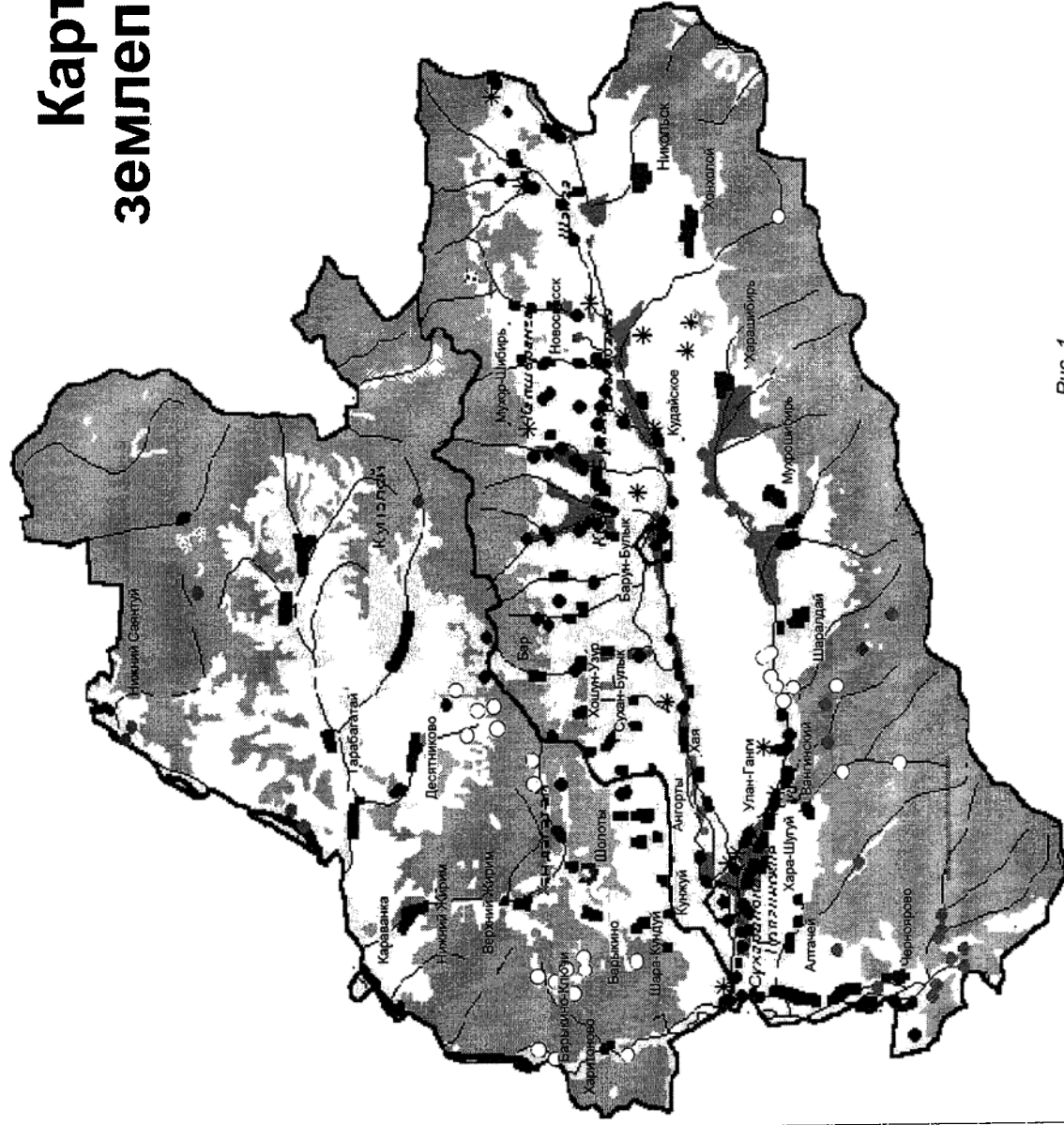
Система геоинформационной оценки этнического природопользования.

Данная система применена для исследования динамики состояния объектов природопользования в бассейне оз. Байкал и может использоваться специалистами различных этносоциальных направлений. Она открыта для дополнения соответствующей картографической, статистической и научно-предметной информацией, методически проста и управляема. Управляемость предполагает возможность создания различных по типу и предмету карт оценки объекта исследования и геоинформационных запросов о нем. Система и ее технологическая реализация позволяют выявлять и исследовать структуру пространственно-временных инвариантов динамики, изменений объектов этнического природопользования, прогнозировать тенденции и направления их дальнейшего развития и формулировать рекомендации по оптимизации для органов управления и планирования.

Основу **информационной подсистемы** этой системы составляют два комплекта ранее изданных карт – карты, созданные Корпусом военных топографов в 1898–1912 гг. масштаба 1:84000 и созданные Национальным комитетом землеустройства Бурят-Монгольской республики в 1933–1934 гг. масштаба 1:50000, разновременные статистические и литературные источники, а также единая система классификации и кодирования разновременной информации об этническом природопользовании.

Карты охватывают 80% территории южной части бассейна оз. Байкал. Созданные на основе топографических съемок, они представляют собой точные ретроспективные модели физико-географического состояния исследуемой территории и являются важными документами для оценки и исследования процессов этнического природопользования в регионе. Карты, созданные в 1898–1912 гг., фиксируют физико-географическое состояние территории в момент строительства и ввода в эксплуатацию Транссибирской магистрали и служат основным материалом при исследовании антропогенного воздействия на географическую среду региона в данный временной период. Кроме того, эти карты отражают особенности природопользования в регионе до Октябрьской революции, а именно, существование двух отдельных систем природопользования – бурятской и русской.

Карта-реконструкция землепользования в 1900 г.

PUC. 1

К началу XX в. на территории Западного Забайкалья выделяется два основных хозяйственных типа. *Скотоводческо-земледельческо-промысловый* был свойствен бурятскому населению. Хозяйственный цикл определялся здесь в основном потребностями скотоводства и отличался мобильными способами полукочевого ведения хозяйства при значительных размерах осваиваемых угодий. При этом форма кочевания была циклической: буряты осуществляли от двух до четырех и более (в зависимости от размеров поголовья) перекочевки в год по строго определенному маршруту, учитывающему экологические особенности ландшафтов, и имели постоянные жилые и скотные постройки на зимниках и отчасти на летниках. Такому способу ведения хозяйства соответствовала и система расселения забайкальских бурят, живших небольшими поселениями – улусами, каждый из которых имел функционально разнообразные угодья (сенокосы, пастбища, пашни).

Земледельческо-скотоводческо-промысловый тип хозяйствования практиковался русским населением края, особенно старообрядцами, так называемыми семейскими, сосланными в Забайкалье в середине XVIII в. и создавшими особую субэтническую культуру. Как известно, в каждой этнической культуре вырабатывается свой опыт адаптации к природной среде, в том числе и через механизм хозяйственного освоения территории, который закрепляется в виде бессознательных представлений – этнических констант, определяющих условия и характер действия этноса в ландшафте. Этим и объясняется тот факт, что русские переселенцы – носители земледельческой традиции, продолжали следовать ей в совершенно иной природной и социокультурной обстановке.

Ареалом преимущественного расселения старообрядцев-семейских стал Удинско-Селенгинский край, включавший территорию Тарбагатайской, Мухоршибирской и частично Куналейской волостей. С конца XVIII в. он стал основным земледельческим районом Западного Забайкалья. Русские крестьяне селились в основном в долинах р. Селенги и ее притоков – по древнему пути землепроходцев. Эти территории расположены в южной и юго-восточной частях Бурятии, где преобладающим типом ландшафтов являются степи и лесостепи межгорных котловин и долин.

Динамика состояния населенных пунктов Мухоршибирского района Республики Бурятия в 1900-1997 гг.

Рис. 2.

Разница в ландшафтах обуславливала дифференциацию структуры земледелия и животноводства у бурят и у русских. На основе анализа указанных выше картографических материалов, а также научно-литературных и статистических источников созданы карты-реконструкции традиционных для данных этносов систем природопользования (рис.1). Ценность карт съемки 1934 г. заключается в том, что они отражают последний период существования самостоятельной системы природопользования у бурят до их административного принуждения к оседлости.

С началом кооперирования буряты утратили свойственный им в доколхозное время кочевой способ комплексного освоения угодий. Изменение структуры расселения и принципов организации хозяйства повлекло за собой перестройку систем жизнеобеспечения путем трансформации традиционных (коллективное крупностадное животноводство) и освоения нетрадиционных (коллективное растениеводство) видов природопользования. Именно во второй половине 30-х годов у бурят стали появляться постоянные населенные пункты и началось строительство промышленных предприятий в регионе.

Примером отображения селитебных процессов может служить карта динамики состояния населенных пунктов Мухоршибирского района Бурятии за 1900–1997 гг. (рис.2). Карты, созданные в разные периоды – в 1898–1912 и 1933–1934 гг., могут составить картографические базы данных об объектах природопользования по соответствующим двум временным срезам, исторически важным в эволюции региона.

Аналитическую подсистему системы геоинформационной оценки этнического природопользования составляют методология геоинформационного картографирования этносоциальных процессов, система геоинформационных запросов этнического природопользования, а также система графических геоинформационных моделей.

Технологическая подсистема включает в себя методику автоматизированного использования разновременных карт и технические программные средства, необходимые для компьютерной оценки этнического природопользования, а также средства оперативного издания карт.

Активное внедрение геоинформационной технологии в этносоциальные исследования будет способствовать повышению их оперативности и надежности, преодолению субъективизма.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 97-05-96380).

² Рисунки публикуются в том виде, в каком они предоставлены авторами. -- *Прим. ред.*

В.Г.Логинов, С.В.Логинов
(г. Екатеринбург)

ЭТНОПРИРОДНЫЙ ПАРК КАК НОВАЯ ФОРМА ОСОБО ОХРАНЯЕМОЙ ТЕРРИТОРИИ¹

В Ханты-Мансийском автономном округе к районам проживания малочисленных народов Севера относится 95% территории. В рамках границ данных районов проживает около 140 тыс. чел., в том числе 19 тыс. представителей малочисленных народов Севера (70% от их общей численности в округе). К районам проживания народов Севера отнесены большие части восьми из девяти административных районов округа. На 1 января 1998 г. из 173 сельских населенных пунктов представители малочисленных народов Севера не проживали лишь в 14. Но только в 46 населенных пунктах они составляли более половины всего населения (всего в них проживало 7,9 тыс. представителей коренных народов). Расположены эти пункты главным образом на территории Белоярского, Березовского, Сургутского и Нижневартовского районов. При этом в моноэтнических населенных пунктах (всего их пять) проживало лишь 65 чел.

На наш взгляд, наиболее адекватная картина социально-экономического положения малочисленных народов Севера наблюдается в ареалах их проживания. Это сельские администрации с подчиненными им населенными пунктами, а также отдельные сельские поселения. Ареалы проживания представляют собой территории с высоким удельным весом компактно (населенный пункт) и дисперсно (юрты, чумы, избы) расселенных этнических меньшинств, занимающихся, как правило, традиционным хозяйством.

По степени концентрации малочисленных народов Севера можно выстроить следующую цепочку 1) автономный округ (в Ханты-Мансийском АО удельный вес представителей этих народов составляет 2%); 2) районы проживания малочисленных народов Севера (удельный вес 13%); 3) ареалы проживания (удельный вес 45–50%).

На базе территорий сельских администраций и отдельных населенных пунктов с высоким удельным весом коренных жителей (ареалов проживания малочисленных народов Севера) целесообразно создать органы национального самоуправления и выделить эти территории в качестве национальных районов. Такие населенные пункты в настоящее время являются базовыми в развитии традиционных отраслей хозяйства. Высокий удельный вес коренного населения позволил сохранить здесь традиционный образ жизни и культуру северных народов. В этих населенных пунктах сосредоточена наиболее здоровая в нравственном и физическом отношении часть хантов, манси и ненцев, которая в значительно меньшей степени подвержена алкоголизации, люмпенизации и метисации, чем представители народов Севера, проживающие совместно с пришлым населением в крупных поселках и городах.

Всего в ареалах проживания малочисленных народов Севера находится 61 населенный пункт. На 1 января 1998 г. в них проживало 11 232 представителей коренных народов, что составило 52% от общей численности населения.

В 1989 г. в Ханты-Мансийском АО с целью урегулирования отношений по природопользованию между традиционными и нетрадиционными отраслями хозяйства и обеспечения будущего для коренного населения было принято Временное положение о статусе территорий приоритетного природопользования коренного населения. Чтобы образовать территории приоритетного природопользования, предлагалось изъять некоторые территории из освоения промышленными и другими предприятиями. Выделенные земли, составившие треть площади округа, были закреплены за предприятиями традиционного сектора хозяйства (госпромхозами, коопзверпромхозами, оленеводческими совхозами, рыбколхозами и др.).

Затем в пределах территорий приоритетного природопользования и вне их стали создаваться родовые угодья коренного населения. Закрепление родовых угодий было задумано для правовой и социально-экономической защиты коренного населения округа, для сохранения среды обитания северян. На 1 января 1997 г. родовые угодья получили 454 представителя семей и общин национальных меньшинств. Общая площадь их составила 14,64 млн га (см. таблицу), средняя площадь одного родового угодья – 32,2 тыс.га. Средняя площадь родового угодья существенно различалась по районам, разброс составил от 5 тыс. га в Кондинском до 81,5 тыс. га в Березовском районе. Столь же значительны различия по отдельным административным единицам и в общей площади родовых угодий. Наиболее высокий удельный вес родовых угодий в Сургутском районе, где они занимают 54,2% территории, Нефтеюганском – 49,3% и Нижневартовском – 25,1%. Наименьший их удельный вес в Кондинском районе – 3,2%. В целом по округу этот показатель составляет 27,4%.

Владельцами родовых угодий являются отдельные семьи или родовые общины представителей малочисленных народов Севера. Из общего количества отведенных родовых угодий 6% принадлежат общинам, остальные – 94% отдельным лицам и семьям.

Размеры и границы родовых угодий определялись со слов самих коренных жителей, предки которых издавна занимались здесь оленеводством, охотой и рыбной ловлей по так называемому обычному праву. При этом не учитывались естественная продуктивность тех или иных угодий и кадастровая оценка природных ресурсов. Отсутствие четкого регламента отвода родовых угодий послужило причиной многочисленных споров между владельцами угодий и недропользователями, так как в пределах многих родовых угодий оказались действующие и потенциальные месторождения углеводородного сырья.

Родовые угодья Ханты-Мансийском АО (на 1 января 1997 г.)

Районы	Площадь р-на, тыс. га	Родовые угодья			Численность корен- ного населения, чел	
		Кол-во, шт.	Площадь		Р-н*	Р-н
			тыс. га	%		
Кондинский	5554	34	175	3,2	4630	5399
Ханты-Мансийский	4647	49	1036	22,3	1518	3592
Нижневартовский	11852	129	2972	25,1	2086	3120
Сургутский	10539	107	5713	54,2	2582	3843
Березовский	8778	25	2039	23,2	6164	6164
Белоярский	4234	32	1170	27,6	2575	2983
Октябрьский	2531	45	290	11,5	1848	2012
Нефтеюганский	2471	33	1217	49,3	334	738
Советский	2874	—	—	—	196	283
Всего	53480	454	14642	27,4	21933	28133

* Р-н – район с городами на его территории.

Становление семейных и общинных родовых угодий идет уже более пяти лет, что свидетельствует о низкой эффективности их функционирования из-за отсутствия специалистов по управлению и экономике. Особенно это относится к родовым угодьям, некоторые из них по этой причине прекратили свое существование. На наш взгляд, целесообразно создавать в рамках административных районов или их частей специальную службу, состоящую из профессиональных экономистов, юристов и других специалистов, которая возьмет на себя оказание помощи владельцам родовых угодий в решении финансово-экономических, юридических и других вопросов.

Следует отметить, пожалуй, самый важный момент, связанный с собственностью на землю и природные ресурсы в пределах родовых угодий. Согласно ст.10 Положения о статусе родовых угодий, право на угодье удостоверяется государственным актом установленного образца. Отдельному гражданину, семье выдается государственный акт на пожизненное владение угодьем, а органу управления общиной – государственный акт на бессрочное пользование угодьями². В настоящее время в соответствии с решением губернатора Ханты-Мансийского АО выдача государственных актов и свидетельств приостановлена. В отдельных районах, например в Березовском, земли, отведенные под родовые угодья, сдаются в аренду на срок до пяти лет. То есть о частном владении родовым угодьем речь не идет. Заметим, что исконные земли проживания северных народов никогда не находились в частной собственности, что подтверждает ретроспективный анализ нормативно-правовых актов, касающихся порядка землепользования в отношении коренных народов (инородцев) в сибирских губерниях.

В целом приходится констатировать, что в силу объективных и субъективных причин институт родовых угодий не дал возможности решить задачу сохранения коренных этносов и природной среды. Возникла необходимость иных форм. Действующее законодательство позволяет выйти на качественно новую форму организации мест традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера – этноприродный парк.

Идея организации этнических территорий имеет уже длительную историю. Соответствующий опыт есть как за рубежом, так и в нашей стране. В 20-е годы у нас и в Центре, и на местах существовали различные проекты обустройства жизни народов Севера. В этих проектах предусматривалось два направления. Первое предполагало организацию для народов Севера особого управления, государственную защиту прав и т.д. Сторонниками этого направления были представители так называемого некапиталистического пути развития, который уже с 30-х годов стал основой национальной политики в отношении малочисленных и других народов, находящихся на первобытно-общинной и феодальной стадиях развития. В рамках второго направления предлагалось создание своеобразных резерваций – выделение в трудовое промысловое пользование малочисленных народов территорий их проживания и жизнедеятельности с запретом доступа туда переселенцам и обособлением населения от культурного воздействия соседей.

Автором данного проекта был выдающийся ученый-северовед В.Г.Богораз. Проект был признан политически ошибочным, весьма далеким от задач национальной политики социалистического государства и противоречащим марксистско-ленинскому учению. По мнению оппонентов проекта, автор его стремился не к приобщению отсталых племен к новой культуре, а к тому, чтобы оставить их в изоляции, к искусственному сохранению у них экзотической “музейной культуры”. Близки к проекту В.Г.Богораз и предложения сибирских исследователей – В.К.Арсеньева, Д.Е.Лаппо и др., также предполагавшие неприкосновенность территории расселения малочисленных народов.

На первом пленуме Комитета Севера, состоявшемся в 1924 г., прорабатывалась идея образования заповедных территорий, в соответствии с которой предусматривалась некоторая изоляция отдельных групп самоедского кочевого населения на ограниченных участках тундры с целью смягчения отрицательного влияния на этнос негативных факторов цивилизации. Предлагалось организовать самоедские колонии вдоль океанического побережья от Канина Носа до Енисея. Смысл организации заповедников состоял в том, чтобы привить самоедам навыки оседлой жизни, развить береговой промысел и морское судоходство.

Однако вскоре ситуация изменилась, в практике национального строительства в районах Севера отказались от осуществления этих проектов. Для ряда этнических меньшинств были созданы национальные округа и районы. Последние прекратили свое существование еще в 30-е годы, а национальные округа превратились в автономии, в которых коренные жители Севера составляют от 2 до 25%.

В 90-е годы в связи с изменившимися условиями вновь возник интерес к забытым проектам, начинаются поиски различных, в том числе компромиссных, вариантов решения накопившихся проблем в отношении малочисленных народов Севера. Так, в связи с тем, что в автономных округах национальные меньшинства не имеют возможности оказывать влияние на сложившуюся ситуацию, выдвинута идея разграничить “политико-правовую реальность обычных и этнических территорий”³. Первые – края, облас-

ти – управляются на основе общего политико-административного законодательства; в значительной степени это относится и к северным автономным округам, хотя они должны иметь несколько отличающийся статус. Вторые – “этнические территории” – входят в состав краев и областей, а также автономных округов, но находятся под покровительством и защитой центрального правительства и имеют особые национальные формы самоуправления для решения всех внутренних вопросов.

Опыт создания для народов Севера таких самоуправляемых и экономически самостоятельных территорий имеется в США и Канаде (в 1971 г. создано 12 региональных корпораций для аборигенов на Аляске, в 1987 г. решен вопрос, касающийся индейцев и эскимосов в связи с реализацией промышленного проекта в заливе Джеймса в Северном Квебеке и т.д.). Этот юридический и политический опыт нужно использовать.

В последние годы обоснованием проекта этнической территории применительно к Березовскому и Белоярскому районам Ханты-Мансийского АО занимались сотрудники Этнографического бюро (г. Тобольск)⁴. Имеются предложения о создании заповедной этноэкологической территории (парка), что облегчит решение социальных, экологических и других проблем, стоящих перед коренным населением⁵. Этноэкологические территории могут быть организованы как самостоятельные формы особо охраняемых природных территорий, а могут быть частью биосферных полигонов природных заповедников⁶.

Правовой базой организации этноприродного парка служат федеральный закон “Об особо охраняемых природных территориях” (в частности, разд. IV “Природные парки” и ст. 2, допускающая образование не предусмотренных законом иных форм организации территории)⁷ и федеральный закон “Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации” (ст. 12)⁸, в котором предусматривается выделение в районах проживания малочисленных народов Севера этноэкологических зон.

Весьма важно, что в отличие от иных особо охраняемых природных территорий, которые прямо указаны в федеральном законе “Об особо охраняемых природных территориях”, образование такой формы, как этноприродный парк, допускается на региональном уровне, т.е. на основании решения органов государственной власти субъекта Федерации (ст. 72 и 76 Конституции РФ и ст. 19 федерального закона “Об особо охраняемых природных территориях”). Прецедент такого рода уже имеется. Термин “этноприродный парк” впервые появился в нормативно-правовых актах регионального уровня – в законе “Об особо охраняемых территориях Ямало-Ненецкого автономного округа”, в котором в ст. 40 и 41 определяются статус, задачи и режим этноприродных парков⁹.

Таким образом, действующее законодательство не содержит положений, которые прямо или косвенно препятствовали бы учреждению такой формы особо охраняемой территории, как этноприродный парк. Его режим не допускает экстенсивного природопользования со стороны общих субъектов, но создает возможность осуществлять традиционное природопользование специальным субъектам – коренным малочисленным народам. Такая форма организации территорий проживания, хозяйственной деятельности и защиты интересов малочисленных народов Севера весьма удобна и для построения системы управления этими территориями.

Организация этноприродных парков должна опираться на идею общинного самоуправления. Принятию решения общины или общин должно предшествовать согласование местоположения парка с органами исполнительной власти субъекта Федерации, поскольку его учреждение и утверждение положения о нем проводятся их решением.

С организационно-правовой точки зрения этноприродный парк – это юридическое лицо, которое создается по решению учредителя или учредителей – общин, находящихся в границах территории этноприродного парка, в целях использования биологических ресурсов, охраны природной среды, сохранения коренных малочисленных этносов и создания условий для их жизнеобеспечения в местах проживания и хозяйственной деятельности. Подобные задачи не позволят решить другие виды природоохранных территорий. В одних (заповедники) традиционная деятельность согласно действующему законодательству запрещается, в других (национальные и природные парки, заказники), хотя традиционная деятельность и не запрещена, все отдается на откуп дирекции, которая по своему усмотрению может разрешить или не разрешить занятие промыслами¹⁰. В природных парках, форма которых наиболее приемлема для ведения традиционного хозяйства, малочисленные этносы не имеют правовой защиты в случае открытия и разработки здесь минеральных или топливно-энергетических ресурсов. Недропользователи получают в этом случае лицензию на разработку месторождений даже без согласования с представителями проживающих здесь коренных малочисленных народов. Данные вопросы решаются напрямую с дирекцией природного парка.

В отличие от вышеупомянутых особо охраняемых природных территорий в этноприродных парках для их управления образуются наблюдательные советы, в состав которых входят представители общин и ассоциаций коренных малочисленных народов, органов местного самоуправления и государственной власти субъекта Федерации. Директор этноприродного парка назначается наблюдательным советом и подотчетен ему. Все вопросы по отводу земель, разработке природных ресурсов в пределах этноприродного парка и т.д. должны быть согласованы с наблюдательным советом.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках исследований, выполняемых при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 97-02-02213).

² См.: *Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе* // Югра. – 1992. – № 3.

³ См.: *Неотрадиционализм на Российском Севере* / Под ред. А.И.Пики и Б.Б.Прохорова. – М., 1994.

⁴ См.: *Северная Сосьва: исторические и современные проблемы развития коренного населения* / Под ред. А.В.Головнева. – Шадринск, 1992; *Касум-Ех: Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории* / Под ред. А.В.Головнева. – Шадринск, 1993.

⁵ См.: *Бобриков Н.К., Дрегало А.А., Сидоров П.И., Ульяновский В.И.* Этноэкологический парк как форма социальной защиты коренных народов Севера // Социол. исслед. – 1994. – № 7. – С. 138–140.

⁶ См.: *Сыроечковский Е.Е.* Этноэкологические территории в системе особо охраняемых территорий севера России и правовой статус коренных народов // Правовой статус коренных народов приполярных стран: Мат. конф. (Москва, 26–28 февраля 1997 г.). – М., 1997. – С.176–178.

⁷ См.: *Закон РФ “Об особо охраняемых природных территориях”* // Собрание законодательства РФ. – М., 1995. – Вып. 12.

⁸ См.: *Закон РФ “Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации”* // Рос. газ. – 1996. – 2 июля.

⁹ *Закон “Об особо охраняемых природных территориях Ямало-Ненецкого автономного округа”* // Красн. Север. – 1997. – 30 окт.

¹⁰ “На специально выделенных участках допускается традиционная хозяйственная деятельность... по согласованию с дирекцией национальных парков” (*Закон “Об особо охраняемых природных территориях”*, ст. 15, п. 3).

С.Х.Хакназаров
(г. Ханты-Мансийск)

СОХРАНЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АО: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Основные потребности человека удовлетворяются только с помощью товаров и услуг, предоставляемых промышленностью... способной как обеспечить экологическое равновесие, так и разрушить его, – что она постоянно и делает.

Всемирная Комиссия по окружающей среде и развитию, 1987

Проблема окружающей среды – одна из глобальных проблем, вставших перед человечеством на современном этапе индустриального развития. Любая промышленная разработка полезных ископаемых вне зависимости от их вида осуществляется с помощью несовершенных технологий. Интенсивное развитие промышленности без проведения необходимых мероприятий по охране окружающей среды приводит к загрязнению почвы, мирового океана, атмосферы, нередко – к гибели некоторых видов флоры и фауны.

По данным обзора “О состоянии окружающей природной среды Ханты-Мансийского автономного округа в 1996 году”¹, только в 1996 г. на территории округа было зарегистрировано 2656 аварий на нефте- и газопроводах, из них только в Нижневартовском районе – две трети (1759) всех аварий. Причем количество аварий по сравнению с предыдущими годами возросло: в 1995 г. их произошло 2280, а в 1994 г. – 947. В результате аварий в окружающую природную среду попало 33520 куб. м нефти, из них 1000 – в водные объекты и 32520 куб. м – на рельеф. Масса загрязняющих веществ, оставшихся в окружающей среде после ликвидации аварий, составила 4313 т. При этом, ликвидируя одни источники

загрязнения, мы вследствие несовершенства современных технологий образуем другие. Следует также отметить, что общая площадь земель, пострадавших от загрязнения в результате аварий, составила 146 га. Это официальные данные, но на самом деле цифры могут быть на порядок больше.

Все основные месторождения нефти и газа в Ханты-Мансийском АО находятся на территориях родовых угодий или территориях традиционного природопользования коренного населения. Оказывая воздействие на окружающую природу, разработка нефтегазовых месторождений и месторождений других полезных ископаемых существенно влияет на традиционный уклад жизни коренного населения, поскольку его жизнедеятельность в основном связана с природой. Это негативное влияние носит всеобъемлющий характер: конкретными результатами добычи ископаемых на территориях проживания коренных малочисленных народов Севера являются «выведение из хозяйственного оборота миллионов гектар оленьих пастбищ, нарушение путей миграции и гибель большого количества диких животных и птиц, огромные площади загубленных охотничьих и рыболовных угодий и, как следствие, развал сложившейся системы жизнеобеспечения и жизнедеятельности народов Севера, их физическая и социальная деградация»². На международной научно-практической конференции «Пути выживания народов ханты и манси», проходившей в пос. Лянтор 9–16 апреля 1992 г., проблема деградации окружающей среды занимала центральное место.

Активное освоение месторождений нефти и газа в местах проживания этнических групп противоречит их обычаям, традициям и образу жизни. За последние годы изъято и выведено из строя 30% охотничьих угодий, ликвидировано или заброшено более 70 населенных пунктов³. Рыбаки, охотники и оленеводы вынуждены покидать обжитые места, осваивать новые угодья. В настоящее время уже существуют правила изъятия земель для промышленной разработки, учитывающие интересы коренных народов и обеспечивающие охрану окружающей среды. Эти правила закреплены в законах и правовых актах автономного округа, но они не позволяют в полной мере решить проблему, так как не отлажен механизм их реализации.

Сегодня на Севере необходимо обеспечить не только рост объемов нефтедобычи, но и справедливое использование получаемых от этого доходов для восстановления окружающей среды и традиционного образа жизни коренного населения. Для этого коренные малочисленные народы следует привлекать к принятию экономических решений. Такой опыт уже существует в Канаде, где до принятия решения по заявкам на разработку нефти и газа на федеральном уровне проводится оценка экологических аспектов того или иного проекта. Помимо этого правительство требует от компаний, которые будут осуществлять проект, разработки программ подготовки кадров на местах, создания совместных предприятий, обеспечения занятости местного населения⁴.

В настоящее время население обеспокоено нерациональным использованием природных ресурсов. В этом плане полезным не только для Ханты-Мансийского автономного округа, но и для России в целом может стать опыт Австралии. В чем сущность австралийского опыта? В 60-х – начале 70-х годов здесь стали уделять серьезное внимание восстановлению земель и лесов после добычи природных ресурсов. Добыча разрешалась только в том случае, если горно-добывающие и лесохозяйственные предприятия могли доказать, что их деятельность не угрожает выживанию экосистем.

Одним из примеров рациональной и природосообразной организации горнодобычи служит действующая на территории Австралии американская компания ALGOA. Эта компания разработала всеобъемлющую стратегию добычи бокситов, охватывающую все стадии жизненного цикла шахты: планирование, непосредственную разработку месторождения и восстановление экосистемы. Перед тем как начать разработку нового месторождения, совместно с правительственными организациями ALGOA формирует пяти- и десятилетние программы добычи, учитывающие все экологические аспекты. На основе тщательного анализа структуры гидрографической сети и качества воды проводится оценка возможного влияния горных работ на гидрологический режим объекта, выявляются наиболее эффективные способы сведения этого влияния к минимуму. На основе изучения базовой флоры и фауны объекта определяются цели его восстановления.

До 1976 г. собираемый после строительства шахты верхний слой почвы возвращался на место и выравнивался через три года после завершения ее эксплуатации. Позднее эксперименты показали, что естественная регенерация происходит эффективнее, если переносить свежеснятый грунт на восстанавливаемый объект немедленно. В настоящее время это практикуется по всей Австралии, за исключением тех районов, где этот метод нежелателен из-за больших расстояний или инфицированности почвы возбудителями грибковых заболеваний деревьев. Компания ALGOA также улучшает приживаемость деревьев, посаженных на месте бывших рудников, разрыхляя уплотненную почву специально сконструированной бороной до глубины 1,8 м.

Текущие данные экологического мониторинга свидетельствуют о том, что число видов растений на объектах, восстановленных девять месяцев назад, составляет примерно 80% от их числа на данной территории до начала ее эксплуатации. 90% видов птиц, большая часть млекопитающих и 78% земноводных начинают использовать восстановленные объекты для поиска пищи, мест обитания и размножения через 5–10 лет⁵

Для сравнения возьмем месторождение россыпного золота Нярта-Ю, расположенное на территории Ханты-Мансийского автономного округа. Оно находится на восточном склоне Приполярного Урала, в бассейне р. Нярта-Ю – правого притока р. Маньи. Одна из главных проблем здесь – проблема рекультивации земель после разработки месторождения. Добыча золота ведется давно, но до сих пор не сдано ни одного квадратного метра рекультивированной земли. Это же можно сказать и о разработке других месторождений твердых полезных ископаемых. Там, где геологи проложили шурфы, теперь огромные овраги. Подобных примеров, когда наносится колоссальный ущерб окружающей природе, можно привести много, и относится это к месторождениям не только твердых, но и других видов полезных ископаемых.

Австралийский опыт являет собой образец правильного сочетания экономических интересов с интересами сохранения окружающей среды. Особенно важны здесь такие моменты, как создание основ системы рекультивации нарушенных земель после разработки месторождений, формирование пятидесятилетних программ добычи, учитывающих все экологические аспекты до начала разработки месторождения, предварительная оценка возможного влияния горных работ на гидрологический режим объекта. С моей точки зрения, целесообразно, чтобы в нашей стране данный опыт применяли предприятия, разрабатывающие месторождения твердых полезных ископаемых, а также добывающие нефть и газ.

В целом, говоря о соблюдении экологических интересов коренных малочисленных народов Севера, можно рекомендовать следующее. Во-первых, необходимо совершенствование законодательной базы в области охраны окружающей среды на федеральном и окружном уровнях, так чтобы коренное население получило возможность непосредственно участвовать в принятии решений, касающихся разработки месторождений всех видов полезных ископаемых. Во-вторых, требуется целенаправленное изучение возможности и целесообразности создания этноприродных парков как одной из форм сохранения традиционного уклада жизни малочисленных народов Севера на территории их компактного проживания. В-третьих, следует рассмотреть вопрос о возможности применения канадского и австралийского опыта природопользования, а также опыта других стран на территории Ханты-Мансийского автономного округа и России в целом.

Примечания

¹ См.: *О состоянии окружающей природной среды Ханты-Мансийского автономного округа в 1996 году*. – Ханты-Мансийск, 1997.

² Попков Ю. В. Народы Севера и нефть: конфликты и компромиссы // *Коренные народы. Нефть. Закон*. – Ханты-Мансийск, 1998. – С. 67, 68.

³ См.: *Егорова Г. М. Беречь здоровье людей // Слово народов Севера*. – 1998. – № 1.

⁴ См.: *Интеграция вопросов экономики коренного населения и экологии при регулировании деятельности, связанной с разработкой месторождений нефти и газа*. – Сургут, 1994.

⁵ См.: *Шмидхайни Ст. Смена курса*. – М., 1994.

С. Соул
(Аляска, США)

ЗАМЫКАЯ КРУГ КАК КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ АЛЯСКИ БОРЕТСЯ С СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОБЛЕМАМИ И АЛКОГОЛИЗМОМ

Прежде всего хочу предупредить читателей, что автор данной статьи не ученый. Я работаю в Департаменте здравоохранения и социальной службы Аляски в отделе по борьбе с алкогольной и наркотической зависимостью в качестве координатора службы сельских районов. Мои усилия сосредоточены на работе с общинами коренного населения Аляски, с тем чтобы руководство штата выделяло средства на разработку и реализацию программ по преодолению социальных проблем и улучшению благосостояния

как отдельных жителей, так и общин в целом. В статье кратко рассматриваются сельские районы Аляски и их население, существующие здесь общины, история связей между культурой аборигенов Аляски и европейской культурой, описываются некоторые наиболее насущные социальные проблемы сельских районов Аляски, обсуждается ряд гипотез о причинах этих проблем и, наконец, описываются некоторые пути, которыми коренное население Аляски старается их устранить и восстановить здоровье в своих общинах.

Сельские районы Аляски

Под сельскими районами Аляски подразумевают территорию штата, удаленную от системы дорог: дику тундру, тайгу, горы, леса, реки и протяженную линию побережья. В сельских районах Аляски существует примерно 200 общин: пять общин – районных центров с населением от 3 до 5 тыс. чел. в каждом и деревни с населением по 50–900 чел; среднее число жителей в деревне – 200–300 чел. Большинство деревень расположены вдоль рек и на побережье. Из деревни в деревню добираются летом на лодках, зимой на снегоходах и вездеходах, а также круглый год небольшими самолетами. Между районными центрами и крупнейшими городами Аляски имеется сообщение реактивными самолетами. В районных центрах сосредоточены транспорт, торговля и услуги, расположены учреждения здравоохранения, социальные службы и образовательные учреждения. Здесь имеются больницы, филиалы Университета Аляски, универмаги, небольшие гостиницы. В отличие от деревень в райцентрах большинство жителей – представители некоренного населения. Некоренное население привлекает сюда высокооплачиваемая квалифицированная работа, главным образом в здравоохранении, сфере социальных услуг и образовании.

Жители деревень живут в деревянных щитовых или бревенчатых домах, отапливаемых обычно нефтью, иногда дровами; в некоторых домах имеются водопровод и канализация. Во всех деревнях есть начальная школа и почти во всех – средняя. Как правило, имеются один или два небольших магазина, где продается все – от продуктов до одежды и скобяных изделий, поликлиника, почта. В некоторых деревнях существует один или два полицейских отряда. Везде есть электричество, обычно от дизельного генератора. В каждой деревне имеется аэропорт, обычно с немошеной посадочной полосой, без оборудования и аэровокзала.

Дома в деревнях часто перенаселены, так как несколько поколений живут вместе. Обстановка простая, но почти всегда есть телевизоры, а на стенах развешаны семейные фотографии. Грузовая или легковая машина – редкость в деревенской семье, но большинство имеют снегоход и лодку с мотором. У очень многих мужчин есть винтовки для охоты и, если они живут на побережье большой реки, сети для рыбной ловли.

Деревенские дети и подростки ходят в школу. Количество уроков, классные комнаты, где они занимаются, предметы, которые они изучают, почти те же, что и по всей Америке. Но для взрослых деревенская жизнь меньше похожа на обычную американскую жизнь. Если большинство взрослых американцев имеют работу, то в деревнях Аляски рабочих мест мало. Хорошо оплачиваемые рабочие места (в основном это должность учителя) чаще заняты представителями некоренного населения. Охота и рыболовство – важная работа, но она сезонная. Большую часть года у аборигенов Аляски недостаточно работы, чтобы занять время. Мужчин это касается в большей степени, так как женщины занимаются хозяйством и детьми.

Коренное население Аляски

Среди коренного населения Аляски выделяют пять основных групп. Инупиаты живут вдоль северного и северо-западного побережья и вдоль рек. Они охотятся на морских млекопитающих и карибу, занимаются рыболовством. Юпииты, самая многочисленная группа, живут на юго-западе Аляски (центральные юпииты) и на острове Св. Лаврентия (сибирские юпииты, имеющие родственников в чукотских деревнях Новое Чаплино и Сереники). В зависимости от места поселения юпииты ловят рыбу, охотятся на морских млекопитающих, птицу, карибу и лося. Различные группы индейцев-атапасков населяют обширные внутренние районы Аляски. Они живут вдоль крупных рек, рыбачат и охотятся на земноводных, млекопитающих. Леса и острова юго-востока Аляски населяют составляющие одну группу три северо-западных племени: тлингиты, хайды и цимшианы. Более умеренный климат позволяет добывать рыбу, ракообразных и оленя. Алеуты живут вдоль Алеутской гряды и полагаются на дары моря.

Промысел

Жизнь за счет промысла и близость к промысловым ресурсам являются, видимо, одним из наиболее важных факторов, обуславливающих образ жизни коренного населения Аляски. Промысел обеспечивает большую часть рациона, определяет способы времяпрепровождения, отношения людей с окружающей природной средой. Аборигены Аляски почитают животных, на которых охотятся. Они добывают только то, что им необходимо, и используют все из того, что добыли. Культура промысла является и культурой дележа: киты делятся на всю общину, первый лось, добытый молодым охотником, делится между старейшинами деревни.

Промысел порождает тесные связи с местом, где он ведется. Это основная причина того, что деревни, где проживает коренное население Аляски, не только существуют, но и растут по числу жителей, хотя жить в них трудно. Стоимость жизни в деревнях очень высокая. Продукты питания, одежда, горючее – все здесь дороже, чем в городских районах. Медицинская помощь оказывается только самая необходимая, подготовка у персонала минимальная. При серьезных проблемах со здоровьем уже приходится ехать в районный центр или город, а дорога дорогая. Качество образования в средних школах маленьких деревень хуже по сравнению с большими городскими школами. Молодежь в деревнях не знает, чем себя занять. И все же большинство молодых людей остаются в родных местах или, уехав в город, через какое-то время возвращаются. Связи с землей, семьей, культурой очень крепкие.

Контакты

История контактов между коренным населением Аляски и европейцами насчитывает всего 250 лет, а в некоторых частях штата даже вдвое меньше. Эти контакты позволили аборигенам Аляски приобщиться к основным направлениям американской культуры, но это отрицательно сказалось на традиционной культуре. Контакты способствовали улучшению медицинского обслуживания, но только после того, как серия эпидемий унесла жизни многих коренных жителей. Благодаря контактам у детей аборигенов появилась возможность получать “хорошее” образование, но эти же контакты почти уничтожили некоторые местные языки. Контакты повлекли за собой введение христианства – и глубоко навредили традиционной духовности. Они поощряли индивидуализм и личные достижения – и ослабили общинные и семейные узы, чувство ответственности и взаимопомощи, которые веками помогали аборигенным племенам выживать. В результате контактов стали применять машины, чтобы облегчить жизнь, – и был нанесен вред окружающей среде. Пищевой рацион был обогащен новыми продуктами и напитками – и у населения возникли предрасположенность к диабету, склонность к алкоголю и наркотикам.

Первые европейцы, в основном русские, пришли на Аляску в поисках мехов. При этом коренных жителей убивали, порабощали, они умирали от болезней. Затем пришли другие – в поисках лосося, которого начали вылавливать от юго-востока Аляски вдоль полуострова Аляска и до Бристольского залива. Лосось начал исчезать. (Ситуация не изменилась и по сей день. Летом 1998 г. юго-запад Аляски и часть внутренней территории штата были объявлены зонами бедствия, так как лосось практически не возвращался в прибрежные воды и реки, где его вылавливали.) Китобой – европейцы и американцы – охотились на китов вдоль северного и северо-западного побережья Аляски, так что киты были почти полностью уничтожены. С приходом китобоев появились болезни и алкоголь. Золотодобытчики распространили это двойное зло по другим прибрежным районам. Вскоре нефть и строительство нефтепровода принесли свои положительные моменты – и свои пороки. Огромный доход от нефти позволил Аляске построить дороги и аэропорты, санитарные учреждения и школы, но большое количество рабочих мест и высокая заработная плата привлекли в штат некоренное население. Переселенцы стали соперничать с аборигенами в ловле рыбы, в охоте на лося и оленя, вынуждать штат строить больше дорог, больше нефтяных скважин, больше шахт для добычи полезных ископаемых. Интенсивное развитие означает большее количество рабочих мест, больше денег, больше возможностей. Но это еще и уменьшение заповедных территорий и акваторий, где водятся лось, карибу, лосось, и сокращение жизненного пространства для людей, чья жизнь зависит главным образом от промысла.

Напряженность

Показатели поведения и социального здоровья свидетельствуют, что сегодняшняя жизнь коренного населения Аляски очень тяжела. Это детально рассматривает Д.Маршалл¹, я же в своей статье лишь сделаю обобщение. В основном коренное население Аляски – это члены племен и общин, люди миролюбивые, добрые. И все же уровень насилия среди коренного населения очень высокий. Аборигены

Аляски составляют 16% населения штата, а среди заключенных в тюрьмах штата их доля превышает 30%. Они попали туда не за преступления против собственности, а за преступления против личности: физическое и сексуальное насилие, преступления на бытовой почве, преступления против детей, убийства. Насилие нередко направлено не только против других, но и против себя. Уровень самоубийств среди коренного населения Аляски в 4 раза выше соответствующего показателя по США в целом. Уровень самоубийств среди мужчин-аборигенов в возрасте от 20 до 29 лет еще выше. Можно ли говорить о населении с таким уровнем преступности, что оно мирное и доброе? Объяснение одно – алкоголь. Большинство актов насилия, как против других, так и против себя, совершено аборигенами под воздействием алкоголя.

Почему же коренное население Аляски (и многие другие коренные народы США) столь восприимчиво к воздействию алкоголя? Существует предположение, что это обусловлено физиологическими причинами: в организме у аборигенов недостает нужных для его нейтрализации ферментов. Некоторые видят причину в том, что алкоголь вошел в культуру аборигенного населения относительно недавно и оно не успело к нему адаптироваться ни в анатомическом, ни в социальном плане. Говорится также о том, что завезшие алкоголь торговцы учили коренное население пить до сильного опьянения, с тем чтобы легче было заключать сделки. Некоторые ссылаются на существующий в культурах аборигенов обычай расточительства по отношению к тому, что имеется в данный момент. Иногда причину видят в том, что молодые мужчины – представители коренного населения, застенчивы и пьют для того, чтобы обрести храбрость при общении с молодыми женщинами. Есть и такая точка зрения: если родители пьют слишком много, дети, вероятнее всего, тоже будут много пить. Может быть, это наследственное, а может быть, приобретенное поведение. Некоторые считают, что аборигены пьют оттого, что в деревнях нет работы. Они ощущают себя бедными, скучными, внутренне опустошенными и пьют, чтобы облегчить боль жизни, т.е. алкоголь является как бы самолечением.

Для тех, кто работает с коренным населением Аляски над преодолением алкогольной зависимости, самым главным кажется то, что считают причинами алкоголизма сами коренные жители и что поможет им выработать способы разрешения этой проблемы.

Синдром посттравматической напряженности многих поколений

В 1990 г. в штате получил известность очерк Г.Наполеона², эскимоса-юпиита, посвященный последствиям для коренного населения Аляски “великой смерти” – эпидемии гриппа 1890 г. Г.Наполеон, человек с хорошим, по западным стандартам, образованием, когда-то известный лидер, находился в то время в тюрьме по обвинению в смерти своего сына, вызванной пристрастием отца к алкоголю. В 1991 г. Университет Аляски опубликовал рассказанную им историю вместе с комментариями старожилов из числа коренного населения штата, коренных американцев и маори из Новой Зеландии.

Г.Наполеон пишет, что проводил время в тюрьме, “заглядывая в свою душу и в души своих товарищей среди коренного населения, страдавших этим недугом”³. Недуг, о котором он говорит, – это алкоголизм, причем он считает, что “это болезнь, потому что люди, страдающие от нее, не хотят добровольно заразиться ею. Никто не хочет жить в бедности, в горе, в разочаровании и безысходности. Никто, будучи в здравом уме, не хочет потерять любимых, разрушить семейный очаг, попасть в тюрьму. Это болезнь, потому что никто не будет бить жену, досаждать своим детям или не давать им отдыхать только потому, что он так хочет. Ни один мужчина не мечтает об этом. Однако, как ни печально, это именно то, что происходит слишком часто в наших деревнях и в наших домах”⁴.

Далее Г.Наполеон пишет о хорошей жизни юпиитов до контактов с европейцами, прежде всего о богатой духовной жизни, о неповторимости человека, о его природном окружении и духовном мире. “Каждое физическое проявление имеет духовную причину. Вот почему шаманы были самыми главными людьми в деревне... историками, врачами, судьями и толкователями способа человеческого бытия”⁵. Поначалу способ человеческого бытия не очень изменился под влиянием контактов с европейцами. Технология, если она была прогрессивной, принималась, но миссионеры игнорировали и им противостояли. Затем начались эпидемии. Среди эскимосов и атапасков умерло 60% населения. Целые семьи, целые деревни прекращали свое существование. Шаманы не смогли остановить этого и “умерли в отчаянии вместе со своим народом, а с ними почти умер и образ жизни, древний мир духов эскимосов”⁶.

“Мир, в котором очнулись оставшиеся в живых, – пишет Г.Наполеон в своем очерке, – был без якоря... Они очнулись в шоке, равнодушные, растерянные, сбитые с толку, с разбитыми сердцами и в страхе... Травмированные, без вожака, в смятении и страхе, оставшиеся в живых с готовностью последовали за белыми миссионерами и школьными учителями... и похоронили свою национальную культуру

в тиши отречения”⁷. Вопросы о прежней жизни, которые задавали дети, остались без ответа. Детей отправили в интернаты, где их наказывали, если они говорили на родном языке или соблюдали традиции. Их родители, выжившие, но травмированные, позволяли это. И когда дети вырастали, они воспитывали своих детей так, как в свое время воспитывали их, умалчивая о прошлом, чувствуя смятение и беспомощность в настоящем.

Посттравматические стрессовые расстройства (ПТСР) наблюдаются тогда, когда люди переживают ужасные события, связанные с насилием, смертью, болезнями, страдают от неспособности остановиться и чувствуют вину за то, что выжили. Люди, страдающие ПТСР, расходуют свою энергию на подавление своих чувств, сдерживая их глубоко внутри, вместо того чтобы дать им выход и освободиться от них. Сдерживаемые чувства создают огромное внутреннее напряжение, которое затрудняет борьбу с обычными стрессами, обусловленными теми или иными событиями или взаимоотношениями. Люди, страдающие ПТСР, с трудом сходятся с другими людьми и не хотят внимательно посмотреть на себя.

ПТСР многих поколений возникает тогда, когда эти болезненные чувства переходят от родителей к ребенку. Человек, страдающий ПТСР, является, вероятнее всего, неуверенным и эмоционально отдаленным родителем, не способным дать своему ребенку эмоциональную стабильность и безопасность, которые необходимы ему, для того чтобы вырасти с хорошими чувствами по отношению к себе и к жизни. Алкоголь же наносит дополнительные травмы.

В поисках путей избавления от боли, связанной с ПТСР, люди часто обращаются к алкоголю и наркотикам. Но алкоголь расширяет рамки дозволенного и туманит разум. Он дает выход боли, вине, гневу. Он подпитывает вспышки гнева и насилия, которые травмируют последующее поколение.

“Многие из сегодняшнего поколения коренных жителей Аляски обратили внимание на себя, – пишет Г.Наполеон. – Они обвиняют себя за то, что они безуспешны, так как успех предопределен им миром, в котором они живут. Это не характерно для всей молодежи коренной Аляски. Но это характерно для самоубийц, алкоголиков, заключенных, тех, кто бездельничает в деревнях. Дело в том, что их родители тоже были алкоголиками... Дело в том, что они были разочарованными, эмоционально травмированными, с разбитыми сердцами детьми. Дело в том, что дома они видели физическое, словесное, психологическое насилие, были голодными, грязными, уставшими... тосковали по счастью, но были им отвергнуты. К тому времени, когда дети выросли, в своих душах они были глубоко подавлены”⁸. Это те, кто обратился к алкоголю, чтобы получить облегчение, но вместо этого внутри у них появились демоны – демоны, которые гневил их самих и окружающих.

Лечение и программы, которые могут помочь

В очерке Г.Наполеона есть страница, где изображено три круга. Первый круг не разорван, внутри него кольцо людей, крепко держащихся за руки, – это здоровая деревня. Следующий круг разомкнут, люди не соединены вместе и некоторые вырываются из круга, – деревня кровоточит. Г.Наполеон пишет: “Для многих коренных жителей Аляски круг был разорван вследствие травмы от массовой гибели во время эпидемии. Семьи и деревни потеряли связь и развивались изолированно... Если круг со временем не замкнуть, он умрет”⁹. На третьем рисунке люди опять образуют целый круг, держась за руки. “Круг могут сделать только те, кто в нем живет. Его могут сделать целым только те, кто действительно шагает вместе”¹⁰.

Г.Наполеон заканчивает очерк рекомендациями относительно мер по излечению от ПТСР и алкоголизма. Он предлагает организовать в деревнях кружки общения, где дети, родители, старожилы смогут честно и откровенно поговорить друг с другом, где можно будет поделиться своими чувствами, надеждами и мечтами. Он считает, что руководство штата и федеральное правительство должны гарантировать коренному населению основные права, включая права на самоуправление и на ведение рыбной ловли и охоты, права, которые, по его мнению, помогут уменьшить калечащую и растущую зависимость от помощи из внешнего по отношению к коренной культуре и общине окружения.

Я не намерена и не могу обсуждать правильность или ошибочность взглядов Г.Наполеона. Важно то, что для коренного населения Аляски есть круг правды и он вдохновляет и дает силы. Взгляды Г.Наполеона перекликаются с мнениями других представителей коренного населения, вовлеченных в борьбу со злоупотреблением алкоголем. Они помогают аборигенам увидеть себя не как плохих, слабых, необразованных, виноватых людей, а в качестве жертв событий, которые они не могут контролировать. Они помогают им простить себя, родителей и предков и увидеть тропу, ведущую к выздоровлению.

Моя работа как сотрудника отдела по борьбе с алкогольной и наркотической зависимостью состоит в том, чтобы помочь коренному населению пройти по этой тропе. Аборигены определяют направление – я помогаю им “транспортными средствами”. На практике такая помощь осуществляется в рамках двух

программ, – это профилактика самоубийств, проводимая с помощью общины, и деятельность сельских служб спасения.

Для профилактики самоубийств, проводимой с помощью общины, деревням с коренным населением выделяются небольшие дотации для разработки на местах и реализации проектов по сокращению числа самоубийств и самоуничтожающего поведения (включая злоупотребление алкоголем) и поддержанию здоровья человека, семьи, общины. Программа не предполагает, что общинам будут диктовать, что нужно делать, а ориентируется на то, что они сами хотели бы сделать, что, по их мнению, даст результат в этих конкретных общинах. В течение последних 10 лет в программе ежегодно принимают участие от 50 до 60 деревень. Используемые ими методы разнообразны. В некоторых общинах людям помогают чаще собираться вместе, чтобы поговорить. Здесь организованы кружки общения, кружки по вышивке бисером, кружки кройки и шитья. В таких кружках общение сочетается с обучением традиционным ремеслам, которое является важной составляющей многих проектов. Обучение ремеслам рассматривается как способ помочь молодежи почувствовать гордость за свою культуру и традиции. Помимо кружков по вышивке бисером и кройке и шитью созданы кружки по резьбе из слоновой кости и изготовлению саней, охотоведческие, кружки национальных песен и танцев. Занятия ведут не школьные учителя некоренной национальности, а старожилы и опытные коренные жители. Некоторые разработанные в деревнях проекты по профилактике самоубийств фокусируются на консультациях для тех, кто находится в “группе риска”, и на помощи людям в преодолении тяги к алкоголю посредством деятельности групп поддержки, консультаций и разъяснений относительно этой пагубной привычки. Консультанты и члены групп поддержки – это жители деревень, которые сами когда-то столкнулись с той же проблемой и сейчас оправляются от болезни. Большинство проектов предусматривает совместное времяпрепровождение: общинные обеды, семейные игровые вечера, праздники, танцы. Это порождает дружелюбие и хорошее настроение. Алкоголю и пьяницам не место на этих мероприятиях, и община следит за соблюдением этих правил.

Раз в году координаторы 50 или 60 деревенских программ по профилактике самоубийств собираются вместе на пятидневную конференцию, в ходе которой читаются лекции, ведутся практические занятия, предоставляется возможность обмениваться идеями. Некоторые из лекторов – эксперты и врачи из некоренного населения, но большую часть знаний координаторы получают друг от друга. Координаторы помогают проводить минikonференции в курируемых ими деревнях. Ежеквартальный бюллетень помогает всем координаторам быть в курсе того, как выполняется деревенская программа профилактики самоубийств в течение года.

Многие признаки указывают на то, что этот проект дает положительные результаты. Уровень самоубийств в деревнях, участвующих в проекте, за последние три года заметно снизился по сравнению со штатом в целом. Деревни и национальные организации рассматривают программу как модель и выступают за то, чтобы она использовалась в как можно большем числе проектов, спонсируемых государством. Координаторы программы по профилактике самоубийств способствовали позитивным изменениям в своих общинах, став членами совета, мэрами, главами рода, получая дополнительное образование и используя это образование в работе на благо здоровья общины.

Программа деятельности сельской службы спасения основывается на несколько ином подходе. Выделяются фонды для предоставления людям работы в качестве нарко- и психотерапевтов в своих деревнях. Подготовка этих специалистов осуществляется в рамках особой университетской программы, учитывающей практику лечения, принятую у коренных народов Аляски, и западную клиническую практику.

Обе программы базируются на убеждении коренного населения в том, что у него есть силы для борьбы с проблемами и бедами, на поиске в них самих и в их культурах того, что сможет их вылечить. Существуют и другие подобные попытки, в частности созданы общества трезвости, реабилитационные лагеря, разработаны программы, в которых задействованы старожилы, программы, ориентированные на традиционные методы.

Излечение от “великой смерти” и посттравматического стрессового синдрома займет какое-то время и потребует терпения, оно не будет легким. Травмы глубоки, а алкоголь является сильным наркотиком, который держит крепко. Но позитивные сдвиги обнадеживают. Уровень ряда показателей начинает снижаться. Многие общины проголосовали за запрещение ввоза алкоголя в свои общины и его продажи. Кружки национальных танцев организуются в деревнях, которые не видели национальных танцев в течение 50 лет.

Есть все основания полагать, что коренные жители деревень Аляски стремятся взяться за руки, чтобы восстановить круг культуры, правды, способа человеческого бытия.

Примечания

¹ См. статью Д.Маршалла в настоящем сборнике. – Прим. ред.

² См.: *Napoleon H. Yuuyaraq: the way of the human being* // University of Alaska, College of Rural Alaska, Centre for Cross Cultural Studies. December, 1991.

³ Ibid. – P. 1.

⁴ Ibid. – P. 3.

⁵ Ibid. – P. 7.

⁶ Ibid. – P. 10.

⁷ Ibid. – P. 12.

⁸ Ibid. – P. 22.

⁹ Ibid. – P. 29.

¹⁰ Ibid.

Ю.П.Селиверстов
(г. Санкт-Петербург)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ТУВЫ

Общетеоретические вопросы устойчивого развития неоднозначны в плане понимания их связи с практикой. Это касается прежде всего определения цели: для кого или для чего осуществляется устойчивое развитие, по отношению к какому объекту оно рассматривается, какие имеются возможности сбалансированного, или поддерживающего (это более точные соответствия английскому понятию “sustainable”), развития общества и природы, т.е. каковы возможные компромиссы на путях осуществления концепции устойчивого развития.

Для Внутренней Азии, в частности для Тувы, главное видится в поддержании устойчивости существования и функционирования *природной среды*. Без этого в специфических условиях центра Азии не может быть этносоциальной и экономической стабильности. При таком подходе во главу угла ставятся благополучие и благосостояние человека, сохранение его этнодемографических основ, на базе которых должна строиться экономика, не нарушающая среду обитания.

Однако возможно ли сбалансированное и тем более устойчивое развитие отдельно взятых территории или государства? Вряд ли. И не случайно мировое сообщество прежде всего обратило внимание на Мир в целом, на проблемы всей Земли и лишь затем на проблемы отдельных территорий. Концепция устойчивого развития территорий не предполагает их изоляции от других, не рекомендует создания на них своеобразных натуральных хозяйств, которые обеспечивали бы “самостоятельное”, “независимое” существование, особенно на базе использования сырьевых ресурсов с разрушением природы, даже если это во благо народа. Данная концепция предусматривает сбалансированное развитие народа при сохранении окружающей среды для потомков, при этом использование ее ресурсов осуществляется во взаимодействии с прилегающими территориями. Поэтому вряд ли можно говорить об устойчивом развитии Тувы без России, без участия мирового сообщества.

Конечно, существуют различные варианты воплощения принципов устойчивого развития применительно к Туве, но некоторые из них нам представляются опасными. Это относится, в частности, к волонтаристскому предложению о немедленном объявлении Тувы зоной сбалансированного развития и оповещении об этом ООН, а также к своеобразным “экономическим обоснованиям” тех или иных вариантов развития. Даже приводимые обычно цифры приходно-расходного баланса не свидетельствуют о возможности достижения желаемого эффекта в долларовом исчислении, так как приблизительные оценки, по существу, отражают своеобразную “прибыль” от ущерба природе при эксплуатации ее богатств (руд, пушнины, скота и т.п.). Социально-экологических расчетов нет. А ведь получение каждого грамма золота, тонны руды или центнера зерна сопряжено с труднооценимым уроном природе и угрозой существованию населения. Откуда будет возмещаться этот урон?

В каждом регионе использование природно-ресурсного потенциала и охрана природы по-своему зависят от социально-экономических и социально-этнических факторов, что предполагает своеобразие возможных решений относительно сбалансированного развития. Тува – действительно уникальный объект для исследования благодаря четкости природного облика, компактности расселения тувинского народа, тесным его связям с окружающей средой, близости социальных и этнических условий к современному состоянию жизнеобеспеченности. В создаваемой концепции устойчивого развития Тувы основное

внимание необходимо обратить на развитие и совершенствование традиционного природопользования, на созданные веками быт и нравы, на уклад жизни, на контакты с окружающими народами, на щадящий характер отношения к природным ресурсам и всемерный учет их приятных и неприятных особенностей. Возрождение тувинского народа должно быть основой концепции на фоне общих апробированных ее положений. Существенную роль в этом играет система заповедников и других форм охраны природной среды, и территории заповедных зон надо увеличивать (ныне это всего 2%). С экономической точки зрения важно возродить коневодство, оленеводство, яководство как природно и социально обусловленные составляющие экосистем, в наименьшей степени наносящие им ущерб и обеспечивающие достаточную экономическую прибыль.

Сочетание природных условий и социально-экономических факторов, обеспечивающих восстановление используемых природных ресурсов, которое необходимо для сбалансированного развития территории, поддержания благосостояния населения и существующей экологической ситуации, характеризует экологическую безопасность данной территории. Определив указанное сочетание, можно говорить о степени экологической безопасности и выяснять причины ее нарушения или исходной недостижимости. Экологическая безопасность понимается также как характеристика вероятности сохранения качественных и количественных показателей жизненной среды, обеспечивающих оптимальные значения пространственно-временных циклов воспроизводства процессов жизнедеятельности на разных уровнях организации системы природа – общество, либо рассматривается как состояние защищенности человека, общества и окружающей среды от вредных воздействий антропогенных и природных факторов.

При определении экологической безопасности Тувы необходимы анализ характеристик ее природной среды, особенностей современного социально-экономического состояния и жизнедеятельности населения, а также специфики природных и антропогенных воздействий на окружающую среду, сопоставление всех этих факторов в пространственном и временном отношениях и определение приоритетов в развитии. В общем можно считать, что природные условия Тувы обеспечивают устойчивость развития территории, ее хорошее экологическое состояние. Что же касается современного социально-экономического состояния республики, то оно оценивается ниже удовлетворительного, причем это касается также социально-экологических аспектов и отношения к окружающей среде.

Наблюдая за изменениями окружающей среды Тувы в последние более чем 30 лет, можно убедиться, что основной ущерб ее экологической безопасности связан с деятельностью человека. Наиболее существенными факторами, влияющими на экологическую безопасность территории республики, являются создание крупных промышленных центров по переработке сырья и выпуску готовой продукции, не оснащенных в достаточной степени очистными сооружениями; концентрация населения в крупных поселках и городах с переводом жителей на новые условия существования, отличные от естественных; нарушение уклада жизни тувинского народа; распашка межгорных и предгорных степей при так называемом освоении целинных и залежных земель, которая быстро истощила почву, вызвала почвенную и ветровую эрозию, привела к сокращению зимних пастбищ; концентрация скота с возрастанием нагрузок на летние пастбища, в горах частичное разрушение последних из-за перевыпаса и, как следствие, усиление плоскостной и линейной эрозии и возрастание мощности и числа паводков и наводнений; фактическое отсутствие в засушливых районах Тувы автодорог с твердым покрытием, что приводит к “многодорожью” и усилению эрозийно-дефляционных процессов с выводом земель из возможного хозяйственного оборота; необустроенность карьеров и предприятий по переработке строительного и энергетического сырья. Вырубки леса разной интенсивности до настоящего времени не оказывают существенного влияния на экологическую ситуацию благодаря большому объему лесного массива Тувы, постоянному его восстановлению (хотя и не всегда быстрому, но видимому практически повсеместно), временной замене наиболее ценных хвойных пород на лиственные, которые в хозяйственном отношении маловыгодны, но экологически вполне эффективны.

Сокращение и отчасти прекращение промышленного производства, транспортных перевозок и горно-рудных разработок привели к улучшению экологической обстановки и повышению роли природной составляющей экологической безопасности Тувы. В то же время усилилась социально-экономическая напряженность из-за сложностей в трудоустройстве и обеспечении нормальной жизнедеятельности населения, вплоть до появления межэтнических конфликтов и усиления отрицательных миграционных потоков.

Наиболее негативным фактором загрязнения окружающей среды ныне является используемый для отопления и энергетических целей местный уголь, весьма зольный и сажистый. Альтернативой его применению могут быть развитие малой гидроэнергетики, ветроэнергетики, а также решение проблемы газоснабжения.

В целом же Тува обладает богатым природно-экологическим потенциалом, который даже при не вполне благоприятной социально-экономической ситуации обеспечивает высокую степень экологической безопасности республики на глобально-региональном уровне и является важной составляющей ее устойчивого развития.

Ю.Н.Голубчиков
(г. Санкт-Петербург)

РЕСПУБЛИКА ТЫВА В ПОИСКАХ МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В Туве выпукло и концентрированно проявляются многие противоречия и конфликты, имеющие место в бывших советских республиках. Здесь они усугубляются географической изоляцией, кочевой жизнью существенной части сельского населения, неразвитостью социальной инфраструктуры, закрытием в последние годы многих производств, высокой долей безработных среди лиц трудоспособных возрастов, интенсивным оттоком населения, ограниченными возможностями получения образования и занятости, слабым политическим влиянием Центра и международных организаций, сепаратистскими настроениями у части населения.

Наша гипотеза состоит в том, что сегодня Республика Тыва стоит на пороге выбора модели постиндустриального развития. Она обнаруживает все признаки перехода не только к “нулевому росту” по модели Д.Медоуза, но и к “минусовому росту”, заявленному в программах партий “зеленых” ряда стран. Пока этот переход происходит стихийно. Например, большинство индивидуальных хозяйств были созданы горожанами в ходе аграрной реформы как форма обретения высоких доходов за счет посреднической и другой неаграрной деятельности (прибыль от продажи мяса, кожи и шкур при их закупке у производителей достигает 300–1000%). Вместе с тем сельский сектор Тувы в лице своих общин и домохозяйств концентрирует большинство недорогостоящих источников возможного прогресса. В мире накоплен значительный опыт реализации различных программ смягчения отрицательных последствий деградации депрессивных сельских районов. Применительно к Республике Тыва наиболее интересны программы, выработанные для различных высокогорных районов земного шара.

Высокогорные территории, как правило, обладают ценными минеральными ресурсами. В то же время среди их жителей широко распространены безработица, бедность, у них высокая смертность. Большинство населенных людьми высокогорий переживают ныне глубокую экологическую деградацию. Высокогорные районы столкнулись с этими проблемами раньше Тувы. Для жителей этих районов в мире были разработаны программы поддержки таких видов деятельности, как стабильный туризм, растениеводство, рыболовство, животноводство, экологически безопасная добыча ископаемых, надомные производства (например, переработка лекарственных и ароматических растений). Особый интерес вызывают комплексные программы поддержки домохозяйств, обеспечивающие жителям высокогорий альтернативные возможности зарабатывать себе на жизнь.

Имеется серьезный опыт реализации программ поддержки развития сельского хозяйства в горных районах Северного Пакистана, где фермерские хозяйства нередко располагаются на высоте более 3000 м над уровнем моря, – Программы Ага Хан (Aga Khan Rural Support Programme), Горной программы Международного союза охраны природы, Горного проекта Программы ООН по окружающей среде ЮНЕП. Из 160 конкретных проектов, осуществляемых ЮНЕСКО в различных районах мира в рамках программы МАБ-6, более половины (а именно, 85) посвящены изучению высокогорий. Генеральная Ассамблея ООН “Рио+5” поддержала инициативу президента Кыргызстана А.Акаева об объявлении 2000-го года Международным годом гор.

С началом реформ у Республики Тыва появился уникальный шанс перейти к постиндустриальному этапу истории с экологизацией всех сторон жизни. Именно домохозяйственное природопользование наиболее ярко воплощает в себе модель альтернативного постиндустриализма, которая уже стихийно реализуется в республике. Вместе с тем сельские общины и домохозяйства Севера сталкиваются с многочисленными проблемами и угрозами со стороны окружения в своей борьбе за выживание. Они нуждаются в целенаправленных и обдуманных социальных и экономических инвестициях. Необходимо также осмысление опыта рыночных отношений, в частности деятельности факторий, в Туве в XVIII – начале XX в.

Н.В.Абаев, М.А.Савинова
(г. Улан-Удэ)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕТРАДИЦИОННЫХ КОНФЕССИЙ В УСЛОВИЯХ БУДДИЙСКОГО И ПРАВОСЛАВНОГО АРЕАЛА БУРЯТИИ

В результате радикальных перемен в жизни нашего общества оно стало более открытым по отношению к разнообразной информации. В частности, значительно возросло количество публикаций религиозно-философского характера, которые нередко опровергают устоявшиеся взгляды на те или иные явления. В Бурятии появились необычные конфессии со своей философией и своими законами. Массовое религиозное сознание оказалось пестрым и полным противоречий. С одной стороны, в нем господствуют взгляды, сложившиеся ранее, а с другой – пробивают себе дорогу новые воззрения и оценки.

По последним данным¹, у молодежи республики отмечается значительный рост религиозности. Среди молодых людей, опрошенных в ходе одного из социологических обследований, 77% проявили однозначно положительное отношение к религии и лишь 2,5% – негативное. Это вселяет оптимизм, так как именно религии дано возродить духовность. Особенностью религиозной ситуации в Бурятии является то, что на фоне увеличения численности приверженцев давно распространенных здесь конфессий, таких как традиционный буддизм, православие, старообрядчество и шаманизм, появились нетрадиционные конфессии – Вера бахаи и Сознание Кришны. Следует уточнить, что говоря о “новых” конфессиях, мы имеем в виду не новизну религии, которую исповедуют адепты этих конфессий, поскольку любая религия представляет собой сугубо традиционное, историческое явление, тем более когда речь идет о религии восточного происхождения, – эти конфессии можно назвать новыми в социально-политическом смысле.

Нами было проведено этносоциологическое исследование и опрошено 400 чел., среди которых были сторонники как традиционных для региона религий и верований (православные, старообрядцы, буддисты, шаманисты), так и нетрадиционных конфессий (Вера бахаи и Сознание Кришны), члены протестантских общин и Церкви Объединения, а также исповедующие двоеверие, колеблющиеся и атеисты. Были выявлены следующие пропорции: 82% составили респонденты, не являющиеся представителями новых конфессий, – приверженцы исторически сложившихся религий, атеисты, колеблющиеся и крещеные, но не посещающие церковь; 18% – адепты новых конфессий, т.е. бахаи, кришнаиты, протестанты и мунисты. В дальнейшем под новыми, или нетрадиционными, конфессиями будут подразумеваться не только бахаи и кришнаиты, но также протестанты и мунисты, под традиционными – православные, старообрядцы, буддисты и шаманисты, под исследуемыми – только Вера бахаи и Сознание Кришны. Из всех респондентов – сторонников новых конфессий представители исследуемых конфессий составили 78% (54% – адепты Сознания Кришны и 24% – Веры бахаи), а протестанты и мунисты – 22%.

Исследование показало, что ядро приверженцев новых конфессий составляют молодые люди в возрасте 25–35 лет, которые практикуют свою религиозную деятельность уже в течение нескольких лет. Почти половина (47,4%) послушников и монахов храма “Харе Кришна” – это молодые люди от 18 до 25–26 лет и 44,7% – лица от 26 до 35–38 лет. В общине бахаи молодых людей в возрасте до 18 лет – 11,8%, от 18 до 25–26 – 35,3, от 26 до 35–38 лет – 35,3%. В целом среди представителей новых конфессий доля лиц в возрасте до 18 лет составляет 4,3%, от 18 до 25–26 – 48,6, от 26 до 35 – 35,7, от 35 до 50 – 7,1, старше 50 лет – 4,3%.

К нетрадиционному роду религиозного сознания особенно восприимчивыми оказались женщины. Среди приверженцев новых конфессий они составляют 59,5%. Что касается исследуемых конфессий, то здесь пропорции несколько специфичны. В обществе Сознания Кришны соотношение мужчин и женщин примерно равное: 47% женщин и 53% мужчин. В обществе бахаи значительно преобладают женщины их 88%. Вызывают интерес мотивы, побудившие этих людей принять вероучения, необычные для существующих в регионе традиций, а также причины указанной диспропорции в половом составе сторонников исследуемых конфессий.

Особенностью этноконфессиональной ситуации в Бурятии, как и в стране в целом, является то, что подавляющее большинство молодых людей до недавнего времени воспитывались и до сих пор воспитываются в безрелигиозной среде. Кроме того, негибкость, миссионерская пассивность традиционных религиозных институтов привели к принципиальному неприятию частью населения исторически

сложившихся религий. Это нашло отражение в ответах респондентов из числа адептов новых конфессий на вопросы анкеты: “Почему вы не выбрали своим вероисповеданием исторически сложившиеся религии и верования?” и “Что разочаровало вас в традиционных религиях?” Из них 20% отметили следующие мотивы: от этих религий “осталась только форма”, это “омертвевшие догмы, не созвучные с современностью”; их приверженцы “поклоняются иконам... святым, таким образом нарушают заповеди Бога”; возмущает “пьянство среди лам... их вседозволенность”; “обращаясь к Богу за деньги (как в православной церкви) или за деньги или водку (как в дацане), люди верят не во всемогущего Бога, а в посредников”; адепты традиционных религий “дискредитируют себя несоблюдением религиозных принципов”, “не следуют заповедям Христа, Будды”; “нет примеров чистого, бескорыстного служения, везде прослеживается корысть, люди хотят извлечь выгоду из служения Богу”; “люди испортили первоначальную духовную чистоту традиционных религий”² Из этого следует, что по меньшей мере для пятой части респондентов из числа приверженцев новых конфессий отрицательные личностные характеристики отдельных служителей культа и части прихожан, не придерживающихся религиозных принципов, послужили определяющим мотивом к тому, чтобы отвергнуть эти религии при выборе вероисповедания.

Мотивируя свой выбор нового вероучения, опрошенные отметили, что их привлекают “чистота и бескорыстие последователей”, их “личный пример и качества”, “простота, милосердие, честность, дружелюбие и открытость людей”, “искренность общения”, “атмосфера в общине, отсутствие давления”, “религиозные принципы и морально-нравственные аспекты”, что “Вера бахаи больше и полнее отвечает нуждам современного мира, она впитала в себя все лучшее, что дали миру традиционные религии”, “Сознание Кришны предлагает простую и возвышенную практику духовного самосовершенствования, чего нет в других религиях”, Вера бахаи “привлекла пропагандой здорового образа жизни, природо-охранительной деятельностью, служением человечеству”³

Следует отметить, что православная и буддийская культовые службы архаичны и большинству прихожан малопонятны. Религиозный смысл традиционных обрядов и песнопений люди зачастую совершенно не понимают из-за употребления в них церковно-славянского и старомонгольского языков и совершения богослужбных действий, значение которых для верующих остается нераскрытым, что признают и сами церковники. Все это сужает возможности религиозного воздействия традиционных обрядов и превращает их для многих, в особенности для молодых людей, в простую формальность или скучную обыденность.

Разумеется, на выбор религии влияют не только отмеченные выше факторы, – нельзя сбрасывать со счетов и социально-психологические особенности личности. Но они являются характерными и определяющими. В данном случае речь не идет об отступничестве и смене вероисповедания или об агрессивном прозелитизме со стороны исследуемых конфессий по отношению к исторически сложившимся религиям. Адепты этих конфессий признают право каждого гражданина России следовать той религиозной традиции, которая больше вдохновляет его на служение Богу и стране. Тем не менее среди приверженцев исследуемых конфессий есть и бывшие сторонники традиционных религий.

Результаты исследования показали, что 31,4% опрошенных адептов новых конфессий считали себя в прошлом либо православными (15,7%), либо буддистами (14,3%), либо старообрядцами (1,4%); 12,8% респондентов заявили, что они просто верили в Бога или в какую-то высшую силу, не причисляя себя к какой-либо конкретной конфессии; 31,4% были атеистами. Среди приверженцев исследуемых конфессий считали себя в прошлом православными 17,6% бахаи и 13,2% кришнаитов, буддистами – соответственно 5,8 и 15,7%, атеистами были соответственно 41,2 и 36,8%.

Есть основания полагать, что тех, кто заявил о своей принадлежности в прошлом к той или иной вере, вряд ли можно было считать в то время подлинными верующими, соблюдавшими требования своей конфессии. Согласно последним данным, подлинных верующих в России всего 4–6%⁴. Многие считают себя православными или буддистами только потому, что прошли обряд крещения или временами посещают дацаны, но при этом они не утруждают себя более глубоким изучением христианства или буддизма. Об этом свидетельствуют и результаты проведенного нами опроса. Значительное большинство респондентов (79,8%), заявивших о своей принадлежности к традиционным религиям, совершают требуемые религиозные обряды и молитвы только от случая к случаю. Лишь 7,9% верующих делают это регулярно. Подлинными практикующими верующими среди опрошенных скорее всего можно считать представителей новых конфессий: из них 88,6% молятся и совершают религиозные обряды ежедневно. В общине бахаи таковых 70,6%, а у кришнаитов 97,4% ежедневно выполняют все религиозные предписания. Таким образом, есть все основания утверждать, что новые конфессиональные общины в Бурятии сформировались большей частью из бывших атеистов, агностиков и людей, которые считали себя верующими, но не причисляли себя ни к одной из традиционных конфессий, в условиях миссионерской пассивности духовенства, представляющего традиционные религии.

Из истории религии известно, что многие вновь возникавшие религии привлекали людей простотой и доступностью своих обрядов. Это справедливо и по отношению к нашим дням. Из бесед с приверженцами Веры бахаи выяснилось, что некоторых из них (11%) эта религия привлекла к себе помимо прочего именно простотой обрядности и отсутствием духовенства в качестве посредника между верующим и Богом, тем, что отпала необходимость исповеди со стороны верующего и отпущения грехов со стороны священника, который в не меньшей степени, чем прихожанин, подвержен мирским соблазнам.

Поиск истины и при этом наблюдение многочисленных примеров компромисса между духовным и мирским как у прихожан, так и у духовенства в общинах традиционных религий привели часть молодежи в лоно вероучения Сознания Кришны. Эту религиозную традицию отличают строгие принципы не только в духовной, эзотерической стороне жизни, но и во внешней, материальной: необходимо отказаться не только от наркотиков, которые порицаются повсеместно, но и от таких безобидных с обывательской точки зрения действий, как мясоедение, курение, азартные игры, внебрачные отношения, употребление алкоголя, кофе и даже чая. Более того, сексуальные отношения внутри брака, согласно вероучению, должны быть ограничены и направлены только на рождение и воспитание детей, сознающих Кришну. В своих ответах респонденты – приверженцы этого вероучения отмечают, что оно привлекло их “строгостью следования”, что оно “дает возможность очиститься в духовном, нравственном и физическом смысле”, что среди его адептов они увидели “людей, достигших духовного совершенства, их качества, мудрость и глубину познания жизни”, тогда как в традиционных религиях – “слабый эффект [духовного] продвижения”⁵

Придерживаться строгих, аскетических религиозных принципов по плечу далеко не каждому. За время существования в Бурятии данной конфессии общину покинули два человека. Речь здесь идет не о прихожанах, среди которых много колеблющихся и выбирающих, а о тех, кто уже прошел первую инициацию, т.е. сделал определенный жизненный выбор. Можно утверждать, что этот факт свидетельствует об отсутствии давления со стороны общины, о том, что в ней насильственно не удерживают. Последнее характерно для так называемых тоталитарных сект, к коим многие ошибочно причисляют кришнаитов.

Известно, что религия, являясь одной из духовных потребностей личности, по-своему удовлетворяет и многие ее нерелигиозные потребности, в частности мировоззренческие, нравственные, эстетические, познавательные, потребности в общении, утешении и даже в социальной активности. На наш взгляд, возможностью религии удовлетворять мировоззренческие, нравственные, познавательные потребности и обусловлен тот факт, что часть молодых людей, склонных к мыслительной, медитативной деятельности, сделали свой выбор в пользу нетрадиционных конфессий.

Предположение о том, что самодостаточность философии исследуемых вероучений и высокий образовательный уровень населения Бурятии создают условия для их восприятия определенной частью молодежи, подтверждается ответами опрошенных их адептов. Глубокая заинтересованность философией особенно характерна для представителей вайшнавизма: “Как голодный человек удовлетворяется большим количеством пищи, так и я получил истинное удовлетворение от философии Сознания Кришны, поскольку нашел в ней ответы на все свои вопросы о тайнах бытия”; “Веды полностью раскрывают все духовные и материальные законы, личностную природу Бога с описанием Его качеств и взаимоотношений с нами – обычными живыми существами. Здесь есть полное описание души, тела, природы, времени”; “[Ведическое знание] универсально и описывает психологию разных уровней сознания”; “Сознание Кришны дает полное знание о происхождении мироздания, о цели жизни человека, дает возможность глубже проникнуть в тайны духовной жизни”; “...Привлекает чистота и бескорыстие последователей, полнота знаний обо всех сферах жизни (политика, экономика, психология, медицина)”⁶

Изучение концептуальных основ исследуемых религий позволяет утверждать, что их философия дает подробные и доступные ответы на вопросы о сотворении мира, о природе греха, о том, что такое ад и рай. Эти вероучения не отвергают другие религии, а объясняют причину их разнообразия, показывают пути духовного совершенствования личности. Если на разочарованность в традиционных религиях указали около 19% опрошенных, то на вопрос о том, чем их привлекла ныне исповедуемая религия, 51,4% из числа опрошенных адептов новых конфессий ответили, что философией. В исследуемых конфессиях философия привлекла 23,5% респондентов из числа бахаи и 73,7% из числа последователей Сознания Кришны.

Следует отметить, что образовательный уровень у адептов исследуемых конфессий довольно высок, особенно в общине бахаи, где высшее и незаконченное высшее образование имеют 70,6% опрошенных, а среднее и средне-специальное – 29,4%. Среди адептов Сознания Кришны высшее и незаконченное высшее образование имеют 39%, а среднее и средне-специальное – 61%. Учитывая высокий образовательный уровень приверженцев исследуемых конфессий, мы предполагали, что значительная

часть молодежи присоединилась к этим конфессиям с целью изучения английского языка или совершенствования своих познаний в нем при общении с иностранными миссионерами, а также поездки за границу. Результаты исследования этого не подтвердили. Лишь 1% опрошенных среди приверженцев всех новых конфессий указали, что одной из причин, заставивших их обратить внимание на исповедуемое вероучение, была поездка за границу. Как выяснилось, многие представители общины бахаи владеют английским, так как закончили факультет иностранных языков, чего не скажешь о последователях Сознания Кришны. Однако в качестве побудительного мотива к принятию нового вероисповедания языковой фактор в анкете отмечен не был.

Стабильность межнациональных отношений в Бурятии обеспечивает вполне благоприятные предпосылки для адаптации новых конфессий. Исследование показало, что абсолютное большинство всех респондентов оценивают межнациональные отношения в целом как неплохие. Более половины (54,6%) представителей традиционных религий и почти половина (49,1%) неверующих считают межнациональные отношения однозначно хорошими. Что касается исследуемых конфессий, то среди их сторонников межнациональные отношения склонны считать хорошими 29,4% бахаи и 31,6% кришнаитов. Как недостаточно хорошие, оставляющие желать лучшего их оценивают 52,9% бахаи и 36,8% вайшнавов. Характерно, что никто из адептов исследуемых конфессий не рассматривает межнациональные отношения как однозначно плохие, при том что таковыми их считают 2,4% приверженцев традиционных религий, 2,5% атеистов и 3% представителей протестантских общин.

Как нам представляется, неудовлетворенность межнациональной ситуацией в республике и желание ее улучшить в определенной мере способствовали выбору в пользу новых религий, в которых национальный вопрос низведен к одному из наиболее распространенных предрассудков. Этот мотив характерен, в частности, для 52,9% бахаи и 36,8% вайшнавов. Бахаи провозгласили своей целью единение человечества, когда будет положен конец соперничеству наций и вражде, а на смену расовым предрассудкам придут дружба, взаимопонимание и сотрудничество: «О, воюющие народы и племена земли! Обратите лица свои к единству и пусть свет его осияет вас»⁷

Что касается вайшнавов, то, согласно философии Сознания Кришны, люди ошибочно отождествляют себя с телом, забывая о душе, которая и является истинным Я – «атмой». Тело же человека со всеми его социальными атрибутами, такими как национальность, возраст, пол, профессия и т.п., является чем-то вроде одежды, в которой находится душа и которая со временем меняется: ребенок становится подростком, затем – юношей, мужчиной, стариком, затем перерождается в другой жизни и т.д. Не рассматривая межэтнические отношения чрезмерно критически, бурятские вайшнавы, тем не менее, полагают, что люди склонны придавать этим отношениям несколько большее внимание, чем следует. Интересно соотношение оценок: среди опрошенных вайшнавов 31,6% считают межнациональные отношения хорошими, 36,8% – оставляющими желать лучшего и никто не оценил их как плохие.

Как известно, религиозное верование формирует ценностные ориентиры личности, реализуется в ее социальных установках и напрямую воздействует на реальное поведение адептов религии в личной и общественной жизни. При проведении этносоциологического исследования нам было важно выявить, насколько ценностные ориентиры, сформированные религией, отражаются на повседневной жизни верующих. Известно, что ценностные ориентиры личности порождают соответствующие жизненные мотивы. Поэтому мы включили в анкету вопрос о том, каковы мотивы совершения религиозных обрядов и молитв, предложив на выбор шесть вариантов: 1) по привычке; 2) на всякий случай; 3) верю, что обряды и молитвы помогают решать практические жизненные проблемы; 4) верю, что они помогают поправить здоровье; 5) для духовного самосовершенствования и постижения абсолютной истины; 6) иное. Респонденты должны были оценить степень важности для них каждого из мотивов в баллах (от 1 до 5). При интерпретации результатов учитывались только два мотива, оцененные респондентами как наиболее важные.

Основным мотивом для сторонников традиционных религий оказалось решение жизненных проблем (65,6%), тогда как у последователей новых конфессий этот мотив находится на втором месте (42,9%). На первый план у них выступают поиск абсолютной истины и духовное самосовершенствование (77,1%; среди опрошенных из числа адептов бахаи этот мотив отметили как наиболее важный 64,7%). Данный мотив является ведущим абсолютно у всех опрошенных адептов Сознания Кришны. Отсюда следует, что именно духовный поиск и стремление к совершенству привели в исследуемые нетрадиционные конфессии тех молодых людей, которые и стали их приверженцами. Регулярность и мотивы совершения религиозных обрядов могут служить объективными показателями искренности и глубины веры у сторонников новых религий и у тех, кто причисляет себя к одной из традиционных конфессий. Соотношение этих показателей складывается далеко не в пользу последних.

Если принять во внимание существование в регионе полирелигиозных традиций и атеистическое прошлое Советского государства, напрашивается закономерный вопрос об отношении адептов разных религий к двоеверию и неверию, а также об отношении приверженцев исследуемых конфессий к традиционным религиям, и наоборот. Положительное отношение последователей исследуемых конфессий к традиционным вполне предсказуемо исходя из философии этих вероучений. Отношение же сторонников традиционных религий к Вере бахаи и особенно к Сознанию Кришны неоднозначно. Тот факт, что община бахаи имеет официальный статус неправительственной организации при ООН, т.е. признана этой авторитетной международной организацией, обеспечивает данной общине своеобразный иммунитет, благодаря чему она не всегда фигурирует в черном списке деструктивных сект, хотя в некоторые справочники она в качестве таковой все же попала⁸. К движению вайшнавов отношение сегодня более критичное. Русская Православная Церковь считает это религиозное движение сектантским и деструктивным. Представители традиционного буддизма (Сангха России) относятся к нему более терпимо, что можно объяснить общими философскими корнями буддизма и Сознания Кришны.

Нас интересовало не официальное мнение руководителей общин, представляющих традиционные религии, а отношение рядовых прихожан к новым, «иноземным» религиям как к явлению. Мы намеренно не стали выделять в анкете исследуемые конфессии среди других новых. Дело в том, что кому-то, возможно, просто не приходилось сталкиваться непосредственно с приверженцами Веры бахаи или вайшнавами, тогда как о том, что в Бурятии появились и действуют новые религиозные общины, основанные иностранными миссионерами, знает подавляющее большинство населения.

Результаты исследования подтвердили положительное отношение адептов новых конфессий к традиционным религиям. Характерно, что по всем новым конфессиям в целом уровень положительной оценки традиционных религий ниже по сравнению с ее уровнем у адептов конкретных исследуемых конфессий (58,6% против 70,6% у бахаи и 71% у вайшнавов). Это снижение произошло за счет протестантских общин, которые более критично относятся к православию как к одной из ветвей христианства, так как в нем, по их мнению, нарушаются библейские принципы. Что касается приверженцев исследуемых конфессий, то они рассматривают местные религиозные традиции как традиции мировых религий и относятся к ним с позиций своих вероучений.

Сторонники традиционных религий и верований и атеисты колеблются в оценке своего отношения к «иноземным» конфессиям между нейтральной и отрицательной. Причем 28% буддистов больше склоняются к негативной оценке. По-видимому, новое в духовном плане внушает населению, уже определившемуся в своем вероисповедании, определенное недоверие и опасение. Люди инстинктивно стремятся уберечь себя и своих близких от духовных бурь и потрясений, которые неминуемо наступают при переходе от неверия к активной вере и особенно при переходе от одной религии к другой. Интересно, что у представителей православия уровень отрицательного отношения к новым конфессиям (19%) ниже, чем у буддистов. Это можно объяснить тем, что в Бурятии значительную часть новых религиозных общин составляют родственные православным христианские протестантские общины, основанные миссионерами из разных стран, – Церковь Улан-Удэ, Свет мира, община адвентистов Седьмого Дня и др. Эти направления возникли из одного источника с православием, но отличаются от него несколько иной интерпретацией Священного писания, которая, по мнению не искушенных в богословских вопросах рядовых прихожан, порождена лишь игрой семантики и касается главным образом внешней стороны вероучения. Поэтому названные направления христианства не вызывают у адептов православия серьезных опасений, хотя и особо не приветствуются.

Результаты проведенного этносоциологического исследования дают основания полагать, что высокий образовательный уровень населения Бурятии, стабильная межэтническая ситуация на фоне полирелигиозных культурных традиций создают в республике благоприятные условия для функционирования нетрадиционных религиозных культур, имеющих глубокую самодостаточную философию. Этому способствуют и некоторый консерватизм, негибкость и миссионерская пассивность традиционных религиозных институтов, обусловленные проводимой в советский период государственной политикой секуляризации. Существенно, что для новых конфессий характерно признание других мировых религий и уважительное отношение к ним. Это, а также выработанная веками религиозная терпимость коренного населения, которая в определенной мере проявилась и при разработке проекта Закона Республики Бурятия «О свободе совести и религиозных организациях», будут способствовать дальнейшей взаимной адаптации и совместимости рассмотренных нетрадиционных конфессий и культурного бытия Бурятии.

Примечания

- ¹ См.: Бадмаев А.З. Молодежные организации Республики Бурятия на современном этапе (1985–1995 гг.) Дис. канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 1997. – С. 79. (Бурят. гос. ун-т).
- ² См.: Абаев Н.В., Савинова М.А. Религия – межнациональные отношения: Анкета по программе этносоциологического исследования. – Улан-Удэ, 1998.
- ³ Там же.
- ⁴ Подберезский И.В. Рассуждения глухих о музыке // Мирт. – 1998. – № 6(10).
- ⁵ См.: Абаев Н.В., Савинова М.А. Религия...
- ⁶ Там же.
- ⁷ Баха-Улла. Крупницы: Из писаний Бахауллы. – СПб.: Фонд бахаи “Единение”, 1994. – С. 135.
- ⁸ См.: Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: Справочник. – Белгород, 1997. – С. 133–135.

Р.В.Робин

(Волденский университет, США)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ МИССИОНЕРСТВ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА: УРОКИ ПРОШЛОГО И РЕКОМЕНДАЦИИ НА БУДУЩЕЕ

Сегодня многие коренные народы переживают социокультурные, политические и экономические перемены. Целостной основе их традиционного образа жизни противопоставлена индустриальная цивилизация. Изолированные традиционные общества стали более уязвимыми по отношению к внешним воздействиям: если раньше перемены происходили постепенно, на протяжении тысячелетий, то сегодня коренным племенам приходится приспосабливаться к современным достижениям в области экономики, связи, информации.

В подобной ситуации появление христианских миссионерств имеет двойные последствия. С одной стороны, миссионеры пользуются возникшей разобщенностью, проповедуя христианство, которое в условиях крушения всех устоев и последующего хаоса помогает обрести чувство порядка и уверенности, часто сопутствующие внедрению чуждого социального порядка. Но ирония судьбы заключается в том, что сами миссионеры, будучи представителями современной цивилизации, способствуют обострению различий между представителями коренных народов и более развитого в экономическом отношении Запада.

Данная статья посвящена миссионерской практике в традиционных обществах. В ее основу легли результаты исследований, проводившихся автором во время его длительного проживания в наиболее эвангелизированных регионах мира, включая Папуа Новую Гвинею, а также в районах обитания коренных народов Аляски и североамериканских индейцев. Акцент сделан на рассмотрении основных идеологических предпосылок миссионерской деятельности, анализе как положительных, так и отрицательных результатов воздействия миссионеров на представителей коренного населения. С учетом результатов этого анализа предлагаются рекомендации, касающиеся разработки политики, которую следует проводить местным и федеральным властям в ответ на наплыв иностранных миссионеров.

Автор выражает надежду, что выводы, вытекающие из содержания данной статьи, применимы к коренному населению Тувы, поскольку очевидно, что тувинцы не обладают иммунитетом против глобальных воздействий извне. Присоединение Тувы к СССР, новые веяния в стиле одежды, музыке и других проявлениях бытовой культуры, серьезные сдвиги в развитии торговли, транспорта и денежного обращения оставили свой отпечаток на традиционном тувинском обществе. Тувинцы не в состоянии были приспособиться к этим быстрым и значительным переменам, что привело к росту алкоголизма, обострению социальных проблем и отчуждению. Перед этносом встала важнейшая задача: сохранить в разумных пределах свои традиции, осознавая при этом необходимость адаптации к изменившимся обстоятельствам. Приступая к анализу роли, которую играют миссионеры в этой напряженной жизненной пьесе, общество делает шаг к обретению контроля над ситуацией.

Наиболее распространенные заблуждения

1. Универсальность христианства. Самое распространенное заблуждение, касающееся миссионеров, – это представление, будто они действуют организованно, в рамках единой веры и являют собой некое социально связанное целое. Однако если посмотреть внимательнее, то становится очевидным, что различные миссионерства – скорее соперники, чем соратники. В местах проживания коренных народов можно встретить множество миссионерских организаций, борющихся за души людей, предлагающих каждая свою версию “правильной” христианской доктрины. Баптисты, лютеране, католики, адвентисты Седьмого Дня, методисты и многочисленные фундаменталисты в основном лишь проклинают друг друга.

Контингент миссионеров весьма разнообразен как в культурном, религиозном, политическом планах, так и в методах проповедования. Каждая миссионерская группа настаивает, что именно она несет “истинное” слово Господа. Большинство местных жителей пребывают в замешательстве и не могут определить, какая же церковь “истинная”. Споры, возникающие по поводу появления одной церкви на “территории” другой, еще больше запутывают местное население.

2. Единая структура миссионерств. Вопреки распространенному мнению, миссионерские организации отличаются огромным разнообразием, в их состав входят представители различных культур и национальностей. Некоторые миссионерства довольно большие, с хорошо развитой инфраструктурой, – таковы, например, основные католические и лютеранские церкви. Другие могут быть представлены одним миссионером, иногда вместе с его семьей. Некоторые миссионеры имеют ученую степень, тогда как у других нет даже среднего образования.

Различны и способы духовного проповедования. У части миссионеров основной мотив – спасение от божественного проклятия, особое внимание они уделяют наступлению конца света и судного дня; другие проводят ритуал Воскресения¹. Некоторые миссионерские общины самоотверженно трудятся, не ожидая какого бы то ни было духовного перерождения, открывая для коренного населения новые возможности в области образования, медицинского обслуживания и экономики².

3. Предоставление мирских услуг. Нищета – частый спутник жизни традиционных обществ. Доход на душу населения у членов таких обществ, как правило, низкий, больницы расположены на большом расстоянии от мест проживания, а те, что рядом, обычно плохо оборудованы, в них не хватает персонала, так же как и в школах. Не следует забывать и о пережитом многими коренными народами геноциде, их переселении из исконных мест проживания и захвате земель.

Миссионер часто рассматривается местными жителями как потенциально выгодный экономический агент, обязанный обеспечить медицинское обслуживание, образование и занятость. Однако наряду с существующими между миссионерскими организациями различиями в вопросах веры, в организационной структуре, персонале и методах проповедования огромные различия наблюдаются и в предоставлении мирских услуг.

Многие миссии не предлагают ничего существенного в области медицинского обслуживания, образования, развития ремесел, сельского хозяйства, торговли, обеспечения занятости, развития деловой активности. Некоторые предоставляют рабочие места, но чаще такие, где требуется неквалифицированный труд, а заработок невелик, да и то лишь после нескольких лет обучения и работы в данной миссии. Конечно, многие миссионерские организации, особенно крупные, предоставляют широкий спектр мирских услуг, потребность в которых часто огромная, но к этому надо относиться с осторожностью. Важно знать, насколько оказание таких услуг связано с дальнейшей пропагандой религии, являются ли предварительное обращение в христианство и помощь миссии необходимым условием получения медицинских и других услуг.

Негативные последствия миссионерской деятельности

1. Пропаганда самоуничтожения. Уничтожение предметов традиционного искусства, религии, быта, провоцируемое и одобряемое миссионерами, означает намеренное и систематическое разрушение традиционной культуры коренных народов их собственными руками. Получается, что единственно “верный” способ помочь язычнику обрести спасение – это обратить его против самого себя. Разрушение традиционной культуры продолжается до тех пор, пока не исчезнет с лица земли любое олицетворение традиционных символов, пока не будет разрушен существовавший на протяжении тысячелетий традиционный образ жизни.

Миссионеры всегда добивались наибольшей эффективности в своей деятельности, противопоставляя одну часть традиционного общества другой. Это особенно значимо сегодня, когда членам коренных сообществ приходится искать решение проблем, вызванных быстрыми и значительными переменами в

их окружении и социальном устройстве. Различие во взглядах между сторонниками сохранения старинных обычаев и верований и обращенными в христианство служит причиной серьезных конфликтов.

2. Изменение социального статуса. В сообществах, где правительственная поддержка ограничена или вовсе отсутствует, присоединение к христианской церкви означает повышение социального статуса, которое было бы невозможным при других обстоятельствах. Есть примеры того, как человек, бывший изгоем в традиционном обществе, повышал свой статус, став христианским пастырем. Получая поддержку со стороны иностранных миссий, в том числе финансовую, такие пастыри из местного населения достигали столь высокого уровня власти и влияния, который при других условиях был бы для них просто недоступен. Таким образом, и без того уже довольно неустойчивое социальное устройство коренного сообщества подвергается очередному удару изнутри, вызванному изменением статуса некоторых членов сообщества только из-за их тесной связи с внешним агентом – миссией. Нередко местные пастыри отличаются особой суровостью и усердием в своей проповеднической деятельности, вызывая страх и разлад в обществе.

3. Разрушение традиционной культуры. В музее Ш.Джексона в г. Ситка на Аляске находится множество собранных самим Джексонем и его коллегами предметов, изготовленных коренным населением, являющихся олицетворением в основном исчезнувших традиционных культур. Однако публичная демонстрация этих предметов несет в себе определенную долю иронии. Десятилетиями Джексон и другие миссионеры упорно вели кампанию по уничтожению любых образцов традиционной культуры народов Аляски, так как они отражали связь с язычеством. Коренные жители были вынуждены уничтожать эти предметы, и большая часть изделий традиционной культуры исчезла безвозвратно. Джексон “спас” некоторые весьма ценные народные изделия для своей личной коллекции, которая и составила основу экспозиции музея. Подобная деятельность миссионеров была распространена повсюду.

Выводы

То, что коренные народы откликнулись на проповеди миссионеров, может объясняться их повышенной уязвимостью, обусловленной быстрыми и значительными переменами в социокультурной сфере, политикой геноцида, проводимой иностранными правительствами, настойчивыми и порой жестокими попытками миссионеров навязать свою веру, огромными различиями экономического и технологического плана, существующими между коренным и пришлым населением. Каждый из этих факторов и все они в совокупности способствовали принятию христианства многими коренными народами.

Между тем способность сохранять свое культурное наследие в постоянно меняющемся современном обществе рассматривается многими исследователями как один из факторов выживания³. Так, например, существует теория, согласно которой утрата традиционной культуры и связанные с этим переселение, потеря прав и ассимиляция привели к утрате культурного самосознания и росту числа психопатологий у многих североамериканских индейцев⁴. Но многие исследователи сегодня признают, что аккультурация, влияющая на коренное население, – вовсе не односторонний процесс, заключающийся в переносе посторонней культуры на культуру традиционную. Это процесс сложный, и рассматривать его нужно в рамках всего культурного контекста⁵. Недавние исследования в области аккультурации показывают, что наиболее здоровыми⁶ традиционными обществами оказываются те, которые способны развить двукультурность⁷.

Таким образом, коренные сообщества должны стараться сохранить свои исторически сложившиеся культурные традиции, одновременно находя способы присоединения к ним элементов новой культуры⁸. Представители коренных народов должны действовать решительно, быть способными отбирать элементы современной культуры, которые они хотели бы принять, одновременно поддерживая на практике те древние традиции, которые служили им на протяжении тысячелетий. Такой баланс труднодостижим, но если он все же будет достигнут, это даст множество положительных результатов.

Рекомендации

Необходимо, чтобы все решения по данной проблеме принимались самим народом Тувы, но с помощью правительства Российской Федерации. Важно помнить, что любые ограничения миссионерской деятельности скорее всего будут восприняты и самими миссионерами, и правительствами их стран как посягательство на свободу религии. Это может иметь серьезные последствия для республики. Например, такие страны, как США, могут истолковать это как восстановление коммунистического порядка и поэтому

прекратить инвестирование экономики республики и оказание помощи. Осуществлять предлагаемые рекомендации надо с большой осторожностью, делая упор не на запреты, а на поддержку. Кроме того, предварительно их следует тщательно обсудить и, при необходимости, скорректировать.

Первая рекомендация касается *условий въезда иностранных миссий на территорию республики и их проживания*:

а) необходимо создать комитет для контроля за всеми миссиями, функционирующими на территории Тувы;

б) деятельность каждого миссионера и миссионерской организации должна быть подробно рассмотрена, прежде чем им будет дано право на проживание на территории республики. Следует оценить, насколько существенна будет польза от данной миссии для политики, проводимой федеральным и республиканским правительствами, какую позицию занимает данная миссия по отношению к культурному наследию Тувы и по другим важным вопросам;

в) для миссионеров, уже действующих на территории республики, должна применяться та же процедура оценки после их пребывания в отпуске в своей стране, прежде чем им вновь будет дано разрешение на въезд;

г) миссионерам, подающим заявления на право проживания, должно быть отказано в размещении в тех местах, где уже действует, давно обосновавшись и принося пользу, другая миссия. Каждое решение о предоставлении права на проживание в Туве должно быть согласовано с правительством республики, после чего необходимо определить место, в котором миссия может обосноваться, с учетом интересов как самой миссии, так и местного населения, а также Российской Федерации.

Вторая рекомендация касается *политики Республики Тыва и правительства Российской Федерации в отношении традиционной культуры и обычаев*:

а) необходимо разработать политику, учитывающую традиционную культуру и обычаи;

б) в рамках этой политики должен быть дан анализ деятельности иностранных миссионерских организаций и их сотрудников на местах с позиций традиционной культуры и обычаев;

в) должен проводиться контроль за выполнением решений, принятых в рамках разработанной политики. В отношении нарушителей должны применяться официальные правительственные санкции (они могут быть выдворены с территории республики, наказаны в судебном порядке).

Третья рекомендация касается *обучения и квалификации миссионеров и работников местных церквей*:

а) комитет по контролю за деятельностью миссий должен рассмотреть программу деятельности каждой миссии;

б) необходимо разработать особые требования к обучению и стажировке как иностранных миссионеров, так и местных пастырей и проповедников, которые каждая миссия должна отразить в своей программе. Последняя должна содержать расписание и программу учебного курса, в ней должны быть указаны требования к уровню образования, необходимому для обучения (например, грамотность), экзаменационные требования, отражен контроль за прохождением стажировки;

в) миссии должны допускать к работе в качестве своих представителей или представителей местной церкви только тех, кто имеет соответствующее образование и практический опыт.

Четвертая рекомендация касается *локализации структуры церкви и ее управления*:

а) необходимо поощрять миссии к эффективной помощи и широкой локализации их структуры;

б) период локализации должен составлять не более пяти лет;

в) эта процедура должна включать сбор средств для дальнейшей реализации программ деятельности церкви и оказания мирских услуг.

Пятая рекомендация касается *поддержки правительством сельского сектора*:

а) правительство Российской Федерации должно увеличить финансовую и прочую поддержку Республики Тыва в соответствии с ее первоочередными задачами. Это снизит восприимчивость местного населения к вредному воздействию некоторых миссий.

Шестая рекомендация касается *наказания за незаконную и запрещенную миссионерскую деятельность*:

а) правительство должно получать информацию от соответствующих законодательных и судебных учреждений о том, какие меры могут быть приняты в отношении миссионерских групп и церковных работников, занимающихся вредной и незаконной деятельностью;

б) правительство должно иметь полномочия для принятия решений о судебном преследовании за любое незаконное поведение.

Примечания

¹ Существуют свидетельства подобных ритуалов Воскресения, проводимых миссионерами-фундаменталистами среди туземцев. Такие действия часто являлись причиной разрушительного поведения, а порой приводили к смерти. Из-за языкового и культурного барьеров большая часть проповедуемого недопонимается и неправильно интерпретируется.

² Примером являются иезуитские и протестантские секты в Центральной Америке и США, которые проповедуют социальную справедливость, поддерживают независимость коренных народов и способствуют сохранению традиционного образа жизни.

³ См., например: *Oetting E., Beaunals F.* Orthogonal cultural identification theory: The cultural identification of minority adolescents // *Intern. Journ. of the Addictions*. – 1991. – № 25. – P. 655–685.

⁴ См., например: *Dozier E.* Problem of drinking among American Indians: The role of sociocultural deprivation // *Quart. Journ. on Studies in Alcohol*. – 1966. – № 27. – P. 72–87.

⁵ См.: *Berry J.* Individual adaptation to change in relation to cultural complexity and psychological differentiation. (Доклад, представленный вниманию Американской антропологической ассоциации в 1976 г.).

⁶ Термин “здоровый” означает совокупность физических, эмоциональных и духовных характеристик с ограниченным количеством психопатологий.

⁷ См.: *Robin R.W., Albaugh B., Chester B.* Stake theory and development of a Native American Acculturation Scale / National Institute of Health, Rockville, MD. (В стадии написания).

⁸ Термин “двукультурность” (“бикультуризм”) обычно применяется при трактовке данного процесса. См.: *Richman J., Garivya V., Flaherty J. e. a.* The process of acculturation: Theoretical perspectives and an empirical investigation in Peru // *Social Science and Medicine*. – 1987. – № 25. – P. 839–847.

Е. Ф. Фурсова
(г. Новосибирск)

БРАЧНЫЕ НОРМЫ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Кризис в общественной и экономической жизни, переживаемый сегодня нашей страной, особенно наглядно подтверждается демографической статистикой. Беспристрастные цифры свидетельствуют, что год за годом снижаются показатели рождаемости и убывает население, рождается неполноценное, нездоровое потомство, наблюдается процесс “старения” русского этноса¹. Вызывает тревогу также возрастающий процент бракоразводности, увеличение числа матерей-одиночек, семей, не желающих иметь детей². В Государственной Думе обсуждаются законопроекты о “биоэтике”, о праве женщин на поздние аборт, о планировании семьи. Православная общественность высказывает мнение о необходимости укреплять семью – устойчивую структуру, занимающую высокую ступень в системе традиционных ценностей русского народа³.

Действительно, многие этнографические материалы, характеризующие брачные отношения в старожильческих и переселенческих семьях Западной Сибири конца XIX – начала XX в., показывают, что крестьяне держали под контролем демографическую ситуацию, заботясь о сохранении и сплоченности семьи, репродуктивности населения, здоровье потомства⁴.

В ходе полевых этнографических экспедиций, проводившихся в последние годы, нами были обнаружены традиции избирательного гостевания, соединяющие села данной местности в виде “кругов” при проведении престольных праздников и связанные с установлением родственных отношений, т.е. брачных союзов⁵. О былой значимости этих обычаев свидетельствует то, что сибирские старожилы и переселенцы до сих пор помнят, кто к кому и из каких мест ездил на праздники и откуда, следовательно, “брали” невест. Наряду с предпочтительным отбором невест в “брачных кругах” существовали запреты на браки, например, старообрядцев с представителями других конфессий, прежде всего с так называемыми “никонианами”. Браки с иноверными признавались только в случае перекрещивания будущих жены или мужа, на что, согласно Евангелию от Матфея, согласия родителей-“еретиков” не требовалось. В случае, если христианин заключал союз с иноверной, брак не расторгался, но супруг подвергался епитимии. Помимо этих ограничений второй брак разрешался в христианских поучениях только в случае вдовства. Возбранялись также брачные союзы с родственниками – состоявшими в “родстве”, “сватовстве” и “кумовстве”⁶.

Большой интерес для этнографов представляет обнаруженная нами у старообрядцев Приобья рукопись “О родстве и о его определении степеней, в коих разрешаются браки и в коих запрещаются”, где не только скопированы правила о заключении браков в зависимости от степеней родства, содержащиеся

в “Кормчей книге”, в рассуждениях Матфея Правильного и Севаста Арменопула, но также изложены собственные взгляды на правомерность или, наоборот, неправомомерность тех или иных брачных союзов. Эта рукописная книга датируется примерно второй половиной XIX в. – временем, о котором имеется информация, позволяющая сравнивать “указы” и этнографические реалии. Актуальность данных указов для старообрядцев, проживавших фамильными “кустами”, несомненна, поскольку при заключении браков всегда вставал вопрос о “допусках брачного сожителства”. Многие положения рукописи свидетельствуют о глубоко осознанном демографическом поведении, нормы которого исключали браки между родственниками в том или ином случае (особо важные положения помечены на полях словом “зри”).

В рукописи излагается взгляд на феномен *родства*, под которым понимается “связь всех членов семьи от одного общего родоначальника” и которое “называется единокровным”. Для определения дальности родства использовалось представление о *степени родства*, т.е. о количестве последовательных родовых связей. Степень родства отсутствует между мужем и женой, которые составляют *одну плоть*, “в отношении к другим родственникам муж и жена всегда считаются в одной степени, то есть в отношении к родителям мужа жена всегда считается как родная дочь их, к братьям и сестрам мужа жена его принимается как их родная сестра, и наоборот”. Естественно, что подобные традиции укрепляли большие семьи, способствовали достаточно корректному проникновению в них инородных (невесток), гармоничным отношениям между членами семейств.

Обозначение взглядов на степени родства существенно для интерпретации некоторых свадебных обычаев и обрядов, зафиксированных как у старообрядцев, так и в прочих этнокультурных группах русских крестьян Приобья. Например, свадебный обряд перемены девичьего головного убора только на тот женский, который *принят в семье жениха*, естествен в условиях, когда между мужем и женой не выявлялась степень родства (“одна плоть”), а по отношению к родителям мужа жена приравнивалась к их родным дочерям (л. 5). Таким образом, “родовой” убор женщин – родственниц жениха, надетый за свадебным пиром на невесту, означал факт “*слияния*” ее с новой семьей. В свете изложенного становятся понятными также традиционное требование добрачной невинности невесты и прилюдное демонстрация этих качеств (мотив: до свадьбы невеста не должна соединяться с другим родом).

Родители и дети находились в первой степени родства, деды и внуки, а также родные братья и сестры – во второй, “сколько бы их ни было”. Отсюда вытекала неправомомерность браков зятя со свояченицей (сестрой жены) или деверя с невесткой, которые оказывались по отношению друг к другу во второй степени родства (рис. 1), и т.д. Укреплению семьи способствовало также положение, согласно которому при повторных браках сводные дети считались “между собой как родные”. Усыновленные, таким образом, приравнивались к родным по отношению к каждому из родителей. Из этого вытекало запрещение “творенному” отцу жениться на падчерице, “творенной” мачехе выходить замуж за пасынка (родство в первой степени), детям жениться между собой (родство во второй степени). При второбрачии родственные узы с родителями прежнего супруга или супруги не разрушались: “свойственники второбрачного супруга от первого его брака полагаются в отношении к настоящему супругу от второго брака в тех же степенях родства, как родные (кровные) или как свойственники от второго брака”. В третьей степени состояли прадеды, родные дядя и тетки, родные племянники, в четвертой – двоюродные братья, внучатые племянники, в пятой – двоюродные дядя и тетки и т.д. Брак в родстве был разрешен *в восьмой степени*, т.е. между четвероюродными братом с сестрой. Брак, заключенный между состоящими в седьмой степени родства, не расторгали, но на обоих супругов накладывали епитимию. Браки между родственниками в более близкой степени подлежали расторжению.

Двухродным родство считалось, “когда же один род соприкасается с другим чрез союз брачный”. Подобные отношения сватовства, таким образом, возникали при вступлении в брак между родственниками супругов, родство между которыми определялось понятием *степени сватовства*. При этом, как видно из сказанного выше, если между супругами исключались какие-либо степени родства или сватовства, то их братья и сестры по отношению к мужу и жене находились во второй степени сватовства, к родителям мужа – в третьей. При двухродном родстве закон запрещал браки между родными братьями из одной семьи и родными сестрами из другой, поскольку эти отношения считались четвертой степенью сватовства (рис. 2). Здесь исключается, видимо, достаточно типовая ситуация, когда конкретный человек уже заключил брак, а у его родного брата появилось намерение жениться на сестре жены. В шестой степени разрешались браки, если они складывались из трех степеней родства с одной и другой стороны (дядя и племянник могли вступать в брак с теткой и племянницей, прадед и правнук – с теткой и племянницей). Допускались также браки отца (второй брак) и сына (первая степень) с теткой и ее двоюродной племянницей (пятая), деда и внука (вторая) с теткой и ее внучатой племянницей (четвертая). Все эти браки разрешались “соответственно”, т.е. без нарушения поколений. Иные варианты, например женитьба дяди на племяннице, а племянника – на тетке, запрещались.

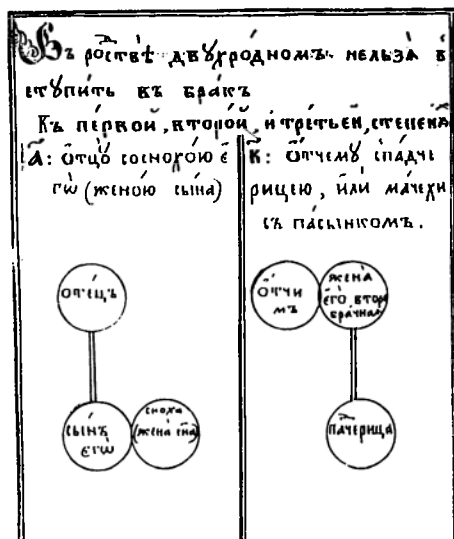

Рис. 1. Примеры двухродного родства, при которых браки запрещались.

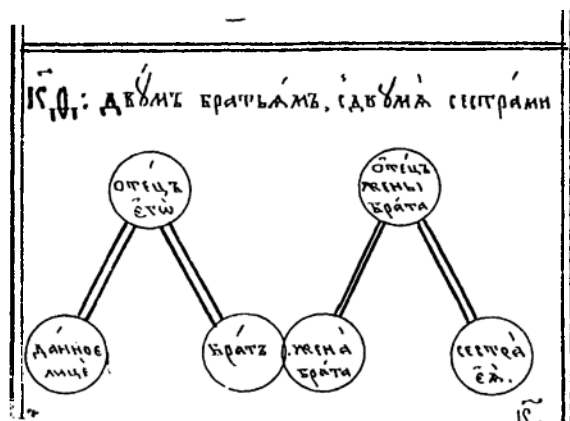

Рис. 2. Пример запрещения браков между двумя родными братьями и двумя родными сестрами.

Рис. 3. Пример запрещения браков между родными братьями и двоюродными сестрами.

Что же касается прочих браков шестой степени сватовства, то они также были исключены. Так, родным братьям из одной семьи не разрешалось брать в жены двоюродных сестер из другой семьи (подобно родным) и т.д. (рис. 3). В седьмой степени сватовства исключались браки отца (второй брак) и сына с троюродными сестрами, прадеда (второй брак) и правнука с двоюродными сестрами и т.д.

Выделялось также *трехродное родство*, при котором два рода соединялись с третьим, т.е. речь идет о вторых браках. Здесь браки воспрещались до третьей степени сватовства. Допускалось по смерти жены жениться на вдове ее дяди или падчерице ее брата, а также признавался брак двух братьев со свекровью и невесткой. Прочие брачные союзы исключались, например второбрачие со свояченицей и с невесткой брата первой жены и свояченицей (сестрой его жены), брак зятя и шурина с родными сестрами (четвертая степень) и с теткой и племянницей (пятая степень).

Кроме того, рукопись “О родстве...” содержит объяснения терминов, обозначающих родство, утраченных к концу XIX – началу XX в. Эти объяснения особенно помогают понять боковые линии третьей-седьмой степени родства, а также двух- и трехродное родство. Например, при родстве в третьей степени: *стрый* – дядя по отцу, *оутец* – дядя по матери, *братанич* – племянник по брату, *сестричищ* – племянник по сестре, *братанка* – племянница по брату, *сестрична/сестриница* – племянница по сестре; при родстве в четвертой степени: *стрый великий* – двоюродный дед (брат деда), *тетка великая* – двоюродная баба (сестра бабы), “*первая брату чада*”/первые стрыйные братья и сестры – двоюродные братья и сестры; в родстве двухродном в первой степени: *пасер/пасынок* – сын мужа от первой жены или сын жены от первого мужа, *пасербица/пасыркина* – падчерица; в родстве двухродном во второй степени: *швагер/шурин* – брат жены, *свесть/золовка* – сестра мужа, *близоцы/сватья и свахи* – родители супругов между собой, *сводные братья и сестры* – пасынки одному и сыновья другому супругу или падчерицы одному и дочери другому, *пашенози* – родные или двоюродные свояки; в родстве трехродном: *ятровь/ятровица* – жена деверя (л. 40).

Таким образом, система терминов, обозначающих родственников разных степеней, весьма разветвленная, что свидетельствует о ее глубокой древности. Каждая категория имеет четкую соотнесенность с местом в системе родства. Терминами подчеркивается большое значение людей старшего поколения, – таковы, например, названия “стрый великий” и “тетка великая”

Поскольку было “определятельно узаконоположено, большей есть духовное, нежели плотское сродство”, постольку к родственникам первой степени относились также *духовные родители*, а потому исключались браки восприемников с крестниками. Подобно ограничениям на вступление в брак между кровными родственниками, существовали ограничения на брак между состоящими в кумовстве до восьмой степени. Запрещались браки между крестниками одного восприемника, восприемника с восприемницей и т.д. Однако состоящим в кумовстве по боковым линиям разрешалось “невозбранно брачиться”

В “Деяниях первого Всероссийского собора христианского поморского церковного общества” указывалось, что развод мог иметь место только в отдельных исключительных случаях, а именно, если жена посягала на жизнь мужа или муж имел злой умысел против государства. Мужчине также предоставлялась возможность вступить во второй брак, если первая жена оставляла его без вины или уклонялась в иноверие. Во всех прочих случаях, если вторая сторона пребывала в добром здравии, повторный брак считался незаконным. Церковным наказаниям подвергались родители, которые принимали в свои дома ушедших от мужей дочерей, поскольку “яже Бог сочета, человек да не разлучает” и “прилепится жена к мужу и да будут оба в едину”⁷

Законы бракосочетания способствовали выживанию и здоровью популяции – не этим ли объясняется большая продолжительность жизни у нынешних русских старообрядцев старшего поколения (возраст информаторов 80–90 лет)?⁸. Рукопись “О родстве...” в среде старообрядчества Приобья переписывалась и передавалась из поколения в поколение и могла служить руководством при заключении брачных союзов очень длительный период. Подчеркнем, что помимо неприемлемых браков в силу близких степеней родства, сватовства и кумовства особо исключались *межпоколенные союзы* (деда с женою внука, тестя с сестрою зятя), а также однопоколенные, но “*дважды повторные*” (двух родных братьев из одной семьи с двумя сестрами из другой, двух братьев с двоюродными сестрами).

Сегодня разрушаются или уже разрушены многие составляющие института семьи, в том числе брачные нормы. Ситуация требует выявления особенностей перехода от “традиционного” типа воспроизводства населения к новому. Представляется, что было бы весьма перспективным провести социологические исследования, направленные на определение посылок к заключению браков, причин распространенности безбрачия и позднего вступления в брак, рождения детей вне брака и отказа от рождения детей. Все эти проблемы целесообразно рассматривать в нескольких аспектах: этнографическом, социологическом, историческом и др.

Примечания

¹ См.: *Население Западной Сибири в XX веке*. – Новосибирск, 1997. – С. 88.

² Там же. – С. 66.

³ См.: *Победин В.* “Биофашизм” // *Завтра*. – 1998. – № 37. – С. 8.

⁴ См.: *Зверев В.А.* Особенности демографического поведения крестьян-новоселов в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // *Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период*. – Новосибирск, 1987. – С. 67–77.

⁵ См.: *Фурсова Е.Ф.* Традиции проведения сельских престольных праздников в Приобье (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. – Новосибирск, 1997. – С. 180.

⁶ См.: *Первый Всероссийский собор христианского поморского общества.* – М., 1909. – С. 11, 12.

⁷ Там же. – С. 14.

⁸ См.: *Фурсова Е.Ф.* Восточные славяне в Западной Сибири: создание этноэкологических систем развития // Музей и общество на пороге XXI века. – Омск, 1998. – С. 48.

О.В.Голубкова
(г. Новосибирск)

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РУССКОМ НАРОДНОМ ХРИСТИАНСТВЕ: ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Каждый народ имеет свои традиции, верования, представления о мироустройстве, которые формировались и развивались, переживали трансформацию на протяжении всей истории его существования. Эти компоненты духовной культуры уникальны для каждой этнической группы. Очевидно, поэтому каждый народ, большой или малый, обладает своим менталитетом. Поскольку речь идет о живом народе, постольку о его верованиях, культурных традициях нельзя говорить как о чем-то постоянном, имеющем четкие застывшие формы. Как и сам этнос, его ментальность находится в непрерывном развитии, претерпевает бесчисленные изменения, отражающие влияние факторов внешней среды.

Характерным для русского народа явлением стало народное христианство. Религиозные воззрения восточных славян имеют глубокие исторические корни, восходящие к языческой эпохе. Образы природных божеств с принятием христианства не канули в прошлое, а сохранились в сказках, легендах, быличках, приметах и суевериях. Изменились только имена персонажей, с которыми связываются те или иные поверья. Процесс трансформации мифологических образов, конечно, не был односторонним. На протяжении многих веков происходили взаимовлияние и взаимодополнение христианских и языческих традиций и образов.

Введенное “сверху”, православие долгое время было лишь официальной, но не истинной религией. Ходить в церковь было, можно сказать, правилом этикета, которое, однако, не мешало поклоняться языческим богам, приносить им жертвы, устраивать игрища и празднества, посвященные природным духам и божествам, называть детей древними именами, нарекая их в то же время именами христианских покровителей. Так происходило постепенное гармоничное слияние двух религий, которое с течением времени вылилось в своеобразную форму православия на Руси – народное христианство, когда божество, наделенное явными языческими признаками, носило имя святого, а к иконам (иногда даже к идолам!) приносили жертвы. Некоторые из этих древнейших традиций сохранились до XX в.

Несмотря на все разнообразие этнокультурных традиций, существуют образы, единые для всех народов. Эти образы, сложившиеся в коллективном бессознательном, К.Г.Юнг называл архетипами. Архетипические мотивы являются автохтонными продуктами бессознательного происхождения и могут передаваться по наследству. Они повторяются в мифологии и фольклоре различных народов практически в идентичной форме²

Иррациональное, каковым являются и религия, и психика, гораздо лучше передается в образных формах, поэтому архетипы нередко выступают в спроецированном виде. Божества ближе к человеку, чем демиург, поэтому люди чаще обращаются к святому покровителю, чем непосредственно к верховному Богу³ Очевидно, поэтому происходит процесс персонификации мифологических персонажей и явлений, наделения их реальными формами и образами. Люди всегда стремились приблизить к себе богов и святых, “уподобить” их себе или самим “уподобиться” им. Видимо, поэтому святые в народных представлениях “спускаются” с небес на грешную землю и ведут себя, как простые смертные: они “едят”, “пьют”, “изнашивают” одежду и обувь, приносимые верующими к иконам или идолам.

Сущность и содержание персонификаций многих святых покровителей часто раскрываются в их наименованиях. Богородицу в молитвах называют “скорой помощницей”, “милостливой заступницей”, покровительницей русского народа. Силы природы, времена суток и года, дни недели в народных представлениях наделялись антропоморфными чертами и качествами, некоторые из них после принятия христианства получили имена святых: Водица Ульяна, Земля Татьяна⁴ и т.д. Считалось, что Среда, Пятница (дни недели) и святая Анастасия (Неделя) в женском облике ходят “по погостам и селам... оне же заповедывают христианам в среду и в пяток ручного дела не делати, и женам не прясти, и платья не мыти,

и камня не разжигати, и иные заповедывают богомерзкие дела творити”⁵ Имена народных святых, вероятно, уходят своими корнями в глубокую древность и имеют только поверхностную связь с именами святых христианских. Например, имя святой Параскевы гармонично слилось с персонификацией пятого дня недели – Пятницей. Этот день недели в индоевропейской мифологии посвящен женским божествам, культы которых связаны с браком, плодородием, магией, процессами прядения, плетения и ткачества.

В мифологической системе любого народа архетип женского божества сводится к древнейшему культу Великой Матери – персонифицированному образу Земли. Хтоническая (связанная с культом Земли и загробным миром) природа в большей или меньшей степени присуща всем женским персонажам народного христианства. В центре народного почитания Богородицы, Параскевы Пятницы и других женских святых находятся темы брака, рождения, плодородия, которые осознаются через связь с миром предков. В психологии архетип Матери неразрывно связан с архетипом Девы. Они сливаются, образуя единый образ. Дева и Мать – две ипостаси одного образа. В этом архетипе соединены противоположные качества: жизнь и смерть, рождение и убийство, материнство и девственность. Мать-Земля – прародительница всего живого, она всеобщая кормилица и мать. Но она же является и всеобщей могилой, бездной, поглощающей своих детей. Порождая плоды, Земля вновь обретает невинность. Известны обряды возвращения девственности Земле после уборки урожая. Когда был убран последний сноп, женщины ложились на землю и, катаясь по полю, приговаривали магические формулы: “Жнивка, жнивка, отдай мою силку”⁶ Считалось, что после этого обряда Земля вновь обретала девственность и оставалась в таком состоянии всю зиму. Культ Богородицы – яркий пример сочетания качеств Девы и Матери в одном лице. К.Керень называет этот объединенный архетип Корой, Предвечной Девой. Кору почитали как Царицу мертвых, а похищение невесты – аллегория смерти. Потерянная девственность и пересечение границ Гадеса суть аллюзорические эквиваленты⁷

Важной чертой психических образов является то, что они имеют двусторонний характер. При любых обстоятельствах они биполярны и колеблются между позитивным и негативным значениями⁸ В индоевропейской мифологии (и не только в ней) все связанное с женским началом относится к “отрицательному”. Но первобытное мифологическое сознание еще не давало этических оценок, и потому “отрицательный” – это не синоним понятиям “негативный”, “плохой”, а просто “иной”, “чужой”, “противоположный” Этические мотивы возникли гораздо позже – уже в христианских (и связанных с ними) воззрениях. И отрицание земного, материального, женского начала как негативного характерно для более позднего этапа трансформации образа. Именно христианство способствовало развитию этической оценки образов, бывших амбивалентными, что повлекло за собой их разделение и поляризацию. Но в коллективном бессознательном амбивалентность архетипических образов сохранилась, сохранилось это качество и в проекциях на мифологические персонажи.

Женщина как материя и зло исключена из божества в христианском догмате о Троице. Однако злое начало также образует часть религиозного символа, который выступает в форме четверицы. Идеи античных философов, например Платона⁹, сводятся к тому, что Бог проявил себя прежде всего в творении четырех элементов, которые символизируют четыре части света, четыре времени года и суток, четыре космические стихии. Четвертая сторона – предосудительная часть христианского космоса, поскольку она связана с материей и относится к дьявольскому началу. Троица имеет исключительно мужской характер и заключает в себе всего лишь три стихии: Огонь, Воздух и Воду. Но бессознательное превращает Троицу в четверицу, добавляя к ней Землю – женский элемент. Дополнение Троицы до четверицы может быть изображено в проекции на метафизические фигуры¹⁰ Они суть проекции неких психических процессов, которые существуют на бессознательном уровне в недоступной человеку сфере психики.

Русь практически не знала женской святости и любила рассказывать о женской злобе. Только в середине XVI в. в “Степенной книге” и “Житии Февронии” женская святость явилась в апофеозе божественной силы и величия. Это было обусловлено новой потребностью: дать воплощение образу Премудрости¹¹ Богу не хватает Эроса. И чтобы обрести гармонию, бог (Яхве) хочет обновиться в таинстве небесной свадьбы с Премудростью и стать Человеком¹² Образы Марии и Софии идентичны. Вознесение Марии – прообраз телесного воскресения людей. В качестве Невесты Божией и Царицы Небесной Мария занимает место ветхозаветной Софии. Но сакрализация женского образа (в лице Девы Марии) происходит одновременно с умалением ее женского принципа, т.е. априорного несовершенства. Очевидно, поэтому Дева – как архетип – часто предстает существом, которое нельзя считать человеком в обычном смысле, ей присуща необычная мифологическая природа¹³. Отсюда берет начало католическая идея о непорочном зачатии Богородицы и о ее телесном вознесении после смерти: ей было дозволено соединиться со своей плотью до воскресения из мертвых. Христос, конечно, тоже вознесся на Небеса

во плоти, но означает это нечто иное, поскольку он – божество, а Мария – нет. В ее случае плоть оказалась более материальной, чем в случае с Христом, – привязанным к пространству и времени элементом реальности.

Вознесение Марии прокладывает путь не только к божественности Богородицы (т.е. к ее окончательному признанию в качестве божества), но и к четверице¹⁴. В христианских текстах нередко встречается образ Христа (одновременно являющегося и Троицей) как Царя, восседающего на Небесах рядом с Царицей Небесной – Богородицей. Пречистая Дева олицетворяет Землю, т.е. тело – со всей тьмой и несовершенством. По этой причине Божья Мать ближе к людям, она ходатай и проситель за грешников¹⁵. В апокрифе “Хождение Богородицы по мукам” Дева Мария не только просит Бога быть милосердным к грешникам, но даже сама спускается в ад. В аду побывал и Христос после распятия, – это было необходимо для его вознесения на Небеса, ибо нельзя возвыситься, предварительно не пав, и обрести бессмертие, не испытав смертных мук. Таким образом, и проникновение божества в недра земли, и получеловеческая (полуматериальная) природа Христа свидетельствуют о невозможности отделения духовного от телесного, о косвенном присутствии в Троице Земной стихии. Это обусловлено психологически – архетипом четверицы. По-видимому, христианство утвердило догмат о Троице на уровне сознания, но коллективное бессознательное способствовало возвышению, вознесению Богородицы, вплоть до воссоединения ее с Богом – в качестве четвертого лица, хотя и не слитого в Единое целое, как Отец с Сыном и Духом Святым.

Православная церковь не разделяет католической идеи о телесном вознесении Богородицы на Небеса. Церковно-канонический культ Пречистой Девы в католицизме и православии существенно различается. Для католиков Мадонна – это прежде всего идеальный женский образ. Для православных Богородица – символ материнства, жертвы, милосердия, заступничества, а главное, она Мать Бога. Наверное, православие более ориентировано на духовность и более стремится к освобождению от материи, чем католичество. Католическая церковь стремится “возвысить” материю, а православие – “приземлить” бесплотные образы. Это нашло отражение в народно-христианских культах у православных славян. В многочисленных легендах, быличках, апокрифах Богородица и святые, иногда и сам Христос “спускаются” на землю, чтобы помочь людям, и при этом ведут себя как простые смертные. То есть об абсолютной “духовности” святых в народном христианстве говорить не приходится.

Русская православная церковь практически всегда давала “молчаливое согласие” на проведение некоторых обрядов и действий, противоречащих канону (например, на приношение даров к иконам). Психологически православная четверица выражается несколько иначе, чем католическая. На Западе материя, земная стихия (в лице Пречистой Девы) вознесена на Небеса, а русское народное христианство приближает к людям, “приземляет” образ Богородицы и возвышенные духовностью лики святых. Но результат один: соединение Земного с Божественным. Это обусловлено психологической потребностью в поиске гармонии, которая, может быть, заключается в соединении всех четырех элементов – на Небесах (для католичества) или на Земле (для православной русской церкви).

Женский образ (Мать-Земля, Ева, Суламифь, София, Богородица), очевидно, восходит к изначально амбивалентному архетипу, содержащему черты Девы и Матери. Почитание женских культов, с одной стороны, связано с плодородием, рождением и созиданием, а с другой стороны, очевидна хтоническая природа женских мифологических персонажей.

Поскольку в коллективном бессознательном (согласно юнговской концепции) господствует принцип четверицы, в душе верующего человека возникает конфликт: осознанно он принимает идею Троичности Бога, а его бессознательное заявляет о дисгармонии такого восприятия. Этот конфликт церковь разрешает двусторонне. Христианство – достаточно гибкая религия, и в качестве “четвертого” божественного элемента выступает Богородица, которая либо телесно возносится на Небо, либо символизирует Церковь на Земле. Телесное вознесение девы Марии нельзя истолковать как полное господство четверицы, потому что Мадонна, восседающая на престоле рядом с Троицей, все-таки не едина с ней. Да и вознесение Богородицы во плоти происходит с некоторыми “оговорками” (о божественном происхождении самой Марии и о ее нечеловеческих особенностях с самого рождения), т.е. умаляются ее “женственность” и материальная субстанция.

Хотя люди осознанно и приняли догматы христианства, в бессознательном этноса все равно сохранились древние прообразы, архетипы, которые невозможно вытеснить в силу психологических особенностей человека. Вероятно, поэтому происходило и происходит сближение образов святых с природными культами вплоть до их полной ассимиляции в народном христианстве.

Примечания

- ¹ Работа выполнена при поддержке проекта "Конкурс молодых ученых СО РАН"
- ² См.: Юнг К.Г. Архетип и символ. – М., 1991. – С. 165, 191, 203.
- ³ См.: Элиаде М. Аспекты мифа. – Ульяновск. 1995. – С. 101.
- ⁴ См.: Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. – Л., 1983. – С. 39, 40.
- ⁵ Стоглав. – СПб., 1884. – С. 138, 297.
- ⁶ См.: Зеленін Д.К. Східно-слов'янські обряди качання і перекидання по землі // Проблеми славянської етнографії. – Л., 1979. – С. 112–123; Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. – Л., 1988. – С. 157–164.
- ⁷ См.: Кереньи К. Кора // Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. – Киев, 1996. – С. 121–177.
- ⁸ См.: Юнг К.Г. Душа и миф... – С. 179, 180.
- ⁹ См.: Платон. Собр. соч.: В 3-х т. – М., 1972. – Т. 3. – С. 433–436.
- ¹⁰ См.: Юнг К.Г. Архетип и символ. – С. 167–173.
- ¹¹ См.: Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. – СПб., 1995. – С. 225.
- ¹² См.: Юнг К.Г. Ответ Иову. – М., 1995. – С. 149.
- ¹³ См.: Юнг К.Г. Душа и миф... – С. 182; *Он же*. *Mysterium Coniunctionis*. – М., 1997. – С. 26, 29–31, 37 и др.
- ¹⁴ См.: Юнг К.Г. Архетип и символ. – С. 173, 177, 178.
- ¹⁵ См.: Юнг К.Г. Ответ Иову. – С. 208.

С.К.Быструшкин, О.А.Керимшеева
(г. Новосибирск)

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ

Трудности социально-экономического плана и обострившиеся противоречия в духовной жизни этносов Сибири заставляют задумываться над восстановлением национальных традиций, стабилизирующих социально-демографические процессы. Наиболее остро обозначились проблемы сохранения и развития культур коренного населения Сибири и Дальнего Востока. Развитие национальных районов осуществлялось без должного учета многовековой хозяйственной и культурной практики их населения. В результате из жизни коренных народов исчезли обряды и обычаи предков.

В последнее время активизировался интерес к возрождению народных традиций. Однако следует учитывать, что в том случае, когда происходит наложение ценностей одной культуры на другую, это может привести как к процветанию этноса, так и к его деструкции (поскольку существуют значительные противоречия в национальных основах культуры, в мировоззрении, в социальных механизмах и т.д.). Возможно также нейтральное восприятие другой культуры.

Каждое этническое сообщество при воспитании подрастающего поколения использует свою собственную культуру, которая позволяет ему относительно автономно развивать адаптивные биосоциальные механизмы. В том случае, когда происходит внедрение чужеродных элементов культуры в автономную национальную культуру, необходимо учитывать возможные последствия, упомянутые выше. Одним из важных моментов использования элементов межнациональной культуры является хорошее знание традиций и культурных особенностей своего народа. Только на этой основе можно положительно решать вопросы формирования того или иного социального качества, заимствованного из другой культуры.

Сибирский регион обладает многонациональной культурой, поэтому в дошкольных учреждениях, общеобразовательных школах, профессиональных коллективах возникает реальная проблема взаимодействия разных культур, навыков, обычаев. Приходится решать конкретные вопросы совмещения и адаптации различных национальных традиций, что, в свою очередь, позволяет не только изучать и развивать славянскую культуру, но и параллельно исследовать внедрение элементов этой культуры в духовную жизнь других этнических групп.

Использование межнационального культурного наследия народов, и в частности их обрядов, является одним из наиболее привлекательных и доступных средств формирования у детей жизненно необходимых социальных качеств с применением разнообразных форм психосоматического воздействия. Особый интерес вызывает практическое использование элементов обрядов, направленных на естественное формирование у ребенка индивидуальных духовных и физических качеств, позволяющих ему безболезненно и гармонично адаптироваться в окружающем социокультурном пространстве.

Представляется целесообразным в систему психосоматического воспитания ввести информацию из истории обрядовой культуры данного этноса, направленную на практическое освоение таких традиционных элементов, как взаимоотношения ребенка и взрослых в семье, общение его со стариками, ровесниками и младшими по возрасту, его физическое и духовное развитие, практическое освоение бытовых и художественных навыков. Только на такой основе можно исследовать, а затем и внедрять совпадающие с этими элементами культурные ценности других народов.

Основными формами реализации данных направлений являются

- передача жизненно важной информации младшему поколению путем привлечения его к подготовке и участию в ритуальных народных гуляниях, формирующих те или иные социальные качества (уважение, честь, достоинство и т. д.);

- многократная тренировка физических и психических качеств ребенка до и в процессе исполнения обрядовых танцев различной тематики (подготовка к охоте, к весенним полевым работам, посвящение в мужчины и т. д.);

- повседневное подключение ребенка к деятельности взрослых, связанной с приготовлением обрядовых блюд, изготовлением утвари, праздничным оформлением окружающего пространства.

В ходе психосоматического воспитания ребенка традиционными методами следует учитывать, что социальное освобождение человека активизирует в нем врожденные индивидуальные способности, которые имеют национально-культурные корни. Практическое освоение элементов культуры любого народа может активизировать у человека внутреннее стремление к самостоятельному познанию и формированию необходимых индивидуальных качеств, позволяющих эффективно адаптироваться в современном социокультурном пространстве.

Рассматривая обрядовую культуру народов Сибири, следует отметить ее функциональную оправданность, целесообразность, отражающую гармонию человека с природой. Так, например, жители тундры брали у природы только то, что не нанесет ущерба земле, рекам, животному миру. Охотники выбирали только ослабленных животных, и в природе оставались полноценные особи.

Бережное отношение к миру природы проявлялось в культуре народов Сибири через культовые обрядовые действия – охотничьи праздники. Самым архаичным и таинственным охотничьим праздником, сохранившимся у северных народов, является Медвежий праздник. Существует мнение, что культ медведя возник на заре человечества как культ возрождения всего живого. Суть этого древнего праздника заключается в том, что природа возвращает человека в свое лоно, в свой миропорядок и человек вновь сливается с нею под маской зверя. Праздник объединяет всех родственников. На нем соблюдается строго определенный порядок, но участникам предоставляется возможность импровизировать, и это соединяет древние обряды с сегодняшней жизнью. Для праздника предварительно готовились праздничная одежда, обрядовые блюда, украшались комнаты и столы, непременными атрибутами праздника были изготовленные из бересты кораба, изделия из оленьего меха и бисера, резная деревянная посуда, а значит, каждый участник должен был знать народные традиции и обладать соответствующими навыками. По обычаю в празднике участвовали не только мужчины, но также женщины и дети. Праздник длился несколько дней, и все это время ребенок в практических действиях вбирал в себя опыт многовековой национальной культуры.

У многих народов Сибири медведь является тотемом, поэтому песни и пляски охотников сохраняют отпечаток магически-ритуальных действий, смысл которых заключается в тренировке духовного и физического потенциала человека. Изображая борьбу зверей или обращаясь к охотничьей тематике, основное внимание уделяют не факту насилия, а пластике движений.

В обычаях закреплялись различные формы социальных отношений. Так, в общении между людьми приветствовалась сдержанность, немногословность. Свою нежность, преданность и верность разрешалось выражать лишь в песнях и других произведениях устного народного творчества.

Интерес к традиционной культуре народов Сибири и Дальнего Востока в последние годы очень высок. Этнографы, искусствоведы, фольклористы, краеведы, историки и педагоги стараются сохранить лучшее из ее достояния. Между тем в действующих в общеобразовательных школах программах естественно-научного и гуманитарно-художественного циклов подход к изучению Сибирского региона довольно односторонний. В основном изучаются географические особенности сибирских регионов в курсе отечественной географии, присоединение Сибири к России и участие народов Сибири в Великой Отечественной войне в курсе истории. Что же касается культурного наследия, самобытности сибирских народов, то этому в школах не уделяется достаточного внимания.

В течение нескольких последних лет разрабатывается и внедряется в школах г. Новосибирска комплексный подход к изучению истории, географии и художественной культуры народов Сибири и Дальнего Востока, отражающий концепцию одного из авторов данной статьи. На первом этапе (1990–1991 гг.) в

процессе изучения географии России (обучение велось учителем географии по стандартной программе) школьникам параллельно читался курс по изобразительному искусству и художественному труду с элементами истории мировой культуры, в рамках которого рассматривались вопросы традиционной художественной и материальной культуры народов Сибири и Дальнего Востока. Теоретические вопросы закреплялись через творческую практическую деятельность учащихся: сочинение легенд и сказок по мотивам сибирского фольклора, прослушивание песенных мотивов, изготовление изделий декоративно-прикладного искусства. На втором этапе был разработан более широкий комплексный подход, который охватывал систему стандартных естественно-географических и гуманитарно-художественных учебных предметов и включал новые факультативные курсы синтетического и интегрированного характера. Учебные программы корректировались, а затем обсуждались учителями-экспериментаторами, которые разрабатывали серию наглядных средств обучения, тесты и т. д. Эксперимент проводился в 5-м классе (1995–1996 гг.).

В процессе внедрения комплексной программы для учителей проводилась серия тематических уроков интегрированного характера, охватывающих общие проблемы и учитывающих дифференцирующие особенности учебных дисциплин. Знакомство с песнями, танцами, музыкальными особенностями проходило под руководством ученицы Т.Ханум, исполнительницы песен и танцев народов мира Э.В.Тозыяк. Ее участие в эксперименте позволило показать особенности гортанного исполнения алтайских и якутских песен, продемонстрировать звучание традиционных музыкальных инструментов, символику и пластику алтайских, якутских, корякских танцев. Учащиеся смогли почувствовать самобытность сибирского эпоса, исполняемого Э.В.Тозыяк на алтайском и якутском языках. Поставленные народные танцы и сшитые к ним учащимися костюмы были неоднократно с восторгом оценены как новосибирцами, так и японскими, китайскими, английскими гостями.

Народное искусство, представляющее собой синтез материальной и духовной культуры того или иного народа, активно влияет на формирование художественного вкуса, обогащает профессиональное искусство и преобразует народный быт по законам красоты. Исследователи народного искусства отмечают, что оно является двигателем культуры, так как в нем отбираются, сохраняются и развиваются лучшие, типические, привычные черты разных сторон жизнедеятельности этноса.

*В.С.Донгак
(г. Кызыл)*

О СОСТОЯНИИ И НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

Стратегическая задача педагогических коллективов Республики Тыва заключается в расширении самостоятельности и развитии индивидуальности образовательных учреждений при сохранении их связи с единым образовательным пространством России. Законом Республики Тыва “Об образовании”, принятым Верховным Хуралом Республики Тыва в июне 1995 г., сфера образования провозглашается приоритетной и ей обеспечивается защита со стороны государства.

Организационной основой государственной политики Тувы в области образования является Программа развития образования Республики Тыва на 1998–2003 годы, принятая Постановлением правительства Тувы и подписанная Президентом республики 25 марта 1998 г. Эта комплексная программа является признанием исключительного значения образования в создании интеллектуального, культурного и экономического потенциала Республики Тыва в период становления гражданского общества и перехода к рыночным отношениям в экономике. Все возрастающей потребностью молодого поколения в овладении языком, культурой и духовными ценностями своего народа обусловлена необходимость развития национальной школы, одну из важнейших задач которой составляет обучение детей родному языку, передача им народных обычаев и традиций, духовно-нравственных ценностей. Конституция Республики Тыва, обеспечивая право общения и воспитания детей на родном языке, исходя из социально-этнических особенностей и с учетом существующей в регионе системы образования закладывает основы для разработки республиканского стандарта образования, согласуемого с федеральным и обеспечивающего возможность каждому гражданину республики получить достойное образование, войти в мировое образовательное пространство.

Основными принципами концепции развития образования являются

– ориентация содержания образования на самоопределение и самореализацию личности, развитие гражданского общества, укрепление и совершенствование правового государства;

- создание условий для удовлетворения потребностей населения республики в качественном образовании и обеспечение учащимся возможности свободного самовыражения;
- решение проблем образования с учетом достижений современной педагогической науки и практики, а также национальных, социально-экономических, этнических и культурных факторов;
- гуманизация содержания образования, ориентация на воспитание здорового, высоконравственного человека, способного жить и трудиться в современном обществе;
- развитие сети образовательных учреждений, разнообразие их типов, а также форм собственности;
- изменение кадровой политики в сфере образования.

Экономической основой реализации программы являются финансовые гарантии правительства Республики Тыва. Финансирование осуществляется по 11 направлениям – в рамках подпрограмм “Одаренные дети”, “Экологическое образование”, “Международные образовательные связи”, “Учебная и учебно-методическая литература”, “Педагогические кадры”, “Информатизация образования” и по таким направлениям, как научные исследования в области образования, экспериментальная работа, начальная профессиональная подготовка, социальная и реабилитационная работа среди детей, укрепление материально-технической базы образовательных учреждений. Всего на реализацию программы предполагается израсходовать 65914 тыс. руб. (в расчетах 1998 г.).

В последние годы деятельность Министерства образования Республики Тыва была направлена в первую очередь на сохранение сети образовательных учреждений, поддержание учебно-материальной базы, реформирование содержания образования в части республиканского компонента, его научно-методическое обеспечение, подготовку и повышение квалификации педагогических кадров. Так, в 1995 г. Республиканский институт усовершенствования учителей был реорганизован в Институт развития педагогического образования Республики Тыва с приданием ему статуса высшего учебного заведения. В Кызыльском педагогическом институте (ныне – Тувинский госуниверситет) ведется подготовка учителей тувинского языка и литературы без совмещения со специальностью “Русский язык и литература”, а также подготовка учителей истории и иностранного языка, так необходимых школам республики. Большое внимание уделялось в последнее время социальной педагогике. Для подготовки специалистов этого профиля при Межегейской средней школе открыт филиал Московского института социальной работы, первый выпуск состоялся в июле 1998 г. Главное направление работы социальных педагогов – связь семьи, школы и микрорайона, снижение отрицательного влияния социума на воспитание детей и подростков.

С 1993 г. начал издаваться научно-популярный и методический журнал Министерства образования “Башкы” (“Учитель”), что позволило оперативно знакомить педагогов с новыми педагогическими технологиями, распространять передовой педагогический опыт, печатать научные статьи по педагогике, истории, языку и культуре тувинского народа.

Значительное место в организации образовательного процесса отводилось инновационной деятельности учреждений образования, экспериментальной и научно-методической работе по актуальным темам. Создана целая сеть инновационных образовательных учреждений. Сегодня в республике 22 таких учреждения, в том числе три лицея и три школы-гимназии. О том, что образовательный процесс в лицеях и гимназиях ведется на высоком уровне, говорят результаты республиканских, зональных и международных олимпиад. Так, ребята из школ № 5 и № 9 г. Кызыла заняли второе и третье места на проходившей в Москве Международной олимпиаде учащихся школ, работающих по развивающей методике. Более 10 учащихся тувинских лицеев по итогам выступлений с научными докладами на Международной конференции “Шаг в будущее” без экзаменов были зачислены в МГТУ им. Баумана. Из 3323 выпускников школ 1997/98 уч. г. в высшие и средние специальные учебные заведения поступили более 65%, при этом абсолютное большинство медалистов подтвердили свои знания во время вступительных экзаменов.

В 1991 г. в образовательных учреждениях Тувы было всего две экспериментальные площадки, а к концу 1998 г. их стало 22, в их рамках разрабатывается семь больших тем. Усовершенствована методика и значительно углублено содержание экспериментальных исследований, увеличилось число педагогов-экспериментаторов, особенно в области народной педагогики и экологии. Успешно идет экспериментальная работа в школах № 5 и № 9 г. Кызыла. Хороших результатов в этом направлении на протяжении последних пяти лет достигли также образовательные учреждения Пий-Хемского, Улуг-Хемского, Кызылского, Дзун-Хемчикского, Тандинского кожуунов. 13 школ республики стали победителями Всероссийского смотра-конкурса “Школа года” (школы № 3, 9, 5 и 15 г. Кызыла, Бора-Тайгинская, Бажын-Алаакская, Самагалтайская, Сукпакская, Солчурская, Теве-Хаинская, Межегейская школы и Государственный лицей Республики Тыва). Если в начале 90-х годов было чуть больше 100 классов с углубленным изучением предметов, то теперь их стало 219.

Между тем образовательные учреждения республики испытывают огромные трудности: не хватает учебного оборудования, приборов, реактивов и посуды, необходимых для лабораторно-практических работ по химии и физике, спортивного инвентаря, учебников и мебели. Только 20% школ обеспечены компьютерной техникой. В большинстве школ, особенно в расположенных в сельской местности, не поддерживается необходимый температурный и световой режим, из-за отсутствия средств не проводится вовремя текущий и капитальный ремонт.

Для нормальной организации учебного процесса необходимо решить проблему материально-технического и финансового обеспечения образовательных учреждений. Другой важный фактор – наличие высококвалифицированных педагогических кадров. В Туве сложилась определенная система аттестации педагогов и руководителей образовательных учреждений: разработаны положения об аттестации, апробирован механизм реализации этих положений, определены источники материального стимулирования педагогов по итогам аттестации. На сегодняшний день в республике работают 338 учителей высшей, 1350 – первой и 2857 – второй категории. С 1992 г. прошли аттестацию более 4 тыс. работников образования. Передовой педагогический опыт распространяется через республиканские курсы с выездом в базовые школы, через журнал “Башкы”, газеты, радио и телевидение.

Число учителей начальной школы, имеющих высшее образование, превышает аналогичный показатель по Российской Федерации, но образовательный уровень учителей средней школы в Туве ниже, чем в среднем по России, на 2–3%. Школы республики на протяжении многих лет испытывают недостаток в учителях иностранного, русского и тувинского языков, истории и информатики. В среднем ежегодно не хватает около 300 специалистов по этим предметам. Для решения проблемы заключаются договоры с вузами Абакана, Иркутска, Красноярска, Новосибирска и Москвы.

Из-за неразвитости социальной инфраструктуры в сельской местности существует проблема оттока в город как учащихся, так и молодых учителей, особенно мужчин. Из-за миграции населения, в том числе школьного возраста, школы городов и районных (кожуунных) центров оказываются переполненными.

Несмотря на сложную экономическую ситуацию в стране, в 1998 г. в Туве удалось организовать летний отдых детей в 175 лагерях, среди которых 18 стационарных загородных, 61 пришкольный, 70 лагерей труда и отдыха, 17 спортивно-оздоровительных и восемь профильных. Всего летом 1998 г. в лагерях республики отдыхали 16195 детей, при этом особое внимание педагогические коллективы уделили детям, слабо защищенным в социальном плане. Так, из общего количества детей, охваченных летним отдыхом, 1111 составили сироты и оставшиеся без попечения родителей, 160 – дети-инвалиды, 4176 – дети из многодетных семей, 1706 – дети безработных.

В условиях недостаточного финансирования образовательных учреждений целесообразно привлекать внебюджетные средства. Перспективна в этом плане производственная деятельность школьников, особенно в подсобных хозяйствах. Только за 1997 г. в школьных подсобных хозяйствах произведено продукции более чем на 1500 млн руб.

За последние годы полностью сохранены сеть общеобразовательных школ и абсолютное большинство детских дошкольных учреждений и учреждений дополнительного образования. В 1992 г. введена в эксплуатацию Дерзиг-Аксынская средняя школа (240 мест), в 1993 г. – Сушинская (240 мест) и Усть-Элегестинская (640 мест), в 1994 г. – Ак-Дашская (240 мест), Хорум-Дагская (100 мест) и спальный корпус Ак-Чыраанской школы (60 мест), в 1995 г. – Суг-Аксынская (160 мест), Владимировская (624 места), Хольчукская начальная (40 мест) и Дургенская начальная (60 мест), в 1996 г. – Качыкская начальная (100 мест), Кок-Тенская начальная (40 мест) и учебный корпус Тыва-Турецкого лицея (130 мест).

Общее состояние системы образования в Республике Тыва характеризуется показателями, представленными в табл. 1–5.

В заключение подведем некоторые итоги.

1. В Туве необходимо построить новые школьные здания более чем на 20 тыс. ученических мест. На проведение планового ремонта имеющихся зданий ежегодно требуется более 11 млн руб.

2. При том, что полностью сохранены сеть общеобразовательных школ, большинство детских дошкольных учреждений и учреждений дополнительного образования, ежегодно увеличивается количество школьников. Растет число учащихся, занимающихся во вторую и третью смены, что затрудняет нормальное функционирование образовательных учреждений и отрицательно сказывается на здоровье учащихся. В последнее время из-за недостаточного финансирования сокращается количество дошкольных учреждений и пришкольных интернатов.

3. Качественный состав педагогических кадров, их творческий потенциал при надлежащей организации их труда и быта позволяют осуществлять учебно-воспитательный процесс на высоком уровне.

4. Потребность в учебниках удовлетворяется менее чем на 50%. Если учесть, что многие учебники не соответствуют современным программам и морально устарели, необходимо 700 тыс. новых учебников, на что надо затратить 11502 тыс. руб.

5. Экономическое состояние системы образования Республики Тыва в последние годы характеризуется нестабильностью: бюджетные ассигнования составляют только 62% от потребности образовательных учреждений. В этих условиях органы образования стараются обеспечить рациональное использование выделенных средств, усиливается контроль со стороны педагогических коллективов за их целевым использованием, осуществляется постоянный учет потребления электрической и тепловой энергии, расширяется перечень платных образовательных услуг, активизируется деятельность подсобных хозяйств образовательных учреждений, полнее используются возможности школьных мастерских и производственной базы ПТУ.

Т а б л и ц а 1

Состояние учебно-материальной базы образовательных учреждений

Показатель	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Кол-во мест во введенных в эксплуатацию образовательных учреждений	240	480	400	884	290
Число школ, в которых произведен капремонт	30	34	23	24	18
Средства, выделенные на капремонт, млн руб*	67	643	6516	5724	2403
Число школ, требующих капремонта	68	70	74	76	75
Число школ, находящихся в аварийном состоянии	32	30	28	31	31

* В этой и последующих таблицах суммы не индексированы.

Т а б л и ц а 2

Сеть образовательных учреждений и организация их работы

Показатель	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Число детских дошкольных учреждений	271	268	255	251	248	241
В них детей, тыс.	22,6	20,6	19,8	18,5	18,3	17,2
Охват детей, % от общего числа	51,7	47,4	45,7	45,3	45,6	43,0
Число дневных общеобразовательных школ	159	163	166	167	166	167
В них учащихся, тыс.	62,0	61,2	61,0	62,4	64,3	66,0
Число вечерних школ	12	12	13	12	12	12
В них учащихся, тыс.	3,2	3,4	3,5	3,3	3,4	3,3
Число ПТУ	11	11	11	11	11	12
В них учащихся, тыс.	3,3	3,2	3,5	3,4	3,8	3,8
Число учреждений дополнит. образования	51	47	49	45	52	46
Число оздоровительных лагерей	131	134	93	134	134	97
В них отдохнуло детей, тыс.	15,6	11,5	6,5	10,3	9,6	7,6
Число интернатных учреждений	9	9	10	10	10	10
В них детей, тыс.	1271	1253	1245	1290	1361	1156
Сменность занятий в школах (число учащихся, занимающихся во вторую-третью смены, тыс.)	55,7	54,8	56,3	55,8	54,8	50,0

Т а б л и ц а 3

Кадровое обеспечение образовательного процесса

Показатель	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Всего учителей общеобразовательных школ, тыс.	5,6	5,9	6,1	6,3	6,3	6,4
Из них с высшим образованием, %:						
в начальной школе	52,5	52,6	55,5	56,6	54,4	54,4
в средней школе	91,0	89,2	90,2	89,0	90,5	90,5
Всего педработников, тыс.	2,6	2,4	2,4	2,4	2,3	2,2
Из них с пед. образованием, %	64,8	68,5	66,8	69,3	80,0	80,0

Т а б л и ц а 4

Экономическое состояние системы образования в 1993–1997 гг.

Показатель	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.
Исполнение бюджета по образованию:					
уточненный план	22872	12083	178403	281208	395490
всего расходов	21984	105904	170961	244492	401482
в процентах к плану	96	88	96	86,9	101,5
в процентах к потребности	67	65	64	54	62
удельный вес расходов на образование в общем объеме расходов, %	30,1	26,2	28,5	33,4	28,7
Среднемесячная зарплата работников образования, руб.	33154	153157	299023	585200	617850
Соотношение зарплаты работников образования со средней зарплатой в целом по республике	71,2	77,3	75,9	84,5	79,9

Т а б л и ц а 5

Обеспечение учебниками

Показатель	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Финансирование выпуска учебников и учебной литературы, млн руб.	14	197	1061	1205	220
Потребность в финансировании, млн руб.	15	311	1200	2600	5457

Г.Ф. Балакина
(г. Кызыл)

ДИНАМИКА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА В ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Социальные процессы в современной России сопряжены с изменением глобальной концепции социального развития, отказом от “российской самодостаточности” и навязыванием модели евроцентризма. Гибнут складывавшиеся десятилетиями традиции, верования, идеологии, жизненные стили, трансформируются структуры престижа, складываются особые идеологические элиты, прежние общественно-культурные идентификации уступают место новым.

Изучение социокультурных процессов в Республике Тува проводилось на основе данных анкетирования населения республики по анкете, разработанной автором этой статьи совместно с З.В.Анайбан. Работа осуществлялась в три этапа. На первом этапе (1990–1991 гг.) были опрошены 1343 чел. – жители г. Кызыла, Каа-Хемского, Пий-Хемского, Бай-Тайгинского районов. Второй этап анкетирования проведен в конце 1994 – начале 1995 г. Анкета для опроса населения, применявшаяся на первом этапе, была дополнена блоком вопросов о степени вхождения в рынок, об отношении к реформам в экономике и обществе. Опрошено 517 жителей г. Кызыла, Чаа-Хольского, Улуг-Хемского и Каа-Хемского кожуунов (районов) республики. Третий этап исследования проводился летом 1997 г. в городах (Кызыл, Туран, Шагонар) и селах Тувы (опрошено 604 чел.). В этот раз каждый блок анкеты был дополнен актуальными, с точки зрения авторов, вопросами, но в целом структура анкеты была идентичной структуре анкет, использовавшихся на первом и втором этапах, что дает возможность сопоставлять результаты и отслеживать динамику социокультурных процессов в регионе.

Помимо анкетирования населения в апреле 1996 г. был проведен опрос экспертов-ученых, занимающихся изучением социально-экономического развития республики, представителей органов власти, хозяйственных руководителей, журналистов.

В результате анализа ответов респондентов и мнений экспертов определены взаимосвязь и динамика ценностных ориентаций, установок и поведения работников в сфере труда, этнокультурные ориентации представителей доминирующих в Туве этносов. Мнения экспертов относительно изменений в социокультурной сфере республики разделились. Большинство из них считают, что набирает силу процесс культурного возрождения – в области религии, обычаев, традиций, ремесел, промыслов. Другая часть экспертов, наоборот, полагают, что налицо многие признаки регресса культуры: люди меньше читают, общаются, ходят в театры и кино, сократился выпуск художественных альманахов, культура общения и быта перешла на более низкий уровень. Отдельные элементы культуры пытаются возродить, но при этом неизбежны потери и модификации (например, усиливаются заимствования из китайской культуры), наблюдается этноконфессиональный синкретизм.

Изучение особенностей трудовых склонностей у представителей основных этнических и социальных групп в Туве показало, что привлекательными для всех опрошенных групп являются занятия, обычные и для тувинского, и для русского населения республики: разведение скота, земледелие, народные промыслы. Из новых занятий, появившихся в результате экономических реформ, наиболее популярным стало фермерство, что неудивительно в регионе с преобладанием сельского населения и многовековыми традициями животноводства. В 1995 г. почти каждый второй респондент-тувинец и 11% респондентов-русских хотели бы стать фермерами, взять в аренду скот и землю. Однако трудности, связанные с организацией и ведением фермерских хозяйств при практически полном отсутствии помощи со стороны государства, приведшие к закрытию и самоликвидации большого числа фермерских хозяйств в последующие два года, стали причиной того, что в 1997 г. количество респондентов, высказывающих желание заняться фермерским трудом, уменьшилось.

Результаты анализа степени адаптированности населения к рынку свидетельствуют о положительной динамике в приспособлении жителей Тувы к встраиванию в рынок. Особенно это заметно в вербальном поведении. В то же время по ряду показателей наблюдаются регрессивные сдвиги. Например, доля заработной платы в совокупных денежных доходах населения снизилась с 72,2% в 1995 г. до 56,7% в 1997 г., зато увеличилась доля социальных трансфертов (пенсий, пособий, стипендий – с 17,1 до 30,9% соответственно. Удельный вес доходов от собственности и предпринимательской деятельности за указанный период увеличился лишь с 2,1 до 5,6%. Другими словами, рыночные стереотипы мышления внедряются в сознание большинства жителей региона со скоростью, не соответствующей реальным возможностям. Так, большинство опрошенных (64–67%) не хотели бы иметь платные социальные услуги (развитие платных форм здравоохранения и просвещения) более высокого качества по сравнению с бесплатными, не понимая несовместимость рынка и totally бесплатной социальной сферы или осознавая невозможность платить за качественное обслуживание из-за крайне скудного семейного бюджета.

Изменилось отношение к “рыночным” видам деятельности – предпринимательской и индивидуальной трудовой деятельности. В 1990–1992 гг. заняться бизнесом, уйти в кооператив, совместное предприятие, частный бизнес желали лишь 1% как тувинцев, так и русских. Пытались открыть собственное дело 3% городских и сельских респондентов. Таким образом, данные опроса свидетельствовали о слабом вхождении населения республики в рынок, что было обусловлено, с одной стороны, отсутствием у населения навыков предпринимательства, а с другой – низким уровнем материальной обеспеченности, отсутствием стартового капитала. Подобная ситуация сохранялась и в 1994–1995 гг.: только 2,5% русских и 5,3% тувинцев пытались открыть собственное дело, собирались уйти в кооператив, совместное предприятие, частный бизнес. В 1997 г. показатели приспособленности реального и вербального поведения к рынку несколько изменились: более 9% русских и 5% тувинцев работали в кооперативах и совместных предприятиях, более 40% хотели бы найти свое место в рыночной экономике. Причем эти показатели у респондентов в возрасте до 30 лет на 25–30% выше, чем у всех остальных опрошенных.

На основе эмпирических данных можно сделать следующие выводы. Коллективистские традиции, закрепившиеся у населения, не препятствуют проведению социально-экономических реформ. Не очень высокие притязания, обусловленные низким уровнем развития социальной инфраструктуры Тувы и отставанием от среднероссийских стандартов, помогают выдерживать трудности, а формирование нового, “рыночного”, мировоззрения у молодежи окажет благотворное влияние на перемены в республике.

А.С.Дыртык-оол

(г. Кызыл)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ФОНДАХ ТУВИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИМ. АЛДАН-МААДЫРА

Музею принадлежит особая роль в возрождении народной культуры и воспитании молодого поколения в духе национальных традиций. Только в музее можно увидеть предметы, несущие в себе историю народа, почувствовать себя причастным к этой истории. В Тувинском национальном музее им. Алдан-Маадыра, как и во всех краеведческих и национальных музеях, сконцентрированы основные материалы по этнографии края. Это описательный материал, собранный во время экспедиций и командировок, фотографии, рисунки, копии орнаментов, тексты фольклорных записей и т.д.

В 1925–1929 гг. в Туве действовало общество “Урянховедение”, созданное по инициативе советского консульства. Оно занималось изучением истории Тувы, вело краеведческую работу. В 1929 г. общество прекратило свое существование, но работа по сбору краеведческого материала продолжалась. Этим занимались учащиеся и учителя школ. Но их работа была бессистемной, нередко она прекращалась с отъездом учителей, сумевших заинтересовать ребят. Собранные предметы, в том числе и этнографические, хранились плохо, часто терялись, не имели необходимых аннотаций. Это отмечалось в воспоминаниях первого директора Тувинского национального музея В.П.Ермолаева (ф. 195 научного архива библиотеки музея).

После смерти правителя Салчакского кожууна князя Идам-Сюрюна летом 1928 г. на собрании аратов-бедняков было решено конфисковать его имущество. Забрали много ценных предметов: одежду, обувь, различную посуду и т.д. Все это решили сохранить для истории. Так возник вопрос о создании музея. Некоторые из вещей семьи князя стали первыми экспонатами местного отдела, а сегодня экспонируются в головном музее.

Первый директор музея В.П.Ермолаев внес большой вклад в развитие музейного дела в Туве, с которой он впервые познакомился в 1913 г., когда приехал в этот край в качестве фотографа почвенно-ботанической экспедиции Российской Академии наук. Его интересовало в Туве все: географическое положение, быт, культура коренного населения. В.П.Ермолаев тщательно изучил заметки русских путешественников, посетивших Туву ранее, а также карту Урянхайского края, познакомился со словарем тюркских наречий В.В.Радлова. Чтобы легче было общаться с тувинцами, он составил для себя тувинско-русский словарь, сгруппировав лексику по следующим темам: 1) костюмы охотника, шамана, женщины; 2) жилище и его убранство; 3) наркотические вещества; 4) уход за скотом и молочное хозяйство; 5) сельскохозяйственные орудия; 6) шаманизм. Все это пригодилось ему в создании местного краеведческого отдела.

Для этнографических исследований важнейшими источниками являются материалы, собранные в экспедициях. В архиве музея хранятся отчеты о работе этнографических экспедиций, которые представляют большой научный интерес. Так, в 1965 г. в течение двух месяцев научные сотрудники собирали материалы по Улуг-Хемскому кожууну (ф. 215). Их интересовали погребальный и свадебный обряды, семейно-брачные отношения, быт и одежда. Работы проводились не только в населенных пунктах, но и на чабанских стоянках. Многие сведения собирались в ходе опросов. Информаторами были, как правило, люди от 55 до 75 лет – носители традиций этноса.

Результаты фиксировались в дневниках членов экспедиции. Так, в записях главного хранителя Т.М.Скаковой (ф. 259) указан маршрут в три кожууна: Тес-Хемский, Эрзинский, Овюрский. За короткий срок был собран интересный материал о быте жителей этих южных районов, граничащих с Монголией. У населения покупали предметы музейного значения, попутно составляли их легенды (истории предметов). Поскольку жители названных районов были двуязычными, либо знали только монгольский язык, то предметы имели наименования на двух языках.

В 1950–1960 гг. музей провел определенную работу по изучению процесса превращения кочевников в оседлое население. В годы Советской власти эти преобразования в образе жизни считались прогрессивными. Но в то же время тувинским народом многое было утрачено, особенно в области материальной и духовной культуры. Предметы домашней утвари из дерева и кожи, которыми пользовались предки тувинцев, оказались ненужными, к ним, как и к традиционной одежде и обуви, относились как к пережиткам феодализма. Местные власти поощряли тех колхозников, которые европеизировали свой быт. За лучшую квартиру награждали Почетными грамотами (ф. 215). Культовые предметы уничтожались, как и буддийские монастыри, и многие ламы прятали их имущество в пещерах.

Сегодня в фондах музея благодаря успешной работе его научных сотрудников в историко-этнографических экспедициях хранится большое количество этнографических предметов. Представлена разнообразная деревянная посуда: чашки и тарелки из корней березы, сосуды для доения домашних животных, ступки для чая, ковши и т.д. Большой интерес представляют кожаные фляжки большого и маленького размеров с национальным орнаментом, выполненные мастерами тиснения по коже, – когээржик и хейлаарк. Богата коллекция украшений, изготовленных мастерами кузнечного дела. Это – подвески к поясу для ношения ножей, курительные наборы, серьги, кольца, браслеты, наконечники. Хранится в большом количестве также национальная кожаная обувь и национальная одежда: шубы (тон) из овчины и мерлушки, шелковые халаты, головные уборы из меха.

По заказу музея мастера из Бай-Тайги под руководством известного в Туве резчика по дереву Х.К.Тойбухаа изготовили тувинскую юрту – сборно-разборное жилище несложной конструкции, состоящее из шести решетчатых стен. Мастера из с. Кызыл-Даг сделали войлок из белой овечьей шерсти для покрытия юрты, сплели шерстяные и волосяные веревки для ее опоясывания, а кроме того, изготовили необходимые атрибуты: сундуки (аптара), кровать, шкаф для посуды (улгуурге).

В музее собраны также предметы культа – шаманские и буддийские. Большой вклад в создание коллекции шаманских атрибутов внес ветеран музейного дела, доктор исторических наук, обладатель звания “Живое сокровище шаманизма” М.Б.Кенин-Лопсан. Более 20 лет ученый кропотливо собирал материалы, вел подробные записи. Некоторые шаманские предметы музей приобретал специально: в научном архиве библиотеки музея хранится акт от 14 мая 1970 г. о покупке одежды, головного убора, бубна с колотушкой шамана (ф. 267). Удивительно то, что информатор М.С.Килчен работал в партийно-советских органах. В 1932 г. он даже агитировал шаманов, чтобы они сдавали свои атрибуты. Некоторые шаманы поддавались агитации, сдавали эти предметы, которые тут же уничтожались, другие уничтожали их сами, однако некоторые оставляли их у себя и тайком шаманили.

В фондах Тувинского музея в настоящее время сосредоточено около 7050 единиц вещественных этнографических материалов. Помимо них хранятся фотографии, рукописи, рисунки. Хронологические рамки коллекций – от конца XIX в. вплоть до наших дней. В быту тувинцев до сих пор используются предметы старинной работы – мужские принадлежности и женские украшения, предметы убранства юрты. Тувинскую мебель, в основном сундуки, часто можно увидеть в юртах чабанов, чуть реже – в современных квартирах.

Этнографический зал истории Тувы конца XIX в. создан опытным экспозиционером, ветераном музейного дела Е.Ш.Байкара. В экспозиции представлены предметы быта аратов-кочевников: переметные сумы – барба и таалын, седла, конская сбруя. На стендах, посвященных земледелию, выставлены деревянная соха с железным сошником, жернова для размалывания зерна, деревянное корыто – деспи, серпы. На стендах, посвященных оленеводству, охоте, рыболовству и быту оленеводов-охотников, экспонируются охотничье и рыболовное снаряжение: охотничья сумка – саадак, самострелы и пороховницы из кожи и рога, рыболовная сеть, багры. Представлены также кузнечные изделия: ножи, стремена, замки и кузнечные инструменты, различные украшения из серебра. Богата коллекция, отражающая духовную культуру тувинцев. Это прежде всего предметы народного изобразительного искусства, которое носило преимущественно прикладной характер. В музее представлены резьба по дереву и камню, литье из металла (шахматы), тиснение по коже, деревянные бытовые предметы, разрисованные красочным орнаментом. Кроме того, экспонируются музыкальные инструменты: демир-хомус (железный варган), шелер-хомус из бамбука, бызаанчы, игил, чадаган.

Важнейшим направлением научно-исследовательской работы музея, в частности в области этнографии, являются научная обработка музейных фондов, изучение и описание музейных коллекций. Сотрудники музея проводят консультации. Режиссеры и художники Тувинского национального театра и государственной филармонии имеют возможность поработать в фондах музея. Полученную информацию они используют при постановке пьес, танцевальных номеров. Этнографические материалы использованы при создании историко-художественного фильма “Алдан-Дургун” (“Шестьдесят беглецов”).

Материалы, сосредоточенные в фондах музея, служат достоверными источниками для научных исследований. На этих материалах написаны “История народного искусства Тувы” доктора исторических наук С.И.Вайнштейна, книги М.Б.Кенин-Лопсана о творчестве резчиков, о шаманизме, “Художественное наследие тувинцев” кандидата философских наук Т.Б.Будегечиевой и др.

Этнографическая коллекция Тувинского музея экспонировалась на различных выставках в нашей стране и за рубежом. С уникальными экспонатами познакомились жители Улан-Удэ, Москвы, Красноярска, Абакана и других городов. Например, выставка “Там, где рождается Енисей” побывала в Санкт-Петербурге

и Усть-Каменогорске. Предметы быта тувинцев представлены на международных выставках “Кочевые народы Евразии” (Япония, Германия, США), “Великий шелковый путь” (Швеция), “Шаманы в Сибири” (Бельгия и Австрия).

Используя этнографические материалы, музейные работники проводят большую научно-просветительскую работу среди населения, особенно среди детей и молодежи. Часто поступают заявки от школ и училищ с просьбой прочесть лекции на темы “Тувинская национальная одежда”, “Тувинская юрта”, “Кузнечные изделия”, “Тувинские женские украшения”, “Детская люлька – кавай”, “Тувинские детские игрушки” и т.д. Предметы быта используются при проведении тувинского Нового года – Шагаа. Знать свою историю, основы национальной культуры, свои корни должен каждый, и помощь в этом призваны оказать национальные музеи.

М.В.Бавуу-Сюрюн
(г. Кызыл)

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ОБРАЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТУВИНСКИХ ФАМИЛИЙ И ИМЕН

Влияние русского языка в области образования антропонимов тувинского языка весьма заметно. Особенно активным это влияние было сразу после вхождения Тувы в состав СССР, т.е. начиная с 1944 г., когда все жители республики прошли паспортизацию и у них появились фамилии и отчества. Когда стали присваивать фамилии, это было непривычно для тувинцев и многие современные фамилии, такие как *Ак*, *Бараан*, *Иргит*, *Салчак*, *Оюн*, *Монгуш* и др., возникли из этнонимов – названий аймаков, родов. В некоторых случаях этнонимы стали (по документам) собственными именами, например *Монгуш Сендажиевич*, *Сарыглар Маскыровна* и т.п. В настоящее время практически никто не присваивает в качестве личных имен этнонимы, но в качестве фамилий они еще сохраняются.

Сегодня Закон Республики Тыва о собственных именах упорядочивает их применение и вносит определенную ясность в давно назревшую проблему их правописания. Как бы ни писалась фамилия *Кужугет* (*Кужугет* – *Кюжюгет* – *Кюжугет* – *К[ж]гет*), в сознании тувинца это одна и та же фамилия. Но для носителей других языков по-разному написанная она будет восприниматься как разные фамилии. Теперь же и законом закреплено, что разное написание означает несколько разных фамилий, например *Тюлюш*, *Тулуш*, *Дулуш*, *Дюлюш*, *Тюлуш*.

В 40-е годы многие тувинцы заменили свои исконные имена на русские, а тувинские имена сделали фамилиями. Взрослые до сих пор помнят, как они получали русские имена, а в народе ходят анекдоты про имена, которые “хранятся в сундуках”. Дело в том, что русские имена для пожилых людей были настолько непривычными и сложными, что многие их просто забывали и, чтобы вспомнить эти имена, надо было прочитать документ, который, как правило, хранился в сундуке – аппаре. Появилось теперь уже практически забытое сочетание *аппарада ады* – “имя в сундуке”.

В какой-то период, видимо в те же годы паспортизации, появились тувинские фамилии с русскими окончаниями *-ов/-ев*: *Оюн-нар-ов* или *Оюн-нар-ов-а* (где *-нар* – аффикс множественного числа), *Чолдак-оол-ов* или *Чолдак-оол-ов-а*, *Биче-оол-ов* или *Биче-оол-ов-а*. В этих фамилиях появляется окончание женского рода, не характерное для тувинского языка. Под влиянием русского же языка в некоторых тувинских фамилиях, оканчивающихся на сочетания типа *-ин*, также появляются окончания женского рода: *Шишин* – *Шишин-а*.

Иногда фамилии русских знакомых (*Самойлов*, *Стяжкин*) или легендарных героев (*Чкалов*, *Гагарин*) давали детям в качестве личных имен. В современных семьях утвердился обычай давать как русские имена типа *Галина*, *Светлана*, *Любовь*, так и тувинские имена с русскими словообразовательными аффиксами, обозначающими принадлежность к женскому полу. Наряду с распространенными в традиционных женских именах аффиксами *-маа*, *-наа*, *-кыс*, *-уруг* (*Херел* – *Херел-маа* “Луч”, *Белек* – *Белек-маа* “Подарок”, *Байыр* – *Байыр-кыс* “Праздник” и т.п.) активно используются имена с аффиксом *-а* (*Шолбан* – *Шолбан-а* “Утренняя звезда”, *Азият* – *Азият-а*, *Шораан* – *Шораан-а* “Крутые скалы”, *Чечен* – *Чечен-а* “Красноречивый”, *Чойган* – *Чойган-а* “Пихта”, *Аян* – *Аян-а* “Симпатичный”, *Саян* – *Саян-а*, *Чаяан* – *Чаяан-а* “Судьба”). При присоединении аффикса *-а* к словам, оканчивающимся на *-с*, оно чередуется с *-з*: *Чимис* – *Чимиза* “Плод” (вариативно *Сылдыс* – *Сылдыса* “Звезда”).

Возможно также присоединение аффикса *-на* к именам, оканчивающимся на гласные: *Тайга-на* (скорее всего, по аналогии с *Чойган-а*, *Шораан-а*). Встретился случай, когда по аналогии с именами *Октябрини*, *Ирина*, *Марина* было построено имя *Айхерини*, где два слова: *ай* “луна” и *херел* “луч” – слиты и к ним присоединен аффикс *-ина*. Явно женскими являются имена, происходящие от названий цветов (*ШеЈне* “Пион”) или пышно цветущих деревьев (*Чодураа* “Черемуха”, *Долаана* “Боярышник”). Нужно отметить, что образование женских личных имен при помощи аффикса *-а* в современном тувинском языке является весьма продуктивным.

Интересны уменьшительные имена, образованные по аналогии с русскими: *Кара – Кар-к-а*, *Сылдыс – Сылдыс-а – Сылдыс-к-а*, *Шораан-к-а*, *Алдынай-к-а*, *Аян-к-а*. Безусловно, их нельзя пока считать вошедшими в литературную норму, они остаются в речи городских и русскоязычных тувинцев.

В отношении отчеств фонетические законы тувинского языка, по идее, должны были бы как-то “управлять” присоединением аффиксов, т.е. по закону гармонии гласных к основам, имеющим в последнем слоге гласный мягкого ряда, должны присоединяться аффиксы *-евич*, *-евна*, но фактически к одной и той же основе могут присоединяться оба варианта аффикса: *Монгуш-евна* и *Монгуш-овна*, *Тюлюш-евна* и *Тюлюш-овна*. Видимо, здесь существенную роль играет то, что основы оканчиваются на переднеязычные согласные. К основам, оканчивающимся на гласный, как правило, присоединяются аффиксы *-евич*, *-евна*: *Байкара-евна*, *Сына-евна*. Но встречаются и варианты с *-ович*, *-овна*: *Алта-евич* – *Алтай-ович*. Образование отчеств от основ, оканчивающихся на средне- и заднеязычные согласные, подчиняется закону гармонии гласных: *Донгак-овна*, *Ховалыг-овна*, *Дондуп-овна*.

На наш взгляд, кроме закона гармонии гласных немаловажную роль играет то, на какой “манер” произносится данное имя. Если оно произносится по законам тувинского языка, то чаще всего можно услышать *Алтай-ович*, *Тюлюш-овна*. В этом случае данные морфемы воспринимаются не как слитные формы, а как вспомогательная часть, где можно и не соблюдать закон гармонии гласных.

В устной речи тувинцы очень часто после конечного согласного добавляют *-и*: *Сергеевич-и*, *Кара-оолович-и*, так как в тувинском языке *-ч*, как правило, не может занимать финальную позицию.

В настоящее время в тувинском языке сложилась необычная ситуация. В случаях, когда имяназачение шло по русскому канону типа *Александр Александрович* или же *Мерген Алексеевич* и при этом использовался ограниченный набор фамилий-этнонимов (*Иргит*, *Монгуш*), стало очень сложно определить, о ком конкретно идет речь. То есть получился определенный круг фамилий, а внутри них – определенный круг имен и определенный круг отчеств. Нужно учесть, что многие дают своим детям созвучные имена, а кроме того, появился обычай называть детей именами своих родителей, хотя традиционно старших нельзя было называть по имени, а люди в почтенном возрасте уже имели прозвища. При том, что тувинцы не так уж многочисленны, – их всего чуть больше 200 тыс., даже в небольшом селе трудно по документам определить, о ком идет речь. Поэтому, на наш взгляд, нужно законодательно разрешить органам ЗАГС менять фамилии тем, у кого они произошли от этнонимов. Наряду с этим следует вести разъяснительную работу, хотя последнее вряд ли сможет существенно улучшить положение с личными именами, потому что стремление расширить круг личных имен иногда приводит к другой крайности, – детям присваивают экзотические имена типа *Ромео* или *Индира*. Сегодня тенденция сужения круга личных имен сохраняется.

Л.В.Анжиганова
(г. Абакан)

ХАКАССКАЯ МОЛОДЕЖЬ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕБЕ И МИРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В 1995 г. в рамках международного исследования, которое предполагалось провести одновременно в Финляндии, Эстонии, Бельгии и России, в Хакасии было опрошено 200 школьников старших классов и студентов первых курсов колледжей. Опросу подверглись хакассские юноши и девушки Калининской средней школы Аскизского района, гимназисты Хакасской республиканской гимназии им. Н.Ф.Катанова, студенты музыкального и педагогического колледжей Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова. Анализировались ответы на вопросы анкеты, касающиеся роли семьи в жизни подростка, его представлений о себе и своем будущем, проблем окружающей среды и российского общества. Для сравнения привлекались данные исследований по России в целом и Финляндии.

Как показала анкета, около 60% опрошенных живут в полных семьях. Среди живущих в неполных семьях на попечении матерей оказалось 25% и только около 6% – на попечении отцов.

Профессиональная деятельность отцов респондентов связана преимущественно с сельским хозяйством и работой на промышленных предприятиях (в сумме более 33% ответов). Матери же заняты на преподавательской работе в школах и институтах (17,7% ответов), работают бухгалтерами и в сфере обслуживания (более 25%).

У 30% опрошенных глава семьи (отец или мать) имеет высшее или незаконченное высшее образование, у 52,5 – среднее или среднее специальное, у 13,5% глава семьи среднюю школу не закончил. Остальные респонденты не знают, какое образование имеют их родители.

Семьи опрошенных молодых людей по составу, как правило, небольшие: в 10,4% семей по одному ребенку, двух детей имеют 25% семей, трех – 22,4, а 17,2% имеют пятерых детей.

Отношения в семье у большинства респондентов неплохие. С высказыванием: “Я часто шучу (смеюсь) со своими родителями, мне хорошо дома” – полностью согласны 46,9% ответивших, отчасти согласны – 31,8, полностью не согласны только 2,6%. Полное согласие с положением: “Мои родители обычно уважают мои чувства” – высказали 28,6% опрошенных, частичное согласие – 34,4, полное и частичное несогласие отмечают в сумме около 14% молодых людей.

Настораживает то, что все же тезис: “Мои родители ожидают от меня слишком многого” – подтвердили около 40% респондентов, – это говорит о скрытой потенциальной конфликтности в семье по поводу завышенных, по мнению детей, ожиданий родителей и неспособностью (или нежеланием) детей соответствовать этим ожиданиям. Только около 25% ответивших не считают, что родители предъявляют к ним непомерные требования.

Среди ответивших 60% считают, что родители не оказывают на них давления, но около 20% респондентов отмечают определенный родительский пресс. При этом около 30% заявили, что у них часто возникало желание уйти из дома, однако радует все же, что у более чем 60% такого желания не было. Те же почти 60% молодых людей заявили, что родители их понимают. Полное или частичное непонимание со стороны родителей отмечают около 20% респондентов.

В целом ответы на вопросы, касающиеся взаимоотношений в семье, показывают, что у большинства (около 60%) респондентов существуют нормальные отношения, не лишенные некоторой внутренней конфликтности, связанные с естественной проблемой “отцов и детей”, переходным возрастом молодых людей и эта конфликтность не перерастает в непреодолимый антагонизм.

Нас весьма интересовали ответы на вопросы о трех самых заветных желаниях и трех самых больших опасениях хакасских подростков.

В качестве первого заветного желания 20,8% респондентов выделили получение хорошей профессии, 15,6 – хотели бы хорошо окончить школу, 10,4% желали бы мира и безопасности. Вторым заветным желанием 10,9% респондентов назвали создание хорошей, крепкой семьи, 10,4 – мечтают достичь успеха, 9,4% думают о стабильном экономическом положении. Третье заветное желание также связано с созданием крепкой семьи, достижением личного успеха и хорошего материального положения. Таким образом, все самые заветные желания опрошенных молодых людей связаны с естественными человеческими потребностями, что говорит о жизненной зрелости респондентов.

Больше всего наши подростки боятся войн, стихийных бедствий, катастроф, смерти родных и близких, одиночества, разрыва отношений с близкими и друзьями. Высказывались также опасения, что не удастся справиться с предстоящими трудностями жизни.

На вопрос: “Какую роль играет в твоей жизни религия?” – ответы распределились следующим образом: 46,4% респондентов считают, что в их жизни религия особенно большой роли не играет; 32,3 – отмечают достаточно важную роль религии в своей жизни; 11,5 – полагают, что религия в их жизни не играет никакой роли; 9,9% отмечают роль религии в своей жизни как очень важную. Таким образом, отношение к религии у молодых хакасов мало чем отличается от общих тенденций, проявляющихся в том, что около 10% населения во все времена отличались повышенным интересом к религиозной жизни, остальные же демонстрируют взвешенное, достаточно либеральное к ней отношение.

В анкете можно выделить блок вопросов, касающихся представления респондентов о себе. Настораживает то, что больше 40% опрошенных не определились с представлением об уверенности (или неуверенности) в своих силах, что само по себе является показателем неуверенности. Почти 60% уверены в себе полностью или частично, неуверенных в себе около 11%. При этом более 50% отметили, что им трудно говорить, стоя перед классом (аудиторией). Почти 30% ответивших считают, что им всегда подсказывают, что они должны делать; 66 – утверждают, что они часто сожалеют о том, что сделали; более 53% респондентов отмечают, что им часто бывает стыдно за себя.

Ответы молодых хакасов на вопросы, сформулированные в виде прямых высказываний, которые в целом не свойственны этнической ментальности, более взвешенны. Так, например, только 8,9% респондентов уверены, что они легко нравятся людям; около 20 – отметили, что с ними весело; всего 9,9% считают, что они популярны среди сверстников. Около 40% респондентов на все эти вопросы ответить затруднились, что само по себе также показательно.

Среди респондентов оказалось равное число (почти по 44%) согласных и не согласных с высказыванием: “В моей жизни все смешалось – какая-то путаница во всем” Равное же соотношение (по 40%) между разделяющими и не разделяющими мнение о том, что молодым людям жить тяжело.

В ответах потенциальной конфликтности (“меня трудно разозлить”, “я не люблю спорить”, “меня легко вывести из себя”) распределение полярных позиций тоже примерно равное. Но радует то, что почти 70% респондентов согласны (полностью или частично) с высказыванием: “Я никогда не лезу в драку” Не согласных с данным утверждением всего чуть больше 20%.

В исследовании были специально выделены блоки вопросов, касающиеся формирования у подростков вредных и социально опасных привычек – курения, употребления спиртных напитков и наркотиков.

Среди опрошенных хакасов никогда не курили почти 40% (для сравнения: по России в целом таковых 34,8%, в Финляндии – 24,6%). Регулярно курящих среди хакаской молодежи 7,8% (по России – 10,7%, в Финляндии – 18,8%). Остальные респонденты отнесли себя к “время от времени курящим” Начали курить подростки в основном в 14–16 лет. Респонденты курят, как правило, с друзьями (27,6%). Настораживает то, что около трети (27,6%) курят в семье. Однако 8,3% ответивших курят в одиночку, что, возможно, является показателем формирования устойчивой привычки к курению, а не влиянием внешних факторов.

Среди опрошенных хакаских подростков 64,1% употребляют алкоголь (для сравнения: по России в целом – 67,1%, в Финляндии – 69,6%), в том числе пиво – 10,4% (по России – 27,3%, в Финляндии – 43,2%), вино – 29,2% (по России – 23,9%, в Финляндии – 31,4%), водку и крепкие напитки – 20,3% (по России – 14%, в Финляндии – 22,8%). Более половины опрошенных (53%) пьют с друзьями, 10,4% – с членами семьи.

Исследователи поставили несколько вопросов, касающихся оценки респондентами своего здоровья. Как очень хорошее оценили его всего 6,3% (по России – 8,5%, в Финляндии – 25,4%), как достаточно хорошее – 12,5% (по России – 23,7%, в Финляндии – 50,9%), как нормальное – 49,9% (по России – 45,4%, в Финляндии – 19,9%), как удовлетворительное – 29,2% (по России – 20,5%, в Финляндии – 3%), как очень плохое – 2,6% (по России – 1,7%, в Финляндии – 0,6%). Наличие хронических заболеваний или физических недостатков, мешающих вести активную жизнь, отметили 27,6% респондентов (по России – 22%, в Финляндии – 13,6%).

Резко отличаются ответы хакаских подростков от ответов их российских и финских ровесников на вопрос: “Пробовал ли ты когда-нибудь наркотики (например, гашиш, ЛСД, героин, анашу)?”. В Хакасии утвердительно ответили на него 9,9%, по России в целом – 87,9, в Финляндии – 85,6%. Однако, судя по растущей гигантскими темпами наркотизации молодежи республики, ответы наших респондентов можно считать не совсем искренними.

В исследовании был выделен блок вопросов, касающихся проблем окружающей среды. По мнению 56,8% респондентов, в Хакасии экологическая обстановка лучше, чем в европейской части России; 42,2% считают ее таковой в сравнении с другими европейскими странами.

В целом пессимистические ответы получены на вопрос: “Каким образом, по твоему мнению, изменится состояние окружающей среды в последующие 10 лет, если политика по охране окружающей среды останется такой же, как и теперь?”, – 75% ответивших считают, что оно ухудшится. При этом 89,6% надеются на научно-техническое решение проблем окружающей среды, 54,7 – считают необходимым изменение образа жизни людей с целью сохранения природной среды, 84,4 – надеются на международные соглашения по охране окружающей среды, 64,6% считают важным изменение промышленного, сельскохозяйственного и других производств в соответствии с экологическими требованиями.

Только 2,1% хакаских подростков участвуют в деятельности какой-либо организации по защите окружающей среды (по России в целом участвующих в деятельности таких организаций 2,7% в Финляндии – 16,6%). На вопрос: “Если тебе надо выбросить пустые упаковки (например, от жевательной резинки, обертки от сигарет, банки от консервов), как часто ты бросаешь их на улицах города или на природе?” – только 17,2% ответили, что никогда этого не делают; 62,5% делают это иногда, а 18,8% – часто или почти всегда.

Среди хакасских семей 5,2% уделяют серьезное внимание экологическим проблемам, когда приобретают какие-либо вещи или избавляются от них, в 39,1% семей к экологическим проблемам относятся с вниманием, в 47,4 – с некоторым вниманием, в 6,8% семей к этим проблемам безразличны.

Хакасских школьников особенно беспокоят загрязнение воздуха (84,9% ответов), загрязнение водоемов (72,9%), выживание животных и растений (70,3%), вырубка лесов (68,2%), проблема отходов, которые трудно уничтожить (67,7%). Меньше беспокоят парниковый эффект (20,8%) и постройка водохранилищ, перекрывающих реки (29,2%). Последнее особенно удивляет, поскольку уже более 10 лет общественность Республики Хакасия активно информируется об огромной опасности для здоровья всего населения, которую принесло и продолжает приносить строительство Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС и их водохранилищ.

Среди серьезных проблем, угрожающих миру в настоящий момент, хакасские подростки на первое место поставили проблему войны (опрошенные подростки по России в целом также считают эту проблему важнейшей), на второе – преступность и насилие (респондентами по России в целом данная проблема поставлена на третье место) и на третье – радиоактивное загрязнение окружающей среды (по России – второе место).

Молодые хакасы оказались единодушными со своими сверстниками по России в целом в определении наиболее важных задач реформирования российского общества. В первую очередь в России надо производить экологически чистую продукцию (93,2% ответов), далее, в России необходимо строго соблюдать законы (85,9%), наконец, Россия должна иметь сильную армию для защиты своих границ (82,8%). Здесь следует отметить, что больше половины хакасских респондентов (63,6%) считают, что при реформировании нашего общества важно помнить, что духовные ценности важнее денег, при этом особенно необходимо стремиться к сохранению религиозных ценностей (70,8%).

Среди хакасских подростков выявлено много не согласных с утверждениями типа: “Россия должна предпочесть экономический рост даже за счет загрязнения окружающей среды” (45,8%) и “Благосостояние народа должно быть улучшено даже в ущерб окружающей среде” (34,4%).

Респондентов, считающих, что России необходима экономическая конкуренция, во много раз больше, чем противников данного утверждения (52% против 7,3%).

Согласных с утверждением о предпочтительности мнения экспертов мнению простых людей при принятии решений и не согласных с ним оказалось почти равное количество: соответственно 36,4 и 38%.

Большинство респондентов не верят, что отдельный человек может влиять на сохранение мира (51,5% против 25%).

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Большинство хакасских подростков живут в полных семьях, главы которых имеют высшее или среднее образование, заняты в отраслях промышленного и сельскохозяйственного производства, в сфере обслуживания. Семьи, как правило, невелики.

2. У большинства респондентов нормальные отношения с родителями, хотя и наблюдается некоторая внутренняя конфликтность, связанная с естественной проблемой “отцов и детей”, переходным возрастом опрошенных, но эта конфликтность не перерастает в непреодолимый антагонизм.

3. Несмотря на юный возраст и возможный романтизм респондентов, все их самые заветные желания и опасения связаны с естественными человеческими потребностями. Уровень их ожиданий не особенно высок.

4. Противоречивые ответы на вопросы, касающиеся самооценки, уверенности в своих силах, свидетельствуют о высоком уровне тревожности хакасской молодежи по поводу своего настоящего и будущего.

5. Визуальные наблюдения автора, подтверждаемые данными других исследований, особенно сельской молодежи, позволяют усомниться в полной искренности ответов на вопросы, касающиеся вредных привычек (курения, употребления спиртных напитков и, тем более, наркотиков).

6. Абсолютное большинство хакасских подростков оказались пессимистами в оценке перспектив решения экологических проблем в ближайшие 10 лет. Почти все опрошенные не считают важным и значимым свое личное участие в решении данных проблем, отводя главную роль в этом государству.

7. Являясь сторонниками рыночных отношений, молодые хакасы в то же время считают особенно важным уравнивание их духовным возрождением народа, которое понимается ими главным образом как сохранение религиозных ценностей.

*О.Ю.Любимцева**(г. Абакан)*

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ В ХАКАСИИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ

Победоносное завершение Великой Отечественной войны давало надежду на реализацию планов по развитию культуры. За годы войны сократилась сеть школ, клубов, библиотек, многие учреждения культуры требовали ремонта. Все это надо было восстанавливать. Одновременно встала проблема подготовки кадров в области культуры и искусства. Это было вызвано необходимостью усиления творческого потенциала населения, повышения эффективности всех форм деятельности в сфере культуры¹. Следует отметить, что на протяжении первых послевоенных пятилеток государственно-партийными органами в этом направлении была проделана большая работа, хотя именно тогда начал осуществляться порочный принцип остаточного финансирования культуры.

К проблеме развития культуры в послевоенные годы в Хакасии обращались В.А.Асочаков, Н.Ф.Кузнецова, В.Н.Тугужекова, Г.Г.Котожеков, данная проблема нашла отражение также в “Очерках истории Хакасии советского периода (1917–1961)” и в пятом томе “Истории Сибири”². Немало сведений о состоянии культуры в Хакасии в послевоенное двадцатилетие содержится в материалах Центрального государственного архива Республики Хакасия и Государственного архива Красноярского края.

В рассматриваемый период в Хакасии особое значение придавалось подготовке работников культуры. Важной задачей местных органов власти было трудоустройство демобилизованных из армии, и особенно инвалидов Великой Отечественной войны. Были приняты решения исполкома областного Совета от 15 января 1948 г.³ и Абаканского городского Совета депутатов трудящихся от 18 февраля 1948 г.⁴ о трудоустройстве и обучении инвалидов. Многие из них были устроены на работу в клубах.

Несмотря на сложности военного времени, в 1942 г. в Абакане была открыта первая музыкальная школа, положившая начало профессиональному музыкальному образованию в Хакасии. В развитие музыкального образования и музыкальной культуры Хакасии внесли вклад В.Э.Мяхар – выпускник Красноярского музыкального училища, Э.А.Оркова – пианистка, приехавшая в Абакан вместе с репрессированными родителями из Риги, Н.Ф.Косовненко – баянист, родом из Сибири, приехавший в Абакан после службы в Военно-Морском флоте⁵, А.А.Кенель, в свое время окончивший в Петербурге юридический факультет университета, затем – институт сценического искусства, а после учившийся в консерватории по классу композиции у М.Штейнберга⁶. Организатором детской музыкальной школы в Абакане и ее первым директором был доцент С.С.Рывлин. Профессор М.М.Старикова из Куйбышева, добровольно взявшая шефство над музыкальной школой в Хакасии, присылала необходимые учебники.

Музыкальная школа приняла 25 человек, преимущественно взрослых, по классу фортепиано. С 1944/45 уч. г. школа стала функционировать как детская музыкальная. Из-за нехватки помещений занятия проводились с 7 часов утра до 22 часов, школа ежегодно отказывала в приеме 80–100 детям, желающим получить музыкальное образование⁷. Первый выпуск состоялся в 1950/51 уч. г. К этому времени в школе обучалось по классу фортепиано, скрипки, баяна, домры, чатхана и хомыса 108 детей, из них 19 хакасов⁸.

Всего в Хакасской автономной области после войны насчитывалось 178 работников культуры⁹, из них 5,05% имели высшее и незаконченное высшее образование, 17,9 – среднее, 76,9% – неполное среднее. При этом только четыре человека имели стаж работы в сфере культуры свыше пяти лет.

Из-за неукomплектованности кадрами не работали многие избы-читальни и клубы. Часто сменялись заведующие районными отделами культуры. Текучесть кадров работников культуры ежегодно составляла 50%. Клубными работниками в районах были преимущественно местные жители, не имевшие специального образования. Так, в совхозе “Октябрьский” Усть-Абаканского района руководителем хора был шофер, в Больше-Ербинском сельском клубе танцевальным кружком руководила домохозяйка¹⁰.

Причины нехватки работников культуры заключались в плохих условиях труда и быта, в низкой заработной плате, которая к тому же не выплачивалась своевременно, в том, что этим работникам не предоставлялись положенные бесплатные коммунальные услуги. Заведующий клубом получал 360 руб. в месяц¹, тогда как средняя заработная плата рабочего треста “Хакасводстрой” составляла 3766 руб.¹² Причины нехватки кадров заключались и в том, что в крае не готовили культурно-просветительных работников. Во время войны были закрыты школы культурно-просветительной работы в Канске и Игарке, продолжал работать только Канский библиотечный техникум. Кроме того, была недостаточной методическая помощь со стороны сельских Советов и отделов культуры, которые в основном ограничивались директивными указаниями, инспекторскими выездами и систематической рассылкой инструкций.

В июне 1946 г. исполкомом краевого Совета было принято решение об открытии курсов работников культурно-просветительных учреждений в Красноярске, Абакане и других городах¹³. В 1947 г. была открыта краевая школа культурно-просветительной работы в Минусинске¹⁴, и в 1952 г. было направлено на работу в Хакасию шесть ее выпускников¹⁵.

Основной формой обучения культурно-просветительных кадров было проведение в районном центре ежемесячных двухдневных семинаров. Зачастую семинары проводились непродуманно, наспех, без глубокого анализа. Многие работники культуры обучались заочно в библиотечных техникумах, системе партийно-комсомольского просвещения.

Сведения о кадрах культурно-просветительных работников в Хакасской автономной области за 1952 и 1958 гг., приведенные в табл. 1 и 2, дают нам представление о соотношении числа хакасов с общим числом занятых в сфере культуры, об образовательном уровне культпросветработников, о текучести кадров.

В послевоенные годы оставалась острой проблема музыкальных кадров в школах: подавляющее их большинство не было укомплектовано учителями пения, внеклассная работа по музыкальному воспитанию имела случайный характер и проводилась только в период подготовки к смотрам художественной самодеятельности. Не велась культурно-просветительная работа среди коренного населения. Исключительно редко можно было встретить коллективы художественной самодеятельности, работающие над национальным репертуаром. Имеющиеся сборники пьес, стихов, песен на хакасском языке практически не использовались. На фестивали, смотры, конкурсы национальные районы выходили только с русским репертуаром¹⁶. В июле 1959 г. секретариат правления Союза композиторов СССР направил в Хакасию группу молодых композиторов из Ленинграда, Таллинна и Риги для сбора творческого материала, изучения народной музыки края, оказания помощи художественной самодеятельности¹⁷.

Т а б л и ц а 1

Кадры культурно-просветительных учреждений Хакасской автономной области в 1952 г.

Должность	Кол-во работни- ков		Специальное образование								Смени- лось всего за 1952 г.	Повышены в должности		Направлены на учебу	
			Высшее		Незакон. высшее		Среднее		Не имеют			Все- го	В т.ч. ха- касы	Все- го	В т.ч. ха- касы
	Все- го	В т.ч. ха- касы	Все- го	В т.ч. ха- касы	Все- го	В т.ч. ха- касы	Все- го	В т.ч. ха- касы							
Избач	37	13	—	—	—	—	—	—	37	13	18	—	—	8	3
Зав. сельск. клубом	69	18	—	—	—	—	—	—	69	18	30	3	1	12	5
Директор район. дома культуры	7	—	—	—	—	—	—	—	7	—	3	—	—	—	—
Зав. библиотекой	10	—	—	—	—	—	3	—	7	—	4	—	—	—	—
Зав. детской библиотекой	3	—	—	—	—	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—
Библиотекарь	70	6	—	—	—	—	5	—	65	6	15	—	—	6	—
И т о г о	196	37	—	—	—	—	10	—	186	37	70	3	1	26	8

Т а б л и ц а 2

Кадры культурно-просветительных учреждений Хакасской автономной области по состоянию на 1 января 1959 г.

Наименование	Кол-во	Образование			Партийность			Стаж работы		
		Высшее	Среднее	Неполн. среднее	КПСС	ВЛКСМ	Б/парт.	До года	До 5 лет	Более 5 лет
Работники культ-просветучреждений	308*	9	186	113	28	121	159	106	120	82
В том числе:										
библиотек	147	6	107	34	15	64	68	33	70	44
сельских клубов, изб-читален	107		52		6	44	57	60	36	11
районных и сельских домов культуры	42		18	24	4	11	27	13	12	17
областных домов культуры	12	3	9		3	2	7		2	10

*Русских – 253, хакасов – 55.

20 апреля 1960 г. на основании приказа Красноярского краевого управления культуры в Абакане было открыто музыкальное училище, которое должно было готовить преподавателей детских музыкальных школ и музыкальных работников для учреждений культуры Хакасии¹⁸. На первый курс было принято 46 человек, с которыми занимались первый директор училища Л.Г.Ревич, москвич, выпускник вокального отделения Красноярского музыкального училища, а также выпускники Уральской консерватории В.Ю.Воронов, Б.Е.Глаголев, Н.М.Панфилова, Л.А.Спивак¹⁹.

В первый год существования училища были созданы фортепианное отделение, струнное и отделение народных инструментов. Через год открылись дирижерско-хоровое и вокальное отделения, а еще через пять лет – класс духовых инструментов и виолончели. Из года в год училище пополнялось квалифицированными специалистами. В 1964 г. состоялся его первый выпуск – 27 чел., из которых 24 связали свою жизнь с преподавательской деятельностью.

Выпускником первого набора отделения народных инструментов был П.М.Ким. Кореец по национальности, он родился и вырос в шахтерской семье Черногорска, воспринял местную культуру, воспитывался на песнях военных лет. П.М.Ким был участником оркестра народных инструментов, который привил ему любовь к русской народной музыке. Позднее он самостоятельно изучал творчество А.А.Кенеля, Н.В.Катаевой, В.Е.Майнагашевой, язык и культуру хакасского народа. Познания в русской народной и классической музыке он в дальнейшем использовал уже в своем творчестве, обогащая хакасскую народную музыку элементами русской музыкальной культуры. Учась в Новосибирской консерватории, П.М.Ким стал заниматься композицией. Он писал музыку для хакасского национального хореографического ансамбля “Жарки”, обрабатывал хакасские народные песни. Потом появляются его оркестровые увертюры: “Праздничная увертюра” на тему хакасских народных песен, увертюра для симфонического оркестра “Народный праздник”, вокально-хореографическая композиция для симфонического оркестра “Золотая степь”. П.М.Кимом написано 43 произведения, которые в разное время исполнялись коллективами школ Хакасии, музыкального училища, были постоянными в репертуаре филармонии. Будучи преподавателем Абаканского музыкального училища, на базе подготовительного отделения он создал оркестр хакасских народных инструментов “Жарки”, и на протяжении 20 лет был его дирижером. П.М.Ким воспитал много учеников, которые работают в музыкальных школах, домах культуры Республики Хакасия, в ансамбле “Алтай” Горно-Алтайской филармонии, в Барнаульской филармонии и т.д. С открытием Хакасской республиканской филармонии П.М.Ким был приглашен туда в качестве художественного руководителя профессионального коллектива хакасского ансамбля песни и танца “Ульгер” (“Созвездие”). Была подготовлена первая хакасская национальная программа, в которую вошли обработки народных песен и авторские произведения П.М.Кима. Эта программа была показана на Съезде хакасского народа и имела огромный успех. Сегодня П.М.Ким – Заслуженный деятель искусств России.

В Свердловской консерватории учился воспитанник Абаканского музыкального училища Г.И.Челбораков, ставший впоследствии членом Союза композиторов, Заслуженным деятелем искусств России. Творческая деятельность Г.И.Челборакова началась в 1960 г., когда он написал свою первую песню “Край родной” на слова Н.Рыленкова. С 1962 г. Георгий Иванович начинает обучаться в Абаканском музыкальном училище. Соприкосновение с музыкой, общение с профессиональными музыкантами дает свои результаты – дарованный природой талант развивается и совершенствуется. С 1965 г., когда были написаны песни “Весенние облака”, “Счастье матери”, “Белая береза” и др., к Г.И.Челборакову приходит известность, его песни начинают исполнять и самодеятельные, и профессиональные коллективы. Учась и одновременно работая заведующим музыкальной частью в Хакасском областном драматическом театре, Г.И.Челбораков пишет музыку к спектаклям. Но все-таки главным в его творчестве остается песня. Г.И.Челбораков написал более 100 песен, выпустил два сборника, один из них – сборник детских песен, его песни записаны на пластинки. Заслугой Челборакова-преподавателя является создание в музыкальном училище класса чатхана. По его собственным словам, “если бы не было класса чатхана, сомнительно было бы говорить о развитии хакасской национальной музыки”.

Н.В.Катаева – член Союза композиторов Хакасии, Заслуженный работник культуры Хакасии. В 1961 г. после окончания Красноярского музыкального училища она становится первым профессиональным руководителем хора хакасского ансамбля песни и танца “Жарки”. Н.В.Катаева окончила вечернее отделение Абаканского музыкального училища по специальности “теория музыки”. Свое композиторское творчество она начала с написания песен и фортепианных пьес. Ее песни “Осенние ночи” и “Абаканские волны” заняли первое место на конкурсе композиторов в Новосибирске. С хакасским академическим хором музыкального училища была подготовлена программа для записи на грампластинку, куда вошли песни Н.В.Катаевой “Моя Хакасия”, “Весенний день”, “Ясной ночью”.

Н.В.Катаева была участницей пяти музыкально-этнографических экспедиций на территории Хакасии, четырех полевых экспедиций в села Аскизского, Таштыпского, Алтайского и Бейского районов. Записаны чатханские наигрыши, шаманские заклинания, народные обряды, тахпахи, плачи на разных диалектах: качинском, сагайском, кызыльском, шорском, сагайско-качинском²⁰ Будучи преподавателем и музыкального училища, и национальной школы, она создала хоровые ансамбли “Чахаях” (“Цветочек”), “Торгаях” (“Жаворонок”) и сама ими руководит.

В 1964/65 уч. г. в Хакасии открылись детские музыкальные школы в Усть-Абакане и Аскизе²¹. Для оказания методической помощи все преподаватели Абаканского музыкального училища закреплялись за районами и детскими музыкальными школами.

В 60-е годы в Хакасии не было ни одного профессионального музыкально-исполнительского коллектива, поэтому музыкальное училище являлось основным пропагандистом музыкальной культуры. Ни одно важное общественное мероприятие в Абакане и области не обходилось без выступлений хора, оркестра, солистов училища. Тяга местных жителей к самостоятельному творчеству была во многом обусловлена той активной пропагандой искусства, которую вели художественные коллективы училища. Позднее, на центральной усадьбе Тейского совхоза Аскизского района, был открыт класс чатхана, где преподавал А.С.Бурнаков. Разнообразную помощь оказывал коллектив музыкального училища хакасскому народному ансамблю “Жарки” Преподаватели Ф.М.Чье и П.М.Ким руководили хором и оркестром. Многие учащиеся училища коренной национальности были активными его участниками.

С переездом музыкального училища в новое, специально выстроенное здание увеличивается штат преподавателей – с 44 чел. до 92, из них 53 чел. – с высшим образованием, 5 – с незаконченным высшим и 34 – со средне-специальным²²

Для подготовки кадров для культурно-просветительных учреждений в стране стали открываться культурно-просветительные училища. В 60-е годы в Хакасской автономной области работало 252 государственных и 497 профсоюзных учреждений культуры²³ В них ощущалась острая нехватка кадров. Протоколы заседаний постоянных комиссий по культуре отмечали, что кроме кино и танцев в клубах никакие мероприятия не проводятся. Между тем ежегодно областное управление культуры направляло на работу в районные дома культуры и сельские клубы выпускников культурно-просветительных учебных заведений, но многие из них или переходили на другую работу из-за низкой зарплаты, плохой материальной базы клубов и отсутствия жилья, или, отработав положенный срок, уезжали из области. Только в Аскизском районе за 1965 г. оставили работу 17 клубных работников, в Бондаревском доме культуры сменилось три директора, а в клубе села Бельтыры за 10 месяцев сменилось четыре заведующих²⁴. Некоторые клубы вообще были закрыты, так как в них не было заведующих.

Областное управление культуры не всегда оперативно реагировало на запросы сельчан и недостаточно активно работало с кадрами в плане организации семинаров, учебы, обмена опытом, оказания помощи. Особой помощи в подготовке кадров требовали районы с коренным населением. Следует отметить, что в этом направлении партийными и советскими органами проводилась определенная работа. По состоянию на 1 декабря 1963 г. 48 хакасов обучались в специальных высших и средних учебных заведениях – в Ленинградском театральном институте, Новосибирском театральном училище, Новосибирской и Свердловской консерваториях, Новосибирском хореографическом училище, Красноярском и Абаканском музыкальных училищах²⁵ Практически все они были направлены на учебу по брони обкома партии.

По данным переписи населения 1959 г., 56% населения Хакасии проживало в городах и рабочих поселках²⁶ Численность населения Хакасской автономной области увеличилась с 287 тыс. чел. в 1940 г. до 443 тыс. чел. в 1965 г. Выросло количество клубных учреждений, тем не менее на 1 января 1965 г. 11 населенных пунктов Хакасии вообще не имели культурно-просветительных учреждений. Разрыв между городом и селом в плане культуры был весьма существенным, и это довольно точно отражало культурный уровень городского и сельского населения. В среде хакасской сельской молодежи не было изжито карамчевание, в частности в Аскизском и Таштыпском районах. Так, в Таштыпском районе учитель семилетней школы, будучи семейным человеком (имел жену, детей), скарамчил молодую учительницу, и та обратилась к прокурору²⁷ Наблюдался также рост преступности. Например, в Аскизском районе в 1957 г. отделением милиции было возбуждено 147 уголовных дел, по которым проведено расследование, в 1960 г. – 222, в 1961 г. – 306 уголовных дел. При этом 60,2% преступлений было совершено лицами, прибывшими в район на работу по разным видам вербовки и комсомольским путевкам. Коренным населением за 1961 г. совершено 39,3% разного рода преступлений²⁸

Архивные документы показывают, что в результате административного руководства культурно-просветительная работа велась малоэффективно, но было много отчетов, справок и т.д. Хотя партийные и советские органы были в курсе проблем культурно-просветительных учреждений, многие из них так и не были разрешены.

Открытие учебного заведения, которое должно было готовить профессиональных работников культуры, не было случайным. Так на базе Абаканского музыкального училища создается клубное отделение. Первыми были открыты три специализации: “культпросветработник, руководитель самодеятельного хора”, “культпросветработник, руководитель самодеятельного ансамбля, оркестра народных инструментов”, “культпросветработник, руководитель самодеятельного хореографического коллектива”. Позднее открываются специализации “режиссура массовых мероприятий” и “хакасский народный хор”. За 35 лет своего существования Абаканское музыкальное училище (с 1996 г. – колледж) подготовило 3415 квалифицированных специалистов. Сегодня из 132 преподавателей колледжа 55 – его выпускники.

Таким образом, первое послевоенное десятилетие в плане обеспеченности культурно-просветительных учреждений региона материально-техническими и кадровыми ресурсами можно охарактеризовать как напряженное. Трудности были обусловлены недостаточным финансированием со стороны центральных и местных властей. Порой же из-за несвоевременного финансирования средства, отпущенные на культуру, не использовались и в конце года списывались, а клубы оставались без мебели, литературы, инвентаря. Но главное, не была решена кадровая проблема: только энтузиасты продолжали работать в этой сфере.

Сегодня на фоне нестабильности экономических реформ ситуация в области культуры еще более нестабильна. Упал престиж профессии музыканта и культпросветработника. Создание в Республике Хакасия университета – главного центра науки, образования и культуры, включение в его структуру средних специальных учебных заведений со статусом колледжа дают возможность музыкальному колледжу осуществлять многоуровневую подготовку кадров. В 1995/96 уч. г. на базе музыкального отделения была открыта кафедра музыки и музыкального образования психолого-педагогического факультета Хакасского государственного университета, а в 1996/97 уч. г. при университете открыт Институт искусств.

Примечания

¹ См.: *Ибрагимов Р.И.* Кадры культуры и культура кадров // *Культура села: проблемы и поиски.* – М., 1971. – С. 24–32.; *Начерняк Е.В.* Какие готовить кадры // *Культ.-просвет. работа.* – 1971. – № 9. – С. 35–37.

² См.: *Асочаков В.А.* Культурное строительство в Хакасии (1917–1937 гг.). – Абакан, 1983; *Кузнецова Н.Ф.* Партийное руководство культурным строительством в Хакасии в 1966–1981 гг.: Дис. докт. ист. наук; *Тугужекова В.Н.* Южная Сибирь: послевоенные 1945–1965 гг. – Абакан, 1993; *Котожеков Г.Г.* Культура народов Саяно-Алтайского нагорья. – Абакан, 1992; *Очерки истории Хакасии советского периода (1917–1961).* – Абакан, 1963; *История Сибири:* в 5 т. – М., 1965 – Т. 5.

³ Филиал Центрального государственного архива Республики Хакасия (далее ФЦГАРХ), ф. 2, оп. 1, д. 1372, л. 12.

⁴ Там же, л. 13.

⁵ См.: *Любимцева О.Ю.* Аккорды... – Абакан, 1997. – С. 6.

⁶ См.: *Искусство Красноярского края.* – Красноярск, 1961. – С. 44, 45.

⁷ ФЦГАРХ, ф. 2, оп. 1, д. 1685, л. 64.

⁸ Там же, д. 1688, л. 13.

⁹ Там же, д. 1516, л. 3, 4.

¹⁰ Центральный государственный архив Республики Хакасия (далее ЦГАРХ), ф. р-577, оп. 1, д. 50, л. 73.

¹¹ ФЦГАРХ, ф. 2, оп. 1, д. 2341, л. 64.

¹² Там же, д. 1710, л. 72.

¹³ См.: *Из истории Советской Хакасии.* – Абакан, 1986. – С. 82.

¹⁴ Там же. – С. 81.

¹⁵ ЦГАРХ, ф. 555, оп. 1, д. 5, л. 57.

¹⁶ Там же, д. 2688, л. 244.

¹⁷ Там же, д. 2341, л. 112.

¹⁸ ЦГАРХ, ф. р-647, оп. 1, д. 1, л. 1.

¹⁹ Подробнее см.: *Любимцева О.Ю.* Аккорды...

²⁰ См.: *Гигуашвили Т.С.* Музыка – их жизнь. – Абакан, 1997. – С. 40.

²¹ Государственный архив Красноярского края, ф. 2084, оп. 1, д. 131, л. 84.

²² ЦГАРХ, ф. р-647, оп. 1, д. 1, л. 3.

²³ ФЦГАРХ, ф. р-39, оп. 1, д. 1146, л. 37.

²⁴ ЦГАРХ, ф. р-577, оп. 1, д. 16, л. 39.

²⁵ ФЦГАРХ, ф. 2, оп. 1, д. 2688, л. 249.

²⁶ См.: *30-летие Хакасской автономной области.* – Абакан, 1961. – С. 25.

²⁷ ФЦГАРХ, ф. 2, оп. 1, д. 1714, л. 56.

²⁸ Там же, д. 2688, л. 60.

А.К. Черненко
(г. Новосибирск)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Принципиальные преобразования в обществе, государстве и праве привели к коренному изменению законодательства. Ранее существовавшая нормативно-правовая база не смогла адекватно отреагировать на произошедшие перемены, что отрицательно сказалось на процессах правового регулирования экономических и социокультурных отношений в регионах, в частности, в Сибири и составляющих ее государственно-административных образованиях. Отсутствуют необходимые механизмы правоприменения по многим ключевым вопросам. Весьма часто закон и подзаконные акты противоречат друг другу, составлены наспех, с серьезными нарушениями юридической техники. Все это негативно отражается на сложившейся в Сибири ситуации, ведет к нестабильности и напряженности в обществе, углубляет кризисные процессы в сферах экономики, в жизни и деятельности малочисленных народов. В этих условиях фундаментальным направлением научных исследований в области права является формирование теоретических основ правового регулирования этносоциальных отношений.

Федеральное законодательство и проблемы его адаптации применительно к автономным государственным образованиям

Анализ теоретических основ правового регулирования этносоциальных отношений включает в себя анализ проблемы соответствия федерального законодательства “правовой природе этноса”, т.е. проблемы его *адаптации* к специфической природе жизнедеятельности автономных государственных образований. Решение этой задачи предполагает, с одной стороны, построение правовых институтов, отражающих объективные потребности и интересы малочисленных народов и всех проживающих на территории автономий, с другой – проведение кодификации законодательства, т.е. качественную переработку действующих юридических норм, устранение несоответствия между ними и “правовой природой этноса”, преодоление противоречий в правовом регулировании этносоциальных отношений. Механизм адаптации, как нам представляется, есть один из важнейших факторов формирования устойчивой правовой базы, необходимой для этносоциального развития.

Решение данной задачи усложняется совершенно необычной ситуацией, сложившейся в России. Эта ситуация характеризуется, с одной стороны, стремлением России выйти на международный уровень правового обеспечения происходящих в стране социально-политических процессов, осмыслить и осознать такие ключевые позиции, как правовое государство, правовая личность, эффективность и рациональность правового регулирования и его равновеликий статус по сравнению с иными правовыми регуляторами. С другой стороны, указанная ситуация характеризуется разрушением устоявшейся правовой системы и связанной с ней формы адаптирования прав. Общесоюзное законодательство в основном перестало действовать. Республиканское законодательство, в своей основе механически повторяющее общесоюзное, оказалось неприемлемым в реформировании экономических, политических и национальных отношений.

Несмотря на энергичное правотворчество законодательной ветви власти России, наблюдаемое в последние годы, до сих пор не удалось сформировать новую правовую систему и, тем более, создать механизм ее реализации, особенно применительно к этносу. Многие законы, принятые на федеральном уровне, в той или иной части противоречат друг другу, страдают отсутствием “адаптационного механизма” правоприменения. Все это негативно сказалось на правоприменительной практике, породило беззаконие, повлекло за собой неустойчивость государственной и общественной жизни, обусловило социальную незащищенность населения, особенно тех категорий, которые оказались наиболее уязвимыми в условиях стремительного разрушения системы государственного протекционизма и отсутствия какой-либо иной надежной системы социальной защиты. В этих обстоятельствах более других пострадали малочисленные народы Севера, как известно, в основном проживающие в автономиях. Что касается специфической основы адаптации прав применительно к автономии, то здесь в этом качестве выступает прежде всего система самоуправления, включенная в систему демократии.

Анализ показывает, что сегодня самоуправление и демократия в политике и управлении нередко выступают как явления, связанные внешне, при этом самоуправление часто занимает периферийное место по отношению к демократии. Об этом говорят такие факты, как затянута разработка основ самоуправления, заложенных в Федеративном договоре, неразработанность разграничения прав и полномочий между субъектами власти и управления, отсутствие механизма адаптации законодательства Российской Федерации по отношению к ее “низшим” эшелонам, особенно к краевому, областному звену, автономному округу и т.д. Все это не могло не сказаться и сказывается на положении в обществе, являясь одним из источников политической и психологической нестабильности, вызывая конфликты между субъектами Федерации, в конечном счете ставя под удар развитие демократических начал.

Сложившаяся ситуация убедительно свидетельствует о необходимости и важности разработки системы адаптации федеративного законодательства к автономии. О такой необходимости заявляют главы администраций автономий. Они считают, что создание механизма адаптации общедоинерального законодательства – одна из первоочередных задач правового обеспечения возрождения народов Сибири.

Выделим основной принцип адаптации федерального законодательства к правовой структуре автономного округа. В качестве такого принципа можно назвать *принцип целостности и непротиворечивости федерального законодательства и правовых институтов автономии*. Этот принцип не означает механического сложения самостоятельных и независимых друг от друга законов и подзаконных актов разных уровней и соответствующих им механизмов реализации, скажем, правовой базы республики, края и автономии. Здесь не подходит принцип правового суверенитета, т.е. независимости. Принцип целостности также не означает повторения прежней правовой системы, в которой целостность права отождествлялась с унифицированным и жестко централизованным характером общедоинерального законодательства и соответствующего ему способа правоприменения. В основе анализируемой адаптации законодательной базы России лежит методологический принцип взаимодействия общего, особенного и единичного, когда общее не поглощает качественные характеристики особенного и единичного, а напротив, дает им возможность развиваться в рамках общих, принципиальных положений законодательной базы Федерации. В данном случае особенное и единичное законодательство (скажем, правотворческая база республики, края, автономии) не вступает в противоречие с общедоинеральным законодательством, а служит важнейшим каналом развития и обогащения последнего, и, вместе с тем, существует одновременно с ним как специфический уровень единой правовой системы.

Анализ проблем адаптации федерального законодательства применительно к автономии, в частности принципа целостности, предполагает также анализ проблем самоуправления, которые имеют внутреннюю связь и взаимообусловленность с проблемами адаптации. Действительно, если не будет создана система самоуправления на уровне автономии, то и система адаптации останется пустой декларацией. Здесь особую роль играют два принципиальных положения (условия), которые необходимы для реализации системы адаптации на практике.

Прежде всего речь идет о *создании четырехуровневой системы правоприменения* (частично такая система уже создана). Первый ее уровень определяется статусом первичной общности, этнического коллектива. На этом уровне механизм самоуправления реализуется непосредственно каждым конкретным человеком с учетом его личных качеств и интересов в рамках прав и полномочий, предоставленных этнической общности. Второй уровень – это самоуправление в границах автономного округа в рамках делегированных ему и сформулированных им прав и полномочий. В соответствии с этими двумя уровнями самоуправление на территории округа осуществляется: а) самим населением через собрания, сходы граждан, местные референдумы, иные формы непосредственной демократии; б) местными представительными органами власти и местной администрацией (городского, районного, сельского, поселкового звеньев); в) органами территориального общественного самоуправления. В осуществлении местного самоуправления участвуют общественные объединения граждан, созданные в установленном законом порядке. Третий уровень – краевой (областной) с присущей ему системой прав и полномочий. На этом уровне обеспечиваются потребности автономии, осуществляется координация социально-экономического развития края (области) как целого. Четвертый уровень – федеральный.

Каждый территориальный уровень власти и управления входит в общую систему не как арифметическое слагаемое, а как качественный уровень с только ему присущим правовым статусом. Такой подход и созданная с его помощью система позволяют преодолеть две имеющиеся сегодня крайности: с одной стороны, избежать такой формы самоуправления, когда оно лишь на словах является таковым, а на деле централизовано; с другой – предотвратить сепаратизм, распад всей системы федеративного управления. Данный подход придает всей системе управления и, главное, отдельным ее уровням форму саморазвития (каждый уровень – звено общей цепи самоуправления), одновременно освобождая их как от диктата административно-командного управления, так и от жесткой патерналистской политики.

Этот принцип предполагает реформирование правовой базы, создание собственных (на уровне автономии) структур управления. Созданное относится в первую очередь к ключевым проблемам жизнедеятельности народов Севера, и одной из них является проблема использования природных ресурсов территорий. С учетом этого целесообразно сформировать новую правовую и структурно-управленческую базу. Такой подход помогает выйти на новый тип федерации, основывающийся на диалектической взаимосвязи централизованного и децентрализованного типов управления, что, в свою очередь, придает устойчивость развитию каждого субъекта Федерации и демократических процессов в целом.

Далее, адаптация федерального законодательства применительно к автономии требует *создания условий, необходимых для правовой самоопределенности и самостоятельности автономии*. Иначе говоря, речь идет о системе полномочий, закрепляющих право автономии на собственное правотворчество в рамках полномочий Федерации. В этом случае возникает предмет адаптации, ее фактическая основа. При таких полномочиях автономия относительно самостоятельна не только в социально-экономической сфере самоуправления, но и в сфере законодательной, правотворческой.

Содержание этого направления самоуправления раскрывается в следующих основных положениях:

- конституционности и законности;
- демократизме и социальной справедливости;
- первоочередной защите прав и интересов человека, личности, гражданина;
- равенстве всех живущих на территории автономии граждан Российской Федерации перед законом и судом;
- оптимальном сочетании личностных, национальных, государственных и общественных ценностей и интересов;
- свободном волеизъявлении представителей всех этносов, населяющих автономию при выборе форм своего самоопределения;
- свободе национального развития каждой, населяющей автономию, народности, национальной, этнической группы на основе взаимного уважения и доверия;
- учете мест компактного проживания аборигенного и коренного населения при формировании административно-территориального устройства автономии и государственно-правовых структур на его территории.

Существенное место занимает право территориального верховенства. Автономный округ имеет свою территорию и определяет собственное административно-территориальное деление. Границы округа не могут изменяться без его согласия. Согласие считается полученным, если за него проголосует не менее двух третей депутатов окружного законодательного органа.

Формирование правовой базы по приоритетным направлениям

В сложившихся условиях среди приоритетных зон правового регулирования этносоциальных отношений выделяются правовая защита самобытной культуры, традиций, языка и других компонентов бытия этноса, а также правовая защита окружающей среды территорий.

Экологическая проблема является наиболее острой. Ключевым направлением стабилизации развития выступает правовое регулирование природопользования на уровне автономии как субъекта Российской Федерации. Сегодня воздействие на окружающую среду в основном неорганизованное и неконтролируемое. Реализации стратегии некризисного развития будет способствовать формирование системы эффективного регионального экологического законодательства. В этом случае законодательство должно регулировать такие стороны жизнедеятельности сообщества региона, т.е. государственного образования, составляющего автономный округ, как региональная экологическая политика, специфические потребности населения региона и его этнических групп, территориально-экологическое нормирование, экономика природопользования, механизм правоприменения, сохранение и развитие инфраструктуры региона.

В рамках законодательной программы следует предложить

- разработать систему государственного, производственного и общественного контроля, обеспечивающую неотвратимость ответственности за нарушение правовых норм;
- создать систему экологической экспертизы (на региональном и местном уровнях) и механизм принятия решений на ее основе;
- сформировать систему экологического мониторинга и аудита действующих предприятий, позволяющую без существенных затрат достигать позитивных результатов за счет рационального использования имеющихся средств и возможностей.

Анализ принципов охраны окружающей природной среды, сформулированных в ст. 3 Закона Российской Федерации “Об охране окружающей природной среды”, позволяет высказать ряд серьезных критических соображений. Прежде всего, характеристика этих принципов в природоохранном законодательстве имеет “ослабленный” общеправовой статус. Очевидно, это связано с тем, что законодатель, стремясь учесть специфику экологического права и сферу его действия, упустил из виду ряд общих положений права, таких как, например, принципы эквивалентности участников правоотношения (равной меры в возмещении причиненного ущерба), неотвратимости наказания и всеобщности права. В законодательстве также опущен один из существеннейших принципов права – принцип равноправия субъектов Федерации как участников правовых отношений. Следует подчеркнуть, что принцип равноправия субъектов Федерации особенно значим для регионов и автономных округов.

Проанализируем кратко основные принципы, которые, по нашему мнению, должны быть базовыми составляющими региональной правовой экологической концепции.

Принцип равноправия субъектов, участвующих в правовых отношениях по поводу охраны окружающей природной среды, отсутствующий в законе, чрезвычайно важен. Суть его состоит в том, что при вступлении в правоотношение, предметом которого являются природопользование и охрана окружающей среды, реализации или прекращении данного правоотношения ни у одного из его субъектов не может быть выгод либо преимуществ, ни один из них не может быть дискриминирован. Только в таком случае отношения между субъектами по поводу экологии могут быть действительно правовыми. Это касается как органов государственной власти Федерации, так и региона (автономии), предприятий, учреждений и граждан.

Анализ правоприменительной практики показывает, что этот принцип нередко нарушается, причем, как правило, ущемляются интересы и потребности региона. Особенно дискриминируются права его населения, связанные с благополучием и здоровьем людей. Это в равной мере относится как к автономии, так и к краю, области Сибири. Например, жители Кемеровской области оказываются в неравноправном положении по отношению к природопользователям, которые нередко превышают предельно допустимые нормы воздействия на природную среду, создают опасность для здоровья людей, т.е. грубейшим образом нарушают права человека. При этом существующий правовой механизм ответственности за подобные нарушения не позволяет защитить жителей таких территорий, не может привести субъектов в равноправное положение. Нарушение в этом случае состоит также в том, что правовая деятельность федеральных структур, их экономическая и правовая политика значительно сильнее региональных. По большому счету, в регионах такая политика нередко просто отсутствует.

Принцип эквивалентности, или адекватности, компенсации причиненного вреда не вошел в состав основных принципов охраны окружающей среды вышеназванного закона. На наш взгляд, отсутствие этого принципа ослабляет всю конструкцию природоохранного законодательства, но особенно это сказывается на эколого-правовой защите региона, поэтому данный принцип можно также назвать региональным. В самом деле, в интересах региона и сохранения его окружающей среды способствовать созданию и реализации такой правовой базы, которая при назначении наказания за экологическое правонарушение обеспечивает соразмерность наказания содеянному, естественно, в зависимости от специфики местных условий. Пожалуй, нет сегодня более массового явления в природоохранительной практике, чем диспропорция между вредом, причиненным природе или здоровью человека, и поистине мизерной штрафной или иной санкцией за содеянное. Поэтому корректирование всей нормативно-правовой базы с учетом принципа эквивалентности компенсации – необходимое условие создания эффективной системы законодательства. Только в этом случае нарушение станет не на словах, а на деле экономически невыгодным.

Одним из центральных принципов региональной правовой концепции является *принцип неотвратимости наказания за экологическое правонарушение*. Известно, что особенность права вообще и экологического в частности заключается в том, что оно не только устанавливает нормы поведения, но и контролирует их соблюдение, обеспечивает наказание нарушителей. Если у экологического права отнять эту функцию, оно теряет свою специфику, утрачивает смысл, властные распоряжения превращаются в пожелания.

Правовые технологии: метод построения эффективных правовых институтов автономий

Принципиально важное место в новом видении теоретической основы правовой регуляции этносоциальных отношений занимает правовая технология как *метод* и процедура построения эффективных и рациональных правовых институтов и систем. Следует сказать, что в отечественной

социально-философской и юридической литературе проблемы правовой технологии практически не разработаны. Общие концептуальные положения социальной технологии проанализированы на Западе, прежде всего в работах неопозитивистов, в частности К.Поппера. В то же время специальные вопросы, которые рассматриваем мы, в западной литературе не освещаются. Иначе говоря, это, по существу, новая теоретическая проблема.

Что же дают положения правовой технологии, ее принципы и способы реализации? Прежде всего, применение правовой технологии позволяет по-новому подойти к проблеме адаптации права. Если принцип целостности помогает раскрыть внутреннюю логику цивилизованной формы адаптации, то применение правовой технологии, ее принципов показывает, каким образом в конкретном национально-государственном образовании проявляется эта логика. Предметом действия правовой технологии является не исторический процесс в целом, а его конкретно-исторические формы, “микроисторические” отношения и среда. В нашем случае в качестве такой среды выступают автономия, жизнедеятельность малочисленных народов, их этнические, социально-экономические и правовые особенности. Социально-экономическая ситуация и жизнедеятельность Российской Федерации выступают здесь в качестве макросреды. Такой подход позволяет сосредоточить внимание не на общефедеральном законодательстве и механизме его реализации, а на правотворчестве, законах и подзаконных актах автономии. Первостепенной становится проблема *эффективности* правового поля автономного округа. В данном случае нас интересуют не природа и происхождение федерального законодательства по вопросам правоохранения, а эффективность правовых норм на территории автономии и соответственно разработка мер и внесение предложений по совершенствованию правоохранительной деятельности на территории автономии. Все это и есть приемы и способы адаптации федерального законодательства применительно к условиям автономного округа.

Правовая технология основывается на ряде принципов, которые позволяют полнее представить ее значение и роль в конструировании правовой базы автономий. В качестве таких принципов выступают

- *принцип активности правовых институтов автономии* (эти институты, естественно, базируются на общефедеральном законодательстве, адаптированном к специфике автономии). Реализация данного принципа позволяет ввести право в активную зону действия, исключив из него идеологию, вмешательство чиновников и т.д.;

- *принцип непосредственного единства субъективного и объективного*. В данном случае осуществляется требование всестороннего учета этнических особенностей, объективной и субъективной специфики жизни и условий автономного округа, причем не вообще специфики, а именно той, которая сложилась на момент правоприменения. Такой прием позволяет сформировать адекватные формы действия права, значительно повысить эффективность правовой адаптации;

- *принцип поэтапности, постепенности изменения и совершенствования правовых структур*. Соблюдение этого принципа правовой технологии позволяет снять иррациональность права в целом и отдельных юридических норм. Дело в том, что при поэтапном, постепенном изменении правовых норм население автономии успевает осознать эти изменения, заранее подготовиться к ним и тем самым приспособиться к предполагаемым изменениям в правовом поле. Применение правовых технологий как механизма адаптации прав позволяет сформировать у малочисленных народов уверенность в том, что любые изменения в законодательстве не несут с собой нежелательных, а то и просто разрушительных последствий. Иначе говоря, это придает стабильность жизни и развитию автономий.

Относительно правовой технологии как метода и процедуры изменения правовых институтов интересен зарубежный опыт в области правового регулирования жизнедеятельности малочисленных народов, в частности опыт Канады. В этой связи следует упомянуть такой правовой акт, как “Принципиальное соглашение между инуитами Нунавутской населенной зоны в лице Тунгавикской Федерации инуитов и Ее Величеством Королевой Канады” Этот документ имеет важное значение в плане возможного использования отдельных его положений в процессе совершенствования правовой базы автономии, и особенно в процессе создания современной, на уровне мирового опыта, системы механизмов адаптации федерального законодательства к правовой базе автономии. Основные достоинства Соглашения, которые, на наш взгляд, следовало бы учесть в отечественной практике, таковы:

- комплексное, системное решение всех вопросов жизнедеятельности инуитов, юридическая форма закрепления этих решений в правовых документах;

- договорные отношения между различными уровнями власти и управления как главенствующий принцип Соглашения;

- четкая и последовательная технологическая база правоприменения;

- тщательно проработанная система взаимной ответственности всех юридических лиц – участников Соглашения.

Можно сказать, что по всем этим направлениям соглашение заметно превосходит многие отечественные правовые документы и заложенные в них элементы правовой технологии.

Проведенный анализ теоретических проблем правового регулирования этносоциальных отношений и процессов дает возможность выявить и объяснить основные вопросы, решение которых необходимо для создания современной правовой базы существования этноса. В этой связи следует отметить, что анализ права как системы составляющих его элементов, в основе которых лежит учет объективных потребностей и интересов этноса, составляет теоретико-методологическую базу для всей системы правового регулирования этносоциальных процессов. Далее, решение теоретической задачи, которая позволяет объяснить устойчивое функционирование юридических норм, является способом разрешения проблем неустойчивости и субъективизма в сфере права, с которыми сталкиваются в наше время малочисленные народы Сибири. Исследование вопросов адаптации федерального законодательства применительно к специфической природе жизнедеятельности автономных образований вскрывает механизм создания эффективной правовой базы этих образований. И наконец, рассмотрение правовой технологии как метода и процедуры изменения и построения правовых институтов автономии помогает избежать волюнтаризма и стихийности в формировании правовых актов в условиях рынка и ослабленной защиты этнических меньшинств со стороны государства.

Учитывая новизну данной проблемы для отечественной юридической, социально-философской и социологической науки, следует продолжить ее анализ и тем самым создать теоретический и правовой задел для дальнейшего совершенствования законодательства автономий, превращения его в эффективный инструмент действия местной власти и управления.

Примечание

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 98-03-04404).

В.Р.Фельдман
(г. Кызыл)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Не секрет, что материальное благосостояние и перспективы духовного развития всех этнических общностей России, решение проблем, связанных с их взаимоотношениями, в огромной степени зависят от качественных характеристик российской политической системы, от ее способности выполнять интегрирующую роль. Между тем политическая система Российской Федерации продолжает находиться в “зоне неопределенности”, а ее управленческая эффективность остается низкой. Одним из индикаторов укорененности и эффективности политической системы являются ее легитимность, признание ее большинством граждан в качестве ценности, естественно необходимого социального института. По данным Г.В.Осипова, В.К.Левашова, В.В.Локосова и А.Т.Хлопьева, в России в 1996 г. более 40% граждан “радикально отвергали политическую систему”¹. В силу каких причин сложилась и существует такая ситуация? Что затрудняет институционализацию политической системы России?

Как известно, политическая система общества обладает способностью к самоорганизации. Такие системы в точке бифуркации под влиянием различных (в том числе случайных) воздействий могут стремительно изменять свои количественные и качественные характеристики. При этом реализуется одна из потенциально существующих тенденций изменения системы.

Теоретики отмечают, что в результате такой перестройки системы ее новые форма и содержание, как правило, не совпадают с намеченными². Несовпадение цели и результата социальных изменений чаще всего демонстрируют истории революций и других быстрых радикальных преобразований системного характера. Не исключено, что темпы преобразования социальных систем, способных к самоорганизации, имеют решающее значение для изменения системы в неожиданном для революционных оппозиций или правящих групп направлении. В ситуации крайней неравновесности системы осуществлять контролируемые изменения, учитывать весь спектр факторов возможно, на наш взгляд, только при наличии объективной

и полной информации. Гипотетически можно предположить, что чем выше темпы качественных изменений системы, тем слабее их информационное обеспечение, тем вероятнее перестройка системы под влиянием случайных воздействий.

В анализе изменений политической системы, по нашему мнению, следует учитывать также цивилизационные, социокультурные и психологические основы властных отношений. Говоря об их социокультурном контексте, мы имеем в виду сформировавшуюся в условиях автократии привычку беспрекословно, рабски повиноваться властям, укоренившийся стиль управленческой деятельности (например, администрирование, командование, принуждение, бескомпромиссность), правовые нормы и нормы нравственности, образцы взаимоотношений властвующего и подвластного субъектов, уровень и характеристики общей и политической культуры населения, религиозные представления, традиции, темпы развития производительных сил и др. На изменение (или сохранение) сложившихся отношений влияют и иррациональные социально-психологические факторы, например страх перед властью или вера в харизму политического лидера.

С нашей точки зрения, политический радикализм российских реформаторов-либералов, их чисто технократический подход к преобразованию России обусловили неожиданный результат стремительной трансформации российской политической системы (формы органов государственной власти и нормативно-правовой базы). Политическая система России стала "открытой", однако не подлинно демократической, а номенклатурно-капиталистической. Нам представляется вполне убедительным мнение К.Холодковского о том, что в России "за демократическим фасадом скрывается в основном кланово-корпоративное олигархическое государство с заметными авторитарными тенденциями"³

В России до сих пор в массовое сознание внедряются мифы, ложные теоретические конструкции и установки. В юридической литературе политическая система современной России определяется как подлинно демократическая, констатируется наличие в стране всех признаков демократического общества⁴. Но авторы принимают желаемое за действительное, абстрагируются от социокультурного контекста, особенностей процесса самоорганизации системы после начальных интенсивных изменений ее структурных составляющих. Вряд ли можно оспорить вывод о том, что изменение социокультурного контекста отношений власти и общества, укоренение демократической политической культуры значительно отстают от процессов преобразования органов государственной власти, формирования нормативно-правовой основы новой политической системы.

Политическая система Тувы является составляющей политической системы Российской Федерации. Ей присущи такие характеристики российской политической системы, как способность к самоорганизации, легальный политический рынок, становление ценностно-ориентационного многообразия, отсутствие доминирующей политической идеологии, значительное расхождение политической культуры города и сельской местности, широкое представительство бывших номенклатурных чиновников в органах исполнительно-распорядительной и законодательной власти и др. Последнее обстоятельство, по нашему мнению, затрудняет преодоление традиционной, авторитарно-бюрократической, политической культуры в Туве, тормозит углубление в республике тенденций институционализации демократической политической культуры. Традиционный, авторитарно-бюрократический тип политической культуры проявляется в Туве со стороны как властвующих, так и подвластных субъектов (привычка беспрекословно повиноваться властям).

Сложность институционализации демократической политической культуры в Туве связана не только с крайне тяжелым состоянием экономики республики⁵, качественными характеристиками правящей бюрократии, отсутствием реальных механизмов вовлечения населения республики в осуществление различных форм контролирующей деятельности в системе власти и других социальных сферах, но и с фундаментальной укорененностью в сознании социальных субъектов традиционной, авторитарно-бюрократической, политической культуры. Процесс формирования такой культуры в Туве начался, с нашей точки зрения, задолго до вхождения Тувы в состав Советского Союза или образования Тувинской Народной Республики. Мы полагаем, что становление этого типа политической культуры в Туве уходит своими корнями в конец III в. до н.э. Именно тогда племена, проживавшие на территории современной Тувы, были включены в состав кочевой империи Модэ⁶. С тех пор и до второй половины 80-х годов XX столетия Тува либо входила в состав государств с автократическими системами, либо развивалась самостоятельно с устойчивой тенденцией усиления авторитаризма и бюрократизации политической системы общества⁷.

Ретроспективный взгляд на политическую историю Тувы обнаруживает явный перекося в сторону организации ее политической системы в ущерб процессу самоорганизации. Спонтанность выбраковки неэффективных элементов политической организации, замена их более эффективными почти не

наблюдаются. Исключением можно считать (до либерализации политической системы СССР) образование в Туве первых Советов. Здесь мы видим тесное переплетение процессов организации и самоорганизации (демократических инициатив трудящегося населения Тувы)⁸

В период с декабря 1991 г. по 1993 г. произошла стремительная трансформация политической системы России и соответственно Тувы. Сложилась реальная возможность включения в процесс поддержания основных параметров российской политической системы механизмов самоорганизации. Эти механизмы действительно заработали, однако продуктами их активности стали, в частности, тенденция дестабилизации политического процесса, фрагментация власти, формирование в ряде регионов России корпоративно-бюрократических группировок, приступивших к разделу власти, собственности и восстановлению привычной системы привилегий⁹. Мы полагаем, что сложившееся положение дел стало следствием сознательной политики Центра, спешившего “в сжатые сроки” пройти стадию первоначального накопления капитала – без должной нормативно-правовой базы, эффективного государственного и демократического контроля за процессами приватизации. Не исключено, что одной из главных причин нестабильности политической системы России, возникновения локальных кризисов отношений власти стали фактическое ограничение политическим руководством страны сферы самоорганизации при нормативно-правовом закреплении возможности проявления самых разнообразных легитимных инициатив в политической подсистеме общества, подозрительность и даже враждебность многих чиновников к оппозиции, неспособность номенклатурно-бюрократического сознания идти на диалог, искать разумный компромисс даже в крайне тяжелой социально-экономической ситуации¹⁰

Положение дел в России сегодня настолько осложнилось, что крайне трудно высказывать конструктивные идеи без риска полной невозможности их воплощения. Остается выразить надежду, что политическая система России все-таки выйдет из “зоны неопределенности” и будет ориентироваться на общество, в центре которого находится Человек, а не неконтролируемые “фурии частного интереса” и корпоративно-бюрократические группировки. От этого, на наш взгляд, будет зависеть судьба этносов Сибири, их развитие и процветание в гармоническом взаимодействии между собой и с природой.

Примечания

¹ См.: Осипов Г.В., Левашов В.К., Локозов В.В., Хлопьев А.Т. Перестройка и радикальные реформы: десять лет спустя // Социально-полит. журн. – 1996. – № 1. – С. 183.

² См.: Аршинов В.И., Свицкий Я.И. Философия самоорганизации: новые горизонты // Обществ. науки и современность. – 1993. – № 3; Венгеров А.Б. Синергетика и политика // Там же. – № 4; Гомаюнов С.Г. От истории синергетики к синергетике истории // Там же. – 1994. – № 2; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике // Вопр. философии. – 1997. – № 3; Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // Обществ. науки и современность. – 1997. – № 2; и др.

³ Холодковский К. Политическая институционализация: процессы и противоречия // Мир. эк-ка и междунар. отн-ния. – 1988. – № 1. – С. 42.

⁴ См.: Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. В.В.Лазарева. – М., 1997. – С. 17.

⁵ См.: Балакина Г.Ф. Развитие хозяйственного комплекса и социальной сферы в Республике Тыва в период реформ // Круг знания: Научно-информационный сборник. – Кызыл, 1998. – Вып. 1.

⁶ См.: История Тувы. – М., 1964. – Т. 1. – С. 36.

⁷ См.: Аранчин Ю.Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. – Новосибирск, 1982; История Тувы. – М., 1964. – Т. 2. – С. 168–171; Основной закон (Конституция) Тувинской Аратской Республики. – Кызыл, 1931; и др.

⁸ См.: Дубровский В.А. Первые Советы в Туве. – Кызыл, 1978.

⁹ См.: Демидов В.А. Россия. Президентская республика. 1993–1996. – Новосибирск, 1998; Работяжев Н.В. К вопросу о генезисе и сущности номенклатурного капитализма в России // Мир. эк-ка и междунар. отн-ния. – 1998. – № 2; Севортьян Р.Э. Фрагментация власти – угроза государству // Там же. – 1997. – № 12.

¹⁰ См.: Холодковский К. Политическая институционализация... – С. 47.

Л.Г.Олех
(г. Новосибирск)

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДНОСТИ¹

Современный мир находится на переломе. Меняется система ценностей: индустриализм, сопротивляясь, уступает место информационным социальным процессам. В состоянии перехода к постиндустриальной цивилизации находится и Россия. Но став узлом мировых противоречий, приобщаясь к общепланетарному вектору, она пытается определить и свое собственное направление предстоящего развития. Сегодня в России углубляется системный кризис, охвативший все сферы общественной жизни, в ней наблюдается состояние хаоса, она приближается к той бифуркационной точке, где предстоит делать судьбоносный выбор, ориентироваться на оптимальный вариант социального порядка. Задача заключается в выработке вероятностного прогноза, построении продуманной концепции назревших перемен, конструировании модели социального сдвига.

Та разновидность социализма, которая существовала в СССР, оказалась неэффективной, тупиковой, проигравшей реальное соревнование с развитыми капиталистическими странами. Коммунистическая перспектива обернулась мифом. Был предложен вариант решения проблем за счет потенциала рынка. Он рассматривался как панацея, как средство и цель без каких-либо изъятий: рынок сам решит все проблемы, регулирование со стороны государства, властных структур не нужно. Но жизнь показала, что предложенная модель является не менее мифологичной, чем предшествовавшая ей конструкция советского социализма. Требуется новый поиск и в науке, и в политике.

Для решения назревших проблем, оптимального осуществления переходных процессов необходимо наличие и активное функционирование сильной политической власти, *могущественного федеративного государства*. Это следует рассматривать в качестве аксиомы гносеологического и политического свойства.

Возникает вопрос о методологии исследования указанного политического переходного процесса и государственного устройства и определения эффективных принципов федерирования. В отношении методологии мы исходим из необходимости использования цивилизационного подхода, в который в снятом виде входит и формационный. Но если формационный подход ориентирован на скачки, на ступени различного качества, то цивилизационный *сосредоточен на непрерывности, социальном наследовании, общечеловеческом, не игнорируя и качественных различий социумов*.

Цивилизационная методология концентрирует внимание не на способе производства, а на способе общения, целях и средствах общения, культуре. Ее пафос – не объективная сторона процесса, а его субъективный срез (социальные группы, человек, личность). Делая акцент на этих составляющих, она особо отслеживает закономерности преемственности, формы их проявления, опыт вообще, и опыт политической жизни в частности. Цивилизационный методологический подход отдает предпочтение личности перед любыми общностями независимо от их уровня и сферы нахождения – перед этническими, политическими и иными. С учетом перспективы предстоящего социального развития, прогнозируемых переходных процессов в иерархии ценностей среди всех (политических, экологических, этнических и др.) на первый план, в полном созвучии с кантовской установкой о том, что человек является социальной целью, выдвигается личностная ценность.

Опираясь на указанную методологию и отталкиваясь от уже имеющегося в России опыта политических реформ, мы приходим к ряду заключений. В бифуркационной точке в свернутом виде, потенциально, а при определенных условиях и реально *присутствуют все ступени формационного развития человечества* в рамках цивилизации, где наличествовал механизм формационности. Это один из законов, действующих в условиях социального хаоса и поиска оптимальной разновидности порядка. На постсоветском пространстве при формальном повышении государственного статуса этносов происходит движение к натуральному хозяйству – у малочисленных народов, к рабовладению и феодализму – в республиках. Одна из причин этих явлений – чрезмерная дробность административных единиц, субъектов Федерации (их насчитывается 89). Такая дробность субъектов, с одной стороны, позволяет центральной власти гасить инициативу мест, несмотря на собственную слабость, навязывать им свою волю, бюрократический стиль управления, а с другой – препятствует децентрализации власти, которая реально ведет и к усилению власти Центра, и к возрастанию могущества провинции. Расширить узкое место позволит обращение к политическому опыту общецивилизационного характера, и особенно к опыту административно-территориального деления в России.

Следует сделать замечание относительно принципов федерализации в мире. Речь может идти об административно-территориальном или национальном делении. Последнее является основой федеральных конфликтов и неустойчивого развития. Примеры тому – Индия, Канада, бывшие СССР и Югославия. Рассмотрение этого вопроса требует как исторического, так и актуального анализа, уточнения категориального аппарата. В литературе есть суждение относительно целесообразности рассмотрения категории “субъект Федерации” как политико-правовой и категории “регион” как экономико-географической. Каждая из них имеет свое специфическое содержание и преимущественное отношение к той или иной социальной сфере. В переходных процессах субъект Федерации и регион могут обладать разными количественными и качественными характеристиками, адаптироваться к разным формам государственного устройства. Поэтому особый интерес представляют исторический опыт развития российской государственности и ее отношение к территориальному и этнополитическому факторам.

Единицы административно-территориального деления, не утратившие своего актуального статуса, начали складываться в России несколько столетий назад. В 1708 г. Петр I поделил территорию страны на восемь губерний. Они вполне достойны современного статуса регионов, хотя их экономический базис качественно отличался от базиса современных административно-хозяйственных единиц общества, переходящего от индустриальной цивилизации к информационной. Крупные территории были представлены Московской, Ингерманландской, Архангелогородской, Киевской, Смоленской, Казанской, Азовской и Сибирской губерниями. Проходит еще 11 лет, и появляется новый уровень административно-территориального деления: губернии поделены на 42 провинции. В 1745 г. в России насчитывалось уже 16 губерний, делившихся, в свою очередь, на 69 провинций, на земли донских казаков, украинской линии, городских полков, Запорожской Сечи и Новой Сербии.

В первой половине XIX в. появляются генерал-губернаторства, объединявшие ряд губерний. В Сибири к этому времени существуют Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства. Благодаря реформе М.М.Сперанского осуществлялась определенная децентрализация страны, генерал-губернаторы наделялись огромными полномочиями. Такое административно-территориальное деление выступало надежным противовесом бюрократическим поползновениям Центра, всесилию министров. Любые инициативы Центра, касающиеся изменений в генерал-губернаторствах, требовали заключения властной структуры на месте (экспертной оценки) по законодательному материалу, внедрявшемуся в данном суперрегионе.

В конце XIX в. функционировали генерал-губернаторства крупных экономических районов – Иркутского, Приамурского и Степного края. Генерал-губернаторы в этих административно-территориальных единицах имели право корректировать общие законы с учетом специфики своих регионов.

Отмеченная традиция может действовать в контексте не только унитарного, но и федерального государства. Генерал-губернатор или лидер другой аналогичной территориальной структуры перед центральной властью мог представлять и отстаивать более общие, межрегиональные, более глубокие и существенные интересы, чем это было по плечу представителям меньших административно-территориальных единиц.

После краха Российской Империи тенденция формирования крупных административно-территориальных единиц проявилась в политике Российской Федерации. В декабре 1917 г. был организован Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ). В следующем году он приступил к разработке вопросов экономического районирования исходя из признания устаревшим деления страны на губернии и уезды. В состав комиссии, занимавшейся проблемами районирования вошли крупные хозяйственники и политические деятели – И.Г.Александров, М.Ф.Владимирский, Г.М.Кржижановский и др.

Комиссия констатировала отсутствие удовлетворительной общей теории районирования и занялась разработкой необходимой концепции. Положения, выдвинутые комиссией, не утратили актуальности до нашего времени. Поиск методологии сопрягался с выявлением культурно-экономического базиса предстоящего районирования. Был предложен комплексный критерий деления территории государства, в который включались следующие показатели: сосредоточение промышленности, мелкорайонное деление территории по принципу тяготения населения к промышленно-распределительным пунктам, направление и характер путей сообщения (железнодорожных, водных, шоссейных и др.), численность населения, национальный состав населения.

Методологическая установка комиссии должна восприниматься как диалектическое единство общего и особенного. При переосмыслении вполне работают принципы демографический, этнографический, производственный. Деление территории по принципу тяготения населения к собственному региональному центру – один из важных компонентов реализации модели устойчивого развития на уровне административно-территориальной единицы. Под устойчивостью понимаются сбалансированность

коэволюции природы и региона, поддерживаемое развитие, охрана окружающей среды и субъективизация региона, активность его элиты и населения. Это касается и безопасности, трактуемой как достижение ценностей свободы и справедливости, в том числе и во взаимоотношениях между Центром и периферией.

Проблема федерализации не могла решиться на узкоэкономическом базисе, – это было ясно комиссии. Для оптимального решения вопроса следовало действовать с позиций социокультурной методологии, обеспечить многообразие и взаимодействие культур, создание гуманного, гуманитарного пространства регионов. Но для реализации такого подхода в полном объеме к началу 20-х годов условия еще не созрели. Тем не менее И.Г.Александров констатировал: “Для нас важно глубокое, основное членение государства на такие области, которые бы обладали значительной степенью хозяйственной самостоятельности. Такая постановка диктуется теми соображениями, что для крупного государства невозможно достигнуть всестороннего хозяйственного расцвета, если к строительству его экономики не были привлечены все силы государства, это почти невозможно сделать при вполне централизованной структуре. Необходимо, чтобы на местах билась новая жизнь, чтобы местным людям был предоставлен достаточно широкий круг влияния и достаточно большая компетенция”²²

Комиссия сделала первые шаги в плане приближения государственного устройства к заботе о человеке, гражданах и стимулированию их активности, к обеспечению субъективизации регионов. Регион трактовался как единое эколого-экономическое пространство, как целостная социокультурная территория. Обоснование необходимости разделения страны исходило из фактической невозможности решать все задачи переходных процессов из Центра. Принцип субсидиарности рассматривался как важнейший в федерировании страны, в организации управления и самоуправления непосредственно в больших районах.

В 20-е годы в СССР существовали районы индустриальные (Центральный Промышленный, Уральский), сельскохозяйственные (Западный, Юго-Западный) и смешанные (Дальний Восток, Кавказ). Задача районирования заключалась не только в использовании преимуществ регионального разделения труда, но и в преодолении негативных последствий узкой специализации. В разных частях страны районообразующие факторы имели присущую только им специфику. В Кузбассе, например, она определялась угледобычей, позднее металлургическим производством. Эта специфика влияла на состав населения, типы расселения, образ жизни и другие обстоятельства, вытекавшие из наличной производственной культуры и культуры в широком смысле слова.

Производственная специализация детерминировала развитие наиболее важных для региона отраслей, отражающих экономико-экологический профиль региона. Сама же специализация зависит от ресурсно-сырьевой и энергетической базы, природного и человеческого потенциала, интеллектуальных и нравственных возможностей регионального социума, транспортных условий, инфраструктуры и т.д. Со специализацией связана и подлежащая решению проблема трудоизбыточности или трудонедостаточности, стимулируемых миграционными процессами.

Тридцатые годы внесли существенные коррективы в процессы государственного строительства в СССР. Эти коррективы были обусловлены тенденциями тоталитаризации, а затем авторитаризации политического режима в стране. Верховной власти не требовались инициатива, реальное управление и самоуправление на местах. Государственный механизм стал функционировать по преимуществу на основе вертикальных связей. Из Центра на места уходили распоряжения, обязательные к выполнению, а местные власти, в свою очередь, рапортовали об исполнении поступивших к ним указаний. Это порождало потоки лживой информации и обуславливало процесс дробления административно-территориальных единиц. Слабые субъекты Федерации не представляли реальной угрозы для Центра.

В конце 80-х годов наблюдается волна новых перемен, которые квалифицировались как трансформации в политической системе, ведущие от тоталитаризма и авторитаризма к демократическому устройству. Формой государственного устройства Конституция 1993 г. провозгласила правовое государство, демократическую Федерацию. Процессы, происходящие в контексте переходности, обозначены рядом тенденций, результатом которых может быть либо возрождение унитарного государства, либо создание сильной власти в Российской Федерации (или стоящей на пороге распада конфедерации). В значительной степени судьба государства зависит от того, правильна или ошибочна региональная политика, выработана ли система нормативно-правовых установлений (в том числе и на региональном уровне), от характера и содержания взаимоотношения между Центром и периферией.

При выработке курса федерализации нельзя недооценивать фактор полиэтничности. Конституционным признаком федерализации должно быть право наций на самоопределение, понимаемое как допущение для субъектов Федерации самим определять характер политического устройства в своем ареале, осуществлять самоуправление. Ведомства на территории должны быть переподчинены регионам, надо четко решить вопрос о принадлежности разных видов собственности и ресурсов Центру и местам. Федеративные законы о самоопределении должны предусматривать принцип культурно-национальной автономии,

реализуемый в пространстве разных форм этнического самоопределения. Для предотвращения распада России национальные интересы народов страны следует ввести в русло согласования, совершенствования взаимовыгодных отношений Центра и периферии, всех регионов. Существующая асимметрия (21 республика, ведущие торг с Центром) может давать и положительный результат, но только в тактическом аспекте. При ориентации на стратегические задачи главными регуляторами призваны быть Конституция РФ и Федеративный закон. Непродуманность правовых основ региональной политики может иметь резко отрицательный характер, обострять социально-этническую неустойчивость, нарушать государственную безопасность.

Формула “берите столько суверенитета, сколько осилите” порочна в своей основе. Суверенитет принадлежит Российской Федерации в целом. Федерация – это союз территориальных гражданских ассоциаций. А субъектами Федерации должны быть все ее граждане без исключения, независимо от этнической, профессиональной, классовой, религиозной или какой угодно другой принадлежности. Суверенность титульных наций нередко оборачивается бесправием множества других этносов. Но гражданин лишь тогда является субъектом Федерации, когда его права защищены Конституцией.

Переход к данной политической конструкции возможен лишь при условии становления, развития и функционирования действительного гражданского общества. Последнее культивирует преобладание горизонтальных связей (между гражданами, ассоциациями, регионами и др.) и минимизирует, оставляя лишь необходимые, связи вертикальные – между Центром и регионами. В этом случае формы взаимоотношения Центра и периферии достигают оптимального состояния. Но для этого помимо всего прочего надо осуществить укрупнение регионов. Это не чисто политическая задача, это не задача сегодняшнего дня, это ориентация на длительную эпоху переходных процессов.

Укрупнение регионов поведет к реализации их равноправия. Они станут самостоятельными, но в рамках Федерации без права сепарации. Они станут самодостаточными, используя разнообразные ресурсы (природные, кадровые, интеллектуальные), сложившееся разделение труда, обогащающееся в результате становления информационной цивилизации. Федерализм может дополняться конфедерализмом с выходом за существующие государственные границы. В частности, известен вариант такого конфедеративного устройства, прорабатывавшийся японскими учеными. Речь идет о союзе с использованием сибирских природных и информационных ресурсов, китайских кадров и японского финансирования и инновационного потенциала. Возможно, это один из вариантов становления единого планетарного социального субъекта, который приведет к более высокому уровню цивилизационного развития, чем нынешний. В рамках больших регионов можно сохранить и оправданные временем политические формы административно-территориального деления (республики, национальные округа и районы, культурно-национальную автономию и т.д.). Достижение результата возможно лишь в рамках исторической перспективы.

Возникает вопрос о критериях формирования укрупненных регионов, отношении к традиционному делению, уважении к имеющимся региональным границам. Он связан и с проявлением “инновационного подхода”, перекраиванием границ, нарушающим социальную стабильность и приводящим к конфликтам, нередко кровавым.

Существует и другая проблема. Каков механизм “установления региона”? Есть ли это центристски-бюрократическая деятельность, воспринимаемая населением как своеволие, неуважение к народу и его исторической памяти, как мероприятие, ведущее к нарушению легитимности в обществе? Или это есть результат деятельности населения, лишенного необходимой для принятия решений политической культуры, имеющий те же последствия, что и первый вариант?

Движение к федерации через регионы предполагает отработку критериев выделения укрупненных административно-территориальных единиц России. Административно-территориальные единицы разного ранга, но, несомненно, масштабные, должны вписываться в “коридор” оптимальности. Население таких регионов может быть только многомиллионным. Для них характерно разнообразие культур и их диалог, приводящий к общему региональному и федеральному прогрессу.

Масштабные регионы будут обладать качествами гибкости и адаптивности. Это особенно важно в условиях переходного периода, когда ломается одна система ценностей и на смену ей приходит другая, когда социокультурное пространство ориентировано на новый идеал. Речь идет именно о той полосе развития, в которой находится нынешняя Россия.

Примечания

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 98-03-04019а).

² Александров И.Г. Экономическое районирование России // Вопросы экономического районирования: Сборник материалов и статей (1917–1929 гг.). – М., 1957. – С. 71.

М.М.Ефимкин
(г. Новосибирск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Исторический путь России и во времени, и особенно в пространстве был сложен и противоречив. Ее первый официальный историограф, Н.М.Карамзин, искал истоки славянства за несколько веков до нового летоисчисления. Исследования академика Б.А.Рыбакова свидетельствуют о том, что славянское общество дважды подступало к стадии формирования государственности: в VI–IV вв. до н.э. и в III–IV вв. нынешнего тысячелетия. По меньшей мере, существование племенной знати, дружинной системы отражало определенные черты славянской государственности¹. Третья попытка славян сформировать государственность, как известно, завершилась успехом. На Востоке Европы возникла великая держава, собиравшая дань как со славянских, так и с неславянских племен. Она вела обширную торговлю от Франции до волжских булгар, до Тегерана и Багдада. То, что по территории Киевской Руси проходил путь “из варяг в греки”, было важным фактором, способствовавшим объединению славянских племен. По этому пути многое было занесено на языческую Русь. Подчеркнем данную особенность нашей страны в становлении ее государственности.

Уже в самом начале своего державного существования Русь занимала огромную территорию. По свидетельству того же Н.М.Карамзина, в самый первый век своего бытия Россия превосходила обширностью едва ли не все тогдашние европейские государства². При этом Российское государство с самого начала формировалось как полиэтническое. Включая в себя разные этнические образования, Киевская Русь представляла собой определенный политический союз, решавший помимо прочих и общие для многих народов задачи совместного выживания и обороны.

Результатом начавшихся в XII в. распада и дробления Киевской Руси стало возникновение большого количества суверенных государственных образований, ведущих постоянную борьбу за собственное выживание с экспансионистскими устремлениями Северо-Запада Европы и “степи”. Под влиянием сложившихся геополитических и естественно-исторических факторов центр интеграционных процессов перемещается на Восток. Москва геостратегически становится основой объединения и формирования политического и военного союза для решения задач национального освобождения. “Сделалось чудо, – писал Н.М.Карамзин. – Городок, едва известный до XIV века, от презрения его маловажности именуемый селом Кучковым, возвысил главу и спас Отечество”³. Пока же Русское государство (а вернее, его осколки) было, по сути, вытеснено на самый край Восточной Европы, где оно и пребывало почти до начала XVIII столетия.

Однако подобное положение России на западе не должно затушевывать определяющего фактора в ее истории. Речь идет о постоянном, длившемся столетиями расширении занимаемого страной пространства. С XIV в. шло непрерывное увеличение государственных границ Московского княжества, Московского царства, Российской Империи за счет территорий, населенных как единокровными славянскими народами, так и другими многочисленными этносами. Все это привело к тому, что в России уникален каждый регион в отдельности, а в совокупности все они являют собой поразительный по масштабности и многообразию спектр⁴.

Границы России раздвигались во все стороны. Это происходило как мирным, так и немирным путем, что подогревало конфронтационную атмосферу в отношениях с другими державами, требовало постоянного наращивания военного потенциала. Важно подчеркнуть следующее: периодические неудачи на западе (Ливонская война, Смута и т.д.) компенсировались продвижением на восток. Именно в этот период Россия шагнула за Волгу и Урал. Граница на восток отодвигалась стремительно. На западе вхождение в мир европейских государств произошло в ходе Северной войны, в итоге победы над Швецией. Открыв доступ к Балтийскому морю после заключения Ништадтского мира, Россия становится империей после принятия Петром I в 1721 г. титула императора. Этим самым Русское государство заявило свои претензии на определяющее место в европейской политике.

Став великой державой, активно участвуя в европейской политике, Россия не стала державой европейской в смысле приравнивания Русского государства и русского общества к европейской модели. Наоборот, социальная структура России была практически расколота на две части: с одной стороны, высшие слои, в значительной степени приблизившиеся к европейским стандартам жизни, а с другой – остальные четыре пятых преимущественно крестьянского населения, которого, по сути, не коснулись ни технический прогресс, ни политическое участие в жизни государства, ни процессы формирования нации и классовой борьбы⁵. Менталитет русского мужика, формировавшийся столетиями, не претерпел сколько-

нибудь значительных изменений. Привыкание к тому, что страна неуклонно растет и ширится, укрепляло убежденность в неистощимости ее ресурсов. По образному выражению В.О.Ключевского, русский мужик “мыслит и действует, как ходит” Благополучная на первый взгляд, Россия тех лет, “идеально” расположенная между Европой и Азией, в силу особых причин и исторической отстраненности от Запада, все больше отставала от него в экономическом и культурном отношении. Она на протяжении целого тысячелетия была несокрушимой стеной, которая неоднократно ограждала западный мир от катастрофы. Как сказал А.С.Пушкин, “мы нашей кровью искупили Европы вольность, честь и мир”. Характерное для всей истории России постоянное противоречие между традиционной цивилизацией и модернизацией выливалось, как правило, в расколы и революции.

Элита (считавшая себя “западной”) всегда относилась к народу с высокомерием, для нее труженики были рабочим скотом, предметом купли и продажи. Она же исторически перманентно примеривала к России западные культурные, государственные и правовые модели, что никогда не кончалось добром, а вело к смутам и революциям. Начиная с неудачной Крымской войны и заканчивая гражданской войной Российская Империя вновь и вновь несла сокрушительные потери в своей западной ориентации. Например, к 1921 г. мы лишились почти 1 млн кв. км территории и более 30 млн населения⁶ Опыт большевистской России, а затем СССР – ярчайшее свидетельство того, что именно глубоко укоренившиеся “славянофильские” воззрения общинного толка стали той благодатной почвой, на которую легли идеи социального равенства. Без этого не только возродить Россию в прежних границах, но и просто удержать власть было бы невозможно. Однако наступление на Запад вновь началось с создания опорной базы на востоке СССР, позволившей решить основные материально-технические проблемы в борьбе с крайне реакционными силами.

Уже стало аксиомой, что фашизм – порождение западной, европейской цивилизации. Он, покоривший эту цивилизацию, разбился в пух и прах, столкнувшись с российской несокрушимой силой, освободившей Европу от ее же порождения. Однако и сегодня, вновь вспомнив Пушкина, можно сказать, что Европа в отношении к России всегда была столь же невежественной, сколь и неблагодарной. Расхожее утверждение о том, что XX век – век триумфа западной демократии, не выдерживает никакой критики. Если бы весь мир принял стандарты и стиль жизни нынешнего европейского среднего класса, окружающая среда в масштабах всей планеты была бы уничтожена⁷ Лауреат Нобелевской премии Я.Тинберген еще в 70-е годы утверждал, что “установление целей развития, ориентированных на западные жизненные стандарты, может привести лишь к недоразумениям. Западный образ жизни во многом связан с пустым расточительством и бессмысленностью”⁸ По образному выражению корейского ученого Чжон-Ила Ра, “Запад – не более чем эксклюзивный клуб привилегированных”⁹

Страна, отдавшая жизни миллионов своих граждан, защищая “клуб привилегированных” от фашизма, измотавшая свои ресурсы в многовековом противостоянии с Западом, утратила мобилизационный ресурс для сохранения своей целостности. Возобладавшие центробежные тенденции, использованные известными политическими силами, привели к развалу Советского Союза. Итак, Россия вновь распалась. Она стала, по сути, геополитически неорганизованным пространством, зажатым между Востоком и Западом, которые, таким образом, оказались лицом к лицу без прежней промежуточной зоны. Проводимая почти четыре столетия политика государственной ориентации на Запад в очередной раз продемонстрировала свою бесплодность: 4 млн кв. км территории и более 25 млн наших соплеменников остались за пределами России.

Очень важно подчеркнуть, что геополитическое наступление идет не только на европейскую часть России, но и на ее основной сегодня территориальный ресурс – Северную Азию. Так, Сибирь потеряла земли, кровью Сибирского казачьего войска оторванные у степи. На севере Дальнего Востока нефтеносные шельфы Берингова пролива переданы США, под вопросом сохранение так называемых “северных территорий”, никогда, за исключением периодов временной оккупации, не принадлежавших Японии.

Между тем восточные районы России – это геоэкономический, природно-ресурсный и в конечном итоге стратегический базис ее настоящего и будущего. Если говорить совсем прямо, Россия XXI в. – это ее Восток, являющийся важнейшей частью Азиатско-Тихоокеанского региона. В состав этого региона входит 30 стран, в которых проживает 50% населения планеты и которые образуют новую мирохозяйственную систему, включающую в себя основные мировые цивилизации. Наши территории – это еще и мост, соединяющий западную и восточную цивилизации, для всей планеты путь, по образному выражению Н.Н.Моисеева, “из англичан в японцы или китайцы”¹⁰, а для нас и в XXI век.

Однако происходит не только геополитическое суживание России, – урезаются и распыляются ее демографический потенциал, национальный генетический фонд. Известно, что в восточных районах России в XX в. было осуществлено большое количество крупнейших народнохозяйственных проектов,

повлекших за собой интенсивное заселение данных территорий. Более двух третей новостроек России к середине 80-х годов XX столетия находилось на Востоке.

Советская система сумела организовать колоссальное извлечение природных ресурсов в восточных районах, которое по своей значимости равнялось осуществлению ракетно-космической программы. Освоение восточных районов, разумеется, во многом было подчинено задачам внешнеполитического характера, что продемонстрировали “горячие” (начиная с русско-японской) и “холодные” войны, мировой энергетический кризис 70-х годов, хроническое противостояние на дальневосточных рубежах. Однако осуществление всех этих грандиозных проектов могло быть успешным только потому, что они имели мощное материальное обеспечение, в том числе трудовыми ресурсами. Данное обстоятельство было чуть ли не определяющим в основных социально-демографических процессах на восточных территориях страны. Социально-демографическое развитие восточных районов России, помимо того, о чем сказано выше, во многом определялось и определяется спецификой расселения и миграцией, сложившимися для данных регионов темпом и интенсивностью воспроизводства населения, динамикой и направленностью изменений в его структуре, а также эффективностью управленческих решений в сфере региональной демографической политики.

Давно замечено, что то или иное государство оценивает свои достоинства по-разному. Однако главное в оценке государства – уровень его цивилизованности, складывающийся, помимо всего прочего, из средней продолжительности жизни и уровня смертности его граждан, рождаемости, детской и младенческой смертности, количества аборт на тысячу женщин.

В России реальный рост продолжительности жизни резко усилился в конце XIX в., что не в последнюю очередь было связано с результатами реформ 60–70-х годов и бурным промышленным подъемом. Но особенно интенсивно данный процесс происходил в период столыпинских преобразований. В эти годы освоение Сибири было в значительной степени связано с переселенческим движением. С установлением регулярного сообщения по Сибирской железной дороге в этот регион устремился большой поток переселенцев. В итоге население Сибири за счет естественного и механического прироста составило в 1916 г. более 10,5 млн чел.¹¹ Затем, как известно, на Россию обрушилась первая демографическая катастрофа XX в., самая затяжная по времени и страшная по людским потерям. По разным оценкам, за годы первой мировой и гражданской войн и вследствие голода 1921–1922 гг. страна лишилась более 30 млн своих жителей. Однако восточные районы России этот демографический обвал затронул в меньшей степени: сюда хлынули беженцы из голодных районов России, восполняя потери местного населения.

Выше уже говорилось о том, что именно Советская власть, большевики на практике приступили к осуществлению большого количества грандиозных народнохозяйственных программ на востоке страны. Следует вспомнить, что, едва утвердившись у власти, они уже в своей второй партийной программе (1919 г.) указывали на необходимость максимального использования рабочей силы, правильного ее распределения между областями и отраслями. Эта программная установка стала определяющим фактором их региональной политики, подчинившим себе все другие, сопутствующие, процессы.

Наращивание экономического потенциала за счет восточных районов страны в годы первых пятилеток вызывало массовые перемещения населения на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток. На всех этапах российской истории было традиционным отношение к человеку как к природному ресурсу или особой экономической категории (“первая производительная сила всего человечества”¹²). Это проявилось в превалировании административно-принудительных, а чаще, особенно в первые десятилетия Советской власти, насильственных мер, в использовании системы средств регулирования территориального перераспределения населения, которые во многом были определяющими среди форм обеспечения крупномасштабных народнохозяйственных проектов рабочими кадрами. Известно и то, что 30-е годы остались мрачной вехой в советской истории. Насильственная коллективизация, массовый голод 1932–1933 гг., репрессии и их последствия обошлись народам Советского Союза почти в 15 млн человеческих жизней. По расчетам специалистов, наше общество теряло тогда по причине преждевременной смерти 890 чел. на 100 тыс. жителей ежегодно¹³. Это была очередная демографическая катастрофа для российских жителей, по сути дела, спровоцированная властными структурами.

С началом Великой Отечественной войны в 1941 г. из прифронтовых районов было эвакуировано 7 млн, в 1942 г. – 4 млн чел. Многие из них были перевезены на Восток России. И если общая численность населения страны упала в 1942 г. до 130 млн граждан (за счет оккупации территорий, фронтовых потерь, естественной убыли), то на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке в это время проживало более 34 млн чел.¹⁴

Советский народ победоносно завершил великую войну, но заплатил за эту победу огромную цену. Общая численность жителей СССР в ходе войны уменьшилась почти на 34 млн чел. Это было усугублено голодом первых послевоенных лет, охватившем свыше 100 млн жителей. Понадобилось более 10 лет после окончания войны, чтобы население страны вновь достигло своей довоенной численности. И все же эхо этой демографической катастрофы преследует нас и сегодня.

Несмотря на то, что все хозяйственные программы на востоке страны были в конечном итоге подчинены выкачиванию колоссальных объемов сырья и энергоресурсов для постоянного наращивания военных мускулов, они объективно способствовали привлечению сюда населения на многочисленные свободные рабочие места. Даже остаточный принцип вложения капиталов в человека как в рабочую силу позволял наращивать объемы производства и увеличить численность производителей, хотя и во многом экстенсивным путем. В 60–80-х годах это было характерно в первую очередь для Сибири и Дальнего Востока. Здесь резко выросли масштабы миграционного движения в районах нового освоения. Так, в нефтегазодобывающих регионах в миграционный оборот только за 1966–1989 гг. было вовлечено свыше 9 млн чел., а через все административно-хозяйственные и производственные структуры строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали в первые годы проходило около 2 млн рабочих кадров¹⁵. Если стабильный Урал со сложившейся индустриальной структурой производства в эти годы увеличил свое население примерно на 2,6 млн, то Сибирь – на 6,5 млн, а Дальний Восток – на 3,1 млн чел. А в целом население восточных регионов выросло за рассматриваемые годы более чем на 12 млн жителей и составило в общей численности россиян 35,5%. Среднегодовые темпы роста населения восточных районов страны устойчиво превышали общероссийские¹⁶.

Особенно это было характерно для национальных районов. На протяжении всех указанных лет темпы роста населения сибирских автономий были самыми высокими (исключение составили автономии Тюменской области). А в Сибири живут представители более чем ста национальностей. Высокие темпы роста населения сибирских автономий определялись в первую очередь интенсивным хозяйственным освоением. Именно в 60-х – начале 80-х годов развитие индустрии в национальных районах шло особенно быстрыми темпами, что было связано с разработками нефтяных и газовых месторождений в Тюменской области (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа), строительством БАМа (Бурятская АССР, Айгинский Бурятский автономный округ), созданием крупных ТПК в Красноярском крае (Хакасская автономная область, Таймырский и Эвенкийский автономные округа), Иркутской области (Усть-Ордынский Бурятский автономный округ), Бурятской и Тувинской АССР и др. Результатом развития индустрии стало увеличение в названных районах численности рабочих и служащих почти в 3 раза, при этом существенно выросла и численность рабочих коренных национальностей¹⁷. Тем не менее следует помнить, что Сибирь и Дальний Восток – регионы крайне малолюдные, где каждый житель “владеет” примерно одним квадратным километром территории. А на сопредельной и соизмеримой с территорией Востока России территории Китая уже сегодня живут почти 500 млн работающих. Добавим к этому, что в китайскую экономику инвестируется средств в 200 раз больше, чем в российскую.

В 90-е годы демографическая ситуация в России начинает резко меняться. Развал Советского Союза, а вместе с этим потеря межхозяйственных связей, проведение первых мер “шоковой терапии” обрушили на подавляющее большинство россиян катастрофический комплекс социально-экономических проблем, бремя которых способен вынести не каждый. Поэтому первая естественная реакция населения на коренные изменения имела демографический характер, связанный прежде всего с рождаемостью и смертностью. В 1992 г. после пика 1988 г. впервые был зарегистрирован спад численности населения. Несмотря на увеличивающийся поток мигрантов в Россию (за 1990–1998 гг. прибыло почти 6 млн чел.), процесс естественной убыли населения составил в 1992 г. 207 тыс. чел., в 1993 г. – 700 тыс., в 1994 г. – почти 1 млн, в 1995 г. – более 1 млн, в 1996 г. – 1,5 млн чел. Если в 1979–1990 гг. население России увеличивалось в среднем за год на 0,72%, то уже в 1991–1993 гг. роста не было, а теперь идет сокращение как на западе, так и на востоке страны, где численность жителей уменьшилась более чем на 0,6 млн чел.

Если в 1990 г. население восточных регионов России составляло 52,4 млн чел., то в 1997 г. – 51,8 млн¹⁸. Появились крупные административно-территориальные образования, для которых характерен постоянный отток населения. Это – Алтайский, Красноярский и Хабаровский края, Республика Тыва и Республика Саха (Якутия), Свердловская, Читинская, Камчатская и Магаданская области, Ямало-Ненецкий автономный округ и др. Катастрофическое положение большинства жителей Востока России обусловлено сегодня деструктивными особенностями регионального бытия, помноженными на инфляционный рост цен. По последним данным, почти две трети россиян в январе–июле 1997 г. имели доходы ниже среднего уровня. За исключением “сырьевых” районов (Тюменская, Кемеровская, Иркутская области, Красноярский край и Якутия), практически во всех других наблюдается отставание среднего заработка в промышленности от

среднероссийского уровня: на Алтае он составил 78%, в Туве – 77, в Новосибирской области – 82, Омской – 89% и т.д. В 1996 г. среднедушевой доход в России составлял 794 тыс. руб., при том, что в Москве – 2628 тыс. Пострадали в первую очередь высококвалифицированные рабочие кадры, занятые в оборонных отраслях народного хозяйства, насчитывающие в своих рядах свыше 20 млн рабочих и служащих, проживающих на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке¹⁹

Такова в наши дни реальная социально-демографическая ситуация в России, и в частности на ее восточных территориях. Эту ситуацию по-разному называют и объясняют как ученые, так и практики. Однако очевидно, что в данной сфере общественной жизни действует комплекс причин, влияющих на ее состояние. И главная, определяющая причина состоит в том, что нынешние властные структуры вновь, как и прежде, ломают судьбы подавляющего большинства населения России, проводя так называемые реформы, рассчитанные на небольшой слой психологически и экономически способных к их восприятию людей, и в первую очередь на все более разбухающий слой так называемой “демократической” бюрократии, в руках которой находятся все нити управления данными процессами.

Вывод здесь может быть только один: бросив основные массы населения России в пучину дикого криминального рынка, властные круги официально расписались в своем демографическом невежестве и бессилии, продемонстрировав полное равнодушие к своим вымирающим и неродившимся согражданам, а по сути, находясь в состоянии необъявленной войны с собственным народом. Эта, может быть, слишком категоричная оценка находит свое подтверждение в реальной жизни наших соотечественников, среди которых 1150 чел. из каждых 100 тыс. ежегодно в течение последних четырех лет умирают преждевременно²⁰, – вспомним 30-е годы. Вне зависимости от цивилизационных деклараций идеологов перестройки и реформ все это объективно приводит не только к сужению территории России, но и к “очистке” данных территорий от российского населения. В этом объяснение нынешнему социально-экономическому кризису, затронувшему все слои населения и регионы России. По данным Независимого центра социального прогнозирования, 89,6% россиян не доверяют правительству и государству, оценивая ситуацию в стране как катастрофическую²¹.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что в России налицо кризис, носящий системный характер. Глубина и масштабы этого кризиса ставят под сомнение будущее национальной государственности нашей страны. Она вступает в новое тысячелетие, обремененная тяжким грузом геополитических, социальных и демографических проблем, решение которых потребует усилий не одного поколения.

Примечания

¹ См.: Рыбаков Б.А. Три темы... // Книга исторических сенсаций. – М., 1993. – С. 116.

² См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. – М., 1988. – Кн. 1. – С. 141.

³ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. – М., 1991. – С. 20.

⁴ См.: Поляков Ю.А. Благо или проклятье – просторы России? // Книга исторических сенсаций. – С. 167.

⁵ См.: Социс. – 1997. – № 1. – С. 41.

⁶ См.: Поляков Ю.А. Благо или проклятье... – С. 169.

⁷ См.: Чжон-Иил Ра. В поисках Азии // Свобод. мысль. – 1996. – № 8. – С. 82.

⁸ Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. – М., 1980. – С. 82.

⁹ Чжон-Иил Ра. В поисках Азии. – С. 82.

¹⁰ Моисеев Н.Н. Агония России // Зеленый мир. – 1996. – № 12. – С. 15.

¹¹ См.: *Народонаселенческие* процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. – Новосибирск, 1996. – С. 11, 14, 104.

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 38. – С. 359.

¹³ Аргументы и факты. – 1996. – № 8.

¹⁴ См.: Ефимкин М.М. Социально-демографическое эхо Великой Победы // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. – Омск, 1995. – С. 264.

¹⁵ См.: *Демографические* процессы на Урале, в Сибири, Средней Азии и Казахстане XIX–XX вв. – Целиноград, 1991. – С. 64; *Проблемы труда и быта городского населения Сибири*. – Новосибирск, 1990. – С. 66.

¹⁶ См.: Ефимкин М.М., Дремова Л.И. Население восточных районов страны в региональной политике государства // *Народонаселенческие* процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. – С. 37.

¹⁷ См.: Ефимкин М.М. Социальное развитие рабочего класса Сибири. 1959–1980. – Новосибирск, 1989. – С. 140, 141.

¹⁸ См.: Ефимкин М.М., Дремова Л.И. Население восточных районов страны... – С.37.

¹⁹ Там же.

²⁰ Аргументы и факты. – 1996. – № 8.

²¹ Известия. – 1998. – 2 авг.

Ю.Г.Бендерский
(г. Красноярск)

ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА ИНТЕРЕСОВ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПРОГРАММАХ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Сибирь сегодня восстанавливает свое значение как полигон апробирования механизмов реализации региональных программ разного уровня – федеральных, президентских, территориальных, локальных. Программный подход к развитию регионов и решению их текущих, а также стратегических задач в постсоветский период, в отсутствие комплексного социально-экономического территориального планирования, является, пожалуй, доминирующей формой выявления и устранения наиболее острых региональных диспропорций. За последние годы в Сибири разработаны и начали реализовываться программы социально-экономической, отраслевой, национальной, экологической ориентации, предполагающие постановку и обоснование целеполагающих ориентиров, а также осуществление мониторинга их достижения.

На территории Красноярского края в стадии реализации находится одна из федеральных целевых программ – программа освоения Нижнего Приангарья. В охватываемый ею ареал входят территории проживания коренного населения (старожильческого и малочисленных народов Севера), интересы которого в существенной мере затрагиваются при выполнении программных задач. Одним из программобразующих объектов является нефтегазовый комплекс Эвенкии, в зоне которого проживает более половины коренного населения округа. За 1996–1998 гг. здесь уже освоено более 400 млн руб. (деноминированных) инвестиций. В лицензионном соглашении предусматривается проведение целого ряда работ, связанных с повышением жизненного уровня коренного населения. Однако на практике и в самой программе эти мероприятия, а также механизмы их реализации не нашли необходимого отражения. Можно констатировать, что *социальные* приоритеты, механизмы согласования интересов коренного населения с предпочтениями в достижении экономических результатов учтены слабо.

Следует отметить, что до сих пор результирующими (оценочными) параметрами региональных программ являются в основном показатели экономической эффективности инвестиционных проектов (одиночных или интегрированных в систему с учетом мультипликативного эффекта). При этом социальный аспект в программах, которые должны служить средством решения проблем жизнедеятельности местного населения, в том числе коренного, обычно не просматривается. Механизмы реализации программных мероприятий предполагают приоритетность удовлетворения интересов инвесторов, т.е. сохраняется отраслевой подход.

В Красноярском отделе Института экономики и организации промышленного производства СО РАН с 1996 г. проводятся исследования по трансформации мероприятий, осуществляемых в рамках федеральной целевой программы “Нижнее Приангарье”, в региональные блоки. В этих исследованиях определяются социально-экономические последствия реализации данной программы в конкретном административно-территориальном образовании, для чего используется сценарный подход. Такая работа уже выполнена по Кежемскому, Богучанскому, Мотыгинскому районам и г. Лесосибирску, начата по Эвенкии. Первые результаты проведенных исследований позволяют обосновать выделение следующих проблем гармонизации интересов коренного населения и структур, реализующих программные мероприятия.

1. *Проблема соотношения уровней занятости пришлого и коренного населения, в том числе представителей малочисленных народов Севера.* Подпрограмма освоения нефтегазовых ресурсов не предусматривает привлечения коренных малочисленных народов Севера к производственной деятельности в этом регионе. В настоящее время безработица существенно затронула местное население, причем в наиболее острой форме – коренное население, представляющее малочисленные народы Севера. Первые попытки профориентации представителей коренных малочисленных народов Севера (10–12 чел.) правомерны, но недостаточны. В федеральную целевую программу “Нижнее Приангарье” необходимо дополнительно включить задания по организации центра профориентации коренного населения для работы на нефтегазовых промыслах и инфраструктурных объектах (что не исключает подготовки кадров соответствующих специальностей на “материке”). Динамика реальных процессов инвестирования по времени позволяет решить эту задачу.

2. *Проблема льгот и привилегий.* Эта проблема, включающая распространение льгот и привилегий на пришлое и коренное население, механизм их установления и финансовое обеспечение, связана с ситуацией, обозначенной выше. Необходимость оптимизации численности населения в округе (а такая

задача даже не поставлена в программе “Нижнее Приангарье”) требует разработки отвечающей современным реалиям системы стимулирования привлечения и закрепления на Севере соответствующих специалистов.

Очевидна абсурдность ситуации, при которой рост численности безработного коренного населения сопровождается механическим приростом пришлого населения. Между тем это становится характерным для некоторых районов Севера. Представляется, что будет обоснованным пересмотр системы льгот и гарантий (компенсаций), так чтобы дифференцировать ее для коренного и пришлого населения. При этом следует иметь в виду, что государственные финансовые ресурсы, выделяемые в виде преференций коренному населению, сопоставимы с размерами льгот и компенсаций пришлому населению. Это обусловлено тем, что коренное население практически лишено возможности воспользоваться рядом льгот и привилегий, которые государство применяет в качестве стимулов (например, представители малочисленных народов Севера практически не используют право на компенсации для выезда в места отдыха).

Принципиальное значение имеет совершенствование методик определения реальных доходов населения, минимального прожиточного минимума и других индикаторов уровня жизни, учитывающих функциональные назначения льгот и привилегий для коренного и пришлого населения. Наши расчеты показывают, что примерно на треть официальные данные “приукрашивают” действительное положение в регионах Севера, что особенно недопустимо, когда делается сравнение уровня жизни в межрегиональном масштабе и на этой основе принимаются решения о мерах государственной поддержки северных территорий.

3. *Проблема собственности на осваиваемые природные ресурсы.* Анализ сложившихся в России отношений недропользователей с коренными малочисленными народами показывает, что, несмотря на проводимую работу по совершенствованию нормативно-правовых законодательных актов, регламентирующих эти отношения, указанная проблема далека от окончательного разрешения. Правовые нормы не учитываются в механизмах реализации программ, что приводит на практике к ущемлению прав коренных малочисленных народов Севера. Это прежде всего касается их прав на получение части платежей за добычу сырья, возмещение предприятиями общинам и конкретным лицам всех убытков в связи с отторжением земель и т.д.

4. *Проблема нарушения основ традиционного образа жизни и деятельности коренного населения.* Эта проблема примыкает к более фундаментальной – проблеме выбора дальнейшего образа жизни коренных малочисленных народов Севера. Существующие программы игнорируют данную проблему: хотя в постановочной части в них констатируется забота о сохранении основ традиционного хозяйствования, реализуемые мероприятия этого, как правило, не предусматривают.

5. *Проблема финансового обеспечения устойчивого местного самоуправления.* Это – проблема соотношения элементов многоканальной системы формирования бюджета. Изучение практики реализации региональных программ позволяет сделать вывод, что в них не обособляются финансовые потоки. Максимум, что делается, – это выделяется так называемое “население” региона.

Для северных поселений жизненно важное значение имеет создание финансовых структур (например, траст-фондов, воспринимающих фондов и др.), в которых участвовали бы коренные народы Севера. Однако здесь в российской практике наблюдаются попытки копирования зарубежных подходов к созданию таких структур без учета отечественной социально-экономической ситуации, реальных рыночных отношений, сложившихся на Севере. Поэтому актуальной задачей, по нашему мнению, являются адаптация зарубежных моделей и конструирование отечественных финансовых структур поддержки жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера.

Осуществляемый в Красноярском отделе Института экономики и организации промышленного производства СО РАН мониторинг реализации федеральной целевой программы “Нижнее Приангарье” позволяет проводить анализ состояния отмеченных проблем и обосновывать рекомендации по совершенствованию методологии разработки региональных программ и методов их выполнения, сводящих к минимуму ущерб от складывающихся противоречий интересов коренного населения и реализующих ту или иную программу властных и прочих структур.

*А.В.Цихоцкий**(г. Красноярск)*

ТУВИНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ИСТОКИ И КОНСТИТУЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ

Для народа Республики Тыва, переживающей, как и все другие субъекты Российской Федерации, трудный переход к новой социально-экономической формации, обращение к истокам собственного политического строя имеет глубокий практический смысл, предопределяемый общеизвестным фактом: тувинский этнос больше нигде на планете не имеет своей государственности.

Становление тувинской государственности как выражение публичной власти этноса своими корнями уходит в политику России и Китая конца XVII – начала XVIII в. в отношении бывшего Урянхайского края (Засаянского края, Зеленого Клина, Сойотии, как называли его русские переселенцы). После заключения двумя империями Кяхтинского договора (1727 г.) тувинцы оставались некоторое время свободными от иностранного вмешательства, а управляли ими родовые старейшины – дарги. Впоследствии формирование системы политической власти однопационального сообщества тувинцев предопределялось фактором, известным современникам как “урянхайский вопрос” – вопрос о действительной границе между Россией и Китаем. Напуганные вестями о наступлении на Урянхайский край русских, тувинцы обратились за помощью к монголам, затем вступили в переговоры с китайцами, и эти переговоры закончились принятием их в китайское подданство, установлением административного устройства, близкого к монгольскому – по хошунам и сомонам, выдержавшего проверку временем.

Освободительное движение народов от вассальной зависимости от Китая, вызванное свержением Маньчжурской династии (1911 г.), явилось своеобразным катализатором в процессе самоопределения сообщества тувинцев. Изгнав китайцев и освободившись от ига китайского торгово-ростовщического капитала, тувинский народ вступил в полосу поиска (1912–1926 гг.) оптимальной формы своей государственности. При этом ключевым вопросом был вопрос о судьбе Урянхия: объединиться ли с Монголией, входить ли в состав России или строить самостоятельное государство. Борьба двух партий – русофильской и монголофильской, в итоге окончившаяся победой первой, предопределила направление, этапы и особенности становления политического строя Тувы. Следует заметить, что эта борьба политических сил испытывала влияние исторических событий, происходивших как в России, так и в Монголии, в частности гражданской войны в Сибири, политики освободившейся в 1921 г. Монголии, стремившейся присоединить к себе Танну-Туву, признания Монголией ее самостоятельности (договор 1926 г.). В самом процессе образования государственности можно обозначить ряд судьбоносных событий: в 1921 г. в местечке Сух-Бажи Второй Всеобщий Танну-Тувинский съезд провозглашает Тувинскую Народную Республику; 12 октября 1923 г. первое народное собрание в Танну-Тове оформляет тувинскую государственность и устанавливает основы конституции; 28 октября 1924 г. Второй Хуралдан принимает Конституцию Тувинской Республики; наконец, 26 ноября 1926 г. государственный строй Танну-Туву получает окончательное выражение в виде принятого Четвертым Великим Хуралданом Основного Закона (Конституции) Тувинской Народной Республики (см. текст документа, помещенный в приложении к настоящему изданию).

Во всем этом примечательно то, что легитимизация государственности, ее официальное оформление сдерживались политическими колебаниями общества в решении вопроса, обусловленного непризнанием в 1921–1926 гг. Танну-Туву Монголией: Тува – часть Монголии или самостоятельное государство? Следовательно, принятием Конституции был положен конец этим колебаниям и сделан исторический выбор народа в пользу собственного государства.

Архитектоника Основного Закона (Конституции) Тувинской Народной Республики (далее кратко – Конституция) не отличается особой сложностью. Выражаясь языком современного правоведа, можно отметить, что Конституция состоит из двух разделов: первый – Введение (преамбула), второй – шесть глав, объединяющих 30 статей. Характерным для содержания преамбулы является обоснование суверенной государственности тувинского народа – говорится о необходимости закрепления результатов национальной революции, укрепления политического строя страны. В преамбуле декларируется, что становление государственности соотносится “с интересами широких слоев населения”, и это получило отражение в наименовании государства – Тувинская Народная Республика.

Исключительно важным является положение преамбулы об исторической обусловленности государственности тувинского народа. Это – стержневая идея Конституции, которая раскрывается посредством сравнительного анализа революционных процессов в передовых капиталистических странах Запада и в России. Документ констатирует, что “трудящиеся массы отдельных стран мира... добьются

своего освобождения только решительной и самоотверженной борьбой с угнетающими их господствующими классами” и наиболее героическим примером этой борьбы является Октябрьская революция, победа которой воодушевляет тувинский народ. Эта политическая декларация лежит в основе всех конституционных норм, пронизывает все содержание Конституции. Таким образом, в качестве исходных позиций преамбула выдвигает прежде всего идеи утверждения национальной государственности, власти тувинского народа, приверженности социалистическим ценностям в организации жизни общества.

При анализе отдельных конституционных статей важно исходить из того факта, что первая тувинская Конституция – это конституция государства, а не гражданского общества. Ее регулирующая сила ограничена двумя сферами социального бытия тувинского этноса: во-первых, отношениями между государством и обществом; во-вторых, отношениями формирования и функционирования механизма государственной власти. Если первая сфера конституционного регулирования формулируется в наиболее общем виде, весьма поверхностно, то вторая определяется более конкретно и подробно. В этом плане Конституция устанавливает субъекта государственного верховенства и верховные государственные органы, а также основные принципы управления, т.е. условия, при которых государство осуществляет свои верховные права. Она выступает своеобразным политико-правовым документом о пределах государственной власти.

Глава первая “Декларации прав трудящегося народа” определяет исходные положения, касающиеся конституционного статуса тувинского общества, сущность Тувинской Народной Республики, принципы экономической политики государства и пользования природными ресурсами, основы взаимоотношений государства и религии, положения относительно личности.

Начальные статьи Конституции посвящены определению формы государства в период его становления. Поскольку форма государства является непосредственным проявлением и носителем его сущности и содержания (функций), значимость этих конституционных норм трудно переоценить: форма государственной власти, испытывая влияние множества экономических, социально-политических, идеологических и иных факторов, предопределяет режим свободы личности в обществе. Исследовать Тувинское государство с точки зрения его формы означает выявить форму правления, форму государственного управления и государственного режима. Что собой представляла каждая из составных частей формы Тувинского государства?

В Туве провозглашалась республиканская форма правления. Конституция закрепляла, что “верховная власть народа осуществляется через Великий Хурулдан Республики и избираемое им Правительство” (ст. 1). При этом устанавливался выборный порядок образования верховных (высших) органов власти и органов местного самоуправления. С позиции формы государственного устройства Тува объявлялась унитарным (единым) государством, разделенным на административно-территориальные части – хошуны и сомоны, в котором существуют общие для всей страны высшие органы власти и управления, единая Конституция и единая судебная система. Характеристика государственного режима, под которым понимается совокупность методов и способов участия населения в делах государства, прямого отражения в конституционных нормах не получила. Однако анализ отдельных статей Конституции свидетельствует, что государство Тувинской Народной Республики конституировалось в качестве демократического. Как одну из первоочередных задач, которые предстояло решить в ходе создания политической системы, Конституция провозглашала укрепление “республиканского порядка в стране при полной демократизации государственных аппаратов и всемерном вовлечении в него широких слоев трудящихся аратских масс” (ст. 2).

Основополагающее конституционное положение – следование “высоким принципам народного строя” – детализировалось указанием на основные принципы государственной политики, согласно которым природные ресурсы Тувы объявлялись общенародным достоянием, аннулировались долговые обязательства страны, вводилась государственная монополия на внешнюю торговлю, объявлялось государственное регулирование экономики (ст. 3).

Конституционные права гражданина смоделированы под воздействием “расщепления” их на две группы: права трудящихся и права иных лиц. Если права первой группы позитивно закреплены в правовых нормах, то права второй выводятся логически, посредством толкования статей Конституции, в которых используется определение “трудящийся”. Это значит, что данные статьи учитывают только права определенной категории граждан. С учетом сказанного вполне объяснимо, что государство “лишает или ограничивает права отдельных лиц, если они свои права используют в ущерб основным принципам народного строя” (ст. 3, п. “к”).

Применение норм Конституции, закрепляющих права граждан, обусловлено трактовкой понятия “трудящийся”. Посредством толкования ст. 16 Конституции можно сделать вывод, что этим термином Основной Закон объединяет три категории граждан: а) лиц, добывающих средства существования своим трудом; б) лиц, занятых своим трудовым хозяйством; в) цириков Народно-Революционной Армии.

Конституционные права трудящихся, обусловленные принципом равноправия граждан “независимо от их национальности, религии и полов” (ст. 3, п. “л”), сформулированы в ст. 3 весьма скупой и с позиции современной правовой теории относятся к числу личных (гражданских): право свободно и гласно исповедовать свою веру (п. “д”), право на свободу идей, мнений, убеждений и слова (п. “е”), право на собрания (п. “ж”), право на бесплатное образование (п. “з”), право на объединение в союзы и различные общества (п. “и”). Основное политическое право – избирать и быть избранным в верховные органы государственной власти и местного самоуправления – отражено в ст. 16 Конституции.

Значительное место в Конституции занимают статьи, устанавливающие систему и компетенцию органов власти. Анализ этих статей позволяет сделать вывод, что в Основном Законе частичное отражение получил принцип разделения властей, поскольку, во-первых, функции власти разделены между верховными органами – Великим Хурулданом, Малым Хурулданом, Президиумом Малого Хурулдана и Правительством Тувинской Народной Республики – и местным самоуправлением; во-вторых, государственная власть осуществляется на основе разделения ее на законодательную и исполнительную. К сожалению, Конституция не упоминает судебную власть, схематично описывает полномочия органов власти. Политический строй, который устанавливался благодаря первой Конституции Тувы, может характеризоваться как парламентская республика.

Глава вторая раскрывает основы организации и деятельности верховных органов власти. Согласно ст. 4 Конституции, Великий Хурулдан наряду с Малым Хурулданом, его Президиумом и Правительством республики осуществляют верховную власть Тувинской Народной Республики. Утверждение и изменение основных законов республики относилось к исключительному ведению Великого Хурулдана, очередные сессии которого проводились один раз в год. Малый Хурулдан издавал законы, постановления и распоряжения, которыми определялось общее направление деятельности Правительства, проводились в жизнь основные законы республики. Лаколично формулировалась задача Правительства: общее управление делами республики и руководство деятельностью всех министров (ст. 12).

Заключительная глава Конституции посвящена описанию государственных символов Тувы как суверенного государства – Государственной печати, герба, флага. Символизируя существование независимого государства, они одновременно несли дополнительную информацию о самой государственности. Герб Тувинской Народной Республики, являясь официальной эмблемой, включал три геральдических элемента: серп и грабли, земной шар в лучах солнца, венец из колосьев. Изображение серпа и граблей – одна из главных деталей герба, символизирующая мирный труд народа, свидетельствующая о социальной базе государственности. Лучи восходящего солнца, освещающие земной шар, символизировали будущее тувинского этноса в семье трудящихся мира, объединение всех трудящихся в борьбе с капиталом, а хлебные колосья – богатство и процветание народа, его созидательную деятельность. Государственный флаг – красное полотнище с государственным гербом в середине – символизировал суверенитет Тувы, историческую победу широких слоев трудящихся аратских масс.

Хотя в Конституции прямо не закреплялся такой символ государственности, как столица Тувинской Народной Республики, однако в порядке толкования ст. 30 документа можно сделать вывод, что столицей объявлялся Кызыл, где проводились сессии Великого и Малого Хурулданов, работало Правительство республики.

Значение Конституции можно определять с позиции ее содержания, обязательной силы для организации социального бытия республики, функционирования правовой системы. С юридической точки зрения Конституция играла главенствующую роль в системе права Тувы, выступая своеобразным остовом, вокруг которого должна формироваться разветвленная крона законодательства. Объяснить это легко: являясь системообразующим актом государственного права, Конституция регулировала создание государства, формирование государственной воли, из которой проистекают все юридические акты, включая и нормы других отраслей права.

Но такой взгляд на приоритетную роль Конституции в системе права не выдерживает критики с позиций принципа историзма, поскольку в жизни любого этноса, в том числе и тувинского, имеется правовой фундамент, представляющий собой малоизменчивую форму экономических отношений, – гражданское право. Каких только изменений не знало государственное право Тувы за более чем семидесятилетнюю историю, но правовая воля народа, отражающаяся в цивилистике, продолжала основываться на свободе договора и собственности, в то время как государственное право представляло собой изменчивую надстройку, испытывающую воздействие политических факторов как внутреннего, так и внешнего характера.

Можно утверждать, что первая Конституция Тувы навсегда останется тем зеркалом, в котором отражается состояние тувинского этноса в период формирования собственной государственности. Первоначально возникнув из глубины народного сознания, народных нравов и верований, Конституция

позднее развивается на этих же основах посредством юриспруденции. Отражая мечты тувинского этноса о создании общества подлинной свободы, социального равенства, всеобщего благоденствия, где труд будет формой реализации творческих потенций человека, Конституция выступает своеобразным планом строительства такого общества. На вопрос, какие пути ведут к нему, история раньше или позже найдет ответ. И на страницах этой истории всегда будет место для Конституции, юридически учредившей государственность Тувинской Народной Республики.

В.В. Мархинин

(г. Сургут)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (ИЗ ОПЫТА ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ ХАНТЫ-МАНСЬСКОГО АО)

Надо жить дружно, как друзья – нефтяник или охотник,
хант или русский.

Леонид Сопочин, хант, охотник
(Новости Югры. 1995. 28 февр.)

Борьба за власть на разных уровнях является источником неурядиц в государстве и обществе, провалов в политике и социально-экономического кризиса, – это широко распространенное и устойчивое мнение многих наших сограждан, и жителей Ханты-Мансийского автономного округа тоже. Если говорить конкретно о массовом политическом сознании жителей национально-смешанных поселений округа, то в той мере, в какой речь идет об отношении к нынешней ситуации в стране в целом, для этого сознания характерно следующее противоречие. С одной стороны, в нем господствуют негативистские установки относительно большинства проектов и мероприятий, осуществляемых политическим руководством России. И среди этих негативистских установок – мнение о том, что вся политика сводится к борьбе за власть данного лица, данной политической силы, а вовсе не имеет целью благо всех сограждан, всего народа. Но с другой стороны, это политическое сознание податливо реагирует на информационные воздействия, осуществляемые ангажированными центральной властью средствами массовой информации, что выражается в положительных для олицетворяющих существующий политический порядок деятелей и политических сил результатах голосования местного населения на выборах в центральные органы власти.

Дело здесь вот в чем. Отмеченные негативные установки в политическом сознании местных жителей прямо проистекают из оценки “курса реформ”. В ходе нашего опроса в основном положительно оценили результаты реформ, проводившихся в стране в последние годы, 18,9% местных жителей, а отрицательно – 45,8%; 28,5% респондентов затруднились дать оценку, а 5,1% высказали особое мнение. Смысл этих последних, особых, мнений по большей части заключается в том, что, несмотря ни на что, реформы были необходимы и кое-что положительное они дали. Но в общем подавляющее большинство высказавших эти особые мнения склоняются к отрицательной оценке курса “радикальных реформ”. Таким образом, очень значительное число людей – почти половина населения округа – оценивают результаты реформ в основном отрицательно. Конформизм же в отношении к сложившемуся в последние годы политическому режиму в известной мере вынужденный: люди голосуют за то, что есть, поскольку не уверены, что другое будет лучше, т.е. изначально исходят из принципа выбора наименьшего зла.

Психологический подтекст политического сознания местного населения в плане отношения к центральной власти – это усталость, разочарование в больших надеждах, которые оказались несбывшимися, боязнь новых разочарований, а потому отказ от собственных “крупных политических ставок”, аполитизм как выражение отчужденности от “большой политики”

Иной характер имеет политическое сознание местного населения в плане отношения к региональной политической обстановке. Здесь все-таки сохраняются в значительном объеме чувство вовлеченности в существующую политическую ситуацию, заинтересованность в понимании обстановки во властно-управленческих структурах. Сохраняются и надежды на то, что проекты и меры, осуществляемые региональными органами власти и управления, могут в принципе играть позитивную роль в жизни населения (хотя далеко не всегда люди видят это на деле). У многих есть и ощущение возможности быть лично причастным к деятельности власти на местах.

Наш опрос показал, что идея местного самоуправления как способа решения нынешних проблем имеет, или лучше сказать – сохраняет, несмотря на несбывшиеся ожидания последних лет, высокую степень привлекательности для населения. Так, хотя на вопрос: “Поддерживаете ли вы создание системы местного самоуправления?” – очень многие (39,9% опрошенных) затруднились ответить, что безусловно свидетельствует не только о слабой информированности о существе дела, но и о широкой распространенности настроений социально-политической апатии и безразличия, тем не менее еще большая доля населения (45,1%) определенно поддерживает создание системы местного самоуправления. Не поддерживает создание этой системы втрое меньшая часть людей – 14,1% (это, на наш взгляд, те, кто совершенно разочаровался в каких-либо социальных ожиданиях). Заметим, что распределение мнений об отношении к процессу формирования системы местного самоуправления практически не зависит от этнической принадлежности респондентов.

Чтобы точнее оценить социально-политическое значение формирующейся системы местного самоуправления, особенно в возможной перспективе, нужно иметь в виду, что сегодня намного меньшую, чем местное самоуправление, роль в выходе из кризиса население отводит развитию демократии на общенациональном уровне. И вообще, среди всевозможных условий и факторов, с которыми связываются надежды на лучшее будущее, формирование системы местного самоуправления занимает, как показал опрос, довольно видное место.

Задавая вопрос: “С чем вы связываете в перспективе свои надежды на возрождение России, на обеспечение достойной жизни ее граждан?”, – мы предложили 15 вариантов возможных ответов на него. Респонденты могли выбирать до пяти наиболее важных, на их взгляд, а кроме того могли дать и другой, собственный ответ. Больше всего надежд связывается с “установлением и строгим соблюдением обязательного для всех закона и порядка” (46,5% ответов), почти столько же (43,4%) – с “сильной личностью во главе государства”. Далее мнения распределились следующим образом. Считают, что “Россия возродится, если большинство ее граждан будет стремиться жить честно, по совести”, 36,1% местных жителей. С “заботой о семье как главной ячейке общества” связывают надежды 31,4% респондентов, с “обеспечением личных свобод и прав человека” – 22,7%. 20% респондентов (а это шестая, т.е. находящаяся сверху списка, позиция) свои надежды на лучшее социальное будущее связывают с “развитием местного самоуправления”. Надеждам же, связанным с “повышением роли в государстве народных представительных органов власти – Думы, Совета Федерации”, люди ответили одно из последних мест, – эти надежды высказали всего лишь 5,8% опрошенных. Распределение приведенных мнений в среде представителей малочисленных народов и в среде русского населения не имеет серьезных различий.

В сочетании названных условий и факторов, с которыми люди предпочитают связывать надежды на возрождение страны и благополучную жизнь, причудливо переплетаются традиционные для российской социально-политической культуры мотивы и мотивы новые, в том числе связанные непосредственно с нынешней ситуацией. Надежды на обязательный для всех закон, на сильного правителя (в качестве такового, вероятно, также гарантирующего строгий, но справедливый суд) отражают вполне традиционные представления о путях выхода общества и государства из полосы трудностей и смут. Традиционно и представление о том, что общенародное благополучие основывается на заботе о семье как главной ячейке общества. Массовое же осознание в этом контексте идеала личной свободы и прав человека – итог современного, пережитого в XX в. народного опыта. То же относится и к общенародным демократическим институтам власти. Но именно судьба этих последних в нынешних социально-политических условиях складывается особенно неудачно.

Известно, что чем экстремальнее историческая ситуация, тем проще традиционному сознанию принести в жертву чаемому порядку демократические институты власти. Эта тенденция в отношении институтов общенародной соборности ныне усугубляется политическими и пропагандистскими акциями сторонников продолжения пагубного курса “радикальных реформ” по дискредитации Государственной Думы. В совокупности все это, правомерно предположить, и выразилось в том, что роль общенародных представительных институтов в выходе из кризиса в массовых ожиданиях оказалась отодвинутой на задний план. Можно не сомневаться, что эта тенденция ведет к тому, чтобы склонить массовое сознание, жаждущее порядка, к упрощению видения перспектив выхода из общественного кризиса, к сведению их до той единственной альтернативы, которая связывается с “сильной личностью” правителя и предполагает свертывание демократических институтов власти.

Имея в виду все сказанное выше, нельзя не ценить и не оберегать тот конструктивный потенциал, который содержится в форме непосредственной демократии – в системе местного самоуправления.

Кроме того, что, как показал наш опрос, идея местного самоуправления является привлекательной для значительной части населения, большинство людей готовы в той или иной форме принять и личное участие в деятельности органов местного самоуправления: 56,3% респондентов готовы участвовать в их деятельности путем голосования на выборах, 35,1 – участвуя в сходах, 19,5% – подписывая обращения в адрес соответствующих инстанций; 18,8% жителей готовы работать добровольно и безвозмездно в органе, отвечающем за порядок на своей улице; 6,4% готовы даже к тому, чтобы быть избранными в органы местного самоуправления. В целом степень готовности к участию в работе органов местного самоуправления не зависит от принадлежности жителей к той или иной этнической группе. Приведенные данные свидетельствуют о сравнительно высоком уровне потенциального участия в деятельности органов местного самоуправления, уровне, который может обеспечить их полноценное функционирование и совершенствование.

Но нужно своевременно извлекать уроки и из уже имеющегося, пусть пока и небольшого, опыта формирования системы местного самоуправления на принятых недавно, и в этом смысле новых, правовых началах. Заслуживает первостепенного внимания то, что часть респондентов объясняют наличие определенной напряженности в межэтнических отношениях в национально-смешанных поселениях в том числе и “борьбой за власть на разных уровнях”. Такое мнение высказала не очень значительная, но заметная часть местных жителей (6,7% опрошенных), причем доли высказавших это мнение среди русских и среди представителей малочисленных народов практически одинаковы.

Однако симптоматично, что подобное мнение вообще стало заметным. В плане отношения к местной политической ситуации это, насколько мы можем судить по данным наших опросов за ряд лет (с 1991 г.), новое явление, возникшее именно после выборов глав местного самоуправления на уровне районов. То, что это негативное мнение о качестве местной политической жизни разделяют лишь незначительное число людей, свидетельствует о наличии хотя бы здесь резервов массовой конструктивной социально-политической активности. Без доли скепсиса, недоверия вообще не может обойтись ни одно живое начинание. Важно, чтобы в дальнейшем развитие местного самоуправления не затухало и приносило какие-то реальные плоды. Тревожить с самого начала должно, однако, то, что в этом мнении “борьба за власть на разных уровнях” увязывается с межэтнической напряженностью, расценивается как один из ее факторов. Это обстоятельство требует осмысления, и из него необходимо извлечь опыт, полезный для дальнейшего развития системы местного самоуправления.

На основе наших личных наблюдений и бесед на местах считаем возможным в связи с обозначенной проблемой высказать следующие соображения.

Отчетливо мнение о том, что одним из факторов межэтнической напряженности является “борьба за власть на разных уровнях”, выявилось в двух из трех обследованных нами районов – Березовском и Октябрьском. В этих двух районах такое мнение разделяют соответственно 8,1 и 6,7% респондентов, в то время как в Ханты-Мансийском районе доля высказавших его значительно меньше и статистически почти непредставительна – 2,5%. Характерной приметой выборов глав самоуправления Березовского и Октябрьского районов было то, что в каждом из них двумя главными кандидатами-соперниками выступали лица, по своей национальной принадлежности относящиеся к двум основным местным этническим общностям, – русский и представитель народности Севера.

Для большинства местного населения национальность кандидатов на руководящую выборную должность не имеет значения, важны лишь их деловые и моральные качества. Это мнение высказывают 60,9% местного населения, причем опять-таки оно практически в равной мере разделяется русскими (60%) и представителями народностей Севера (61,7%). Но весьма значительная часть населения все же отдает предпочтение кандидату определенной национальности, чаще, естественно, той, к которой принадлежат сами избиратели. В среде русских предпочтение лицам своей национальности в качестве главы самоуправления отдали 28,7%, в среде представителей народов Севера – 22,8%. Правда есть и те, кто предпочитает в данном случае руководителя не своей национальности: из числа русских 7,8% опрошенных предпочли бы избрать главой самоуправления представителя народов Севера, а из представителей народов Севера 2,6% предпочли бы русского. Но все же доля таких мнений, как видим, невелика.

У тех избирателей, которые изначально предпочитали видеть победителем на выборах представителя их собственной национальности, горечь переживания и поражения их кандидата могла стать и действительно становилась почвой для предубеждения в отношении избранного главы самоуправления. Потребность же в психологической компенсации этого дискомфортного чувства в форме предубеждений находила удобный выход во мнении, что и местная политическая жизнь сводится к борьбе за власть как таковую и что эта власть выступает не как способ удовлетворения общих интересов населения, а, в частности, как инструмент удовлетворения интересов одной этнической общности в ущерб другой.

Но кроме того, на формирование такого мнения влияет и еще одно, более существенное, обстоятельство. Дело в том, что в местных условиях национальная принадлежность к двум основным местным этническим общностям может восприниматься не просто как национальная идентичность и национальные различия – и только, но и как нечто большее. Национальная принадлежность может восприниматься и как своего рода символ возможного подхода к решению существующих социально-экономических и иных проблем, как символ особенностей и различий в выборе среди этих проблем приоритетных и т.д. Так, на выборах в указанных районах русские по национальности кандидаты в глазах избирателей с большей вероятностью олицетворяли подходы и приоритеты, связанные с развитием нефтегазодобывающего комплекса, вообще с промышленным путем развития, а кандидаты из числа народностей Севера – подходы и приоритеты, связанные с развитием традиционного хозяйственного комплекса². Причем именно такое восприятие национальности кандидатов было актуализировано, усилено тем, что накал выборной борьбы был весьма высок, а перевес победителей в отданных им голосах избирателей оказался незначительным.

Вследствие всего этого, а также в силу объективно существующих противоречий между промышленным и традиционно-промысловым путями развития регионов отношение части населения, главным образом бывших избирателей, голосовавших в недавнее время против действующих ныне глав районного самоуправления (являющихся представителями коренных национальностей), к тем или иным осуществляемым ими мероприятиям определяется, независимо от действительного смысла этих мероприятий, предубеждениями и выступает в превращенной форме – в виде будто бы еще одного подтверждения мнения о борьбе за власть как об источнике межэтнических противоречий. И следует иметь в виду, что с точки зрения наличного состояния межэтнических отношений имеет значение не то, верно ли данное “подтверждение”, а то, верят ли в это сами люди. Ибо если они в это верят, то тем самым в межэтнические отношения как раз и вносится напряженность.

Приведем для иллюстрации сказанного один конкретный пример из жизни Березовского района. Он связан с ситуацией, сложившейся вокруг золотодобывающей артели “Сосьва”, учредителем которой выступило предприятие “Сосьвапромгеология”, базирующееся в с. Саранпаул. На момент проведения нами социологического опроса в районе, и в том числе в данном селе, в местном общественном мнении получили заметный резонанс разноречивые суждения по поводу, с одной стороны, экологических последствий, а с другой – экономической эффективности деятельности этой золотодобывающей артели.

Очевидно, что забота об охране природной среды на территории района и об экономической эффективности предприятия, призванного, как это и предполагалось при организации артели, оказывать оздоравливающее влияние на экономическое положение в селе и районе, входит в сферу задач органов местного самоуправления. Поскольку это совпадало с целью нашего исследования, мы с готовностью откликнулись на просьбу главы местного самоуправления Березовского района несколько дополнить нашу исследовательскую программу, оказав посильную помощь в изучении ситуации вокруг деятельности артели “Сосьва”. Мы провели экспресс-опрос работников учредившего артель предприятия “Сосьва-промгеология”. Данные ими оценки особенно значимы в силу, в общем, довольно высокой степени экологической компетентности и непосредственного знакомства с экологическими и экономическими результатами деятельности артели.

Опрос подтвердил серьезность оснований для сомнений в экологической и экономической оправданности деятельности артели золотодобытчиков. Полученная информация, таким образом, сигнализировала о необходимости принятия практических мер по исправлению положения.

Но включившись в ситуацию, мы стали свидетелями и того, что, несмотря на, казалось бы, очевидную мотивированность действий главы самоуправления по изучению обстановки, связанной с деятельностью золотодобывающей артели, заботой об интересах населения района, не всеми это было воспринято именно так. Часть жителей села и района, прежде всего русских, и особенно из числа работников предприятия “Сосьвапромгеология”, не говоря уже о работниках самой артели, добывающих работой в ней “хлеб насущный”, с самого начала усмотрела в действиях главы самоуправления мотивы, будто бы определяемые приоритетностью для него традиционно-промыслового пути развития экономики района и, значит, стремлением защитить интересы главным образом аборигенной этнической общности, а не всего населения района (и с. Саранпаул). Отсюда опять-таки недалеко и до признания упомянутой частью местных жителей резонным мнения о борьбе за власть как об источнике межэтнической напряженности в национально-смешанных поселениях района. А ведь это означает и определенную личную настроенность или хотя бы предрасположенность к настроенности у этой части жителей в соответствующем национально-конфронтационном духе.

Нельзя не отметить, и не только в связи с рассмотренным примером, но и вообще в связи с обсуждаемой темой, еще одно широко распространенное в массовом сознании мнение, сходным образом (не исключая и ход, и последствия избирательных кампаний) способствующее проявлениям национально-конфронтационных настроений. Мы имеем в виду ставший почти идеологическим штампом, неустанно тиражируемым как средствами массовой информации, так и в ходе официальных и неофициальных общественных мероприятий, образ работников нефтегазодобывающей и иных отраслей производства как “варваров-покорителей”, “разрушителей” хрупких северных ландшафтов, традиционного промыслового хозяйства, культуры северных народов и т.п. За этим образом, разумеется, стоит известная реальная проблема. Но в то же время она в нем так абсолютизирована, что действительный образ людей трудных и благородных профессий предстает в совершенно извращенном виде. Это вызывает их ответное возмущение, тем более справедливое, что их трудом держатся весь бюджет округа, материальное благополучие всех жителей. Известно, что работники нефтегазодобычи и других промышленных отраслей на Севере в массе своей – русские люди. Известно также, что образу “покорителя” обычно противопоставляется идеальный образ носителя аборигенной северной культуры. Ясно, следовательно, что этот идеологический штамп уже внес, а в атмосфере ширящихся выборных кампаний в местные органы самоуправления, кампаний, в которых зачастую будут соперничать русские и представители северных этнических общностей, способен внести и еще более ошутимый “вклад” в дестабилизацию межэтнических отношений.

Как видим, появившийся первый опыт формирования системы местного самоуправления уже требует осмысления с целью выработки мер по предотвращению такого положения, при котором политическая деятельность на местном уровне, и особенно в ходе выборных кампаний, выступает или хотя бы предстает в глазах местного населения как борьба за власть, вносящая напряженность в межэтнические отношения. В этой связи напрашиваются следующие элементарные рекомендации. Чтобы снять налет межэтнической конфронтационности в ходе избирательной кампании, каждый из кандидатов, представляющих различные этнические группы населения, должен придерживаться определенных моральных правил: обязательно включать в группу помощников, обеспечивающих ход избирательной кампании, и особенно в будущее руководящее звено представителей разных этносов, а после выборов предлагать проигравшему сопернику один из ключевых руководящих постов, стараться достойно использовать на руководящей или иной работе членов команды соперника. Независимо от национальности кандидата на должность главы местного самоуправления или депутата Думы каждому из кандидатов необходимо не только понимать, но и развенчивать всякие стереотипные мнения, хотя бы косвенно оскорбляющие национальные чувства, и особенно широко распространенный сейчас идеологический штамп, изображающий работников добывающей промышленности (чаще всего русских людей) как якобы “варваров”, “разрушителей” природы и противопоставляющий их тем самым аборигенному населению.

Стимулирование политической активности ни в коем случае не должно происходить за счет возбуждения этнических предубеждений. Учет политического опыта избирательных кампаний и деятельности органов местного самоуправления важен для повышения уровня политической культуры, а политическая культура – необходимый компонент культурной целостности местных межэтнических сообществ и залог возможностей совершенствования системы местного самоуправления.

Примечания

¹ В статье использованы материалы проведенной под руководством автора в июле 1997 г. социологической экспедиции в национально-смешанные поселения Березовского (р.п. Березово, с. Саранпаул и п. Сосьва), Октябрьского (р.п. Октябрьское, п. Нарымкары и п. Карымкары) и Ханты-Мансийского (п. Кышик) районов Ханты-Мансийского АО. Социологическим опросом было охвачено в общей сложности 1000 чел., одну половину из которых составили русские, другую – представители малочисленных коренных северных народов: манси, ханты, ненцы. Опрос репрезентативен по полу, возрасту, образованию, сфере занятости и профессиональному статусу респондентов.

² Подчеркнем, что у нас речь идет не о характеристике определенных позиций реальных личностей в выборной кампании. Не решаем мы и вопрос о том, правомерно ли или насколько правомерно упомянутое отождествление частью избирателей национальности кандидатов и их приоритетов. Речь идет лишь о том, что такое мнение существует как объективный социальный феномен.

О.В.Нечипоренко, И.В.Октябрьская
(г. Новосибирск)

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ: ЭЛИТА И ЭЛЕКТОРАТ¹

Как показывает практика, в период кризисов, вызванных распадом идеологических, социальных и властных структур, этничность становится одним из эффективных средств коллективной идентификации и политической мобилизации. К числу государственных автономий посттоталитарной эпохи, ориентированных на этнонациональную доктрину, относится Республика Алтай. Накануне принятия независимости, в 1989 г., на ее территории проживало 190,8 тыс. чел. различных национальностей. При доминировании русского этноса коренное население составляло около 30%. Программные документы республики, провозглашенной в 1991 г., декларировали “национальную государственность”, выражающую “волю и интересы проживающих в автономной области народов к самоопределению, социально-экономическому прогрессу, культурному и духовному возрождению”²

Понимая возрождение в духе неотрадиционализма, национальная элита выдвинула концепцию “этнической личности”, формирующейся “через обязательное усвоение национальной культуры и современное воспитание гражданина Республики”³ Утверждение национальных ценностей, прежде всего ценностей титульного алтайского этноса, в государственной символике и атрибутике, административных структурах, системе образования, культуре и идеологии определило особенности государственного строительства на Алтае. Этническая парадигма актуализировала проблему сохранения истинных культурных ценностей. Отношение к традиции стало основой для структурирования этносоциального сообщества. Чрезвычайно остро при этом ставится проблема ассимиляции. Высказывается мнение, что “признаками активной ассимиляции являются пренебрежение к традициям народа, отсутствие желания знать их, заключение смешанного брака. Пассивно ассимилированными можно считать тех, кто стремится сохранить свою этническую принадлежность, заключая брак с владеющим родным языком”⁴

Утверждая аксиому единства алтайского этноса, представители официально ангажированной национальной интеллигенции на академическом уровне провозглашают модель внутриэтнической иерархии. Выделяется ряд локальных образований. При этом особо подчеркивается значение районов Центрального Алтая – Онгудайского и Усть-Канского, для которых характерен стереотип “истинных алтайцев” (“су алтайлар”):

«Это большой регион по долинам рек Чарыша, Кана, Каракола, Урсула и верхнего течения Катунь, где расселены южные алтайцы (“алтай-кижи”) основных сеоков [родов] – майман, кыпчак, телес, ирkit, тодош...

Издавна для онгудайцев была важна идеология общества, его высокая мораль и нравственность и качество воспитания поколений по традиционным канонам.

Диалект алтай-кижи данного региона положен в основу литературного алтайского языка, хотя просветительство под эгидой Духовной Миссии начиналось с телеутского и тубаларского диалектов. Большинство писателей, докторов и кандидатов наук вышло из Онгудайского района. Бытует мнение, что онгудайцы по складу мышления, в основном, гуманитарного направления, а усть-канцы – коммерческого, так как среди них больше юристов, экономистов, чиновников.

“Истинность” алтайцев данного региона проявляется также в том, что здесь в начале нынешнего века широко распространилось бурханистское движение (“ак жан” – “белая вера”), лежащая в основе традиционного мировоззрения алтайского этноса»⁵

Легитимизация образа “истинного алтайца” коррелирует с утверждением новых социально-политических стереотипов: «В алтайской среде не будут пользоваться уважением, а значит, предлагаться на посты и должности, те, кто относится к стереотипу “обрусевшие” – “туба”, не говоря о “кайлык” (“метисы”), независимо от личных качеств. Доверием пользуются начальники, говорящие по-алтайски, вероятно, сказываются последствия советского запрета, хотя этот критерий не всегда себя оправдывает. Позитивность в существовании этнопсихологических стереотипов заключается в стремлении к самосохранению алтайского этноса и противодействию ассимиляции, так как алтайцы составляют третью часть от всего населения Республики Алтай»⁶

Этническая иерархия при одновременной унификации культурных и языковых стереотипов, ориентированных на ценности титульной группы, провоцирует конфликтную логику межэтнического диалога, вызывает противостояние политических амбиций субэтнических элит и ведет к усилению центробежных тенденций.

Рост политической активности населения Республики Алтай приходится на начало 90-х годов. К концу 1996 г. официально признаны более 30 общественно-политических организаций, ряд из которых отстаивает интересы коренных народов. Наиболее представительными являются политические объединения представителей коренных народов: объединение Торгоо Зайсанов (председатель А.К.Бардин), организация “Эне-Алтай” (председатель Г.Е.Ягадаева), общество “Кергил-Берлик” (председатель И.Т.Бахтушкин), общественное объединение “Тодош” (председатель Г.Б.Чекурашев), общественно-политическое объединение коренных малочисленных народов Республики Алтай – тубаларов, челканцев, кумандинцев (председатель М.А.Пустогачев)⁷

В 1992 г. в республике возникает Ассоциация северных алтайцев. При этом представители кумандинцев выступают за создание этнической автономии. В 1997 г. в рамках движения возрождения начинает свою работу региональная группа “Кумания” во главе с А.Пелековым. Эта группа «руководствуется в своей деятельности идеологией евразийства, выступает за возрождение своей культуры через образование и видит в перспективе варианты сотрудничества с федеральными органами власти. В сфере экономики активисты движения предлагают создать этническую территорию коренного народа “Кумания” Среди политических задач группа А.Пелекова видит наделение председателя новой ассоциации статусом депутата республики»⁸

В государстве с этнической парадигмой вопросы самоопределения субэтносов приобретают социально-политическую актуальность. Но при этом существует проблема совпадений устремлений этнической элиты и электората.

В 1995 г. на территории Кош-Агачского и Улаганского районов создана Ассоциация южных этносов Республики Алтай – “Теленгит”, призванная “содействовать культурно-историческому, хозяйственному возрождению языка, традиций, обычаев племен и родов, живущих на территории районов”, а также решению “социально-экономических проблем, направленных на улучшение жизни и быта соплеменников”⁹

Показательно, что национальное по форме движение возрождения субэтносов ставит своей задачей решение проблем социального и социально-экономического развития территорий. Как свидетельствуют результаты социологического мониторинга, проведенного Институтом философии и права СО РАН в 1997–1998 гг., именно эти проблемы более всего волнуют население республики. Но именно они менее всего разрабатываются на республиканском и местном уровнях. Элита, ориентированная на сохранение этнической культуры от прогрессирующего опрошения и ассимиляции, отстаивает приоритеты традиций, не предлагая путей и методов их адаптации к меняющейся (кризисной) действительности. Отсутствие государственных программ этнической и социальной модернизации стимулирует инициативу на местах. При этом системы ценностей элиты и электората имеют определенные различия.

Т а б л и ц а 1

Проблемы, наиболее актуальные для представителей различных национальностей
Республики Алтай, %

Ответ на вопрос анкеты	Районы													
	Улаганский, 1997 г.			Усть-Коксин- ский, 1997 г.			Усть-Каинский, 1998г.				Кош-Агачский, 1998г.			
	все	рус- ские	ал- тай- цы	все	рус- ские	ал- тай- цы	все	рус- ские	ал- тай- цы	ка- за- хи	все	рус- ские	ал- тай- цы	ка- за- хи
Утрата национальных традиций	16	4	18	31	27	41	21	11	27	28	19	10	13	28
Утрата национального языка	7	2	8	41	36	51	18	2	26	23	11	5	13	9
Разрушение природной среды	30	31	31	23	20	30	17	14	22	10	18	20	19	19
Рост смертности, снижение рождаемости	29	16	32	30	25	41	23	24	26	21	22	5	25	24
Алкоголизм	50	45	52	60	59	65	39	47	41	44	36	25	51	22
Подрыв здоровья	34	35	36	29	25	39	49	55	54	41	59	45	72	53
Межнациональные браки	3	2	4	10	9	12	3	7	2	8	2	0	1	3
Ослабление государства	15	16	15	23	25	19	22	28	21	28	15	60	13	17
ДРУГОЕ	16	6	17	3	3	2	9	15	8	5	4	10	4	4

Как показывает социологическое тестирование (табл. 1), этнические интересы и межнациональные противоречия не относятся к числу проблем, особенно актуальных для рядового обывателя. Среди всех сфер общественной жизни, потенциально являющихся ареной социальных конфликтов, эксперты из Усть-Канского и Улаганского районов ставят сферу межэтнических отношений на одно из последних мест (по 7% в обоих районах). Аналогичная оценка получена при массовом анкетировании. В ответе на вопрос: “Каковы ваши возможности в сравнении с возможностями людей других национальностей?” – большинство респондентов отметили, что “такие же”. Примечательно, что отношение к данной проблеме практически не зависело от национальности. Обследование показало, что между основными этносами отсутствует сколько-нибудь выраженное противостояние во всех сферах повседневной жизнедеятельности. Социальное положение русских и алтайцев в Центральном Алтае практически одинаковое.

За последние несколько лет в республике повсеместно произошло катастрофическое снижение объемов производимой сельскохозяйственной продукции, в первую очередь продукции животноводства. Это сокращение характерно для крупных сельскохозяйственных предприятий (акционерных обществ, бывших совхозов и колхозов). Существующая в настоящее время тенденция к ориентации только на специфические отрасли животноводства (прежде всего, мараловодство) в социальном плане не может компенсировать произошедшего спада, так как не обеспечивает массовой занятости населения.

Изменения в структуре производства привели к резкому росту безработицы в регионе. По оценкам экспертов, в 1997–1998 гг. она имела тотальный характер, особенно существенно затрагивая сферу традиционной специализации – животноводство. Чрезвычайно остро стоит проблема молодежной безработицы (так же, как проблемы алкоголизма и преступности среди молодежи). Она отчасти связана с происходящим в настоящее время увеличением числа молодых людей трудоспособного возраста по сугубо демографическим причинам. Кроме того, в регионе обострилась проблема профессионального обучения молодежи в связи с фактическим распадом системы среднего специального образования и повсеместным внедрением платных образовательных услуг.

Ухудшение социально-экономической ситуации приводит к вытеснению трудовых ресурсов из сферы товарно-денежных отношений в сферу домашнего натурального хозяйства. Заработная плата по основному месту работы является сегодня лишь второстепенным источником денежных средств. Около 50% населения фактически не имеют постоянных источников дохода в денежной форме, за исключением пенсий и других государственных пособий. Основная часть необходимых средств к существованию в настоящее время присваивается населением в натуральной форме. При экспертном анкетировании, проведенном в 1998 г., 43,8% специалистов из Кош-Агачского района и 32,3% из Усть-Канского оценили уровень благосостояния как низкий; 26,2% из Кош-Агачского и 36% из Усть-Канского – как удовлетворительный; 23,1% из Кош-Агачского и 26% из Усть-Канского – как средний. Отчетливо обозначившаяся тенденция “натурализации” существования привела к деформации структуры потребления и социальных потребностей. При оценке семейного бюджета около 70% опрошенных по Кош-Агачскому району и 78% – по Усть-Канскому, не проиндексировали сферу культуры. Острый социально-экономический кризис отодвинул все прочие проблемы на второй план.

Данные мониторинга позволяют утверждать, что в настоящее время подавляющее большинство населения рассматривает национальные проблемы как второстепенные, хотя в последние годы ценности, актуализирующие национальное культурное наследие, язык и веру, становятся достоянием массового сознания. Но неуверенность людей в завтрашнем дне, отсутствие социальных ориентиров и низкая адаптированность к экономическим и социальным переменам приводят к существенному повышению уровня психологического дискомфорта, в том числе и в области оценки этнических перспектив. При этом общественно-политические устремления электората характеризует редкая индифферентность.

По данным 1997 г., из действующих в регионе партийных и общественных организаций отличный от нуля уровень поддержки практически не имела ни одна. Национальные общественно-политические движения, в том числе зайсанство и казачество, несмотря на предполагавшийся массовый характер, получили всего по 3% сторонников среди респондентов. При опросе 1998 г. в Кош-Агачском и Усть-Канском районах список общественных и общественно-политических организаций включал 21 номинацию. Но ни в одном из населенных пунктов общественно-политические (национальные) структуры, в том числе объединение зайсанов и родовые союзы, не имели существенного влияния на электорат. Согласно данным социологического мониторинга 1998 г. (табл. 2), роль родовых организаций в современных социально-политических процессах оценивается респондентами достаточно низко, хотя родовое движение на Алтае заявило о себе еще в конце 80-х годов.

Легитимизация традиционных потестарных структур начинается одновременно с распадом унитарной системы. Летом 1989 г. впервые на Алтае в одном из урочищ Онгудайского района по инициативе старейшин проводится праздник рода (сеока) майман. Вслед за ним собирают свои съезды сеоки мундус,

кыпчак, толос, ирkit, тодош, сагал. В рамках движения, ставшего формой восстановления генеалогической и исторической памяти этноса и его самоорганизации в духе неотрадиционализма, возникли и были официально зарегистрированы ассоциации “Толостар”, “Мундустар” и “Оток сеока майман”

Т а б л и ц а 2

Оценка роли родовых организаций в жизни сельских общин Республики Алтай (1998 г.),
% ответов

Ответ на вопрос анкеты	Кош-Агачский район				Усть-Канский район			
	Казахи	Алтай- цы	Рус- ские	В с е г о	Казахи	Алтай- цы	Рус- ские	В с е г о
Нет ответа	1,6	3,2	–	2,3	27,3	–	4,4	3,1
Высокая	12,5	9,7	25	11,5	18,2	3,8	–	3,7
Средняя	34,4	35,5	50	35,4	9,1	24,8	11,1	19,9
Незначительная	23,4	22,6	–	22,3	18,2	15,2	17,8	16,1
Они не играют никакой роли	7,8	19,4	–	13,1	9,1	24,8	26,7	24,2
Затрудняюсь ответить	20,3	9,7	25	15,4	18,2	31,4	40	32,9

Общественная “реабилитация” сохранивших свое значение в жизни алтайцев родовых структур явилась попыткой преодоления социального кризиса. С точки зрения электората родовые структуры выступали фактором стабильности, способным противостоять деструктивным тенденциям в обществе (табл. 3). Группы, переживающие состояние тотального кризиса, отличаются повышенным стремлением к сплоченности. Им присуща особая тяга к устойчивой, подтвержденной авторитетом традиций и способной стать защитой, социальности.

Т а б л и ц а 3

Оценка возможных направлений деятельности родовых организаций
населением Республики Алтай (1998 г.), % ответов

Ответ на вопрос анкеты	Кош-Агачский район				Усть-Канский район			
	Казахи	Алтай- цы	Рус- ские	В с е г о	Казахи	Алтай- цы	Рус- ские	В с е г о
Решение экономических проблем	2,2	5	–	3,2	4,5	3,3	3,4	3,4
Укрепление дисциплины и порядка	27	19,8	–	24,3	13,6	19	20,3	18,8
Укрепление межнациональных отношений	14	18,8	–	15,7	9,1	15,2	10,2	13,7
Помощь престарелым, инвалидам, одиноким	14	13,9	–	13,9	18,2	17,1	15,3	16,8
Организация досуга населения	6,2	5,9	–	6,1	–	4,3	5,1	4,1
Борьба с пьянством и наркоманией	21,9	18,8	–	20,7	22,7	20,4	22	20,9
Развитие культуры, повышение нравственности	8,4	5,9	1	7,9	18,2	12,8	10,2	12,7
Воспитание детей и подростков	6,2	11,9	–	8,2	13,6	8,1	13,6	9,6

Анализ современной ситуации показывает, что этнической элитой традиционные потестарные структуры рассматриваются как возможная альтернативная форма власти. Попыткой институционализировать родовые структуры является восстановление зайсаната.

Титул зайсана, объединяющий престиж родового патрона и административно-фискальные функции, восходит на Алтае к эпохе Джунгарского владычества. Эта должность транслируется вместе с системой управления у западных монголов. Вхождение Алтая в состав России с сохранением аутентичных потестарных структур консервирует институт зайсанов, который органично вписывается в систему податного налогообложения и управления империей. Зайсаны являются выходцами из среды наиболее многочисленных сеоков, составляющих ядро административных единиц – дючин и волостей. Наибольшим

авторитетом пользовались родовые, наследственные (“укту”) зайсаны. В конце XIX в. шесть из девяти зайсанов южных алтайцев носили этот титул – зайсаны первой (сеок мундус), второй (сеок кыпчак), третьей (сеок тодош), четвертой (сеок ирkit), пятой (сеок тодош) дючин и первой Чуйской волости (сеок телес). В шестой дючине преобладали телесы, в седьмой – майманы, во второй Чуйской волости – кобеки и саалы. Когда в конце XIX в. российские власти приняли решение о выборном характере должности зайсана, это было воспринято как посягательство на древние устои.

Конец XX в., ставший эпохой национального самоопределения, ознаменовался восстановлением института выборных зайсанов на Алтае. Избрание зайсанов происходило и на съездах сеоков, и на сельских сходах. С 1989 г. отчеты глав родов приобрели, согласно официальной прессе, регулярный характер.

В феврале 1995 г. сбор граждан в п. Мухор-Тархата утвердил зайсанов всех представленных в поселке сеоков (кыпчак, толос, тонжан, моол, сагал, тодош, ирkit), подчеркнув при этом, что “зайсаны избраны не для галочки и фиксации”, что “они должны и обязаны содействовать воспитанию подрастающего поколения молодежи и укреплению дисциплины, правопорядка в пос. Мухор-Тархата, а также развитию и совершенствованию национальной культуры, языка, обычаев и обрядов”¹⁰.

Первоначально зайсаны не имели каких-либо полномочий и фактически являлись представителями сельских общин. Но к 1987 г. наметилась тенденция к политизации этого института. На выборах Президента Республики Алтай в 1997 г. баллотировалось более 10 кандидатов. Большая их часть, представляющая коренное население, была делегирована от родовых структур. С утверждением на пост главы государства представителя русскоязычного большинства, С.В.Зубакина, объединение зайсанов наряду с другими общественно-политическими объединениями перешло в оппозицию к официальной власти. Обострилась проблема взаимодействия Центра и территорий.

Отрицательное отношение к политике, проводимой федеральной республиканской властью, с одной стороны, и постоянная потребность в социальной защищенности, которая выражается в желании быть “хозяином”, – с другой, сформировали у значительного числа жителей осознанное стремление к местному самоуправлению (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Распределение ответов на вопрос: “Поддерживаете ли вы идею
местного самоуправления?” (1998 г.), %

Ответ на вопрос анкеты	Усть-Коксинский район			Улаганский район		
	Все	Русские	Алтайцы	Все	Русские	Алтайцы
Да	53	52	56	47	41	49
Нет	27	27	26	33	39	31
Затрудняюсь ответить	20	21	18	20	20	20

Ориентация на местное самоуправление характерна для всех территорий Алтая и со смешанным и моноэтническим населением. Более высокая доля сторонников идеи местного самоуправления среди алтайцев объясняется тем, что в такой форме власти они видят определенные гарантии сохранения своего образа жизни (при ответе на соответствующий вопрос анкеты это указали 44% алтайцев против 32% у русских респондентов).

Потребность в сильной местной власти, выражающей интересы не администрации, а самих жителей, ощущается в каждом селе. В ряде случаев налицо элементы сельского общинного самоуправления, где помимо “старосты” формируется и “совет”. При этом, как показал опрос, проведенный в 1997 г. в Усть-Коксинском и Улаганском районах, самоуправление мыслится быть созданным не на национальной, а на территориальной, собственно общинной основе. Такое стремление отчетливо прослеживается не только в селах с преобладанием русского населения, но и в национальных алтайских деревнях. При отсутствии какой-либо концепции самоуправления определяющими факторами для электората в выборе модели самоуправления оказываются соседские и родственные отношения, а не национальные признаки.

Несколько более осторожное отношение к идее местного самоуправления высказывают эксперты, значительная часть которых принадлежит к сегодняшней управленческой элите района (табл. 5). Анализируя экспертные оценки, можно предположить, что в среде нынешних сельских администраторов борются две противоречивые тенденции. С одной стороны, они в достаточной степени положительно относятся к усилению самостоятельности своих локальных сообществ, но с другой – несколько опасаются того, что такое изменение может негативно сказаться на их собственной роли в жизни общины.

Т а б л и ц а 5

Отношение экспертов к идее местного самоуправления, 1997 г., % ответов

Ответ на вопрос анкеты	Усть-Коксин- ский р-н	Улаганский р-н
Самоуправление может принести только вред	6	10
В самоуправлении нет объективной потребности в нашем селе и районе	10	11
Оно может играть положительную роль, но не заменит администрации	41	21
Местное самоуправление необходимо селу	24	22
В нашем селе уже есть местное самоуправление	3	8
Не ответили или затруднились с ответом	16	30

Тенденция смены лидеров прослеживается по результатам социологического мониторинга 1998 г. В ряде сел Усть-Канского и Кош-Агачского районов главы родовых структур – зайсаны избраны на должности глав администраций, что дает возможность практического (государственного) решения насущных социальных проблем в контексте разработки системы национально-территориального управления. Использование местного самоуправления, повсеместно поддерживаемого электоратом, для адаптации традиционных потестарных структур к существующей административно-политической системе определяет возможные перспективы развития (модернизации) национальных автономий. Характер этого процесса во многом зависит от эффективности взаимодействия элиты и электората на основе разработки и реализации концепций, в равной степени учитывающих социально-политические реалии и традиции различных групп полиэтнического сообщества Республики Алтай.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (гранты № 98-03-04402, 98-03-18020, 98-01-00414).

² *Законы Республики Алтай*. – Горно-Алтайск, 1992. – Вып.1. – С. 3.

³ *Концепция национальных школ Республики Алтай*. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 3, 4.

⁴ *Тадина Н.А.* Россия и Горный Алтай – 240 лет: Проблема взаимодействий этнопсихологических стереотипов // *Россия и Восток: Традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы*. – Омск, 1997. – С. 24.

⁵ Там же. – С. 23.

⁶ Там же. – С. 25.

⁷ См.: *Жуков А.В.* Отражение традиционной культуры коренных народов Сибири в деятельности политических организаций Республики Алтай // *Народная культура Сибири и Дальнего Востока*. – Новосибирск, 1997 – Т. V. – С. 181.

⁸ *Чуев С.* Воспоминания предков-куманов // *Постскриптум*. – 1998. – № 2. – С. 2.

⁹ Чуйск. зори. – Кош-Агач, 1995. – 10 апр.

¹⁰ Там же. – 1995. – 4 марта.

Е.П.Мамышева
(г.Абакан)

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ХАКАСИИ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА 20-х ГОДОВ XX в.)

В настоящее время тема интеллигенции стала одной из центральных в исторических исследованиях, проводимых в нашей стране. Это связано прежде всего со стремлением переосмыслить многогранную судьбу отечественной интеллигенции в происходивших в России процессах. Перед исследователями встала проблема создания региональных историографий, поскольку региональная интеллигенция имела некоторые особенности формирования и развития. Значительный вклад в исследование истории сибирской интеллигенции внесли ученые Сибири – В.Л.Соскин, С.А.Красильников, И.И.Осинский¹.

В некоторых национальных регионах Сибири проблема интеллигенции изучается довольно активно² Что касается интеллигенции Хакасии, то следует отметить, что специальных исследований, в которых всесторонне рассматриваются прошлое, настоящее и будущее интеллигенции республики, до сих пор нет. Существенный вклад в изучение хакасской интеллигенции внесли публикации Н.Я.Артамоновой. Автор показывает слабую степень изученности темы и подчеркивает необходимость создания трудов по истории интеллигенции Хакасии³

Исследование интеллигенции как исторического феномена предполагает, что прежде всего необходимо определить, что такое интеллигенция. Длительное время в отечественной исторической науке господствовало определение интеллигенции как духовно-социального образования людей, целиком увлеченных идеями и готовых во имя них идти в тюрьму, на каторгу и даже казнь. На современном этапе в отечественной исторической науке и общественной мысли прочно и обоснованно укоренилось широкое понимание интеллигенции как образованного класса общества, профессионально занятого квалифицированным умственным трудом, как особой общественной и культурно-интеллектуальной силы, или элиты, исполняющей функции коллективного духовного вождя общества и аккумулятора культуры и знаний. Возможно, в подобных социокультурных представлениях об интеллигенции имеются недостатки, но они кажутся нам несущественными для конкретно-исторического изучения интеллигенции, в частности национальной. Цель настоящей статьи – именно с этих позиций оценить роль хакасской интеллигенции в общественно-политической жизни Хакасии конца XIX – середины 20-х годов XX в.

Появление представителей интеллектуального труда в Хакасии следует отнести ко второй половине XIX в. Оно связано прежде всего со становлением и укреплением органов местного самоуправления и организацией в улусах сети школ. Ядром формирующейся интеллигенции стали руководители степных дум, учителя, врачи. Некоторые из них смогли получить высшее образование, – это профессор Казанского университета Н.Ф.Катанов, ученый-этнограф С.Д.Майнагашев, учитель М.И.Райков и др.⁴

Важно отметить, что вплоть до начала XX в. представители интеллектуального труда – хакасы еще не представляли собой национальную интеллигенцию как таковую и не осознавали своей исторической роли в судьбе народа. Тем не менее их влияние на население было значительным и обуславливалось оно прежде всего национальным родством с аборигенами, а также весьма высоким социальным статусом представителей особого, малодоступного умственного труда.

На рубеже XIX – XX вв. в условиях назревших социально-экономических и политических противоречий стала заметной политизация интеллигенции в центре и на окраинах России. Уже во время революции 1905–1907 гг. “национальная интеллигенция, вышедшая из среды родовой аристократии (Н.И.Окунев, Н.Т.Спирин), при поддержке и содействии местной русской интеллигенции (А.А.Ярилов) предприняла первые попытки возглавить движение хакасов”⁵ Созданный в 1905 г. Союз сибирских инородцев стал организацией, консолидирующей интеллектуальные силы Сибири, объединившей их в духовно-культурную и общественно-политическую группу, положившей начало формированию сибирской интеллигенции как таковой.

После Февральской революции в условиях последовавшей за ней демократизации политической жизни активизировалось национальное движение хакасов. Возглавили это движение представители немногочисленной интеллигенции, объединившиеся в общественно-политическую группу – Национальный комитет⁶. Под руководством комитета прошли национальные съезды, на которых была выработана четкая установка на создание собственной административно-территориальной единицы и инородческого суда, на развитие культуры и образования в среде хакасов.

В исторической литературе утвердилась однозначно негативная оценка роли лидеров в национальном движении начала XX в. В трудах советских историков они характеризовались как выразители политических и экономических интересов хакасского байства, сумевшего в то время увлечь за собой подавляющее большинство трудового народа, играя на национальных чувствах, заглушая подлинные интересы хакасской бедноты. Длительное время этих лидеров обвиняли в “буржуазном национализме”. Необходимо признать, что родовая аристократия зачастую выступала как угнетательница своих соплеменников, но даже в худших случаях она все же оставалась той единственной частью нации, которая стояла на страже общенациональных интересов и в глазах массы была символом национального единства. “Нужно помнить, – писал Л.Штернберг, – что самый ненавистный родович-аристократ все же ближе инородцу, чем русский чиновник, ибо живет той же жизнью, что и он”⁷

В Хакасии, так же как в других национальных районах Сибири и национальных районах Поволжья, дореволюционная интеллигенция не испытала влияния марксизма и находилась под сильным влиянием эсеров. Это было обусловлено социальной структурой указанных районов: подавляющую массу коренного населения составляло крестьянство, которое и являлось социальной базой партии социал-революционеров. К тому же практически отсутствовали кадры национального пролетариата, были особенно сильны

традиции общинного землепользования и родовой взаимопомощи. Тем не менее, выполняя наказ официальной идеологии, советская историческая наука, вопреки очевидным фактам, обосновывала “закономерный” характер победы большевиков в восточных районах страны, где накануне революции не было ни одной социальной группы, способствующей утверждению их власти.

Круг интересов хакасской интеллигенции не ограничивался только национальными проблемами. В годы Февральской революции хакасы следили за ходом событий в центре страны и активно участвовали в общественно-политической жизни. На основе несогласия с существующими порядками происходило сближение хакасской интеллигенции с движением областников. Важными принципами областнической программы были защита прав аборигенов Сибири, культурное возрождение и самоопределение каждого народа. Руководители движения областников (Г.Н.Потанин, Н.М.Ядринцев) стремились к установлению контактов и сотрудничеству с национальными лидерами, разделявшими основные положения программы областников, в частности идею автономии Сибири⁸. Через представителей хакасской интеллигенции осуществлялась связь с лидерами национального движения Горного Алтая, Бурятии. Некоторые из них вошли в состав Национального совета, созданного при Сибоблсовете⁹. Участие в одних и тех же периодических изданиях также способствовало сотрудничеству областников и национальных лидеров. Члены уже упоминавшегося Национального комитета выразили неоднозначное отношение к Октябрьской революции и Советской власти. На III уездном съезде Советов, главным вопросом которого был вопрос о власти, они выступили за передачу власти в Минусинском уезде Учредительному собранию, а до его созыва – Объединенному комитету общественных организаций¹⁰.

В условиях гражданской войны и смены власти лидеры национального движения хакасов продолжали неуклонно следовать поставленным целям и задачам, заключавшимся в выделении хакасских волостей в самостоятельное административно-территориальное образование.

После восстановления Советской власти перед партийными и советскими органами встала задача привлечения на свою сторону старой интеллигенции. Часть хакасской интеллигенции была лояльно настроена к Советской власти, тем не менее отношение к этим людям со стороны специальных органов новой власти было подозрительным, осуществлялся жесткий контроль. Несмотря на их достижения в развитии науки и образования, они были обвинены в контрреволюционной деятельности и подверглись репрессиям уже в 20-е годы. Отдельные представители хакасской интеллигенции вступили в РСДРП(б) и стали активными проводниками Советской власти. Активно участвуя в советском строительстве, они в то же время стремились к созданию государственности хакасского народа, к возрождению и развитию его экономики и культуры¹¹.

Таким образом, немногочисленная национальная интеллигенция в первой четверти XX в. выступила инициатором и организатором общественно-политической жизни Хакасии. Она явилась консолидирующей силой хакасского этноса в решении таких важных вопросов, как создание национальной государственности и развитие культуры. В сложные периоды истории Хакасии национальная интеллигенция оставалась носителем лучших творческих способностей нации, выразительницей дум и настроений своего народа, защитницей прав и интересов хакасов.

Примечания

¹ См.: Красильников С.А., Соскин В.Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти (1917 – лето 1918 гг.). – Новосибирск, 1985; Осинский И.И. Формирование социалистической интеллигенции Советской Сибири. – Новосибирск, 1978. – С. 328–346.

² См.: *Интеллигенция: проблемы гуманизма, народа, власти*: Мат. к междунар. науч. конф. – Москва; Улан-Удэ, 1994.

³ См.: Артамонова Н.Я. Об изученности и некоторых задачах освещения истории интеллигенции Хакасии // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития: Сб. мат. республ. науч. конф. – Абакан, 1998. – С. 150–153.

⁴ См.: *Хакасский уезд: Материалы и протоколы административной губернской комиссии, представленные ВЦИКу*. – Красноярск, 1923. – С. 28.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАО), библиотека. Материалы IV тома Сибирской Советской энциклопедии. – С. 657, 658.

⁶ См.: *Гладышевский А.Н.* Из истории съездов хакасского народа // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития.

⁷ *Штернберг Л.Я.* Иногородцы // *Формы национального движения в современных государствах*. – Спб., 1920. – С. 553.

⁸ Подробнее см.: *Нам И.В.* О взаимоотношениях буржуазных националистов и областников в период Октября // *Вопросы истории Советской Сибири*. – Томск, 1986. – С. 38–41; *Она же.* Съезд национальных меньшинств в

Сибири (1917–1918 гг.) // Октябрь и гражданская война в Сибири: история, историография, источниковедение. – Томск, 1993 – С. 84–106; *Она же*. Культурно-национальная автономия и гражданское сообщество: опыт национальной политики областников // Гражданское общество и региональное развитие: Мат. науч.-практ. конф. – Томск, 1994. – С. 29–31; *Шиловский М.В.* Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х годов XIX в. – Новосибирск, 1989; *Мамышева Е.П.* Национальная политика сибирских областников (на материалах областнических съездов) // Вестн. Хакас. гос. ун-та. Сер. 3: История. Право. – Абакан, 1997. – Вып.3. – С. 40–42.

⁹ ГАНО, ф. 5, оп. 4, д. 732, л. 3.

¹⁰ Минусинский территориальный городской архив, ф. 4, оп. 1, д. 5, л. 320, 326.

¹¹ См.: *Патачаков К.М.* Г.И.Итыгин. К 100-летию со дня рождения // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. Сер. истор. – Абакан, 1974. – Вып. XIX, № 5. – С. 194–202.

З.Ю.Доржу
(г. Кызыл)

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

Политические процессы, происходившие в нашей стране на рубеже 89–90-х годов XX в., повлекли за собой сложную, противоречивую трансформацию социальной и политической системы общества, остро сказались на сфере межнациональных отношений. Формируется новая государственная региональная политика, основанная на принципах самоуправления регионов. При этом углубляются социально-экономические различия между регионами России, нарастают межрегиональные диспропорции, ход экономических реформ по регионам страны становится крайне неравномерным. Все это отражается главным образом на социальной сфере, важнейшим элементом которой являются этносы. Курс на регионализацию страны, на развитие местного самоуправления предопределяет новые аспекты этносоциального и политического развития народов России.

Республика Тыва – суверенное демократическое государство в составе Российской Федерации. В ней проживают представители более 90 национальностей. Большинство населения составляют тувинцы и русские. Доля коренных жителей – около 70%, русскоязычного населения – более 30%¹

В XX столетии существенно возросла численность населения Тувы: коренного – в 4 раза, русскоязычного – в 8 раз. Это было обусловлено внешними и внутренними факторами, способствующими консолидации тувинского этноса и сохранению целостности его государственности: тем, что с 1914 г. Тува находилась под протекторатом и покровительством России, осуществлением самоопределения и образованием в 1921 г. первого в истории тувинского народа самостоятельного государства – Тувинской Народной Республики, а затем, в 1944 г., ее добровольным вхождением в состав РСФСР и СССР.

Опираясь на братскую помощь и поддержку русского и других народов страны, тувинский народ в социалистический период добился крупных успехов в своем экономическом, культурном и социальном развитии. Была создана солидная база для развития промышленности и сельского хозяйства. Построены автодороги и линии электропередач. Развивались транспорт и связь, предприятия коммунального и бытового обслуживания. Выросли города и села с современной инфраструктурой. Расширилась сеть образовательных, культурных и научных учреждений, объектов здравоохранения, физкультуры и спорта, социальной сферы.

Процесс социально-экономических преобразований в республике сопровождался рядом трудностей и перегибов. Из-за ошибок в политике и серьезных нарушений законности в 30–50-е годы более тысячи граждан различных национальностей в Туве подверглись репрессиям, ущемлялись права и свободы людей, особенно верующих. Применялись насильственные меры по форсированию коллективизации и ограничению частной собственности. Проявлялось негативное отношение к национальным традициям и обычаям. Например, был запрещен Новый год по лунному календарю – Шагаа, и в то же время православная церковь, старообрядческая и баптистские общины в Туве продолжали действовать.

Имели место серьезные просчеты в подборе и расстановке руководящих кадров, социальная несправедливость по отношению к титульной нации Тувы. В частности, в числе руководящих кадров, как правило, было мало представителей коренной национальности. В детских садах, учебных заведениях и государственных учреждениях тувинский язык постепенно становился второстепенным. Недооценивалась роль национальной культуры и искусства.

Таким образом, накапливались серьезные проблемы как объективного, так и субъективного характера. Деформации в области экономики, политики и идеологии, неудовлетворенность условиями труда и быта породили неудовлетворенность в сфере национального самосознания и межнациональные противоречия.

Оценка сложившейся ситуации оказалась запоздалой, возникшие проблемы были решены лишь частично. К концу 80-х – началу 90-х годов это привело к усилению социальной напряженности в тувинском обществе, обострению межнациональных конфликтов, оживлению националистических, сепаратистских и шовинистских настроений. Традиционно доброжелательным, доверительным и уважительным отношениям народов был нанесен заметный ущерб.

Напряженность в межнациональных отношениях с наибольшей остротой проявилась в 1990–1991 гг. Поводом для конфликта стало чисто уголовное преступление, конфликт вылился в массовый митинг русскоязычного населения, проживающего в республике. Этот факт получил широкое освещение в прессе, появилось множество газетных выступлений антитувинской направленности. Только в 1990 г. в различных центральных изданиях, большинство из которых раньше о Туве никогда ничего не писали, было опубликовано более 30 статей. Достаточно привести названия лишь некоторых из них, чтобы согласиться с мнением Д.Л.Тинмеева о настоящей войне против Тувы, развернувшейся в средствах массовой информации: “Гроза над Саянами” (Правда. 1990. 5 авг.), “Беженцы из Тувы” (Красноярский рабочий. 1990. 7 июля), “В Туве бесчинствуют” (Советская Россия. 1990. 29 июля), “В Туве неспокойно” (Советский воин. 1990. 29 июля), “Обострилась обстановка в Туве” (Известия. 1990. 4 авг.), “Тува: русские – лишние люди” (Сибирская газета. 1990. 3 авг.), “Тува: русские уезжают (Собеседник. 1990. № 44)”² Такой шквал тенденциозных, искажающих тувинскую историю и действительность публикаций не мог не сформировать негативного отношения к Туве и тувинцам. Особенно муссировалась тема суверенизации Тувы.

Однако следует признать, что о суверенитете часто разглагольствовали националистически настроенные, некомпетентные в политике и не совсем порядочные люди. Совершенно очевидно, что сформировавшиеся национальные стереотипы не могли стать исходной точкой конфликтной ситуации. Тем не менее каждый из составляющих их элементов, каждая черта, приписываемая тем или иным народом другому, были использованы для того, чтобы возбудить предубеждение, основанное на национальном признаке. При этом сравнения приобрели полярный характер: “мы” хорошие – “они” плохие, “свои” – “чужие”. Взаимное недопонимание, вытекающее из религиозных, культурных, языковых, бытовых различий между русскими и тувинцами, привело к появлению национальных образов: “своего” – однозначно позитивного и “чужого” – резко негативного.

Исследование стереотипов, проведенное Г.Ф.Балакиной и З.В.Анайбан, показало, что, по мнению тувинцев, наиболее выраженная отрицательная черта русских – жадность. «Несомненно, – пишут эти авторы, – что русские с их стремлением запасти впрок, с их частым бездумным отношением к природе, подкрепленным идеологическим лозунгом “взять от природы все”, нарушали привычный для тувинцев уклад жизни, вызывали антагонизм, враждебность. Создание запасов противоречит традиционным представлениям тувинцев о жизни человека и его взаимодействии с природой. В древних буддийских канонах природа одушевлялась и обожествлялась, так что создание запасов означало посягательство на природу, присвоение человеком того, что ему не принадлежит»³. А вот мнение уже о тувинцах, сформированное в средствах массовой информации: “скотокрадство – древнее народное тувинское занятие”, “тувинцы не могут прокормить себя сами” и т.д.⁴ Таким образом, создается устойчивое, схематичное и эмоционально окрашенное негативное мнение одной нации о другой. При этом в ходе развития конфликта происходит осознание его участниками собственного национального статуса, который сопоставляется со статусом другой нации, оцениваются собственные национальные интересы. Выводы, которые та или иная нация делает в отношении другой, концентрируются на том, в какой мере собственная или другая нация имеет доступ к осуществлению властных функций, обладанию материальными благами и т.п. На этой основе формируется групповая национальная идеология, характеризующаяся агрессивностью и нетерпимостью, создается “образ врага” в лице другой нации. Стремление усилить ощущение, что собственная нация подвергается дискриминации, что ущемляется ее достоинство, заставляет искать в своей исторической памяти определенные стереотипы, связанные с противостоящей национальной общностью.

Всплеск преступности, отмеченный в Туве на рубеже 80–90-х годов, нарастание напряженности в межнациональных отношениях стали причиной тревоги и неуверенности в завтрашнем дне всего населения республики, независимо от национальности. Началась массовая миграция нетувинского населения из Тувы: в 1990 г. из республики уехало более 10 тыс. чел.

В Республике Тыва, как и в России в целом, переход к рыночным отношениям проходит тяжело и болезненно. В 1998 г. среднедушевой денежный доход был в 1,5 раза ниже, а средняя продолжительность жизни почти на 10 лет короче, чем по стране в целом. Естественный прирост населения на 1000 чел. по сравнению с 1990 г. сократился более чем в 5 раз. До 80% семей живут за чертой бедности, свыше 24 тыс. чел. являются безработными. Угрожающими темпами распространяются инфекционные заболевания⁵.

Но надо отдать должное правительству Тувы, которое проводит взвешенную политику, направленную на стабилизацию обстановки в республике. Прежде всего была принята программа борьбы с преступностью как одним из наиболее серьезных факторов, дестабилизирующих положение в обществе. Усилия государственных органов и всего многонационального народа Тувы были направлены на укрепление государственности республики, создание основ рыночной экономики, расширение внешнеэкономических связей с зарубежными странами, развитие культуры, языка, самобытных традиций и обрядов народов, возрождение религий.

От Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) к Республике Тыва перешел ее первый герб, поскольку в его содержании заключалось созидательное, жизнеутверждающее, гуманистическое начало. В государственных символах республики (гербе и флаге), как прежде, используются цвета голубой, белый и желтый (золотой). Голубой цвет символизирует чистое небо, возвышенность целей, взаимоуважение и согласие в обществе, белый – чистоту и благородство общественной морали, открытость и самостоятельность государственной политики, желтый (золотой) – богатство и справедливость государства. Желтый цвет также отражает исторически сложившиеся религиозные убеждения части населения Тувы⁶

Стабилизации межнациональных отношений в Республике Тыва способствовала реализация Федеративного Договора, участником которого она стала. В декабре 1993 г. вступила в силу новая российская Конституция, в которой был определен статус республик как государств. В возрождении духовности тувинского народа сыграло свою роль посещение Тувы в сентябре 1992 г. Его Святейшеством Далай-Ламой XIV. Между правительством, Верховным Советом Тувы и Его Святейшеством было подписано соглашение о подготовке тувинских священнослужителей в религиозных учебных заведениях Монголии и Индии, которое в настоящее время уже реализуется. В октябре 1993 г. принята новая Конституция Республики Тыва, подтвердившая статус тувинского языка как государственного и русского – как общефедерального. В том же 1993 г. Президентом России подписан указ “О неотложных мерах по стабилизации экономики и развитию социальной сферы Республики Тыва”, а в 1996 г. принято постановление правительства России “О неотложных мерах по государственной поддержке социально-экономического развития Республики Тыва на 1996–2000 годы”

Объективными показателями прочности любого государства являются гражданский мир и межнациональное согласие. Поэтому Президент и правительство Республики Тыва уделяют максимум внимания достижению и закреплению общественно-политической стабильности. Удалось снять остроту в межнациональных отношениях, перевести миграцию из разряда аномальных явлений в разряд естественных. В целях дальнейшего усиления общественно-политической стабильности 31 мая 1994 г. 64 общественными объединениями, партиями и движениями Тувы был подписан Договор об общественном согласии. Нам представляется, что именно это обстоятельство сыграло немаловажную роль в том, что в 1997 г. на альтернативной основе из семи кандидатов с большим преимуществом Ш.Д.Ооржак был вновь избран Президентом. В своем выступлении при подписании Договора Ш.Д.Ооржак подчеркнул, что “к договору об общественном согласии нас подвела сама жизнь. Общество должно основываться на многообразии форм собственности, многоцветной палитре мнений и убеждений, зачастую противоречивых. Но эти противоречия естественны, если разрешаются естественным путем и преследуют одну цель – созидание. Это и есть демократия. В ней нет места экстремистам, националистам, ловкачам, приспособившимся ловить рыбку в мутной воде...”⁷

Приоритеты и принципы в деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере межнациональных отношений определяются Концепцией государственной национальной политики Республики Тыва, принятой 22 апреля 1998 г. В ней отмечается, что “национальный вопрос не может занимать второстепенное место или быть предметом спекуляции в политической борьбе”⁸, а “национальная политика может стать консолидирующим фактором лишь в том случае, если она будет отражать все многообразие интересов наций и народов, иметь в своем арсенале четкие механизмы их согласования”⁹

Пример Тувы поучителен. Он говорит о том, что межнациональные отношения регулируемы, и если они регулируются постоянно, квалифицированно, они не приобретают антагонистического характера, преодолеваются мирным путем. Хотя известно, что безотказного средства для профилактики напряженности в межнациональных отношениях человечеству найти не удалось, накопленный опыт представляет большую ценность. Самое ценное обобщено в нормах международного права. В то же время важнейшим условием для преодоления конфликтов может быть прежде всего добрая воля конфликтующих сторон, понимание ими жизненных приоритетов.

Специфической особенностью этнополитической ситуации в Туве является то, что тувинский этнос, давший название республике, составляет большинство ее населения, хотя по российской и мировой классификации он относится к группе малочисленных народов. Отсюда его двойное положение. С одной стороны, тувинский народ, как преобладающий по численности, более внимательно и заботливо должен относиться к проблемам и судьбам других народов, проживающих в республике. С другой стороны, тувинцы как малочисленный народ и Тува как экономически самый депрессивный регион России имеют право на инициативу и заинтересованность в постановке и решении проблемы социально-экономического, культурного и языкового развития, духовного возрождения коренного населения.

Как подчеркивается в Концепции государственной национальной политики Республики Тыва, в настоящее время межнациональные отношения в республике носят стабильный характер. В условиях затянувшегося общего экономического и финансового кризиса люди различных национальностей проявляют сдержанность и терпимость, понимая сложившиеся трудности. Однако необходимо четко осознать, что такое положение не может продолжаться долго. Если не будут приняты кардинальные и неотложные меры по подъему экономики и улучшению жизненного уровня населения, это может стать причиной межнациональных противоречий, этнической конкуренции и противостояния.

Решение вопроса межнациональных отношений стало составной частью демократизации нашего общества. Заниматься им надо основательно – и в теории, и на практике. Ведь почти всегда вокруг национальной проблематики идет то явная, то скрытая борьба старого с новым, сторонников перемен с их противниками.

Примечания

¹ Тувинская правда. – 1998. – 21 мая.

² Тувинская правда. – 1998. – 14 мая.

³ Балакина П.Ф., Анайбан З.В. Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. – Новосибирск, 1995.

⁴ См.: Филимонов Д. Шаманы и политика // Известия. – 1998. – 11 марта; 12 марта; 13 марта.

⁵ Тувинская правда. – 1998. – 21 мая.

⁶ См.: Закон Республики Тыва “О государственных символах Республики Тыва” // Тувинск. правда. – 1997. – 14 янв.

⁷ Тувинская правда. – 1994. – 2 июня.

⁸ Концепция государственной национальной политики Республики Тыва // Тувинская правда. – 1998. – 21 мая.

КРАТКИЙ ОБЗОР НЕПУБЛИКУЕМЫХ ТЕЗИСОВ ДОКЛАДОВ

Некоторые участники ежегодного регионального (международного) семинара “Этносоциальные процессы в Сибири”, в 1998 г. проходившего в г.Кызыле (Республика Тыва), представили в оргкомитет семинара тезисы своих выступлений, но по тем или иным причинам не смогли в установленные сроки подготовить на их основе статьи для данного сборника. Полагая, что в тезисах содержится информация, интересная как для исследователей, так и для практиков управления, но не имея возможности опубликовать их все, оргкомитет семинара счел целесообразным сделать их краткий обзор, оставив за авторами право представить на основе этих (или других) тезисов статьи в последующие сборники материалов ежегодного семинара “Этносоциальные процессы в Сибири”

Ю.Н.Голубчиков (Московская обл.) в докладе *“Горы в жизни народов”* полемизирует со взглядами известного географа и антрополога Д.Н.Анучина и его последователей на природу антропогенеза и высказывает мнение, что в горных районах Азии происходило не становление человека как человекообразных обезьян, а наоборот, спасение человеческого рода от полной деградации, явившейся следствием того, что в силу “каких-то неизвестных причин... человеческий род когда-то впал в дикость и уподобился обезьянам” “Взаимопроникновение у горных барьеров потоков разнорасовых культур, разных народов, рас и языков выступало их объединяющим и синтезирующим началом”, – утверждает автор. И делает вывод: “Задача сохранения культур, геннопсихических особенностей, трудовых навыков, присущих разным народам, важна не только для гуманистического развития мира, но и с позиции того неизвестного, что может ждать человечество на его тернистом пути в свое грядущее. Неизбежно надвигающаяся из-за культа накопительства и все возрастающего потребительства социально-экологическая катастрофа может стать глобальной, если в ближайшие десятилетия не сохранятся этносы, не затянутые в орбиту западного мирового порядка. ...Время уяснить, что жизнь любого племени – уже культура, уже нечто положительное и рациональное и, может быть, уже родившийся прообраз цивилизации особого типа”

Т.Т.Тайсаев (г.Улан-Удэ) в докладе *“Геохимия ландшафта как фактор этногенеза”* придерживается, в отличие от Ю.Н.Голубчикова, классической точки зрения на процесс этногенеза и роль в нем горных ландшафтов. Этнос, отмечает автор, есть составная часть геохимического ландшафта – среды обитания. Он связан с ландшафтом потоками вещества, энергии и информации. А поскольку “геохимические ландшафты гор юга Сибири и севера Монголии возникли на месте областей активных неотектонических движений и Байкальского рифта, в пределах крупнейших металлогенических поясов и рудных провинций”, постольку они определили имеющееся здесь большое биологическое разнообразие и стали фактором формирования и развития многих цивилизаций – хунну, тюрков, монголов и др. Автор рассматривает влияние геохимии ландшафта на развитие металлургии, сельского хозяйства, на геохимию питания древних этносов Центральной Азии.

“Традиционное животноводство и этногенез” – тема доклада **В.А.Тайшина** (г.Улан-Удэ). Анализируя определенную роль кочевых животноводов в материальной и духовной жизни аборигенов Бурятии, Тувы, Якутии и отмечая, что его традиции к настоящему времени в значительной мере утрачены, автор обосновывает задачи современной стратегии преобразований в аграрном природопользовании национальных республик, в том числе Бурятии, на основе восстановления этих традиций. Ключевые из этих задач – сохранение генофонда аборигенных сельскохозяйственных животных, рациональное использование природных ресурсов путем применения традиционных технологий, создание для работников современных социально-бытовых условий как на временных, так и на постоянных животноводческих стоянках. Эти задачи практически решаются в экспериментально-базовых хозяйствах Бурятии – “Шулуута” Кижингинского и “Бархан” Мухоршибирского районов.

Проблему сочетания традиционного хозяйства и современного рынка в России рассматривает **Л.Д.Шимит** (г.Кызыл) в докладе *“Традиционное хозяйствование тувинского народа и развитие малого и среднего предпринимательства”* Автор приводит большое число статистических данных, характеризующих становление аратских и крестьянских хозяйств в Туве по состоянию на 1998 г. и экономические показатели их деятельности. На начало 1998 г. в Туве было 2023 фермерских хозяйства, в которых было занято около 19 тыс. чел. На долю этих хозяйств приходилось 6,5% сельхозугодий, 8,6% общего поголовья скота в республике. В конце 1991 г. таких хозяйств было 2730, т.е. за период 1991–1997 гг. по разным причинам распалось 1397 хозяйств. Но, несмотря на нестабильность положения в этой сфере, фермерские хозяйства в Туве начали приживаться.

Е.Н.Дрозжалкина и А.В.Михайлов (г.Красноярск) в докладе *“Национальные объединения и национальные общины в Средней Сибири: проблемы соотношений и взаимодействия”* высказывают мнение, что границы национальных объединений и общин: русско-старожильческих, кетских, эвенкийских, селькупских и др. – в Средней Сибири не совпадают, их трудно демаркировать. «Не выработаны критерии определения локальных групп, прежде всего этнических, – отмечают авторы., – ...Начало перестроечных “реформ” охарактеризовалось кратковременным всплеском национальных эмоций. Но эти эмоции не стали энергией созидательной. Созданные наспех этнические родовые, племенные, территориальные общины стали местом для обсуждения не хозяйственных, промысловых вопросов, но демагогических словопроений по вопросам политическим. Таким образом, развитие экономики традиционного содержания на новой формальной базе не состоялось». Авторы ставят проблему воспитания национального (этнического) самосознания локальных общностей – через образовательные учреждения и средства массовой информации. По их мнению, индивиды должны различать “свои” и “чужие” этнокультурные, физические, психологические характеристики, усваивать фольклорные и иные исторически значимые текстовые структуры с помощью воздействия образования и СМИ “на ментальные вербальные проявления, поскольку именно они имеют способность лежать в основе материальных движений как индивида, так и различных по объему групп”

А.П.Найкачина (г.Улан-Удэ) в докладе *“Эвенки Республики Бурятия: трансформация традиционной обрядности”* на основе конкретного этнографического анализа приходит к выводу, что, несмотря на межкультурные взаимодействия этносов, у эвенков сохранились некоторые элементы традиционной бытовой обрядности: брак остается экзогамным; сохранились обереги и запреты (*оде, нэлумэк*), связанные с беременностью и рождением ребенка; частично сохранился обычай хоронить умерших на столбах или деревьях. Автор делает вывод, что традиционная обрядность, трансформируясь, не должна исчезнуть, так как является важной составляющей этнической культуры.

Своеобразный этнопедагогический цикл составляют тезисы докладов тувинских авторов Г.Д.Сундуй, Е.В.Ослиной и Х.М.Саая.

Г.Д.Сундуй в докладе *“Этнопедагогика как социальная проблема”* исходит из посылки, что “в преддверии нового столетия народы Сибири вновь находятся в состоянии потрясения, связанного с резким изменением уклада жизни, стоят перед необходимостью заново осознать свой собственный смысл и уточнить свои глобальные цели” Когда экономические, социальные и педагогические проблемы в условиях кризиса переплелись между собой, народ обращается к своему историческому опыту в поисках верного выхода из тупика. “Народная педагогика, – отмечает автор, – строила свою воспитательную систему и на основе особенностей среды обитания” Этнопедагогика должна быть комплексной, полидисциплинарной. Она базируется на этнографическом, этноэкологическом, этнокультурном, этнопсихологическом материале. “Назрела необходимость создания научно-исследовательских центров, лабораторий при учебных заведениях с правом издания научной, популярной и методической литературы по этнопедагогике”

Особенностям методики преподавания русской литературы в национальном вузе посвящен доклад **Е.В.Ослиной** *“Русская литература в тувинском вузе”* По наблюдениям автора, “студенты-тувинцы обладают национально-специфичным восприятием художественной образности” Эта специфика заключается в ведущей роли фольклора, устного творчества в духовной культуре тувинцев. Национальная письменность в Туве официально появилась с 1 мая 1931 г., и письменно-литературная образность для тувинцев является относительно новой, хотя сама литературная образность основана на фольклорной. Поэтому фольклор является первым подступом, материаловедческой базой для исследования проблемы изучения и преподавания русской литературно-художественной образности. “Исходя из историко-культурных и национально-психологических особенностей тувинских учащихся, – отмечает Е.В.Ослина, – можно рекомендовать следующие приемы для преподавания русской литературы как в вузе, так и в школе: коллективное, групповое чтение вслух художественных произведений и отрывков из них; составление учащимися рассказов о прошлом, в том числе по воспоминаниям родителей и других старших родственников; пересказ прочитанного; пересказ услышанного; пересказ стихотворных текстов прозой; элементы словотворчества; импровизация рассказа на заданную тему” “Необходимо искать и находить совместно со студентами параллели с тувинской литературой и фольклором”, – делает вывод автор.

Х.М.Саая в докладе *“Проблемы преподавания физики в национальных школах Республики Тыва”* затрагивает важную проблему языка преподавания (тувинского или русского) в тувинских школах с учетом реального существования двуязычия в преподавании и восприятии физики тувинцами и отмечает необходимость создания русско-тувинских словарей физических терминов. Автор придерживается мнения,

что следует “восстановить преподавание физики на тувинском языке в 7–8-х классах национальных школ, организовать работу по написанию книг для внеклассного чтения по физике на тувинском языке... используя в качестве примеров и в задачах многие факты из жизни и быта тувинцев”

Д.М.Карачаков (г.Абакан) представил тезисы доклада по теме *“Некоторые аспекты формирования многонациональных трудовых коллективов в автономных республиках и областях Сибири (1961–1985 гг.)”*. На основе анализа статистических данных автор анализирует плюсы и минусы интенсивного хозяйственного освоения национальных районов Сибири в рассматриваемый период и его последствия для современных социальных процессов в среде аборигенов Сибири.

Т.В.Годовых, А.М.Павлоцкий, Э.П.Петренко, А.А.Трофимов (г.Анадырь) приводят статистические данные о заболеваемости и смертности у коренных народов Чукотки в докладе *“Оценка здоровья коренного населения Чукотки (1993–1997 гг.)”*. “С 1991 по 1997 г., – отмечают авторы, – численность коренного населения Чукотки практически не изменилась. Она постепенно возросла с 16,6 до 17,5 тыс. чел. и на 1998 г. составила 21,6% от всех жителей округа. ...По сравнению с 1991 г. естественный прирост коренного населения снизился в 2,5 раза, что в первую очередь связано со значительным ухудшением социально-экономических условий жизни... Катастрофически растет смертность коренного населения от алкоголизма. Если в 1991 г. она составляла 30,5 чел., то в 1995 г. – 260 чел. на 100 тыс. чел. населения” Дается анализ по видам первичной заболеваемости среди детей, подростков и взрослого населения в сравнении между коренными и пришлыми жителями, из которого следует, что у аборигенов Чукотки преобладают заболевания органов дыхания, травмы и отравления.

“Международно-правовое регулирование этнологических процессов” – тема доклада **Б.Я.Бляхмана** (г.Кемерово). Ссылаясь на международно-правовые акты: Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, Конвенцию № 169 Международной организации труда (МОТ) – и сравнивая положения этих актов с реальным состоянием социально-экономической и культурной жизни народов Севера России, автор делает вывод, что “когда речь идет о малых российских народах Севера, только ориентация на положения Конвенции № 169 МОТ может служить поддержкой самого их существования в меняющемся мире... Разработку особого законодательства по правам народов Севера следует вести... также с учетом в необходимой мере реального опыта зарубежных стран, сталкивающихся с аналогичными проблемами”

В.Г.Костюк

Приложение 2

ОСНОВНОЙ ЗАКОН (КОНСТИТУЦИЯ) ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ***Раздел первый****Введение**

В древние времена из среды отдельных человеческих групп и племен выдвигались наиболее способные и передовые личности, как руководители этих групп и племен, которые постепенно становились (превращались) самодержавными властителями (императорами и королями) малых и великих народов мира. Их господство держалось на рабском угнетении и эксплуатации сотен миллионов трудящихся масс отдельных стран.

За последние десятилетия быстрым темпом развивается революционное движение во всех странах мира, направленное против гнета и эксплуатации правящих классов. Во многих странах возникают конституционные монархии или буржуазно-демократические республики. Положение трудящихся масс остается по-прежнему: они продолжают эксплуатироваться буржуазией и помещиками. Конституционные монархии стремятся получить неограниченную власть в своих действиях, а президенты и министры буржуазно-демократических республик, преступно попирая права беднейших слоев населения, бережно охраняют интересы буржуазии и помещиков.

В результате всего этого трудящиеся массы отдельных стран мира постепенно убеждаются в том, что они добьются своего освобождения только решительной и самоотверженной борьбой с угнетающими их господствующими классами.

Наиболее героическим примером этой борьбы является Великая Октябрьская революция, освободившая рабочих и крестьян России от ига самодержавия и господства буржуазии и помещиков.

Великой победой трудящихся масс России были воодушевлены не только рабочие и крестьяне передовых капиталистических стран Запада, но и угнетенные народы Востока.

Тувинский народ, находившийся в течение ряда столетий под гнетом и эксплуатацией внешних и внутренних поработителей, в 1921 году, свергнув господство белогвардейских банд атамана Казанцева и поддерживавших его феодально-теократических элементов, создает власть трудового народа в лице Народного Правительства.

Четвертый Великий Хурулдан Тувинской Народной Республики во имя закрепления завоеваний национальной революции, укрепления существующего политического строя страны и сообразуясь с интересами широких слоев населения утверждает следующий Основной Закон Тувинской Народной Республики.

Утвержденный Основной Закон Республики должен быть опубликован центральными и местными органами власти и выставлен во всех государственных учреждениях.

Четвертый Великий Хурулдан Тувинской Народной Республики поручает правительству ввести в школах и воинских частях изучение основных положений настоящей Конституции, а равно их разъяснение и истолкование.

Верховная власть в стране принадлежит Великому Хурулдану Республики, а между его сессиями – Малому Хурулдану и правительству.

19 число первой луны (19 января) каждого года является днем общенационального торжества как дата образования Народного Правительства. Поэтому этот день должен отмечаться из года в год всеми государственными учреждениями и лицами, а также широкими трудящимися массами страны как день национального торжества и возрождения.

Раздел второй**Глава первая****Декларация прав трудящегося народа**

1. Отныне наша страна объявляется самостоятельной Тувинской Народной Республикой. Верховная власть народа осуществляется через Великий Хурулдан Республики и избираемое им Правительство.

2. Основная задача Тувинской Народной Республики сводится к укреплению основ республиканского порядка в стране при полной демократизации государственных аппаратов и всемерном вовлечении в него широких слоев трудящихся аратских масс.

3. Следуя высоким принципам народного строя и в целях его укрепления, Четвертый Великий Хурулдан Тувинской Народной Республики обнародует следующие основные начала:

а) вся земля и ее недра, леса, воды и их богатства Тувинской Народной Республики объявляются общенародным достоянием;

б) все долговые обязательства, совершенные до образования Народного Правительства, т.е. до 1921 года, аннулируются как кабально лежащие на народное хозяйство населения. Платежи по этим обязательствам категорически воспрещаются;

в) сосредоточивается в руках государства единая хозяйственная политика страны, а также по мере возможности вводится государственная монополия внешней торговли как орудие экономического закрепления существующего политического строя Республики;

г) в интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности реставрации властей внешних поработителей и внутренних эксплуататоров подтверждается вооружение трудящихся путем образования Народно-Революционной Армии;

д) в целях обеспечения за трудящимися свободы совести церковь отделяется от государства и религия объявляется частным делом каждого гражданина;

е) в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений Тувинская Народная Республика организует дело печати и предоставляет в руки трудового народа все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране;

ж) в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы собраний Тувинская Народная Республика, признавая права граждан Народной Республики свободно устраивать собрания, митинги и пр., предоставляет в распоряжение трудового народа помещения с надлежащим оборудованием и приспособлением;

з) в целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию Тувинская Народная Республика ставит своей задачей организацию для аратов полного, всестороннего и бесплатного образования;

и) в целях обеспечения за трудящимися свободы союзов и организаций Тувинская Народная Республика оказывает трудящимся массам всяческое содействие для объединения в различные общества и союзы;

к) руководствуясь интересами аратских масс страны, Тувинская Народная Республика лишает или ограничивает права отдельных лиц, если они свои права используют в ущерб основным принципам народного строя;

л) Тувинская Народная Республика, признавая равноправие за своими гражданами независимо от их национальности, религии и полов, стремится к воспитанию трудящихся масс страны в духе единства интересов трудящихся различных национальностей в борьбе с их общими врагами;

м) исходя из интересов трудящихся масс Тувинская Народная Республика в своей внешней политике стремится установить тесный контакт и дружественную связь со всеми малыми народами и правительствами восточных стран.

Глава вторая

Конструкция верховных органов власти

4. Верховная власть Тувинской Народной Республики принадлежит Великому Хурулдану Республики, а между его сессиями – Малому Хурулдану, а между сессиями Малого Хурулдана – его Президиуму и Правительству.

В ведение верховных органов власти Народной Республики входят:

а) представительство Республики в международных сношениях, ведение дипломатических сношений, заключение и ратификация политических договоров с другими государствами;

б) установление и изменение границы государства;

в) заключение внешних и внутренних займов, уплата по ним процентов и капитального долга, а также руководство внешней и внутренней торговлей страны;

г) организация плана народного хозяйства, транспортного и почтово-телеграфного дела Республики;

д) строительство и руководство военными силами Республики;

е) утверждение государственного бюджета Республики, установление налогов и доходов;

ж) установление общих мер в области охраны народного здоровья;

з) установление общих начал землепользования, а также установление границ хошунов и сомонов, установление правил пользования недрами, лесами и др. богатствами природы;

и) установление положения о народном образовании;

к) установление основ судостроительства, а также организация статистики.

5. Утверждение и изменение основных законов Республики подлежат исключительному ведению Великого Хурулдана Республики.

О Великом Хурулдане

6. Великий Хурулдан Республики составляется из представителей хошунов и сомонов, а также воинских частей, причем количество делегатов распределяется пропорционально населению избирательных округов и депутаты избираются сроком на один год.

П р и м е ч а н и е 1. В случае по каким-либо причинам хошунные съезды не состоятся, то посылаются представители от сомонов.

П р и м е ч а н и е 2. Порядок выборов в Великий Хурулдан происходит на основании положения о выборах в Великий Хурулдан.

7. Очередные сессии Великого Хурулдана созываются по решению Малого Хурулдана – один раз в год. Чрезвычайные сессии Великого Хурулдана могут созываться либо по почину Малого Хурулдана, или по требованию одной трети членов Великого Хурулдана, или по требованию избирателей от хошунов, насчитывающих одну треть населения Республики.

8. Великий Хурулдан избирает Малый Хурулдан, который всецело ответственен перед Великим Хурулданом Республики.

О Малом Хурулдане

9. Малый Хурулдан Республики издает законы, постановления и распоряжения, дает общее направление деятельности Правительства и наблюдает за проведением в жизнь основных законов Республики и постановлений сессий Великого Хурулдана.

10. Малый Хурулдан Республики собирается не менее двух раз в год. Чрезвычайные сессии Малого Хурулдана созываются по решению Президиума Малого Хурулдана, по предложению Правительства или по требованию одной трети членов Малого Хурулдана.

О Президиуме Малого Хурулдана

11. В круг деятельности Президиума Малого Хурулдана входят:

а) руководство заседаниями Малого Хурулдана;

б) распределение членов Малого Хурулдана по учреждениям и издает особое положение о их работе;

в) подготовка материалов для заседания Малого Хурулдана;

г) внесение проектов, декретов на рассмотрение пленума Малого Хурулдана;

д) наблюдение за исполнением постановлений Малого Хурулдана;

е) утверждение законов и постановлений, а также возвращает на исправление или приостанавливает решения Правительства;

ж) разрешение вопросов об амнистии;

з) назначение и смена отдельных министров;

и) разрешение конфликтов, возникающих между отдельными министерствами, а также рассмотрение жалоб граждан на неправильные действия администрации.

О Правительстве

12. Правительству принадлежит общее руководство деятельностью всех министров и общее управление делами Республики.

В состав Правительства входят председатель Правительства, заместитель председателя, министры внутренних и иностранных дел, финансов и юстиции.

13. Правительство в своей работе руководствуется основными законами Республики и решениями Великих и Малых Хурулданов.

Глава третья

О местном самоуправлении

14. Съезды местных самоуправлений (хошунов, сомонов, баков и десятидворок) образуются на основании положения (закона) о местном самоуправлении. Для текущей административно-хозяйственной работы съезды местных самоуправлений избирают из своей среды исполнительные органы местной власти (“нутугун закирога”), хошунные и сомонные управления, багские и десятидворные дарга (старост) сроком на один год.

15. Съезды местных самоуправлений и избираемые исполнительные органы руководствуются правами и обязанностями, изложенными в законе о местных самоуправлениях.

Глава четвертая

Об избирательных правах граждан

16. Правом избирать и быть избранными в Великие и Малые Хурулданы а также в местные самоуправления пользуются следующие категории граждан Республики обоего пола (мужчины и женщины), достигшие ко дню выборов 18-летнего возраста: а) добывающие средства существования своим трудом, а также лица, занятые своим трудовым хозяйством и б) цирики Народно-Революционной Армии.

17. Не избирают и не могут быть избраны:

- а) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными и умалишенными;
- б) ламы (духовенство), постоянно живущие при монастырях и
- в) лица, осужденные судом за корыстные и порочащие преступления.

18. Производство выборов, проверка и пр. имеет место на основании специального закона о выборах.

Глава пятая

О бюджетном праве

19. Государственные доходы и расходы Республики объединяются в общегосударственный бюджет, который утверждается Великим Хурулданом, в исключительных случаях – Малым Хурулданом.

20. Государственный бюджет представляется на утверждение соответствующих верховных органов Республики не позднее чем за один месяц до начала сметного периода.

21. Если государственная роспись к началу сметного года не будет утверждена, то Правительство до утверждения росписи пользуется кредитами по росписи предыдущего года, но не далее как в течение двух месяцев нового сметного года.

22. Ни один расход из государственных средств не может быть произведен без установления на него кредита государственной росписи или без издания особого закона. Кредиты расходуются по прямому их назначению в пределах твердо установленной сметы и сметного подразделения и не могут быть обращаемы на удовлетворение каких-либо других потребностей, если на это не последует особого разрешения Правительства.

23. Великий и Малый Хурулданы определяют, какие виды доходов и сборов поступают в общегосударственный бюджет и какие поступают на нужды местных самоуправлений.

24. Общегосударственные потребности удовлетворяются за счет общегосударственных средств. Местные органы власти могут облагать население на нужды своего района только по положению, определенному Правительством.

25. Местные органы власти составляют полугодовые и годовые сметы на местные нужды. Сметы сомонов утверждаются хошунными управлениями, сметы хошунных управлений – Министерством внутренних дел.

26. На расходы, не предусмотренные сметами, а также в случае недостаточности отпущенных дополнительные кредиты на общегосударственные нужды местные органы управления запрашивают у соответствующих министерств.

Глава шестая
О Государственной печати, гербе и флаге

27. Печати Великого Хурулдана, Правительства, министерств и других учреждений должны быть четырехугольной формы; в середине лицевой стороны печати вырезаются “Хорло”, а внутри “Хорло” – земной шар в лучах солнца, а вверху должны быть серп и грабли, окруженные венцом из колосьев; по обеим сторонам – название соответствующего учреждения.

28. Государственный герб состоит из указанного в п.27 изображения.

29. Государственный флаг должен быть красного цвета с государственным гербом в середине.

30. Сессии Великого и Малого Хурулданов созываются в Кызыле.

Настоящая Конституция утверждена в 5 ч. 43 м. вечера 24 числа 11 луны 6 года по Тувинскому летоисчислению (24 ноября 1926 года) на заседании четвертого Великого Хурулдана Тувинской Народной Республики.

Президиум Четвертого Великого Хурулдана Тувинской Народной Республики:

Дондук, Кимчегол, Нимажап, Манзай, Зандан, Толстоол, Содобоол, Добчин и Лопсон

Примечание

* В представленном доктором юридических наук А.В.Цихоцким тексте Основного Закона (Конституции) Тувинской Народной Республики сохранен первоначальный стиль документа.

Приложение 3

**ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ ЕЖЕГОДНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО СЕМИНАРА
“ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ”**

г. Кызыл (Республика Тыва), 15–17 сентября 1998 г.

Участники семинара, организованного Институтом философии и права Сибирского отделения Российской Академии наук и Тувинским государственным университетом при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Республики Тыва, рассмотрели актуальные проблемы экономического, социального, культурного и политического развития народов Сибири в современный период на основе экономических, философско-социологических, исторических, культурологических, демографических, политико-правовых исследований и обобщения практики социального управления этносоциальными процессами.

На семинар было заявлено 108 докладов, в его работе приняли участие свыше 200 человек из Кызыла, Москвы, Новосибирска, Красноярска, Абакана и других городов, а также из США и Монголии.

Участники семинара пришли к следующим выводам:

1. Социальные процессы у народов Сибири в современный период российских реформ характеризуются сложным переплетением противоречивых тенденций.

2. В демографическом аспекте снижение естественного прироста населения у народов Сибири из-за уменьшения рождаемости и роста смертности сочетается в ряде регионов с увеличением численности населения из-за миграционного притока переселенцев из других регионов России и стран СНГ. В целом проблема сохранения населения и трудовых ресурсов Сибири остается весьма актуальной. Снижается и качество населения из-за роста заболеваемости, алкоголизма и ухудшения общего здоровья.

3. В экономическом аспекте усиление экономической активности населения в условиях рынка, формирование новых рыночных структур и социально-профессиональных слоев, концентрация капитала у небольшой группы населения, интенсификация внешнеэкономических связей со странами ближнего и дальнего зарубежья сочетаются с преобладающей пока тенденцией деградации среды обитания и распада индустриальных, особенно высокотехнологичных, отраслей экономики и соответственно с изменением структуры занятых, ростом безработицы, ослаблением внутренних связей в экономике регионов, разрушением традиционных отраслей занятости народов Сибири, снижением уровня жизни основной массы населения.

4. В социальном аспекте возрастание открытости общества сочетается с усилением замкнутости отдельных социальных групп и индивидов, уменьшением возможностей общения из-за материальных затруднений, ростом латентной социальной напряженности и межнациональных трений. Хотя Сибирь в целом и ее регионы являются свободной от национальных конфликтов областью России, проблема гармонизации межнациональных отношений остается здесь актуальной. Главные причины напряженности межнациональных отношений коренятся в основных сферах жизни народов: экономике (отношения собственности), политике (представительство в органах государственной власти и самоуправления), культуре (функционирование языков, сознание, этнические стереотипы). Эти причины обостряются в периоды кризисов.

5. В культурном аспекте рост национального самосознания, активизация деятельности культурных обществ, разнообразие форм культурной самостоятельности, особенно в области традиционных культур, усиление внимания к духовным и культурным традициям народов, расширение сферы функционирования родных языков (в сферах образования, средствах массовой информации и т.д.) сочетаются с проявлениями сепаратистских и националистических настроений, национального нигилизма, бездуховности, асоциального поведения.

6. В политическом аспекте становление российского федерализма с декларированным усилением роли субъектов Федерации, включая национально-государственные образования, сочетается с неразработанностью правовой базы национальной государственности и самоуправления в условиях нового федерализма, независимостью политической системы в национальных автономиях Сибири (как и России в целом), отсутствием должной политической культуры во взаимоотношениях Центр – регионы, власть – политические партии и движения – народ – граждане. Усиливаются центробежные тенденции в сибирских регионах.

Участники семинара рекомендуют:**1. Федеральным органам власти:**

1) разработать и утвердить концепцию и программу государственной национальной политики в Сибири исходя из геополитического положения региона и с учетом специфики народов Сибири в хозяйственной, культурной, политической жизни;

2) разработать и принять базисные законы, обеспечивающие устойчивое развитие народов Сибири в составе Российской Федерации:

- о собственности на землю (пахотные, пастбищные, промысловые угодья);
- об учете интересов народов Сибири в процессах реформирования собственности;
- о соотношении отчислений в федеральный и местный бюджеты от недропользования в Сибири;
- о государственных гарантиях обеспечения Севера Сибири топливом и продовольствием;
- о реализации прав малочисленных народов в органах государственной власти и местного самоуправления;
- о государственных гарантиях развития языков и культур коренных малочисленных народов;

3) создать Ассоциацию северных регионов Сибири для координации социально-экономической и культурной политики в районах Севера;

4) проводить дифференцированную ценовую и тарифную политику в районах Сибири с целью развития промышленного и сельскохозяйственного производства на основе государственного регулирования экономики и протекционизма;

5) ограничить завоз в национальные районы Сибири алкогольных напитков, пресечь наркобизнес.

2. Местным (региональным) органам власти и самоуправления:

1) разработать комплексные долгосрочные программы национальной политики для своих территорий;

2) принять законодательные акты, обеспечивающие экономически безопасное производство и жизнедеятельность этносов Сибири, их свободное и равновесное развитие в составе российской цивилизации на основе традиционных культур и межкультурного взаимодействия;

3) не допускать на своих территориях проведения таких реформ экономики, политической системы, культуры, образования, которые снижают уровень и качество жизни населения, ведут к деградации его культуры, росту межэтнической напряженности; добиваться права на адаптацию федеральных законодательных актов и решений федеральных властей с учетом интересов населения своих территорий;

4) содействовать инициативам населения в развитии традиционного хозяйства, традиционных культур;

5) развивать местное самоуправление народов на основе общинно-поселенческого (в полиэтнических поселениях) и этнотерриториального (в моноэтнических) типов самоуправления;

6) создать систему непрерывного экологического образования населения; проводить экологически безопасную экономическую политику на своих территориях;

7) обеспечить издание учебной и художественной литературы на языках аборигенов Сибири; увеличить выпуск произведений классиков – русских, зарубежных, тувинских, хакаских, алтайских, других народов Сибири;

8) в системе общего и специального образования расширять преподавание этнопедагогики, этнопсихологии, народной медицины, этнической хозяйственной и духовной культуры народов Сибири на основе сопоставления общего и особенного в различных культурах и цивилизациях, что будет содействовать гармонизации межэтнических отношений и росту самосознания этносов; открыть кафедры традиционной культуры при Тувинском, Хакаском и других университетах;

9) расширить подготовку специалистов из числа аборигенов Сибири по экологии, культурологии, экономике, социальному управлению, технологии ведения традиционных отраслей экономики;

10) осуществить меры по снижению уровня алкоголизации и наркотизации молодежи, ее психологической поддержке в условиях безработицы, адаптации к труду в традиционных отраслях;

11) исходить в своей экономической, социальной и культурной политике из интересов и потребностей этносов, опираясь на научный анализ и содействуя проведению этносоциальных исследований на своих территориях.

3. Исследователям этносоциальных процессов:

1) интенсифицировать сравнительные комплексные исследования, особенно по таким актуальным для практики социального управления проблемам, как

– оптимальное сочетание традиционных и индустриальных отраслей в районах проживания коренных народов Сибири;

– охрана окружающей среды;

– мониторинг природно-социальной среды;

– оптимальное сочетание форм собственности в национальных районах Сибири;

– функционирование и развитие языков народов Сибири в современных условиях;

– традиции и инновации в национальных культурах; диалог культур народов России;

– взаимодействие цивилизаций и роль народов Сибири в мировой цивилизации;

– оптимальная система государственности и самоуправления у народов Сибири в современный период;

– становление политических партий и движений, развитие политических систем, политической культуры;

– общее и профессиональное образование, в том числе на национальных языках;

– причины межнациональных трений и условия гармонизации отношений между народами Сибири;

2) координировать исследовательские программы и их результаты, в том числе в рамках ежегодного семинара и его периодического издания – тематического сборника “Этносоциальные процессы в Сибири”;

3) включиться в реализацию разработанной сектором этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН программы сравнительных комплексных этносоциальных исследований “Проблемы развития этносов Сибири в условиях российских реформ на рубеже XXI века”.

Руководитель семинара *Ю.В.Попков*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ПРИВЕТСТВИЕ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ТЫВА Ш.Д.ООРЖАКА	4

Раздел 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	5
<i>Бобров В.В. (Новосибирск)</i> . Всеобщее, единичное и особенное в этносоциальном развитии	–
<i>Попков Ю.В. (Новосибирск)</i> . Интернационализация и национальный вопрос	10
<i>Тюгашев Е.А. (Новосибирск)</i> . Национальный вопрос в эпоху глобальных проблем: дискурс деконструкции	15
<i>Ларченко С. Г. (Новосибирск)</i> . Региональные детерминации исторического развития культур	19
<i>Кузьмин В.А. (Красноярск)</i> . Проблемы межкультурных взаимодействий	24
<i>Ерохина Е.А. (Новосибирск)</i> . К изучению межнациональных взаимодействий: исследовательские подходы	27
<i>Захарова Е.В. (Новосибирск)</i> . Методологические проблемы эмпирических исследований этнической идентичности	31
<i>Хурума Ю.К. (Кызыл)</i> . Информационный аспект этносоциальных исследований в Туве	35
<i>Четырова Л.Б. (Самара)</i> . Труд и культура	38

Раздел 2

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ СИБИРИ	42
<i>Куриков В.М. (Ханты-Мансийск)</i> . Социально-экономические и культурные основы развития коренных малочисленных народов Севера	–
<i>Арсентьева Н.М., Соболева С.В. (Новосибирск)</i> . Социально-экономические аспекты формирования малочисленных этнических групп.	50
<i>Калугина З.И., Клапцова А.В. (Новосибирск)</i> . Адаптация этнических групп к изменяющимся социально-экономическим условиям	57
<i>Плюснин Ю.М. (Новосибирск)</i> . Многообразие простоты: системы жизнеобеспечения сельского населения России в период кризиса общественной жизни	63
<i>Тугужеева В.Н. (Абакан)</i> . Хакасский этнос на пороге XXI века	69
<i>Цыдыпова Б.Д. (Улан-Удэ)</i> . Проблемы занятости и безработицы коренного населения Бурятии в условиях рыночной экономики	71
<i>Апайбаи З.В. (Кызыл)</i> . Молодежь Тувы и проблема безработицы	74
<i>Колмаков Г.В. (Кызыл)</i> . Проблемы социального развития Республики Тыва в период реформирования	78
<i>Зотова О.Х. (Кызыл)</i> . Неорганизованный рынок Республики Тыва	79
<i>Уварова В.В. (Кызыл)</i> . Инвестиционные процессы в Республике Тыва	80
<i>Манзанова Г.В. (Улан-Удэ)</i> . Проблемы развития новых форм хозяйствования в аграрной сфере Республики Бурятия с позиций интересов национальных групп	81
<i>Логинова Л.В., Матвеев А.М. (Красноярск)</i> . Создание Фонда будущих поколений – одно из направлений обеспечения устойчивого развития народов Севера	88
<i>Аблазев А.М. (Новосибирск)</i> . Регулирование принципов нефте- и газодобычи в Арктическом регионе: зарубежный опыт	92
<i>Хайруллина Н.Г. (Тюмень)</i> . Динамика этносоциальных процессов на Тюменском Севере	97
<i>Корнильцева Е.Г., Лысенко В.В. (Сургут)</i> . Актуальные проблемы национально-смешанных поселений Обского Севера	101
<i>Тотышев С.М. (Абакан)</i> . К проблеме образования некоторых тюркских народов Южной Сибири	105
<i>Андреев Ч.Г. (Улан-Удэ)</i> . Взаимодействие русских и бурят: история и современность	110
<i>Харамзин Т.Г. (Ханты-Мансийск)</i> . Проблемы межнациональных отношений в Ханты-Мансийском АО	113
<i>Троицкая Т. А., Кухтуева Г. Б. (Горно-Алтайск)</i> . Межнациональные отношения в Республике Алтай: состояние и тенденции	116
<i>Майничева А.Ю. (Новосибирск)</i> . Проблемы контактов и эволюционных процессов в культуре строительства населения Приобья: традиции и инновации	117

Саая С.В. (Кызыл). Развитие внешнеэкономических связей между Тувой и Советским Союзом в 1920 - 1930 гг.	123
Маршалл Д. (Аляска, США). Политическая экономия Северной Аляски	127

Раздел 3

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ	132
Кривоногов В.П. (Красноярск). К проблеме выживания сибирских этносов	–
Удалова И.В. (Новосибирск). Метисы национально-смешанных поселений Ханты-Мансийского автономного округа	135
Гончарова Г.С. (Новосибирск). Этнически смешанные семьи и межнациональные браки в некоторых автономиях Сибири	139
Беляев В.Н., Литвинова А.А. (Екатеринбург). Проблемы экологии и сохранения этносов у коренных малочисленных народов Севера	145
Андрейчик М.Ф. (Кызыл). Формирование экологической культуры и экологическое образование населения Республики Тыва	149
Базарова А.Г. (Улан-Удэ). Состояние здоровья как интегральный показатель уровня и качества жизни эвенкийского населения Республики Бурятия	154
Мангатаева Д.Д. (Улан-Удэ). Трансформация демографического поведения коренного населения Бурятии	156
Беженцев А.Н., Вахрунова А.В. (Улан-Удэ). Система геоинформационной оценки этнического природопользования	159
Логинов В.Г., Логинов С.В. (Екатеринбург). Этноприродный парк как новая форма особо охраняемой территории	163
Хакназаров С.Х. (Ханты-Мансийск). Сохранение окружающей среды и коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского АО: возможности применения зарубежного опыта	167
Соул С. (Аляска, США). Замыкая круг. Как коренное население Аляски борется с социальными проблемами и алкоголизмом	169
Селивестров Ю.П. (г. Санкт-Петербург). Устойчивое развитие и экологическая безопасность Тувы	175
Голубчиков Ю.Н. (г. Санкт-Петербург). Республика Тыва в поисках модели устойчивого развития	177

Раздел 4

ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ	178
Абаев Н.В., Савинова М.А. (Улан-Удэ). Деятельность нетрадиционных конфессий в условиях буддийского и православного ареала Бурятии	–
Робин Р.В. (Волденский университет, США). Деятельность иностранных миссионерств на территории Республики Тыва: уроки прошлого и рекомендации на будущее	183
Фурсова Е.Ф. (Новосибирск). Брачные нормы русских крестьян Западной Сибири и современные проблемы	187
Голубкова О.В. (Новосибирск). Женские образы в русском народном христианстве: этнопсихологический аспект	191
Быструшкин С.К., Керимшеева О.А. (Новосибирск). Возрождение этносоциальных традиций в процессе воспитания учащихся	194
Донгак В.С. (Кызыл). О состоянии и некоторых проблемах образования в Республике Тыва	196
Балакина Г.Ф. (Кызыл). Динамика социокультурных процессов в Республике Тыва в трансформационный период	200
Дыртык-оол А.С. (Кызыл). Этнографические материалы в фондах Тувинского национального музея им. Алдан-Маадыра	202
Бавуу-Сюрюн М.В. (Кызыл). Влияние русского языка на образование современных тувинских фамилий и имен	204
Анжиганова Л.В. (Абакан). Хакасская молодежь: представления о себе и мире (по материалам социологического исследования)	205
Любимцева О.Ю. (Абакан). Проблемы формирования кадров в области культуры в Хакасии в послевоенное двадцатилетие	209

ПРОБЛЕМЫ ПРАВА, ПОЛИТИКИ И УПРАВЛЕНИЯ	214
<i>Черненко А.К. (Новосибирск). Правовое регулирование этносоциальных процессов: теоретический аспект</i>	–
<i>Фельдман В.Р. (Кызыл). Политическая система современной России: проблемы становления и эффективности функционирования</i>	219
<i>Олех Л.Г. (Новосибирск). Трансформация российского федерализма в контексте переходности</i>	222
<i>Ефимкин М.М. (Новосибирск). Региональные проблемы на востоке России: геополитический и социально-демографический аспекты</i>	226
<i>Бендерский Ю.Г. (Красноярск). Проблемы учета интересов коренного населения в программах регионального развития</i>	231
<i>Цихоцкий А.В. (Новосибирск). Тувинская государственность: истоки и конституционное оформление</i>	233
<i>Мархинин В.В. (Сургут). Политическое сознание и межэтнические отношения (из опыта формирования системы местного самоуправления в национально-смешанных поселениях Ханты-Мансийского АО)</i>	236
<i>Нечипоренко О. В. Октябрьская И. В. (Новосибирск). Современные этнополитические процессы в республике Алтай: элита и электорат</i>	241
<i>Мамышева Е.П. (Абакан). Роль национальной интеллигенции в общественно-политической жизни Хакасии (конец XIX – середина 20-х годов XX в.)</i>	246
<i>Доржу З.Ю. (Кызыл). Этнополитическая ситуация в Республике Тыва</i>	249
ПРИЛОЖЕНИЯ	253
<i>Приложение 1. Краткий обзор непубликуемых тезисов докладов (Костюк В.Г.)</i>	–
<i>Приложение 2. Основной закон (Конституция) Тувинской Народной Республики</i>	256
<i>Приложение 3. Выводы и рекомендации ежегодного международного семинара “Этносоциальные процессы в Сибири”</i>	261

Тематический план выпуска
изданий СО РАН на 1999 год, № 231

Научное издание

**ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ**

Тематический сборник
Выпуск 3

Ответственный редактор
Ю. В. Попков

Редактор
Е. Б. Артемова

Оператор электронной верстки
А. В. Кузнецова

ЛР № 020909 от 01.09.99

Подписано в печать 21.02.2000

Офсетная печать.

Тираж 500 экз.

Формат 60x84 $\frac{1}{8}$

Гарнитура Таймс.

Заказ 328

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 31.

Уч.-изд. л. 34,2.

Издательство Сибирского отделения РАН.
630090 Новосибирск, 90, Морской пр. 2.